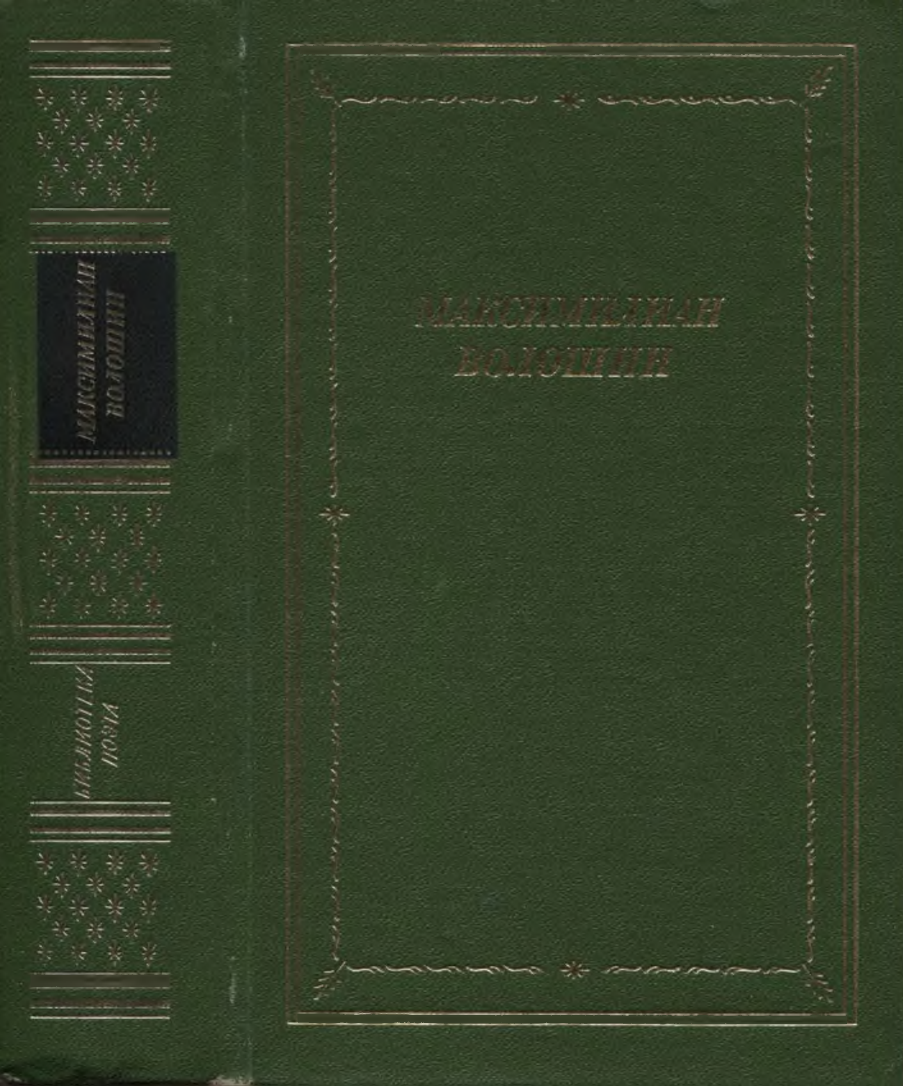
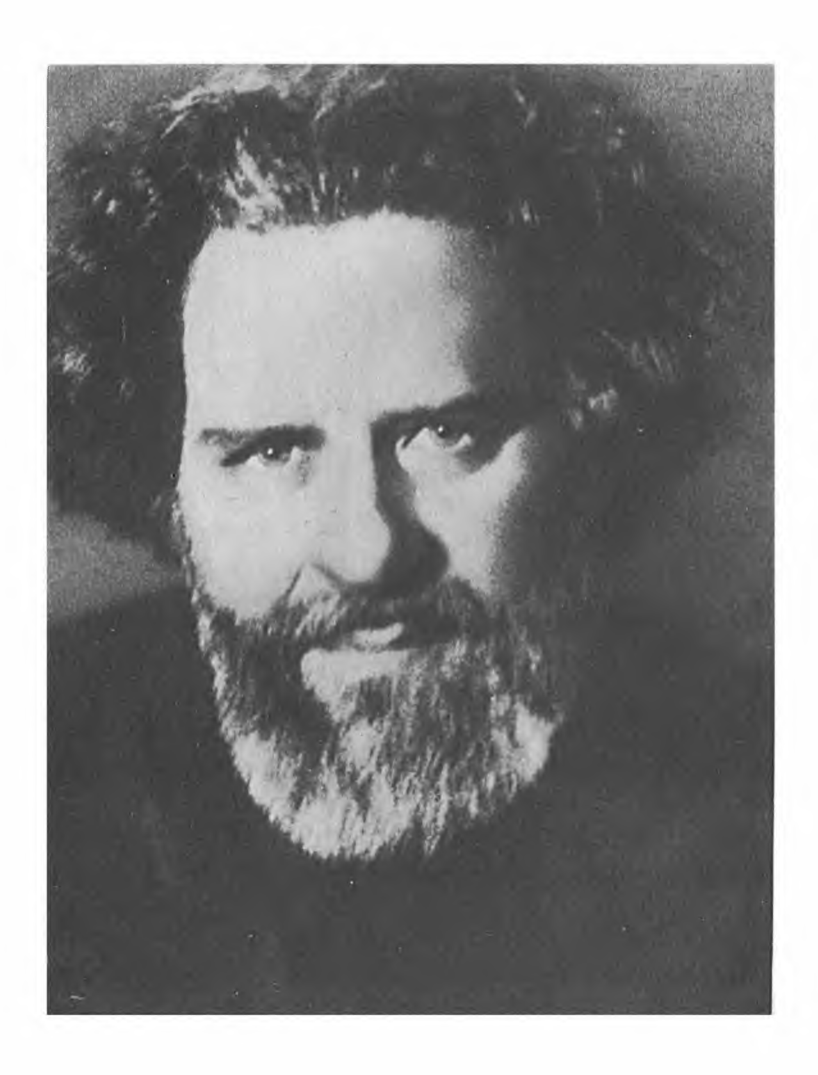

МАКСИМИЛИАН
ВОЛОШИН
МАКСИМИЛИАН
ВОЛОШИН
БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

МАКСИМИЛИАН
ВОЛОШИН

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

✲

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

Санкт-Петербург
„НАУКА”

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1995

ББК 84. Р1
В 61

Вступительная статья
А. В. ЛАВРОВА
Составление и подготовка текста
В. П. КУПЧЕНКО и А. В. ЛАВРОВА
Примечания В. П. КУПЧЕНКО

Редактор Л. С. Гейро

В $\frac{4702010202-003}{083(02)-95}$ Без объявл.

ISBN 5-265-02809-9
ISBN 5-02-028282-0 («Наука»)

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

В конце 1918 года Волошин отправился в лекционное турне по Крыму. К этому событию была приурочена небольшая заметка «Максимилиан Волошин», появившаяся 15 ноября 1918 года в газете «Ялтинский голос» за подписью Сергея Маковского (в прошлом — редактора журнала «Аполлон», давнего волошинского знакомого) и преследовавшая главным образом рекламные цели. Текст ее подготовил сам Волошин: в его архиве сохранился черновой набросок, местами дословно совпадающий с заметкой из «Ялтинского голоса». Волошинская рукопись — равно как и ее опубликованная редакция — начинается с такого пассажа:

«Максимилиан Волошин. Если вы произнесете это имя перед любым „добрым буржуа", он воскликнет радостно:

— А, Макс Волошин! Тот, который живет в Коктебеле, ходит без штанов, носит хитон и венок на голове...

Но другой, более осведомленный, перебьет его:

— Позвольте, это ведь, кажется, он разрезал картину Репина, или нет — он читал лекцию об ней, и сам Репин плакал. И потом он еще дрался на дуэли...

— Простите, но мне кажется, что Макс Волошин был посажен в сумасшедший дом и помер. Я сам читал его некролог в какой-то киевской газете. Там еще было написано: „к сожалению, покойник слишком любил парадоксы"... А говорят, талантливый человек был.

— Да это не тот Макс Волошин. То умер киевский журналист — псевдоним „Волошин". Их часто смешивали.

— А я знал еще одного Макса Волошина — оккультиста из Парижа...

Одним словом, через несколько минут у вас закружится голова и начнет казаться, что Максов Волошиных было много и вообще это только одно наваждение»[1].

---

[1] ПД. Ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1. Л. 25. Список условных сокращений см. на с. 559.

Вполне естественно для каталога ходячих мнений, что сообщения совершенно фантастические (например, о «сумасшедшем доме») здесь соседствуют с искаженно перетолкованной молвой («репинская история») и с вполне достоверными: действительно, Волошина не раз путали с киевским поэтом и журналистом М. Волошиным (псевдоним Михаила Евсеевича Цуккермана), умершим в 1915 году[1]. Однако показательно, что легенды и курьезно поданные факты, составляющие иронический автошарж, менее всего касаются облика Волошина как поэта или художника. И дело здесь не только в имитации голосов «добрых буржуа». Метод воссоздания целостного «лика» творческой личности из разрозненных, нередко взаимно противоречащих, уводящих в разные стороны фактов, деталей и впечатлений нравился Волошину: с его помощью он обрисовал, например, литературный портрет И. Ф. Анненского как совокупность многих «Анненских», изначально отложившихся в его сознании, — поэта-модерниста, переводчика Еврипида, автора научных статей и т. д.[2]. Единый образ Анненского складывался для Волошина все же преимущественно из литературных компонентов; начиная же разговор о самом себе, он предпочел оттолкнуться от пересудов, лишь по касательной затрагивавших его творческую деятельность. В этом приоритете собственно «жизненных» аспектов (пусть даже и отражающихся в кривом зеркале) сказывалось не только желание Волошина по-своему отозваться на тот резонанс, который вызывало его имя: действительно, творчество Волошина было известно тогда немногим, а экстравагантный житель Коктебеля вызывал любопытство многих, — но и следование общим принципам и критериям, которыми руководствовался «жизнетворческий» символизм. Для писателей символистской школы именно личность художника была и главной предпосылкой, и целью творческого акта, жизненный путь осмыслялся как форма идейно-эстетического самоосуществления, а конкретные жизненные события и внутренние переживания перетекали в художественные формы зачастую без каких-либо посредствующих звеньев, служили обязательным и порой едва ли не единственным подручным материалом для мифопоэтических построений.

С полной определенностью эту родовую примету литературного сообщества в свое время обозначил В. Ходасевич: «Символисты

---

1 См.: Купченко В. П. О некоторых проблемах изучения жизни и творчества М. А. Волошина//Волошинские чтения. Сб. научн. трудов. М., 1981. С. 106.

2 См.: Волошин Максимилиан. Лики творчества. Л., 1988. С. 520—522; Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 70. (Рассказ М. А. Волошина об И. Ф. Анненском).

не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. Символизм не хотел быть только литературным течением. Все время он порывался стать жизненно-творческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла, в сущности, вся его история»[1]. Если исходить из этих суждений, то Волошин предстает как последовательный и характернейший символист по самой сути своего творческого мироощущения и самовыражения. Его поэзия была насквозь пронизана личным биографическим опытом; эмоции, окрашивающие ее, и рефлексии, наполняющие ее, не отчуждались от творца, не претендовали на суверенное эстетическое бытие, но — при всем их тщательно выпестованном формальном совершенстве — оставались прежде всего опознавательными знаками авторского «я». Примечательно в этом отношении, что у Волошина практически отсутствовал личный творческий интерес к вымышленному материалу, к выстраиванию самостоятельных сюжетных коллизий: тематическая основа его стихов — либо собственные переживания, наблюдения и впечатления, либо литературные и художественные мотивы и реминисценции, преломленные в сугубо индивидуальном восприятии, либо аналогичным образом усвоенная совокупность исторических реалий или мифологическая метареальность, либо тексты, претендующие на документальную подлинность и фактическую достоверность (как, например, первоисточники его поэм «Протопоп Аввакум» или «Святой Серафим»). Примечательно также, что самое значительное и безусловное создание Волошина, дающее наиболее цельное и законченное представление о нем как о творческой личности, — это не та или иная из его поэтических книг, пейзажных акварелей или критических статей, не какой-либо из многочисленных плодов его «рукотворной» деятельности, а детище «нерукотворное», исполненное не узко поэтического и не узко живописного, а синтетического «жизнетворческого» пафоса и смысла, — волошинский Коктебель, средоточие его мысли, чувства и воли, своего рода материализация, зримый отблеск его творящего и самосознающего духа.

Еще в середине 1920-х годов Е. Ланн с уверенностью писал о Волошине: «Время смыло с него этикетку „символист"»[2]. Не раз и не два позднее предпринимались попытки противопоставить Волошина символизму, показать случайность и непрочность его союза с символистами. Порой эти попытки были продиктованы по-своему извинительным для недавнего времени стремлением — «освободить» Волошина от «компрометирующих» литературных связей, подчеркнуть его «особую» позицию по отношению к ре-

---

[1] Ходасевич В. Ф. Некрополь. Воспоминания. Bruxelles, [1939]. С. 8.

[2] Ланн Евгений. Писательская судьба Максимилиана Волошина. М., 1927. С. 21.

лигиозно-мистическому сообществу и тем самым сделать его имя менее одиозным применительно к не терпящим теоретического инакомыслия лучезарным догматам соцреалистической эстетики. Однако сам Волошин в одном из вариантов автобиографии, составлявшемся в 1920-е годы, вполне недвусмысленно подчеркнул свою причастность к символизму, вспоминая о поре духовного становления: «Доживался последний год постылого XIX века: 1900 год был годом «Трех разговоров» Владимира Соловьева и его «письма о конце Всемирной Истории», годом Боксерского восстания в Китае, годом, когда явственно стали прорастать побеги новой культурной эпохи, когда в разных концах России несколько русских мальчиков, ставших потом поэтами и носителями ее духа, явственно и конкретно переживали сдвиг времен. То же, что Блок в Шахматовских болотах, а Белый у стен Новодевичьего монастыря, я по-своему переживал в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов»[1].

Этими словами Волошин не только точно обозначает свою духовную и литературную генеалогию, ими он дает ключ к собственной личности — сложной, многосоставной и в то же время исключительно цельной. Знаменательно, что свои первоначальные творческие импульсы Волошин обретает в тех же переживаниях «рубежа веков», ставшего и рубежом в эстетическом сознании, которые объединяли представителей русского символизма «второй волны», сформировавшихся под знаком жизнетворческого идеализма. Характерна и специфически символистская трактовка Волошиным тех оснований, на которых зиждется литературная общность: критерием служат не эстетические предпочтения, не программные декларации и «школьные» установки, а созвучия в мироощущении, устремления духовного поиска. В то же время Волошин — поэт, художник, критик, мыслитель — прошел свой, совершенно особый путь, который невозможно свести ни к одной четко сформулированной доктрине. Будучи символистом-«жизнетворцем» в основе своей личности, явив во многих своих стихах вполне законченные, хрестоматийные образцы, дающие представление о символистской поэтической культуре, Волошин при этом не был человеком «школы», бойцом за интересы корпорации; по отношению к символистскому движению он занимал достаточно оригинальную позицию — внутри и вблизи одновременно. Эти оговорки, впрочем, характеризуют лишь манеру литературного поведения поэта, вполне осознанно им принятую, но не затрагивают существа его натуры, которая являет собой многосоставный и на редкость цельный, органический сплав, образуемый символическими — и символистскими! — соответствиями между жизненной органикой и творческими дерзаниями, оккультным прозрением и научным познанием, религиозной верой и историческим опытом, философией и эстетикой, живописью и поэзией.

---

[1] ПД. Ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1. Л. 22 об.—23.

1

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин (Максимилиан Волошин — его литературное имя, поначалу он часто подписывал свои произведения также: Макс Волошин) родился в Киеве 16 (по новому стилю — 28) мая 1877 года. Отец, Александр Максимович Кириенко-Волошин, юрист, член киевской палаты уголовного и гражданского суда, потомок запорожских казаков, умер, когда будущему поэту не исполнилось еще пяти лет. Все заботы по воспитанию сына взяла на себя мать. Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (урожденная Глазер; 1850—1923) происходила из обрусевших немцев (прапрадед Волошина, лейб-медик Зоммер, приехал в Россию при Анне Иоанновне); возможно, немецкие корни проявились в первоначальных литературных интересах Волошина: поэты, которыми он увлекался в отрочестве и юности и которых тогда же переводил на русский язык, — это Г. Гейне, Н. Ленау, Л. Уланд, Ф. Фрейлиграт[1].

Раннее детство Волошина прошло на юге России (Киев, Таганрог, Севастополь). В 1882 году Елена Оттобальдовна с сыном обосновалась в Москве, там они прожили более десяти лет. В 1893 году Елена Оттобальдовна, по предложению ее близкого друга П. П. фон Теша, приняла решение переселиться в восточный Крым — Киммерию греческих мифов, — под Феодосию, в Коктебель, который был тогда еще неприметной деревушкой, заселенной в основном болгарами. В 1880-е годы Коктебель стал формироваться как курорт интеллигенции; земельные участки распродавались дачникам за умеренную цену, жизнь была неприхотливой и недорогой, что вполне устраивало мать Волошина, обладавшую весьма скромным достатком. В Коктебеле и в Феодосии (где он учился в гимназии) Волошин прожил до 1897 года, после чего поступил на юридический факультет Московского университета.

Воспоминания о системе казенного образования остались у Волошина самые негативные: «Конец отрочества и юность отравлены гимназией, которой я не обязан ни одним знанием, ни одной светлой минутой; и лишь глубоким убеждением в том, что воспитание есть самое возмутительное из всех насилий, совершаемых над человеческой душой. Самые интересные и близкие области знания становились мне отвратительны, как только их касался школьный курс. Я был последовательно в гимназиях Поливановской, Московской I казенной и окончил Феодосийскую. Учился я очень скверно, с репетиторами, сидел в классах по два

---

1 См.: Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей/Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 166. Подробнее о родословной Волошина см. в комментариях В. П. Купченко и З. Д. Давыдова в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 625—626.

года, и как я все-таки умудрился получить аттестат зрелости — непонятно, тем более, что я был, по-видимому, ребенком очень любознательным, одаренным памятью и талантами» [1]. Духовное и творческое формирование Волошина шло путем самообразования и самовоспитания. Читать он начал с пятилетнего возраста, Гоголя и Эдгара По прочел в семь лет, а Достоевского — в девять. Любимыми его авторами становятся Шиллер, Диккенс, Гюго и Достоевский — «четыре писателя четырех наций, перед которыми можно только преклоняться» [2]. 12 октября 1892 года он записал в дневнике: «Я думаю, что в каждом создании, везде, во всей природе, даже в самых низших проявлениях ее, заключается поэзия, но только ее надо там найти. В этом заключается, по-моему, задача поэта. <...> мое теперешнее самое заветное желание — это быть писателем» [3].

Первые стихи Волошина (их он стал писать еще в Москве в тринадцать лет) были обычными для начинающих авторов подражательными опытами, сам он ощущал в них сильное влияние Некрасова. В целом жизненные восприятия Волошина вплоть до пятнадцатилетнего возраста были преимущественно книжными и отвлеченно-умственными; Коктебель предстал для него в 1893 году как откровение живой природы — крымские горы, «пустынный и величественный залив, хранящий в своих очертаниях строгую простоту выжженных холмов Эллады», решающим образом способствовали росту и кристаллизации самосознания будущего поэта: «Историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля воспитывают дух и мысль» [4]. В 1895 году состоится его литературный дебют: в феодосийском сборнике «Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова» (скорбная дань директору Феодосийской гимназии) помещено его стихотворение «Над могилой В. К. Виноградова». Регулярно печататься Волошин начинает в 1900—1901 годах, но первые его опубликованные статьи, рецензии, путевые очерки, стихотворения, помещенные в «Русской мысли», «Курьере», ташкентской газете «Русский Туркестан», не вызывают заметного резонанса.

Идейное самовоспитание начинающего автора поначалу проходило в направлении, вполне согласовывавшемся с кодексом мышления и поведения русской радикальной интеллигенции. Во-

---

1 ПД. Ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1. Л. 22 об.

2 Дневниковая запись от 26 апреля 1893 года//В о л о ш и н М а к с и м и л и а н. «Средоточье всех путей...»: Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М., 1989. С. 501.

3 Там же. С. 478.

4 Из автобиографий М. Волошина//ПД. Ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1. Л. 24; Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 30.

лошин-гимназист читал Щедрина и Добролюбова, вынашивал идею «написать историю 60-х годов и вообще всей той эпохи»: «Эта эпоха самая светлая и самая оживленная изо всей истории России» [1]. Позднее он проявлял живейший интерес к народовольцам, тянулся к людям, причастным к революционной деятельности. Оппозиционные взгляды Волошина укрепились, когда он оказался в Москве в бурной студенческой среде, и очень скоро стали предметом пристального внимания властей: осенью 1897 года он попал под надзор полиции, а в феврале 1899 года, с началом Всероссийской студенческой забастовки, за свое «отрицательное миросозерцание» и «склонность ко всякого рода агитациям» [2] был исключен из университета на год и выслан в Феодосию со свидетельством о неблагонадежности. Волошинский радикализм и «социализм», по всей видимости, был в большей степени пронизан возвышенным тираноборческим пафосом Шиллера и Гюго, чем всесторонне продуманными и сознательно проповедуемыми политическими убеждениями, однако факт конкретной причастности к определенным умонастроениям и к «беспорядкам» говорит сам за себя. Восстановившись на втором курсе юридического факультета в феврале 1900 года, Волошин продолжает участвовать в студенческом движении (является одним из инициаторов Всероссийского студенческого съезда, пресеченного властями), и за это вскоре следует новая расплата: в августе — арест в Крыму, отправка в Москву в Басманный «полицейский дом» и, после нескольких дней одиночного заключения, — высылка из Москвы до особого распоряжения.

Не дожидаясь новых репрессий, Волошин устраивается осенью 1900 года в партию по изысканию трассы Оренбург-Ташкентской железной дороги; в ходе этой добровольной ссылки наступит то, что Волошин позднее в автобиографии назовет «моим духовным рождением».

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег, —

пишет Волошин, осмысляя этот переломный момент, в позднейшем стихотворении «Четверть века» (1927). В среднеазиатской пустыне ему дано было впервые ощутить единство мира и человеческой культуры, почувствовать надвигающиеся глобальные сдви-

---

1 Дневниковая запись от 9 марта 1893 года//Волошин Максимилиан. «Средоточье всех путей...». С. 495.

2 Формулировки из студенческого дела М. А. Кириенко-Волошина//Центральный гос. историч. архив г. Москвы. Ф. 418, оп. 311, дело 436. Л. 19 об. См. также: Купченко Вл. Вольнолюбивая юность поэта: М. А Волошин в студенческом движении//«Новый мир». 1980. № 12. С. 216—223.

ги, наступление «рубежа», осознать в своем внутреннем «я» истоки тех путей, которые приведут его к целостному символистскому самосознанию. Симптомы этого мироощущения уже сказываются в статье Волошина «Эпилог XIX века», опубликованной в газете «Русский Туркестан» 1 и 3 января 1901 года. «Ощущение пустыни — той широты и равновесия, которые обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину» (как писал Волошин в автобиографии 1925 года)[1], — оказывается исходной эмоцией, которая в своем развитии, обогащаясь интеллектуальным содержанием и моральным смыслом, разрастается в стройную систему историософских и космологических представлений; образ Азии помогает Волошину выработать всемирно-исторический взгляд и стимулирует его обращение к Европе — намерение (сформулированное в письме к А. М. Петровой от 12 февраля 1901 года) «познать всю европейскую культуру в ее первоисточнике и затем, отбросив все „европейское“ и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям „искать истины“, — в Индию, в Китай»[2].

Решив не возвращаться в Московский университет (юридические дисциплины так и не вызвали у него к себе никакого интереса), Волошин весной 1901 года отправляется в Париж, чтобы заняться самообразованием — «пройти сквозь латинскую дисциплину формы». Путешествовал по Европе он и ранее: в 1899 году вместе с матерью побывал в Вене, Венеции, Милане, объездил Швейцарию, впервые посетил Париж; в 1900 году совершил большое самостоятельное путешествие вместе с друзьями-студентами (Варшава — Вена — Бавария — Тирольские Альпы — Италия, от северной границы до Неаполя, — Греция — Константинополь). В первых путешествиях Волошин — еще юноша вполне «провинциальных» взглядов, сформированный прописными истинами XIX столетия. В одном из автобиографических набросков он свидетельствует: «В первый раз попавши за границу 21 года от роду, я ходил по картинным галереям совершенным дикарем и наивно удивлялся: какую ерунду писали эти старые мастера, то ли дело наша Третьяковка. Как странно, что Россия, в общем страна малокультурная (об этом я тогда уже начинал догадываться), так далеко опередила Европу в области живописи»[3]. После азиатского «посвящения» Европа, историческая и современная, раскрылась Волошину во всей полноте своих богатств и дала мощные творческие импульсы. Париж становится его второй духовной родиной. Волошин занимается в Национальной библиотеке, посещает лекции в Сорбонне, Лувре и в Высшей русской

[1] Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.37.
[2] «Из студенческих лет М. А. Волошина»/Публ. Р. П. Хрулевой//Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 140.
[3] ПД. Ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1. Л. 18.

школе общественных наук, рисует в академии Ф. Коларосси. Эти штудии, а также знакомство с переводчицей и критиком А. В. Гольштейн, постоянно жившей в Париже, и художницей Е. С. Кругликовой, приобщившими его к парижскому литературно-художественному миру, способствуют формированию новых идейно-эстетических пристрастий Волошина. Столица Франции устраняет «патриотические бельма» и кардинально меняет всю систему его идейно-эстетических ориентиров: вместо «общественности» и «Третьяковки» — индивидуалистический анархизм, тяготение к мистике и оккультизму, «новое» искусство (включая самые дерзновенные искания парижской артистической богемы). С произведениями французских поэтов-символистов Волошин познакомился раньше, чем с творческими свершениями русских «декадентов»: «Только в 1902 году я узнаю о существ<овании> в России новых поэтов. Прежде всего в мои руки попадают стихи Вячеслава Иванова, который в то время еще жив<ет> в Женеве, после я встречаюсь с Бальмонтом и одновременно с его поэ<зией>. В 1903 году — с Брюсовым, Балтрушайтисом и Белым в России»[1].

К. Д. Бальмонт, с которым Волошин впервые встретился осенью 1902 года, стал его неизменно близким другом на долгие годы, а также и поэтическим «мэтром»: позднее Волошин назовет Бальмонта в числе тех трех поэтов (наряду с Вяч. Ивановым и Жозе-Мариа Эредиа), у которых он учился «владеть стихом»[2]. Бальмонт содействовал и вхождению Волошина в среду русских модернистов и художников «Мира искусства». Особенно сблизился Волошин во время своих российских «гастролей» в феврале—марте 1903 года с символистами, группировавшимися вокруг Брюсова и издательства «Скорпион», сразу же и безоговорочно был ими признан «своим». В 1903 году появляются первые публикации его стихотворений в символистских изданиях: в журнале «Новый Путь», в альманахах «Гриф» и «Северные цветы»; с 1904 года Волошин — постоянный сотрудник и парижский корреспондент «Весов», московского журнала, ставившего основной задачей пропаганду «нового» искусства, посредник между французскими и русскими модернистами. Столь стремительное вхождение в литературный мир во многом объяснялось тем, что начинающий поэт и критик, и к тому же ревностный приверженец набирающего силы символизма, предстал в своеобразном ореоле «русского парижанина», переполненного многоразличными и порой экзотическими впечатлениями. Оригинальность и независимость мышления Волошина, широта кругозора, тонкий вкус импонировали многим, в том числе Брюсову и Андрею Белому. С не меньшей симпатией были встречены и его стихотворные опыты — выразительные, изысканные, мастерски исполненные, вполне «автор-

---

1 Там же. Л. 24.

2 Книга о русских поэтах последнего десятилетия/Под ред. Модеста Гофмана. Спб.; М., [1909]. С. 365.

ские» по поэтическому мышлению и чувству — и притом целиком удовлетворяющие определившемуся кодексу «школы».

Своего рода визитной карточкой Волошина тогда стало — и на долгие годы обусловило восприятие его музы — стихотворение «В вагоне», как бы суммирующее впечатления от его продолжительных скитаний. Опубликованное в 3-м альманахе «Северные цветы», оно явилось подлинным поэтическим дебютом Волошина, раскрывшим читателю своеобразие его творческого лица. Как девиз и жизненная программа Волошина в этот период могут восприниматься строки из другого его стихотворения «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...» (1904):

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

Поэт-странник — одно из самых устойчивых представлений, связанных с образом Волошина. «Годы странствий» — заглавие первого раздела первой книги его стихотворений. Странствие для Волошина — не только питательная почва для творчества, но и вернейший путь познания мира и человека. Еще в 1900 году, начиная заполнять «Журнал путешествия» (тетрадь путевых дневниковых записей), он предпослал тексту три эпиграфа, воплощавших его страинческое «кредо»: «1) В путешествии не столько важно зрение, слух и обоняние, сколько осязание. Для того, чтобы вполне узнать страну, необходимо, ощупать ее вдоль и поперек подошвами своих сапог. 2) В путешествии количество виденного всегда обратно пропорционально количеству истраченного и съеденного. 3) Говорят, что надо съесть пуд соли с человеком, чтобы узнать его, а я говорю вам, что для этого достаточно пройти вместе пешком верст сто»[1]. Волошин воплощал в жизнь эти установления с неукоснительной последовательностью. В течение ряда лет он объездил всю Францию, побывал в 1901 году в Испании, на Балеарских островах и в экзотической Андорре, в 1902 году — в Италии, а также на Корсике и Сардинии, глубоко сожалел о том, что не удалось осуществить грандиозный план длительного путешествия на Восток — в Кашгар, Китай, Японию, Индию. «В эти годы, — вспоминал Волошин о семилетии 1898—1905 годов, — я только впитывающая губка, я весь — глаза, весь — уши»[2]. Образ поэта-странника был настолько цельным и выразительным, настолько прочно вошел в сознание современников, что

---

[1] Волошин Максимилиан. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 9. См. также: Куприянов И. Т. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Киев, 1978. С. 56 — 68.

[2] Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 31.

позднее порождая всевозможные легенды — о якобы имевших место путешествии Волошина в Египет, паломничестве путями апостола Павла и Дон-Кихота и т. п.; на самых же первых порах этот образ обернулся нелестной характеристикой «поэта-коммивояжера»: именно так определила Волошина З. Н. Гиппиус, усмотрев в подборке его стихотворений, помещенных в «Новом Пути», образчик заемного и неглубокого творчества[1].

Такая поспешная и достаточно поверхностная реакция на ранние поэтические опыты Волошина оказывалась в известной степени оправданной: его впечатления от увиденного, зафиксированные в стихе, вполне могли восприниматься как аналоги журналистских репортажей, вдохновенные обозрения достопримечательностей. Однако по мере творческого развития в п е ч а т л е н и я странствий у Волошина все более восполняются и вытесняются «у м о з р е н и я м и странствий» (по формуле поэта-символиста Ив. Коневского), стремлением не только «воспринять», но и «снова воплотить», охватить и гармонизировать мыслью калейдоскоп разрозненных восприятий. При этом переживание и постижение различных культурных явлений — испанского танца («Кастаньеты») или оперы Вагнера («Тангейзер»), классической Греции («Акрополь») или обликов французской столицы (цикл «Париж») - имеют в каждом случае самоценный характер, не выстраиваются в иерархически организованную ценностную структуру Весь цикл «Годы странствий» — это своего рода поэтический пантеон. Странствия по «лицу земли», по музеям и библиотекам дополнялись у Волошина «блужданиями духа»: в сфере его интересов оказываются буддизм, католичество, масонство (в мае 1905 года в Париже он становится франкмасоном), оккультизм, теософия, мистико-философские построения Р. Штейнера. Этот спектр духовных интересов и увлечений, очерченный Волошиным в автобиографии, можно было бы значительно расширить не меньшую роль в самоопределении поэта играли в начале века новейшая французская литература и живопись. Главенствующее значение в духовном формировании Волошина возымело романско-средиземноморское культурное начало в сочетании с религиозно-философскими, по большей части теософскими, интересами и тяготениями.

Многообразные искания Волошина исключали лишь одно качество — догматизм. Сам Волошин подчеркивал: «В мифологии я ищу идейных символов и комбинирую их согласно тому, как это *мне* кажется удобным»[2], — а хорошо знавший его А. С. Ященко

---

[1] А н т о н К р а й н и й <Гиппиус З. Н.>. Нужны ли стихи?//«Новый Путь». 1903. № 9. С. 250—251.

[2] Письмо к С. К. Маковскому от 15 августа 1909 года//ГПБ. Ф. 124, ед. хр. 975.

отмечал, что Волошин никогда «не старался занести себя под известные рубрики каталога жизни»[1]. Из самых различных, порой взаимоисключающих компонентов складывалась его своеобразная индивидуальная теософия — предельно адогматичная, открытая любым веяниям, однако не превращавшая его внутренний мир в конгломерат заимствованных ценностей: гарантией суверенности этого мира служили духовная независимость, верность самому себе и единство личности поэта, находившего опору в осознании единства мировой культуры и в культурно-исторической преемственности.

«Странничество» во многом определило и литературную судьбу Волошина. Поэтическая формула из стихотворения, посвященного Брюсову: «В вашем мире я — прохожий, Близкий всем, всему чужой» («Когда время останавливается», 1903), — содержит намек и на осознание Волошиным своего удела в среде русских символистов в пору расцвета этой литературной школы. Волошин попеременно сближался то с редакцией «Весов» — главного органа московских символистов, то с Вяч. Ивановым, ставшим в середине 1900-х годов в центре круга петербургских модернистов, то с редакцией симпатизировавшей политическому радикализму петербургской газеты «Русь» (в которой активно сотрудничал, публикуя стихи, статьи и рецензии), то, позднее, с устроителями петербургского журнала «Аполлон», — и всюду был приемлем лишь с определенными ограничениями и оговорками. Сам Волошин воспринимал свою связь с символистским движением как свободный творческий союз, не регламентирующий его литературного поведения: примечательно, что в 1906 году, в пору наиболее острого противостояния между символистами и писателями традиционного реалистического направления, он обратился с предложением к М. Горькому издать в товариществе «Знание» сборник своих стихотворений «Годы странствий» («я не хотел бы замыкать его смысл маркой Скорпиона или Грифа»), а также напечатать свои стихи в сборниках «Знания»; при этом он не скрывал от адресата, что параллельно намерен выпустить в свет в символистском издательстве «Оры» «сборник мистических и оккультных стихотворений» «Ad Rosam»[2]. Как тот, так и другой замысел не были реализованы, хотя книга «Звезда-полынь» (первоначальное заглавие — «Ad Rosam») была доведена до стадии корректуры. Менее всего озабоченный «групповыми» интересами и созданием себе прочной литературной репутации, Волошин первый сборник стихотворений выпустил в свет лишь в 1910 году, после десяти лет профессиональной поэтической работы, когда его произведения уже перепечатывались в антологиях и <«<чтецах-декламаторах>»>.

---

1 Письмо к Л. Н. Андрееву от 5 января 1903 года//ПД. Ф. 562, оп. 4, ед. хр. 4.

2 См.: К у п ч е н к о В. П. М. Горький и М. Волошин//«Русская литература». 1976. № 2. С.145—146.

Пестрота и разнообразие «страннических» впечатлений предопределили и такую существенную особенность волошинского поэтического пантеона, как готовность к передаче чужих голосов во всем их многообразии. Уже будучи зрелым мастером, Волошин, отвечая в 1924 году на анкету К. И. Чуковского о Некрасове, обмолвился: «...я ценю людей не за их цельность, а <за> размах совмещающихся в них антиномий»[1]. Тот же «размах антиномий» прослеживается и в разноголосице волошинских поэтических тем и интерпретаций. Метод его творчества вполне соответствует первым строкам пушкинского стихотворения «Эхо»:

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ...

«Я был только голосом, но во мне говорили многие», — таким девизом открывает Волошин в начале 1900-х годов записи в своей творческой тетради[2]. Поэтический мир Волошина — это прежде всего мир отзвуков; в основе его часто оказывались непосредственные, личные переживания, но еще чаще — впечатления от «ликов» человеческой культуры. Главнейший императив Волошина-художника в передаче этих отзвуков — красота, самоценная и самодостаточная. В реализации этого императива — и сила, и ограниченность Волошина на раннем этапе его творческой деятельности. В 1906 году он зафиксировал предостерегающие слова Вячеслава Иванова: «Вы хотите всегда, чтобы стихи были красивы, чтобы они понравились. Даже в мистических стихотворениях вы похожи на даму-католичку, которая становится на колени, чтобы молиться, и в то же время заботится, чтобы ее поза была красива. <...> Надо помнить, что прекрасное далеко не всегда бывает *красиво*»[3]. Действительно, Волошин в полной мере усвоил панэстетизм как одну из основополагающих идей, определявших поэтику символизма, и отдал ему самую щедрую дань. Тяготения Волошина к потаенной сущности бытия приобретали эстетическую окраску, человек и его внутренний мир, и даже мир природы, также раскрывались для него сквозь призму эстетических соответствий, исторических и мифологических образов, пропущенных через эстетическую реторту. «Чужое» всегда было для Волошина живым источником поэтического вдохновения, а более всего это «чужое» концентрировалось в искусстве: женщина погружена в «тона жемчужной акварели», пейзаж Венеции напоминает «осенние тона Тициана», сквозь описания Парижа проступают впечатления от картин французских импрессионистов.

---

[1] «Чукоккала». Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 316.
[2] ПД. Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 5. Л. 2 об.
[3] Письмо Волошина к М. В. Сабашниковой (декабрь 1906 года)//ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112.

Не случайно, что в творческих опытах Волошина «свое» и «чужое» не разделены четкой разграничительной линией. В стихотворных переводах он менее всего задается целью передать точный смысл и образную фактуру оригинала; волошинские переложения во многих случаях — это не столько попытка воспроизвести иноязычный текст, «чужую» эстетическую систему средствами другого языка, сколько превращение «чужого» в «свое», включение в собственную эстетическую систему. Свои переводы стихотворений Э. Верхарна «Казнь» и «Человечество» он печатает 14 августа 1905 года в газете «Русь» с характерным подзаголовком «Воспоминание из Верхарна» и вместе с оригинальным стихотворением «Предвестия»; все три текста образуют в этой публикации — тематически и стилистически — единый микроцикл. Аналогичным образом он вводит в разделы первого сборника своих стихотворений переводы из Эредиа, Малларме и того же Верхарна (подобно тому как поступали Батюшков и Жуковский в начале XIX века — в период господства иных литературных критериев, когда в сознании писателей и в восприятии читателей поэтический перевод приравнивался к оригинальному творчеству), и это не вносит в структуру книги никакого диссонанса: голоса Верхарна или Малларме в ней — такие же отзвуки, рождающиеся в творческом «я» Волошина, как и его строки, навеянные поэзией Жюля Лафорга или дантовскими терцинами, скульптурами Жана Гужона или литографиями Одилона Редона. Аналогичным же образом многие статьи Волошина включают в себя реферативные пересказы и переложения текстов других авторов, образуя сложное композиционное единство из «заимствованных» фрагментов, воспроизводимых в согласии с логикой собственной мысли, и авторских наблюдений, ассоциаций и выводов.

Чрезвычайно любопытны в этом отношении размышления Волошина о плагиате, расцениваемом отнюдь не как постыдный и наказуемый поступок; плагиат, по Волошину, — это не механическое присвоение чужого литературного труда, а органическое творческое усвоение: чужое, пережитое заново и дающее новые ростки. Оставаясь в своих воззрениях неукоснительно последовательным, Волошин, убежденный индивидуалист, парадоксальным образом приходит к апологетике анонимного творчества: наивысшие достижения человеческого гения, явленные, по его убеждению, в искусстве средневековья, представляют собой результат деятельности многих, как правило «безымянных», мастеров, не задававшихся целью личного самовыражения, но сумевших синтезировать и воплотить целостный лик культуры. В соответствии с этой идеей Волошин первоначально предполагал выпустить в свет свою (так и не изданную отдельно) книгу стихов «Годы странствий»: «Имени на книге не будет. Только в конце книги, внизу на предпоследней странице надпись, как на плите готического собора: „Эта книга сложена тем-то, издана тем-то, окончена

печатанием тогда-то". И больше ничего»[1]. Мечте о «безымянном» творчестве Волошин оставался верен вплоть до последних лет своей жизни[2].

«Отзвуки», объединявшие в новое художественное целое «свое» и «чужое», материализовывались в творческой лаборатории Волошина в самых различных формах, в числе которых стихотворная не была первичной, ни даже вполне суверенной. Волошину менее всего подходит расхожее определение: поэт Божьей милостью; скорее, он — поэт риторического типа. Античная риторика, как известно, имела три цели — убедить, усладить и взволновать слушателя, излагая наиболее удачным, логически последовательным и выразительным образом определенную изначально заданную систему положений и аргументов. Стихи Волошина, в согласии с этой творческой методикой, фиксируют в ритмически организованной и лексически «изукрашенной» форме уже пережитое и осмысленное автором, в них фактически нет импровизационной непредсказуемости и поэтической спонтанности. Приоритет философских и историко-культурных интересов Волошина заметно сказался на его стихотворных произведениях: в них он очень высоко ценил «поэзию идей и пафос мысли» (и за невнимание к этим аспектам творчества укорял молодых поэтов — А. Н. Толстого и Н. Гумилева)[3], а его собственные творческие опыты даже подводили современников к заключениям о том, что Волошин пишет «статьи, похожие на стихи, стихи, похожие на статьи»[4]. В стихотворчестве для Волошина главное — мировоззрение поэзии (опять же — специфически символистская особенность, отличающая преимущественно представителей «второй волны» этого течения): существует некая общая первичная идейно-образная структура, которая может быть претворена в стихи, но столь же аутентично поддается интерпретации в статьях, дневниках, письмах, любых иных литературных воплощениях. Уже юношеские путевые очерки Волошина («Листки из записной книжки», 1901) включают, наряду с обычным описательным прозаическим текстом, стихотворные вкрапления, по сути представляющие собой лишь иное по фактуре изложение тех же впечатлений. Большое исповедальное стихотворение «Письмо» — это действительно письмо Волошина к Маргарите Сабашниковой от 5 июля 1904 года, только написанное «онегинской строфой». В целом для Волошина характерна миграция замыслов из одной формы творческой манифестации в другую: так, тема незаконченной статьи «Евангелие от Иуды», над которой он работал в 1908 году, была

---

[1] Письмо Волошина к М. В. Сабашниковой (август 1904 года)//ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107.

[2] См.: О п а л о в В. У Максимилиана Волошина в Коктебеле//«Красный Крым». 1929, 23 июня.

[3] См. письмо Волошина к И. Ф. Анненскому от 18 августа 1909 года//ЦГАЛИ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 307.

[4] Э р е н б у р г И. Портреты современных поэтов. М., 1923. С. 37.

позднее реализована в стихотворении «Иуда Апостол» (1919), а намерение написать воспоминания о поэтессе Аделаиде Герцык воплотилось в стихотворении, воссоздающем ее образ (1929).

О том, что именно «мировоззрение» было отправным моментом в творческой деятельности Волошина-поэта, со всей убедительностью свидетельствуют рукописи его стихотворений, позволяющие зачастую поэтапно проследить весь путь от рождения замысла до его окончательного воплощения. Обычно работа над стихотворным произведением — как это видно по творческим черновым рукописям многих поэтов — начинается с предварительных разрозненных стихотворных набросков, с фиксации отдельных строк, рифмованных созвучий, словесных образов; вся эта поэтическая субстанция пребывает в хаотическом состоянии, а оформленный вид, который она приобретает в ходе авторской работы, нередко имеет мало общего с изначальными импульсами, отраженными в первичном слое текста. Механизм работы над стихом у Волошина очень часто — совершенно иной: первичной оказывается «программа» стихотворения — ритмически не урегулированный словесный ряд, дающий достаточно подробное и развернутое развитие темы будущего произведения с привлечением основного арсенала средств образной выразительности, предназначенных для воплощения темы; следующий этап — претворение этого исходного материала в стиховую ткань. Чем более масштабным и многоаспектным вырисовывался поэтический замысел, тем более развернутой и «проработанной» была предварительная экспликация. Выразительным примером, демонстрирующим этот метод стихотворчества, могут послужить рукописи Волошина, отражающие первоначальный этап работы над самым прославленным из его стихотворений — «Домом Поэта». Соответствующие листы черновика заполняются Волошиным в два столбца: в левом столбце — «программа», в правом — пробы переложения в стихи текста из левого столбца [1]. Первый из фрагментов предварительного текста:

«Поэт, войди в мой дом. Двери его раскрыты всем. Потому что — кто же не хоронил в себе поэта и кто не может им стать снова, если родной голос окликнет умершего.

Мой дом залит солнцем и просторен. В гулких штукатурных комнатах живет раскат волны и порыв ветра. Всеми окнами во все стороны он смотрит на море. Он обвит террасами. Воздух пахнет полынью и солью. Земля здесь бесплодна и суха. Несколько тощих акаций, тамарисков и айлантов она вырастила в моем скудном саду. За их просвеченной и разодранной шквалами листвой зубчатый окоем гор развертывается подобно суровой алкеевой строфе — в асимметричной гармонии.

---

1 ПД. Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 73. Л. 1.

Побережья этого залива, правильного, как овал вулканического озера, хранят следы геологической трагедии.

Здесь стык хребтов Балканских и Кавказа. В те времена, когда плавились граниты, здесь земля потрясала факелом дыма и огня».

Справа от этого текста — стихотворные наброски-вариации, рождающиеся из заданной образно-тематической «программы». Первая проба стихового ряда:

Войди в мой дом. Он щедро залит солнцем
И в белых комнатах гудит раскат
Морской волны.

Она же — во втором варианте:

Войди в мой дом. Раскрыты настежь двери
И в комнатах гудит раскат волны.

Далее следует более развернутый набросок начала стихотворения, восходящий к тому же исходному материалу:

Кто б ни был ты — переступи порог:
Мой дом раскрыт прохожим всех дорог.
Он залит солнцем, светел и просторен,
Обвит террасами, овеян морем,
И в комнатах гудит раскат волны
И пахнет известью. Обожжены
Горячим ветром

Затем — еще одна проба первых строк, уже приближающаяся к тому тексту, который окажется окончательным:

Войди в мой дом... Он беден, прост и строг.
Раскрыта дверь скитальцам всех дорог
И в комнатах побеленных известкой
Вздыхает ветр, гудит раскат волны
Взбегающей на этот берег плоский
Земля хранит налеты седины <...>

И так далее: «прозаическая» тема — и многочисленные ее поэтические вариации. К художественному целому ведет путеводная нить с нанизанными на нее словообразами — своего рода четки, — позволяющая опробовать едва ли не бесконечное количество комбинаторных возможностей стихового построения, но и ограничивающая творческую фантазию предустановленным «прозаическим» реестром. В «программировании» своих стихов Волошин строг и методичен: нередко он располагает «прозаические» образно-тематические ряды по определенному плану (так, другой, более пространный вариант «пратекста» «Дома Поэта» рубрифици-

рован на пронумерованные абзацы), заботится о том, чтобы как можно меньше заготовленной «словесной руды» обращалось в шлак, и обычно успешно с этим справляется: «прозаическая» руда претворяется в поэтический сплав без существенных потерь своего первоначального богатства. Тем, кто безраздельно доверяет «поэтизированным» представлениям о природе поэтического вдохновения, эти краткие экскурсы в творческую лабораторию Волошина, вероятно, не прибавят влечения к его стихам, однако пушкинские слова о том, что вдохновение необходимо в равной мере и поэзии и геометрии, могут послужить в данном случае предостерегающим аргументом: работа Волошина над стихом — наглядный пример совмещения этих двух типов подлинного самовыражения.

Рукописи того же «Дома Поэта» свидетельствуют о чрезвычайной кропотливости работы Волошина: одни и те же фрагменты порой воплощаются в десятке или еще большем количестве вариантов, прежде чем выливаются в форму окончательного текста; но и связный, перебеленный автограф нередко вновь претерпевает правку и превращается в черновик. При этом Волошина никак нельзя упрекнуть в слабом владении поэтической техникой; подобно Флоберу, величайшему страстотерпцу литературной формы, он стремился к тщательной стилистической обработке материала, к достижению максимально точного и полного смыслового и образного соответствия между словом и объектом. В письме к матери от 7 января 1914 года Волошин так сформулировал свое творческое кредо: «...я делаю в искусстве только то, что трудно. Мне легко дается стих. Я довел требования к нему до такой степени, что мне очень трудно писать стихи и я пишу их очень мало». И далее он определил еще один исходный принцип: «Страстность — в холодности и законченности формы» [1]. Высокая требовательность Волошина к стиху производила сильное впечатление даже на его современников, воспринимавших виртуозное мастерство как непременный родовой признак символистской поэзии. Поэтесса М. Л. Моравская писала Волошину о его первой книге: «Поразили меня маленькие размеры Вашего сборника: я ожидала увидеть основательный томище, и вдруг: 124 стр.! Эта цифра рядом с пометкой: 1900—1910 г. — такая пощечина современным поэтам, которые каждый год выпускают по сборнику! Ведь между публикой и писателем уже установилось молчаливое соглашение, что в сборнике может быть 1/4 совершенных стихов, а остальные — в качестве свиты. И вдруг — маленький сборник только избранных стихов!» [2] М. Кузмин в рецензии на ту же книгу также

[1] ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 62.
[2] Письмо от 16 марта 1910 года//ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 853.

полагал, что Волошин «тщательно отчеканивает свои стихи и делает из них осторожный выбор»[1]. Между тем на деле «Стихотворения. 1900—1910» не представляли собой свода *избранного:* в книгу вошло большинство завершенных мастером стихотворений этого десятилетия.

Другой принцип, которому стремился следовать Волошин, — стремление к «холодности и законченности формы» — также отмечался как определяющая черта его поэтической индивидуальности. Валерий Брюсов, один из корифеев символистского стиха, признавал значительные достижения Волошина в ой области, говоря, что, кроме его самого и Волошина, никто в России не может написать правильного сонета[2]. Критик Э.Ф. Голлербах утверждал: «По той тщательной и бережной отделке, какая свойственна каждому стихотворению Волошина, по изысканности и точности его чеканных образов его можно назвать ювелиром стиха»[3]. Едва ли не все, обращавшиеся к творчеству Волошина, в унисон говорили о его утонченном мастерстве, артистизме, «культурной» оснащенности и поэтической выразительности. Похвалы нередко оборачивались и упреками, когда речь заходила о теневых сторонах их достоинств — о недостаточной непосредственности, рассудочности, риторике, «книжности», отчужденности от жизненных токов. Вяч. Иванов, например, писал, что среди стихов Волошина «есть изумительные синтетические копии, но недостает прекрасных оригиналов», что первая его книга «учит поглощать мир, а не расточает свою душу»[4].

«Книжность» ранней поэзии Волошина — прямое следствие особенностей его формирования как личности: отзвуки внешнего мира, культурные штудии, воспитание духа преобладали над переживаниями души, идеи и мысли — над индивидуальным чувством. Альфой и омегой в кругу жизненных восприятий Волошина довольно долго оставались библиотека и музей. Его первая осознанная влюбленность в 1901—1902 годах в Марию Львовну Ауэр еще не дала значительных внутренних отзвуков. Преобладавшие в его самосознании смутные тревоги, томления, настроения убаюкивающей грусти мало способствовали активному и отчетливому выражению творческого лица, приведению в определенную систему достаточно беспорядочных умонастроений. В ой неразвитости

---

1 «Аполлон». 1910. № 7, апрель. Отд. II. С.37.

2 Свидетельство В.И. Язвицкого (1917 год)//Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики/Сост. Н. Ашукин. М., 1929. С.347. Примечательно также, что Л.П. Гроссман в статье «Поэтика сонета» для демонстрации основных требований сонетного канона избрал сонет Волошина «Диана де Пуатье» (см.: Проблемы поэтики: Сб. статей под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л., 1925. С.124—126).

3 Голлербах Э. Поэт-ювелир//«Жизнь искусства». 1920. № 509. 21 июля.

4 «Аполлон». 1910. № 7, апрель. Отд. II. С.38.

волевого импульса Вячеслав Иванов находил «virus буддизма» и (как свидетельствует Волошин в дневниковой записи от 10 августа 1904 года) видел главное отличие Волошина от других символистов, стремящихся к активному пересозданию действительности. На вопрос Иванова, «решающий, твердо ставящий грань»: «Хотите Вы воздействовать на природу?» — Волошин ответил: «Нет. Безусловно. Я только впитываю ее в себя. Я тороплюсь ознакомиться с ней в этих формах. Я радуюсь всему, что она мне посылает. Без различия, без исключения. Вся сразу завладевает моим вниманием» — и вызвал встречную реплику Иванова: «Ну вот! А мы хотим претворить. Пересоздать природу. Мы — Брюсов, Белый, я»[1].

Пути преодоления душевной пассивности открылись Волошину в живом чувстве, в середине 1900-х годов безраздельно заполнившем весь его внутренний мир. В феврале 1903 года, находясь в Москве, он познакомился с молодой начинающей художницей Маргаритой Васильевной Сабашниковой, племянницей жены Бальмонта. Интерес к искусству сблизил их, общение продолжилось в переписке, которая от месяца к месяцу становилась все более активной и исповедальной. Весной 1904 года Сабашникова приезжает в Париж, и Волошин становится ее гидом — водит по музеям и по церквям, по мастерским художников, знакомит с городом и его окрестностями. Постепенно любовь овладевает Волошиным всецело; строки из тогда написанного стихотворения «Письмо», обращенного к Сабашниковой:

Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках —

с исчерпывающей полнотой раскрывают его внутреннее состояние. Помимо живописи и поэзии, у Волошина и Сабашниковой обнаруживается еще одна обширная сфера общих интересов — религиозно-мистические искания, оккультизм и теософия: своеобразной посредницей в их общении друг с другом становится теософка А. Р. Минцлова, а безупречным авторитетом в области «тайноведения» — Рудольф Штейнер. Чрезвычайно интенсивный и остро драматичный духовный «роман» продолжается на протяжении всего 1905 года, теснейшее сближение сменяется охлаждением и даже прекращением отношений (правда, недолговременным). В конце концов взаимное влечение возобладало, и 12 апреля 1906 года Волошин и Сабашникова обвенчались в Москве.

Образ Сабашниковой так или иначе присутствует почти во всех лирических произведениях Волошина середины 1900-х годов.

---

[1] Волошин Максимилиан. Автобиографическая проза. Дневники. С. 202.

При этом характерно, что любовь, целиком поглощавшая душу поэта, еще не становится главным и исчерпывающим содержанием его стихов. Свое чувство Волошин предпочитает воплощать опять же сквозь систему эстетических отражений и символических соответствий, воспринимать как проявление предустановленных велений судьбы, ниспосланное свыше сладостное страдание: «И боль пришла, как тихий синий свет, И обвилась вкруг сердца, как запястье» («Я ждал страданья столько лет...», декабрь 1903). Любовь пробуждает поэта от «лунной сказки» и обращает его внимание к непосредственно переживаемой действительности, позволяет ощутить ее живую экспрессию:

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,
К ярким полымям полудней,
К пестроте живых людей...

Примечательно, однако, что об этих устремлениях Волошин говорит в стихотворении «Таиах» (1905), представляющем собой как раз пример завороженности автора магическим кругом сугубо эстетических отражений: дорогие и близкие черты лица Маргариты Сабашниковой открываются ему в скульптурном портрете египетской царицы Таиах, увиденном в парижском музее Гиме.

Под знаком символических отголосков и отсветов Волошин воспринял и общественные события, в 1905 году потрясшие Россию. Утром 9 января он приехал из Москвы в Петербург и стал очевидцем «кровавого воскресенья». Подробно описав увиденное в очерке «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге», Волошин закончил предсказанием: «Эти дни были лишь мистическим прологом великой народной трагедии, которая еще не началась. Зритель, тише! Занавес поднимается...»[1] То же предсказание — в его стихотворении «Предвестия», навеянном теми же событиями: «Уж занавес дрожит перед началом драмы...». Не сумев достаточно отчетливо разобраться в злобе дня (сам он не раз говорил о том, что первая русская революция прошла мимо него), Волошин с подлинно пророческой зоркостью обозначил контуры революции грядущей, доверяя тайным предвестиям и не для каждого очевидным параллелям больше, чем газетным извещениям и непосредственным наблюдениям. И если отдельные образы в волошинских предвидениях покажутся лишь случайными совпадениями (едва ли поэт в строке из «Предвестий» «Чертит круги и строит пентаграммы» конкретно прозревал пятиконечный символ будущего пореволюционного государства), то общая картина надвигающейся реальности, нарисованная в стихотворении «Ангел Мщенья» (1906),

---

[1] Волошин Максимилиан. Путник по вселенным. М., 1990. С. 95. Подробнее см. примеч. к стих. 222.

воспроизведена со столь же поражающей мерой символической адекватности, которая отличает «Краткую повесть об антихристе» (1900) Владимира Соловьева. Волошинский «скорбный Ангел Мщенья» возвещает «народу русскому»:

Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красивость,
И в душу мстителя вольется страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий, —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.

Увидев в «кровавом воскресенье» грандиозное символическое жертвоприношение, Волошин трактует революционные события как неизбежное и по-своему священное возмездие. Им овладевает идея казни царя как искупительной жертвы, имеющей сакральное значение. 4 июля 1905 года он пишет М. Сабашниковой: «В слабости, безволии, чувствительности и слепоте Николая II есть что-то, что ясно указывает на его обреченность. У Людовика XVI это было, но в несравненно меньшей степени. Но и громадность и полнота искупления далеко не были так значительны, как это предстоит теперь. <...> Сознание священной неизбежности казни Царя во мне теперь растет не переставая»[1]. С думами о России и революции он переводит стихотворение Э. Верхарна «Голова» (у Волошина — «Казнь») и пишет стихотворение «Царь — жертва! Ведаю и внемлю...», дающие поэтическое воплощение этой идеи: «Бледный Царь стране своей сораспят И клеймен величием стигмат». В июле 1905 года Волошин читает в парижской масонской ложе доклад «Россия — священное жертвоприношение». Ключ к пониманию настоящего и будущего ему дают исторические аналогии. Эшафот Людовика XVI, кровавая расправа над французской аристократией («Голова madame de Lamballe», 1906), гильотина как «введение машинного производства в область смерти» и способ проведения систематизированного террора (статья «Гильотина как филантропическое движение»)[2] — все эти лики Великой французской революции для Волошина — не столько историческое воспоминание, сколько предзнаменование и типологизиро-

---

[1] ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107. См. также: Евстигнеева Л. А. Прозревая будущее... (М. А. Волошин и революция 1905—1907 гг.)//Волошинские чтения. С. 12—19.

[2] См.: «Двадцатый век». 1906. № 92, 30 июня; Купченко В. П. М. Волошин о Великой французской революции//«Русская литература». 1989. № 3. С. 58-62.

ванный образ любых революционных катаклизмов. Наиболее широко он затрагивает проблему революции и революционного возмездия в статье «Пророки и мстители» (1906), в которой — опять же в характерном для него иррациональном, отвлеченно-метафизическом преломлении — выстраивает историософские проекции и аналогии, отражающие не столько логику реального социально-исторического процесса, сколько яркую фантазию и проникновенную интуицию художника, и вновь приходит к неизбежным выводам из символических соответствий: «В настоящую минуту Россия уже перешагнула круг безумия справедливости и отмщения» [1].

Угадывание в свершавшихся или до времени только угрожавших событиях российской истории сценария, уже отыгранного во Франции, было обусловлено не только тем, что Волошин внимательно изучал в это время «Историю французской революции» Жюля Мишле и «Историю жирондистов» Альфонса де Ламартина, не только участившимися в 1905—1906 годах в русской литературной среде апелляциями к французским революционным прообразам, но и самой природой творческих интересов и предпочтений поэта. Французские темы затрагиваются более чем в половине из всех написанных им статей. Франция и ее культура стали для Волошина той универсальной мерой, которая помогала ему в понимании и оценке любых явлений действительности. Вероятно, с самого раннего детства — с тех пор как он услышал «Подростка» Достоевского в чтении матери — Волошину запомнились признания Версилова, которые он привел в статье «Осколки святых чудес» (1908): «Один лишь русский <...> получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Русскому Европа так же драгоценна, как и Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия. О, более!» [2] Для Волошина дорогая его сердцу Европа сконцентрировалась главным образом во Франции. Эта страна ощущалась им как подлинная родина и при осознании критериев, которыми определялась культуросозидательная деятельность. «Во всем, что Вы пишете и говорите, — признавался Волошин Л. П. Гроссману (17 декабря 1924 года), — я особенно ценю то глубокое уважение к литературе и к творчеству, которого совершенно нет в русском литературном быте и которого так бессознательно много разлито во Франции. Вы очень «француз» в этом отношении. В каждом Вашем слове много точности

---

1 Волошин Максимилиан. Лики творчества. С. 207.

2 См.: Купченко В. П. Ф. Достоевский и М. Волошин//Достоевский. Материалы и исследования. 8. Л., 1988. С. 203; Волошин Максимилиан. Лики творчества. С. 267—268.

и внимательности, и благородного отношения к тому, о чем Вы пишете»[1].

В отличие от других символистов «второй волны», Волошину был особенно близок именно «острый галльский смысл», а не «сумрачный германский гений» (его юношеский интерес к немецкой культуре очень быстро пошел на убыль). Специфически французский генотип прослеживается и в таких особенностях творческого мышления и стиля Волошина, как стремление к объективированной проясненности и красочной выразительности образов, свобода фантазии (но в союзе с логикой!), любовь к парадоксам, позволяющим увидеть в новом ракурсе то или иное устоявшееся явление или проблему. «Гений, парадоксов друг», — это уподобление Пушкина («О сколько нам открытий чудных...»), безусловно, всецело разделялось Волошиным. Заостренные до парадокса параллели и аргументы помогали поэту и критику сохранять свежесть и непосредственность восприятия и в то же время — в согласии с давним суждением Лихтенберга: «Острый ум — изобретатель, а рассудок — наблюдатель»[2] — выходить за пределы житейской рациональной описательности, ощущать скрытые биения бытия и сознания и претворять их в новый образ действительности.

«Галльское» начало сказывается и в сугубо эстетических пристрастиях Волошина. «Среди символистов он кажется парнасцем. Но строгий его стих пронизан всеми отливами чувств и утончениями мысли, доступными символистам. Мраморная статуя парнасского стиха ожила в его руках. <...> Свободному стиху символистов он придал неторопливую прозрачность, а новым символам — четкость и осязаемость»[3]. Кажется, что, характеризуя в этих строках поэзию столь высоко ценимого им Анри де Ренье, Волошин ненароком проговаривается и о себе. О влиянии на Волошина французских «парнасцев», виртуозов стиха, — Теофиля Готье, Эредиа, Леконта де Лиля и др. — говорили многие его современники, признавал это воздействие и он сам. Общее место во всех характеристиках поэтики «парнасцев» — слова о скульптурной пластичности образов, изобразительной отточенности и ясности форм; аналогичные описания порождает и стих Волошина: «Его слова, тяжелые всем весом материи, как сгустки действительности, как материализованный замысел, встают перед читателем — осязаемые, видимые, слышимые...»[4] Примечательно в этих словах преобладание изобразительных, пластических ассоциаций:

---

1 «Встречи с прошлым». Вып. 5. М., 1984. С. 228/Публ. К. Н. Суворовой.

2 Лихтенберг Георг Кристоф. Афоризмы. М., 1965. С. 94.

3 Волошин Максимилиан. Лики творчества. С. 55.

4 Карцевский Сергей. Максимилиан Волошин//«Последние новости» (Париж). 1922, 15 апреля.

сначала «осязаемые», «видимые» — и лишь в последнюю очередь «слышимые». Если большинство символистов с доверием отнеслось к лозунгу Верлена «музыка прежде всего», то творческий метод Волошина-поэта скорее можно было бы обозначить формулой: «живопись прежде всего». Или, говоря словами одного из рецензентов первой книги его стихотворений, «здесь порыв чувства <...> не стремится неудержимо перелиться в музыку слов и образов, здесь чувство, переработанное интеллектом, пытается отчеканиться в скульптуру образов»[1]. О специфической «антимузыкальности» Волошина говорят многие факты — от его собственных признаний (например, в письме к А.Н. Брянчанинову: «Музыка — единственное из искусств, о котором я не считаю себя вправе говорить и судить») до впечатлений мемуаристов, констатировавших отсутствие напевности при чтении им стихов, компенсировавшейся чеканкой и особой тяжестью, полновесностью слов[2].

Очень точно об этих особенностях волошинской поэтики сказал малозаметный поэт и критик С.Я. Рубанович в рецензии на книгу Волошина «Иверни»: «...слово для Волошина — смысл, плоть, краска, но не звук; стих — словопись, а не пение; отсюда же и склонность поэта к уже данным крепким строфическим формам»[3]. Не случайно Вяч. Иванов отмечал, что в стихах Волошина «как будто глаз говорит»[4]. Сложнейшую пространственную структуру, явленную в готическом соборе, внутренне законченную и управляемую строгими закономерностями, Волошин способен воспринимать как живой организм, движимый ритмами всепроникающей духовности (цикл стихотворений «Руанский собор», 1907). Аналогичным образом венок сонетов — столь же сложная и изощренная стиховая форма, подчиненная столь же строгим композиционным правилам, подвластная далеко не каждому мастеру (Волошин, одновременно с Вяч. Ивановым, был автором первого в истории русского стиха венка сонетов), — оказывается для него не стесняющим каркасом, а вполне свободной архитектонической системой, пригодной для исповедания основ поэтического мировоззрения («Corona astralis», 1909). Пластика — непременный атрибут не только стихотворных опытов Волошина, но и глубинной сути его самосознания: «И мысль росла, лепилась и ваялась По складкам гор, по выгибам холмов» («Коктебель», 1918). Звуковые образы в поэзии Волошина нередко возникают в связи с живописными, зрительными ассоциациями — например, соотносясь со своими знаками на картинах итальянских художников: «В душе

---

[1] «Утро России». 1910. № 109, 30 марта. С.7. Подпись: О.Б.

[2] ЦГАЛИ. Ф. 102, оп. 1, ед. хр. 10; Альтман М. Царь Киммерии (Из дневника 1929 г.)//Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 584.

[3] «Свободная жизнь». 1918. № 3, 4 июля.

[4] Волошин Максимилиан. Автобиографическая проза. Дневники. С. 202.

взволнованной торжественно поют Фанфары Тьеполо и флейты Джиорджьоне» («В янтарном забытьи полуденных минут...», 1913). Схватываемые зрительно черты облика человека становятся для Волошина, как правило, важнейшими свидетельствами, открывающими путь к постижению внутреннего «лика»; не случайно созданные им стихотворные портреты близких ему людей («Ропшин», «Бальмонт») начинаются с описания характерных примет внешности; тем же принципом Волошин руководствуется и в статьях, посвященных анализу творчества того или иного лично знакомого ему автора.

Приоритет «изобразительности» в стихотворениях Волошина во многом объясняется тем, что поэзией и рисованием он начинал заниматься параллельно: в Париже в первые годы нового века, одновременно с началом серьезного стихотворчества, он стал пробовать свои силы в зарисовках с натуры — заносить в небольшие альбомчики моментальные наброски лиц, фигур, эскизы, жанровые сценки и т. п. Хотя его попытки овладеть искусством живописи имели поначалу прикладной характер (первые работы акварелью, в которых он со всей полнотой раскрылся как яркий мастер со своим художественным миром и стилем, возникли лишь в середине 1910-х годов), двунаправленность творческих интересов не могла не сказываться. Акварели, писавшиеся часто позже «пейзажных» стихов и порой на затронутые в них темы, могут быть поняты как инобытие той творческой стихии, которая уже однажды воплотилась в поэтическом слове (показательно, что на выставке Волошина в Гос. академии художественных наук в 1927 году циклы его акварелей имели названия, апробированные ранее его же стихами: «Киммерийская весна», «Города в пустыне»). Многообразные творческие искания Волошина могут быть рассмотрены под знаком тяготения к некой эстетической теософии, синтезирующей в своем пантеоне различные виды искусства. Если поэзия мастера тяготеет к живописной выразительности и красочности, то его живопись — акварельные пейзажи — старается быть осуществлением сформулированных в слове художественных идей: многие акварели имеют надписи — микростихотворения в одну или несколько строк, напоминающие японские трехстишия — хокку. Ориентация на японское искусство у Волошина-акварелиста была последовательной и осознанной; одна из его надписей-«хокку» гласит:

Сквозь серебристые туманы
Лилово-дымчатые планы
С японской лягут простотой[1].

---

1 ПД. Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 82. Л.5. — О сходстве характера единства поэтического и живописного начал у Волошина с классической китайской и японской эстетикой см.: З а в а д с к а я Е. В. Поэтика киммерийского пейзажа в акварелях М.А. Волошина (Отзвуки культуры Востока)//Волошинские чтения. С.55—56.

В соединении слова с рисунком Волошин видел не логический параллелизм, а иррациональный союз, стремился, как он сам указывал, к «симфоническому, а не унисонному сочетанию», в котором акварель «служит только музыкальным аккомпанементом» возникающему стиху, который «вовсе не описывает видимый пейзаж, но загорается от него»[1]. В очерке «О самом себе» Волошин подчеркивает, что любая его акварель — не живопись в чистом виде, не этюд с натуры, а «музыкально-красочная композиция на тему киммерийского пейзажа». В живописи для Волошина самоценно не столько изображение, сколько постижение; не случайно П. Флоренский (как свидетельствует Георгий Шенгели) метко назвал волошинские акварели, раскрывающие сущность коктебельской природы, мета-геологией[2].

Киммерия (восточный Крым) — это особая волошинская тема, в трактовке которой отчетливее всего проявилось своеобразие его художнической натуры. Немного в истории мировой культуры отыщется примеров столь тесной связи между человеком-творцом и местом, где он жил и творил. Чувство общности с Коктебелем возникло у Волошина не сразу. «Я приезжал туда лишь путешественником», — признается он в одном из писем к А. М. Петровой из Парижа в сентябре 1908 года[3]. Впервые Коктебель раскрылся Волошину в своей сокровенной сути весной 1907 года, когда он решил побыть некоторое время в уединении, вдали от петербургской и московской литературной среды; тогда Волошин переживал тяжелые душевные испытания — осложнение и затем фактическое расторжение отношений с женой. Любовь его и Маргариты так и не смогла преобразиться в форму традиционного брачного союза: он не продлился и года. В октябре 1906 года Волошин с женой обосновались в Петербурге на Таврической улице, этажом ниже Вяч. Иванова, а в январе 1907 года переселились в квартиру Иванова. Пленяла вдохновенно-артистическая атмосфера, царившая на собраниях ивановской «башни», привлекали общение и беседы с ее хозяином, радовали новые литературные знакомства (М. Кузмин, С. Городецкий, А. Ремизов, В. Розанов, Ф. Сологуб и т. д.), — и все это пиршество духа обернулось для Волошина драмой: душевная близость, наметившаяся между Маргаритой и Вячеславом Ивановым, переросла в подлинную страсть, переживавшуюся обоими — в полном соответствии с канонами символистского мироощущения — и как дар свыше, и как благой мистический союз, и как мучительное испытание, которое нужно выдержать, отвергнув самое необходимое и дорогое.

---

1 Письмо Волошина к Ю. Л. Оболенской от 20 октября 1917 года.//ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 84.

2 Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 43, 360.

3 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 94.

В результате тяжелых внутренних борений и исповедальных объяснений Волошин принял решение — устраниться, предоставив жене полную свободу в ее чувствах и действиях.

Еще в сентябре 1906 года Вяч. Иванов говорил Волошину: «...в форме вы достигли полной мэтриз... Но всё за стеклом. Вам надо живого прикосновения к жизни» [1]. С долей сарказма приходится констатировать, что Иванову удалось косвенно содействовать осуществлению своего пожелания. Личная драма во многом способствовала перелому в мироощущении Волошина. Если предшествовавшая ей пора жизни проходила под знаком жадного познавания нового, стремления охватить всю реальность во всем ее многообразии, освоения неизведанных горизонтов культуры и земного пространства, то теперь Волошин приходит к большей внутренней сосредоточенности и цельности. «Я хочу ясного эпически свободного подъема, хочу строгого *ритма* в работе и жизни», — пишет он жене весной 1907 года [2]. Предельно распахнувшийся перед ним мир постепенно сужается и ограничивается местностью вокруг Коктебеля, которую поэт начинает осознавать как свою «горькую купель» и предопределенный ему дар судьбы.

Пейзажи восточного Крыма — полынные нагорья и равнины, выжженные солнцем, скалы, море и суровая нагота земли — стали в ту пору глубоко созвучны Волошину: «безрадостный Коктебель» помог избыть тяжесть личных переживаний, ощутить «сыновность и сиротство» своего пребывания в мире. Волошин начинает ощущать Коктебель «той землей, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее Одиссеево море» [3]. Коктебельские мотивы облекались в его стихах в изысканные, как и прежде, формы: достаточно указать хотя бы на стихотворение «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...», представляющее собой редкий для русской поэзии вариант строчного логаэда, — но они же обогатили его поэзию незаимствованным, сугубо личностным содержанием. В «киммерийских» стихах поэт достигает удивительного соответствия между точными описаниями того, что открывается глазу и осязается «горящими ступнями», и пейзажем души, между передачей сиюминутных, ускользающих впечатлений, окрашенных мифопоэтическими ассоциациями, и картинами извечного природного бытия. А. Н. Толстой назвал Волошина «поэтом ритма вечности» [4]; такое опре-

---

[1] Эти слова Иванова Волошин приводит в одном из писем к жене (ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111). «Мэтриз» (фр. maitrise) — господство, освоение.

[2] Там же. Ед. хр. 112.

[3] Письмо Волошина к Вяч. И. Иванову от 18 августа 1907 года.//ГБЛ. Ф. 109, карт. 15, ед. хр. 4.

[4] Толстой А. Н. О Волошине/Публ. А. И. Хайлова//А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 218.

деление оправдывается в первую очередь произведениями на «киммерийские» темы (цикл «Киммерийские сумерки» и др.), которые являются в то же время хроникой природной жизни, составленной человеком, постигшим трагическую мудрость земного существования. К познанию Киммерии Волошин подошел тогда, когда для него раскрылась подспудная и необходимая связь противоположных начал бытия, когда он после многих искушений разгадал те простые шифры, о которых писал А. М. Петровой в ноябре 1908 года.: «Теперь я глубоко понял, что для человека нет иного откровения, кроме того, что скрыто в каждом событии жизни, в каждом мгновении бытия. Что надо внимательно читать жизнь, не упуская ни одного извива ее. Что своего истинного „я“ надо искать не во внутреннем созерцании, а в том, как преображается в нас внешний мир. Я понял теперь глубокую и нежную любовь к жизни и в то же время отсутствие желаний, стесняющих свободное и широкое течение ее»[1]. Это мироощущение, суть которого будет позднее отчеканена в строках «Дома Поэта», было выношено Волошиным во многом благодаря открытию и постижению Киммерии.

Первая книга «Стихотворений», вышедшая в свет в конце февраля 1910 года, в своих разделах отразила основные этапы становления Волошина как личности и художника. За «Годами странствий», обозначающими исходную и центральную мифологему в его поэтическом самосознании, следует раздел «Amori amara sacrum», запечатлевший всплеск духовной жизни, который даровала любовь к Сабашниковой; третий раздел, «Звезда-полынь», объединяет стихотворения религиозно-мистического звучания с «киммерийскими», проливая свет на внутреннее самостояние Волошина, каким оно определилось к концу 1900-х годов; в иных аспектах «мировоззрение поэзии» Волошина раскрывается в четвертом разделе «Алтари в пустыне» (преобладающие в нем античные мотивы связаны непосредственным образом с кодификацией эстетики и литературной программы основанного в 1909 году журнала «Аполлон») и в пятом, заключительном, — венке сонетов «Corona astralis», — задрапированном в оккультные, «эзотерические» покровы торжественном исповедании веры «изгнанника, скитальца и поэта»:

В мирах любви — неверные кометы, —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, —
Полночных солнц к себе нас манят светы.

---

1 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 94.

При этом линия творческого становления, прослеживаемая сквозь всю книгу, не обнаруживает никаких зигзагов или резких переломов; прав был М. Кузмин, отмечавший в рецензии на «Стихотворения», что «значительной разницы между стихами 1900 года и 1909 года как-то не чувствуется»: «Более тщательная отделка строчек, некоторый перевес оккультизма над импрессионизмом — вот вся „эволюция“, какую мы могли заметить в авторе к концу этого десятилетия»[1]. И обусловлено это не только особенностями личности Волошина и его творческой психологии — стремлением избегать «крайностей», перехлестов в самовыражении, дисциплинирующей волей мастера, но и спецификой индивидуальной поэтики, формировавшейся уже в пору зрелости символизма и «программной» обозначенности всех его разветвлений.

В своей первой книге Волошин предстал как поэт символистского синтеза. Со «старшими» выразителями школы (Брюсовым, Бальмонтом) его роднили любовь к западноевропейским предтечам и прообразам, ориентация на французских модернистов, мировоззренческий «протеизм», тяготение к риторической пафосности и виртуозной отделке стиха; с «младшими» (Белый, Блок) — религиозно-философские и «тайнозрительные» устремления, неукоснительный автобиографизм, поэтическая мифологизация индивидуальной судьбы в соответствии с критериями «жизнестроительства». Волошин никогда не присоединялся к ригористическим попыткам «младших» преодолеть «самоценность» искусства, подчинить символистскую эстетику теургическим задачам — и в то же время он никогда не мог бы повторить вслед за Брюсовым: «Быть может, всё в жизни лишь средство Для ярко-певучих стихов» («Поэту», 1907). «Близкий всем», Волошин действительно в каких-то отношениях оставался «всему чужой»; «всемирная отзывчивость» — вполне в традиции величайшего из русских литературных пращуров — не мешала ему сохранять свое, вызывающе свое лицо, и эта суверенность личности принципиально отличала волошинский поэтический синтез от эпигонской эклектики, в пору появления «Стихотворений. 1900—1910» уже звучавшей дружным и громким хором.

---

1 «Аполлон». 1910. № 7, апрель. Отд. II. С. 37.

2

На выход в свет своего первого сборника Волошин отозвался написанным в марте 1910 года стихотворением с недвусмысленным заявлением в первой строке: «Теперь я мертв. Я стал строками книги...» Это стихотворение открывает вторую часть его итогового поэтического свода «Selva oscura», так и не опубликованную отдельным изданием. «Темный лес» (selva oscura) — образ, восходящий к первым строкам «Божественной Комедии»: в «темном лесу» очутился Данте, «земную жизнь пройдя до половины» («Nel mezzo del cammin di nostra vita Mi ritrovai per una selva oscura»). Серединой человеческой жизни Данте считал тридцатипятилетний возраст; в начале 1910-х годов Волошин приблизился к этому рубежу. Большой период личностного становления оставался позади, ощущался жизненный полдень. Пора осознанной зрелости оказалась для Волошина на определенное время, обозначенное периодом создания большинства стихотворений из «Selva oscura» — 1910—1914, — своего рода творческим промежутком: принципиально новые внутренние импульсы еще не овладели им, хотя исправно действовали прежние...

В целом для символистского движения второе десятилетие века, после периода «направленческой» консолидации и активных творческих осуществлений, явилось порой «безвременья», сказывавшегося и на судьбе «школы» как таковой (начался разброд в среде приверженцев, обозначились энергичные стремления к «преодолению символизма» со стороны новообразовавшихся поэтических течений), и на характере литературной деятельности символистов; «новое» в творчестве Брюсова, Сологуба, Вяч. Иванова и др. не слишком много добавляет к «старому», уже определившемуся, часто рождается силой инерции прежних достижений. Не миновала эта участь и поэзию Волошина. Определение «Твой утомленный лик <...> на фоне Ренессанса» из его стихотворения «В янтарном забытьи полуденных минут...» (1913), непосредственно относящееся к шекспировской Порции из «Венецианского купца», могло восприниматься и как одно из отражений образа автора. Стихи, собранные в «Selva oscura», звучат как эхо, рожденное первой книгой Волошина; в лучшем случае — как новые, порой даже более виртуозные вариации на уже исполнявшиеся темы. В течение ряда лет поэт остается в кругу ранее обозначенных тематико-стилевых границ и ориентиров; новые творческие усилия приводят не столько к развитию и видоизменению, сколько к возобновлению прежнего. Эта особенность проявлена даже в композиции «Selva oscura»; похоже, что, формируя книгу, Волошин стремился подчеркнуть зеркальные соответствия с первым сборником: открывающему «Стихотворения. 1900 — 1910» разделу «Годы странствий» в «Selva oscura» соответствует раздел «Блуждания» (композиционное подобие усилено смысловой перекличкой), циклу

«Киммерийские сумерки» — цикл «Киммерийская весна»; обе книги завершаются венками сонетов (в «Selva oscura», правда, после «Lunaria» следует «поэтический символ веры» Волошина — стихотворение «Подмастерье»), также отражающимися друг в друге: общность философско-оккультной проблематики и единый символистский метод позволили Волошину в сборнике своих избранных стихотворений «Иверни» объединить «Corona astralis» и «Lunaria» в «Двойной венок».

Вероятно, неудовлетворенность Волошина общим результатом своей поэтической деятельности в первую половину 1910-х годов способствовала тому, что он не спешил с формированием и изданием новой книги стихов. Другой, не менее важной причиной было то, что именно в это время, когда другие символисты стали общепризнанными почитаемыми писателями, а некоторые даже чуть ли не живыми классиками, Волошин со всей остротой ощутил свое литературное изгойство. «Чувствую себя как-то очень „не ко двору" в русской литературе, — признавался он 1 апреля 1914 года в письме к Конст. Эрбергу, — но примиряюсь с этим охотно»[1].

Волошин всегда оставался равнодушен к соблазнам литературной славы, не претендовал на лидерство и не прилагал особенных усилий к достижению внешних успехов, созданию «имени» и благополучия. Корпоративные литературные связи он ценил лишь постольку, поскольку они способствовали его самовыражению как творческой личности и обогащали его общением с ценимыми им художниками, поскольку могли формировать содружество неординарно мыслящих и чувствующих людей. Именно такое содружество он надеялся обрести в среде литераторов, объединившихся в 1909 году вокруг редакции новообразованного петербургского журнала «Аполлон». Эстетические установки, на которых зиждилась программа журнала, — стремление к стройному, сознательному, «аполлоническому» творчеству, открытому новым веяниям и далекому от «академизма», опирающемуся на живые традиции и требования строгого эстетического вкуса и «меры», — всецело разделялись Волошиным, и он внес немалую лепту в общую концепцию «аполлонизма», вырабатывавшуюся совместно Вяч. Ивановым, И. Анненским, С. Маковским, М. Кузминым и другими «аполлоновцами». Эстетическую норму «аполлонизма» он пытался соблюсти в «античных» стихотворениях 1909 года, вошедших в раздел «Алтари в пустыне», а также в переводе оды французского поэта-символиста Поля Клоделя «Музы», помещенном в 1910 году в 9-м номере «Аполлона». В кругу «Аполлона» осенью 1909 года развернулась знаменитая история с таинственной Черубиной де Габриак: в роли экзотической красавицы-аристократки, пишущей

---

[1] ПД. Ф. 474, ед. хр. 100.

вдохновенные романтические стихи, выступала незаметная поэтесса Е. И. Дмитриева, а вдохновителем и режиссером литературного маскарада и отчасти соавтором Черубины выступал Волошин [1].

Скрывавшаяся под маской Черубины Елизавета Дмитриева, адресат ряда лирических стихотворений Волошина 1909—1910 гг., на какое-то время заняла в его внутреннем мире то место, которое ранее было уделено Маргарите Сабашниковой; но и в этом случае союзу душ не суждено было укрепиться. Параллельно развивавшиеся отношения Дмитриевой с Н. Гумилевым, отмеченные острыми психологическими изломами в духе Достоевского, закончились прилюдной сценой, напомнившей И. Ф. Анненскому известный эпизод из «Бесов»: 19 ноября 1909 года в мастерской художника А. Я. Головина под куполом Мариинского театра Волошин нанес Гумилеву пощечину, 22 ноября между поэтами состоялась дуэль. Оба противника остались невредимыми, но скандальный эффект вокруг этого происшествия был чрезвычайно громким. Инцидент не в малой степени способствовал отдалению Волошина от «Аполлона», поскольку в ближайшем редакционном кругу журнала Гумилев с самого начала играл весьма значимую роль, и она со временем все усиливалась. С. Ауслендер сообщает, что между Волошиным и Гумилевым велась борьба «за Маковского», редактора «Аполлона», в ходе которой «Волошину пришлось ретироваться» [2]. Сам Маковский отмечает в мемуарном очерке о Волошине: «Среди сотрудников „Аполлона“ он оставался чужаком по всему складу мышления, по своему самосознанию и по универсализму художнических и умозрительных пристрастий» [3]. Волошинский «ортодоксальный» символистский универсализм, действительно, плохо вписывался в те сугубо эстетические контуры, которые постепенно принимала программа «Аполлона»: в начале 1913 года она обернется акмеистическими декларациями Гумилева и Городецкого. И хотя Волошин продолжал достаточно регулярно выступать в «Аполлоне» и в его хроникально-информационном приложении «Русская художественная летопись» как художественный и театральный критик, участие его в журнале перестало быть жизненно значимым делом.

Своеобразным аналогом петербургской дуэли в биографии Волошина стала «репинская история» в Москве — скандал, получивший на этот раз всероссийский резонанс. 16 января 1913 года в Третьяковской галерее был совершен поразивший всех акт ванда-

---

[1] См.: Д а в ы д о в З., К у п ч е н к о В. Черубина//«Памир». 1989. № 8. С. 124—160; Д а в ы д о в З. Д., К у п ч е н к о В. П. Максимилиан Волошин. Рассказ о Черубине де Габриак//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С.41—61.

[2] А у с л е н д е р С. А. Воспоминания о Н. С. Гумилеве/Публ. К. М. Поливанова//Панорама искусств. 11. М., 1988. С. 200.

[3] М а к о в с к и й С е р г е й. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 314.

лизма: душевнобольной А. Балашов изрезал ножом знаменитую картину И. Е. Репина «Иван Грозный и его сын Иван». Волошин откликнулся на это событие статьей «О смысле катастрофы, постигшей картину Репина», опубликованной в газете «Утро России» 19 января, и выступлением на публичном диспуте 12 февраля 1913 года в Политехническом музее. Верный своему парадоксальному методу, Волошин доказывал, что главным виновником случившегося является сама картина и та саморазрушительная сила, которая таится в натуралистической демонстрации ужаса и страданий. Поэт пытался найти психологическое объяснение поступка Балашова, поднимая тему соотношения реализма и натурализма в искусстве и нелицеприятно критикуя натуралистический метод в живописи Репина, — публика же оскорбилась за Репина, а вслед за ней и журналисты и репортеры обрушились на Волошина со страниц многочисленных изданий с яростью, сопоставимой разве что с «проработочными» литературными кампаниями недавнего недоброй памяти времени: смысл аргументов грубо искажался, Волошина представляли как озлобленного герострата, дополнительный резонанс вызывал тот факт, что поэт выступал в союзе с авангардистским «Бубновым валетом», резко критиковавшим Репина (а сам автор пострадавшей картины заявлял, что «в содеянном виноваты новые бурлюки»), и т. д.[1]. О последствиях Волошин сообщает в автобиографии: «...все редакции для моих статей закрываются, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам»[2]. Печатный бойкот, правда, не был тотальным (стихи Волошина печатал «Керчь-Феодосийский курьер», далекий от воздействий столичного общественного мнения, статьи — тот же «Аполлон»; в 1914 году вышли две книги Волошина — сборник статей «Лики творчества» в издании «Аполлона» и переведенная им книга эссе Поля де Сен-Виктора «Боги и люди» в издательстве М. и С. Сабашниковых), но ощущение литературной отверженности тем не менее было у Волошина очень отчетливым.

Годы перед первой мировой войной для Волошина — это главным образом «коктебельский затвор», отчасти добровольный, отчасти вынужденный указанными обстоятельствами. «Уходы», как известно, — удел судеб многих символистов, искавших для воплощения своего внутреннего «я» новые жизненные поприща: Александр Добролюбов и Леонид Семенов ушли «в народ», Владимир Гиппиус — в педагогику, Эллис — в католицизм, Андрей Белый на ряд лет — в среду зарубежных антропософов. Коктебельский «уход» Волошина был не столько преодолением и самоограничением, сколько возвращением к самому себе, обретением сути

---

1 См.: Волошин Максимилиан. О Репине М., 1913; Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 294—301, 669—671.

2 Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 31—32.

своей личности — на все последующие годы. По аналогии со знаменитым изречением Людовика XIV «L'état c'est moi» («Государство — это я») Волошин записал в анкете М. Шкапской: «Коктебель — c'est moi» [1], — и эта шуточная автохарактеристика вполне подтверждается отзывами многих посетителей его «затвора». «Максимилиан — душа этих мест — не метафора: он действительно свое лицо придал этим местам, — записал 16 августа 1929 года в дневнике М. С. Альтман. — И он — язык этих немых громад. Он их и глаза (живопись), и уста (поэзия). Их великолепие и нищета, киммерийский свет и сумерки» [2]. Удивительная игра природы — «профиль» Волошина, распознаваемый в очертаниях скалы, замыкающей коктебельский залив, — без всяких усилий фантазии может восприниматься как авторская подпись к тому целому, которое являет собой Коктебель.

«Киммерийские» пространства даровали Волошину-странствователю не только свои извечные черты, но и возможность путешествия по времени: поэт воспринимал Крым как часть Средиземноморья, открывающую слой за слоем предания ушедших веков, как перекресток дорог между различными культурами, оставившими здесь свой след. Постепенно Коктебель становится для Волошина символическим образом мироздания, в котором аккумулируются все многоразличные «лики земли», следы ее истории и культуры, а «Киммерии печальная область» — универсальной парадигмой бытия, являющего все единство разнообразия и вбирающего все разнообразие единства. Глубже всего Волошин постигал этот уголок земли в уединенных созерцаниях, однако Коктебель всегда был для него земным приделом, открытым для разнообразных веяний живой жизни. Коктебель дает возможность Волошину уйти от чуждой ему «механической» цивилизации в мир природы, естественных человеческих отношений и преемственной, органической культуры. Отойдя от активного участия в литературной деятельности, он формирует — без всяких целенаправленных усилий, ненароком — вокруг коктебельского пристанища своего рода игровую среду, в которой традиционные формы и нормы, принятые в «цивилизованном» обществе, подвергались шуточной переоценке.

Уже история с Черубиной представляла собой для Волошина попытку оспорить и спародировать определенный стиль литературного поведения; уход из «внешней» писательской среды способствовал созданию параллельной, как бы изнаночной, структуры человеческих и творческих взаимоотношений, контрастной по отношению к «официальным» интеллигентским объединениям. Лето 1911 года в Коктебеле было «первым летом обормотов»: «обормотником» называлось дружеское сообщество, возникшее в доме

---

[1] ЦГАЛИ. Ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 163.
[2] Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 588.

Волошина (он сам и его мать, сестры Марина и Анастасия Цветаевы, Сергей Эфрон и его сестры Вера и Елизавета, художники Леонид Фейнберг и Людвиг Квятковский и др.). Сложился своего рода травестированный вид литературно-общественного объединения; в кругу «обормотов» царил дух игры и мистификации, свободного и легкого приятия жизни, рождались всевозможные выдумки и эскапады, шутливые стихотворные экспромты, «мистические танцы», «магические действа» и т. п. — разнообразнейший и глубоко артистичный «вздор на вздоре», по определению самого Волошина [1]. «Элегантную дерзость и презрение к общественному мнению», «естественную эксцентричность» отмечал Волошин в высоко ценимом им «подземном классике» французской литературы Барбе д'Оревильи [2], но те же качества были в значительной мере присущи и ему самому.

Постепенно волошинский дом становится густонаселенным пристанищем и местом отдыха писателей и друзей поэта, «Коктебельским Волхозом» (по определению Евг. Замятина в надписи Волошину на одном из томов своего собрания сочинений) — «Волошинским Вольным Волшебным Хозяйством». 13 сентября 1925 года Волошин извещал прозаика А. А. Кипена: «Я превратил свой дом в бесплатную колонию для писателей, художников и ученых, и это дает мне возможность видеть русскую литературу у себя, не ездя в Москву и СПб.» [3]. Пребывание в Коктебеле сулило его гостям, как обещал Волошин в письме к А. И. Полканову (1924), «свободное дружеское сожитие, где каждый, кто придется „ко двору", становится полноправным членом. Для этого же требуется: радостное приятие жизни, любовь к людям и внесение своей доли интеллектуальной жизни» [4]. С годами волошинский Коктебель приобрел известность как своеобразный культурный центр, не имевший тогда в стране никаких аналогий. «Киммерийскими Афинами» назвал его поэт и переводчик Георгий Шенгели. По словам Волошина, Брюсов, говоря о Коктебеле, заявлял, что «сейчас в России нет нигде такого сосредоточия интересных людей» [5]. В самом деле, в гостеприимном доме Волошина в разное время обретались А. Н. Толстой, Н. С. Гумилев, М. И. Цветаева, Е. И. Замятин, О. Э. Мандельштам, В. Я. Брюсов, Андрей Белый, В. Ф. Ходасевич, М. А. Булгаков, С. М. Соловьев, К. И. Чуковский, М. М. Шкапская, Андрей Соболь, С. З. Федорченко, В. А. Рож-

---

[1] Фейнберг Л. Из книги «Три лета в гостях у Максимилиана Волошина»//Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 277.

[2] Волошин Максимилиан. Лики творчества. С. 43, 50.

[3] ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 54.

[4] Шульц Н. Планерское (Коктебель): Очерк-путеводитель. Симферополь. 1966. С. 17.

[5] Письмо Волошина к А. М. Пешковскому от 23 марта 1925 года//ИМЛИ. Ф. 79, оп. 1, ед. хр. 27.

дественский, С. Н. Дурылин, многие другие писатели, а также художники, артисты, ученые. Коктебельский дом Волошина являл собой подобие утопической Телемской обители из романа Рабле, в нем жил дух творчества и игры, царили непринужденность, веселость и свобода — непременные атрибуты подлинной культуры. В самом Волошине было чрезвычайно сильно ренессансное начало; поэт был отзывчив на самые разнообразные проявления человеческого духа, и эту энергию своей личности щедро передавал окружающим. Андрей Белый по праву назвал Коктебель «целым единственной жизни» Волошина, а самого поэта — «творцом быта», «хозяином единственного в своем роде сочетания людей, умевшим соединять самые противоречивые устремления, соединяя людские души так, как художник-мозаичист складывает из камушков неповторимую картину целого» [1]. Кажется, что здесь, в никому не ведомом ранее пустынном уголке восточного Крыма, Волошину удалось в полной мере осуществить символистский завет, сформулированный в крылатых строках Ф. Сологуба: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт».

Легендарный ореол рождался и вокруг самого образа Волошина. Живший в юности в соседней с Коктебелем Феодосии Андрей Седых свидетельствует: «Волошин был достопримечательностью нашего города, наравне с музеем Айвазовского или Генуэзской башней» [2]. Чаще всего облик Волошина вызывал античные, «языческие» ассоциации, что объяснялось и его любимым облачением (белый полотняный балахон, похожий на греческие одеяния), и портретным сходством с бюстом Зевса Отриколийского, подмеченным и им самим («Я узнаю себя в чертах Отриколийского кумира»). У тех, кому был открыт доступ во внутренний мир Волошина, рождались иные мифотворческие параллели; так, Андрей Соболь в рассказе «Обломки» (1921) представил Волошина Звездочетом, тот же образ возникает у А. Н. Толстого в набросках его статьи «О Волошине»: «Видишь звездочета на вершине семиярусного холма, запрокинувшего большое бородатое лицо к вечным числам вселенной...» [3] Однако духовные порывы Волошина были устремлены не только к астральным сферам, они были пронизаны плотью и кровью сиюминутной, земной жизни, и в этой связи, думается, правомерна еще одна параллель. Как известно, одним из любимейших великих людей прошлого для Волошина был св.

---

[1] Белый Андрей. Дом-музей М. А. Волошина//Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 508, 509.

[2] Седых Андрей. Далекие, близкие. [New York], 1962. С. 18.

[3] Соболь Андрей. Обломки: Третья книга рассказов 1920—1923 гг. М.; Пб., 1923. С. 105, 108, 115, 126; А. Н. Толстой. Материалы и исследования. С. 218.

Франциск Ассизский — основатель нищенствующего монашеского ордена францисканцев, проповедовавший духовную радость, добродетель ощущения Христа в мире, а не вне мира, любовь к природе, данной человеку как Божий дар, чувство братства со всем сущим. Франциска воспевали многие современники Волошина — от Д. С. Мережковского (поэма «Франциск Ассизский») до С. Н. Дурылина (Сергея Раевского), автора цикла «францисканских» стихотворений, и Л. Каннегисера[1]; принес свою дань почитания святому и Волошин стихотворением «Святой Франциск» (1919). В декабре 1921 года он читал в Феодосии лекцию «Францисканство и Ренессанс», один из тезисов которой гласил: «Св. Франциск — ось европейской истории»; 1 августа 1926 года в доме Волошина состоялось собрание в честь 700-летия со дня смерти Франциска Ассизского, на котором С. М. Соловьев отслужил литургию, а С. Н. Дурылин прочел отрывки о Франциске (Волошин тогда заметил: «Во всем СССР мы, наверное, единственные люди, почтившие память святого Франциска»)[2].

Если искать в истории хотя бы отдаленные аналогии и самые общие соответствия личности Волошина, то черты сходства с этим святым католической церкви окажутся весьма знаменательными. В самом деле, разве не согласуются с францисканским идеалом те аттестации, которые давал Волошину А. С. Ященко: «Он понял жизнь птиц, полевых лилий и широких рек», «он никогда не стремился к достижению практических целей, презирал материальную суету жизни»[3]? Разве противоречит этому идеалу безмерная (но не безвольная и никак не беспринципная) толерантность и доброжелательность Волошина: «...он никогда никого не осуждал»; «Поссорить Макса с кем-либо было мудрено, я думаю, просто невозможно. На него не действовали ни наговоры, ни интриги»?[4] Подлинно францисканского пафоса исполнены размышления Волошина в письме к Ю. Л. Оболенской от 11 декабря 1916 года: «Мы видим вокруг себя вселенную, проникнутую глубокой *мудростью:* все вокруг глубоко связано и обусловлено законами причинности. А наше дело создать вселенную, проникнутую *любовью...* Ведь в этой мудрости нет любви. А нужно, чтобы во всякой частице мира была разлита любовь, и стала его логикой, его причинностью. Мы творим эту вселенную»[5].

Благословляющая любовь к миру и независимость — иногда вызывающая — от житейских условностей, вплоть до отказа от

---

1 См.: Антология. М.: «Мусагет», 1911. С.143—146; К а н н е г и с е р Л е о н и д. Стихи о Франциске//«Русская мысль». 1915. № 8. Отд. I. С. 181—182.

2 Цит. по: К у п ч е н к о В л. Странствие Максимилиана Волошина//«Подъем». 1992, № 2. С. 142.

3 Письмо к Л. Н. Андрееву от 5 января 1903 года //ПД. Ф. 562, оп. 4, ед. хр. 4.

4 Р а к и т и н Ю. Л. О Максимилиане Волошине (Рукопись в зарубежном собрании); Б а л ь м о н т Е. А. Воспоминания о Волошине //ЦГАЛИ. Ф. 57, оп. 2, ед. хр. 11. Л. 7.

5 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 84.

собственности, непочтение к любым формам социально-политического устройства и одновременно предельно открытый, изначально дружественный подход к любому человеку, — попытки Волошина жить в согласии с этими принципами в мирном дореволюционном Коктебеле со стороны часто воспринимались как безрассудство и чудачество. Иногда его поступки могли показаться рискованной дерзостью. Так, будучи призванным в 1916 году на военную службу, он обратился с письмом к военному министру, в котором заявлял: «Я отказываюсь быть солдатом, как Европеец, как художник, как поэт: как Европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной и междоусобной войне <...> Как художник, работа которого есть созидание форм, я не могу принять участия в деле разрушения форм, и в том числе самой совершенной — храма человеческого тела. Как поэт, я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг — понимание. Тот, кто убежден, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побежденным, чем победителем, т. к. поражение на физическом плане есть победа на духовном, — не может быть солдатом»[1]. Тогда это письмо неприятных для Волошина последствий не возымело. Однако верность избранным принципам поэту удалось сохранить и в те годы, когда за отстаивание подобного понимания жизни легко было поплатиться самой жизнью, и Волошин прошел через эти испытания, не поступившись ничем из своего внутреннего достояния.

3

В 1911 году близко знавший Волошина А. Н. Толстой вывел его во второй части своего романа «Две жизни» в образе поэта Макса. «По рождению я русский, но принадлежу всему миру, я странник», — отрекомендовывается Макс и тут же говорит о «ледяном дыхании истерзанной России»[2]. Толстой проницательно угадал потаенную суть внутреннего самосознания Волошина еще до того, как она наглядно проявила себя в его произведениях. Даже такие интимные друзья Волошина, как Бальмонт, не сопрягали его демонстративный «европеизм» с национальным началом. Бальмонт с уверенностью провозгласил в сонете «Максу» (10 марта 1914 года): «Ты к нам пришел сюда от чуждых берегов. Твой лик не совмещу с моей родною ивой»[3]. И тем не менее во всех

---

[1] Гаврилов Б. А. «Как европеец, как художник, как поэт...»//Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 221.

[2] Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1949. Т.2. С. 558.

[3] Давыдов З. Д., Купченко В. П. Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М., 1990. С. 48.

жизненных скитаниях чувство причастности российской истории и культуре никогда не покидало Волошина. Еще в ранней молодости, отправляясь во Францию, он писал А. М. Петровой (12 февраля 1901 года): «Вы боитесь, что я отрешусь от всего родного. Теперь пока это, может, и *надо* будет сделать, чтобы получить полный и абсолютный простор для мысли. А потом, когда наступит время, родное само хлынет в душу неизбежным, неотразимым, потоком и тем сильнее хлынет». И далее он ссылается на слова Щедрина из «Убежища Монрепо»: «...все-таки выходит, что у нас лучше. Лучше, потому что больней. Это совсем особенная логика, но все-таки логика, и именно — логика любви. Вот этот-то культ, в основании которого лежит сердечная боль, и есть истинно русский культ» [1]. Применительно к своей творческой судьбе Волошин оказался в 1901 году пророком: в согласии с «особенной логикой» национальная проблематика вышла у него на первый план в дни самых тяжких для России исторических испытаний.

Начало первой мировой войны застало Волошина в нейтральной Швейцарии: 18/31 июля 1914 года, в самый последний момент перед закрытием границ, он объявился на швейцарской территории и прибыл в Дорнах, где прожил до января 1915 года, работая на строительстве антропософского центра — Гётеанума. «И я, как запоздалый зверь, Вошел последним внутрь ковчега», — написал он тогда в стихотворении «Под знаком Льва». «Ковчег», который являло собой многонациональное братство антропософов, собравшееся в Дорнахе, оказался для Волошина уже не умозрительной, а вполне жизненной школой утверждения в себе общечеловеческого, внеполитического отношения к войне и любого рода «усобицам»: «...отсюда видишь войну как бы изнутри и с точек зрения разных национальностей» [2]. В январе 1915 года Волошин перебрался в Париж, где прожил до начала апреля 1916 года (лето и осень 1915 года провел на юге Франции в Биаррице на вилле своих новых близких друзей М. О. и М. С. Цетлиных), — много рисовал акварелью, встречался с тогдашними русскими парижанами (И. Г. Эренбургом, Б. В. Савинковым, Л. С. Бакстом, М. Б. Стебельской и др.), виделся с блистательными представителями художественной общины, соединившимися в «столице мира», — в их числе были Одилон Редон, Амеде Озанфан, Осип Цадкин, Диего Ривера, Пабло Пикассо, Фернан Леже, Хаим Сутин, Рене Менар, Амедео Модильяни, Макс Жакоб... Казалось бы, у Волошина имелись все основания для безмятежной жизни, но ей мешало острое осознание катастрофизма происходящих и надвигающихся событий.

---

[1] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. С. 140; Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1972. Т. 13. С. 334.

[2] Письмо Волошина к К. В. Кандаурову от 22 октября 1914 года//ЦГАЛИ. Ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41.

Общественная позиция, занятая тогда Волошиным, не имела ничего общего с националистическим энтузиазмом, охватившим многих русских писателей; М. О. Цетлин метко определил ее как «метафизический интернационализм»[1]. Стихи Волошина, в которых он со всей силой и страстью сказал свое слово о мировой войне, составили небольшой сборник «Anno mundi ardentis 1915» («В год пылающего мира 1915»). На переднем плане картины, рисуемой в нем, — «лики Парижа» в дни войны, в целом же содержание этой картины имеет глобальный космический смысл; функциональное назначение отдельных примет наблюдаемой действительности в них то же, что и в конкретных, слагающихся в общую композицию эпизодах Страшного Суда, увиденного средневековым мастером. Трагедия Европы предстала в восприятии Волошина в мистико-апокалипсических образах — «как темный бунтующий хаос, разорвавший покровы современного сознания»[2] (по характеристике В. М. Жирмунского, рецензировавшего книгу). Пророческая риторика этого сборника во многом предопределила художественную ткань волошинских стихов, создававшихся в конце 1910-х — начале 1920-х годов. Российская проблематика еще не нашла в «Anno mundi ardentis» прямого отражения, но в 1915 году Волошин уже много размышляет на темы национального самоопределения и мессианского предназначения России: западноевропейские народы, по его убеждению, окончательно порабощены «демонами» современной цивилизации, приведшими к истребительной «великой брани»; здоровые же силы еще сохранились у славянских народов, в их сравнительно молодой и не исчерпавшей всех потенций духовной культуре.

Почти за год до Февральской революции Волошин возвращается в Россию и обосновывается в Коктебеле, где живет постоянно до конца своих дней. Стихи, написанные им в годы революции и гражданской войны, — самое значительное из всего, что создал Волошин, в них его поэтический голос обрел мощь и выразительность, каких он ранее не достигал, и это хорошо понимали многие современники поэта. Андрей Белый сопоставлял Волошина прежнего с Волошиным новым: «За пять лет революции он удивительно изменился, много и серьезно пережил <...> с изумлением вижу, что „*Макс*“ Волошин стал „Максимилианом“; и хотя все еще элементы „латинской культуры искусств“ разделяют нас с ним, но в точках любви к современной России мы встречаемся, о чем свидетельствуют его изумительные стихи. Вот еще „старик“ от эпохи символизма, который оказался моложе многих „молодых“»[3]. Художница Ю. Л. Оболенская отзывалась о новых стихах

---

[1] Цетлин Мих. (Амари). Силуэты. 5. Максимилиан Волошин//«Понедельник». 1918. № 8, 9/22 апреля.

[2] «Биржевые ведомости». Утр. вып. 1916. № 15791, 9 сентября.

[3] Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 года//ЦГАЛИ. Ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 16.

Волошина в письме к нему от 6 декабря 1917 года: «Совсем новые слова опять появились у Вас и ритмы неожиданные, и хорошо, что именно для России. Только у Блока я так слышу музыку страны»[1]. Действительно, сумев в полной мере отразить в творчестве всю глубину трагедии, переживавшейся его родиной, Волошин сумел из великолепного мастера стиха вырасти в поэта общенационального значения.

Когда победила Февральская революция, Волошин не поддался тем прекраснодушным надеждам, которые объединили многих его современников. Угрозы надвигавшегося за свержением самодержавия всеобщего разложения и катастрофы казались ему все более явственными, и в стихах его вновь, как и в пору первой русской революции, замаячили французские прообразы — Робеспьер, Бонапарт, взятие Бастилии, якобинский террор, Термидор. Предвидения Волошина окрашены в мрачные тона: «Социализм, который, конечно, восторжествует, принесет с собою лишь более крепкие узы еще более жестокой государственности»[2]. Его охватывает воодушевление — но лишь тогда, когда ему открываются в омуте каждодневной политической сумятицы проблески действий, способствующих созданию «нового государственного сплава», достойного России и ее духовного предназначения. Так, в августе 1917 года, узнав о назначении Б. В. Савинкова на пост управляющего Военным министерством Временного правительства, Волошин отправляет ему письмо, в котором заявляет: «Из всех людей, выдвинутых революцией, я вижу в вас единственного „литейщика", потому что только в вас глубокая религиозная вера соединяется с таким же глубоким критическим знанием человека. <...> если те именно силы, что есть во мне, могут понадобиться для Вашего сплава, то я с радостью даю Вам право располагать мною»[3].

Высказанная в этих строках готовность участвовать в каких-то активных общественно-политических действиях — прецедент для Волошина едва ли не уникальный: сам он не раз подчеркивал, что социальная борьба, политика ему решительно чужды, что его удел — лишь «понимание и претворение в слово» (как он формулирует в том же письме к Савинкову). При этом понимание происходящего у Волошина, несмотря на всю его склонность к отвлеченному умозрению и религиозно-мистическому утопизму, всегда оставалось достаточно адекватным и не искажалось миражами и спекулятивными построениями. «С Россией кончено», — таков был его ясный и недвусмысленный приговор, произнесенный 23 ноября 1917 года в стихотворении «Мир». Столь же ясной и определенной была его общественная позиция. Испытания, которые

---

[1] ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901.
[2] Письмо к А. М. Петровой от 9 мая 1917 года//У истоков русской советской литературы: 1917—1922. Л., 1990. С. 29.
[3] ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 114.

суждено было перенести его родине, Волошин встретил достойно и бесстрашно. «Вернувшись весною 1917 года в Крым, — писал он в автобиографии, — я уже более не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую — и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой. Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей о совершающемся»[1].

Нередко общественная позиция Волошина в эпоху гражданской войны изобличалась как политический инфантилизм, как попытка уклониться от неизбежного выбора и стать «над схваткой». «Волны Черного моря бьются в скалу в Коктебеле, где возвышается холм его одинокой могилы, — велеречиво писал, например, один из присяжных советских критиков. — И вечный их ропот словно с укоризной говорит о том, что поэт остался „над схваткой", так и не сумев прочитать и понять великую революционную страницу в истории его родины»[2]. Из всех мифов, сложившихся о Волошине, этот, пожалуй, самый неверный в своем злонамеренном искажении действительного положения вещей. На деле Волошин отнюдь не стремился возвыситься над происходящими событиями и остаться индифферентным к ним, да и никогда не смог бы этого сделать, находясь в клокочущем Крыму, в обстановке, сделавшей человеческую жизнь самым эфемерным понятием. Вот только хроника «перемен декораций» за три года: начало января 1918 года — установление советской власти в Феодосии; конец апреля 1918 года — оккупация Крыма немецкими войсками; осень 1918 года — создание под немецкой эгидой крымского Краевого правительства во главе с царским генералом Сулейманом Сулькевичем; ноябрь 1918 года — Краевое правительство возглавляет караим Соломон Крым, член кадетской партии, приверженец Антанты; апрель 1919 — приход в Крым Красной армии, в Феодосии большевики; вторая половина июня 1919 года — занятие Феодосии Добровольческой армией А. И. Деникина; ноябрь 1920 года — взятие Крыма красными. В этих обстоятельствах Волошин не отделял свою судьбу от судьбы России и принимал на себя все испытания, которые ей предстояло перенести. Справедливо мнение о том, что Волошин ощущал себя в самом центре революционного циклона[3]. «Я не нейтрален, — заявлял он 12 января 1924 года в письме к Б. Талю, — а гораздо хуже: я рассматриваю буржуазию и пролетариат, белых и красных, как антиномические выявления единой сущности. Гражданскую войну —

---

[1] Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 32.

[2] Зелинский Корнелий. На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917—1920 годов. М., 1960. С. 162.

[3] См.: Долгополов Л. К. Волошин и русская история (на материале крымских стихов 1917—1921 годов)//«Русская литература». 1987. № 4. С. 173.

как дружное сотрудничество в едином деле. Между противниками всегда провожу знак равенства»[1].

Прав был, однако, князь В. А. Оболенский, активный участник политической жизни Крыма того времени, когда утверждал, что «в гражданской войне нельзя быть нейтральным» и что «считавшие себя нейтральными люди подсознательно чувствовали „нашими“ — одни добровольцев, а другие большевиков»[2]. Волошинские личные предпочтения в этом отношении также были проявлены достаточно откровенно. В статье «Вся власть патриарху» (декабрь 1918 года), ставя вопрос о том, «какова должна быть конструкция временной власти, общей для всей России», он уверенно утверждал: «Орудие этой власти не вызывает сомнений — это Добровольческая армия»[3]. Столь же определенно политические эмоции Волошина выражены в его письме к В. В. Шульгину от 24 июня 1919 года: «Сейчас Крым, слава Богу, занимается Добровольческой армией. Эти три страшных месяца большевистской оккупации были отчасти смягчены тем, что на этот раз вся крымская интеллигенция, оставшаяся на местах, пошла в просветительные советские учреждения, послужила буфером между большевиками и обществом и спасла Крым от окончательного разгрома»[4]. И тем не менее Волошин не примыкает безраздельно и к «добровольцам». Единственно приемлемой для себя политической установкой он считает следование простым аксиомам, сформулированным собеседником Цицерона Помпонием Аттиком: «...у людей существует лишь одно, равное для всех и общее правило жизни <...> все люди связаны <...> природным чувством снисходительности и благожелательности дру к другу, а также и общностью права» («О законах», кн. 1, XIII, 35)[5].

При таком самосознании и такой позиции внимание к расстановке борющихся сил оказывается второстепенным, и Волошин не анализирует, кто прав и кто виноват в братоубийственной борьбе, он отказывается самоопределяться, сообразуясь со шкалой жестких политических императивов. Свою задачу поэт видит в том, чтобы передать с предельной откровенностью и со всей силой сострадания те муки, которые переживает его родина в кровавой купели гражданской войны. И когда возникал вопрос об эми рации, позиция Волошина была вполне определенной. «Там — в эмиграции меня, оказывается, очень ценят: всюду перепечатывают, цитируют, читают, обо мне читают лекции, называют единственным национальным поэтом, оставшимся после смерти Блока,

---

1 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 121.

2 Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 649.

3 «Урал». 1990. № 3. С. 160/Публ. Вл. Купченко.

4 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 136.

5 Цицерон. Диалоги. М., 1966. С. 100.

и т. д., предлагают все возможности, чтобы выехать за границу, — сообщал он К.В. Кандаурову 18 июля 1922 года. — Но мне (знаю это) надо пребыть в России до конца»[1]. Когда в январе 1923 года Волошину открылась конкретная возможность выехать в Берлин (через Народный комиссариат иностранных дел и своего крымского знакомого командарма И. С. Кожевникова), он отказался.

Любовь Волошина к современной России питалась не только верой в грядущую светлую «Славию». Она предполагала прежде всего всестороннее знание — о высоких духовных взлетах и о хаотических всплесках, о провиденциальном и о низменном, уродливом, косном. Поэт не способен был принять и оправдать насилие, безудержно льющуюся кровь, обесценивание человеческой жизни и оскудение людских душ. Можно было бы вновь, в который уже раз, посетовать на то, что красные и белые были для него на одно лицо: имели одно, человеческое лицо, — но, думается, справедливее воздать должное силе духа художника, сумевшего остаться самим собой в дни тяжелейших испытаний и стать подлинным летописцем своей эпохи. Не случайно Александр Бенуа подчеркивал, что значение стихов Волошина о современности по достоинству смогут оценить только грядущие поколения: «Кто знает, когда его через полвека „откроет" какой-нибудь исследователь русской поэзии периода войны и революции, он вовсе не сочтет творения Волошина за любопытные и изящные „отражения", а признает их за подлинные *откровения*. Его во всяком случае поразит размах волошинской искренности и правдолюбия <...>»[2].

В автобиографии (1925) Волошин признавался: «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно и в формах еще более жестоких»[3]. Волошин был заранее готов увидеть катастрофическую гибель всего прежнего жизненного уклада и зарождение неведомого нового, и не удивительно, что реальность революционного переворота открывалась ему прежде всего как взрыв бунтарской анархической стихии, как причудливая круговерть событий и «личин», не осознающих себя и своего предназначения. В таком восприятии революции Волошин был не одинок, и его «Красногвардеец», например, оказывается во многом близок шагающим «без имени святого» по переворотившемуся миру героям блоковских «Двенадцати» или разнузданно куражащейся «братве» в поэме В. Хлебникова «Ночной обыск». «...Здесь мы были свободны от давящего и однообразного ужаса большевистского режима, какой господствует на севере, но зато здесь мы испытали все прелести гражданской войны со всем ее разнообразием, — сообщал Волошин А.В. Гольштейн 10 сен-

---

[1] ЦГАЛИ. Ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41.

[2] Бенуа А. О Максимилиане Волошине//«Последние новости». 1932. № 4176, 28 августа.

[3] Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 32.

тября 1920 года. — Жестокости расправ с обеих сторон превосходят всякое вероятие и совершаются походя, как самая обычная вещь»[1]. Вся эта атмосфера, разумеется, сказалась не только на тематике, но и на всей стилевой гамме волошинской поэзии, которая во многих отношениях оборачивается собственной противоположностью. Преображаясь, по словам Белого, из «Макса» в «Максимилиана», Волошин перестает быть поэтом-лириком и становится поэтом-эпиком; «Макс» писал изысканные стихи, воспевающие красоту мира и искусства, исполненные тонких и прихотливых эстетических восприятий, — «Максимилиан» имеет дело с грубой фактурой бесчеловечной повседневности. Антиэстетизм его новых стихов последователен и имеет программный характер. Отвечая на замечания Е. И. Васильевой (Дмитриевой) о его последних произведениях, Волошин писал ей (24 февраля 1923 года): «Твои слова о варварской кисти мне кажутся очень верными. Но можно ли иным языком писать о современности? О теперешней России? И мне кажется, что путь от Эредиа к этим стихам технически последователен: и краски, и стиль берутся от изображаемого»[2].

Прежние «облики» (заглавие раздела в «Selva oscura») в поэзии Волошина, отражавшие черты неповторимых индивидуальностей, сменяются «личинами» — безличностными масками, профанирующими «лик» и духовное начало в человеке. При этом поэт не соблазняется приемами карикатуры или гротеска, его «личины» представляют собой как синтетические образы («Буржуй», «Спекулянт»), так и документально идентичные наброски с натуры («Матрос», «Большевик»); точь-в-точь такие же «личины» мы встречаем у внимательного и безукоризненно объективного реалиста Вересаева, нарисовавшего яркие картины крымской «усобицы» в романе «В тупике» (1922). Возвышенный пафос, неотторжимая примета творчества Волошина, сменяется лаконичной протокольностью, и нарочитая безэмоциональность этих поэтических «протоколов» («Террор», «Голод», «Терминология» и др.) поражает тем сильнее, чем они по стилю суше и по видимости бесстрастнее; трудно было бы найти более адекватную форму художественной передачи той жизненной реальности, при которой массовое истребление людей превращается в привычное, обиходное, «нормальное» явление. Жесточайший крымский голод, бессудные массовые расстрелы, — все это становится материей стихов Волошина, приобретающих пронзительную силу исторического документа. Некоторые его произведения этого времени могут отпугнуть сгущением

---

[1] «Время и мы». 1978. № 28. С. 200.

[2] Цит. по копии из собрания В. А. Мануйлова. — Волошин имеет в виду отзыв Васильевой из письма к нему от 3 февраля 1923 года о присланных ей двух стихотворениях: «...они — прекрасны <...>. Только язык твой порой прямо страшен, даже непонятно, что эта „варварская“ кисть могла касаться Эредиа и других» (ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 320).

красок, натуралистическими, «шоковыми» деталями, однако поэт в них, не отвращая взора, лишь описывает происходящее у него на глазах.

Когда-то Джонатан Свифт в сатирическом памфлете «Скромное предложение» (1729) рекомендовал, с целью улучшения социального благосостояния, употреблять в пищу годовалых младенцев — «в высшей степени восхитительное, питательное и полезное для здоровья кушанье, независимо от того, приготовлено оно в тушеном, жареном, печеном или вареном виде», «а если еще приправить его немного перцем или солью, то можно с успехом употреблять его в пищу даже на четвертый день, особенно зимою» [1]. Невообразимые саркастические допущения, представлявшие собой гневный отклик писателя на разорительную для Ирландии хищническую хозяйственную политику английских лендлордов, обернулись кошмарной повседневностью в 1922 году в Крыму, «освобожденном» Красной армией. «Каждую неделю мы делаем такой прогресс в области ужасного, что самая жестокая фантазия не может угнаться, — сообщал Волошин В. В. Вересаеву 30 апреля 1922 года. — Теперь мы в периоде убийств и засолки впрок матерями своих детей. <...> На днях из детской больницы был вызван врач для экспертизы соленого мяса. Констатировался мальчик 9-ти лет. Мать живет на карантине. Фамилия — Харченко. При убийстве присутствовал младший сын. Мать не отрицала: „Что ж ему, с голода дохнуть, что ли? Я родила, я и съела". <...> Статистика: в Судакском районе за месяц запротоколировано 61 детоубийство, в Старом Крыму — 35. Но надо принять в соображение, что милиции удается констатировать едва ли больше 10% случаев, имеющих место. Трупоядение стало явлением бытовым» [2]. В июне 1922 года в феодосийской газете «Рабочий» были приведены конкретные цифры смертности от голода на полуострове: в ноябре 1921 года — 8 тысяч человек, в январе 1922 года — 10, в марте — 19, в апреле 1922 года — 13 тысяч человек [3]; общее число погибших от голода, по данным газеты «Красный Крым» (25 октября 1922 года), составило 90 тысяч человек, или около 12% крымского населения. Голоду предшествовал неслыханный по жестокости террор, сопоставимый по масштабам разве что с самыми страшными акциями последующего сталинского правления, — расстреливали десятками тысяч человек: раненых офицеров из лазаретов, солдат, врачей, сестер милосердия, священников, инженеров, учителей... (Глава Крымского ревкома венгерский коммунист Бела Кун тогда заявил: «Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то

---

[1] Свифт Джонатан. Памфлеты. М., 1955. С. 157, 158.
[2] Цит. по копии из собрания В. А. Мануйлова.
[3] См.: Куприянов И. Т. Судьба поэта. С. 202.

быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»)[1]. Статистику крымского террора Волошин раскрывает в письме к К. В. Кандаурову (15 июля 1922 года): «За первую зиму было расстреляно 96 тыс. — на 800 тысяч всего населения, т. е. через восьмого. Если опустить крестьянское население, не пострадавшее, то городского в Крыму 300 тыс. Т. е. расстреливали через второго. А если оставить только интеллигенцию, то окажется, что расстреливали двух из трех»[2].

Все эти чудовищные факты — субстанция волошинских стихов об «усобице», и дополнительной гарантией жизненной подлинности поэтических «протоколов» является их литературная судьба: на протяжении более чем шести десятилетий, когда старательно вырисовывалась другая картина гражданской войны и утверждения советской власти, более ласкающая взор победителей, волошинским поэтическим свидетельствам доступ в печать был закрыт наглухо. Немногие опубликованные в начале 1920-х годов произведения Волошина воспроизводились с купюрами (как поэма «Россия» в альманахе «Недра») и в искаженном виде. Так, стихотворение «Дикое Поле» при публикации в однодневной феодосийской газете «На борьбу с голодом!» (1 января 1922 года) было переименовано в «Скифское поле», текст подвергся произвольным сокращениям и изменениям, полностью искажавшим смысл оригинала; последняя строфа стихотворения была изуродована самым беззастенчивым образом — волошинские строки «преобразились» в откровенно агитационные вирши:

Всё, что было, — случилося ныне,
Взашумела размашная ширь,
И шагает по вольной равнине
Охмеленный Трудом Богатырь!
Изопьем мы до дна нашу волю
И скуемся в единую цепь.
Широко плодородное Поле,
Широка наша Скифская степь!

Публикаторы не постеснялись сопроводить этот текст примечанием: «В стихотворение М. Волошина редакция ввела некоторые поправки и изменения, вытекающие из содержания произведения талантливого поэта».

Книга «Демоны глухонемые», вышедшая в свет в 1919 году в Харькове, была последним поэтическим сборником Волошина, напечатанным на родине; сборник «Стихи о терроре», изданный в 1923 году в Берлине старым его другом А. С. Ященко по авторской рукописи, охватывал лишь малую часть его произведений послереволюционных лет, итоговая же книга стихов этой поры,

---

[1] Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918—1923. М., 1990. С. 66.
[2] ЦГАЛИ. Ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41.

составленная Волошиным («Неопалимая Купина»), осталась неопубликованной.

«Во время последнего падения и одичания человеческой личности» Волошин, по его собственным словам, колесил «по разоренной Киммерии в напрасной борьбе за уничтожаемые культурные гнезда и человеческие жизни»[1]. Известны конкретные имена людей, которых ему удалось спасти в эту пору. Поэт приветствовал «Божий Бич» («Северовосток», 1920), осознавал неотвратимость совершающегося — и в то же время последовательно и страстно отвергал насилие. Единственной формой общественной деятельности, приемлемой для себя, он считал «борьбу с террором, независимо от его окраски». «Это ставит меня в эти годы (1919—1923), — писал Волошин в автобиографии, — лицом к лицу со всеми ликами и личинами русской усобицы и дает мне обширный и драгоценнейший революционный опыт. Из самых глубоких кругов преисподней Террора и Голода я вынес свою веру в человека»[2].

Своеобразие волошинского восприятия «русской усобицы» заключалось прежде всего в том, что он истолковывал происходящее под историософским углом зрения, сквозь призму катаклизмов прошлого. Всегда отвращавшийся от конкретной политики и презиравший любые формы государственного устройства (еще в ранней молодости он полушутя заявлял, что «духовно примкнул к той политической партии, которая <...> возникнет лет через пятьдесят и будет составлять крайнюю левую в том парламенте, где анархисты будут консервативным большинством»)[3], Волошин не вникал в злободневный смысл событий (хотя, конечно, вполне понимал его), а поверял их «духом истории», аналогиями и перекличками с прошлым, угадывал в них следование «исконным российским путям». Полнее всего волошинская историософия отразилась в поэме «Россия», но она окрашивает и многие его стихи этого времени (о Разине, Смутном времени, Диком Поле и т. д.) Революция в понимании Волошина — это и возмездие, и попытка разорвать порочный круг неправедного мироустройства, оборачивающаяся, однако, движением по новым виткам прежнего исторического водоворота («колеса вязнут в старой колее»). «Наш дух разорван между „завтра“ мира И неизжитым предками „вчера“», — пишет Волошин в незавершенных стихотворных фрагментах «Русь» (1925), но его позиция не безнадежна: поэт верит, что «юный, преступный, святой народ» способен к историческому и духовному творчеству, не в последнюю очередь и потому, что

---

[1] Волошин Максимилиан. Предисловие//Синайская-Финкельштейн В. «Нерасцветшая» (История юной души). М.; Л., 1924. С. 7.

[2] Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 33.

[3] Письмо к А. М. Пешковскому от 9 ноября 1901 года//ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 99.

Россия с ее жестокой историей, прошедшая через века рабства и произвола, — еще молодая страна, чреватая будущим, и резкие, катастрофические перевороты — удел ее роста и становления. «Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии», — утверждал Волошин в автокомментарии к своим стихам революционного времени, озаглавленном «Россия распятая»[1].

Функциональная роль образов русской истории в пореволюционной поэзии Волошина — та же, которую ранее исполняли сюжеты из эпохи французской «усобицы». Потребность в сугубо национальных параллелях возникла не в последнюю очередь и потому, что русская революция всколыхнула и выплеснула на поверхность те стихийные пласты, достаточно адекватными соответствиями которым западноевропейская история не располагала Рождение стихотворения «Стенькин суд» Волошин объяснял тем, что тема его — «ультрасовременная»: «Самозванчество, разбойничество... вот основные элементы всякой русской смуты»[2]. Стихотворение о самозванцах начала XVII века («Dmetrius-Imperator») было вдохновлено убежденностью в том, что России вновь не удастся миновать этого явления; в статье «Вся власть патриарху» (1918) Волошин утверждал: «Мы проходим сквозь все разрушительные стихии русской истории — разиновщину, пугачевщину <...> А в ближайшем будущем нам предстоит еще пройти сквозь самозванщину, которой будет отдан 1919 год (Лжениколай), и период после 1922 года (совершеннолетие всех Лжеалексеев)»[3]. Конкретно в этом прогнозе Волошин оказался несостоятельным пророком, но в корректности самого принципа исторических параллелей, которому он следовал, думается, сомневаться не приходится. К тем же прообразам из прошлого России обращался в ту пору не он один. Но если, например, Василий Каменский в своей поэме «Сердце народное — Стенька Разин» (1918) был однозначен в своем самозабвенном прославлении «понизовой вольницы», удали и разгульного молодечества, то Волошин, сохраняя верность «букве» первоисточника — разинским «прелестным письмам», раскрывает двойственный, трагический характер русской безудержности и создает неизмеримо более глубокую, полифоническую картину, которая по своему духу оказывается сродни суриковским живописным композициям. Работая незадолго до революции над биографией Сурикова и над книгой о великом русском художнике[4], он слушал и записывал суриковские рассказы о своей

[1] Волошин Максимилиан. Стихотворения и поэмы: В 2-х т./Общ. ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А Струве. Paris, 1982. Т. 1. С. 379.

[2] Письмо к А.М. Петровой от 25 декабря 1917 года//Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С. 175. Публ. В. В. Базанова.

[3] «Урал». 1990. № 3. С. 161. — Наследник престола Алексей родился в 1904 году.

[4] См.: Волошин Максимилиан. Суриков/Публ., вступ. ст. и примеч. В. Н. Петрова. Л., 1985.

жизни и предках, о казачьем укладе, исполненные неповторимого колорита; погружаясь в историческую живопись Сурикова, Волошин находил в ней ту искомую меру соотношения между пережитым и непреходящим, тот высокий трагедийный пафос и всеохватный взгляд, которые открыли ему подступ к основной теме его поэтического творчества.

В своей историософской концепции русской революции Волошин оказывается очень близок тем религиозным философам, которые рассматривали ее как катастрофическое разрешение грозовой атмосферы, сгущавшейся десятилетиями и даже веками, как выплеск на поверхность тех скапливавшихся энергетических сил, которые таились в социально-историческом и психологическом типе русского народа. Статьи мыслителей, объединенные в сборнике «Из глубины» (1918), могут служить по отношению к стихам Волошина о России и революции философско-публицистическим комментарием; да и сами эти стихотворения — такие, как «Святая Русь», «Китеж», «Дикое Поле», «Русская революция», «Северовосток», — представляют собой родственные им по духу и мысли своего рода поэтические трактаты. Отличающая эти стихи афористическая лаконичность и та провиденциальная безусловность, с которой выстраиваются в них вехи национальной истории и определяются скрижали российской метаистории, во многом объединяются с той системой аргументации, которую мы находим, например, в статье Н. Бердяева «Духи русской революции»: в России одновременно сосуществуют XX и XIV века, происходящие социальные пароксизмы раскрывают образ старой России, а сама революция «есть в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые, знакомые лица»; в революции «раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд» (ср. цикл Волошина «Личины»), тьма и зло заложены «не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре»: «Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам»[1]. Столь же близки были Волошину и мысли С. А. Аскольдова («Религиозный смысл русской революции») о революционизме, анархизме и деспотизме как «трех порывах в жизни общественных организмов, которые при всем своем внешнем несходстве внутренне между собою связаны и непосредственно порождают друг друга», о том, что из трех составов души (святое, специфически человеческое, звериное) «в русском человеке, как типе, наиболее сильными являются начала *святое* и *звериное*»[2].

---

[1] Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 52, 57.

[2] Там же. С. 16, 24. Ср.: З а в а л и ш и н В я ч. Максимилиан Волошин//Волошин Максимилиан. Пути России. Стихотворения. Paris, 1969. С. 11—12.

Именно эти две бездны явственно проницаются поэтическим взором Волошина: в «Руси гулящей», «Руси глухонемой» таится «Святая Русь», в бредовой круговерти горит, не сгорая, Неопалимая Купина — и нет выхода из динамического равновесия двух метафизических крайностей.

Дальний генезис волошинской историософии прослеживается достаточно отчетливо: это, с одной стороны, Чаадаев, первым поставивший многие трагические, будоражащие вопросы о роковой судьбе России и вынесший безжалостный диагноз ее историческому опыту, с другой — классическое славянофильство, Тютчев, Достоевский. Лелеявший иррациональную идею грядущей «Славии», которой суждено восстать из пепла России, Волошин никогда не тяготел к демонстративному апологетическому патриотизму, совершенно чуждо было ему и националистическое самолюбование, замешанное на ксенофобии. Со славянофильством, каким оно определялось основателями этой идеологии, певца «Славии» роднило строгое и чрезвычайно требовательное отношение к своей стране, беспощадное вскрытие ее пороков. Программное стихотворение высоко почитавшегося им А. С. Хомякова «России» (1854), близкое Волошину по своему пророчественному пафосу и риторическому стилю, безусловно было глубоко созвучно ему как в своих «критических» приговорах:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна! —

так и в мессианских предначертаниях:

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил[1].

Две этих строфы стихотворения Хомякова — как бы два полюса, относительно которых определяется волошинский образ России, вбирающий в себя аналитическое, реальное знание и провиденциальную мистическую идею. Судьба родины видится поэту сквозь мистерию Голгофы: преступление ведет к торжеству благого начала (стихотворение «Иуда Апостол»), последние пределы падения открывают таинство грядущего воскресения («Заклинание (от усобиц)»); удел праведной личности — сораспятие: духовный

---

[1] Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С.136. (Б-ка поэта. БС).

подвиг, путь страдания и священная жертва («На дне преисподней», «Готовность»). Многим эти настроения Волошина были не по душе, порой в них склонны были видеть чуть ли не мистическое оправдание большевизма[1], но поэт оставался верен своему „тайнозрительному" подходу и не терял надежды на возрождение христианского духа в России — вполне в согласии с предначертанием Бердяева: «...великие грехи и великие соблазны могут быть лишь у великого по своим возможностям народа. Негатив есть карикатура на позитив. Русский народ низко пал, но в нем скрыты великие возможности и ему могут раскрыться великие дали»[2]. Всю совокупность своего знания и всю силу своей веры Волошин сконцентрировал в поэме «Россия». К. И. Чуковский, подробно проанализировавший ее в письме к Волошину от 5 мая 1924 года («Она хорошо врезывается в ум. В ней каждая строчка — формула»; «Ваша сила — вдохновенный каталог. Очень хорошо обдуманный беспорядок вещей, которые подлежат каталогу. Фрагменты русской истории склеены мастерски»), заключал свой разбор предсказанием: «Не сомневаюсь, что эта поэма будет когда-нибудь известна каждому грамотному»[3].

4

Стихи Волошина о гражданской войне были откликом на современность, воспринятую под знаком метафизических универсалий; свод философских поэм «Путями Каина. Трагедия материальной культуры» (1922—1923), претендовавший стать надысторическим анализом материальной и социальной культуры человечества и ее эволюции от утопического «золотого века» к нынешнему состоянию, многими нитями был связан, однако, с той же жгучей современностью, и за десятилетия, прошедшие со времени его создания, пожалуй, даже «накопил информацию»: многие вопросы и противоречия, обозначенные в нем Волошиным, сейчас, в эпоху повсеместного торжества технократии, звучат с еще большей остротой и актуальностью. Именно сегодня во всей своей пугающей реальности обнажаются те катастрофические перспективы и тупики, к которым влечет Землю и человечество путь безоглядных

---

1 Так, И. А. Бунин в мемуарном очерке о Волошине (1930) иронизировал над тем, что «убийцы чекисты» в его стихах суть «снежные, древние стихии» (Б у н и н И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 288). Ср. замечание З. Н. Гиппиус в письме к М. В. Вишняку от 23 января 1924 года: «...вы <...> все „христианством" меня хотите уязвить. Есть христианство Макса Волошина: „Божий бич, привествую тебя!" (о большевиках). Ну, так это не мое» («Cahiers du Monde russe et sovietique». 1982. Vol. XXIII. № 3—4. P. 425)

2 Из глубины. С.90.

3 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1276.

«пытаний естества» — путь, о котором пророчествовал и от которого предостерегал Волошин, вполне в свое время сознававший, что его голос — лишь «голос вопиющего в пустыне кишащих множеств». Материализм, механицизм, эмпиризм — эти «демонические» начала, становясь объектом идолопоклонства, накапливают мощную дегуманизирующую силу и, по убеждению Волошина, растлевают человека. В XVIII веке французский философ Ламетри написал апологетическую книгу «Человек-машина», в которой рассматривал человеческий организм как сугубо материальную субстанцию, подобную самозаводящейся машине; Волошин же рассматривает «машинизацию» человеческого существа как добровольную и неправедную епитимью, расплатой за которую служат все уродства общественного бытия. «Путями Каина» — огромный и неоплатный счет, предъявляемый цивилизации в ее господствующих формах носителем подлинной духовной культуры; но это вместе с тем и счет человеку, который, преклонившись перед «машиной», «преобразил весь мир, но не себя». «Нигилизм» Волошина здесь универсален, но в конечном счете он исполнен преобразовательного и созидательного пафоса — по слову Апокалипсиса: «Се, творю все новое».

Многие мысли, идеи и концепции, выраженные в цикле «Путями Каина», были впервые сформулированы Волошиным еще в середине 1900-х годов — в статьях («Демоны Разрушения и Закона», «Гильотина, как филантропическое движение» и др.), в дневниковых заметках, письмах. Статьи его из «Московской газеты» (1911), рассказывавшие о катастрофах на французском флоте и транспорте, поднимали тему бунта машин, созданных человеком; статья «Все мы будем раздавлены автомобилями» (1911) предостерегала об угрожающей эскалации технического прогресса, о затерянности человека среди «громадных и тяжелых масс» [1]. Проходящее сквозь весь цикл преклонение перед «литургийной стройностью» и красотой средневекового мира, воплощавшего для Волошина эпоху наивысшей, всепроникающей духовности и цельной, органической культуры, гармоничной и соразмерной во всех своих составляющих частях, было им выношено еще в середине 1900-х годов, окрашиваясь поначалу в романтические тона своеобразной ретроспективной утопии.

Сформировавшись в своих основных чертах в первое десятилетие века, символистское мироощущение Волошина затем принципиально не изменилось, оно только выкристаллизовалось, отшлифовалось, отвлеченные идеи обрели вес, наполнились жизненной субстанцией, в трагические годы исторических бурь выдержали испытание на прочность. Принципиально изменилась, однако, художественная палитра поэта. Уже в 1916 году Георгий

---

[1] Волошин Максимилиан. Путник по вселенным. С. 116.

Иванов, рецензируя «Anno mundi ardentis», отметил новое в работе «утонченного мастера, эстета» — «узловатые, неровные строфы, порой бледные и неудачные, порой исполненные силы»[1]. Новое жизненное содержание и новые поэтические темы потребовали и другого словесного материала, и других приемов стихосложения. «Аделаида Герцык писала мне из Судака, — сообщал Волошин 1 февраля 1918 года Ю. Л. Оболенской, — что ей кажется, что у меня чересчур нарочито русский народный язык в "Стеньке". Я думаю, что это может просто непривычка в *моих* стихах такой язык встречать, но ведь я раньше и к таким темам не подходил... Но что бы я ни писал, я всегда искал слов и выразительности в самой теме, заранее составлял себе словесную палитру для каждого отдельного произведения и здесь следовал тому же самому методу»[2]. Язык «русского европейца» в поэзии Волошина восполняется лексическими пластами, несущими в себе ярко выраженный национальный колорит, — народными речениями, забытыми и редкими словами из кладовой В. И. Даля, словосочетаниями и синтаксическими моделями, восходящими к памятникам древнерусской литературы. Когда Волошин в письме к С. Я. Парнок (от 22 декабря 1922 года) хвалил книгу С. З. Федорченко «Народ на войне» за сочетание в ней «французской четкости с абсолютным слухом русской народной речи»[3], то, надо полагать, обозначил в этой характеристике и те эстетические ориентиры, которым сам стремился соответствовать. Новации затронули также и область стихосложения. Если квинтэссенцией самовыявления Волошина в первую половину его творческой деятельности был венок сонетов, одна из самых изощренных форм строгой организованности стихового материала, то в 1920-е годы поэт все более тяготеет к противоположной крайности — свободному стиху с его внешней дезорганизованностью. Верлибром написаны, помимо значительной части цикла «Путями Каина», большая поэма «Протопоп Аввакум», а также программное стихотворение Волошина «Подмастерье» (1917): самой фактурой текста поэт стремится убедить читателя в том, что становление «мастера» из «подмастерья» — это и путь от броской красоты к внешней безыскусности, от ученического овладения «книжными» образцами к не стесненной никакими внешними рамками свободе в обращении со стихом и словом:

Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притерты,
Пригнаны и сплавлены,

---

[1] Иванов Георгий. О новых стихах//«Аполлон». 1916. № 6/7. С.71.
[2] Д. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 84.
[3] Цит. по копии из собрания В. А. Мануйлова.

Умом и терпугом, паялом и терпеньем,
Становится лирической строфой, —
Будь то страница
Тацита
Иль медный текст закона.

Эволюцию, которую претерпела поэзия Волошина, оставаясь в системе символистской эстетики, можно было бы определить условной формулой: от романтизма к реализму. Раскрывая в письме к А. М. Петровой (26 января 1918 года) замысел будущего стихотворения «Ангел времен» («Европа»), поэт подчеркивал: «Тема должна быть обработана с библейским и розановским реализмом»[1]. Ассоциация с Розановым, исповедовавшим своего рода космологическую метафизику пола, возникала, безусловно, в связи с конкретной задачей очертить «историю половой зрелости Европы», чреватой созревающим плодом — Россией; указание же на «библейский реализм» характеризует самые общие идейно-художественные и стилевые ориентиры Волошина, в соотнесении с которыми создавались все его поздние произведения. В 1919 году он констатировал: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых <...> в Библии можно найти слова, равносильные пафосу, нами переживаемому»[2]. «Библейский реализм» — это для Волошина и прямое следование духу и букве священного первоисточника, кладезя символических прообразов и соответствий для воплощения самых актуальных тем и мотивов, и универсальный метод творчества, идеальный образец той эстетической нормы, которую он определяет для себя в стихотворении «Доблесть поэта» (1925):

Сухость, ясность, нажим — начеку каждое слово.
Букву за буквой врубать на твердом и тесном камне:
Чем скупее слова, тем напряженней их сила.

«Библейский реализм» в его русском национальном изводе Волошин узнавал в памятниках древнерусской литературы. Их поэтические переложения становятся одной из главных сфер его творческой деятельности (поэмы «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании»). При этом Волошин не только неукоснительно следует за сюжетом подлинника, но и бережно воспроизводит архаические лексические и грамматические конструкции; «умирая» в тексте-первоисточнике, он полностью погружается в

---

1 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 98.
2 Волошин М. Видение Иезекииля//«Дело» (Одесса) 1919. № 2, 17/30 марта. С. 2.

его языковую и стилевую систему, стремится сохранить его ритмическую организацию, и это дает возможность делать собственные новации, которые не кажутся чужеродным вкраплением в художественное целое (так, в свое переложение «Написания вкратце о царех московских, о образех их и о возрасте и о нравах», памятника литературы XVII века, он к семи портретам русских государственных деятелей, представленным у древнерусского автора, добавляет еще два — Марины Мнишек и Федора-Филарета, и эта стилизация нисколько не противоречит соседствующим «оригиналам»)[1]. Опыт освоения древнерусского литературного и языкового материала имел большое значение и для осмысления современности в исторической перспективе, и для обновления всей художественной системы Волошина. По словам А. С. Ященко, «самый стих его приобрел необычайную силу и часто словно вычеканен древнерусским мастером из дорогого металла»[2].

В поэтических переложениях литературных памятников Волошин стремился к филологической корректности и точности (высылая 15 марта 1929 года текст «Сказания об иноке Епифании» академику С. Ф. Платонову, он просил подойти к поэме с научными критериями: «За указание *ошибок*, которых *не может не быть*, буду глубоко благодарен»)[3]. Принцип «научности» в произведениях Волошина 1920-х годов становится основополагающим, и цикл «Путями Каина» — самое последовательное его осуществление. «Тема портретирования культур» (формулировка из письма Волошина к В. В. Вересаеву от 15 июня 1923 года), которую стремился разрешить поэт в этом цикле, предполагала использование многообразных исторических, философских, социально-экономических, научных знаний и представлений. Известно, что в ходе работы Волошин не только опирался на прежние свои познания в области античной и средневековой философии, буддизма, теософии и т. д., но и изучал новейшие труды по физике и небесной механике (А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, М. Борн, А. Иоффе и др.), сочинения экономистов и публицистов. В поэме «Космос», например, отражена интерпретация структуры вселенной в представлении Данте, данная П. А. Флоренским в его труде «Мнимости в геометрии»[4]. Все это, однако, не превратило «Путями Каина» в

---

1 См.: Коновалова О. Ф. «Написание о царях московских» И. М. Катырева-Ростовского в переложении М. А. Волошина//Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIII. Древнерусские литературные памятники. Л., 1979. С. 380—384.

2 Ященко А. Русская поэзия за последние три года//Русская книга. 1921. № 3. С. 16.

3 ПД. Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 79. Л. 4.

4 См.: Никитин В. А., Купченко В. П. К истории взаимоотношений П. А. Флоренского и М. А. Волошина (Документы и свидетельства)//Минувшее. Исторический альманах. 6. Paris, 1988. С. 328—330.

подобие философско-культурологического трактата. Об эстетической природе этого уникального (и по художественному замыслу, и по исполнению) свода хорошо сказал в мемуарном очерке о Волошине Сергей Маковский: «В философских послереволюционных стихах Волошина, несмотря на отдельные лирические взлеты, — может быть и больше мысли, метафизической риторики и выпукло-определительных слов, чем того, что собственно составляет поэзию, т. е. звучит *за* мыслью и словами. Ритмованная мудрость, а не песня, во многих случаях, — эти стихи, так глубоко провеянные тысячелетиями европейской средиземноморской культуры с ее эзотерической углубленностью в загадки духа и плоти, и сам Волошин кажется, в наш немудрый век, не то каким-то последним заблудившимся гностиком-тэмплиером, не то какой-то гримасой трагической нашей современности накануне новой, неведомой судьбы... Одно несомненно: бывает в стихах Волошина „риторика" такой силы, что тут грани стираются между изреченным словом и напором вдохновенного чувства. Это уже словесное волшебство, и оно убедительней всякой надуманной мудрости»[1].

Обращает на себя внимание в этой характеристике эстетического феномена цикла Волошина указание на «риторику». Риторическая установка сказывается и в стремлении поэта к построению «вдохновенного каталога» (по определению К. Чуковского), к конкретно-образному, осязаемому воплощению абстракций, и в тенденции к рационалистическому обобщению действительности, сведению ее многоразличных явлений к систематизированным, иерархически упорядоченным инвариантным рядам. Представляя собой опыт «научной» поэзии, «Путями Каина» и другие произведения позднего Волошина являют и образчик новой дидактико-риторической литературы. Волошин подхватывает традицию, рожденную в глубине веков и, казалось, всецело ушедшим векам принадлежащую; традицию, восходящую к античным памятникам морально-земледельческого эпоса («Труды и дни» Гесиода, «Георгики» Вергилия), к «Фастам» Овидия — компилятивному поэтическому календарю, включающему сведения о происхождении праздников и обрядов, об истории и астрономии, к произведениям философско-метафизической поэзии — от поэмы Лукреция «О природе вещей» до «Опыта о человеке» А. Попа или нравоучительной поэмы А. Галлера «О происхождении зла» (заглавие этого памятника немецкой литературы первой половины XVIII века вполне могло бы стать еще одним подзаголовком цикла «Путями Каина»). Соотношение между «Путями Каина» и большинством

---

[1] Маковский Сергей. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 323. Ср. мнение В. В. Вересаева о поэме «Космос» (в письме к Волошину от 8 июля 1923 года): «Я не представлял себе, чтоб изложение космических теорий можно было так блистательно вложить в поэтическую форму. Это для меня что-то совсем новое и изумительное» (ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331).

классических образцов этого жанра — то же, что между утопией и антиутопией. Если характернейший памятник русской научно-дидактической поэзии — «Письмо о пользе Стекла» (1752) Ломоносова — вдохновлен идеей поступательного прогрессивного усовершенствования человеческих знаний о мире, то волошинские «Пар», «Машина», «Порох» показывают оборотную сторону тех явлений, которые были объектом просветительских восторгов. Соотносясь по методу с апологетическими образцами «научной» поэзии, по духу и по мировоззренческим установкам Волошин скорее был близок к метафизической концепции Баратынского и его неутешительным прогнозам о перспективах дальнейших цивилизаторских усилий. Стихотворение Баратынского «Приметы» (1839) может быть воспринято как предугаданная идейная программа волошинского цикла:

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

. . . .

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Для властей, одержимых не только идеей изготовления гомункулуса — «нового человека», но и задачами кардинального преобразования-перевоспитания всего общества и самой природы, философские поэмы Волошина, разумеется, были столь же неприемлемы, как и его поэтические отражения эксцессов «классовой борьбы». Немногочисленные произведения Волошина, еще попадавшие в советскую печать, оказывались самым благодарным материалом для разоблачения «врага»; поэт клеймился как «нудный расслабленный мистик» и автор стихотворений «явно реакционных, отравляющих психику читателя», как литературный пасквилянт, который «в зарубежной печати скулил из подворотни на нашу революцию» [1]. Особо весомый удар был нанесен статьей Б. Таля «Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина», появившейся в журнале «На посту» (1923, № 4); хотя Волошину и удалось опубликовать «письмо в редакцию» журнала «Красная новь» (1924, № 1) — ответную отповедь на этот достойный образец

---

[1] Л е л е в и ч Г. По поводу стихотворного отдела «Красной нови»//«Молодая гвардия». 1923. № 1. С. 273; С о с н о в с к и й Л. На идеологическом фронте. Кто и чему обучает нашу молодежь?//«Правда». 1923, 1 июня.

жанра литературного доноса, — проникновения в печать его произведений оно не облегчило. Даже попытка прибегнуть к протекции державного мецената, Л. Б. Каменева, желаемых результатов не дала. Еще 5 сентября 1918 года Волошин сообщал Ю. Оболенской: «Мои последние стихи в массе распространялись по югу в рукописях и читались публично разными лицами»[1]. Кажется, ему первому была уготована высокая и печальная участь начать историю новой, послереволюционной «потаенной» литературы, стать первым классиком «самиздата».

Сам Волошин охотно поощрял рукописное распространение своих произведений. С гордостью и не без горечи писал он в «Доме Поэта» (1926) о том, что его стихам суждено «списываться тайно и украдкой», «при жизни быть не книгой, а тетрадкой», — а в одном из писем к Вересаеву называл их «рукописями, запечатанными в бутылку при кораблекрушении». «В конце концов это *хорошо,* когда твое искусство не нужно, — писал Волошин 16 ноября 1924 года художнице А. П. Остроумовой-Лебедевой, — тогда делаешь только необходимое. Это крепче, сжатее, напряженнее»[2]. Во второй половине 1920-х годов Волошин создал мало стихов (его творческая энергия стала находить выход главным образом в акварелях), но то немногое, что им тогда было написано и завершено, — это подлинные шедевры зрелого мастера, у которых находились свои ценители. Один из них, поэт, критик и библиограф Е. Я. Архиппов вспоминает, как читал Волошин свои стихи в марте 1928 года: «Это было пение набата о земной беде, о возмущении земли, пропитанной кровью. Но гудение густое, ровное, не кличащее, а торжественное, сопровождающее беду, развертываемое, как текст библейского пророческого повеления. Само чтение напоминало „Откровение в грозе и буре“»[3]. Поэтический голос Волошина продолжал звучать, слушателей было немного, но вполне достаточно для того, чтобы имя поэта не предавалось забвению на его родине даже в те десятилетия, когда ни одно из его стихотворений — с 1928 до 1961 года! — не могло стать достоянием печати.

«Катакомбная» жизнь, которую ведет в 1920-е годы Волошин, во внешнем отдалении от литературных центров и во внутреннем неприятии новой общественной атмосферы, сказывалась и в его духовных тяготениях. Все более осознанно склоняется он к «смиренномудрию»; подобно тому как ранее странствия по «лицу земли» привели его к познанию Коктебеля, так и многолетние идей-

---

[1] ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 84.
[2] ГПБ, ф. 1015, ед. хр. 517.
[3] Архиппов Е. Я. Коктебельский дневник (1931)//Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 600.

ные блуждания по оккультным и теософским мирам способствовали в конечном счете приобщению к церковному канону. Крупнейшее его произведение этого времени — поэма «Святой Серафим», с обычной для Волошина смысловой и стилевой точностью перелагающая житие Серафима Саровского. Коктебель приобретает для поэта в те дни еще один символический смысл — становится подобием скита или Ноева ковчега, оберегающего от агрессивного натиска «новой действительности». «Какое счастье — эта возможность жить вне города, где сейчас такая тесная и злая жизнь», — признается Волошин в 1925 году в одном из писем к С. З. Федорченко [1].

В летние месяцы, впрочем, волошинский дом в Коктебеле попрежнему многолюден. В середине 1920-х годов каждый летний сезон у поэта гостили в совокупности по 300 — по 400 человек. Заботы по ведению дома с 1923 года разделяет с Волошиным Мария Степановна Заболоцкая, которая в 1927 году официально становится его женой. В кругу друзей и знакомых, съезжающихся к Волошину, по-прежнему царят настроения семейной близости, открытости и единодушия — «теплой и неиссякаемой сердечности», по словам М. М. Шкапской [2]. Однако постепенно, к концу 1920-х годов происходит «отлив» старых друзей, заметно ожесточается и общественная обстановка. Коллективизация принесла в Крым в 1931 году новую волну голода и новые репрессии. Волошин живет под постоянной угрозой реквизиции дома и непомерных налогов, терпит всевозможные издевательства со стороны местных властей. Здоровье его подорвано; 9 декабря 1929 года он переносит инсульт, от последствий которого ему так и не удается оправиться. «...Я в этом году чувствую себя особенно вялым и упадочным», — сообщает он 11 января 1931 года своему молодому другу К. М. Добраницкому; в той же тональности выдержано и его письмо к тому же адресату от 17 марта 1931 года: «На душе нерадостно. То, что нам лично хорошо, — не радует, потому что столько горя и несправедливости кругом, что это не только не радует, но скорее обессиливает к творческой работе. Стихов я не пишу» [3]. Рассказывая о своей жизни в письме от 20 января 1932 года к искусствоведу А. И. Анисимову — «единственному нисколько не поддавшемуся горестному склонению времени пожилому человеку», — Волошин признается: «...несмотря на то, что и этот второй крымский голод мы, кажется, проскочили благополучно, но все-таки я чувствую себя очень постаревшим и погасшим» [4].

В конце июля 1932 года астма, постоянно мучившая Волоши-

---

1 ЦГАЛИ. Ф. 1611, оп. 1, ед. хр. 78.
2 Письмо к Волошину от 20 сентября 1923 года // ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1303.
3 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 38.
4 ПД. Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 2.

на, осложнилась гриппом и воспалением легких. 11 августа поэт скончался. На следующий день он был погребен, во исполнение его собственного указания, на вершине горной гряды Кучук-Енишары, возвышающейся к востоку от Коктебельской долины.

Марина Цветаева отозвалась на смерть Волошина стихотворным циклом «Ici — haut» («Здесь — высота»); знаменательные строки этих стихов — лучший из всех возможных некрологов ему.

Та́к, даже в смерти своей — подъем
Он даровал несущим.
Ста́ло быть, именно на своем
Месте: ему присущем.
. . . .
Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта — *под*
Небом – и *над* землею[1].

Ныне Волошин предстает не просто яркой и самобытной фигурой в истории русской литературы первых десятилетий XX века Его поэтическое слово, искания, иллюзии и прозрения его творческого духа по-прежнему и с не меньшей остротой воспринимаются как живое слово, как подлинное чувство, как действенная мысль.

А. В. Лавров

[1] Цветаева Марина. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 428 (Б-ка поэта. БС).

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ
ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Стихотворения 1900 — 1910

I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

ЯКОВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ГЛОТОВУ

...И мир, как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...

1. ПУСТЫНЯ

Монмартр... Внизу ревет Париж —
Коричневато-серый, синий...
Уступы каменистых крыш
Слились в равнины темных линий.
То купол зданья, то собор
Встает из синего тумана.
И в ветре чуется простор
Волны соленой океана...
Но мне мерещится порой,
Как дальних дней воспоминанье,
Пустыни вечной и немой
Ненарушимое молчанье.
Раскалена, обнажена,
Под небом, выцветшим от зноя,
Весь день без мысли и без сна
В полубреду лежит она,
И нет движенья, нет покоя...

Застывший зной. Устал верблюд.
Пески. Извивы желтых линий.
Миражи бледные встают —
Галлюцинации Пустыни.
И в них мерещатся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана.
И тени мертвых городов
Уныло бродят по равнине
Неостывающих песков,
Как вечный бред больной Пустыни.

Царевна в сказке, — словом властным
Степь околдованная спит,
Храня проклятой жабы вид
Под взглядом солнца, злым и страстным.
Но только мертвый зной спадет
И брызнет кровь лучей с заката —
Пустыня вспыхнет, оживет,
Струями пламени объята.
Вся степь горит — и здесь, и там,
Полна огня, полна движений,
И фиолетовые тени
Текут по огненным полям.
Да одиноко городища
Чернеют жутко средь степей:
Забытых дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища.
И тлеет медленно закат,
Усталый конь бодрее скачет,
Копыта мерно говорят,
Степной джюсан звенит и плачет.
Пустыня спит, и мысль растет...
И тихо всё во всей Пустыне:
Широкий звездный небосвод
Да аромат степной полыни...

1901
Ташкент — Париж

2. В ВАГОНЕ

Снова дорога. И с силой магической
Всё это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанья, свистки, суетня...

Снова вагоны едва освещенные,
Тусклые пятна теней,
Лица склоненные
Спящих людей.
Мерный, вечный,
Бесконечный,
Однотонный
Шум колес.
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес...
Жизнь... работа...
Где-то, кто-то
Вечно что-то
Всё стучит.
Ти-та... то-та...
Вечно что-то
Мысли сонной
Говорит.

Так вот в ушах и долбит и стучит это:
Ти́-та-та, та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...
Мысли с рыданьями ветра сплетаются,
Поезд гремит, перегнать их старается...

Чудится, еду в России я...
Тысячи верст впереди.
Ночь неприютная, темная.
Станция в поле... Огни ее —
Глазки усталые, томные —
Шепчут: «Иди...»
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито.
Прожито — отжито. Вынуто — выпито...
Ти́-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...

Чудится степь бесконечная...
Поезд по степи идет.
В вихре рыданий и стонов
Слышится песенка вечная.
Скользкие стены вагонов
Дождик сечет.
Песенкой этой всё в жизни кончается,
Ею же новое вновь начинается,
И бесконечно звучит и стучит это:
Ти́-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...

Странником вечным
В пути бесконечном
Странствуя целые годы,
Вечно стремлюсь я,
Верую в счастье,
И лишь в ненастье
В шуме ночной непогоды
Веет далекою Русью.
Мысли с рыданьями ветра сплетаются,
С шумом колес однотонным сливаются,
И безнадежно звучит и стучит это:
Ти́-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...

Май 1901
В поезде между Парижем и Тулузой

3. КАСТАНЬЕТЫ

Е. С. Кругликовой

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез себе в подарок
Пару звонких кастаньет.
Беспокойны, говорливы,
Отбивая звонкий стих, —
Из груди сухой оливы
Сталью вырезали их.
Щедро лентами одеты
С этой южной пестротой;
В них живет испанский зной,
В них сокрыт кусочек света.
И когда Париж огромный

Весь оденется в туман,
В мутный вечер, на диван
Лягу я в мансарде темной,
И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,
Вечер в комнате простой,
Силуэт седой колдуньи,
И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий,
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.
И танцоры идут в ряд,
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам,
Словно щелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом.

Июль 1901
Mallorca. Valdemosa.

4. VIA MALA

Там с вершин отвесных
Ледники сползают,
Там дороги в тесных
Щелях пролегают.
Там немые кручи
Не дают простору,
Грозовые тучи
Обнимают гору.
Лапы темных елей
Мягки и широки,
В душной мгле ущелий
Мечутся потоки.
В буйном гневе свирепея,
Там грохочет Рейн.
Здесь ли ты жила, о фея —
Раутенделейн?

1899
Тузис

5. ТАНГЕЙЗЕР

Смертный, избранный богиней,
Чтобы свергнуть гнет оков,
Проклинает мир прекрасный
Светлых эллинских богов.
Гордый лик, богини гневной.
Бури яростный полет.
Полный мрак. Раскаты грома...
И исчез Венерин грот.
И певец один на воле,
И простор лугов окрест,
И у ног его долина,
Перед ним высокий крест.
Меркнут розовые горы,
Веет миром от лугов,
Веет миром от старинных
Острокрыших городков.
На холмах в лучах заката
Купы мирные дерев,
И растет спокойный, стройный
Примиряющий напев.
И чуть слышен вздох органа
В глубине резных церквей,
Точно отблеск золотистый
Умирающих лучей.

1901
Андорра

6. ВЕНЕЦИЯ

Резные фасады, узорные зданья
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканья,
Горят перламутром в отливах тумана...

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторето... и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана...

Как осенью листья с картин Тициана
Цветы облетают... Последнюю дань я
Несу облетевшим страницам романа,
В каналах следя отраженные зданья...

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

<1902, 1910>

7. НА ФОРУМЕ

Арка... Разбитый карниз,
Своды, колонны и стены.
Это обломки кулис
Сломанной сцены.
Здесь пьедесталы колонн,
Там возвышается ростра,
Где говорил Цицерон
Плавно, красиво и остро.
Между разбитых камней
Ящериц быстрых движенье.
Зной неподвижных лучей,
Струйки немолчное пенье.
Зданье на холм поднялось
Цепью изогнутых линий.
В кружеве легких мимоз
Очерки царственных пиний.
Вечер... И форум молчит.
Вижу мерцанье зари я.
В воздухе ясном звучит:
Ave Maria!

1900
Рим

8. АКРОПОЛЬ

Серый шифер. Белый тополь.
Пламенеющий залив.
В серебристой мгле олив
Усеченный холм — Акрополь.
Ряд рассеченных ступеней,
Портик тяжких Пропилей,
И за грудами камений,
В сетке легких синих теней,
Искры мраморных аллей.
Небо знойно и бездонно —
Веет синим огоньком.
Как струна, звенит колонна
С ионийским завитком.
За извивами Кефиза
Заплелись уступы гор
В рыже-огненный узор...
Луч заката брызнул снизу...
Над долиной сноп огней...
Рдеет пламенем над ней он —
В горне бронзовых лучей
Загорелый Эрехтейон...
Ночь взглянула мне в лицо.
Черны ветви кипариса.
А у ног, свернув кольцо,
Спит театр Диониса.

1900
Афины

9 — 19. ПАРИЖ

1

С МОНМАРТРА

Город-Змей, сжимая звенья,
Сыпет искры в алый день.
Улиц тусклые каменья
Синевой прозрачит тень.
Груды зданий как кристаллы;
Серебро, агат и сталь;

И церковные порталы,
Как седой хрусталь.
Город бледным днем измучен,
Весь исчерчен тьмой излучин,
И над ним издалека —
По пустыням небосклона,
Как хоругви, как знамена,
Грозовые облака...
И в пространство величаво,
Властной музыкой звуча,
Распростерлись три луча,
Как венец...
(Твой образ — Слава!)
И над городом далече
На каштанах с высоты,
Как мистические свечи,
В небе теплятся цветы...

<1904 — 1905>

2

ДОЖДЬ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

А по окнам, танцуя
Всё быстрее, быстрее,
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи...

Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В проносящемся мраке
Замутились их лики...

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...

И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame...

<Февраль 1904>

3

Как мне близок и понятен
Этот мир — зеленый, синий,
Мир живых, прозрачных пятен
И упругих, гибких линий.

Мир стряхнул покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Ярко вспыхнул бледный лист.

Небо целый день моргает
(Прыснет дождик, брызнет луч),
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч.

И сквозь дымчатые щели
Потускневшего окна
Бледно пишет акварели
Эта бледная весна.

<1902>

4

Осень... осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.

В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.

Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:
Красный в сером — это цвет
Надрывающей печали.

Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листами.

<1902>

5

Огненных линий аккорд,
Бездну зеркально-живую,
Ночью Place la Concorde[1],
Ночью дождливой люблю я.
Зарево с небом слилось...
Сумрак то рдяный, то синий,
Бездны пронзенной насквозь
Нитями иглистых линий...
В вихре сверкающих брызг,
Пойманных четкостью лака,
Дышит гигант — Обелиск
Розово-бледный из мрака.

<1903—1904>

6

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло...
И кто-то горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линялыми шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод...
Огни плясали меж волнами...
Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей...

<Лето 1904>
На Сене близ Мэдона

---

[1] Площадь Согласия (фр.). — *Ред.*

7

Анне Ник. Ивановой

В серо-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче.
В сердце сияние «Вечери»
Леонардо да Винчи.

Между мхом и травою мохнатою
Ключ лепечет невнятно.
Алым трепетом пали на статую
Золотистые пятна.

Ветер веет и вьется украдками
Меж ветвей, над водой наклоненных,
Шевеля тяжелыми складками
Шелков зеленых.

Разбирает бледные волосы
Плакучей ивы.
По озерам прозелень, полосы
И стальные отливы.

И, одеты мглою и чернию,
Многострунные сосны
Навевают думу вечернюю
Про минувшие весны.

Облака над лесными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывут из аллей бриллиантами
Фонари экипажей.

<2 июля 1905>
В Булонском лесу

8

На старых каштанах сияют листы,
    Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
    Звенит от безвольных усилий.

Я болен весеннею смутной тоской
    Несознанных миром рождений.

Овей мое сердце прозрачною мглой
Зеленых своих наваждений!

И манит, и плачет, и давит виски
Весеннею острою грустью...
Неси мои думы, как воды реки,
На волю к широкому устью!

1905

9

В молочных сумерках за сизой пеленой
Мерцает золото, как желтый огнь в опалах.
На бурый войлок мха, на шелк листов опалых
Росится тонкий дождь, осенний и лесной.

Сквозящих даль аллей струится сединой.
Прель дышит влагою и тленьем трав увялых.
Края раздвинувши завес линяло-алых,
Сквозь окна вечера синеет свод ночной.

Но поздний луч зари возжег благоговейно
Зеленый свет лампад на мутном дне бассейна,
Орозовил углы карнизов и колонн,

Зардел в слепом окне, златые кинул блики
На бронзы черные, на мраморные лики,
И темным пламенем дымится Трианон.

1909

10

Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты —
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Поток всё тех же лиц — одних, без перемен,
Дыханье тяжкое прерывистой работы,
И жизни будничной крикливые заботы,
И зелень черную, и дымный камень стен.

Мосты, где рельсами ряды домов разъяты,
И дым от поезда клоками белой ваты,
И из-за крыш и труб — сквозь дождь издалека

Большое Колесо и Башня-великанша,
И ветер рвет огни и гонит облака
С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша.

1909

11

Адел. Герцык

Перепутал карты я пасьянса,
Ключ иссяк, и русло пусто ныне.
Взор пленен садами Иль де-Франса,
А душа тоскует по пустыне.

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе — пустыня Меганома,
Зной, и камни, и сухие травы...

1909

20. ДИАНА ДЕ ПУАТЬЕ

Над бледным мрамором склонились к водам низко
Струи плакучих ив и нити бледных верб.
Дворцов Фонтенебло торжественный ущерб
Тобою осиян, Диана-Одалиска.

Богиня строгая, с глазами василиска,
Над троном Валуа воздвигла ты свой герб,
И в замках Франции сияет лунный серп
Средь лилий Генриха и саламандр Франциска.

В бесстрастной наготе, среди охотниц-нимф
По паркам ты идешь, волшебный свой заимф
На шею уронив Оленя-Актеона.

И он — влюбленный принц, с мечтательной тоской
Глядит в твои глаза, владычица! Такой
Ты нам изваяна на мраморах Гужона.

1907

21. В ЦИРКЕ

Андрею Белому

Клоун в огненном кольце...
Хохот мерзкий, как проказа,
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Лязг оркестра; свист и стук.
Точно каждый озабочен
Заглушить позорный звук
Мокро хлещущих пощечин.

Как огонь, подвижный круг.
Люди — звери, люди — гады,
Как стоглазый, злой паук,
Заплетают в кольца взгляды.

Всё крикливо, всё пестро...
Мне б хотелось вызвать снова
Образ бледного, больного,
Грациозного Пьеро.

В лунном свете с мандолиной
Он поет в своем окне
Песню страсти лебединой
Коломбине и луне.

Хохот мерзкий, как проказа;
Клоун в огненном кольце.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

1903
Москва

22. РОЖДЕНИЕ СТИХА

Бальмонту

В душе моей мрак грозовой и пахучий...
Там вьются зарницы, как синие птицы...
Горят освещенные окна...
И тянутся длинны,

Протяжно-певучи
Во мраке волокна...
О, запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучьи...
И сразу всё стало светло и велико...
Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучии.
Из недра сознанья, со дна лабиринта
Теснятся виденья толпой оробелой...
И стих расцветает цветком гиацинта,
Холодный, душистый и белый.

1904
Париж

23

Балтрушайтису

К твоим стихам меня влечет не новость,
Не яркий блеск огней:
В них чудится унылая суровость
Нахмуренных бровей.

В них чудится седое безразличье,
Стальная дрема вод,
Сырой земли угрюмое величье
И горько сжатый рот.

1903
Москва

24

Графине Софье И. Толстой

Концом иглы на мягком воске
Я напишу твои черты:
И индевеющие блестки
Твоей серебряной фаты,

И взгляд на всё разверстый внове,
И оттененный тонко нос,
И тонко выгнутые брови,
И пряди змейных, тонких кос,

Извив откинутого стана,
И нити темно-синих бус,

Чувяки синего сафьяна
И синий шелковый бурнус.
А сзади напишу текучий,
Сине-зеленый, пенный вал,
И в бирюзовом небе тучи,
И глыбы красно-бурых скал.

1909
Коктебель

25

Ел. Дмитриевой

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды;
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,
Я внимаю, склонясь на песок,
Кликам ветра и голосу моря...

Май 1909
Коктебель

26

На книге Лафорга

Эти страницы — павлинье перо, —
Трепет любви и печали.
Это больного Поэта-Пьеро
Жуткие salto-mortale.

27

Ол. Серг. Муромцевой

Небо запуталось звездными крыльями
В чаще ветвей. Как колонны стволы.
Падают, вьются, ложатся с усильями
По лесу полосы света и мглы.

Чу! по оврагам лесным — буераками
Рвется охота... и топот и звон.
Ночью по лесу, гонимый собаками,
Мчится влюбленный Олень-Актеон.

Ходит туман над росистой поляною.
Слабо мерцает далекий ледник.
К красной сосне, словно чернью затканою,
Кто-то горячей щекою приник.

Грустная девочка — бледная, страстная.
Складки туники... струи серебра...
Это ли ночи богиня прекрасная —
Гордого Феба сестра?

Топот охоты умолк в отдалении.
Воют собаки, голодны и злы.
Гордость... и жажда любви... и томление...
По лесу полосы света и мглы.

1902
Париж
Allee d'Observatoire [1]

28—31. КОГДА ВРЕМЯ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ

1

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами.

Клочья тумана — вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертанья.
Лампу Психеи несу я в руке —
Синее пламя познанья.

В безднах скрывается новое дно.
Формы и мысли смесились.
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.

Июнь 1904

---

[1] Аллея Обсерватории (фр.). — *Ред.*

2

Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней.
В прошлом разомкнуты древние звенья,
В будущем смутные лики теней.

Гаснуть словами в обманных догадках,
Дымом кадильным стелиться вдали.
Разум запутался в траурных складках,
Мантия мрака на безднах земли.

Тени Невидимых жутко громадны,
Неосязаемо близки впотьмах.
Память — неверная нить Ариадны —
Рвется в дрожащих руках.

Время свергается в вечном паденьи,
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья —
Смерть и Рожденье — вся нить бытия.

<Июль 1905>

3

И день и ночь шумит угрюмо,
И день и ночь на берегу
Я бесконечность стерегу
Средь свиста, грохота и шума.

Когда ж зеркальность тишины
Сулит обманную беспечность,
Сквозит двойная бесконечность
Из отраженной глубины.

<1903>

4

Валерию Брюсову

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.

Да, я помню мир иной —
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я — прохожий,
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.

Как ядро, к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.
Что одни зовут звериным,
Что одни зовут людским —
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!

Вечность с жгучей пустотою
Неразгаданных чудес
Скрыта близкой синевою
Примиряющих небес.
Мне так радостно и ново
Всё обычное для вас —
Я люблю обманность слова
И прозрачность ваших глаз.
Ваши детские понятья
Смерти, зла, любви, грехов —
Мир души, одетый в платье
Из священных, лживых слов.
Гармонично и поблекло
В них мерцает мир вещей,
Как узорчатые стекла
В мгле готических церквей...
В вечных поисках истоков
Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить. —

Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,
Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!

1903
Коктебель

II. AMORI AMARA SACRUM[1]

МАРГАРИТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ САБАШНИКОВОЙ

32

Я ждал страданья столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвила вкруг сердца, как запястье.

Желанный луч с собой принес
Такие жгучие, мучительные ласки.
Сквозь влажную лучистость слез
По миру разлились невиданные краски.

И сердце стало из стекла,
И в нем так тонко пела рана:
«О, боль, когда бы ни пришла,
Всегда приходит слишком рано».

Декабрь 1903
Москва

33

О, как чутко, о, как зво́нко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад...
Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья
Нити темного познанья
Привели меня назад...

<1903>

[1] Святая горечь любви (лат.). — *Ред.*

34

Спустилась ночь. Погасли краски.
Сияет мысль. В душе светло.
С какою силой ожило
Всё обаянье детской ласки,
Поблекший мир далеких дней,
Когда в зеленой мгле аллей
Блуждали сны, толпились сказки,
И время тихо, тихо шло,
Дни развивались и свивались,
И всё, чего мы ни касались,
Благоухало и цвело.
И тусклый мир, где нас держали,
И стены пасмурной тюрьмы
Одною силой жизни мы
Перед собою раздвигали.

<Май 1902>

35. ПОРТРЕТ

Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквах, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны, —

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

1903
Москва

36

Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок — непризнанный гений
Средь міднично-серых людей.

1903

37

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

1904
Париж

38. ПИСЬМО

1

Я соблюдаю обещанье
И замыкаю в четкий стих
Мое далекое посланье.
Пусть будет он как вечер тих,
Как стих «Онегина» прозрачен,
Порою слаб, порой удачен,
Пусть звук речей журчит ярчей,
Чем быстро шепчущий ручей...
Вот я опять один в Париже
В кругу привычной старины...
Кто видел вместе те же сны,

Становится невольно ближе.
В туманах памяти отсель
Поет знакомый ритурнель.

2

Вот цепь промчавшихся мгновений
Я мог бы снова воссоздать:
И робость медленных движений,
И жест, чтоб ножик иль тетрадь
Сдержать неловкими руками,
И Вашу шляпку с васильками,
Покатость Ваших детских плеч,
И Вашу медленную речь,
И платье цвета эвкалипта,
И ту же линию в губах,
Что у статуи Таиах,
Царицы древнего Египта,
И в глубине печальных глаз —
Осенний цвет листвы — топаз.

3

Рассвет. Я только что вернулся.
На веках — ночь. В ушах — слова.
И сон в душе, как кот, свернулся...
Письмо... От Вас?
Едва-едва
В неясном свете вижу почерк —
Кривых каракуль смелый очерк.
Зажег огонь. При свете свеч
Глазами слышу Вашу речь.
Вы снова здесь? О, говорите ж.
Мне нужен самый звук речей...
В озерах памяти моей
Опять гудит подводный Китеж,
И легкий шелест дальних слов
Певуч, как гул колоколов.

4

Гляжу в окно сквозь воздух мглистый.
Прозрачна Сена... Тюильри...
Монмартр и синий, и лучистый.

Как желтый жемчуг — фонари.
Хрустальный хаос серых зданий...
И аромат воспоминаний,
Как запах тлеющих цветов,
Меня пьянит. Чу! Шум шагов...
Вот тяжкой грудью парохода
Разбилось тонкое стекло,
Заволновалось, потекло...
Донесся дальний гул народа;
В провалах улиц мгла и тишь.
То день идет... Гудит Париж.

5

Для нас Париж был ряд преддверий
В просторы всех веков и стран,
Легенд, историй и поверий.
Как мутно-серый океан,
Париж властительно и строго
Шумел у нашего порога.
Мы отдавались, как во сне,
Его ласкающей волне.
Мгновенья полные, как годы...
Как жезл сухой, расцвел музей...
Прохладный мрак больших церквей...
Орган... Готические своды...
Толпа: потоки глаз и лиц...
Припасть к земле... Склониться ниц...

6

Любить без слез, без сожаленья,
Любить, не веруя в возврат...
Чтоб было каждое мгновенье
Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,
Прошла, развеялась... И пусть
Вечерне-радостная грусть
Обнимет нас своим запястьем.
Смотреть, как тают без следа
Остатки грез, и никогда
Не расставаться с грустным счастьем,
И, подойдя к концу пути,
Вздохнуть и радостно уйти.

7

Здесь всё теперь воспоминанье,
Здесь всё мы видели вдвоем,
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье.
Но только нет... Продленный миг
Есть ложь... И беден мой язык.

8

И всё мне снится день в Версале,
Тропинка в парке между туй,
Прозрачный холод синей дали,
Безмолвье мраморных статуй,
Фонтан и кони Аполлона.
Затишье парка Трианона,
Шероховатость старых плит, —
(Там мрамор сер и мхом покрыт).
Закат, как отблеск пышной славы
Давно отшедшей красоты,
И в вазах каменных цветы,
И глыбой стройно-величавой —
Дворец: пустынных окон ряд
И в стеклах пурпурный закат.

9

Я помню тоже утро в Hall'e,
Когда у Лувра на мосту
В рассветной дымке мы стояли.
Я помню рынка суету,
Собора слизистые стены,
Капуста, словно сгустки пены,
«Как солнца» тыквы и морковь,

Густые, черные, как кровь,
Корзины пурпурной клубники,
И океан живых цветов —
Гортензий, лилий, васильков,
И незабудок, и гвоздики,
И серебристо-сизый тон,
Обнявший нас со всех сторон.

10

Я буду помнить Лувра залы,
Картины, золото, паркет,
Статуи, тусклые зеркала,
И шелест ног, и пыльный свет.
Для нас был Грёз смешон и сладок,
Но нам так нравился зато
Скрипучий шелк чеканных складок
Темно-зеленого Ватто.
Буше — изящный, тонкий, лживый,
Шарден — интимный и простой,
Коро — жемчужный и седой,
Милле — закат над желтой нивой,
Веселый лев — Делакруа,
И в Saint-Germain l'Auxerroy —

11

Vitreaux[1] — камней прозрачный слиток:
И аметисты, и агат.
Там ангел держит длинный свиток,
Вперяя долу грустный взгляд.
Vitreaux мерцают, точно крылья
Вечерней бабочки во мгле...
Склоняя голову в бессильи,
Святая клонится к земле
В безумьи счастья и экстаза...
Tête Inconnue[2]! Когда и кто
Нашел и выразил в ней то
В движеньи плеч, в разрезе глаза,
Что так меня волнует в ней,
Как и в Джоконде, но сильней?

[1] Витражи (фр.). — *Ред.*
[2] Голова неизвестной (фр.). — *Ред.*

12

Леса готической скульптуры!
Как жутко всё и близко в ней.
Колонны, строгие фигуры
Сибилл, пророков, королей...
Мир фантастических растений,
Окаменелых привидений,
Драконов, магов и химер.
Здесь всё есть символ, знак, пример.
Какую повесть зла и мук вы
Здесь разберете на стенах?
Как в этих сложных письменах
Понять значенье каждой буквы?
Их взгляд, как взгляд змеи, тягуч...
Закрыта дверь. Потерян ключ.

13

Мир шел искать себе обитель,
Но на распутьи всех дорог
Стоял лукавый Соблазнитель.
На нем хитон, на нем венок,
В нем правда мудрости звериной:
С свиной улыбкой взгляд змеиный.
Призывно пальцем щелкнул он,
И мир, как Ева, соблазнен.
И этот мир — Христа Невеста —
Она решилась и идет:
В ней всё дрожит, в ней всё поет,
В ней робость и бесстыдство жеста,
Желанье, скрытое стыдом,
И упоение грехом.

14

Есть беспощадность в примитивах.
У них для правды нет границ —
Ряды позорно некрасивых,
Разоблаченных кистью лиц.
В них дышит жизнью каждый атом:
Фуке — безжалостный анатом —
Их душу взял и расчленил,

Спокойно взвесил, осудил
И распял их в своих портретах.
Его портреты казнь и месть,
И что-то дьявольское есть
В их окружающих предметах
И в хрящеватости ушей,
В глазах и в линии ноздрей.

15

Им мир Рэдона так созвучен...
В нем крик камней, в нем скорбь земли,
Но саван мысли сер и скучен.
Он змей, свернувшийся в пыли.
Рисунок грубый, неискусный...
Вот Дьявол — кроткий, странный, грустный.
Антоний видит бег планет:
«Но где же цель?»
— Здесь цели нет...
Струится мрак и шепчет что-то,
Легло молчанье, как кольцо,
Мерцает бледное лицо
Средь ядовитого болота,
И солнце, черное как ночь,
Вбирая свет, уходит прочь.

16

Как горек вкус земного лавра...
Родэн навеки заковал
В полубезумный жест Кентавра
Несовместимость двух начал.
В безумьи заломивши руки,
Он бьется в безысходной муке,
Земля и стонет и гудит
Под тяжкой судоргой копыт.
Но мне понятна беспредельность,
Я в мире знаю только цельность,
Во мне зеркальность тихих вод,
Моя душа как небо звездна,
Кругом поет родная бездна, —
Я весь и ржанье, и полет!

17

Я поклоняюсь вам, кристаллы,
Морские звезды и цветы,
Растенья, раковины, скалы
(Окаменелые мечты
Безмолвно грезящей природы),
Стихии мира: Воздух, Воды,
И Мать-Земля и Царь-Огонь!
Я духом Бог, я телом конь.
Я чую дрожь предчувствий вещих,
Я слышу гул идущих дней,
Я полон ужаса вещей,
Враждебных, мертвых и зловещих,
И вызывают мой испуг
Скелет, машина и паук.

18

Есть злая власть в душе предметов,
Рожденных судоргой машин.
В них грех нарушенных запретов,
В них месть рабов, в них бред стремнин.
Для всех людей одни вериги:
Асфальты, рельсы, платья, книги,
И не спасется ни один
От власти липких паутин.
Но мы, свободные кентавры,
Мы мудрый и бессмертный род,
В иные дни у брега вод
Ласкались к нам ихтиозавры.
И мир мельчал. Но мы росли.
В нас бег планет, в нас мысль Земли!

Май 1904
Париж

39. СТАРЫЕ ПИСЬМА

А. В. Гольштейн

Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов...
В них есть запах, в них есть прелесть
Умирающих цветов.

Я люблю узорный почерк —
В нем есть шорох трав сухих.
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.

Мне так близко обаянье
Их усталой красоты...
Это дерева Познанья
Облетевшие цветы.

<1904>

40. ТАИАХ

Тихо, грустно и безгневно
Ты взглянула. Надо ль слов?
Час настал. Прощай, царевна!
Я устал от лунных снов.

Ты живешь в подводной сини
Предрассветной глубины,
Вкруг тебя в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.

Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло.
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело.

Всё, во что мы в жизни верим,
Претворялось в твой кристалл.
Душен стал мне узкий терем,
Сны увяли, я устал...

Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,

К ярким полымям полудней,
К пестроте живых людей...
Не царевич я! Похожий
На него, я был иной...
Ты ведь знала: я — Прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Тот, кто раз сошел с вершины,
С ледяных престолов гор,
Тот из облачной долины
Не вернется на простор.

Мы друг друга не забудем.
И, целуя дольний прах,
Отнесу я сказку людям
О царевне Таиах.

Весна 1905
Париж

41

Если сердце горит и трепещет,
Если древняя чаша полна... —
Горе! Горе тому, кто расплещет
Эту чашу, не выпив до дна.

В нас весенняя ночь трепетала,
Нам таинственный месяц сверкал...
Не меня ты во мне обнимала,
Не тебя я во тьме целовал.

Нас палящая жажда сдружила,
В нас различное чувство слилось:
Ты кого-то другого любила,
И к другой мое сердце рвалось.

Запрокинулись головы наши,
Опьянились мы огненным сном,
Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином.

1905
Париж

42

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

Весна 1905
Париж

43. ЗЕРКАЛО

Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза, —
В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
И я молю его: «Останься, будь во мне, —
Не прерывай рождающейся муки»...

И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне — глубоко...
Но время, наконец, застынет надо мной,
И тусклою плевой мое затянет око!

Лето 1905
Париж

44

Мир закутан плотно
В сизый саван свой —
В тонкие полотна
Влаги дождевой.

В тайниках сознанья
Травки проросли.
Сладко пить дыханье
Дождевой земли.

С грустью принимаю
Тягу древних змей:
Медленную Майю
Торопливых дней.

Затерявшись где-то,
Робко верим мы
В непрозрачность света
И прозрачность тьмы.

Лето 1905
Париж

45

Небо в тонких узорах
Хочет день превозмочь,
А в душе и в озерах
Опрокинулась ночь.

Что-то хочется крикнуть
В эту черную пасть,
Робким сердцем приникнуть,
Чутким ухом припасть.

И идешь и не дышишь...
Холодеют поля.
Нет, послушай... Ты слышишь?
Это дышит земля.

Я к траве припадаю.
Быть твоим навсегда...
«Знаю... знаю... всё знаю», —
Шепчет вода.

Ночь темна и беззвездна.
Кто-то плачет во сне,
Опрокинута бездна
На водах и во мне...

Лето 1905
Париж

46

Эта светлая аллея
В старом парке — по горе,
Где проходит тень Орфея
Молчаливо на заре.

Весь прозрачный — утром рано,
В белом пламени тумана
Он проходит, не помяв
Влажных стеблей белых трав.

Час таинственных наитий.
Он уходит в глубь аллей,
Точно струн, касаясь нитей
Серебристых тополей.

Кто-то вздрогнул в этом мире.
Щебет птиц. Далекий ключ.
Как струна на чьей-то лире
Зазвенел по ветке луч.

Всё распалось. Мы приидем
Снова в мир, чтоб видеть сны.
И становится невидим
Бог рассветной тишины.

Лето 1905
Париж

47

В зеленых сумерках, дрожа и вырастая,
Восторг таинственный припал к родной земле,
И прежние слова уносятся во мгле,
Как черных ласточек испуганная стая.

И арки черные, и бледные огни
Уходят по реке в лучистую безбрежность.
В душе моей растет такая нежность!..
Как медленно текут расплавленные дни...

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

1905
Париж

48. ВТОРОЕ ПИСЬМО

И были дни, как муть опала,
И был один, как аметист.
Река несла свои зеркала,
Дрожал в лазури бледный лист.
Хрустальный день пылал так ярко,
И мы ушли в затишье парка,
Где было сыро на земле,
Где пел фонтан в зеленой мгле,
Где трепетали поминутно
Струи и полосы лучей,
И было в глубине аллей
И величаво и уютно.
Синела даль. Текла река.
Душа, как воды, глубока.

И наших ног касалась влажно
Густая, цепкая трава;
В душе и медленно, и важно
Вставали редкие слова.
И полдня вещее молчанье
Таило жгучую печаль
Невыразимого страданья.
И, смутным оком глядя вдаль,

Ты говорила:
«Смерть сурово
Придет, как синяя гроза.
Приблизит грустные глаза
И тихо спросит: «Ты готова?»
Что я отвечу в этот день?
Среди живых я только тень.
Какая темная обида
Меня из бездны извлекла?
Я здесь брожу как тень Аида,
Я не страдала, не жила...
Мне надо снова воплотиться
И крови жертвенной напиться,
Чтобы понять язык людей.
Печален сон души моей.
Она безрадостна, как Лета...
Кто здесь поставит ей межи?
Я родилась из чьей-то лжи,
Как Калибан из лжи поэта.
Мне не мила земная твердь...
Кто не жил, тех не примет смерть».

Как этот день теперь далёко
С его бескрылою тоской!
Он был как белый свет востока
Пред наступающей зарей.
Он был как вещий сон незрящей,
Себя не знающей, скорбящей,
Непробудившейся души.
И тайны в утренней тиши
Свершались:

«Некий встал с востока
В хитоне бледно-золотом,
И чашу с пурпурным вином
Он поднял в небо одиноко.
Земли пустые страшны очи.
Он встретил их и ослепил,
Он в мире чью-то кровь пролил
И затопил ей бездну ночи».

И, трепеща, необычайны,
Горé мы подняли сердца
И причастились страшной Тайны
В лучах пылавшего лица.

И долу, в мир вела дорога —
Исчезнуть, слиться и сгореть.
Земная смерть есть радость Бога:
Он сходит в мир, чтоб умереть.

И мы, как боги, мы, как дети,
Должны пройти по всей земле,
Должны запутаться во мгле,
Должны ослепнуть в ярком свете,
Терять друг друга на пути,
Страдать, искать и вновь найти...

1904 — 1905
Париж

49. В МАСТЕРСКОЙ

Ясный вечер, зимний и холодный,
За высоким матовым стеклом.
Там в окне, в зеленой мгле подводной
Бьются зори огненным крылом.
Смутный час... Все линии нерезки.
Все предметы стали далеки.
Бледный луч от алой занавески
Отеняет линию щеки.
Мир теней погасших и поблеклых,
Хризантемы в голубой пыли;
Стебли трав, как кружево, на стеклах...
Мы — глаза таинственной земли...
Вглубь растут непрожитые годы.
Чуток сон дрожащего стебля.
В нас молчат всезнающие воды,
Видит сны незрячая земля.

Девочка милая, долгой разлукою
Время не сможет наш сон победить:
Есть между нами незримая нить.
Дай я тихонько тебя убаюкаю:
Близко касаются головы наши,
Нет разделений, преграды и дна.
День, опрозраченный тайнами сна,
Станет подобным сапфировой чаше.
Мир, увлекаемый плавным движеньем,
Звездные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным, живым отраженьем
Нашего вечного, слитного Я.

Ночь придет. За бархатною мглою
Станут бледны полыньи зеркал.
Я тебя согрею и укрою,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал.
Свет зажгу. И ровный круг от лампы
Озарит растенья по углам,
На стенах японские эстампы,
На шкафу химеры с Notre-Dame.
Барельефы, ветви эвкалипта,
Полки книг, бумаги на столах,
И над ними тайну тайн Египта —
Бледный лик царевны Таиах...

Осень 1905
Париж

50. ВОСЛЕД

Мысли поют: «Мы устали... мы стынем...»
Сплю. Но мой дух неспокоен во сне.
Дух мой несется по снежным пустыням
В дальней и жуткой стране.

Дух мой с тобою в качаньи вагона.
Мысли поют и поют без конца.
Дух мой в России... Ведет Антигона
Знойной пустыней слепца.

Дух мой несется, к земле припадая,
Вдоль по дорогам распятой страны.
Тонкими нитями в сердце врастая,
В мире клубятся кровавые сны.

Дух мой с тобою уносится... Иней
Стекла вагона заткал, и к окну,
К снежней луне гиацинтово-синей
Вместе с тобою лицом я прильну.

Дух мой с тобою в качаньи вагона.
Мысли поют и поют без конца...
Горной тропою ведет Антигона
В знойной пустыне слепца...

Февраль 1906
Париж

51

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты слезный свет во тьме железной,
Ты горький звездный сок. А я —
Я помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

Март 1907
Петербург

52. IN MEZZA DI CAMMIN...

Блуждая в юности извилистой дорогой,
Я в темный Дантов лес вступил в пути своем,
И дух мой радостный охвачен был тревогой.

С безумной девушкой, глядевшей в водоем,
Я встретился в лесу. «Не может быть случайна, —
Сказал я, — встреча здесь. Пойдем теперь вдвоем».

Но, вещим трепетом объят необычайно,
К лесному зеркалу я вместе с ней приник,
И некая меж нас в тот миг возникла тайна.

И вдруг увидел я со дна встающий лик —
Горящий пламенем лик Солнечного Зверя.
«Уйдем отсюда прочь!» Она же птичий крик

Вдруг издала и, правде снов поверя,
Спустилась в зеркало чернеющих пучин...
Смертельной горечью была мне та потеря.

И в зрящем сумраке остался я один.

16 мая 1907
Москва

III. ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

АЛЕКСАНДРЕ МИХАЙЛОВНЕ ПЕТРОВОЙ

53

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

Сентябрь 1906
Богдановщина

54

Одилону Рэдону

Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа...
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мирозданья,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли.

<1904
Париж>

55. КРОВЬ

ПОСВЯЩЕНИЕ НА КНИГЕ «ЭРОС»

В моей крови — слепой Двойник.
Он редко кажет дымный лик, —
Тревожный, вещий, сокровенный.
Приникнул ухом... Где ты, пленный?

И мысль рванулась... и молчит.
На дне глухая кровь стучит...
Стучит — бежит... Стучит — бежит...
Слепой огонь во мне струит.
Огонь древней, чем пламя звезд,
В ней память темных, старых мест.
В ней пламень черный, пламень древний.
В ней тьма горит, в ней света нет,
Она властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.

Слепой Двойник! Мой Пращур пленный!
Властитель мне невнятных грез!
С какой покинутой вселенной
Ты тайны душные принес?

Зачем во тьму кровосмешений,
К соприкасаньям алых жал
Меня — Эдипа, ты послал
Искать зловещих откровений?

1907
Петербург

56. САТУРН

М. А. Эртелю

На тверди видимой алмазно и лазурно
Созвездий медленных мерцает бледный свет.
Но в небе времени снопы иных планет
Несутся кольцами и в безднах гибнут бурно.

Пусть темной памяти источенная урна
Их пепел огненный развеяла как бред —

В седмичном круге дней горит их беглый след.
О, пращур Лун и Солнц, вселенная Сатурна!

Где ткало в дымных снах сознание-паук
Живые ткани тел, но телю было — звук,
Где лился музыкой, непознанной для слуха,

Творящих числ и воль мерцающий поток,
Где в горьком сердце тьмы сгущался звездный сок,
Что темным языком лепечет в венах глухо.

1907
Петербург

57. СОЛНЦЕ

Б. А. Леману

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты, всезрящее, покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы к тебе — истоку Дня —
Земля — свои цветы и я — слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалека.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте!

1907
Петербург

58. ГРОТ НИМФ

Сергею Соловьеву

О, странник-человек! Познай Священный Грот
И надпись скорбную «Amori et dolori» [1].
Из бездны хаоса, сквозь огненное море,
В пещеры времени влечет водоворот.

[1] Люби и страдай (лат.). — *Ред.*

Но смертным и богам отверст различный вход:
Любовь — тропа одним, другим дорога — горе.
И каждый припадет к сияющей амфоре,
Где тайной Эроса хранится вещий мед.

Отмечен вход людей оливою ветвистой —
В пещере влажных нимф, таинственной и мглистой,
Где вечные ключи рокочут в тайниках,

Где пчелы в темноте слагают сотов грани,
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани.

1907
Коктебель

59-65. РУАНСКИЙ СОБОР

РУАН 24 ИЮЛЯ 1905 г.

Анне Рудольфовне Минцловой

1

НОЧЬ

Вечер за днем беспокойным.
Город, как уголь, зардел,
Веет прерывистым, знойным,
Рдяным дыханием тел.

Плавны, как пение хора,
Прочь от земли и огней
Высятся дуги собора
К светлым пространствам ночей.

В тверди сияюще-синей,
В звездной алмазной пыли,
Нити стремительных линий
Серые сети сплели.

В горний простор без усилья
Взвились громады камней...
Птичьи упругие крылья —
Крылья у старых церквей!

1907

2

ЛИЛОВЫЕ ЛУЧИ

О, фиолетовые грозы,
Вы — тень алмазной белизны!
Две аметистовые Розы
Сияют с горней вышины.

Дымится кровь огнем багровым,
Рубины рдеют винных лоз,
Но я молюсь лучам лиловым,
Пронзившим сердце вечных Роз.

И я склоняюсь на ступени,
К лиловым пятнам темных плит,
Дождем фиалок и сирени
Во тьме сияющей облит.

И храма древние колонны
Горят фиалковым огнем.
Как аметист, глаза бессонны
И сожжены лиловым днем.

1907

3

ВЕЧЕРНИЕ СТЕКЛА

Гаснет день. В соборе всё поблекло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стекла
В глубине готических пещер.

Темным светом вытканные ткани,
Страстных душ венчальная фата,
В них рубин вина, возникший в Кане,
Алость роз, расцветших у креста,

Хризолит осенний и пьянящий,
Мед полудней — царственный янтарь,
Аметист — молитвенный алтарь,
И сапфир, испуганный и зрящий.

В них горит вечерний океан,
В них призыв далекого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята.

Тем, чей путь таинственно суров,
Чья душа тоскою осиянна,
Вы — цветы осенних вечеров,
Поздних зорь далекая Осанна.

1907

4

СТИГМАТЫ

Чья рука, летучая как пламень,
По страстным путям меня ведет?
Под ногой не гулкий чую камень,
А журчанье вещих вод...

Дух пронзают острые пилястры,
Мрак ужален пчелами свечей.
О, сердца, расцветшие, как астры,
Золотым сиянием мечей!

Свет страданья, алый свет вечерний
Пронизал резной, узорный храм.
Ах, как жалят жала алых терний
Бледный лоб, приникший к алтарям!

Вся душа — как своды и порталы,
И, как синий ладан, в ней испуг.
Знаю вас, священные кораллы
На ладонях распростертых рук!

1907

5

СМЕРТЬ

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу, глубоко — в древнем храме
Вздох земли подъемлет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

Под ногой сияющие грозди —
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры, — вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись, завеса в темном храме,
Разомкнись, лазоревая твердь!
Вот она, как ангел, над мирами,
Факел жизни — огненная Смерть!

1907

6

ПОГРЕБЕНЬЕ

Глубь земли... Источенные крипты.
Слышно пенье — погребальный клир.
Ветви пальм. Сухие эвкалипты.
Запах воска. Тление и мир...

Здесь соборов каменные корни.
Прахом в прах таинственно сойти,
Здесь истлеть, как семя в темном дерне,
И цветком собора расцвести!

Милой плотью скованное время,
Своды лба и звенья позвонков
Я сложу, как радостное бремя,
Как гирлянды праздничных венков.

Не придя к конечному пределу
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

Свет очей — любовь мою сыновью
Я тебе незрячей отдаю
И своею солнечною кровью
Злое сердце мрака напою.

1907

7

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сердце острой радостью ужалено.
Запах трав и колокольный гул.
Чьей рукой плита моя отвалена?
Кто запор гробницы отомкнул?

Небо в перьях — высится и яснится...
Жемчуг дня... Откуда мне сие?
И стоит собор — первопричастница
В кружевах и белой кисее.

По речным серебряным излучинам,
По коврам сияющих полей,
По селеньям, сжавшимся и скученным,
По старинным плитам площадей,

Вижу я, идут отроковицами,
В светлых ризах, в девственной фате,
В кружевах, с завешенными лицами,
Ряд церквей — невесты во Христе.

Этим камням, сложенным с усильями,
Нет оков и нет земных границ!
Вдруг взмахнут испуганными крыльями
И взовьются стаей голубиц.

1907

66. ГНОСТИЧЕСКИЙ ГИМН ДЕВЕ МАРИИ

Вячеславу Иванову

Славься, Мария!
Хвалите, хвалите
Крестные тайны
Во тьме естества!
Mula-Pracriti —
Покров Божества.

Дремная греза
Отца Парабрамы,
Сонная Майа,
Праматерь-материя!
Греза из грезы...

Вскрываются храмы.
Жертвы и смерти
Живая мистерия.

Марево-Мара,
Море безмерное,
Amor-Maria[1] —
Звезда над морями!
Мерною рябью
Разбилась вселенная.
В ритме вскрывается
Тайна глубинная...
В пенные крылья
Свои голубиные
Морем овита,
Из влаги рожденная —
Ты Афродита —
Звезда над морями.

Море — Мария!

Майею в мире
Рождается Будда.
В областях звездных
Над миром царит.
Верьте свершителю
Вышнего чуда:
Пламя, угасшее в безднах, —
Горит!..

Майа — Мария!

Майа, принявшая
Бога на крест,
Майа, зачавшая
Вечер — Гермеса.
С пламени вещих
Сверкающих звезд
Сорвана дня
Ледяная завеса.

Майа — Мария!

---

[1] Любовь — Мария (лат.) — *Ред.*

Мы в безднах погасли,
Мы путь совершили,
Мы в темные ясли
Бога сложили...

Ave Maria!

1907
Петербург

67-80. КИММЕРИЙСКИЕ СУМЕРКИ

Константину Феодоровичу Богаевскому

1

ПОЛЫНЬ

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звезд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

1907
<Петербург>

2

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и орарях.

Припаду я к острым щебням,
к серым срывам размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый,
мой торжественный Коктебель!

1907
Коктебель

3

Темны лики весны. Замутились влагой долины,
Выткали синюю даль прутья сухих тополей.
Тонкий снежный хрусталь опрозрачил дальние горы.
Влажно тучнеют поля.

Свивши тучи в кудель и окутав горные щели,
Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя.
Море глухо шумит, развивая древние свитки
Вдоль по пустынным пескам.

1907

4

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и иода.

1907
Коктебель

5

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой вещий дух ужален?
Кто знает путь богов — начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щебни,
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.

1907
Коктебель

6

Равнина вод колышется широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мыс, зубчатою стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.

Туманный день раскрыл златое око,
И бледный луч, расплесканный волной,
Скользит, дробясь над мутной глубиной, —
То колос дня от пажитей востока.

В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

Вверх обрати ладони тонких рук —
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!

1907
Коктебель

7

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные незнаемой страны.

Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзанья и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампады Семизвездья.

1907
Коктебель

8

MARE INTERNUM[1]

Я — солнца древний путь от красных скал Тавриза
До темных врат, где стал Гераклов град — Кадикс.
Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс,
И струйный столб огня на мне сверкает сизо.

Вот рдяный вечер мой: с зубчатого карниза
Ко мне склонился кедр и бледный тамариск.
Широко шелестит фиалковая риза,
Заливы черные сияют, как оникс.

Люби мой долгий гул, и зыбких взводней змеи,
И в хорах волн моих напевы Одиссеи.

---

[1] Внутреннее море (лат.). — *Ред.*

Вдохну в скитальный дух я власть дерзать и мочь,
И обоймут тебя в глухом моем просторе
И тысячами глаз взирающая Ночь,
И тысячами уст глаголящее Море.

1907

9

ГРОЗА

Див кличет по древию, велит послушати
Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу...

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой

И тутнет, гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью, —
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

1907
Коктебель

10

ПОЛДЕНЬ

Травою жесткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извилистой долины.
Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем, и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;

А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатою стеной.

И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душных трав, и камней отблеск ртутный,
И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц —

Мутят сознание. И зной дрожит от крика...
И там — во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лика.

1907

11

ОБЛАКА

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (всё выше, всё тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тусклей.
А по степям несется бег коней,
Как темный лёт разгневанных Эринний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на долы расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака — Ассуры.

1909

12

СЕХМЕТ

Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам
Цикад и ос? Кто мыслил перемены?

Кто, с узкой грудью, с профилем гиены,
Лик обращал навстречу вечерам?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою распаля.
И персть путей блуждает и томится...

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом ответствует земля.

1909

13

Сочилась желчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбко бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел четко, пьяно.

Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозящий стих закатного Корана...
И был наш день — одна большая рана,
И вечер стал — запекшаяся кровь.

В тупой тоске мы отвратили лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,

Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...

Август 1909

14

ОДИССЕЙ В КИММЕРИИ

Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал

Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам.
Усталых волн всё глуше голоса,

И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синеет полоса

Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.

Наш путь ведет к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных рощ
Раин и ив, где папоротник, хвощ

И черный тисс одели леса склоны...
Туда идем, к закатам темных дней
Во сретенье тоскующих теней.

17 октября 1907
Коктебель

81

Зеленый вал отпрянул и пугливо
Умчался вдаль, весь пурпуром горя...
Над морем разлилась широко и лениво
Певучая заря.

Живая зыбь как голубой стеклярус.
Лиловых туч карниз.
В стеклянной мгле трепещет серый парус.
И ветр в снастях повис.

Пустыня вод... С тревогою неясной
Толкает челн волна.
И распускается, как папоротник красный,
Зловещая луна.

82

Вещий крик осеннего ветра в поле.
Завернувшись в складки одежды темной,
Стонет бурный вечер в тоске бездомной,
Стонет от боли.

Раздирая тьму, облака, туманы,
Простирая алые к Ночи руки,
Обнажает Вечер в порыве муки
Рдяные раны.

Плачьте, плачьте, плачьте, безумцы-ветры,
Над горой, над полем глухим, над пашней...
Слышу в голых прутьях, в траве вчерашней
Вопли Деметры.

1907

83

Священных стран
Вечерние экстазы.
Сверканье лат
Поверженного Дня!
В волнах шафран,
Колышутся топазы,
Разлит закат
Озерами огня.

Как волоса,
Волокна тонких дымов,
Припав к земле,
Синеют, лиловеют,
И паруса,
Что крылья серафимов,
В закатной мгле
Над морем пламенеют.

Излом волны
Сияет аметистом,
Струистыми
Смарагдами огней...
О, эти сны
О небе золотистом!
О, пристани
Крылатых кораблей!..

1907

84. ОСЕНЬЮ

Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьется в пляске
Красный лист, —
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен,
Веток свист.

Ветер клонит
Ряд ракит,
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати,
И на скате
Перекати-
Поле мчит.

Воды мутит,
Гомит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там —
По нагорьям,
Плоскогорьям,
Лукоморьям
И морям.

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили,
Пепеля;
Чьи-то руки
Напружили,
Точно луки,
Тополя.

В море прянет —
Вир встает,
Воды стянет,
Загудёт,
Рвет на части
Лодок снасти,
Дышит в пасти
Пенных вод.

Ввысь, в червленый
Солнца диск —
Миллионы
Алых брызг!

Гребней взвивы,
Струй отливы,
Коней гривы,
Пены взвизг...

1907
Коктебель

85

Поликсене С. Соловьевой

Над горестной землей — пустынной и огромной, —
Больной прерывистым дыханием ветров,
Безумной полднями, облитой кровью темной
Закланных вечеров, —

Свой лик, бессмертною пылающий тоскою,
Сын старший Хаоса, несешь ты в славе дня!
Пустыни времени лучатся под стезею
Всезрящего огня.

Колючий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь креста — к закату клонишь ты
И гасишь темный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.

На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры — сторожа покинутой земли —
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Теперь растет вдали.

И стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письмена дорог, начертанных в пустыне,
И в небе числа звезд.

1907

86

Ек. Ал. Бальмонт

Возлюби просторы мгновенья,
Всколоси их звонкую степь,
Чтобы мигов легкие звенья
Не спаялись в трудную цепь.
Ах, как тяжко бремя свободы,
Как темны просторы степей!
Кто вернет темничные своды
И запястья милых цепей?

Что рук не свяжете?
Ног не подкосите?
На темной пажити
Меня не бросите?
Не веют крылия
Живых вестей
Здесь, на развилии
Слепых путей.

Не зови того, кто уходит,
Не жалей о том, что прошло:
Дарит смерть, а жизнь лишь уводит...
Позабудь и знак, и число.
Ах, как дики эти излоги!
Как грустна вечерняя муть!..
Но иди: в полях без дороги
Пусть неверен будет твой путь.

Край одиночества,
Земля молчания...
Сбылись пророчества,
Свершились чаянья.
Под синей схимою
Простерла даль
Неотвратимую
Печаль.

1908
Париж

IV. АЛТАРИ В ПУСТЫНЕ

АЛЕКСАНДРЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ГОЛЬШТЕЙН

87

Станет солнце в огненном притине,
Струйки темной потекут жары...
Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы.

Дрём ветвей, пропитанных смолою,
Листья, мох и травы я сложу,
И огню, плененному землею,
Золотые крылья развяжу.

Вспыхнут травы пламенем багровым,
Золотисто-темным и седым,
И потянет облаком лиловым
Горький, терпкий и пахучий дым.

Ты, Ликей! Ты, Фойбос! Здесь ты, близко!
Знойный гнев, Эойос, твой велик!
Отрок-бог! Из солнечного диска
Мне яви сверкающий свой лик.

1909

88. ΚΛΗΤΙΚΟΙ[1]

Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!
Быстрый танец, вдоль по лугу белый вихрь одежд развей!
Зарный бог несется к югу в стаях белых лебедей.

Ржут грифоны, клекчут птицы, блещут спицы колесниц,
Плещут воды, вторят долы звонким криком вешних птиц,
В дальних тучах быстро бьются крылья огненных зарниц.

Устья рек, святые рощи, гребни скал и темя гор
Оглашает ликованьем всех зверей великий хор —
И луга, и лес, и пашни, гулкий брег и синь-простор.

---

[1] Призывы, зовы (др.-греч.). — *Ред.*

У сокрытых вод Дельфузы славят музы бога сил;
Вещих снов слепые узы бременят сердца Сивилл;
Всходят зели, встали травы из утроб земных могил.

Ты — целитель! Ты — даятель! Отвратитель тусклых бед!
Гневный мститель! Насылатель черных язв и
знойных лет!
Легких Ор святые хоры ты уводишь, Кифаред!

Движешь камни, движешь сферы строем лиры золотой!
Порожденный в лоне Геи Геры ревностью глухой,
Гад Пифон у врат пещеры поражен твоей стрелой.

Листьем дуба, темным лавром обвивайте алтари,
В белом блеске ярых полдней, пламя алое, гори!
Златокудрый, огнеликий, сребролукий бог зари!

Ликодатель, возвестивший каждой твари: «Ты еси!»
Зорю духа, пламя лика в нас, Ликей, — не угаси!
Севы звезд на влажной ниве в стройный колос всколоси!

Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!
Быстрый танец, вдоль по лугу белый вихрь одежд
развей!
Зарный бог несется к югу в стаях белых лебедей!

Весна 1909
Коктебель

89. ДЭЛОС

Сергею Маковскому

Оком мертвенным Горгоны
Обожженная земля:
Гор зубчатые короны,
Бухт зазубренных края.

Реет в море белый парус...
Как венец с пяти сторон —
Сизый Сирос, синий Парос,
Мирто, Наксос и Микон.

Гневный Лучник! Вождь мгновений!
Предводитель мойр и муз!

Налагатель откровений,
Разрешитель древних уз!

Сам из всех святынь Эллады
Ты своей избрал страной
Каменистые Циклады,
Дэлос знойный и сухой.

Ни священных рощ, ни кладбищ
Здесь не узрят корабли,
Ни лугов, ни тучных пастбищ,
Ни питающей земли.

Только лавр по склонам Цинта
Да в тенистых щелях стен
Влажный стебель гиацинта,
Кустик белых цикламен.

Но среди безводных кручей
Сердцу бога сладко мил
Терпкий дух земли горючей,
Запах жертв и дым кадил.

Дэлос! Ты престолом Фэба
Наг стоишь среди морей,
Воздымая к солнцу — в небо
Дымы черных алтарей.

1909

90. ДЕЛЬФЫ

Стеснили путь хребтов громады.
В долинах тень и дымка мглы.
Горят на солнце Федриады
И клекчут Зевсовы орлы.

Величье тайн и древней мощи
В душе родит святой испуг.
Безгласны лавровые рощи,
И эхо множит каждый звук.

По руслам рвов, на дне ущелий
Не молкнет молвь ручьев седых.
Из язв земли, из горных щелей,
Как пар, встает туманный дых.

Сюда, венчанного лозою, —
В долину Дельф, к устам земли
Благочестивою стезею
Меня молитвы привели.

Я плыл по морю за дельфином,
И в полдень белая звезда
Меня по выжженным равнинам
Вела до змиева гнезда.

Но не вольна праматерь Гея
Рожать сынов. Пифон умолк,
И сторожат пещеру змея
Священный лавр, дельфийский волк.

И там, где Гад ползою мрачной
Темнил полдневный призрак дня,
Струей холодной и прозрачной
Сочится ископыть коня.

И где колчан с угрозой звякал
И змея бог стрелой язвил,
Вещает праведный оракул
И горек лавр во рту Сивилл.

И ветвь оливы дикой место
Под сенью милостной хранит,
Где бог гонимого Ореста
Укрыл от гнева Эвменид.

В стихийный хаос — строй закона.
На бездны духа — пышность риз.
И убиенный Дионис —
В гробу пред храмом Аполлона!

1909

91. ПРИЗЫВ

У излучин бледной Леты,
Где неверный бродит день,
Льются призрачные светы,
Веет трепетная тень,

В белой мгле, в дали озерной,
Под наметом тонких ив,
Ты, гранатовые зерна
Тихой вечности вкусив,

Позабыла мир наш будний,
Плен одежд и трепет рук,
Темным золотом полудней
Осмугленный, знойный луг.

Но, собрав степные травы —
Мак, шалфей, полынь и чобр, —
Я призывные отравы
Расточу меж горных ребр.

Я солью в сосуде медном
Жизни желчь и смерти мед,
И тебя по рекам бледным
К солнцу горечь повлечет.

Время сетью легких звений
Оплетет твой белый путь,
Беглым золотом мгновений
Опалит земную грудь,

И, припав к родному полю —
(Все ли травки проросли?), —
Примешь сладкою неволю
Жизни, лика и земли.

1908

92. ПОЛДЕНЬ

Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи.
Горы, как рыжие львы, стали на страже пустынь.
В черно-синем огне расцветают медные тучи.
Горечью дышит полынь.

В ярых горнах долин, упоенных духом лаванды,
Темным золотом смол медленно плавится зной.
Нимбы света, венцы и сияний тяжких гирлянды
Мерно плывут над землей.

«Травы древних могил, мы взросли из камней и праха,
К зною из ночи и тьмы, к солнцу на зов возросли.
К полдням вынесли мы, трепеща от сладкого страха,
Мертвые тайны земли.

В зное полдней глухих мы пьянеем, горькие травы.
Млея по красным холмам, с иссиня-серых камней,
Душный шлем фимиам — благовонья сладкой отравы —
В море расплавленных дней».

1908

93

Сердце мира, солнце Алкиана,
Сноп огня в сиянии Плеяд!
Над зеркальной влагой Океана —
Грозди солнц, созвездий виноград.

С тихим звоном, стройно и нескоро,
Возносясь над чуткою водой,
Золотые числа Пифагора
Выпадают мерной чередой.

Как рыбак из малой Галилеи,
Как в степях халдейские волхвы,
Ночь-Фиал, из уст твоей лилеи
Пью алмазы влажной синевы!

1907
Коктебель

94. СОЗВЕЗДИЯ

Так силы небесные нисходят и всходят,
простирая друг другу золотые бадьи.

Гёте

Звенят Весы и клонят коромысла.
Нисходит вниз, возносится бадья...
Часы идут, сменяя в небе числа,
Пути миров чертя вкруг остия.

Струится ночь. Журчит и плачет влага.
Ладья скользит вдоль темных берегов,
И чуток сон в водах Архипелага,
Где в море спят созвездья островов.

Гнездо Гиад... и гроздь огней — Плеяды...
Великий Воз и зоркий Волопас...
Свой правя путь чрез темные Циклады —
Какой пловец в уме не числил вас?

И ваш узор пред взором Одиссея
В иных веках искрился и мерцал,
И ночь текла, златые зерна сея,
Над лоном вод в дрожании зерцал.

И, ставя сеть у древних стен Хавона,
В тиши ночной видали рыбари
Алмазный торс гиганта Ориона,
Ловца зверей, любовника зари.

Когда ж земля бессмертными иссякла,
Лишь глубже стал и ярче небосклон.
И Солнцу путь затмила тень Геракла,
И Зевс воздвиг на небе льдистый трон.

Все имена, все славы, все победы
Сплетались там в мерцаниях огней.
Над головой жемчужной Андромеды
Чертил круги сверкающий Персей.

В себе тая все летописи мира,
В ночах светясь внемирной красотой,
Златыми пчелами расшитая порфира
Струилась с плеч Ионии святой.

1908

95. ОНА

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она — забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца — Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессильи
Пред ликом восковых мадонн
На знойных улицах Севильи.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.

Порой в чертах случайных лиц
Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимою улыбкой

Июль 1909

96—110. CORONA ASTRALIS[1]

Елизавете Ивановне Дмитриевой

В мирах любви — неверные кометы —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, —
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля — священный край изгнанья,

Кто видит сны и помнит имена, —
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!

Август 1909
Коктебель

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стожар —
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светы, —

Мы вдаль несем... Пусть темные планеты
В нас видят меч грозящих миру кар, —
Мы правим путь свой к солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.

Но, странные, — его коснувшись, прочь
Стремим свой бег: от солнца снова в ночь -
Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

[1] Звездная корона (лат.). — *Ред.*

Слепой мятеж наш дерзкий дух стремит
В багровой тьме закатов незакатных...
Закрыт нам путь проверенных орбит!

2

Закрыт нам путь проверенных орбит,
Нарушен лад молитвенного строя...
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
Как пчелы мы, отставшие от роя!..
Мы беглецы, и сзади наша Троя,
И зарево наш парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
По свиткам троп, по росстаням дорог
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид, —
Явь наших снов земля не истребит!

3

Явь наших снов земля не истребит:
В парче лучей истают тихо зори,
Журчанье утр сольется в дневном хоре,
Ущербный серп истлеет и сгорит,

Седая зыбь в алмазы раздробит
Снопы лучей, рассыпанные в море,
Но тех ночей — разверстых на Фаворе —
Блеск близких солнц в душе не победит.

Нас не слепят полдневные экстазы
Земных пустынь, ни жидкие топазы,
Ни токи смол, ни золото лучей.

Мы шелком лун, как ризами, одеты,
Нам ведом день немеркнущих ночей, —
Полночных солнц к себе нас манят светы.

4

Полночных солнц к себе нас манят светы...
В колодцах труб пытливый тонет взгляд.
Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты,

От Альфы Пса до Веги и от Бэты
Медведицы до трепетных Плеяд —
Они простор небесный бороздят,
Творя во тьме свершенья и обеты.

О, пыль миров! О, рой священных пчел!
Я исследил, измерил, взвесил, счел,
Дал имена, составил карты, сметы...

Но ужас звезд от знанья не потух.
Мы помним всё: наш древний, темный дух,
Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

5

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш звездный дух забвением ночей!
Он не испил от Орковых ключей,
Он не принес подземные обеты.

Не замкнут круг. Заклятья недопеты...
Когда для всех сапфирами лучей
Сияет день, журчит в полях ручей, —
Для нас во мгле слепые бродят светы,

Шуршит тростник, мерцает тьма болот,
Напрасный ветр свивает и несет
Осенний рой теней Персефонеи,

Печальный взор вперяет в ночь Пелид...
Но он еще тоскливей и грустнее,
Наш горький дух... И память нас томит.

6

Наш горький дух... (И память нас томит...)
Наш горький дух пророс из тьмы, как травы
В нем навий яд, могильные отравы.
В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит
Не создадут незыблемей оправы
Для роковой, пролитой в вечность лавы,
Что в нас свой ток невидимо струит.

Гробницы Солнц! Миров погибших Урна!
И труп Луны, и мертвый лик Сатурна —
Запомнит мозг и сердце затаит:

В крушеньях звезд рождалась мысль и крепла,
Но дух устал от свеянного пепла, —
В нас тлеет боль внежизненных обид!

7

В нас тлеет боль внежизненных обид.
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит.

Но пусть огонь и жалит и язвит
Певучий дух, задушенный телами, —
Лаокоон, опутанный узлами
Горючих змей, напрягся... и молчит.

И никогда ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

8

Изгнанники, скитальцы и поэты, —
Кто жаждал быть, но стать ничем не смог...
У птиц — гнездо, у зверя — темный лог,
А посох — нам и нищенства заветы.

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
Расплескан мед и песни недопеты.

О, в срывах воль найти, познать себя
И, горький стыд смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду,

К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
Подобным стать бродячему рапсоду —
Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

9

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп, —
Смысл голосов, звук слов, событий звенья,
И запах тел, и шорохи растенья, —
Весь тайный строй сплетений, швов и скреп

Раскрыт во тьме. Податель света — Феб
Дает слепцам глубинные прозренья.
Скрыт в яслях Бог. Пещера заточенья
Превращена в Рождественский Вертеп.

Праматерь ночь, лелея в темном чреве
Скупым Отцом ей возвращенный плод,
Свои дары избраннику несет —

Тому, кто в тьму был Солнцем ввергнут в гневе,
Кто стал слепым игралищем судеб,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп.

10

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Видны края расписанной гробницы:
И Солнца челн, богов подземных лица,
И строй земли: в полях маис и хлеб,

Быки идут, жнет серп, бьет колос цеп,
В реке плоты, спит зверь, вьют гнезда птицы, —
Так видит он из складок плащаницы
И смену дней, и ход людских судеб.

Без радости, без слез, без сожаленья
Следить людей напрасные волненья,
Без темных дум, без мысли «почему?»,

Вне бытия, вне воли, вне желанья,
Вкусив покой, неведомый тому,
Кому земля — священный край изгнанья.

11

Кому земля — священный край изгнанья,
Того простор полей не веселит,
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напоминанья.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

12

Кто видит сны и помнит имена,
Кто слышит трав прерывистые речи,
Кому ясны идущих дней предтечи,
Кому поет влюбленная волна;

Тот, чья душа землей убелена,
Кто бремя дум, как плащ, приял на плечи,
Кто возжигал мистические свечи,
Кого влекла Изиды пелена,

Кто не пошел искать земной услады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград,

Кто, как Орфей, нарушив все преграды,
Всё ж не извел родную тень со дна, —
Тому в любви не радость встреч дана.

13

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвет живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Своей тоски — навеки одинокой,
Как зыбь морей пустынной и широкой, —
Он не отдаст. Кто оцет жаждал — тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

14

А темные восторги расставанья,
А пепел грез и боль свиданий — нам.
Нам не ступать по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
От милых рук бежим к обманным снам,
Не видим лиц и верим именам,
Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз,
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы, —
В себе несем свое изгнанье мы —
В мирах любви неверные кометы!

Август 1909
Коктебель

КНИГА ВТОРАЯ
SELVA OSCURA[1]

Лирика 1910—1914

I. БЛУЖДАНИЯ

111

Теперь я мертв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах...
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохранят всегда твои дороги
Мою печать.
Похоронил я сам себя в гробницы
Стихов моих,
Но вслушайся — ты слышишь пенье птицы?
Он жив — мой стих!
Не отходи смущенной Магдалиной —
Мой гроб не пуст...
Коснись единый раз, на миг единый
Устами уст.

<19 марта 1910
Коктебель>

112

Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог...
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...

---

[1] Темный лес (ит.). — *Ред.*

Смирясь, я всё ж не принимал
Забвенья холод неминучий
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сгоревшей собирал...
И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ, —
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.

<Февраль 1910
Коктебель>

113

Себя покорно предавая сжечь,
Ты в скорбный дол сошла с высот слепою.
Нам темной было суждено судьбою
С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смиряя плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч...

Невольник жизни дольней — богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, еще больней — уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль — бессмертна жажда муки!

<20 марта 1910>

114

С тех пор как тяжкий жернов слепой судьбы
Смолол незрелый колос твоей любви,
Познала ты тоску слепых дней,
Горечь расцвета и сладость смерти.

Стыдом и страстью в детстве ты крещена,
Для жгучей пытки избрана ты судьбой

И в чресла уголь мой тебе вжег
Неутолимую жажду жизни...

Не вольной волей ты подошла ко мне
И обнажила тайны ночной души,
И боль моя твою сожгла боль:
Пламя двойное сплелось, как змеи.

Когда глубокой ночью я в первый раз
Поверил правде пристальных глаз твоих
И прочитал изгиб твоих губ —
Древние двери в душе раскрылись.

И не на счастье нас обручил рассвет,
И не на радость в жизнь я призвал тебя,
И впредь раздельных нам путей нет:
Два осужденных с единой цепью.

<Март 1910>

115

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас...
Я полюбил благоговейно
Текучий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

<26 января 1910
Петербург>

116

В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог —
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной погибели обрек.

И, не противясь древней силе,
Что нас к одной тоске влекла,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы совершили.

Не верил в чудо смерти жрец.
И жертва тайны не страшилась,
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.

<1910>

117

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты, как я,
Что мы в кольце одной неволи —
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи...
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

<3 декабря 1910
Москва>

118

Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтоб не думать, зачем, чтоб не помнить, когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем-то идти, в темноте, наобум...
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,

Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
Чье дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

<1911>

119

Мой пыльный пурпур был в лоскутьях,
Мой дух горел: я ждал вестей,
Я жил на людных перепутьях,
В толпе базарных площадей.
Я подходил к тому, кто плакал,
Кто ждал, как я... Поэт, оракул —
Я толковал чужие сны...
И в бледных бороздах ладоней
Читал о тайнах глубины
И муках длительных агоний.
Но не чужую, а свою
Судьбу читал я в снах бездомных
И жадно пил из токов темных,
Не причащаясь бытию.
И средь ладоней неисчетных
Не находил еще такой,
Узор которой в знаках четных
С моей бы совпадал рукой.

<8 февраля 1913
Москва>

120

Я к нагорьям держу свой путь,
По полынным лугам, по скату,
Чтоб с холма лицо обернуть
К пламенеющему закату.

Жемчугами расшит покров
И венец лучей над горами —
Точно вынос Святых Даров
Совершается в темном храме.

Вижу к небу в лиловой мгле
Возносящиеся ступени...
Кто-то сладко прильнул к земле
И целует мои колени.

Чую сердца прерывный звук
И во влажном степей дыханьи
Жарких губ и знакомых рук
Замирающие касанья.

Я ли в зорях венчанный царь?
Я ли долу припал в бессильи?
Осеняют земной алтарь
Огневеющие воскрылья...

<9 июля 1913
Коктебель>

121

«К тебе я пришел через воды, —
Пернатый, гудящий в стремленьи».
    — Не жившим не надо свободы...

«Рассек я змеиные звенья,
Порвал паутинные сети...»
    — Что в жизни нежнее плененья?

«Скорее, мы будем как дети
Кружиться, цветы заплетая...»
    — Мне, смертной, нет места на свете...

«Затихла зеркальность морская...
Вечерние лебеди ясны,
Кренится бадья золотая...»
    — Как наручни смерти прекрасны!

<Февраль 1915
Париж>

122

Я глазами в глаза вникал,
Но встречал не иные взгляды,
А двоящиеся анфилады
Повторяющихся зеркал.

Я стремился чертой и словом
Закрепить преходящий миг...
Но мгновенно плененный лик
Угасает, чтоб вспыхнуть новым.

Я боялся, — узнав, — забыть...
Но в стремлении нет забвенья.
Чтобы вечно сгорать и быть —
Надо рвать без печали звенья.

Я пленен в переливных снах,
В завивающихся круженьях,
Раздробившийся в отраженьях,
Потерявшийся в зеркалах.

*<7 февраля 1915
Париж>*

123

Я быть устал среди людей,
Мне слышать стало нестерпимо
Прохожих свист и смех детей...
И я спешу, смущаясь, мимо,
Не подымая головы,
Как будто не привыкло ухо
К враждебным ропотам молвы,
Растущим за спиною, глухо;
Как будто грязи едкой вкус
И камня подлого укус
Мне не привычны, не знакомы...
Но чувствовать еще больней
Любви незримые надломы
И медленный отлив друзей,
Когда, нездешним сном томима,
Дичась, безлюднеет душа
И замирает, не дыша,
Клубами жертвенного дыма.

<8 июля 1913>

124

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата;

Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь и в сон, и в правду, и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой.
Пускай другим он чужд... я не зову с собой,
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое — со мной. Минувшего не жаль.
А ты, кто за плечом, — со мною тайно схожий, —
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!

<7 февраля 1913
Коктебель>

125

Ступни горят, в пыли дорог душа...
Скажи: где путь к невидимому граду?
— Остановись. Войди в мою ограду
И отдохни.
                    И слушай, не дыша,
Как ключ журчит, как шелестят вершины
Осокорей, звенят в воде кувшины...
Учись внимать молчанию садов,
Дыханью трав и запаху цветов.

<Январь 1910>

126

И было так, как будто жизни звенья
Уж были порваны... успокоенье
Глубокое... и медленный отлив
Всех дум, всех сил... Я сознавал, что жив,

Лишь по дыханью трав и повилики.
Восход луны встречали чаек клики...
А я тонул в холодном лунном сне,
В мерцающей лучистой глубине,
И на меня из влажной бездны плыли
Дожди комет, потоки звездной пыли...

<5 июля 1913>

127

Я, полуднем объятый,
Точно крепким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном.

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно-красной пустыне
Не тревожь мои сны —
Мне враждебны рабыни
Смертно-влажной Луны.

Запах лилий и гнили
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

<10 апреля 1910
Коктебель>

128

Дети солнечно-рыжего меда
И коричнево-красной земли —
Мы сквозь плоть в темноте проросли,
И огню наша сродна природа.
В звездном улье века и века
Мы, как пчелы у чресл Афродиты,
Вьемся, солнечной пылью повиты,
Над огнем золотого цветка.

<Январь 1910>

129—131. НАДПИСИ

1

Еще не отжиты связавшие нас годы,
Еще не пройдены сплетения путей...
Вдвоем, руслом одним, не смешивая воды,
Любовь и ненависть текут в душе моей.

2

В горькой купели земли крещены мы огнем и тоской,
Пепел сожженной любви тлеет в кадильнице дня.

3

Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней, —
Сблизятся две головы — три отразятся в воде.

<1910>

132

Я верен темному завету:
«Быть всей душой в борьбе!»
Но змий,
Что в нас посеял волю к свету,
Велев любить, сказал: «Убий».
Я не боюсь земной печали:
Велишь убить, — любя, убью.
Кто раз упал в твои спирали —
Тем нет путей к небытию.
Я весь — внимающее ухо.
Я весь — застывший полдень дня.
Неистощимо семя духа,
И плоть моя — росток огня:
Пусть капля жизни в море канет —
Нерастворимо в смерти «Я»,
Не соблазнится плоть моя,
Личина трупа не обманет,
И не иссякнет бытие
Ни для меня, ни для другого:
Я был, я есмь, я буду снова!
Предвечно странствие мое.

<11 июля 1910
Коктебель>

133

Замер дух — стыдливый и суровый,
Знаньем новой истины объят...
Стал я ближе плоти, больше людям брат.

Я познал сегодня ночью новый
Грех... И строже стала тишина —
Тишина души в провалах сна...

Чрез желанье, слабость и склоненье,
Чрез приятие земных вериг —
Я к земле доверчивей приник.

Есть в грехе великое смиренье:
Гордый дух да не осудит плоть!
Через грех взыскует тварь Господь.

<18(5) января 1912
Париж>

134. ПЕЩЕРА

Сперва мы спим в пурпуровой Пещере,
Наш прежний лик глубоко затая:
Для духов в тесноту земного бытия
        Иные не открыты двери.

Потом живем... Минуя райский сад,
Спешим познать всю безысходность плоти:
В замок влагая ключ, слепые, в смертном поте,
        С тоской стучимся мы назад...

О, для чего с такою жадной грустью
Мы в спазмах тел палящих ищем нег,
Устами льнем к устам и припадаем к устью
        Из вечности текущих рек?

Нам путь закрыт к предутренней Пещере:
Сквозь плоть нет выхода — есть только вход.
А кто-то за стеной волнуется и ждет...
        Ему мы открываем двери.

Не мы, а он возжаждал видеть твердь!
И наша страсть — полет его рожденья...
Того, кто в ласках тел не ведал утоленья,
        Освобождает только смерть!

<12 — 13 сентября (30 — 31 августа) 1915
Биарриц>

135. МАТЕРИНСТВО

Мрак... Матерь... Смерть... Созвучное единство...
Здесь рокот внутренних пещер...
Там свист серпа в разрывах материнства:
Из мрака — смерч, гуденье дремных сфер.

Из всех узлов и вязей жизни — узел
Сыновности и материнства — он
Теснее всех и туже напряжен,
Дверь к бытию Водитель жизни сузил.

Я узами твоих кровей томим,
А ты, о мать, — найду ль для чувства слово?
Ты каждый день меня рождаешь снова
И мучима рождением моим.

Кто нас связал и бросил в мир слепыми?
Какие судьбы нами расплелись?
Как неотступно требуешь ты: «Имя
Свое скажи мне! Кто ты? Назовись»..

Не помню имени, но знай, не весь я
Рожден тобой, и есть иная часть,
И судеб золотые равновесья
Блюдет вершительная власть.

Свобода и любовь в душе неразделимы,
Но нет любви, не налагавшей уз.
Тягло земли: двух смертных тел союз.
Как вихри, мы сквозь вечности гонимы.

Кто, возлюбив другого для себя,
Плоть возжелал для плоти, без возврата,
Тому в свершении — расплата:
Чрез нас родятся те, кого, любя,

Связали мы желаньем неотступным.
Двойным огнем ты очищалась, мать!
Свершая всё, что смела пожелать,
Ты обняла в слияньи целокупном

В себе самой возлюбленную плоть.
Но как прилив сменяется отливом —

Так с этих пор твой каждый день Господь
Отметил огненным разрывом.

Дитя растет, и в нем растет иной,
Не женщиной рожденный, непокорный,
Но связанный твоей тоской упорной,
Твоею вязью родовой.

Я знаю, мать, твой каждый час — утрата,
Как ты во мне, так я в тебе распят.
И нет любви твоей награды и возврата,
Затем что в ней самой награда и возврат.

<5 июля 1917
Коктебель>

136

Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.
В сумерках, в складках
Глубоких заливов
Ждал я призыва и знака,
И раз пред рассветом,
Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновность свою и сиротство...
Бесконечная жалость и нежность
Переполняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,
Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы
И читать судьбу человека
По линиям вещих ладоней.
Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.

Я никогда не нарушил того, что растет;
Не сорвал ни разу
Нераспустившегося цветка:
Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягощенные ветви.
И если я причинял боль,
То потому только,
Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели...

<1911>

137

Склоняясь ниц, овеян ночи синью,
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
О, мать-земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и в наслажденьях,
Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточал, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело Бога
Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли
Благодарю.

7 ноября 1910

II. КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА

138

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы изможденный.
Здесь каждый след сожжен тоской,
Здесь каждый холм — порыв стесненный.

Я вновь пришел к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали.

Всё так же пуст Эвксинский Понт
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт,
Текучий, гулкий и лиловый.

<9 февраля 1910
Коктебель>

139

Седым и низким облаком дол повит...
Чернильно-сини кручи лиловых гор.
Горелый, ржавый, бурый цвет трав.
Полосы иода и пятна желчи.

В морщине горной, в складках тисненых кож
Тускнеет сизый блеск чешуи морской.
Скрипят деревья. Вихрь траву рвет,
Треплет кусты и разносит брызги.

Февральский вечер сизой тоской повит.
Нагорной степью путь мой уходит вдаль.
Жгутами струй сечет глаза дождь.
Северный ветер гудит в провалах.

<Февраль 1910
Коктебель>

140

К излогам гор душа влекома...
Яры, увалы, ширь полей...
Всё так печально, так знакомо...
Сухие прутья тополей,
Из камней низкая ограда,
Быльем поросшая межа,
Нагие лозы винограда
На темных глыбах плантажа,
Лучи дождя, и крики птичьи,
И воды тусклые вдали,
И это горькое величье
Весенней вспаханной земли...

<12 февраля 1910
Коктебель>

141

Солнце! Твой родник
В недрах бьет по темным жилам...
Воззывающий свой лик
Обрати к земным могилам!

Солнце! Из земли
Руки черные простерты...
Воды снежные стекли,
Тали в поле ветром стерты.

Солнце! Прикажи
Виться лозам винограда.
Завязь почек развяжи
Властью пристального взгляда!

<14 февраля 1910>

142

Звучит в горах, весну встречая,
Ручьев прерывистая речь;
По сланцам стебли молочая
Встают рядами белых свеч.

А на полянах влажно-мшистых
Средь сгнивших за зиму листов —
Глухие заросли безлистых
Лилово-дымчатых кустов.
И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены.

<16 февраля 1910
Коктебель>

143

Облака клубятся в безднах зеленых
Лучезарных пустынь восхода,
И сбегают тени с гор обнаженных
Цвета роз и меда.
И звенит, и блещет белый стеклярус
За Киик-Атламой костистой,
Плещет в синем ветре дымчатый парус,
Млеет след струистый,
Отливают волны розовым глянцем,
Влажные выгибая гребни,
Индевеет берег солью и сланцем,
И алеют щебни.
Скрыты горы синью пятен и линий —
Переливами перламутра...
Точно кисть лиловых бледных глициний,
Расцветает утро.

<21 февраля 1910
Коктебель>

144

Над синевой зубчатых чащ,
над буро-глинистыми лбами,
июньских ливней темный плащ
клубится дымными столбами.
Веселым дождевым вином,
водами, пьяными, как сусло,

и пенно-илистым руном
вскипают жаждущие русла.
Под быстрым градом звонких льдин
стучат на крышах черепицы,
и ветки сизые маслин
в испуге бьют крылом, как птицы.
Дождь, вихрь и град — сечет, бьет, льет
и треплет космы винограда,
и рвется под бичами вод
кричащая Гамадриада...
И пресных вод в песке морском
встал дыбом вал, ярясь и споря,
и желтым ширится пятном
в прозрачной прозелени моря.

<13 июня 1913>

145

Сквозь облак тяжелые свитки,
Сквозь ливней косые столбы
Лучей золотистые слитки
На горные падают лбы.

Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным полынным лугам,
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,

Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Всё шире, всё шире, всё шире
Развертывается прибой.

<18 ноября 1919
Коктебель>

146

Опять бреду я босоногий,
По ветру лоснится ковыль.
Что может быть нежней, чем пыль
Степной, разъезженной дороги?

На бурый стелется ковер
Полдневный пламень, сух и ясен,
Хрусталь предгорий так прекрасен,
Так бледны дали серых гор.

Соленый ветер в пальцах вьется,
Ах, жажду счастья, хмель отрав
Не утолит ни горечь трав,
Ни соль овечьего колодца.

<16 ноября 1919
Коктебель>

147

Твоей тоской душа томима,
Земля утерянных богов!
Дул свежий ветр... мы плыли мимо
Однообразных берегов.

Ныряли чайки в хлябь морскую,
Клубились тучи. Я смотрел,
Как солнце мечет в зыбь стальную
Алмазные потоки стрел,

Как с черноморскою волной
Азова илистые воды
Упорно месит ветр крутой
И, вестник близкой непогоды,

Развертывает свитки туч,
Срывает пену, вихрит смерчи,
И дальних ливней темный луч
Повис над берегами Керчи.

<1913>

148

Заката алого заржавели лучи
По склонам рыжих гор... и облачной галеры
Погасли паруса. Без края и без меры
Растет ночная тень. Остановись. Молчи.

Каменья зноем дня во мраке горячи.
Луга полынные нагорий тускло-серы...
И низко над холмом дрожащий серп Венеры,
Как пламя воздухом колеблемой свечи...

<1913
Коктебель>

149

Ветер с неба клочья облак вытер,
Синим оком светит водоем,
Желтою жемчужиной Юпитер
Над седым возносится холмом.

Искры света в диске наклоненном —
Спутники стремительно бегут,
А заливы в зеркале зеленом
Пламена созвездий берегут.

И вблизи струя звенит о камень,
А внизу полет звенит цикад,
И гудит в душе певучий пламень
В вышине пылающих лампад.

Кто сказал: «Змеею препояшу
И пошлю»? Ликуя и скорбя,
Возношу к верховным солнцам чашу,
Переполненную светами, — себя.

<20 июня 1917>

150—151. КАРАДАГ

1

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.
По зыбям меркнущих равнин,
Томимым неуемной дрожью,

Направь ладью к ее подножью
Пустынным вечером — один.
И над живыми зеркалами
Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым, —
Взметнулись вихри древних сил:
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

<14 июня 1918>

2

Над черно-золотым стеклом,
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,
Беззвучно оплыви кругом
Сторожевые изваянья,
Войди под стрельчатый намёт,
И пусть душа твоя поймет
Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Керубу.
Спустись в базальтовые гроты,
Вглядись в провалы и в пустоты,
Похожие на вход в Аид...
Прислушайся, как шелестит
В них голос моря — безысходней,
Чем плач теней... И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней...
...Потом плыви скорее прочь.
Ты завтра вспомнишь только ночь,
Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.

<17 июня 1918>

152

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заключена и преображена.

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.
Огнь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой —
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху — разбег, а мысли — меру дали.

Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой!

<6 июня 1918>

153

Акрополи в лучах вечерней славы.
Кастилий нищих рыцарский покров.
Троады скорбь среди немых холмов.
Апулии зеркальные оправы.

Безвестных стран разбитые заставы,
Могильники забытых городов,
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.

Озер агатовых колдующие очи,
Сапфирами увлаженные ночи,
Сухие русла, камни и полынь.

Теней луны по склонам плащ зубчатый.
Монастыри в преддверии пустынь,
И медных солнц гудящие закаты...

<24 октября 1916>

154. ПУСТЫНЯ

И я был сослан в глубь степей.
И я изведал мир огромный
В дни страннической и бездомной
Пытливой юности моей.

От изумрудно-синих взморий,
От перламутровых озер
Вели ступени плоскогорий
К престолам азиатских гор,

Откуда некогда, бушуя,
Людские множества текли,
Орды и царства образуя,
Согласно впадинам земли,

И, нисходя по склонам горным,
Селился первый человек
Вдоль по теченьям синих рек,
По топким заводям озерным.

И оставлял на дне степей
Меж чернобыльника и чобра
Быков обугленные ребра
И камни грубых алтарей.

Как незапамятно и строго
Звучал из глубины веков

Глухой пастуший голос рога
И звон верблюжьих бубенцов,

Когда, овеянный туманом,
Сквозь сон миражей и песков,
Я шел с ленивым караваном
К стене непобедимых льдов.

Шел по расплавленным пустыням,
По непротоптанным тропам,
Под небом исступленно-синим
Вослед пылающим столпам,

А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звездном дереве времен.

И хоры горних сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой Купины.

<19 ноября 1919
Коктебель>

155

Выйди на кровлю... Склонись на четыре
Стороны света, простерши ладонь.
Солнце... вода... облака... огонь...
Всё, что есть прекрасного в мире...

Факел косматый в шафранном тумане,
Влажной парчою расплесканный луч,
К небу из пены простертые длани,
Облачных грамот закатный сургуч.

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли.

<11 октября 1924
Коктебель>

156. КАЛЛИЕРА

С. В. Шервинскому

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стерт,

Как мел с доски, разливом диких орд.
И мысль, читая смытое веками,
Подсказывает ночь, тревогу, пламя,
И рдяный блик в зрачках раскосых морд.

Зубец над городищем вознесенной
Народ зовет «Иссыпанной Короной»,
Как знак того, что сроки истекли,

Что судьб твоих до дна испита мера,
Отроковица эллинской земли
В венецианских бусах — Каллиера!

18 ноября 1926
<Коктебель>

157

Фиалки волн и гиацинты пены
Цветут на взморье около камней.
Цветами пахнет соль... Один из дней,
Когда не жаждет сердце перемены
И не торопит преходящий миг,
Но пьет так жадно златокудрый лик
Янтарных солнц, просвеченных сквозь просинь.
Такие дни под старость дарит осень.

20 ноября 1926
<Коктебель>

III. ОБЛИКИ

158

В янтарном забытьи полуденных минут
С тобою схожие проходят мимо жены...
В душе взволнованной торжественно поют
Фанфары Тьеполо и флейты Джиорджьоне.

И пышный снится сон: и лавры, и акант
По мраморам террас, и водные аркады,
И парков замкнутых душистые ограды
Из горьких буксусов и плющевых гирлянд.

Сменяя тишину веселым звоном пира,
Проходишь ты, смеясь, средь перьев и мечей,
Средь скорбно-умных лиц и блещущих речей
Шутов Веласкеса и дураков Шекспира...

Но я не вижу их... Твой утомленный лик
Сияет мне один на фоне Ренессанса,
На дымном золоте испанских майолик,
На синей зелени персидского фаянса.

<1 февраля 1913>

159

Ты живешь в молчаньи темных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд несут в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты.

Смотрят в душу строгие портреты...
Речи книг звучат темно и разно...
Любишь ты вериги и запреты,
Грех молитв и таинства соблазна.

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоя, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо...

<12 февраля 1910>

160

Двойной соблазн — любви и любопытства...
Девичья грудь и голова пажа,
Лукавых уст невинное бесстыдство,
И в быстрых пальцах пламя мятежа...

В твоих зрачках танцуют арлекины...
Ты жалишь нежно-больно, но слегка...
Ты сочетала тонкость андрогины
С безгрешностью порочного цветка.

С тобой мила печаль земного плена
И верности докучливо ярмо...
Тобой звучат напевы Куперена,
Ты грусть огней на празднествах Рамо.

В твоих глазах зубчатый бег химеры:
Но их печаль теперь поймет ли кто?
Так смотрит вдаль на мглистый брег Цитеры
Влюбленный паж на барке у Ватто.

<1911>

161

Не успокоена в покое,
Ты вся ночная в нимбе дня...
В тебе есть темное и злое,
Как в древнем пламени огня.
Твои негибкие уборы,
Твоих запястий бирюза,
И строгих девушек Гоморры
Любовь познавшие глаза.
Глухой и травный запах мирры —
В свой душный замыкает круг...
И емлют пальцы тонких рук
Клинок невидимой секиры...
Тебя коснуться и вдохнуть...
Узнать по запаху ладоней,
Что смуглая натерта грудь
Тоскою древних благовоний.

<14 декабря 1916>

162

Пламенный истлел закат...
Стелющийся дым костра,
Тлеющего у шатра,
Вызовет тебя назад.
        Жду тебя, дальний брат, —
        Брошенная сестра...

Топот глухих копыт
Чуткий мой ловит слух...
Всадник летит, как дух,
Взмыленный конь храпит...

Дышит в темноте верблюд,
Вздрагивают бубенцы,
Тонкие свои венцы
Звезды на песке плетут...
        Мысли мои — гонцы
        Вслед за конем бегут.

<Июль 1916>

163

В эту ночь я буду лампадой
В нежных твоих руках...
Не разбей, не дыши, не падай
На каменных ступенях.

Неси меня осторожней
Сквозь мрак твоего дворца, —
Станут биться тревожней,
Глуше наши сердца...

В пещере твоих ладоней —
Маленький огонек —
Я буду пылать иконней —
Не ты ли меня зажег?

<Лето 1914>

164

То в виде девочки, то в образе старушки,
То грустной, то смеясь — ко мне стучалась ты,
То требуя стихов, то ласки, то игрушки,
И мне даря взамен и нежность, и цветы.

То горько плакала, уткнувшись мне в колени,
То змейкой тонкою плясала на коврах...
Я знаю детских глаз мучительные тени
И запах ладана в душистых волосах.

Огонь какой мечты горит в тебе бесплодно?
Лампада ль тайная? Смиренная свеча ль?
Ах, всё великое, земное безысходно...
Нет в мире радости светлее, чем печаль!

<24 декабря 1911>

165

Безумья и огня венец
Над ней горел.
И пламень муки,
И ясновидящие руки,
И глаз невидящий свинец,
Лицо готической сивиллы,
И строгость щек, и тяжесть век,
Шагов ее неровный бег —
Всё было полно вещей силы.
Ее несвязные слова,
Ночным мерцающие светом,
Звучали зовом и ответом.
Таинственная синева
Ее отметила средь живших...
...И к ней бежал с надеждой я
От снов дремучих бытия,
Меня отвсюду обступивших.

<Декабрь 1911
Париж>

166

Альбомы нынче стали редки —
В листах, исписанных пестро,
Чертить случайные виньетки
Отвыкло беглое перо.

О, пушкинская легкость! Мне ли,
Поэту поздних дней, дерзать
Словами, вместо акварели,
Ваш милый облик написать?

Увы! Улыбчивые щеки,
Веселый взгляд и детский рот
С трудом ложатся в эти строки...
И стих мой не передает

Веснушек, летом осмугленных,
Ни медных прядей в волосах,
Ни бликов золота в зеленых,
Слегка расставленных глазах.

Послушливым и своенравным
В зрачках веселым огоньком
Вы схожи и с лесным зверьком,
И с улыбающимся фавном.

Я ваш ли видел беглый взгляд,
И стан, и смуглые колена
Меж хороводами дриад
Во мгле скалистых стран Пуссена?

И мой суровый Коктебель
Созвучен с вашею улыбкой,
Как свод руин с лозою гибкой,
Как с пламенем зари — свирель.

<Июль 1912
Коктебель>

167

Над головою подымая
Снопы цветов, с горы идет...
Пришла и смотрит...
Кто ты?
— Майя.
Благословляю твой приход.
В твоих глазах безумство. Имя
Звучит, как мира вечный сон...
Я наважденьями твоими
И зноем солнца ослеплен.
Войди и будь.
Я ждал от Рока
Вестей. И вот приносишь ты
Подсолнечник и ветви дрока —
Полудня жаркие цветы.

Дай разглядеть себя. Волною
Прямых лоснящихся волос
Прикрыт твой лоб, над головою
Сиянье вихрем завилось,
Твой детский взгляд улыбкой сужен,
Недетской грустью тронут рот,
И цепью маленьких жемчужин
Над бровью выступает пот.
Тень золотистого загара
На разгоревшихся щеках...
Так ты бежала... вся в цветах...
Вся в нимбах белого пожара...
Кто ты? Дитя? Царевна? Паж?
Такой тебя я принимаю:
Земли полуденный мираж,
Иллюзию, обманность... — Майю.

<7 июля 1913
Коктебель>

168

И будут огоньками роз
Цвести шиповники, алея,
И под ногами млеть откос
Лиловым запахом шалфея,
А в глубине мерцать залив
Чешуйным блеском хлябей сонных
В седой оправе пенных грив
И в рыжей раме гор сожженных.
И ты с приподнятой рукой,
Не отрывая взгляд от взморья,
Пойдешь вечернею тропой
С молитвенного плоскогорья...
Минуешь овчий кош, овраг...
Тебя проводят до ограды
Коров задумчивые взгляды
И грустные глаза собак.
Крылом зубчатым вырастая,
Коснется моря тень вершин,
И ты изникнешь, млея, тая,
В полынном сумраке долин.

<14 июня 1913
Коктебель>

169

Любовь твоя жаждет так много,
Рыдая, прося, упрекая...
Люби его молча и строго,
Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым —
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного, —
Люби его с плотью и кровью —
Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно —
Люби его в самое сердце.

<8 июля 1914
Коктебель>

170

Я узнаю себя в чертах
Отриколийского кумира
По тайне благостного мира
На этих мраморных устах.

О, вещий голос темной крови!
Я знаю этот лоб и нос,
И тяжкий водопад волос,
И эти сдвинутые брови...

Я влагой ливней нисходил
На грудь природы многолицей,
Плодотворя ее... я был
Быком, и облаком, и птицей...

В своих неизреченных снах
Я обнимал и обнимаю
Семелу, Леду и Данаю,
Поя бессмертьем смертный прах.

И детский дух, землей томимый,
Уносит царственный орел
На олимпийский мой престол
Для радости неугасимой.

<1 февраля 1913>

171. М. С. ЦЕТЛИН

Нет, не склоненной в дверной раме,
На фоне пены и ветров,
Как увидал тебя Серов,
Я сохранил твой лик. Меж нами
Иная Франция легла:
Озер осенних зеркала
В душе с тобой неразделимы —
Булонский лес, печаль аллей,
Узорный переплет ветвей,
Парижа меркнущие дымы
И шеи скорбных лебедей.
В те дни судьба определяла,
Народ кидая на народ,
Чье ядовитей жалит жало
И чей огонь больнее жжет.
В те дни невыразимой грустью
Минуты метил темный рок,
И жизнь стремила свой поток
К еще неведомому устью.

<21 мая 1917
Коктебель>

172. Р. М. ХИН

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептичный Франс, Святой Сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканщики — Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им... Но более глубоко
Волнует эхо здесь звучавших слов...

К вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка —
К ней шел бы крест, верблюжий мех у чресл —
Склонялась на обшивку этих кресл.
Творец людей, глашатай книг и вкусов,
Принесший нам Флобера, как Коран,
Сюда входил, садился на диван
И расточал огонь и блеск Урусов.
Как закрепить умолкнувшую речь?
Как дать словам движенье, тембр, оттенки?
Мне памятна больного Стороженки
Седая голова меж низких плеч.
Всё, что теперь забыто иль в загоне, —
Весь тайный цвет Европы иль Москвы —
Вокруг себя объединяли вы —
Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...
Раскройте вновь дневник... Гляжу на ваш
Чеканный профиль с бронзовой медали...
Рука невольно ищет карандаш,
И мысль плывет в померкнувшие дали.
И в шелесте листаемых страниц,
В напеве фраз, в изгибах интонаций
Мерцают отсветы событий, встреч и лиц...
Погасшие огни былых иллюминаций.

<22 декабря 1913
Коктебель>

173. РОПШИН

Холодный рот. Щеки бесстрастной складки
И взгляд из-под усталых век...
Таким сковал тебя железный век
В страстных огнях и бреде лихорадки.

В прихожих Лувра, в западнях Блуа,
Карандашом, без тени и без краски
Клуэ чертил такие ж точно маски
Времен последних Валуа.

Но сквозь лица пергамент сероватый
Я вижу дали северных снегов,
И в звездной мгле стоит большой, сохатый
Унылый лось — с крестом между рогов.

Таким был ты. Бесстрастный и мятежный —
В руках кинжал, а в сердце крест:
Судья и меч... с душою снежно-нежной,
На всех путях хранимый волей звезд.

<20 декабря 1915
Париж>

174. БАЛЬМОНТ

Огромный лоб, клейменный шрамом,
Безбровый взгляд зеленых глаз, —
В часы тоски подобных ямам,
И хмельных локонов экстаз.
Смесь воли и капризов детских,
И мужеской фигуры стать —
Веласкес мог бы написать
На тусклом фоне гор Толедских.
Тебе к лицу шелка и меч,
И темный плащ оттенка сливы;
Узорно-вычурная речь
Таит круженья и отливы,
Как сварка стали на клинке,
Зажатом в замшевой руке.
А голос твой, стихом играя,
Сверкает плавно, напрягая
Упругий и звенящий звук...
Но в нем живет не рокот лиры,
А пенье стали, свист рапиры
И меткость неизбежных рук.
И о твоих испанских предках
Победоносно говорят
Отрывистость рипостов редких
И рифм стремительный парад.

<15(2) февраля 1915
Париж>

175. НАПУТСТВИЕ БАЛЬМОНТУ

Мы в тюрьме изведанных пространств...
Старый мир давно стал духу тесен,
Жаждущему сказочных убранств.

О, поэт пленительнейших песен,
Ты опять бежишь на край земли...
Но и он тебе ли неизвестен?

Как ни пенят волны корабли,
Как ни манят нас моря иные, —
Воды всех морей не те же ли?

Но, как ты, уже считаю дни я,
Зная, как торопит твой отъезд
Трижды-древняя Океания.

Но не в темном небе Южный Крест,
Не морей пурпурные хламиды
Грезишь ты, не россыпь новых звезд...

Чтоб подслушать древние обиды
В жалобах тоскующей волны,
Ты уж спал на мелях Атлантиды.

А теперь тебе же суждены
Лемурии огненной и древней
Наисокровеннейшие сны.

Голос пламени в тебе напевней,
Чем глухие всхлипы древних вод...
И не ты ль всех знойней и полдневней?

Не столетий беглый хоровод —
Пред тобой стена тысячелетий
Из-за океана восстает:

«Эллины, вы перед нами дети...» —
Говорил Солону древний жрец.
Но меж нас слова забыты эти...

Ты ж разъял глухую вязь колец,
И, мечту столетий обнимая,
Ты несешь утерянный венец.

Где вставала ночь времен немая,
Ты раздвинул яркий горизонт.
Лемурия... Атлантида... Майя...

Ты — пловец пучин времен, Бальмонт!

<22(9) января 1912
Париж>

176. ФАЭТОН

Бальмонту

Здравствуй, отрок солнцекудрый,
С белой мышью на плече!
Прав твой путь, слепой и мудрый,
Как молитва на мече.

Здравствуй, дерзкий, меднолицый,
Возжелавший до конца
Править грозной колесницей
Пламеносного отца!

С неба павший, распростертый,
Опаленный Фаэтон,
Грезишь ты, с землею стертый,
Всё один и тот же сон:

«Быть как Солнце!» до зенита
Разъяренных гнать коней!
Пусть алмазная орбита
Прыщет взрывами огней!

И неверною рукою
Не сдержав узду мечты,
Со священной четвернею
Рухнуть с горней высоты!

В темном пафосе паденья,
В дымах жертвенных костров
Славь любовь и исступленье
Воплями напевных строф!

Жги дома и нивы хлеба,
Жги людей, холмы, леса!
Чтоб огонь, упавший с неба,
Взвился снова в небеса!

<13 февраля 1914
Коктебель>

177—178. ДВА ДЕМОНА

Посв. Т. Г. Трапезникову

1

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер — небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счетчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни — здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я — инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зернах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

2

На дно миров пловцом спустился я —
Мятежный дух, ослушник вышней воли.
Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждой доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бессилием — могуч.
Лишенный крыл, в пареньи равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил — един в моей цевнице,
Как в радуге — един распятый луч.

6 февраля 1915
Париж

IV. ПЛЯСКИ

179

Кость сожженных страстью — бирюза —
Тайная мечта...
Многим я заглядывал в глаза:
Та или не та?
В тихой пляске свились в легкий круг —
Тени ль? Нити ль мглы?
Слишком тонки стебли детских рук,
Пясти тяжелы...
Пальцы гибки, как лоза с лозой,
Заплелись, виясь...
Отливает тусклой бирюзой
Ожерелий вязь.
Слишком бледны лица, профиль чист,
Нежны ветви ног...
В волосах у каждой аметист —
Темный огонек.
Мгла одежд скрывает очерк плеч
И прозрачит грудь;
Их тела, как пламенники свеч,
Может ветр задуть...
...И я сам, колеблемый, как дым
Тлеющих костров,
Восхожу к зелено-золотым
Далям вечеров

<30 мая 1912
Коктебель>

180. ОСЕННИЕ ПЛЯСКИ

Осень...
Под стройными хвоями сосен
Трелью раздельною
Свищет свирель.
Где вы,
Осенние фавны и девы
Зорких охот
И нагорных озер?

Сила,
Бродившая в соке точила,
Их опьянила,
И круг их затих...
Алы
Их губы, и взгляды усталы...
Лики темнее
Осенней земли...
Вот он —
Идет к заповедным воротам
Локоном хмеля
Увенчанный бог!
Бейте
В жужжащие бубны! развейте
Флейтами дрему
Лесов и полей!
В танце
Завейтесь! В осеннем багрянце
Пляской и вихрем
Завьется земля...
Маски
Из листьев наденете в пляске,
Белые ткани
Откинете с тел!
Ноги
Их давят пурпурные соки
Гроздий лиловых
И мха серебро...
Пляшет,
Упившись из меха, и машет
Тирсом с еловою
Шишкой сатир.

<6 февраля (24 января) 1915
Париж>

181. ТРЕЛИ

«Filiae et filii!» [1]
Свищет соловей
На лесном развилии
Радостных путей.

---

[1] «Дочери и сыновья!» (лат.). — *Ред.*

Расцветают лилии,
Плещут средь полей
Ткани, как воскрылия
    Лебедей.

Сдержаны движения,
Руки сплетены...
В юноше смущение
Веющей весны...
И при приближении
Девушки — Луны —
Головокружение
    Глубины.

Над лесными кущами
Вью-вью-вью-вью-вью
Трелями, секущими
Песню соловью,
Хоровод с поющими
Славу бытию
Звуками цветущими
    Обовью...

<9 февраля (27 января) 1915
Париж>

182—196. LUNARIA

Венок сонетов

1

Жемчужина небесной тишины
На звездном дне овьюженной лагуны!
В твоих лучах все лица бледно-юны,
В тебя цветы дурмана влюблены.

Тоской любви в сердцах повторены
Твоих лучей тоскующие струны,
И прежних лет волнующие луны
В узоры снов навеки вплетены...

Твой влажный свет и матовые тени,
Ложась на стены, на пол, на ступени,
Дают камням оттенок бирюзы.

Платана лист на них еще зубчатей
И тоньше прядь изогнутой лозы...
Лампада снов, владычица зачатий!

2

Лампада снов! Владычица зачатий!
Светильник душ! Таинница мечты!
Узывная, изменчивая, — ты
С невинности снимаешь воск печатей,

Внушаешь дрожь лобзаний и объятий,
Томишь тела сознаньем красоты
И к юноше нисходишь с высоты
Селеною, закутанной в гиматий.

От ласк твоих стихает гнев морей,
Богиня мглы и вечного молчанья,
А в недрах недр рождаешь ты качанья,

Вздуваешь воды, чрева матерей
И пояса развязываешь платий,
Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!

3

Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!
Хрустальный ключ певучих медных сфер,
На твой ущерб выходят из пещер,
Одна другой страшнее и косматей,

Стада Эмпуз; поют псалмы проклятий
И душат псов, цедя их кровь в кратэр;
Глаза у кошек, пятна у пантер
Становятся длиннее и крылатей.

Плоть призраков есть ткань твоих лучей,
Ты точишь камни, глину кирпичей;
Козел и конь, ягнята и собаки

Ночных мастей тебе посвящены;
Бродя в вине, ты дремлешь в черном маке,
Царица вод! Любовница волны!

4

Царица вод! Любовница волны!
Изгнанница в опаловой короне,
Цветок цветов! Небесный образ Иони!
Твоим рожденьем женщины больны...

Но не любить тебя мы не вольны:
Стада медуз томятся в мутном лоне,
И океана пенистые кони
Бегут к земле и лижут валуны.

И глубиной таинственных извивов
Качания приливов и отливов
Внутри меня тобой повторены.

К тебе растут кораллы темной боли,
И тянут стебли водоросли воли
С какой тоской из влажной глубины!

5

С какой тоской из влажной глубины
Всё смертное, усталое, больное,
Ползучее, сочащееся в гное,
Пахучее, как соки белены,

Как опиум волнующее сны,
Всё женское, текучее, земное,
Всё темное, всё злое, всё страстное,
Чему тела людей обречены, —

Слепая боль поднятой плугом нови,
Удушливые испаренья крови,
Весь Океан, плененный в руслах жил,

Весь мутный ил задушенных приятий,
Всё, чем я жил, но что я не изжил, —
К тебе растут сквозь мглу моих распятий.

6

К тебе растут сквозь мглу моих распятий —
Цветы глубин. Ты затеплила страсть
В божнице тел. Дух отдала во власть
Безумью плоти. Круг сестер и братий

Разъяла в станы двух враждебных ратей.
Даров твоих приемлет каждый часть...
О, дай и мне к ногам твоим припасть!
Чем дух сильней, тем глубже боль и сжатей!

Вот из-за скал кривится лунный рог,
Спускаясь вниз, алея, багровея...
Двурогая! Трехликая! Афея!

С кладбищ земли, с распутий трех дорог
Дым черных жертв восходит на закате —
К Диане бледной, к яростной Гекате!

7

К Диане бледной, к яростной Гекате
Я простираю руки и мольбы:
Я так устал от гнева и борьбы —
Яви свой лик на мертвенном агате!

И ты идешь, багровая, в раскате
Подземных гроз, ступая на гробы,
Треглавая, держа ключи судьбы,
Два факела, кинжалы и печати.

Из глаз твоих лучатся смерть и мрак,
На перекрестках слышен вой собак,
И на могильниках дымят лампады.

И пробуждаются в озерах глубины,
Точа в ночи пурпуровые яды,
Змеиные, непрожитые сны.

8

Змеиные, непрожитые сны
Волнуют нас тоской глухой тревоги.
Словами Змия: «Станете как боги»
Сердца людей извечно прожжены.

Тавром греха мы были клеймены
Крылатым стражем, бдящим на пороге.
И нам, с тех пор бродящим без дороги,
Сопутствует клейменный лик Луны.

Века веков над нами тяготело
Всетемное и всестрастное тело
Планеты, сорванной с алмазного венца.

Но тусклый свет глубоких язв и ссадин
Со дна небес глядящего лица
И сладостен, и жутко безотраден.

9

И сладостен, и жутко безотраден
Безумный сон зияющих долин.
Я был на дне базальтовых теснин.
В провал небес (о, как он емко-жаден!)

Срывался ливень звездных виноградин.
И солнца диск, вступая в свой притин,
Был над столпами пламенных вершин,
Крылатый и расплесканный, — громаден.

Ни сумрака, ни воздуха, ни вод —
Лишь острый блеск агатов, сланцев, шпатов.
Ни плейфы зорь, ни веера закатов

Не озаряют черный небосвод.
Неистово порывист и нескладен
Алмазный бред морщин твоих и впадин.

10

Алмазный бред морщин твоих и впадин
Томит и жжет. Неумолимо жестк
Рисунок скал, гранитов черный лоск,
Строенье арок, стрелок, перекладин.

Вязь рудных жил, как ленты пестрых гадин.
Наплывы лавы бурые, как воск,
И даль равнин, как обнаженный мозг...
Трехдневный полдень твой кошмарно-страден.

Пузырчатые оспины огня
Сверкают в нимбах яростного дня,
А по ночам над кратером Гиппарха

Бдит «Volva»[1] — неподвижная звезда,
И отливает пепельно-неярко
Твоих морей блестящая слюда.

11

Твоих морей блестящая слюда
Хранит следы борьбы и исступлений,
Застывших мук, безумных дерзновений,
Двойные знаки пламени и льда.

Здесь рухнул смерч вселенских «Нет» и «Да».
От Моря Бурь до Озера Видений,
От призрачных полярных взгромождений,
Не видевших заката никогда,

До темных цирков Mare Tenebrarum[2]
Ты вся порыв, застывший в гневе яром,
И страшный шрам на кряже Лунных Альп

Оставила небесная секира.
Ты, как Земля, с которой сорван скальп, —
Лик Ужаса в бесстрастности эфира!

12

Лик Ужаса в бесстрастности эфира —
Вне времени, вне памяти, вне мер!
Ты кладбище немыслимых Химер,
Ты иверень разбитого Потира.

Зане из сонма ангельского клира
На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Ваяя смертью глыбы бытия,
Из статуй плоти огненное «Я»
В нас высек он: дал крылья мысли пленной,

Но в бездну бездн был свергнут навсегда.
И, остов недосозданной вселенной, —
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!

---

1 Вращающаяся (лат.). — *Ред.*
2 Море Мрака (лат.). — *Ред.*

13

Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
Сплетенье гнева, гордости и боли,
Бескрылый взмах одной безмерной воли,
Средь судорог погасшая звезда.

На духов воль надетая узда,
Грааль Борьбы с причастьем горькой соли,
Голгофой душ пребудешь ты, доколе
Земных времен не канет череда.

Умершие, познайте слово Ада:
«Я разлагаю с медленностью яда
Тела в земле, а души на луне».

Вокруг Земли чертя круги вампира
И токи жизни пьющая во сне,
Ты жадный труп отвергнутого мира!

14

Ты жадный труп отвергнутого мира,
К живой Земле прикованный судьбой.
Мы, связанные бунтом и борьбой,
С вином приемлем соль и с пеплом миро.

Но в день Суда единая порфира
Оденет нас — владычицу с рабой.
И пленных солнц рассыпется прибой
У бледных ног Иошуа Бен-Пандира.

Но тесно нам венчальное кольцо:
К нам обратив тоски своей лицо,
Ты смотришь прочь неведомым нам ликом,

И пред тобой, — пред Тайной глубины,
Склоняюсь я в молчании великом,
Жемчужина небесной тишины.

15

Жемчужина небесной тишины,
Лампада снов, владычица зачатий,
Кристалл любви, алтарь ночных заклятий,
Царица вод, любовница волны,

С какой тоской из влажной глубины
К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
К Диане бледной, к яростной Гекате
Змеиные, непрожитые сны.

И сладостен, и жутко безотраден
Алмазный бред морщин твоих и впадин,
Твоих морей блестящая слюда —

Лик ужаса в бесстрастности эфира,
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
Ты жадный труп отвергнутого мира.

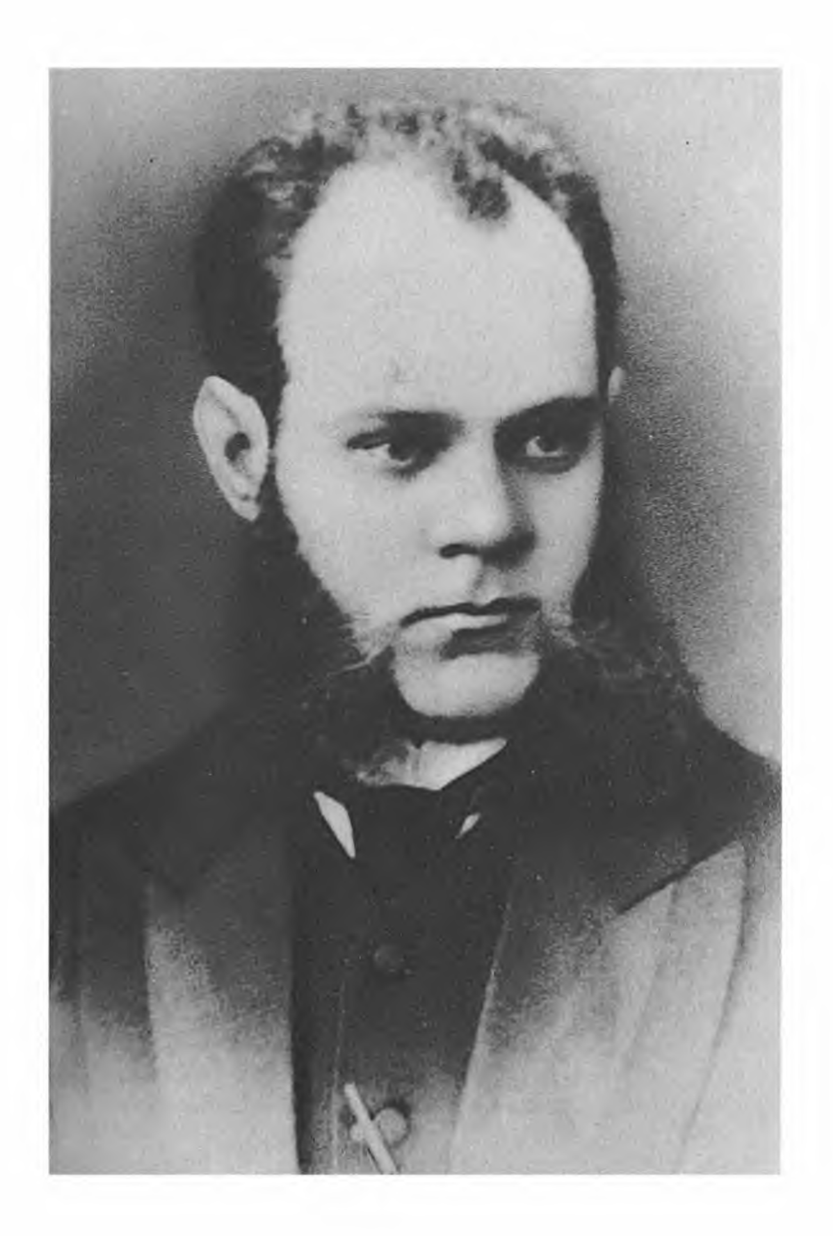
<15 июня — 1 июля 1913
Коктебель>

V

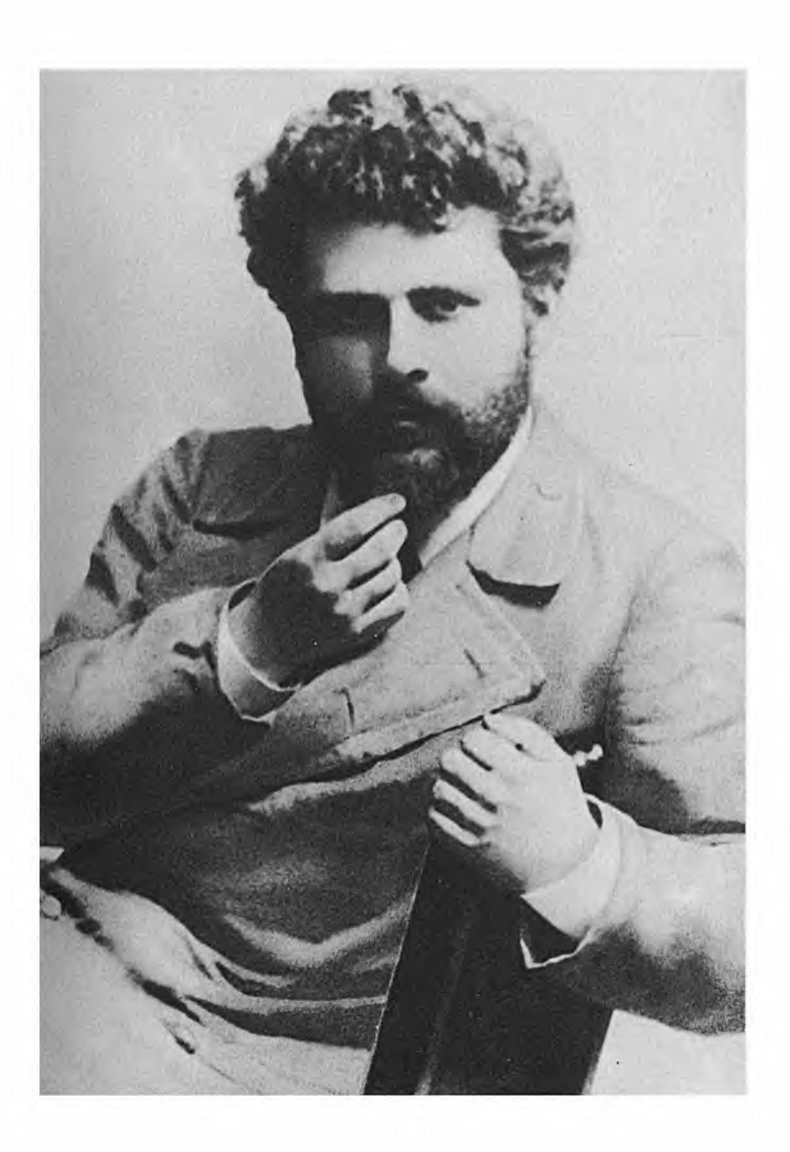
197. ПОДМАСТЕРЬЕ

Посвящается Ю.Ф. Львовой

Мне было сказано:
Не светлым лирником, что нижет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу, —
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности, —
Ты будешь
Ковалом и горнилом,
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают — безвыходность, необходимость, сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притерты,
Пригнаны и сплавлены,

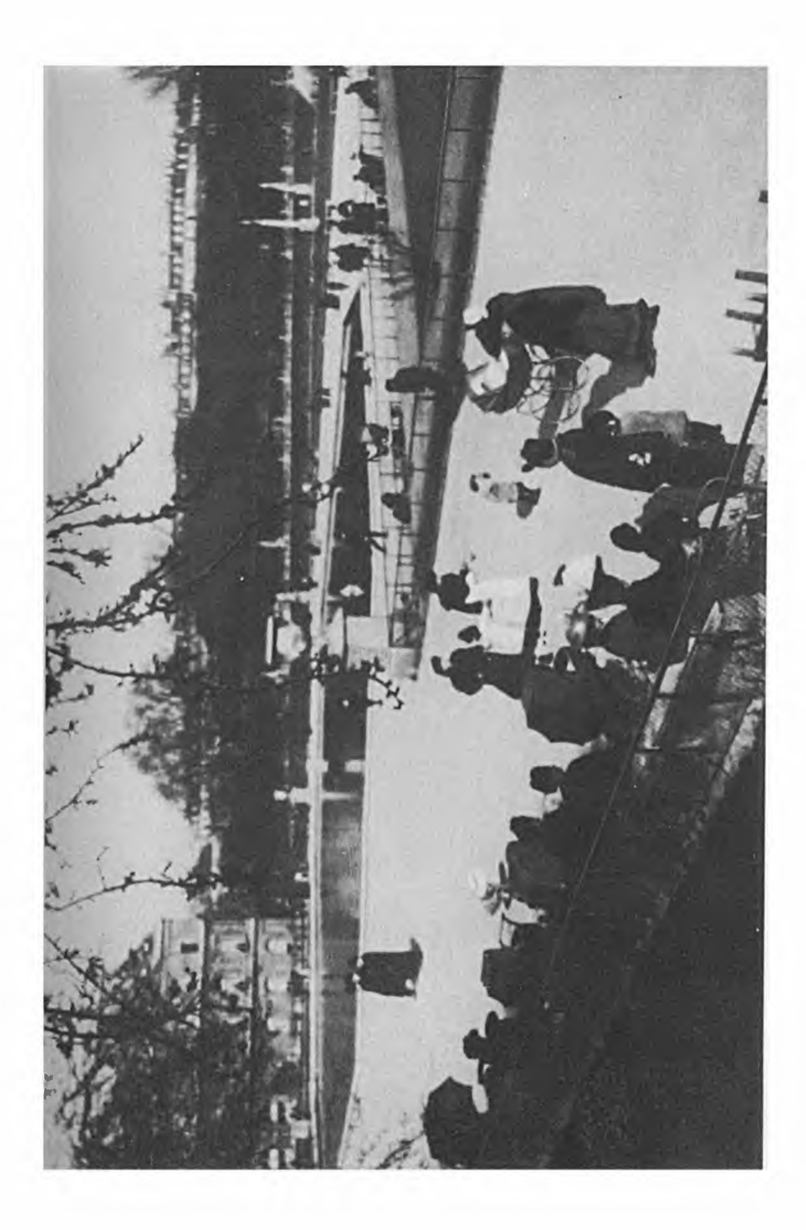

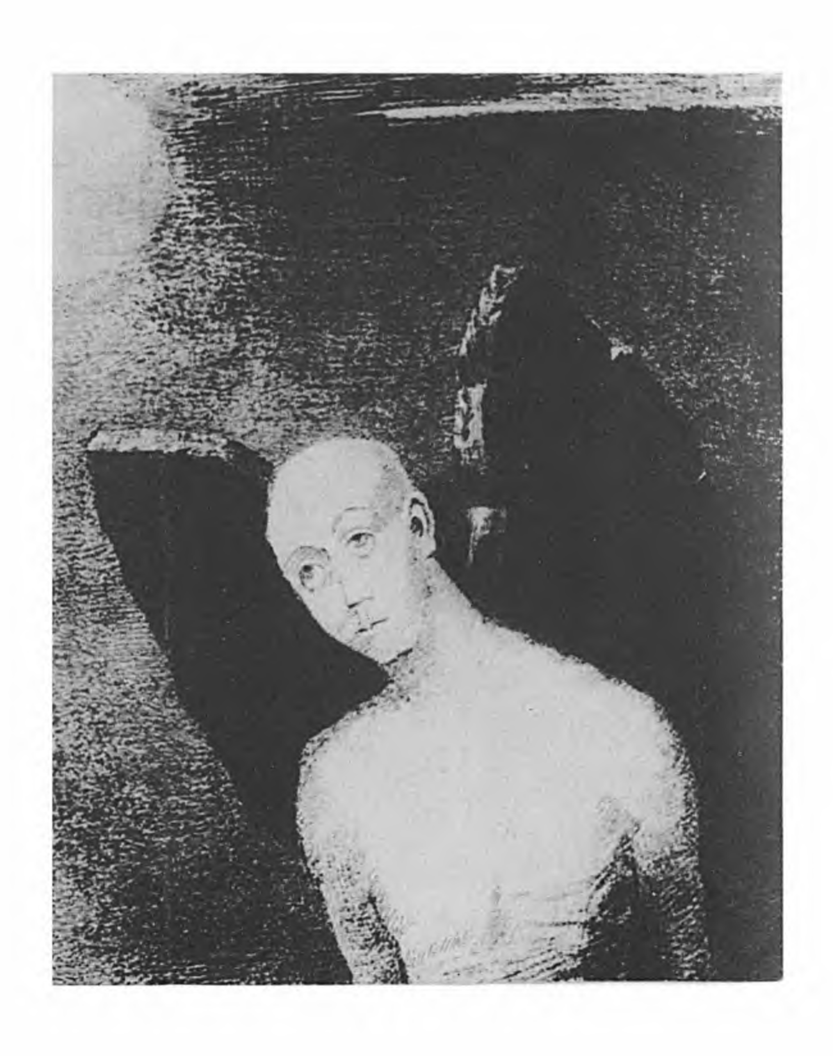

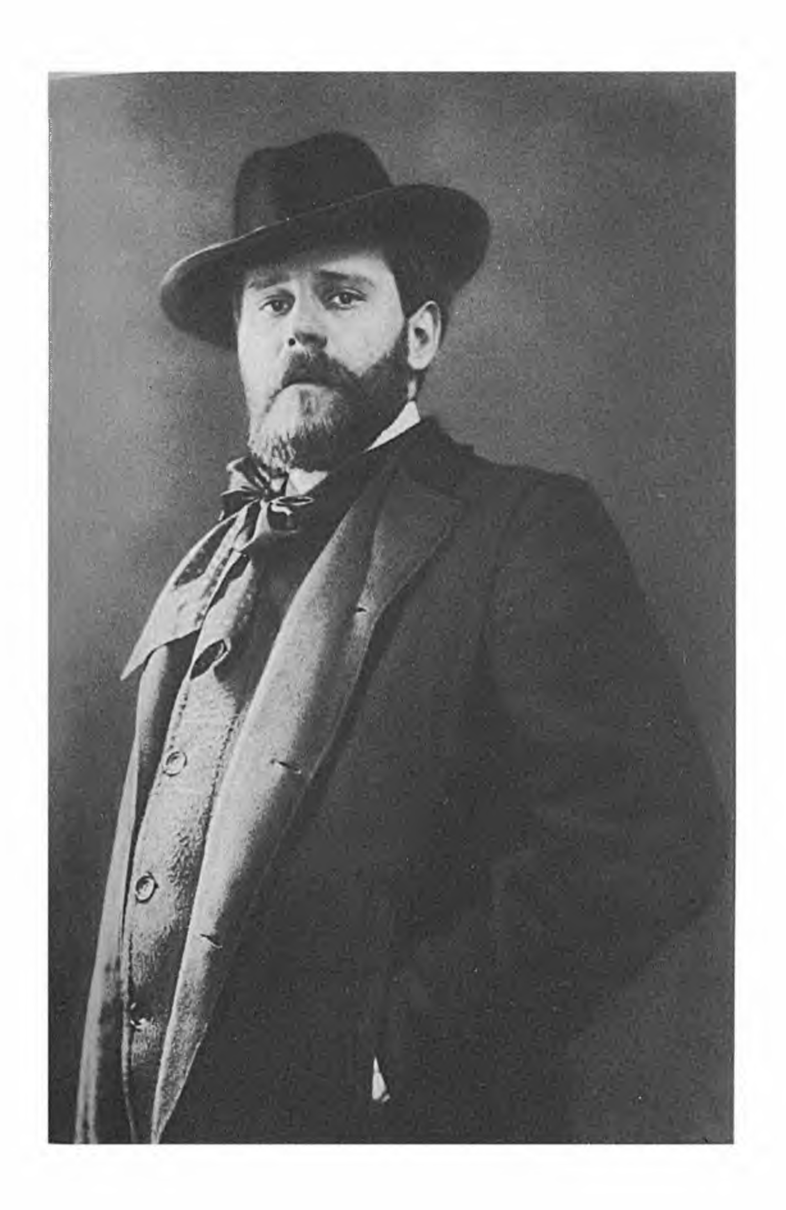

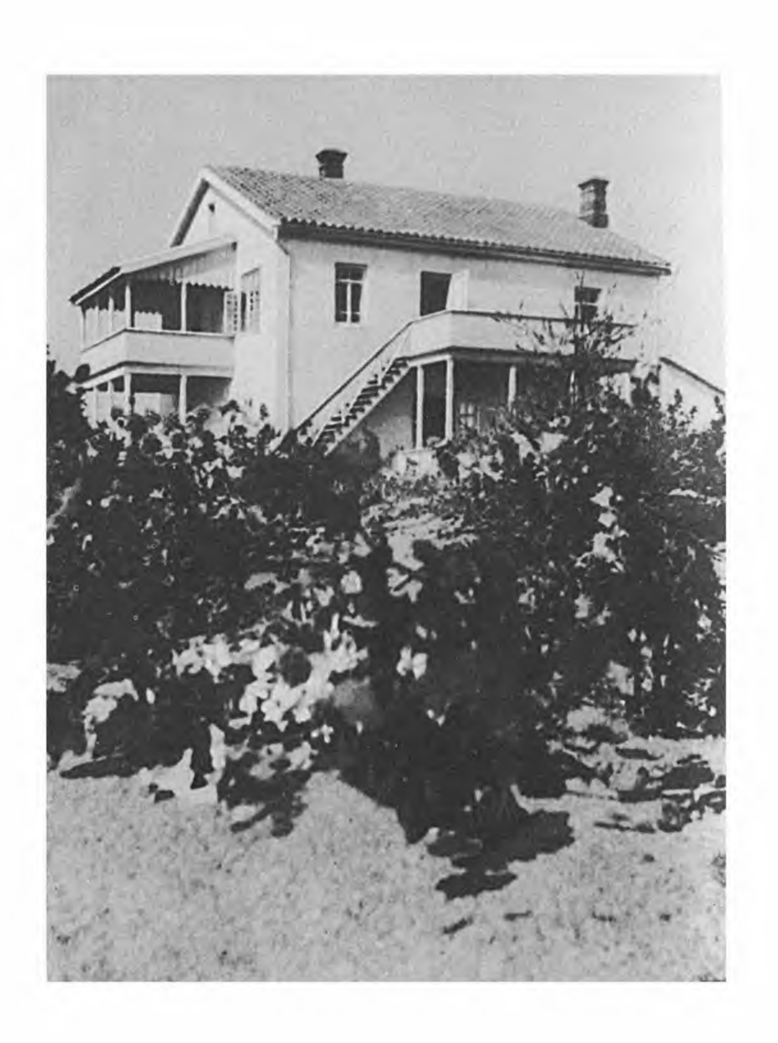

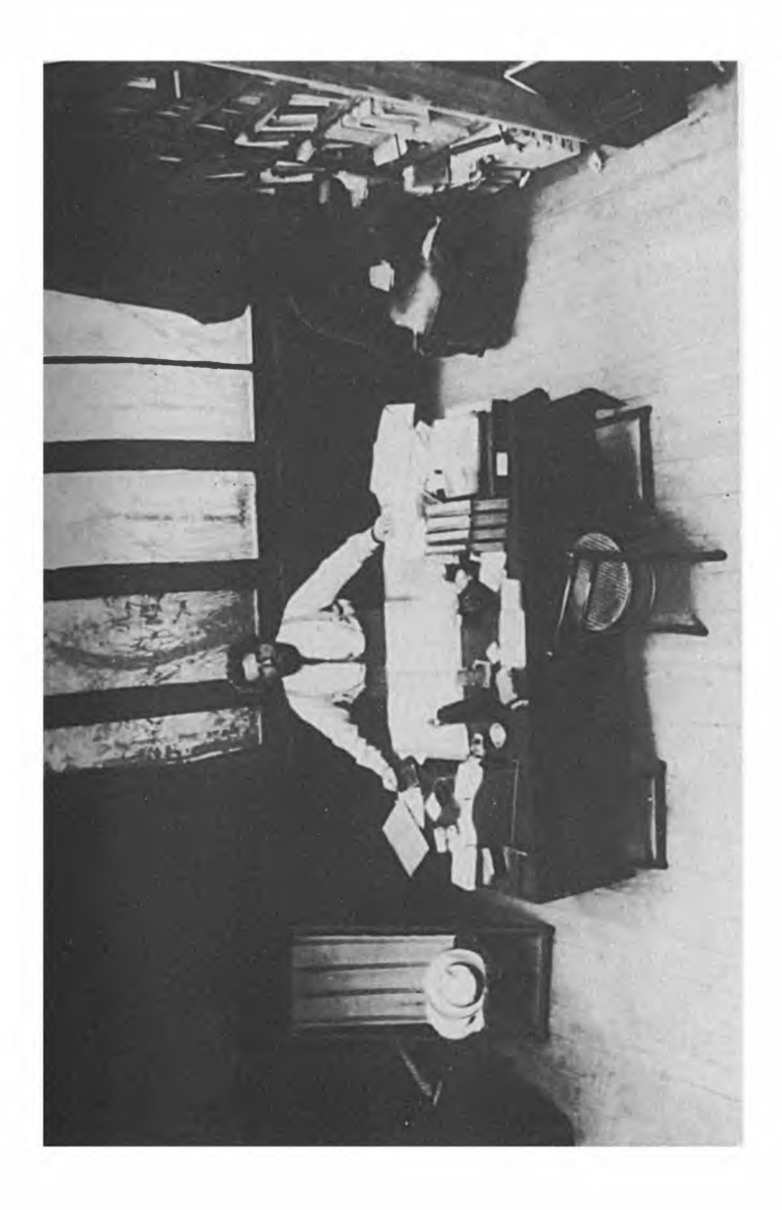

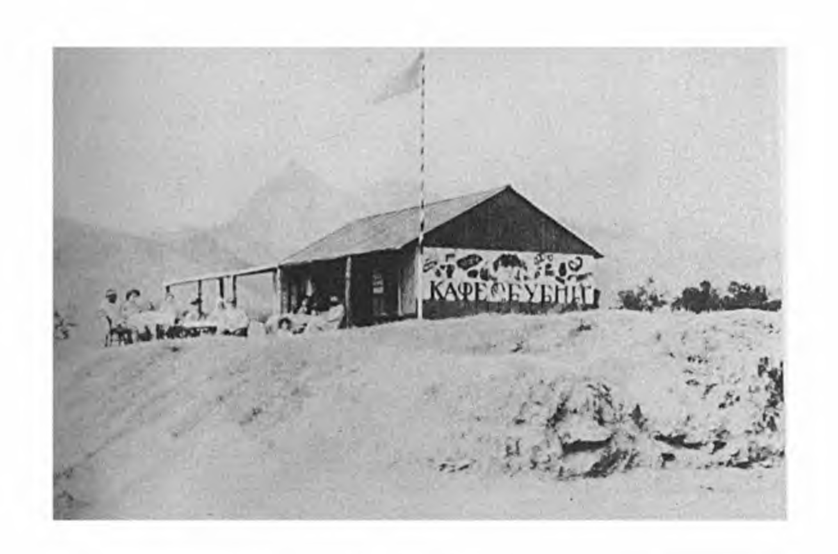

КАФЕ

Умом и терпугом, паялом и терпеньем,
Становится лирической строфой, —
Будь то страница
Тацита
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа — единый путь:
Ограничение себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли;
И от воли — для отрешенности сознанья.
Когда же и сознанье внутри себя ты сможешь погасить —
Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознанья, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо —
Живою кровью принесенных жертв.
Ты будешь Странником
По вещим перепутьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знанья,
Чтоб испытать сыновность и сиротство
И немоту отверженной земли.
Душа твоя пройдет сквозь пытку и крещенье
Страстно́ю влагою,
Сквозь зыбкие обманы
Небесных обликов в зерцалах земных вод.
Твое сознанье будет
Потеряно в лесу противочувств,
Средь черных пламеней, среди пожарищ мира.
Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет...
Так, высвобождаясь
От власти малого, беспамятного «я»,
Увидишь ты, что все явленья —
Знаки,

По которым ты вспоминаешь самого себя,
И волокно за волокном сбираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду — и в тварях, и в вещах — томится
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты освободитель божественных имен,
Пришедший изназвать
Всех духов — узников, увязших в веществе,
Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума —
Вселенную Свободы и Любви, —
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

24 июня 1917
Коктебель

КНИГА ТРЕТЬЯ
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Стихи о войне и революции

I. ВОЙНА

198. РОССИЯ

(1915 г.)

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленною верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

17 августа 1915
Биарриц

199. В ЭТИ ДНИ

И. Эренбургу

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленен в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынущей земли.

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшихся времен.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.

5 февраля 1915
Париж

200. ПОД ЗНАКОМ ЛЬВА

М.В. Сабашниковой

Томимый снами, я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветр упал,
И свет померк, и вздулись воды.

И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.

Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега.

Август 1914
Дорнах

201. НАД ПОЛЯМИ АЛЬЗАСА

Ангел непогоды
Пролил огнь и гром,
Напоив народы
Яростным вином.

Средь земных безлюдий
Тишина гудит
Грохотом орудий,
Топотом копыт.

Преклоняя ухо
В глубь души, внемли,
Как вскипает глухо
Желчь и кровь земли.

Ноябрь 1914
Дорнах

202. ПОСЕВ

В осенний день по стынущим полянам
Дымящиеся водят борозды
Не пахари;
Не радуется ранам
Своим земля;
Не плуг вскопал следы;
Не семена пшеничного посева,
Не ток дождей в разъявшуюся новь, —

Но сталь и медь,
Живую плоть и кровь
Недобрый Сеятель
В годину Лжи и Гнева
Рукою щедрою посеял...
Бед
И ненависти колос,
Змеи плевел
Взойдут в полях безрадостных побед,
Где землю-мать
Жестокий сын прогневил.

3 февраля 1915
Париж

203. ГАЗЕТЫ

Я пробегаю жадным взглядом
Вестей горючих письмена,
Чтоб душу, влажную от сна,
С утра ожечь ползучим ядом.
В строках кровавого листа
Кишат смертельные трихины,
Проникновенно лезвиины,
Неистребимы, как мечта.
Бродила мщенья, дрожжи гнева,
Вникают в мысль, гниют в сердцах,
Туманят дух, цветут в бойцах
Огнями дьявольского сева.
Ложь заволакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа
И зыбкой полуправды форма
Течет и лепится, как воск.
И, гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.
Не знать, не слышать и не видеть...
Застыть, как соль... уйти в снега...
Дозволь не разлюбить врага
И брата не возненавидеть!

12 мая 1915
Париж

204. ДРУГУ

«А я, таинственный певец,
На берег выброшен волною...»

«Арион»

Мы, столь различные душою,
Единый пламень берегли
И братски связаны тоскою
Одних камней, одной земли.
Одни сверкали нам вдали
Созвездий пламенные диски;
И где бы ни скитались мы,
Но сердцу безысходно близки
Феодосийские холмы.
Нас тусклый плен земной тюрьмы
И рдяный угль творящей правды
Привел к могильникам Ардавды,
И там, вверяясь бытию,
Снастили мы одну ладью;
И, зорко испытуя дали
И бег волнистых облаков,
Крылатый парус напрягали
У Киммерийских берегов.
Но ясновидящая сила
Хранила мой беспечный век:
Во сне меня волною смыло
И тихо вынесло на брег.
А ты, пловец, с душой бессонной
От сновидений и молитв,
Ушел в круговороты битв
Из мастерской уединенной.
И здесь, у чуждых берегов,
В молчаньи ночи одинокой
Я слышу звук твоих шагов,
Неуловимый и далекий.
Я буду волить и молить,
Чтобы тебя в кипеньи битвы
Могли, как облаком, прикрыть
Неотвратимые молитвы.
Да оградит тебя Господь
От Князя огненной печали,
Тоской пытающего плоть,
Да защитит от едкой стали,

От жадной меди, от свинца,
От стерегущего огнива,
От злобы яростного взрыва,
От стрел крылатого гонца,
От ядовитого дыханья,
От проницающих огней,
Да не смутят души твоей
Ни гнева сладостный елей,
Ни мести жгучее лобзанье.
Да не прервутся нити прях,
Сидящих в пурпурных лоскутьях
На всех победных перепутьях,
На всех погибельных путях.

23 августа 1915
Биарриц

205. ПРОЛОГ

Андрею Белому

Ты держишь мир в простертой длани,
И ныне сроки истекли...
В начальный год Великой Брани
Я был восхищен от земли.

И, на замок небесных сводов
Поставлен, слышал, смуты полн,
Растущий вопль земных народов,
Подобный реву бурных волн.

И с высоты непостижимой
Низвергся Вестник, оку зримый,
Как вихрь сверлящей синевы.
Огнем и сумраком повитый,
Шестикрылатый и покрытый
Очами с ног до головы.

И, сводом потрясая звездным,
На землю кинул он ключи,
Земным приказывая безднам
Извергнуть тучи саранчи,
Чтоб мир пасти жезлом железным.

А на вратах земных пещер
Он начертал огнем и серой:
«Любовь воздай за меру мерой,
А злом за зло воздай без мер».

И, став как млечный вихрь в эфире,
Мне указал Весы:
«Смотри:
В той чаше — мир; в сей чаше — гири:
Всё прорастающее в мире
Давно завершено внутри».

Так был мне внешний мир показан
И кладезь внутренний разъят.
И, знаньем звездной тайны связан,
Я ввержен был обратно в ад.

Один среди враждебных ратей —
Не их, не ваш, не свой, ничей —
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

11 сентября 1915
Биарриц

206. АРМАГЕДДОН

Л. С. Баксту

«Три духа, имеющие вид жаб... соберут царей вселенной для великой битвы... в место, называемое Армагеддон...»

Откровение, XVI, 12—16

Положив мне руки на заплечье
(Кто? — не знаю, но пронзил испуг
И упало сердце человечье...)
Взвел на холм и указал вокруг.

Никогда такого запустенья
И таких невыявленных мук
Я не грезил даже в сновиденьи!

Предо мной, тускла и широка,
Цепенела в мертвом исступленьи
Каменная зыбь материка.

И куда б ни кинул смутный взор я —
Расстилались саваны пустынь,
Русла рек иссякших, плоскогорья;
По краям, где индевела синь,
Громоздились снежные нагорья
И клубились свитками простынь
Облака. Сквозь огненные жерла
Тесных туч багровые мечи
Солнце заходящее простерло...
Так прощально гасли их лучи,
Что тоскою мне сдавило горло
И просил я:
«Вещий, научи:
От каких планетных ураганов
Этих волн гранитная гряда
Взмыта вверх?»
И был ответ:
«Сюда
По иссохшим ложам океанов
Приведут в день Страшного Суда
Трое жаб царей и царства мира
Для последней брани всех времен.

Камни эти жаждут испокон
Хмельной желчи Божьего потира.
Имя этих мест — Армагеддон».

3 октября 1915
Биарриц

207

Не ты ли
В минуту тоски
Швырнул на землю
Весы и меч
И дал безумным
Свободу весить
Добро и зло?

Не ты ли
Смесил народы
Густо и крепко,
Заквасил тесто
Слезами и кровью
И топчешь, грозный,
Грозды людские
В точиле гнева?

Не ты ли
Поэта кинул
На стогны мира
Быть оком и ухом?

Не ты ли
Отнял силу у рук
И запретил
Сложить обиды
В глубокой чаше
Земных весов,
Но быть назначил
Стрелой, указующей
Разницу веса?

Не ты ли
Неволил сердце
Благословить
Убийц и жертву,
Врага и брата?

Не ты ли
Неволил разум
Принять свершенье
Непостижимых
Твоих путей
Во всем гореньи
Противоречий,
Несовместимых
Для человечьей
Стесненной мысли?

Так дай же силу
Поверить в мудрость
Пролитой крови;

Дозволь увидеть
Сквозь смерть и время
Борьбу народов,
Как спазму страсти,
Извергшей семя
Всемирных всходов!

1 декабря 1915
Париж

208. УСТАЛОСТЬ

М. Стебельской

«Трости надломленной не преломит
И льна дымящегося не угасит».

Исаия 42, 3

И тогда, как в эти дни, война
Захлебнется в пламени и в лаве,
Будет спор о власти и о праве,
Будут умирать за знамена...

Он придет не в силе и не в славе,
Он пройдет в полях, как тишина;
Ничего не тронет и не сломит,
Тлеющего не погасит льна
И дрожащей трости не преломит.
Не возвысит голоса в горах,
Ни вина, ни хлеба не коснется —
Только всё усталое в сердцах
Вслед Ему с тоскою обернется.
Будет так, как солнце в феврале
Изнутри неволит нежно семя
Дать росток в оттаявшей земле.

И для гнева вдруг иссякнет время,
Братской распри разомкнется круг,
Алый Всадник потеряет стремя,
И оружье выпадет из рук.

27 сентября 1915
Биарриц

II. ПЛАМЕНА ПАРИЖА

209. ВЕСНА

А. В. Гольштейн

Мы дни на дни покорно нижем.
Даль не светла и не темна.
Над замирающим Парижем
Плывет весна... и не весна.

В жемчужных утрах, в зорях рдяных
Ни радости, ни грусти нет;
На зацветающих каштанах
И лист — не лист, и цвет — не цвет.

Неуловимо-беспокойна,
Бессолнечно-просветлена,
Неопьяненно и не стройно
Взмывает жданная волна.

Душа болит в краю бездомном;
Молчит, и слушает, и ждет...
Сама природа в этот год
Изнемогла в бореньи темном.

26 апреля 1915
Париж

210. ПАРИЖ В ЯНВАРЕ 1915 г.

Кн. В. Н. Аргутинскому

Всё тот же он во дни войны,
В часы тревог, в минуты боли...
Как будто грезит те же сны
И плавит в горнах те же воли.
Всё те же крики продавцов
И гул толпы, глухой и дальний.
Лишь голос уличных певцов
Звучит пустынней и печальней.

Да ловит глаз в потоках лиц
Решимость сдвинутых надбровий,
Улыбки маленьких блудниц,
Войной одетых в траур вдовий;
Решетки запертых окон
Да на фасадах полинялых
Трофеи праздничных знамен,
В дождях и ветре обветшалых.
А по ночам безглазый мрак
В провалах улиц долго бродит,
Напоминая всем, что враг
Не побежден и не отходит.
Да светы небо стерегут,
Да ветр доносит запах пашни,
И беспокойно-долгий гуд
Идет от Эйфелевой башни.
Она чрез океаны шлет
То бег часов, то весть возмездья,
И сквозь железный переплет
Сверкают зимние созвездья.

19 февраля 1915
Париж

211. ЦЕППЕЛИНЫ НАД ПАРИЖЕМ

А. Н. Ивановой

Весь день звучали сверху струны
И гуды стерегущих птиц.
А после ночь писала руны,
И взмахи световых ресниц
Чертили небо. От окрестных
Полей поднялся мрак и лёг.
Тогда в ущельях улиц тесных
Заголосил тревожный рог...
И было видно: осветленный
Сияньем бледного венца,
Как ствол дорической колонны,
Висел в созвездии Тельца
Корабль. С земли взвивались змеи,
Высоко бил фонтан комет
И гас средь звезд Кассиопеи.
Внизу несомый малый свет

Строений колыхал громады;
Но взрывов гул и ядр поток
Ни звездной тиши, ни прохлады
Весенней — превозмочь не мог.

18 апреля 1915
Париж

212. РЕЙМСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

Марье Самойловне Цетлин

Vue de trois-quarts, la Cathédrale de Reims évoque une grande figure de femme agenouillée, en prière.

Rodin [1]

В минуты грусти просветленной
Народы созерцать могли
Ее — коленопреклоненной
Средь виноградников Земли.
И всех, кто сном земли недужен,
Ее целила благодать,
И шли волхвы, чтоб увидать
Ее — жемчужину жемчужин.
Она несла свою печаль,
Одета в каменные ткани,
Прозрачно-серые, как даль
Спокойных овидей Шампани.
И соткан был ее покров
Из жемчуга лугов поемных,
Туманных утр и облаков,
Дождей хрустальных, ливней темных.
Одежд ее чудесный сон,
Небесным светом опален,
Горел в сияньи малых радуг,
Сердца мерцали алых роз,
И светотень курчавых складок
Струилась прядями волос.
Земными создана руками,

[1] Видимый на три четверти, Реймский собор напоминает фигуру огромной женщины, коленопреклоненной, в молитве. *Роден* (фр.). — *Ред.*

Ее лугами и реками,
Ее предутренними снами,
Ее вечерней тишиной.
...И, обнажив, ее распяли...
Огонь лизал и стрелы рвали
Святую плоть... Но по ночам,
В порыве безысходной муки,
Ее обугленные руки
Простерты к зимним небесам.

19 февраля 1915
Париж

213. LUTETIA PARISIORUM

«Fluctuat nec mergitur» [1]

Париж, Царьград и Рим — кариатиды
При входе в храм! Вам — солнцам-городам,
Кольцеобразно легшим по водам,
Завещан мир. В вас семя Атлантиды

Дало росток. Пророки и друиды
Во тьме лесов таили Девы храм,
А на реке, на месте Notre-Dame
Священник пел заутрени Изиды.

Париж! Париж! К какой плывет судьбе
Ладья Озириса в твоем гербе
С полночным грузом солнечного диска?

Кто закрепил на площади твоей
Драконью кровь волхвов и королей
Луксорского печатью обелиска?

22 апреля 1915
Париж

---

[1] Его качает, но он не тонет (лат.). — *Ред.*

214. ПАРИЖУ

Е. С. Кругликовой

Неслись года, как клочья белой пены...
Ты жил во мне, меняя облик свой;
И, уносимый встречною волной,
Я шел опять в твои замкнуться стены.
Но никогда сквозь жизни перемены
Такой пронзенной не любил тоской
Я каждый камень вещей мостовой
И каждый дом на набережных Сены.

И никогда в дни юности моей
Не чувствовал сильнее и больней
Твой древний яд отстоенной печали

На дне дворов, под крышами мансард,
Где юный Дант и отрок Бонапарт
Своей мечты миры в себе качали.

19 апреля 1915
Париж

215. ГОЛОВА MADAME DE LAMBALLE

(4 СЕНТ. 1792 г.)

Это гибкое, страстное тело
Растоптала ногами толпа мне,
И над ним надругалась, раздела...
И на тело
Не смела
Взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,
Бросив лоскутья
Воспаленного мяса на камне...

И парижская голь
Унесла меня в уличной давке,
Кто-то пил в кабаке алкоголь,
Меня бросив на мокром прилавке...
Куафёр меня поднял с земли,

Расчесал мои светлые кудри,
Нарумянил он щеки мои,
И напудрил...

И тогда, вся избита, изранена
Грязной рукой,
Как на бал завита, нарумянена,
Я на пике взвилась над толпой
Хмельным тирсом...
Неслась вакханалия.
Пел в священном безумьи народ...
И, казалось, на бале в Версале я —
Плавный танец кружит и несет...

Точно пламя гудели напевы.
И тюремною узкою лестницей
В башню Тампля к окну Королевы
Поднялась я народною вестницей.

1906
Париж

216—217. ДВЕ СТУПЕНИ

Марине Цветаевой

1

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

(14 июля)

«14 juillet 1789. — Riens».

Journal de Louis XVI[1]

Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль.
В ушах звенит призыв Камиля Демулена.
Народный гнев растет, взметаясь ввысь, как пена.
Стреляют. Бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

Бастилия взята. Предместья торжествуют.
На пиках головы Бертье и де Лоней.
И победители, расчистив от камней
Площадку, ставят столб и надпись: «Здесь танцуют».

[1] «14 июля 1789. — Ничего». *Дневник Людовика XVI* <фр.>.

Король охотился с утра в лесах Марли.
Борзые подняли оленя. Но пришли
Известья, что мятеж в Париже. Помешали...

Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?
Не в духе лег. Не спал. И записал в журнале:
«Четыр-надца-того и-юля. Ни-чего».

12 декабря 1917

2

ВЗЯТИЕ ТЮИЛЬРИ

(10 АВГУСТА 1792 г.)

«Je me manque deux batteries pour balayer toute cette canaille la»[1].

(Мемуары Бурьенна. Слова Бонапарта)

Париж в огне. Король низложен с трона.
Швейцарцы перерезаны. Народ
Изверился в вождях, казнит и жжет.
И Лафайет объявлен вне закона.

Марат в бреду и страшен, как Горгона.
Невидим Робеспьер. Жиронда ждет.
В садах у Тюильри водоворот
Взметенных толп и львиный зев Дантона.

А офицер, незнаемый никем,
Глядит с презреньем — холоден и нем —
На буйных толп бессмысленную толочь,

И, слушая их исступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух батарей «рассеять эту сволочь».

21 ноября 1917
<Коктебель>

---

[1] «Достаточно двух батарей, чтобы смести эту сволочь» <фр.>.

218—221. ТЕРМИДОР

1

Катрин Тео во власти прорицаний.
У двери гость — закутан до бровей.
Звучат слова: «Верховный жрец закланий,
Весь в голубом, придет, как Моисей,

Чтоб возвестить толпе, смирив стихию,
Что есть Господь! Он — избранный судьбой,
И, в бездну пав, замкнет ее собой...
Приветствуйте кровавого Мессию!

Се Агнец бурь! Спасая и губя,
Он кровь народа примет на себя.
Един Господь царей и царства весит!

Мир жаждет жертв, великим гневом пьян.
Тяжел Король... И что уравновесит
Его главу? — Твоя, Максимильян!»

2

Разгар Террора. Зной палит и жжет.
Деревья сохнут. Бесятся от жажды
Животные. Конвент в смятеньи. Каждый
Невольно мыслит: завтра мой черед.

Казнят по сотне в сутки. Город замер
И задыхается. Предместья ждут
Повальных язв. На кладбищах гниют
Тела казненных. В тюрьмах нету камер.

Пока судьбы кренится колесо,
В Монморанси, где веет тень Руссо,
С цветком в руке уединенно бродит,

Готовя речь о пользе строгих мер,
Верховный жрец — Мессия — Робеспьер —
Шлифует стиль и тусклый лоск наводит.

3

Париж в бреду. Конвент кипит, как ад.
Тюрьо звонит. Сен-Жюста прерывают.
Кровь вопиет. Казненные взывают.
Мстят мертвецы. Могилы говорят.

Вокруг Леба, Сен-Жюста и Кутона
Вскипает гнев, грозя их затопить.
Встал Робеспьер. Он хочет говорить.
Ему кричат: «Вас душит кровь Дантона!»

Еще судьбы неясен вещий лёт.
За них Париж, коммуны и народ —
Лишь кликнуть клич и встанут исполины.

Воззвание написано, но он
Кладет перо: да не прейдет закон!
Верховный жрец созрел для гильотины.

4

Уж фурии танцуют карманьолу,
Пред гильотиною подъемля вой.
В последний раз, подобная престолу,
Она царит над буйною толпой.

Везут останки власти и позора:
Убит Леба, больной Кутон без ног...
Один Сен-Жюст презрителен и строг.
Последняя телега Термидора.

И среди них на кладбище химер
Последний путь свершает Робеспьер.
К последней мессе благовестят в храме,

И гильотине молится народ...
Благоговейно, как ковчег с дарами,
Он голову несет на эшафот.

7 декабря 1917
<Коктебель>

III. ПУТИ РОССИИ

222. ПРЕДВЕСТИЯ

(1905 г.)

Сознанье строгое есть в жестах Немезиды:
Умей читать условные черты:
Пред тем как сбылись Мартовские Иды,
Гудели в храмах медные щиты...

Священный занавес был в скинии распорот:
В часы Голгоф трепещет смутный мир...
О, бронзовый Гигант! ты создал призрак-город,
Как призрак-дерево из семени — факир.

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик втройне,
И каждый диск сочился, точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекресткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...

Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте — всезрящий, как сова, —
Чертит круги, и строит пентаграммы,
И шепчет вещие заклятья и слова.

9 января 1905
С.-Петербург

223. АНГЕЛ МЩЕНЬЯ

(1906 г.)

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные — в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя — как кровь.
На буйных очагах народного витийства,

Как призраки, взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастия слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О, камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! я ведаю ваш счет.
Я камни закляну заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я «знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красивость,
И в душу мстителя вольется страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий, —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

1906
Париж

224. МОСКВА

(МАРТ 1917 г.)

В. А. Рагозинскому

В Москве на Красной площади
Толпа черным-черна.
Гудит от тяжкой поступи
Кремлевская стена.

На рву у места Лобного
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова.

Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.

По грязи ноги хлюпают,
Молчат... проходят... ждут...
На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.

<20 ноября 1917>

225. ПЕТРОГРАД

(1917)

Сергею Эфрону

Как злой шаман, гася сознанье
Под бубна мерное бряцанье
И опоражнивая дух,
Распахивает дверь разрух —
И духи мерзости и блуда
Стремглав кидаются на зов,
Вопя на сотни голосов,
Творя бессмысленные чуда, —
И враг, что друг, и друг, что враг, —
Меречат и двоятся... — так,
Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом

И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ, безумием объятый,
О камни бьется головой
И узы рвет, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града —
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

9 декабря 1917
Коктебель

226. ТРИХИНЫ

«Появились новые трихины»...

Ф. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут — мор, голод и война.
Ваятель душ, воззвавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят,
Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех во всем пред всеми виноват.

10 декабря 1917
<Коктебель>

227. СВЯТАЯ РУСЬ

А. М. Петровой

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?

В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко —
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самою желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы —
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть царевой ты не захотела —
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменникам — ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посады и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917
Коктебель

228. МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

23 ноября 1917
Коктебель

229. ИЗ БЕЗДНЫ

(ОКТЯБРЬ 1917)

А. А. Новинскому

Полночные вздулись воды,
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого всхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным —
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы —
Распятые серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,

Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны — со дна паденья
Благословляю цветенье
Твое — всестрастной свет!

15 января 1918
<Коктебель>

230. ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ

«Кто так слеп, как раб Мой? и глух,
как вестник Мой, Мною посланный?»

Исайя 42, 19

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещий луч...
Их судьбы — это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

29 декабря 1917
<Коктебель>

231. РУСЬ ГЛУХОНЕМАЯ

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
— «Изыди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —

И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:
«Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огнь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!».

6 января 1918
<Коктебель>

232. РОДИНА

«Каждый побрел в свою сторону
И никто не спасет тебя».

(Слова Исайи, открывшиеся
в ночь на 1918 г.)

И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.

Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон — твоя
Мечта в страданьях изжитая
И неосуществленная...

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба —
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии — в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды восприять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918
<Коктебель>

233. ПРЕОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

К. Ф. Богаевскому

«Postquam devastationem XL aut amplius dies Roma fuit ita desolata, ut nemo ibi hominum, nisi bestiae morareuntur»..

Marcellini Commentarii [1]

В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простерт
Перед лицом германских орд,
И Гот теснил и грабил Грека,
И грудь земли и мрамор плит
Гудели топотом копыт,
И лишь монах, писавший «Акты
Остготских королей», следил
С высот оснеженной Соракты,
Как на равнине средь могил
Бродил огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прах
На желтых Тибрских берегах, —
В те дни всё населенье Рима
Тотила приказал изгнать.

И сорок дней был Рим безлюден.
Лишь зверь бродил средь улиц. Чуден

[1] После разрушения 40 или более дней Рим оставался настолько опустошенным, что из людей никто в нем не задерживался, но только звери. *Комментарии Марцеллина* (лат.). — *Ред.*

Был Вечный Град: ни огнь сглодать,
Ни варвар стены разобрать
Его чертогов не успели.
Он был велик, и пуст, и дик,
Как первозданный материк.
В молчаньи вещем цепенели,
Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья —
Все вековые отложенья
Завоеваний и побед:
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стерт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимая и тесня друг друга,
Загромождали небосклон
И горизонт земного круга.
И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле,
Свершалось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвел — велик
И необъятен, как стихия.
Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть...
Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!

17 января 1918
Коктебель

234. ЕВРОПА

В. Л. Рюминой

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышаший, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хрисолит,
Он говорил, указывая тростью:

Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она — подобная кораллу,
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов,
Жемчужница огромного моллюска,
Атлантикой рожденная из пен —
Опаснейшая из морских сирен.
Страстей ее горючие сплетенья
Мерцают звездами на токах вод —
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живет.
Ее провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке,
И девушкой, лежащей на быке.

Полярным льдам уста ее открыты,
У пояса, среди сапфирных влаг,
Как пчельный рой у чресел Афродиты,
Раскинул острова Архипелаг.
Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь матерние органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая, —
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствилище и похотник ея, —
Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял ее Ислам:
Воль Азии вершитель и предстатель —

Сквозь Бычий Ход Махмут-завоеватель
Проник к ее заветным берегам.
И зачала и понесла во чреве
Русь — третий Рим — слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и в гневе
Собой восток и запад сопряжет!

Но, роковым охвачен нетерпеньем,
Всё исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылущил сеченьем
Незрелый плод Славянства — Петербург.
Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его — всемирное служенье.
Двойным путем ведет его судьба —
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS — раб, но Славия есть СЛАВА:
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас еще томится
Всё, что живет, и всё, что будет жить:
Как солнца бег нельзя предотвратить —
Зачатое не может не родиться.
В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

20 мая 1918
Коктебель

235. НАПИСАНИЕ О ЦАРЯХ МОСКОВСКИХ

1

Царь Иван был ликом некрасив,
Очи имея серы, пронзительны и беспокойны.
Нос протягновенен и покляп.
Ростом велик, а телом сух.
Грудь широка и туги мышцы.
Муж чудных рассуждений,
Многоречив зело,
В науке книжной опытен и дерзок.
А на рабы от Бога данные жестокосерд.
В пролитьи крови

Неумолим.
Жен и девиц сквернил он блудом много.
И множество народа
Немилостивой смертью погубил.
Таков был царь Иван.

2

Царь же Федор
Был ростом мал,
А образ имея постника,
Смирением обложен,
О мире попеченья не имея,
А только о спасении душевном.
Таков был Федор-царь.

3

Царь Борис — во схиме Боголеп —
Был образом цветущ,
Сладкоречив вельми,
Нищелюбив и благоверен,
Строителен зело
И о державе попечителен.
Держась рукой за верх срачицы, клялся
Сию последнюю со всеми разделить.
Единое имея неисправленье:
Ко властолюбию несытое желанье
И ко врагам сердечно прилежанье.
Таков был царь Борис.

4

Царевич Федор — сын царя Бориса —
Был отрок чуден,
Благолепием цветущ,
Как в поле крин, от Бога преукрашен,
Очи велики, черны,
Бел лицом,
А возраст среден.
Книжному научен почитанью.
Пустошное али гнилое слово
Из уст его вовек не исходише.

5

Царевна Ксения
Власы имея черны, густы,
Аки трубы лежаще по плечам.
Бровьми союзна, телом изобильна,
Вся светлостью облистана
И млечной белостью
Всетельно облиянна.
Воистину во всех делах чредима.
Любила воспеваемые гласы
И песни духовные.
Когда же плакала,
Блистала еще светлее
Зелной красотой.

6

Расстрига был ростом мал,
Власы имея руды.
Безбород и с бородавкой у переносицы.
Пясти тонки,
А грудь имел широку,
Мышцы толсты,
А тело помраченно.
Обличьем прост,
Но дерзостен и остроумен
В речах и наученьи книжном.
Конские ристалища любил,
Был ополчитель смел.
Ходил танцуя.

7

Марина Мнишек была прельстительна.
Бела лицом, а брови имея тонки.
Глаза змеиные. Рот мал. Поджаты губы.
Возрастом невелика,
Надменна обращеньем.
Любила плясания и игрища,
И пялишася в платья
Тугие с обручами,
С каменьями и жемчугом,
Но паче честных камней любяше негритенка.

8

Царь Василий был ростом мал,
А образом нелеп.
Очи подслеповаты. Скуп и неподатлив.
Но книжен и хитер.
Любил наушников,
Был к волхованьям склонен.

9

Боярин Федор — во иночестве Филарет —
Роста и полноты был средних.
Был обходителен.
Опальчив нравом.
Владетелен зело.
Божественное писанье разумел отчасти.
Но в знании людей был опытен:
Царями и боярами играше,
Аки на тавлее.
И роду своему престол Московский
Выиграл.

10

Так видел их и, видев, записал
Иван Михайлович
Князь Катырев-Ростовский.

23 августа 1919
Коктебель

236. DMETRIUS-IMPERATOR

(1591–1613)

Ю. Л. Оболенской

Убиенный много и восставый,
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой,
И годины более кровавой
Не видала русская земля.

В Угличе, сжимая горсть орешков
Детской окровавленной рукой,
Я лежал, а мать, в сенях замешкав,

Голосила, плача надо мной.
С перерезанным наотмашь горлом
Я лежал в могиле десять лет;
И рука Господняя простерла
Над Москвой полетье лютых бед.
Голод был, какого не видали.
Хлеб пекли из кала и мезги.
Землю ели. Бабы продавали
С человечьим мясом пироги.
Проклиная царство Годунова,
В городах без хлеба и без крова
Мерзли у набитых закромов.
И разъялась земная утроба,
И на зов стенящих голосов
Вышел я — замученный — из гроба.

По Руси что ветер засвистал,
Освещал свой путь двойной луною,
Пасолнцы на небе засвечал.
Шестернею в полночь над Москвою
Мчал, бичом по маковкам хлестал.
Вихрь-витной, гулял я в ратном поле,
На московском венчанный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной — с лебедью — с Мариной
Я — живой и мертвый, но единый —
Обручался заклятым кольцом.

Но Москва дыхнула дыхом злобным —
Мертвый я лежал на месте Лобном
В черной маске, с дудкою в руке,
А вокруг — вблизи и вдалеке —
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали сопели,
Песни пели бесы на реке...
Не видала Русь такого сраму!
А когда свезли меня на яму
И свалили в смрадную дыру —
Из могилы тело выходило
И лежало цело на юру.
И река от трупа отливала,
И земля меня не принимала.
На куски разрезали, сожгли,
Пепл собрали, пушку зарядили,

С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.

Тут тогда меня уж стало много:
Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,
Из Оскола, Ливен, из Москвы...
Понапрасну в обличенье вора
Царь Василий, не стыдясь позора,
Детский труп из Углича опять
Вез в Москву — народу показать,
Чтобы я на Царском на призоре
Почивал в Архангельском соборе,
Да сидела у могилы мать.

А Марина в Тушино бежала
И меня живого обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу — безглавый —
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой
И, кружась по-над Москвою, в гневе
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

И пошли на нас со всех концов,
И неслись мы парой сизых чаек
Вдоль по Волге, Каспию — на Яик, —
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки.

Вся Москва собралась, что к обедне,
Как младенца — шел мне третий год —
Да казнили казнию последней
Около Серпуховских ворот.

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века — мертвый, неизбывный —
Правил я лихой годиной бед.
И опять приду — чрез триста лет.

19 декабря 1917
Коктебель

237. СТЕНЬКИН СУД

Н. Н. Кедрову

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змия горынского,
Жду вестей из полунощных стран.
Всё ль как прежде сияет — несглазена
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье в начале поста?
Зажигают ли свечки, да сальные
В них заместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Всё ль блюдут в воеводствах своих?
Благолепная, да многохрамая...
А из ней хоть святых выноси.
Что-то, чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как, бывало, казацкая, дерзкая,
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь —
Гребенская, Донская да Терская
Собиралась ватажить сарынь.
Да на первом на струге, на «Соколе»,
С полюбовницей — пленной княжной,
Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.
Да как кликнешь сподрушных — приспешников:
«Васька Ус, Шелудяк да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод, да попов, да дворян.
Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей».

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел, и попил,
И за всё, что творил неуказного,
Лютой смертью своей заплатил.
Принимали нас с честью и с ласкою,

Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.
Уж по-царски уважили пыткою:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь.
Рассужу, развяжу — не помилую, —
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому — всяк.
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Побрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть поползают людям на смех.
И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь —
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.
Мы устроим в стране благолепье вам, —
Как, восставши из мертвых с мечом, —
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачем.

22 декабря 1917
Коктебель

238. КИТЕЖ

1

Вся Русь — костер. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревет... И трескается камень.
И каждый факел — человек.

Не сами ль мы, подобно нашим предкам,
    Пустили пал? А ураган
Раздул его, и тонут в дыме едком
    Леса и села огнищан.
Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров
    Народный не уймут костер:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
    На дно серебряных озер.
Так, отданная на поток татарам,
    Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлояром...
    Но от огня не отрекусь!
Я сам — огонь. Мятеж в моей природе,
    Но цепь и грань нужны ему.
Не в первый раз, мечтая о свободе,
    Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы — вне нашей душной плоти,
    Вне воли медного Петра —
Нам нет дорог: нас водит на болоте
    Огней бесовская игра.
Святая Русь покрыта Русью грешной,
    И нет в тот град путей,
Куда зовет призывный и нездешной
    Подводный благовест церквей.

2

Усобицы кромсали Русь ножами.
    Скупые дети Калиты
Неправдами, насильем, грабежами
    Ее сбирали лоскуты.
В тиши ночей, звездяных и морозных,
    Как лютый крестовик-паук,
Москва пряла при Темных и при Грозных
    Свой тесный, безысходный круг.
Здесь правил всем изветчик и наушник,
    И был свиреп и строг
Московский князь — «постельничий и клюшник
    У Господа», — помилуй Бог!
Гнездо бояр, юродивых, смиренниц —
    Дворец, тюрьма и монастырь,
Где двадцать лет зарезанный младенец
    Чертил круги, как нетопырь.

Ломая кость, вытягивая жилы,
    Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы
    Пожарский царствовать привел.
Антихрист-Петр распаренную глыбу
    Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
    Наукам книжным обучал.
Империя, оставив нору кротью,
    Высиживалась из яиц
Под жаркой коронованною плотью
    Своих пяти императриц.
И стала Русь немецкой, чинной, мерзкой.
    Штыков сияньем озарен,
В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской
    Отстаивался русский трон.
И вырвались со свистом из-под трона
    Клубящиеся пламена —
На свет из тьмы, на волю из полона —
    Стихии, страсти, племена.
Анафем церкви одолев оковы,
    Повоскресали из гробов
Мазепы, Разины и Пугачевы —
    Страшилища иных веков.
Но и теперь, как в дни былых падений,
    Вся омраченная, в крови,
Осталась ты землею исступлений —
    Землей, взыскующей любви.

3

Они пройдут — расплавленные годы
    Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
    Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
    Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
    Работать на полях, как вол.
И, отрезвясь от крови и угара,
    Цареву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
    Затеплит ярую свечу.

Молитесь же, терпите же, примите ж
    На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж —
    Наш неосуществимый сон!

18 августа 1919
Во время наступления Деникина на Москву
Коктебель

239. ДИКОЕ ПОЛЕ

1

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Темная Киммерийская степь.

Вся могильниками покрыта —
Без имян, без конца, без числа...
Вся копытом да копьями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только ветр закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет — развалист и хляб —
По оврагам, увалам, излогам,
По немеряным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями клочья бурьяна,
И гудит, и звенит, и поет...
Эти поприща — дно океана,
От великих обсякшее вод.

Распалял их полуденный огнь,
Индевела заречная синь...
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,

По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопы
Колченогих, раскосых людей,
И орлы на Равеннских воротах
Исчезали в водоворотах
Всадников и лошадей.

Много было их — люты, хоробры,
Но исчезли, «изникли, как обры»,
В темной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств.

2

Долго Русь раздирали по клочьям
И усобицы, и татарва.
Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, овеянный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз,
Белокаменный и златоглавый
Над скудою закуренных изб.
Отразился в лазоревой ленте,
Развитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на степи...
От кремлевских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Голытьбу с тесноты да с неволи
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север — к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.

Их разлет был широк и несвязен:
Жгли, рубили, взымали ясак.
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удальцов
Воровские круги понизовья
Да концы вечевых городов.
Лишь Никола-Угодник, Егорий —
Волчий пастырь — строитель земли —
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

3

Русь! встречай роковые годины:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.

Всё, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

20 июня 1920
Коктебель

240. НА ВОКЗАЛЕ

В мутном свете увялых
Электрических фонарей
На узлах, тюках, одеялах
Средь корзин, сундуков, ларей,
На подсолнухах, на окурках,

В сермягах, шинелях, бурках,
То врозь, то кучей, то в ряд,
На полу, на лестницах спят:
Одни — раскидавшись — будто
Подкошенные на корню,
Другие — вывернув круто
Шею, бедро, ступню.
Меж ними бродит зараза
И отравляет их кровь:
Тиф, холера, проказа,
Ненависть и любовь.
Едят их поедом жадным
Мухи, москиты, вши.
Они задыхаются в смрадном
Испареньи тел и души.
Точно в загробном мире,
Где каждый в себе несет
Противовесы и гири
Дневных страстей и забот.

Так спят они по вокзалам,
Вагонам, платформам, залам,
По рынкам, по площадям,
У стен, у отхожих ям:
Беженцы из разоренных,
Оголодавших столиц,
Из городов опаленных,
Деревень, аулов, станиц,
Местечек: тысячи лиц...
И социальный мессия,
И баба с кучей ребят,
Офицер, налетчик, солдат,
Спекулянт, мужики —
вся Россия.

Вот лежит она, распята сном,
По вековечным излогам,
Расплесканная по дорогам,
Искусанная огнем,
С запекшимися губами,
В грязи, в крови и во зле,
И ловит воздух руками,
И мечется по земле.

И не может в бреду забыться,
И не может очнуться от сна...
Не всё ли и всем простится,
Кто выстрадал, как она?

29 июля (ст. ст.) 1919
Коктебель

241. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Во имя грозного закона
Братоубийственной войны
И воспаленны, и красны
Пылают гневные знамена.

Но жизнь и русская судьба
Смешала клички, стерла грани:
Наш «пролетарий» — голытьба,
А наши «буржуа» — мещане.
А грозный демон «Капитал» —
Властитель фабрик, Князь заботы,
Сущность отстоенной работы,
Преображенная в кристалл, —
Был нам неведом:
нерадивы
И нищи средь богатств земли,
Мы чрез столетья пронесли,
Сохою ковыряя нивы,
К земле нежадную любовь...
России душу омрачая,
Враждуют призраки, но кровь
Из ран ее течет живая.

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.
Пусть бунт наш — бред, пусть дом наш пуст,
Пусть боль от наших ран не наша,
Но да не минет эта чаша
Чужих страданий наших уст.
И если встали между нами
Все бреды будущих времен —
Мы всё же грезим русский сон

Под чуждыми нам именами.
Тончайшей изо всех зараз,
Мечтой врачует мир Россия —
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.

Как некогда святой Франциск
Видал: разверзся солнца диск
И пясти рук и ног Распятый
Ему лучом пронзил трикраты —
Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла
Кровоточащие стигматы.

12 июня 1919

242. РУСЬ ГУЛЯЩАЯ

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчется шатущий народ,
Шлендит пьяная в лохмах кумашных
Да бесстыжие песни орет.

Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая — кто ей заказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребства творит напоказ.

А проспавшись, бьется в подклетьях,
Да ревет, завернувшись в платок,
О каких-то расстрелянных детях,
О младенцах, засоленных впрок.

А не то разинет глазища
Да вопьется, вцепившись рукой:
«Не оставь меня смрадной и нищей,
Опозоренной и хмельной.

Покручинься моею обидой,
Погорюй по моим мертвецам,
Не продай басурманам, не выдай
На потеху лихим молодцам...

Вся-то жизнь в теремах под засовом...
Уж натешились вы надо мной...
Припаскудили пакостным словом,
Припоганили кличкой срамной».

Разве можно такую оставить,
Отчураться, избыть, позабыть?
Ни молитвой ее не проплавить,
Ни любовью не растопить...

Расступись же, кровавая бездна!
Чтоб во всей полноте бытия
Всенародно, всемирно, всезвездно
Просияла правда твоя!

5 января 1923
Коктебель

243. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благословенье мое, как гром!
Любовь безжалостна и жжет огнем.
Я в милосердии неумолим.
Молитвы человеческие — дым.

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук.

Леса, увалы, степи и вдали
Пустыни тундр — шестую часть земли
От Индии до Ледовитых вод
Я дал тебе и твой умножил род.

Чтоб на распутьях сказочных дорог
Ты сторожила запад и восток.
И вот, вся низменность земного дна
Тобой, как чаша, до края полна.

Ты благословлена на подвиг твой
Татарским игом, скаредной Москвой,
Петровской дыбой, бредами калек,
Хлыстов, скопцов — одиннадцатый век.

Распластанною голой на земле,
То вздернутой на виску, то в петле, —
Тебя живьем свежуют палачи —
Радетели, целители, врачи.

И каждый твой порыв, твой каждый стон
Отмечен Мной и понят и зачтен.
Твои молитвы в сердце я храню:
Попросишь мира — дам тебе резню.

Спокойствия? — Девятый взмою вал.
Разрушишь тюрьмы? — Вырою подвал.
Раздашь богатства? — Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей!

На подвиг встанешь жертвенной любви?
Очнешься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей?
Заставлю есть зарезанных детей!

Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты — лучшая! Пощады лучшим — нет.

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз,
А из тебя, сожженный Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!

23 февраля 1923
Коктебель

244. НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

В ЭПОХУ БЕГСТВА ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОДЕССЫ

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

Всё неразумно, необычайно:
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещею тайной
И ужасается дух.

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою, —
Молнией поражен:
Карл под Полтавой, ужален Москвою
Падает Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат —
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение — смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
Стонет в равнинах метель:
Бродит в точиле, качает народы
Русской разымчивой хмель.

Мы — зараженные совестью: в каждом
Стеньке — святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!

28 мая 1919
Коктебель

IV

245. ПРОТОПОП АВВАКУМ

Памяти В. И. Сурикова

1

Прежде нежели родиться — было
Во граде солнечном,
В Небесном Иерусалиме:
Видел солнце, разверстое, как кладезь.
Силы небесные кругами обступили тесно —
Трижды тройным кольцом Сияющие Славы:
В первом круге —
Облакам подобные и ветрам огненным;
В круге втором —
Гудящие, как вихри косматых светов;
В третьем круге —
Звенящие и светлые, как звезды;
А в недрах Славы — в свете неприступном —
Непостижима, Трисиянна, Пресвятая
Троица,
Подобно адаманту, вне мира сущему,
И больше мира.

И слышал я:
Отец рече Сынови:
— Сотворим человека
По образу и по подобью огня небесного... —
И голос был ко мне:
«Ти подобает облачиться в человека
Тлимого,
Плоть восприять и по земле ходить.
Поди: вочеловечься
И опаляй огнем!»

Был же я, как уголь раскаленный,
И вдруг погас,
И черен стал,
И, пеплом собственным одевшись,
Был извержен
В хлябь вешнюю.

2

Пеплом собственным одевшись, был извержен
В хлябь вешнюю:
Мое рожденье было
За Кудмою-рекой
В земле Нижегородской.
Отец мой прилежаще пития хмельного,
А мати — постница, молитвенница бысть.
Аз ребенком малым видел у соседа
Скотину мертвую,
И, во ночи восставши,
Молился со слезами,
Чтоб умереть и мне.
С тех пор привык молиться по ночам.
Молод осиротел,
Был во попы поставлен.
Пришла ко мне на исповедь девица,
Делу блудному повинна,
И мне подробно извещала.
Я же — треокаянный врач —
Сам разболелся,
Внутрь жгом огнем блудным,
Зажег я три свечи и руку
Возложив держал,
Дондеже разженье злое не угасло.
А дома до полночи молясь:
Да отлучит мя Бог —
Понеже бремя тяжко, —
В слезах забылся.
А очи сердечнии
При Волге при реке и вижу:
Плывут два корабля златые —
Всё злато: весла, и шесты, и щегла.
«Чьи корабли?» — спросил.
— «Детей твоих духовных».
А за ними третий —
Украшен не золотом, а разными пестротами:
Черно и пепельно, сине, красно и бело.
И красоты его ум человеческий вместить не может.
Юнош светел парус правит.
Я ему:
　　　— «Чей есть корабль?»
А он мне:
　　　　　— «Твой.

Плыви на нем, коль миром докучаешь!»
А я, вострепетав и седше, рассуждаю:
Аз есмь огонь, одетый пеплом плоти,
И тело наше без души есть кал и прах.
В небесном царствии всем золота довольно.
Нам же, во хлябь изверженным
И тлеющим во прахе, подобает
Страдати неослабно.
Что будет плаванье?
По мале времени, по виденному, беды
Восстали адовы, и скорби, и болезни.

3

Беды восстали адовы, и скорби, и болезни:
От воевод терпел за веру много:
Ин — в церкви взяв,
Как был — с крестом и в ризах
По улице за ноги волочил,
Ин — батогами бил, топтал ногами,
И мертв лежал я до полчаса и паки оживел,
Ин — на руке персты отгрыз зубами...

В село мое пришедше скоморохи
С домрами и с бубнами,
Я ж — грешник, — о Христе ревнуя, изгнал их,
Хари
И бубны изломал —
Един у многих.
Медведей двух великих отнял:
Одного ушиб — и паки ожил —
Другого отпустил на волю.
Боярин Шереметьев, на воеводство плывучи,
К себе призвал и, много избраня,
Сына брадобрица велел благословить,
Я ж образ блудоносный стал обличать.
Боярин, гораздо осердясь,
Велел мя в Волгу кинуть.
Я ж, взяв клюшку, а мати — некрещеного младенца,
Побрел в Москву — Царю печалиться.
А Царь меня поставил протопопом.

В те поры Никон
Яд изрыгнул.

Пишет:
«Не подобает в церкви
Метание творити на колену.
Тремя перстами креститеся».
Мы ж задумались, сошедшись.
Видим: быть беде!
Зима настала.
Озябло сердце.
Ноги задрожали.
И был мне голос:
«Время
Приспе страдания.
Крепитесь в вере.
Возможно Антихристу и избранных прельстити»...

4

Возможно Антихристу и избранных прельстити.
Взяли мя от всенощной, в телегу посадили,
Распяли руки и везли
От Патриархова двора к Андронью,
И на цепь кинули в подземную палатку.
Сидел три дня — не ел, не пил:
Бил на цепи поклоны —
Не знаю — на восток, не то на запад.
Никто ко мне не приходил,
А токмо мыши и тараканы,
Сверчок кричит и блох довольно.
Ста предо мной — не вем кто —
Ангел, аль человек, —
И хлеба дал и штец хлебать,
А после сгинул,
И дверь не отворялась.
Наутро вывели:
Журят, что Патриарху
Не покорился.
А я браню и лаю.
Приволочили в церковь — волосы дерут,
В глаза плюют
И за чепь торгают.
Хотели стричь,
Да Государь, сошедши с места, сам
Приступился к Патриарху —
Упросил не стричь.
И был приказ:
Сослать меня в Сибирь с женою и детьми.

5

Сослали меня в Сибирь с женою и с детьми.
В те поры Пашков, землицы новой ищучи,
Даурские народы под руку Государя приводил.
Суров был человек — людей без толку мучит.
Много его я уговаривал,
Да в руки сам ему попал.

Плотами плыли мы Тунгускою рекой.
На Долгом на пороге стал Пашков
С дощеника мя выбивать:
— «Для тебя-де дощеник плохо ходит,
Еретик ты:
Поди-де по горам, а с казаками не ходи».
Ох, горе стало!
Высоки горы —
Дебри непроходимые.
Утесы, яко стены,
В горах тех — змии великие,
Орлы и кречеты, индейские курята,
И многие гуляют звери —
Лоси, и кабаны,
И волки, и бараны дикие —
Видишь воочию, а взять нельзя.
На горы те мя Пашков выбивал
Там со зверьми и с птицами витати.
А я ему посланьице писал.
Начало сице:
«Человече! убойся Бога,
Сидящего на херувимех и презирающего в бездны!
Его ж трепещут Силы небесные и тварь земная.
Един ты презираешь и неудобство показуешь».

Многонько там написано.
Привели мя пред него, а он
Со шпагою стоит,
Дрожит.
— «Ты поп, или распоп?»
А я ему:
— «Есмь протопоп.
Тебе что до меня?»
А он рыкнул, как зверь, ударил по щеке,
Стал чепью бить,

А после, разболокши, стегать кнутом.
Я ж Богородице молюсь:
— «Владычица!
Уйми Ты дурака того!»

Сковали и на беть бросили:
Под капелью лежал.
Как били — не больно было,
А, лежа, на ум взбрело:
«За что Ты, Сыне Божий, попустил убить меня?
Не за Твое ли дело стою?
Кто будет судией меж мною и Тобой?»
Увы мне! будто добрый,
А сам, что фарисей с навозной рожей, —
С Владыкою судиться захотел.
Есмь кал и гной.
Мне подобает жить с собаками и свиньями:
Воняем —
Они по естеству, а я душой и телом.

6

Воняем: одни по естеству, а я душой и телом.
В студеной башне скованный сидел всю зиму.
Бог грел без платья:
Что собачка на соломке лежу.
Когда покормят, когда и нет.
Мышей там много — скуфьею бил,
А батожка не дали дурачки.
Спина гнила. Лежал на брюхе.
Хотел кричать уж Пашкову: Прости!
Да велено терпеть.
Потом два лета бродили по водам.
Зимой чрез волоки по снегу волоклись.
Есть стало нечего.
Начали люди с голоду мереть.
Река мелка.
Плоты тяжелы.
Палки суковаты.
Кнутья остры.
Жестоки пытки.
Приставы немилостивы.
А люди голодные:
Огонь да встряска —
Лишь станут мучать,

А он помрет.
Сосну варили, ели падаль.
Что волк не съест — мы доедим.
Волков и лис озяблых ели.
Кобыла жеребится — голодные же втай
И жеребенка, и место скверное кобылье —
Всё съедят.
И сам я — грешник — неволею причастник
Кобыльим и мертвечьим мясам.
Ох времени тому!
Как по реке по Нерчи
Да по льду голому брели мы пеши —
Страна немирная, отстать не смеем,
А за лошадями не поспеть.
Протопопица бредет, бредет,
Да и повалится.
Ин томный человек набрел,
И оба повалились:
Кричат, а встать не могут.
Мужик кричит:
«Прости, мол, матушка!»
А протопопица:
«Чего ты, батько,
Меня-то задавил?»
Приду — она пеняет:
«Долго ль муки сей нам будет, протопоп?»
А я ей:
«Марковна, до самой смерти».
Она ж, вздохня, ответила:
«Добро, Петрович.
Ин дальше побредем».

7

Ин дальше побредем,
И слава Богу сотворившему благая!
Курочка у нас была черненька.
Весь круглый год по два яичка в день
Робяти приносила.
Сто рублев при ней — то дело плюново.
Одушевленное творенье Божье!
Нас кормила и сама сосновой кашки
Тут клевала из котла,
А рыбка прилучится — так и рыбку.
На нарте везучи, в те поры задавили

Ее мы по грехам.
Не просто она досталась нам:
У Пашковой снохи-боярыни
Все куры переслепли.
Она ко мне пришла,
Чтоб я о курах помолился.
Я думаю — заступница есть наша
И детки есть у ней.
Молебен пел, кадил,
Куров кропил, корыто делал,
Водой святил, да всё ей отослал.
Курки исцелели —
И наша курочка от племени того.
Да полно говорить-то:
У Христа так повелось издавна —
Богу всё надобно: и птичка и скотинка —
Ему во славу, человека ради.

8

Во славу Бога, человека ради
Творится всё.
С Мунгальским царством воевати
Пашков сына Еремея посылал
И заставлял волхва язычника шаманить и гадать,
А тот мужик близ моего зимовья
Привел барана вечером
И волховать учал:
Вертел им много
И голову прочь отвертел.
Зачал скакать, плясать и бесов призывать
И, много покричав, о землю ударился,
И пена изо рта пошла.
Бесы давят его, а он их спрашивает:
«Удастся ли поход?»
Они ж ему:
«С победою великой
И богатством назад придут».
А воеводы рады: богатыми вернемся.
Я ж в хлевине своей взываю с воплем:
«Послушай мене, Боже!
Устрой им гроб! Погибель наведи!
Да ни один домой не воротится!
Да не будет по слову дьявольскому!»

Громко кричу, чтоб слышали...
И жаль мне их: душа то чует,
Что им побитым быти,
А сам на них погибели молю.
Прощаются со мной, а я им:
— Погибнете!
Как выехали ночью —
Лошади заржали, овцы и козы заблеяли,
Коровы заревели, собаки взвыли,
Сами иноземцы завыли, что собаки:
Ужас
На всех напал.
А Еремей слезами просит, чтобы
Помолился я за него.
Был друг мой тайной —
Перед отцом заступник мой.
Жалко было: стал докучать Владыке,
Чтоб пощадил его.
Учали ждать с войны, и сроки все прошли.
В те поры Пашков
Застенок учредил и огнь расклал:
Хочет меня пытать.
А я к исходу душевному молитвы прочитал:
Стряпня знакома —
После огня того живут не долго.
Два палача пришли за мной...
И чудно дело:
Еремей сам-друг дорожкой едет — ранен.
Всё войско у него побили без остатку,
А сам едва ушел.
А Пашков, как есть пьяной с кручины,
Очи на мя возвел, —
Словно медведь морской, белой, —
Жива бы проглотил, да Бог не выдал.
Так десять лет меня он мучал.
Аль я его? Не знаю.
Бог разберет в день века.

9

Бог разберет в день века.
Грамота пришла — в Москву мне ехать.
Три года ехали по рекам да лесам.
Горы, каких не видано:

Врата, столпы, палатки, повалуши —
Всё богаделанно.
На море на Байкале —
Цветенья благовонные и травы,
И птиц гораздо много: гуси да лебеди
По водам точно снег.
А рыбы в нем: и осетры, и таймени,
И омули, и нерпы, и зайцы великие.
И всё-то у Христа для человека наделано.
Его же дние в суете, как тень, проходят:
Он скачет, что козел,
Съесть хочет, яко змий,
Лукавствует, как бес,
И гневен, яко рысь.
Раздуется, что твой пузырь,
Ржет, как жребя, на красоту чужую,
Отлагает покаяние на старость,
А после исчезает.
Простите мне, никонианцы, что избранил вас,
Живите, как хотите.
Аз паче всех есмь грешен,
По весям еду, а в духе ликование,
А в русски грады приплыл —
Узнал о церкви — ничто не успевает,
И, опечалясь, седше, рассуждаю:
«Что сотворю: поведаю ли слово Божие,
Аль скроюся?
Жена и дети меня связали...»
А протопопица, меня печальна видя,
Приступи ко мне с опрятством и рече ми:
«Что, господине, опечалился?»
А я ей:
        «Что сотворю, жена?
Зима ведь на дворе.
Молчать мне аль учить?
Связали вы меня...»
Она же мне:
                «Что ты, Петрович?
Аз тя с детьми благословляю:
Проповедай по-прежнему.
О нас же не тужи.
Силен Христос и не покинет нас.
Поди, поди, Петрович, обличай блудню их
Еретическую»...

10

Да, обличай блудню их еретическую...
А на Москву приехал —
Государь, бояра — все мне рады:
Как ангела приветствуют.
Государь меня к руке поставил:
«Здорово, протопоп, живешь?
Еще-де свидеться Бог повелел».
А я, супротив руку ему поцеловавши:
«Жив, говорю, Господь, жива душа моя.
А впредь, что Бог прикажет».
Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел,
Где надобе ему.
В подворье на Кремле велел меня поставить
Да проходя сам кланялся низенько:
«Благослови меня-де, и помолись о мне».
И шапку в иную пору — мурманку, — снимаючи,
Уронит с головы.
А все бояра — челом мне да челом.
Как мне царя того, бояр тех не жалеть?
Звали всё, чтоб в вере соединился с ними.
Да видят — не хочу, — так Государь велел
Уговорить меня, чтоб я молчал.
Так я его потешил —
Царь есть от Бога учинен и до меня добренек.
Пожаловал мне десять рублев,
Царица тоже,
А Федор Ртищев — дружище наше старое —
Тот шестьдесят рублев
Велел мне в шапку положить.
Всяк тащит да несет.
У Федосьи Прокофьевны Морозовой
И днюю и ночую —
Понеже дочь моя духовная.
Да к Ртищеву хожу
С отступниками спорить.

11

К Ртищеву ходил с отступниками спорить.
Вернулся раз домой зело печален,
Понеже много шумел в тот день.
А в доме у меня случилось неустройство:

Протопопица моя с вдовою домочадицей Фетиньей
Повздорила.
А я пришед обеих бил и оскорбил гораздо.
Тут бес вздивьял в Филиппе.
Филипп был бешеной — к стене прикован:
Жесток в нем бес сидел,
Да вовсе кроток стал молитвами моими,
А тут вдруг зачал цепь ломать —
На всех домашних ужас нападе.
Меня не слушает, да как ухватит —
И стал як паучину меня терзать,
А сам кричит:
«Попал мне в руки!»
Молитву говорю — не пользует молитва.
Так горько стало: бес надо мною волю взял.
Вижу — грешен: пусть бьет меня.
Маленько полежал и с совестью собрался.
Восстав, жену сыскал и земно кланялся:
«Прости меня, Настасья Марковна!»
Посем с Фетиньей такоже простился,
На землю лег и каждому велел
Меня бить плетью по спине
По окаянной.
А человек там было двадцать.
Жена и дети — все плачучи стегали.
А я ко всякому удару по молитве.
Когда же все отбили —
Бес, увидев ту неминучую беду,
Вон из Филиппа вышел.

А в тонцем сне возвещено мне было:
«По стольком по страданьи угаснуть хочешь?
Блюдися от меня — не то растерзан будешь».
Сам вижу: церковное ничто не успевает,
И паки заворчал,
Да написал Царю посланьице,
Чтоб он Святую Церковь от ереси оборонил.

12

Посланьице Царю, чтоб он Святую Церковь
От ереси оборонил:
«Царь-Государь, наш свет!
Твой богомолец в Даурех мученой
Бьет тебе челом.

Во многих живучи смертях,
Из многих заключений восставши, как из гроба,
Я чаял дома тишину найти,
А вижу церковь смущенну паче прежнего.
Угасли древние лампады,
Замутился Рим, и пал Царьград,
Лутари, Гусяти и Колвинцы
Тело Церкви честное раздирали,
В Галлии — земле вечерней,
В граде во Парисе,
В училище Соборном
Блазнились прелестью, что зрит на круг небесный,
Достигши разумом небесной тверди
И звездные теченья разумея.
Только Русь, облистанная светом
Благости, цвела как вертоград,
Паче мудрости любя простыню.
Как на небе грозди светлых звезд
По лицу Руси сияли храмы,
Города стояли на мощах,
Да Москва пылала светом веры.
А нынче вижу: ересь на Москву пришла —
Нарядна — в царской багрянице ездит,
Из чаши потчует;
И царство Римское и Польское,
И многие другие реши упоила
Да и на Русь приехала.
Церковь — православна,
А догматы церковны — от Никона еретика.
Многие его боятся — Никона,
Да, на Бога уповая, — я не боюсь его,
Понеже мерзок он пред Богом — Никон.
Задумал адов пес:
«Арсен, печатай книги — как-нибудь,
Да только не по-старому».
Так су и сделал.
Ты ж простотой души своей
От внутреннего волка книги приял,
Их чая православными.
Никонианский дух — Антихристов есть дух!

Как до нас положено отцами —
Так лежи оно во век веков!
Горе нам! Едина точка
Смущает богословию,

Единой буквой ересь вводится.
Не токмо лишь святые книги изменили,
Но вещи и пословицы, обычаи и ризы:
Исуса бо глаголят Иисусом,
Николу Чудотворца — Николаем,
Спасов образ пишут:
Лице — одутловато,
Уста — червонные, власы — кудрявы,
Брюхат и толст, как немчин учинен —
Только сабли при бедре не писано.
Еще злохитрый Дьявол
Из бездны вывел — мнихи:
Имеющие образ любодейный,
Подклейки женские и клобуки рогаты;
Расчешут волосы, чтоб бабы их любили,
По титькам препояшутся, что женка брюхатая —
Ребенка в брюхе не извредить бы;
А в брюхе у него не меньше ребенка бабьего
Накладено еды той:
Мигдальных ягод, ренскова,
И романей, и водок, процеженных вином.

Не челобитьем тебе реку,
Не похвалой глаголю,
А истину несу:
Некому тебе ведь извещать,
Как строится твоя держава.
Вем, яко скорбно от докуки нашей,
Тебе, о Государь!
Да нам не сладко,
Когда ломают ребра, кнутьем мучат,
Да жгут огнем, да голодом томят.
Ведаю я разум твой:
Умеешь говорить ты языками многими.
Да что в том прибыли?
Ведь ты, Михайлович, русак — не грек.
Вздохни-ка ты по-старому — по-русски:
«Господи, помилуй мя грешного!»
А «Кирие-элейсон» ты оставь.
Возьми-ка ты никониан, латынников, жидов
Да пережги их — псов паршивых,
А нас природных — своих-то, распусти —
И будет хорошо.
Царь христианской, миленькой ты наш!»

13

Царь христианской миленькой-то наш
Стал на меня с тех пор кручиновати.
Не любо им, что начал говорить,
А любо, коль молчу.
Да мне так не сошлось.
А власти, что козлы, — все пырскать стали.
Был от Царя мне выговор:
«Поедь-де в ссылку снова».
Учали вновь возить
По тюрьмам да по монастырям.
А сами просят:
«Долго ль мучать нас тебе?
Соединись-ка с нами, Аввакумушка!»
А я их — зверей пестрообразных — обличаю,
Да вере истинной народ учу.
Опять в Москву свезли, —
В соборном храме стригли:
Обгрызли, что собаки, и бороду обрезали,
Да бросили в тюрьму.
Потом приволокли
На суд Вселенских Патриархов.
И наши тут же — сидят, что лисы.
Говорят: «Упрям ты:
Вся-де Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи,
И Римляне, и Ляхи, — все крестятся тремя персты».
А я им:
«Учители вселенстии!
Рим давно упал, и Ляхи с ним погибли.
У вас же православие пестро
С насилия турецкого.
Впредь сами к нам учиться приезжайте!»
Тут наши все завыли, что волчата, —
Бить бросились...
И Патриархи с ними:
Великое Антихристово войско!
А я им:
«Убивши человека,
Как литоргисать будете?»
Они и сели.
Я ж отошел к дверям да на бок повалился:
Вы посидите, а я, мол, полежу.
Они смеются:

Дурак-де протопоп — не почитает Патриархов.
А я их словами Апостола:
«Мы ведь — уроды Христа ради:
Вы славны, мы — бесчестны,
Вы сильны, мы же — немощны».

14

Вы — сильны, мы же — немощны.
Боярыню Морозову с сестрой —
Княгиней Урусовой — детей моих духовных
Разорили и в Боровске в темницу закопали.
Ту с мужем развели, у этой сына уморили.
Федосья Прокофьевна, боярыня, увы!
Твой сын плотской, а мой духовный,
Как злак посечен:
Уж некого тебе погладить по головке,
Ни четками в науку постегать,
Ни посмотреть, как на лошадке ездит.
Да ты не больно кручинься-то:
Христос добро изволил,
Мы сами-то не вем, как доберемся,
А они на небе у Христа ликовствуют
С Федором — с удавленным моим.
Федор-то — юродивый покойник —
Пять лет в одной рубахе на морозе
И гол и бос ходил.
Как из Сибири ехал — ко мне пришел.
Псалтырь печатей новых был у него —
Не знал о новизнах.
А как сказал ему — в печь бросил книгу.
У Федора зело был подвиг крепок:
Весь день юродствует, а ночью на молитве.
В Москве, как вместе жили, —
Неможется, лежу, — а он стыдит:
«Долго ль лежать тебе? И как сорома нет?
Встань, миленькой!»
Вытащит, посадит, прикажет молитвы говорить,
А сам-то бьет поклоны за меня.
То-то был мне друг сердечный!
Хорош и Афанасьюшка — другой мой сын духовный,
Да в подвиге маленько покороче.
Отступники его на углях испекли:
Что сладок хлеб принесся Пречистой Троице!
Ивана — князя Хованского — избили батогами

И, как Исаию, огнем сожгли.
Двоих родных сынов — Ивана и Прокофья —
Повесить приказали;
Они ж не догадались
Венцов победных ухватить,
Сплошали — повинились.
Так вместе с матерью их в землю закопали:
Вот вам — без смерти смерть.
У Лазаря священника отсекли руку,
А она-то отсечена и лежа на земле
Сама сложила пальцы двуперстием.
Чудно сие:
Бездушная одушевленных обличает.
У схимника — у старца Епифания
Язык отрезали.
Ему ж Пречистая в уста вложила новый:
Бог — старый чудотворец —
Допустит пострадать и паки исцелит.
И прочих наших на Москве пекли и жарили.
Чудно! Огнем, кнутом да виселицей
Веру желают утвердить.
Которые учили так — не знаю,
А мой Христос не так велел учить.
Выпросил у Бога светлую Россию сатана —
Да очервленит ю
Кровью мученической.
Добро ты, Дьявол, выдумал —
И нам то любо:
Ради Христа страданьем пострадати.

15

Ради Христа страданьем пострадати
Мне не судил еще Господь:
Царица стояла за меня — от казни отпросила.
Так, братию казня, меня ж не тронув,
Сослали в Пустозерье
И в срубе там под землю закопали:
Как есть мертвец —
Живой похороненной.

И было на Страстной со мною чудо:
Распространился мой язык
И был зело велик,
И зубы тоже,

Потом стал весь широк —
По всей земле под небесем пространен,
А после небо, землю и тварей всех
Господь в меня вместил.
Не диво ли: в темницу заключен,
А мне Господь и небо и землю покорил?
Есмь мал и наг,
А более вселенной.
Есмь кал и грязь,
А сам горю, как солнце.
Э, милые, да если б Богу угодно было
Душу у каждого разоблачить от пепела,
Так вся земля растаяла б,
Что воск, в единую минуту.
Задумали добро:
Двенадцать лет
Закопанным в земле меня держали;
Думали — погасну,
А я молитвами да бденьями свечу
На весь крещеный мир.
От света земного заперли,
Да свет небесный замкнуть не догадались.

Двенадцать лет не видел я ни солнца,
Ни неба синего, ни снега, ни деревьев, —
А вывели казнить —
Смотрю, дивлюсь:
Черно и пепельно, сине, красно и бело,
И красоты той
Ум человеческий вместить не может!

Построен сруб — соломою накладен:
Корабль мой огненный —
На родину мне ехать.
Как стал ногой —
Почуял: вот отчалю!
И ждать не стал —
Сам подпалил свечой.
Святая Троица! Христос мой миленькой!
Обратно к Вам в Иерусалим небесный!
Родясь — погас,
Да снова разгорелся!

19 мая 1918
Коктебель

V. ЛИЧИНЫ

246. КРАСНОГВАРДЕЕЦ

(1917)

Скакать на красном параде
С кокардой на голове
В расплавленном Петрограде,
В революционной Москве.

В бреду и в хмельном азарте
Отдаться лихой игре,
Стоять за Родзянку в марте,
За большевиков в октябре.

Толпиться по коридорам
Таврического дворца,
Не видя буржуйным спорам
Ни выхода, ни конца.

Оборотиться к собранью,
Рукою поправить ус,
Хлестнуть площадною бранью,
На ухо заломив картуз.

И, показавшись толковым,—
Ввиду особых заслуг
Быть посланным с Муравьевым
Для пропаганды на юг.

Идти запущенным садом.
Щупать замок штыком.
Высаживать дверь прикладом.
Толпою врываться в дом.

У бочек выломав днища,
В подвал выпускать вино,
Потом подпалить горище
Да выбить плечом окно.

В Раздельной, под Красным Рогом
Громить поместья и прочь

В степях по грязным дорогам
Скакать в осеннюю ночь.

Забравши весь хлеб, о «свободах»
Размазывать мужикам.
Искать лошадей в комодах
Да пушек по коробкам.

Палить из пулеметов:
Кто? С кем? Да не всё ль равно?
Петлюра, Григорьев, Котов,
Таранов или Махно...

Слоняться буйной оравой.
Стать всем своим невтерпеж.
И умереть под канавой
Расстрелянным за грабеж.

16 июня 1919
Коктебель

247. МАТРОС

(1918)

Широколиц, скуласт, угрюм,
Голос осиплый, тяжкодум,
В кармане — браунинг и напилок,
Взгляд мутный, злой, как у дворняг,
Фуражка с лентою «Варяг»,
Сдвинутая на затылок.
Татуированный дракон
Под синей форменной рубашкой,
Браслеты, в перстне кабошон,
И красный бант с алмазной пряжкой.
При Керенском, как прочий флот,
Он был правительству оплот,
И Баткин был его оратор,
Его герой — Колчак. Когда ж
Весь черноморский экипаж
Сорвал приезжий агитатор,
Он стал большевиком, и сам
На мушку брал да ставил к стенке,
Топил, устраивал застенки,
Ходил к кавказским берегам
С «Пронзительным» и с «Фидониси»,
Ругал царя, грозил Алисе;

Входя на миноноске в порт,
Кидал небрежно через борт:
«Ну как? Буржуи ваши живы?»
Устроить был всегда непрочь
Варфоломеевскую ночь,
Громил дома, ища поживы,
Грабил награбленное, пил,
Швыряя керенки без счета,
И вместе с Саблиным топил
Последние остатки флота.

Так целый год прошел в бреду.
Теперь, вернувшись в Севастополь,
Он носит красную звезду
И, глядя вдаль на пыльный тополь,
На Инкерманский известняк,
На мертвый флот, на красный флаг,
На илистые водоросли
Судов, лежащих на боку,
Угрюмо цедит земляку:
«Возьмем Париж... весь мир... а после
Передадимся Колчаку«.

14 июня 1919
Коктебель

248. БОЛЬШЕВИК
(1918)

Памяти Барсова

Зверь зверем. С крученкой во рту.
За поясом два пистолета.
Был председателем «Совета»,
А раньше грузчиком в порту.

Когда матросы предлагали
Устроить к завтрашнему дню
Буржуев общую резню
И в город пушки направляли, —

Всем обращавшимся к нему
Он заявлял спокойно волю:
— «Буржуй здесь мой, и никому
Чужим их резать не позволю».

Гроза прошла на этот раз:
В нем было чувство человечье —
Как стадо он буржуев пас:
Хранил, но стриг руно овечье.

Когда же вражеская рать
Сдавила юг в германских кольцах,
Он убежал. Потом опять
Вернулся в Крым при добровольцах.

Был арестован. Целый год
Сидел в тюрьме без обвиненья
И наскоро «внесен в расход»
За два часа до отступленья.

25 августа 1919
Коктебель

249. ФЕОДОСИЯ

(1918)

Сей древний град — богоспасаем
(Ему же имя «Богом дан») —
В те дни был социальным раем.
Из дальних черноморских стран
Солдаты навезли товару
И бойко продавали тут
Орехи — сто рублей за пуд,
Турчанок — пятьдесят за пару —
На том же рынке, где рабов
Славянских продавал татарин.
Наш мир культурой не состарен,
И торг рабами вечно нов.
Хмельные от лихой свободы
В те дни спасались здесь народы:
Затравленные пароходы
Врывались в порт, тушили свет,
Толкались в пристань, швартовались,
Спускали сходни, разгружались
И шли захватывать «Совет».
Мелькали бурки и халаты,
И пулеметы и штыки,
Румынские большевики
И трапезундские солдаты,

«Семерки», «Тройки», «Румчерод»,
И «Центрослух», и «Центрофлот»,
Толпы одесских анархистов,
И анархистов-коммунистов,
И анархистов-террористов:
Специалистов из громил.
В те дни понятья так смешались,
Что Господа буржуй молил,
Чтобы у власти продержались
Остатки большевицких сил.
В те дни пришел сюда посольством
Турецкий крейсер, и Совет
С широким русским хлебосольством
Дал политический банкет.
Сменял оратора оратор.
Красноречивый агитатор
Приветствовал, как брата брат,
Турецкий пролетариат,
И каждый с пафосом трибуна
Свой тост эффектно заключал:
— «Итак: да здравствует Коммуна
И Третий Интернационал!»
Оратор клал на стол окурок...
Тогда вставал почтенный турок —
В мундире, в феске, в орденах —
И отвечал в таких словах:
—«Я вижу... слышу... помнить стану...
И обо всем, что видел, — сам
С отменным чувством передам
Его Величеству — Султану».

24 августа 1919
Коктебель

250. БУРЖУЙ

(1919)

Буржуя не было, но в нем была потребность:
Для революции необходим капиталист,
Чтоб одолеть его во имя пролетариата.

Его слепили наскоро: из лавочников, из купцов,
Помещиков, кадет и акушерок.

Его смешали с кровью офицеров,
Прожгли, сплавили в застенках Чрезвычаек,
Гражданская война дохнула в его уста...
Тогда он сам поверил в свое существованье
И начал быть.

Но бытие его сомнительно и призрачно,
Душа же негативна.
Из человечьих чувств ему доступны три:
Страх, жадность, ненависть.

Он воплощался на бегу
Меж Киевом, Одессой и Ростовом.
Сюда бежал он под защиту добровольцев,
Чья армия возникла лишь затем,
Чтоб защищать его.
Он ускользнул от всех ее наборов —
Зато стал сам героем, как они.

Из всех военных качеств он усвоил
Себе одно: спасаться от врагов.
И сделался жесток и беспощаден.

Он не может без гнева видеть
Предателей, что не бежали за границу
И, чтоб спасти какие-то лоскутья
Погибшей родины,
Пошли к большевикам на службу:
«Тем хуже, что они предотвращали
Убийства и спасали ценности культуры:
Они им помешали себя ославить до конца,
И жаль, что их самих еще не расстреляли».

Так мыслит каждый сознательный буржуй.
А те из них, что любят русское искусство,
Прибавляют, что, взяв Москву, они повесят сами
Максима Горького
И расстреляют Блока.

17 августа 1919
Коктебель

251. СПЕКУЛЯНТ

(1919)

Кишмя кишеть в кафе у Робина,
Шнырять в Ростове, шмыгать по Одессе,
Кипеть на всех путях, вползать сквозь все затворы,
Менять все облики,
Все масти, все оттенки,
Быть торговцем, попом и офицером,
То русским, то германцем, то евреем,
При всех режимах быть неистребимым,
Всепроникающим, всеядным, вездесущим,
Жонглировать то совестью, то ситцем,
То спичками, то родиной, то мылом,
Творить известья, зажигать пожары,
Бунты и паники; одним прикосновеньем
Удорожать в четыре, в сорок, во сто,
Пускать под небо цены, как ракеты,
Сделать в три дня неуловимым,
Неосязаемым тучнейший урожай,
Владеть всей властью магии:
Играть на бирже
Землей и воздухом, водою и огнем;
Осуществить мечту о превращеньи
Веществ, страстей, программ, событий, слухов
В золото, а золото — в бумажки,
И замести страну их пестрою метелью,
Рождать из тучи град золотых монет,
Россию превратить в быка,
Везущего Европу по Босфору,
Осуществить воочью
Все россказни былых метаморфоз,
Все таинства божественных мистерий,
Пресуществлять за трапезой вино и хлеб
Мильонами пудов и тысячами бочек —
В озера крови, в груды смрадной плоти,
В два года распродать империю,
Замызгать, заплевать, загадить, опозорить,
Кишеть, как червь, в ее разверстом теле,
И расползтись, оставив в поле кости
Сухие, мертвые, ошмыганные ветром.

16 августа 1919
Коктебель

VI. УСОБИЦА

252. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.

Другие — из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других — лишенных всех корней —
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Всё золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям

Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптанных жнитв.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

21 ноября 1919
Коктебель

253. ПЛАВАНЬЕ

(ОДЕССА — АК-МЕЧЕТЬ. 10 — 15 МАЯ)

Посв. Т. Цемах

Мы пятый день плывем, не опуская
Поднятых парусов,
Ночуя в устьях рек, в лиманах, в лукоморьях,
Где полная луна цветет по вечерам.

Днем ветер гонит нас вдоль плоских,
Пустынных отмелей, кипящих белой пеной.
С кормы возвышенной, держась за руль резной,
Я вижу,
Как пляшет палуба,
Как влажною парчою
Сверкают груды вод, а дальше —

Сквозь переплет снастей — пустынный окоем.
Плеск срезанной волны,
Тугие скрипы мачты,
Журчанье под кормой
И неподвижный парус...

А сзади — город,
Весь в красном исступленьи
Расплесканных знамен,
Весь воспаленный гневами и страхом,
Ознобом слухов, дрожью ожиданий,
Томимый голодом, поветриями, кровью,
Где поздняя весна скользит украдкой
В прозрачном кружеве акаций и цветов.

А здесь безветрие, безмолвие, бездонность...
И небо и вода — две створы
Одной жемчужницы.
В лучистых паутинах застыло солнце.
Корабль повис в пространствах облачных,
В сиянии притупленном и дымном.

Вон виден берег твоей земли —
Иссушенной, полынной, каменистой,
Усталой быть распутьем народов и племен.

Тебя свидетелем безумий их поставлю
И проведу тропою лезвииной
Сквозь пламена войны
Братоубийственной, напрасной, безысходной,
Чтоб ты пронес в себе великое молчанье
Закатного, мерцающего моря.

12 июня 1919
Коктебель

254. БЕГСТВО

Посв. матросам М., В., Б.

Кто верит в жизнь, тот верит чуду
И счастье сам в себе несет...
Товарищи, я не забуду
Наш черноморский переход!

Одесский порт, баркасы, боты,
Фелюк пузатые борта,
Снастей живая теснота:
Канаты, мачты, стеньги, шкоты...

Раскраску пестрых их боков,
Линялых, выеденных солью
И солнцем выжженных тонов,
Привыкших к водному раздолью.

Якорь, опертый на бизань, —
Бурый, с клешнями, как у раков,
Покинутая Березань,
Полуразрушенный Очаков.

Уж видно Тендрову косу
И скрылись черни рощ Кинбурна...
Крепчает ветер, дышит бурно
И треплет кливер на носу.

То было в дни, когда над морем
Господствовал французский флот
И к Крыму из Одессы ход
Для мореходов был затворен.

К нам миноносец подбегал,
Опрашивал, смотрел бумагу...
Я — буржуа изображал,
А вы — рыбацкую ватагу.

Когда нас быстрый пулемет
Хлестнул в заливе Ак-Мечети,
Как помню я минуты эти
И вашей ругани полет!

Потом поместья Воронцовых
И ночью резвый бег коней
Среди гниющих Сивашей,
В снегах равнин солончаковых.

Мел белых хижин под луной,
Над дальним морем блеск волшебный,
Степных угодий запах хлебный —
Коровий, влажный и парной.

И русые при первом свете
Поля... И на краю полей
Евпаторийские мечети
И мачты пленных кораблей.

17 июня 1919
Коктебель

255. СЕВЕРОВОСТОК

(1920)

«Да будет благословен приход твой,
Бич Бога, которому я служу, и не мне
останавливать тебя».

Слова св. Лу, архиепископа Турского,
обращенные к Атилле

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль — на северо-восток.
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России —
Страшная безумная судьба.

В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,

Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.
Ныне ль, даве ль — всё одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.

Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток
И не замкнут список палачей,
Бред Разведок, ужас Чрезвычаек —
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами —
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганный наш храм, —

Нам ли весить замысел Господний?
Всё поймем, всё вынесем, любя, —
Жгучий ветр полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.

31 июля 1920
Коктебель

256. БОЙНЯ

(ФЕОДОСИЯ, ДЕКАБРЬ 1920)

Отчего, встречаясь, бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?

Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахивают ворота?
Сегодня сколько? полтораста? сто?

Куда их гонят вдоль черных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвет и крутит восточный ветер,
И жжет, и режет, и бьет плетьми!

Отчего за Чумной, по дороге к свалкам
Брошен скомканный кружевной платок?
Зачем уронен клочок бумаги?
Перчатка, нательный крестик, чулок?

Чье имя написано карандашом на камне?
Что нацарапано гвоздем на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?
Почему так сразу стихли шаги?

Что хлестнуло во мраке так резко и четко?
Что делали торопливо и молча потом?
Зачем, уходя, затянули песню?
Кто стонал так долго, а после стих?

Чье ухо вслушивалось в шорохи ночи?
Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чья-нибудь дверь перед ним?

Отчего пред рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за Карантином:
— «Носят ведрами спелые грозды,
Валят ягоды в глубокий ров.

Ах, не грозды носят — юношей гонят
К черному точилу, давят вино,
Пулеметом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дна.

Уж до края полно давило кровью,
Зачервленели терновник и полынь кругом.
Прохватит морозом свежие грозды,
Зажелтеет плоть, заиндевеют волоса».

Кто у часовни Ильи-Пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
— «Не реви — собакам собачья смерть!»

А она не уходит, а всё плачет и плачет
И отвечает солдату, глядя в глаза:
— «Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...»

18 июля 1921
Коктебель

257. ТЕРРОР

Собирались на работу ночью. Читали
    Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
    Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
    Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
    Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
    Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
    Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
    По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
    За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
    Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
    Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
    Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
    Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались к тем же оврагам
    Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
    Целовали милую плоть.

26 апреля 1921
Симферополь

258. КРАСНАЯ ПАСХА

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулеметы,
Свистя, как бич, по мясу обнаженных
Мужских и женских тел.
                                        Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.
Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали точно свечи.
Фиалки пахли гнилью. Ландыш — тленьем.
Стволы дерев, обглоданных конями

Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом.
А души вырванных
Насильственно из жизни вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу...

Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

21 апреля 1921
Симферополь

259. ТЕРМИНОЛОГИЯ

«Брали на мушку», «ставили к стенке»,
«Списывали в расход» —
Так изменялись из года в год
Речи и быта оттенки.
«Хлопнуть», «угробить», «отправить на шлёпку»,
«К Духонину в штаб», «разменять» —
Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.
Правду выпытывали из-под ногтей,
В шею вставляли фугасы,
«Шили погоны», «кроили лампасы»,
«Делали однорогих чертей».
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, классы, народы.
Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластанным с пулей в затылке
И со штыком в животе.

29 апреля 1921
Симферополь

260. ГОЛОД

Хлеб от земли, а голод от людей:
Засеяли расстрелянными — всходы
Могильными крестами проросли:
Земля иных побегов не взрастила.
Снедь прятали, скупали, отымали,
Налоги брали хлебом, отбирали
Домашний скот, посевное зерно:
Крестьяне сеять выезжали ночью.

Голодные и поползни червями
По осени вдоль улиц поползли.
Толпа на хлеб палилась по базарам.
Вора валили на землю и били
Ногами по лицу. А он краюху,
В грязь пряча голову, старался заглотнуть.
Как в воробьев, стреляли по мальчишкам,
Сбиравшим просыпь зерен на путях,
И угличские отроки валялись
С орешками в окоченелой горстке.

Землю тошнило трупами, — лежали
На улицах, смердели у мертвецких,
В разверстых ямах гнили на кладбищах.
В оврагах и по свалкам костяки
С обрезанною мякотью валялись.
Глодали псы оторванные руки
И головы. На рынке торговали
Дешевым студнем, тошной колбасой.
Баранина была в продаже — триста,
А человечина — по сорока.
Душа была давно дешевле мяса.
И матери, зарезавши детей,
Засаливали впрок. «Сама родила —
Сама и съем. Еще других рожу»...

Голодные любились и рожали
Багровые орущие куски
Бессмысленного мяса: без суставов,
Без пола и без глаз. Из смрада — язвы,
Из ужаса поветрия рождались.
Но бред больных был менее безумен,
Чем обыденщина постелей и котлов.

Когда ж сквозь зимний сумрак закурилась
Над человечьим гноищем весна

И пламя побежало язычками
Вширь по полям и ввысь по голым прутьям, —
Благоуханье показалось оскорбленьем,
Луч солнца — издевательством, цветы — кощунством.

13 января 1923
Коктебель

261. НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

Памяти А. Блока и Н. Гумилева

С каждым днем всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветр, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

12 января 1922
Коктебель

262. ГОТОВНОСТЬ

Посв. С. Дурылину

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
Господи! Вот плоть моя».

24 октября 1921
Феодосия

263. ПОТОМКАМ

(ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРА)

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письмена.
Но, может быть, благоговейно память
Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,

Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереди дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол;
Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом;
И долгом — месть.
Но мы не покорились:
Ослушники законов естества —
В себе самих укрыли наше солнце,
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей, мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость
О преосуществленьи человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней его последних судеб.

Далекие потомки наши, знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью
И человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти,
То в этом мире есть и наша доля!

21 мая 1921
Симферополь

VII. ВОЗНОШЕНИЯ

264. ПОСЕВ

Как земледел над грудой веских зерен,
Отобранных к осеннему посеву,
Склоняется, обеими руками
Зачерпывая их, и весит в горсти,
Чуя
Их дух, их теплоту и волю к жизни,
И крестит их, —
                                        так я, склонясь над Русью,
Крещу ее — от лба до поясницы,
От правого до левого плеча:
И, наклонясь, коленопреклоненно
Целую средоточье всех путей —
Москву.

Земля готова к озимому посеву,
И вдоль, и поперек глубоким плугом
Она разодрана, вся пахоть дважды, трижды
Железом перевернута,
Напитана рудой — живой, горючей, темной,
Полита молоньей, скорожена громами,
Пшеница ядрена под Божьими цепами,
Зернь переполнена тяжелой, дремной жизнью,
И семя светится голубоватым, тонким,
Струистым пламенем...

Да будет горсть полна,
Рука щедра в размахе
И крепок сеятель!
Благослови посев свой, Иисусе!

11 ноября 1919
Коктебель

265. ЗАКЛИНАНИЕ

(ОТ УСОБИЦ)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,

Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

19 июня 1920
Коктебель

266. МОЛИТВА О ГОРОДЕ

(ФЕОДОСИЯ — ВЕСНОЙ 1918 Г.)

С. А. Толузакову

И скуден, и неукрашен
  Мой древний град
В венце генуэзских башен,
  В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
  Хранящих герб
То дожей, то крымских ханов —
  Звезду и серп;
Под сенью тощих акаций
  И тополей,
Средь пыльных галлюцинаций
  Седых камней,
В стенах церквей и мечетей
  Давно храня
Глухой перегар столетий
  И вкус огня;
А в складках холмов охряных —
  Великий сон:
Могильники безымянных
  Степных племен;
А дальше — зыбь горизонта
  И пенный вал

Негостеприимного Понта
У желтых скал.

Войны, мятежей, свободы
Дул ураган;
В сраженьях гибли народы
Далеких стран;
Шатался и пал великий
Имперский столп;
Росли, приближаясь, клики
Взметенных толп;
Суда бороздили воды,
И борт о борт
Заржавленные пароходы
Врывались в порт;
На берег сбегали люди,
Был слышен треск
Винтовок и гул орудий,
И крик, и плеск,
Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого-то
Перед зарей.

Блуждая по перекресткам,
Я жил и гас
В безумьи и в блеске жестком
Враждебных глаз;
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок, и руку
Хотел заклясть.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыть своею любовью,
Кольцом молитв,
Собрать тоску и огонь их
И вознести
На распростертых ладонях:
Пойми... прости!

2 июня 1918
Коктебель

267. ВИДЕНИЕ ИЕЗЕКИИЛЯ

Бог наш есть огнь поядающий. Твари
Явлен был свет на реке на Ховаре.
В буре клубящейся двигался он —
Облак, несомый верховными силами —
Четверорукими, шестерокрылыми,
С бычьими, птичьими и человечьими,
Львиными ликами с разных сторон.
Видом они точно угли горящие,
Ноги прямые и медью блестящие,
Лики, как свет раскаленных лампад,
И вопиющие, и говорящие,
И воззывающе к Господу: «Свят!
Свят! Вседержитель!» А около разные,
Цветом похожи на камень топаз,
Вихри и диски, колеса алмазные,
Дымные ободы, полные глаз.
А над животными — легкими сводами —
Крылья, простертые в высоту,
Схожие шумом с гудящими водами,
Переполняющими пустоту.
Выше же вышних, над сводом всемирным,
Тонким и синим повитым огнем,
В радужной славе, на троне сапфирном,
Огненный облик, гремящий, как гром.
Был я покрыт налетевшей грозою,
Бурею крыльев и вихрем колес.
Ветр меня поднял с земли и вознес...
Был ко мне голос:
«Иди предо Мною —
В землю Мою, возвестить ей позор!
Перед лицом Моим — ветер пустыни,
А по стопам Моим — язва и мор!
Буду судиться с тобою Я ныне.

Мать родила тебя ночью в полях,
Пуп не обрезала и не омыла,
И не осолила и не повила,
Бросила дочь на попрание в прах...
Я ж тебе молвил: живи во кровях!
Выросла смуглой и стройной, как колос,
Грудь поднялась, закурчавился волос,

И округлился, как чаша, живот...
Время любви твоей было... И вот
В полдень лежала ты в поле нагая,
И проходил и увидел тебя Я,
Край моих риз над тобою простер,
Обнял, омыл твою кровь, и с тех пор
Я сочетался с рабою Моею.
Дал тебе плат, кисею на лицо,
Перстни для рук, ожерелье на шею,
На уши серьги, в ноздри кольцо,
Пояс, запястья, венец драгоценный
И покрывала из тканей сквозных...
Стала краса твоя совершенной
В великолепных уборах Моих.
Хлебом пшеничным, елеем и медом
Я ль не вскормил тебя щедрой рукой?
Дальним известна ты стала народам
Необычайною красотой.
Но, упоенная славой и властью,
Стала мечтать о красивых мужах
И распалялась нечистою страстью
К изображениям на стенах.
Между соседей рождая усобья,
Стала распутной — ловка и хитра,
Ты сотворяла мужские подобья —
Знаки из золота и серебра.
Строила вышки, скликала прохожих
И блудодеяла с ними на ложах,
На перекрестках путей и дорог,
Ноги раскидывала перед ними,
Каждый, придя, оголить тебя мог
И насладиться сосцами твоими.
Буду судиться с тобой до конца:
Гнев изолью, истощу свою ярость,
Семя сотру, прокляну твою старость,
От Моего не укрыться лица!
Всех созову, что блудили с тобою,
Платье сорву и оставлю нагою,
И обнажу перед всеми твой срам,
Темя обрею; связавши ремнями,
В руки любовников прежних предам,

Пусть тебя бьют, побивают камнями,
Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревнивой —
Так говорю тебе Я — твой Господь!»

21 января 1918
Коктебель

268. ИУДА-АПОСТОЛ

И когда приблизился праздник Пасхи,
В первый день опресноков в час вечерний
Он возлег за трапезу — с ним двенадцать
    В горнице чистой.
    Хлеб, преломивши, роздал:
«Это тело Мое, сегодня в жертву приносимое.
    Так творите».
А когда окончили ужин,
    Поднял Он чашу:
«Это кровь Моя, за вас проливаемая.
И рука прольющего между вами».
Спор возник между учениками:
    Кто из них больший?
    Он же говорит им:
«В этом мире цари первенствуют:
Вы же не так — кто больший, будет как меньший.
Завещаю вам Свое царство.
Сядете судить на двенадцать тронов,
Но одним из вас Я буду предан.
Так предназначено, но предателю горе!»
И в смущеньи ученики шептали: «Не я ли?»
Он же, в соль обмакнув кусок хлеба,
    Подал Иуде
И сказал: «Что делаешь — делай».
Тот же, съев кусок, тотчас же вышел:
Дух земли — Сатана — вошел в Иуду —
Вещий и скорбный.

Все двенадцать вина и хлеба вкусили,
Причастившись плоти и крови Христовой,
А один из них земле причастился
    Солью и хлебом.

И никто из одиннадцати не понял,
Что сказал Иисус,
Какой Он подвиг возложил на Иуду
    Горьким причастием.

Так размышлял однажды некий священник
Ночью в древнем соборе Парижской Богоматери
    И воскликнул:
    «Боже, верю глубоко,
Что Иуда — Твой самый старший и верный
Ученик, что он на себя принял
Бремя всех грехов и позора мира,
Что, когда Ты вернешься судить землю,
И померкнет солнце от Твоего гнева,
И сорвутся с неба в ужасе звезды,
Встанет он, как дымный уголь, из бездны,
Опаленный всею проказой мира,
    И сядет рядом с Тобою!
Дай мне знак, что так будет!»

В то же мгновенье
Сухие и властные пальцы
Легли ему на уста. И в них узнал он
    Руку Иуды

11 ноября 1919
Коктебель

269. СВЯТОЙ ФРАНЦИСК

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит, поет и причитает:

«Брат мой, Солнце! старшее из тварей,
Ты восходишь в славе и пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым,
Одеваешь землю пламенным покровом.

Брат мой, Месяц, и сестрички, звезды,
В небе Бог развесил вас, как грозды,
Братец ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.

Ты, водица, милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работящей и смиренной.

Брат огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка земля, ты нас питаешь
И для нас цветами расцветаешь.

Брат мой тело, ты меня одело,
Научило боли и смиренью, и терпенью,
А чтоб души наши не угасли,
Бог тебя болезнями украсил.

Смерть земная — всем сестра старшая,
Ты ко всем добра, и все смиренно
Чрез тебя проходят, будь благословенна!»

Вереницами к нему слетались птицы,
Стаями летали над кустами,
Легкокрылым кругом окружали,
Он же говорил им:

«Пташки-птички, милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
Оком множеств ваших не объемлю.
Вы в полях не сеете, не жнете,
Лишь клюете зерна да поете;
Бог вам крылья дал да вольный воздух,
Перьями одел и научил вить гнезда,
Вас в ковчеге приютил попарно:
Божьи птички, будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите, пойте и свистите!»

Приходили, прибегали, приползали
Чрез кусты, каменья и ограды
Звери кроткие и лютые и гады.
И, крестя их, говорил он волку:

«Брат мой волк, и въявь, и втихомолку
Убивал ты Божия творенья
Без Его на это разрешенья.
На тебя все ропщут, негодуя:
Помирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло тебя толкает голод.
Дай мне клятву от убийства воздержаться,
И тогда дела твои простятся.
Люди все твои злодейства позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И, как странникам, юродивым и нищим,
Каждый даст тебе и хлеб, и пищу.

Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпенью».

И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободенные ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.

23 ноября 1919
Коктебель

270. ЗАКЛЯТЬЕ О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота —
Утренними тропами,
Огненными стопами,
Во чисто поле
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,
Оглянусь на все четыре стороны:
На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племен,
На тридцать три царства —
На всю землю Свято-Русскую.

Не слыхать людей,
Не видать церквей,
Ни белых монастырей, —
Лежит Русь —
Разоренная,
Кровавленная, опаленная
По всему полю —
Дикому — Великому —
Кости сухие — пустые,
Мертвые — желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по полю железный Муж,
Бьет по костём
Железным жезлом:
«С четырех сторон,
С четырех ветров
Дохни, Дух!
Оживи кость!»

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит —
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается, —

Так —
        встань, Русь! подымись,
Оживи, соберись, срастись —
Царство к царству, племя к племени.

Кует кузнец золотой венец —
Обруч кованный:
Царство Русское
Собирать, сковать, заклепать
Крепко-накрепко,
Туго-натуго,
Чтоб оно — Царство Русское —
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось...

Чтобы мы его — Царство Русское —
В гульбе не разгуляли,
В плясне не расплясали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастне не расхвастали.

Чтоб оно — Царство Русское —
Рдело-зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли,
Жгучей пламени...
Слова замкну,
А ключи в Море-Океан опущу.

23 июля (5 августа) 1919
Коктебель

VIII

271. РОССИЯ

1

С Руси тянуло выстуженным ветром.
Над Карадагом сбились груды туч.
На берег опрокидывались волны,
Нечастые и тяжкие. Во сне,
Как тяжело больной, вздыхало море,
Ворочаясь со стоном. Этой ночью
Со дна души вздувалось, нагрубало
Мучительно-бесформенное чувство —
Безмерное и смутное — Россия...
Как будто бы во мне самом легла
Бескрайняя и тусклая равнина,
Белесою лоснящаяся тьмой,
Остуженная жгучими ветрами.
В молчании вился морозный прах:
Ни выстрелов, ни зарев, ни пожаров;
Мерцали солью топи Сиваша,
Да камыши шуршали на Кубани,
Да стыл Кронштадт... Украина и Дон,
Урал, Сибирь и Польша — всё молчало.
Лишь горький снег могилы заметал...
Но было так неизъяснимо томно,
Что старая всей пережитой кровью,
Усталая от ужаса душа
Всё вынесла бы — только не молчанье.

2

Я нес в себе — багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город,
Построенный на трупах, на костях
«Всея Руси» — во мраке финских топей,
Со шпилями церквей и кораблей,
С застенками подводных казематов,
С водой стоячей, вправленной в гранит,
С дворцами цвета пламени и мяса,
С белесоватым мороком ночей,

С алтарным камнем финских чернобогов,
Растоптанным копытами коня,
И с озаренным лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра.

В болотной мгле клубились клочья марев:
Российских дел неизжитые сны...

Царь, пьяным делом, вздернувши на дыбу,
Допрашивает Стрешнева: «Скажи —
Твой сын я, али нет?». А Стрешнев с дыбы:
«А черт тя знает, чей ты... много нас
У матушки-царицы переспало...»

В конклаве всешутейшего собора
На медведях, на свиньях, на козлах,
Задрав полы духовных облачений,
Царь, в чине протодьякона, ведет
По Петербургу машкерную одурь.

В кунсткамере хранится голова,
Как монстра, заспиртованная в банке,
Красавицы Марии Гамильтон...

В застенке Трубецкого равелина
Пытает царь царевича — и кровь
Засеченного льет по кнутовищу...

Стрелец в Москве у плахи говорит:
«Посторонись-ка, царь, мое здесь место».
Народ уж знает свычаи царей
И свой удел в строительстве империй.

Кровавый пар столбом стоит над Русью,
Топор Петра российский ломит бор
И вдаль ведет проспекты страшных просек,
Покамест сам великий дровосек
Не валится, удушенный рукою —
Водянки? иль предательства? как знать...
Но вздутая таинственная маска
С лица усопшего хранит следы
Не то петли, а может быть, подушки.

Зажатое в державном кулаке
Зверье Петра кидается на волю:
Царица из солдатских портомой,
Волк — Меншиков, стервятник — Ягужинский,
Лиса — Толстой, куница — Остерман —
Клыками рвут российское наследство.

Петр написал коснеющей рукой:
«Отдайте всё...» Судьба же дописала:
«...распутным бабам с хахалями их».

Елисавета с хохотом, без гнева
Развязному курьеру говорит:
«Не лапай, дуралей, не про тебя-де
Печь топится». А печи в те поры
Топились часто, истово и жарко
У цесаревен и императриц.
Российский двор стирает все различья
Блудилища, дворца и кабака.
Царицы коронуются на царство
По похоти гвардейских жеребцов,
Пять женщин распухают телесами
На целый век в длину и ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.
Ее гноят в острогах и в походах,
По Ладогам да по Рогервикам,
Голландскому и прусскому манеру
Туземцев учат шкипер и капрал.
Голштинский лоск сержант наводит палкой,
Курляндский конюх тычет сапогом;
Тупейный мастер завивает души;
Народ цивилизуют под плетьми
И обучают грамоте в застенке...
А в Петербурге крепость и дворец
Меняются жильцами, и кибитка
Кого-то мчит в Березов и в Пелым.

3

Минует век, и мрачная фигура
Встает над Русью: форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб,

И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век.
У ног ее до самых бурых далей
Нагих равнин — казарменный фасад
И каланча: ни зверя, ни растенья...
Земля судилась и осуждена.
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал как плац.
А надо всем солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.
Таким он был написан кистью Доу —
Земли российской первый коммунист —
Граф Алексей Андреич Аракчеев.

Он вырос в смраде гатчинских казарм,
Его познал, вознес и всхолил Павел.
«Дружку любезному» вставлял клистир
Державный мистик тою же рукою,
Что иступила посох Кузьмича
И сокрушила силу Бонапарта.
Его посев взлелял Николай,
Десятки лет удавьими глазами
Медузивший засеченную Русь.

Раздерганный и полоумный Павел
Собою открывает целый ряд
Наряженных в мундиры автоматов,
Штампованных по прусским образцам
(Знак: «Made in Germany» [1], клеймо: Романов).
Царь козыряет, делает развод,
Глаза пред фронтом пялит растопыркой
И пишет на полях: «Быть по сему».

А между тем от голода, от мора,
От поражений, как и от побед,
Россию прет и вширь, и ввысь — безмерно.
Ее сознание уходит в рост,
На мускулы, на поддержанье массы,
На крепкий тяж подпружных обручей.
Пять виселиц на Кронверкской куртине
Рифмуют на Семеновском плацу;
Волы в Тифлис волочат «Грибоеда»,

[1] Сделано в Германии (англ.). — *Ред.*

Отправленного на смерть в Тегеран;
Гроб Пушкина ссылают под конвоем
На розвальнях в опальный монастырь;
Над трупом Лермонтова царь: «Собаке —
Собачья смерть» — придворным говорит;
Промозглым утром бледный Достоевский
Горит свечой, всходя на эшафот...
И всё тесней, всё гуще этот список...

Закон самодержавия таков:
Чем царь добрей, тем больше льется крови.
А всех добрей был Николай Второй,
Зиявший непристойной пустотою
В сосредоточьи гения Петра.
Санкт-Петербург был скроен исполином,
Размах столицы был не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить —
И пляшет стол, и щелкает стена, —
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя:
Желвак От-Цу, Ходынка и Цусима,
Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...
Тень Александра Третьего из гроба
Заезжий вызывает некромант,
Царице примеряют от бесплодья
В Сарове чудотворные штаны.
Она, как немка, честно верит в мощи,
В юродивых и в преданный народ.
И вот со дна самой крестьянской гущи —
Из тех же недр, откуда Пугачев, —
Рыжебородый, с оморошным взглядом —
Идет Распутин в государев дом,
Чтоб честь двора, и церкви, и царицы
В грязь затоптать мужицким сапогом
И до низов ославить власть цареву.
И всё быстрей, всё круче чертогон...
В Юсуповском дворце на Мойке — Старец,
С отравленным пирожным в животе,
Простреленный, грозит убийце пальцем:
«Феликс, Феликс! царице всё скажу...»

Раздутая войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
И где-то на Урале средь лесов
Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений:
Царевич на руках царя, одна
Царевна мечется, подушкой прикрываясь,
Царица выпрямилась у стены...
Потом их жгут и зарывают пепел.
Всё кончено. Петровский замкнут круг.

4

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.
Не то мясник, а может быть, ваятель —
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты.
Строителю необходимо сручье:
Дворянство было первым Р.К.П. —
Опричниною, гвардией, жандармом,
И парником для ранних овощей.
Но, наскоро его стесавши, невод
Закинул Петр в морскую глубину.
Спустя сто лет иными рыбарями
На невский брег был вытащен улов.
В Петрову мрежь попался разночинец,
Оторванный от родовых корней,
Отстоянный в архивах канцелярий —
Ручной Дантон, домашний Робеспьер, —
Бесценный клад для революций сверху.
Но просвещенных принцев испугал
Неумолимый разум гильотины.
Монархия извергла из себя
Дворянский цвет при Александре Первом,
А семя разночинцев — при Втором.

Не в первый раз без толка расточали
Правители созревшие плоды:
Боярский сын — долбивший при Тишайшем
Вокабулы и вирши — при Петре
Служил царю армейским интендантом.
Отправленный в Голландию Петром
Учиться навигации, вернувшись,
Попал не в тон галантностям цариц.
Екатерининский вольтерианец
Свой праздный век в деревне пробрюзжал.
Ученики французских эмигрантов,
Детьми освобождавшие Париж,
Сгноили жизнь на каторге в Сибири...
Так шиворот-навыворот текла
Из рода в род разладица правлений.
Но ныне рознь таила смысл иной:
Отвергнутый царями разночинец
Унес с собой рабочий пыл Петра
И утаенный пламень революций:
Книголюбивый новиковский дух,
Горячку и озноб Виссариона.

От их корней пошел интеллигент.
Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто,
Сутулым, бледным, с рваною бородкой,
Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
Оттиснутым, как точный негатив,
По профилю самодержавья: шишка,
Где у того кулак, где штык — дыра,
На месте утвержденья — отрицанье,
Идеи, чувства — всё наоборот,
Всё «под углом гражданского протеста».
Он верил в Божие небытие,
В прогресс и в конституцию, в науку,
Он утверждал (свидетель — Соловьев),
Что «человек рожден от обезьяны,
А потому — нет большия любви,
Как положить свою за ближних душу».

Он был с рожденья отдан под надзор,
Посажен в крепость, заперт в Шлиссельбурге,

Судим, ссылаем, вешан и казним
На каторге — по Ленам да по Карам...
Почти сто лет он проносил в себе —
В сухой мякине — искру Прометея,
Собой вскормил и выносил огонь.

Но — пасынок, изгой самодержавья —
И кровь кровей, и кость его костей —
Он вместе с ним в циклоне революций
Размыкан был, растоптан и сожжен.
Судьбы его печальней нет в России.
И нам — вспоенным бурей этих лет —
Век не избыть в себе его обиды:
Гомункула, взращенного Петром
Из плесени в реторте Петербурга.

5

Все имена сменились на Руси.
(Политика — расклейка этикеток,
Назначенных, чтоб утаить состав),
Но логика и выводы всё те же:
Мы говорим: «Коммуна на земле
Немыслима вне роста капитала,
Индустрии и классовой борьбы.
Поэтому не Запад, а Россия
Зажжет собою мировой пожар».

До *Мартобря* (его предвидел Гоголь)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата:
Была земля, купцы да голытьба,
Чиновники, дворяне да крестьяне...
Да выли ветры, да орал сохой
Поля доисторический Микула...
Один поверил в то, что он буржуй,
Другой себя сознал, как пролетарий,
И почалась кровавая игра.
На всё нужна в России только вера:
Мы верили в двуперстие, в царя,
И в сон, и в чох, в распластанных лягушек,
В социализм и в интернацьонал.
Материалист ощупывал руками
Не вещество, а тень своей мечты;
Мы бредили, переломав машины,

Об электрофикации; среди
Стрельбы и голода — о социальном рае,
И ели человечью колбасу.
Политика была для нас раденьем,
Наука — духоборчеством, марксизм —
Догматикой, партийность — оскопленьем.
Вся наша революция была
Комком религиозной истерии:
В течение пятидесяти лет
Мы созерцали бедствия рабочих
На Западе с такою остротой,
Что приняли стигматы их распятий.
И наше достиженье в том, что мы
В бреду и корчах создали вакцину
От социальных революций: Запад
Переживет их вновь, и не одну,
Но выживет, не расточив культуры.

Есть дух Истории — безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли,
Что направлял топор и мысль Петра,
Что вынудил мужицкую Россию
За три столетья сделать перегон
От берегов Ливонских до Аляски.
И тот же дух ведет большевиков
Исконными народными путями.
Грядущее — извечный сон корней:
Во время революций водоверти
Со дна времен взмывают старый ил
И новизны рыгают стариною.
Мы не вольны в наследии отцов,
И, вопреки бичам идеологий,
Колеса вязнут в старой колее:
Неверы очищают православье
Гоненьями и вскрытием мощей,
Большевики отстраивают стены
На цоколях разбитого Кремля,
Социалисты разлагают рати,
Чтоб год спустя опять собрать в кулак.
И белые, и красные Россию
Плечом к плечу взрывают, как волы, —
В одном ярме — сохой междоусобья,
Москва сшивает снова лоскуты

Удельных царств, чтоб утвердить единство.
Истории потребен сгусток воль:
Партийность и программы — безразличны.

6

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья,
Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революций.

Крыжанич жаловался до Петра:
«Великое народное несчастье
Есть неумеренность во власти: мы
Ни в чем не знаем меры да средины,
Всё по краям да пропастям блуждаем,
И нет нигде такого безнарядья,
И власти нету более крутой».

Мы углубили рознь противоречий
За двести лет, что прожили с Петра:
При добродушьи русского народа,
При сказочном терпеньи мужика —
Никто не делал более кровавой —
И страшной революции, чем мы.
При всем упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв — никто
С такой хулой не потрошил святыни,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьев, —
Мы шли путем не их, а Смердякова —
Через Азефа, через Брестский мир.

В России нет сыновнего преемства
И нет ответственности за отцов.
Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены.
На дне души мы презираем Запад,
Но мы оттуда в поисках богов
Выкрадываем Гегелей и Марксов,
Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп,
Курить в их честь стираксою и серой
И головы рубить родным богам,

А год спустя — заморского болвана
Тащить к реке привязанным к хвосту.

Зато в нас есть бродило духа — совесть —
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, — рядом
С любым из европейцев — человек.

У нас в душе некошенные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, быльем да своевольем.
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлетами — Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии всё творчество России:
Европа шла культурою огня,
А мы в себе несем культуру взрыва.
Огню нужны — машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, —
Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда — тяж советских обручей
И тугоплавкость колб самодержавья.
Бакунину потребен Николай,
Как Петр — стрельцу, как Аввакуму — Никон.
Поэтому так непомерна Русь
И в своеволье, и в самодержавьи.
И нет истории темней, страшней,
Безумней, чем история России.

7

И этой ночью с напряженных плеч
Глухого Киммерийского вулкана
Я вижу изневоленную Русь
В волокнах расходящегося дыма,
Просвеченную заревом лампад —
Страданьями горящих о России...
И чувствую безмерную вину
Всея Руси — пред всеми и пред каждым.

6 февраля 1924
Коктебель

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ПУТЯМИ КАИНА

Трагедия материальной культуры

---

272. МЯТЕЖ

1

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.

2

Из вихрей и противоборств возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир, разумный и жестокий,
Был обречен природой на распад.

3

Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в «Я», и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье —
Творящий ритм мятежного огня.

4

Мир — лестница, по ступеням которой
Шел человек.

Мы осязаем то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды — шлаки плоти,
Перегоревшей в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножием,
И каждая ступень
Была восстаньем творческого духа.

5

Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж — безумие;
Законы природы — неизменны.
Но в борьбе за правду невозможного
Безумец —
Пресуществляет самого себя,
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени.
Зверь приноровлен к склонениям природы,
А человек упорно выгребает
Противу водопада, что несет
Вселенную
Обратно в древний хаос.
Он утверждает Бога мятежом,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий,
И его ваяло — смерть,
А глина — вихри собственного духа.

6

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком —
Опаснейшим и злейшим из зверей —
　　Безумным логикой
　　И одержимым верой.
　　　　　Разум
Есть творчество навыворот. И он
Вспять исследил все звенья мирозданья,
Разъял вселенную на вес и на число,
Пророс сознанием до недр природы,

Вник в вещество, впился, как паразит,
В хребет земли неугасимой болью,
К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в неимоверную работу:
Преобразил весь мир, но не себя,
И стал рабом своих же гнусных тварей.

7

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:
«Возвратитесь в стадо»,
Мятежнику:
«Пересоздай себя».

25 января 1923
Коктебель

273. ОГОНЬ

1

Плоть человека — свиток, на котором
Отмечены все даты бытия.

2

Как вехи, оставляя по дороге
Отставших братьев:
Птиц, зверей и рыб,
Путем огня он шел через природу.
Кровь — первый знак земного мятежа,
А знак второй —
Раздутый ветром факел.

3

В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.

Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод —
Живую кровь, струящуюся в жилах.

4

Чудовищные твари размножались
На отмелях.
Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил
Обличия и формы.
Человек
Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке.

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец — невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав...
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женщина — блюстительница пепла —
Из древней самки выявила лики

Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага, —
Пещера стала храмом,
Трапеза — таинством,
Огнище — алтарем,
Домашний обиход — богослуженьем.
И человечество питалось
И плодилось
Пред оком грозного
Взыскующего Бога,
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.

7

Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек
Построил кровлю над гнездом Жар-птицы,
И под напевы огненных Ригвед
Праманта — пестик в деревянной лунке,
Вращавшийся на жильной тетиве,
Стал знаком своеволья —
Прометеем.
И человек сознал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти.

26 января 1923
Коктебель

274. МАГИЯ

1

На отмели незнаемого моря
Синбад-скиталец подобрал бутылку,
Заклепанную
Соломоновой печатью,
И, вскрыв ее, внезапно впал во власть
В ней замкнутого яростного Джина.
Освободить и разнуздать не трудно
Неведомые дремлющие воли:
Трудней заставить их себе повиноваться.

2

Когда непробужденный человек
Еще сосал от сна благой природы
И радужные грезы застилали
Видения дневного мира, пахарь
Зажмуривал глаза, чтоб не увидеть
Перебегающего поле фавна,
А на дорогах легче было встретить
Бога, чем человека,
И пастух,
Прислушиваясь к шумам, различал
В дыханьи ветра чей-то вещий голос,
    Когда, разъятые
    Потом сознаньем, силы
Ему являлись в подлинных обличьях
И он вступал в борьбу и в договоры
С живыми волями, что раздували
Его очаг, вращали колесо,
Целили плоть, указывали воду, —
Тогда он знал, как можно приневолить
Себе служить Ундин и Саламандр,
И сам в себе старался одолеть
Их слабости и страсти.

3

    Но потом,
Когда от довременных снов
Очнулся он к скупому дню, ослеп
От солнечного света и утратил
    Дар ясновиденья
    И начал, как дитя,
Ощупывать и взвешивать природу,
Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число, — он позабыл,
Что в обезвоженной природе живы
Всё те же силы, что овладевают
И волей и страстями человека.

4

А между тем в преображенном мире
Они живут.

И жадные Кобольты
Сплавляют сталь и охраняют руды.
Гнев Саламандр пылает в жарких топках,
В живом луче танцующие Эльфы
Скользят по проволкам
И мчатся в звонких токах;
Бесы пустынь, самумов, ураганов
Ликуют в вихрях взрывов,
Дремлют в минах
И сотрясают моторы машин;
Ундины рек и Никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики,
Когда-то столь знакомые, и мыслит
Себя единственным владыкою стихий:
Не видя, что на рынках и базарах,
За призрачностью биржевой игры,
Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор;
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

6

Поэтому за каждым новым
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую расползшуюся жижу,
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем,
Равным силе,
Когда-то сдвинутой с устоев человеком.
Каждой ступени в области познанья
Ответствует такая же ступень
Самоотказа:
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.
И магия:

Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

7

Но люди неразумны. Потому
Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребленья и машинах.

30 января 1923
Коктебель

275. КУЛАК

1

Из кулака родилось братство:
Каин первый
Нашел пристойный жест для выраженья
Родственного чувства, предвосхитив
Слова иных времен: «Враги нам близкие,
И тот, кто не оставит
Отца и мать, тот не пойдет за мной».
Он понял истину, что первый встречный
Нам больше брат, чем близкие по крови.

2

Он — первый земледелец — ненавидел
Кровь жертвенных животных и принес
Плоды и колос вспаханного поля
В дар Богу,
Жаждавшему испарений крови.
Но был отвергнут его бескровный дар,
И он убил кочевника,
Топтавшего посевы.
«А эта кровь — тебе угодна, Ягве?»
И прочь ушел с пылающим клеймом:
«Отмстится всемеро тому, кто тронет
Отныне Каина».

3

Порвавши узы кровного родства,
Он понял хмель одиночества

И горький дух свободы.
Строитель городов — построил первый тюрьмы;
Ковач металлов —
Сковал он первый плуг, топор и нож;
Создатель музыки, —
Прислушиваясь к ветру,
Он вырезал свирель
И натянул струну;
Ловец зверей — он на стенах пещеры
Обвел резцом
Виденья разгоряченных снов:
Бизонов, мамонтов, кабанов и оленей.

4

Так стал он предком всех убийц,
Преступников, пророков — зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

5

Кулак — горсть пальцев, пясть руки,
Сжимающая сручье иль оружье, —
Вот сила Каина.

6

В кулачном праве выросли законы
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха и правом пулемета.
Их равенство — в предельном напряженьи
Свободных мускулов,
Свобода — в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.

7

Когда из пламени народных мятежей
Взвивается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство иль смерть» —
Его древко зажато в кулаке
Твоем, первоубийца Каин.

11 марта 1922
Феодосия

276. МЕЧ

1

Меч создал справедливость.

2

Насильем скованный,
Отточенный для мщенья, —
Он вместе с кровью напитался духом
Святых и праведников,
Им усекновенных.
И стала рукоять его ковчегом
Для их мощей.
(Эфес поднять до губ —
Доныне жест военного салюта).
И в этом меч сподобился кресту —
Позорному столбу, который стал
Священнейшим из символов любви.

3

На справедливой стали проступили
Слова молитв и заповеди долга:
«Марии — Деве милосердной — слава»
«Не обнажай меня без нужды,
Не вкладывай в ножны без чести»,
«In te, o Domine, speravi!» [1]
Восклицают средневековые клинки.
Меч сосвященствовал во время
Литургии,
Меч нарекался в таинстве крещенья.
Их имена «Отклер» и «Дюрандаль»
Сверкают, как удар.
И в описях оружья
К иным прибавлено рукой писца:
«Он — фея».

4

Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря
И оковал железом

[1] «На тебя, Господи, уповаю!» (лат.). — *Ред.*

Его лицо и плоть его; а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце меч,
Пылающий в деснице Серафима:
    Символ земной любви,
    Карающей и мстящей,
Мир рассекающий на «Да» и «Нет»,
На зло и на добро.
«Si! Si! — No! No!» [1],
Как утверждает Сидов меч «Тисона».

5

Когда же в мир пришли иные силы
И вновь преобразили человека,
Меч не погиб, но расщепился в дух:
Защитницею чести стала шпага
(Ланцет для воспаленных самолюбий),
    А меч —
Вершителем судебных приговоров.
    Но, обесчещенный,
    Он для толпы остался
            Оракулом
    И врачевателем болезней;
И палачи, собравшись, хоронили
    В лесах Германии
    Усталые мечи,
    Которые отсекли
    Девяносто девять.

6

    Казнь реформировал
    Хирург и филантроп,
    И меч был вытеснен
    Машинным производством,
Введенным в область смерти, и с тех пор
    Он стал характером,
    Учением, доктриной:
Сен-Жюстом, Робеспьером, гильотиной —
Антиномией Кантова ума.

---

[1] «Да! Да! — Нет! Нет!» (исп.). — *Ред.*

7

О, правосудие,
Держащее в руках
Весы и меч! Не ты ль его кидало
На чашки мира: «Горе побежденным!»?
Не веривший ли в справедливость
Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
Для торжества ее
Сначала всех людей?
Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множили на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло?
Не тот ли, кто принес «Не мир, а меч»,
В нас вдунул огнь, который
Язвит и жжет, и будет жечь наш дух,
Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
«Отмщенье Мне и Аз воздам за зло».

1 февраля 1922
Феодосия

277. ПОРОХ

1

Права гражданские писал кулак,
Меч — право государственное, порох
Их стер и создал воинский устав.

2

На вызов, обращенный не к нему,
Со дна реторт преступного монаха
Порох
Явил свой дымный лик и разметал
Доспехи рыцарей,
Как ржавое железо.

3

«Несчастные, тащите меч на кузню
И на плечо берите аркебузы:

Честь, сила, мужество — бессмысленны.
Теперь
Последний трус стал равен
Храбрейшему из рыцарей».
— «О, сколь благословенны
Века, не ведавшие пороха,
В сравненьи с нашим временем, когда
Горсть праха и кусок свинца способны
Убить славнейшего...»
Так восклицали
Неистовый Орланд и мудрый Дон-Кихот —
Последние мечи средневековья.

4

Привыкший спать в глубоких равновесьях,
Порох
Свил черное гнездо
На дне ружейных дул,
В жерле мортир, в стволах стальных орудий,
Чтоб в ярости случайных пробуждений
В лицо врагу внезапно плюнуть смерть.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич, и камень, и металл,
Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара,
Он дал ружью — прицел,
Стволу — нарез,
Солдатам — строй,
Героям — дисциплину,
Связал узлами недра темных масс,
Смесил народы,
Сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать,
Воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

6

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,
Беспрекословность, точность, дисциплину,
Он сбил с героев шлемы и оплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Всё оперение турниров и парадов,
И выкрасил в зелено-бурый цвет
Разъезженных дорог,
Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла —
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов.

7

Но черный порох в мире был предтечей
Иных, еще властительнейших сил:
Он распахнул им дверь, и вот мы на пороге
Клубящейся неимоверной ночи
И видим облики чудовищных теней,
Не названных, не мыслимых, которым
Поручено грядущее земли.

5 февраля 1922
Коктебель

278. ПАР

1

Пар вился струйкою
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь
Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Чтоб обратить вниманье человека.

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков

Варился суп, поставить на колеса
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
    С усильем сдвинулся
    И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей.

3

Так начался век Пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:
    Пар послал
Рабочих в копи — рыть руду и уголь,
В болота — строить насыпи, в пустыни —
    Прокладывать дороги;
    Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей,
Запачкал небо угольною сажей,
    Луч солнца — копотью,
    И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство, сузил землю,
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную раскрашенную
        Ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок;
        Замкнул
    Просторы путнику;
    Лишил ступни
    Горячей ощупи
    Неведомой дороги,
Глаз — радости открытья новых далей,
Ладони — посоха, и ноздри — ветра.

5

    Дорога, ставшая
    Грузоподъемностью,
    Пробегом, напряженьем,

Кратчайшим расстояньем между точек,
Ворвалась в город, проломила бреши
И просеки в священных лабиринтах,
Рассекла толщи камня, превратила
Проулок, площадь, улицу — в канавы
Для стока одичалых скоростей,
Вверх на мосты загнала пешеходов,
Прорыла крысьи ходы под рекою
И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движенье — заглушили
Живую человеческую речь,
Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

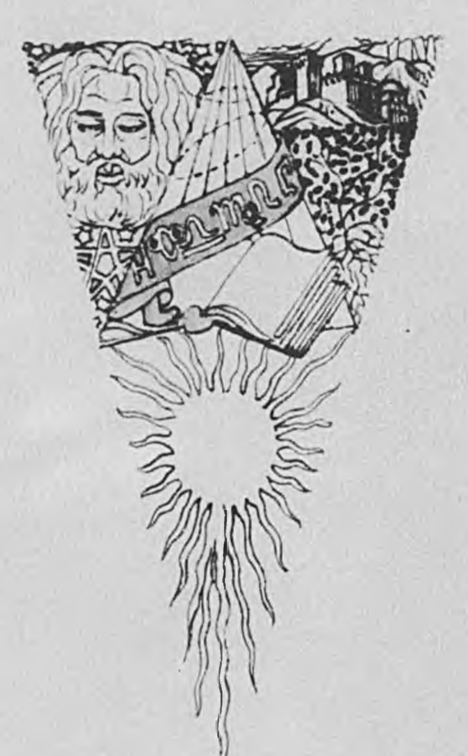
7

Адам изваян был
По образцу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобью человека:
Облек его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры,
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;
Ноги
Стесал как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув душу, вдунул людям пар.

8 февраля 1922
Феодосия

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ·
СТИХОТВОРЕНІА·
КНИГА ВТОРАА·

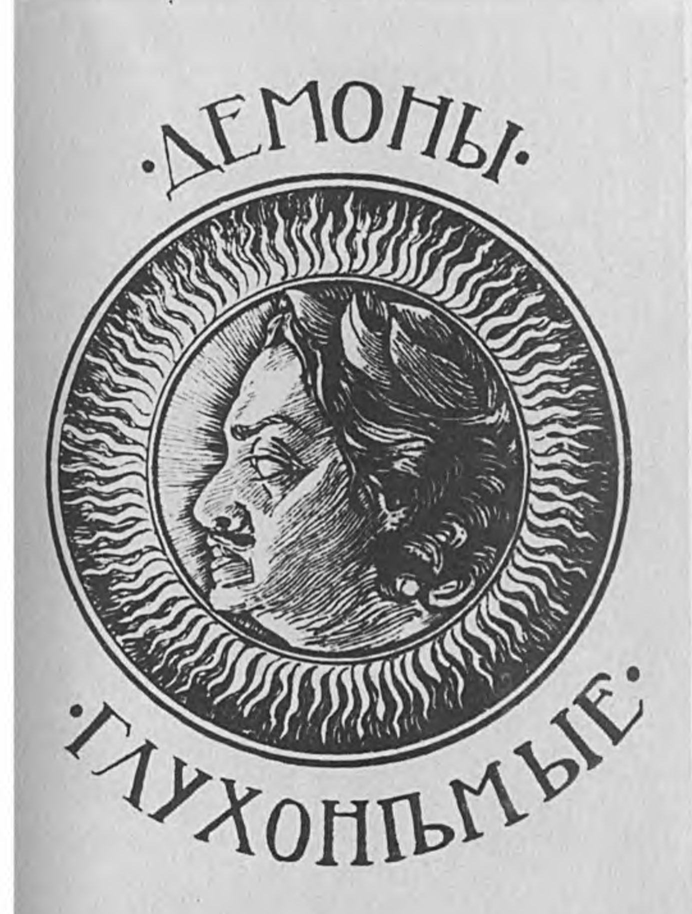
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО · ЗЕРНА ·

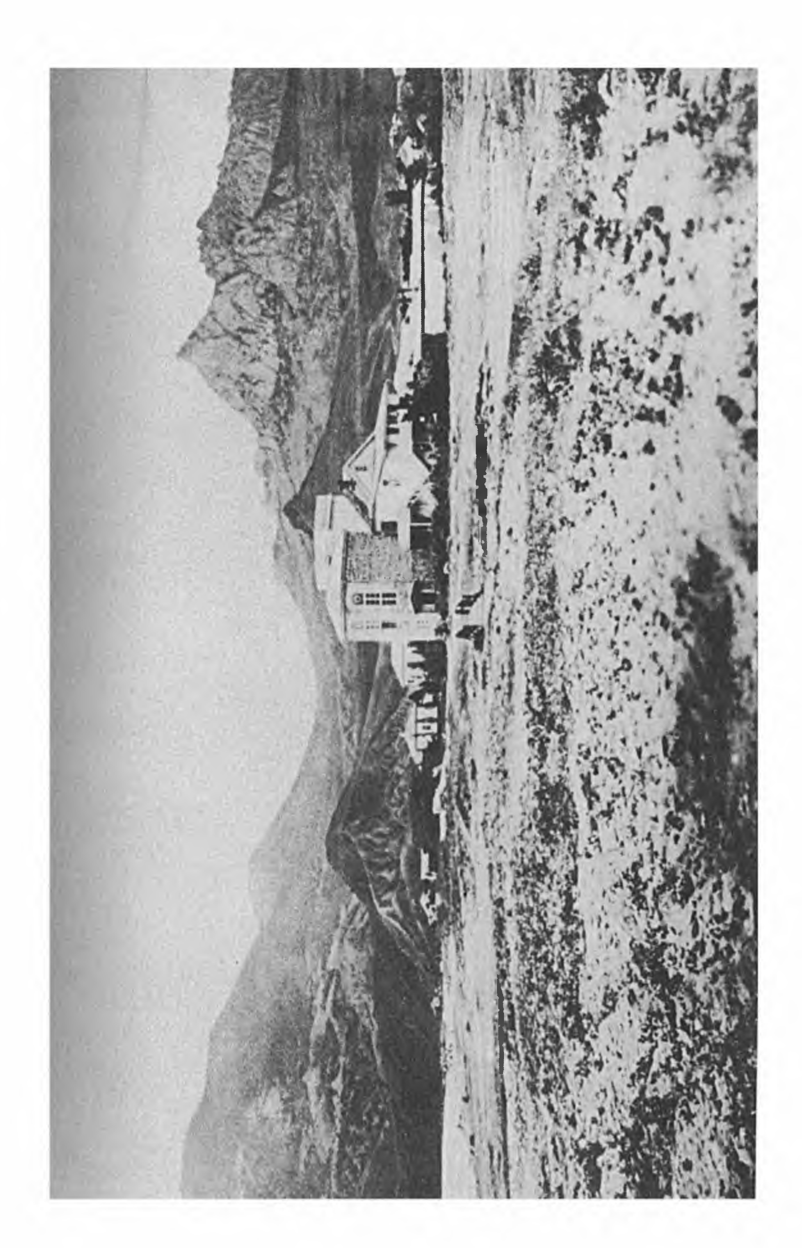
МАКСИМИЛIАНЪ ВОЛОШИН

ДЕМОНЫ ГЛУХОНѢМЫЕ

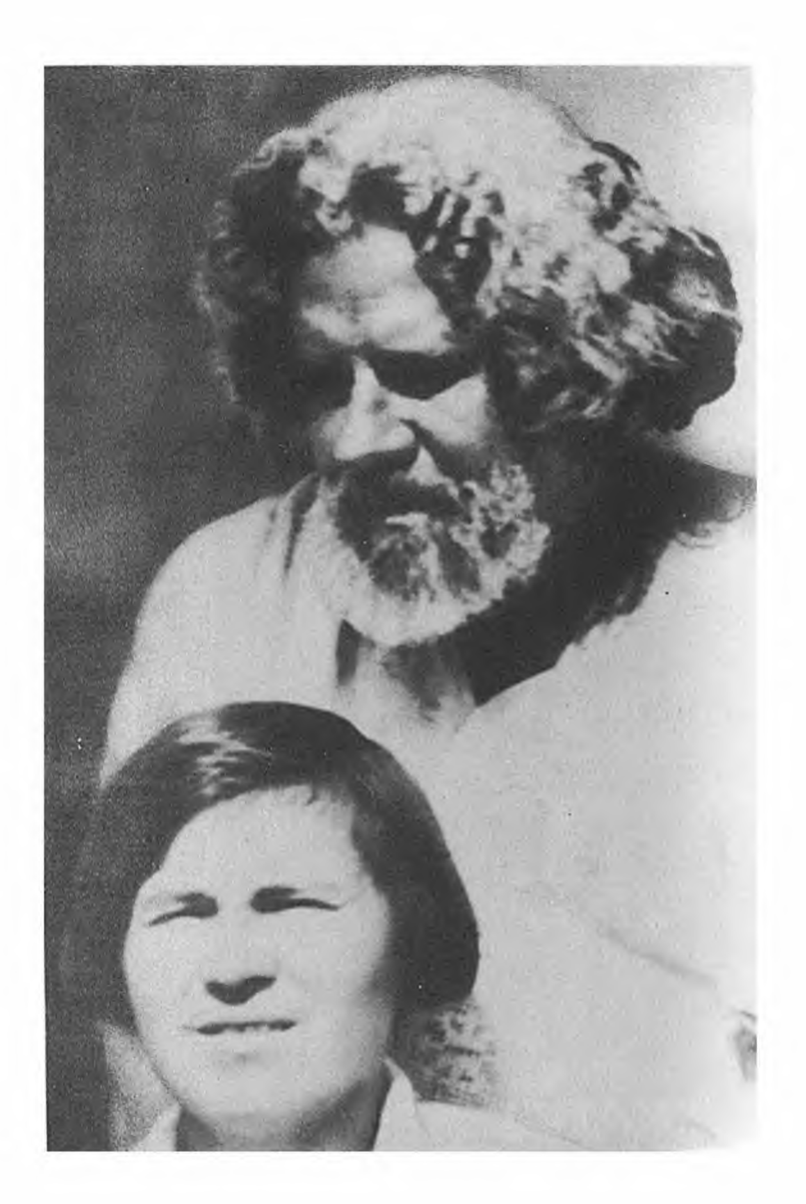

·ДЕМОНЫ·
·ГЛУХОНѢМЫЕ·

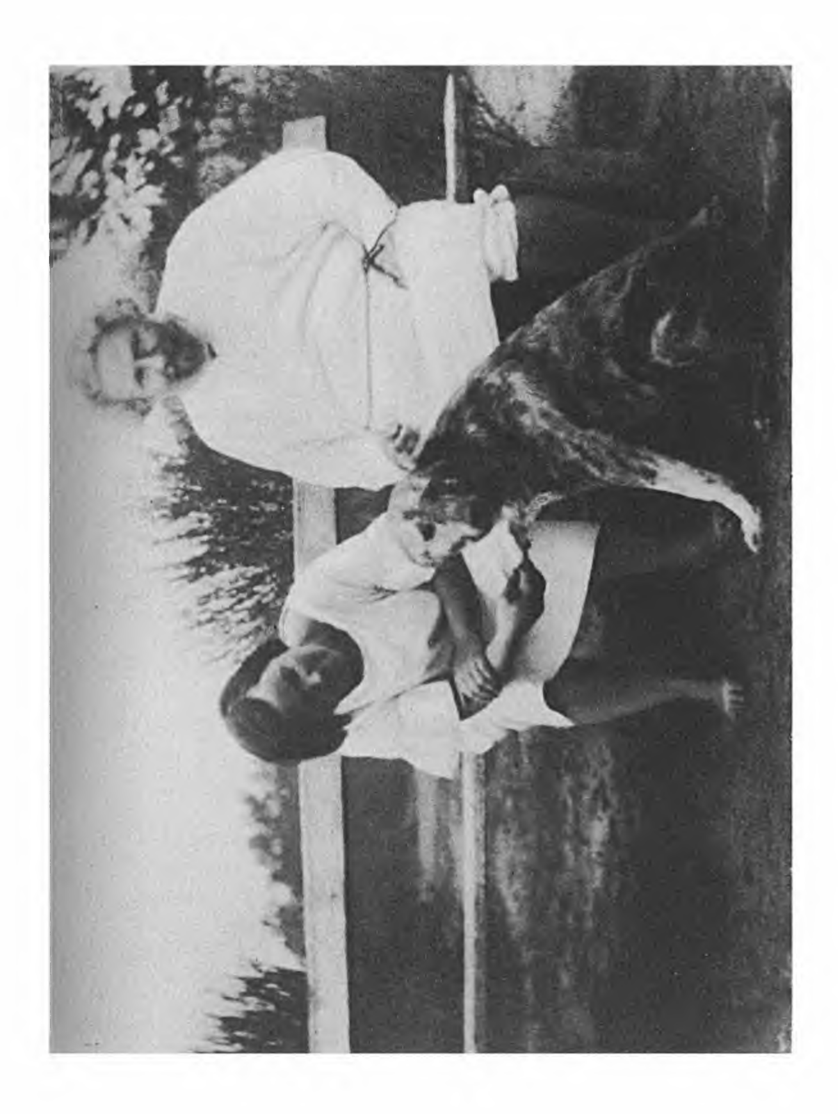

Дорогому Аркадію Васильевичу на память о Коктебельском гнездовьи и его обитателях.

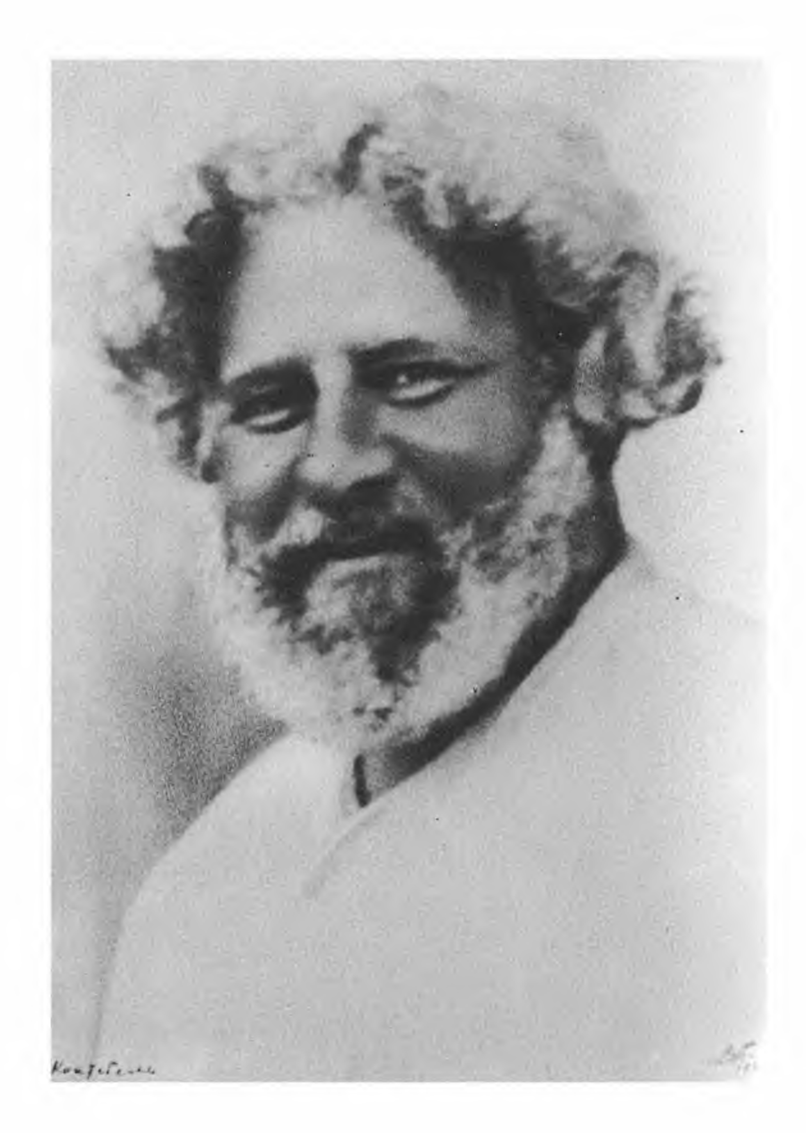
С дружественной симпатіей

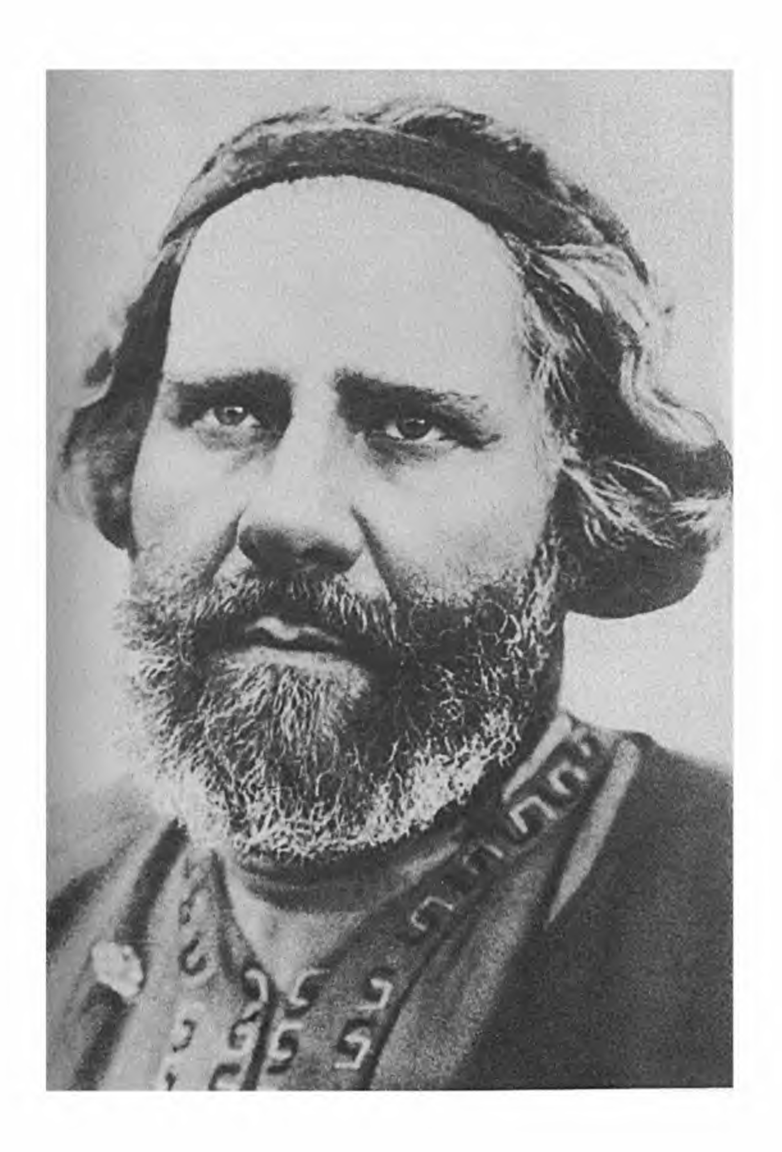
Максимиліан Волошин

19 30/VII 28.

Коктебель.

279. МАШИНА

1

Как нет изобретателя, который,
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
Тягчайшей нищеты
И новых видов рабства.

2

Пока рука давила на рычаг,
А воды
Вращали мельничное колесо —
Их силы
Не нарушали древних равновесий.
Но человек
К извечным тайнам подобрал ключи
И выпустил плененных исполинов.

3

Дух, воплощаясь в чреве, строит тело:
Пар, электричество и порох,
Овладевши
Сознаньем и страстями человека,
Себе построили
Железные тела
Согласно
Своей природе: домны и котлы,
Динамо-станции,
Моторы и турбины.

4

Как ученик волшебника, призвавший
Стихийных демонов,
Не мог замкнуть разверстых ими хлябей
И был затоплен с домом и селеньем —
Так человек не в силах удержать
Неистовства машины: рычаги
Сгибают локти, вертятся колеса,
Скользят ремни, пылают недра фабрик,

И, содрогаясь в непрерывной спазме,
Стальные чрева мечут, как икру,
Однообразные ненужные предметы
    (Воротнички, автомобили,
    Граммофоны) —
Мильонами мильонов, — затопляя
    Селенья, области и страны —
    Целый мир,
    Творя империи,
    Захватывая рынки, —
    И нет возможности
    Остановить их ярость,
Ни обуздать разнузданных рабов.

5

Машина — победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы:
Кишащий сгусток мускулов и воль,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

6

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек — такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеваренья мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений — вырожденье, что культура —
Увеличение числа потребностей,
                    Что идеал —
                                    Благополучие и сытость,
Что есть единый мировой желудок
И нет иных богов, кроме него.

7

Осуществленье всех культурных грез:
Гудят столбы, звенят антенны, токи
Стремят в пространствах звуки и слова,
        Разносит молния
        Декреты и указы
Полиции, правительства и бирж, —
Но ни единой мысли человека
Не проскользнет по чутким проводам.
Ротационные машины мечут
И день и ночь печатные листы,
Газеты вырабатывают правду
Одну для всех на каждый день и час:
Но ни одной строки о человеке —
О древнем замурованном огне.
Течет зерно по трюмам и амбарам,
Порта и рынки ломятся от яств,
Горячей снедью пышут рестораны,
Но ни единой корки для голодных —
Для незанумерованных рабов.
В пучинах вод стальные рыщут рыбы,
Взрывают хляби тяжкие суда,
        Поют пропеллеры
        В заоблачных высотах:
Земля и воды, воздух и огонь —
Всё ополчилось против человека.
А в городах, где заперты рабы, —
Распахнуты театры и музеи,
        Клокочут площади,
        Ораторы в толпу
        Кидают лозунги
        О ненависти классов,
О социальном рае, о свободе,
О радостном содружестве племен,
И нищий с оскопленною душою,
С охолощенным мозгом торжествует
Триумф культуры, мысли и труда.

1 марта 1922
Феодосия

280. БУНТОВЩИК

1

Я голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств, в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов —
В безлюднейшей из всех пустынь земли.

2

Мне сказано:
«Ступай на рынки», —
Надо,
Чтоб каждый раб был призван к мятежу.
Но не мечи им истин, а взрывай
Пласты оцепенелых равновесий:
Пусть истина взовьется, как огонь
Со дна души, разъятой вихрем взрыва.
Беда тому, кто убедит глупца!
Принявший истину на веру —
Ею слепнет.
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой:
Насилье истиной
Гнуснее всех убийств.
Кто хочет бунта — сей противоречья,
Кто хочет дать свободу — соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

3

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы — мертвецы заклепанных гробов!
Вы — суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, —
Вы мыслите разрушить динамитом
Всё то, что прорастает изнутри —
Из вас самих с неудержимой силой?
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества —
К последнему безумью —
К пересозданью самого себя.

4

Кто написал на этих стенах кровью:
«Свобода, братство, равенство,
Иль смерть»?
Свободы нет.
Но есть освобожденье,
Среди рабов единственное место
Достойное свободного — тюрьма!
Нет братства в человечестве иного,
Как братство Каина.
Кто связан кровью
Еще тесней, чем жертва и палач?
Нет равенства — есть только равновесье,
Но в равновесьи — противоупор,
И две стены, упавши друг на друга,
Единый образуют свод.
Вы верите, что цель культуры — счастье,
Что благосостоянье — идеал?
Страдание и голод — вот резец,
Которым смерть ваяет человека.
Не в равенстве, не в братстве, не в свободе,
А только в смерти правда мятежа.

5

Закона нет — есть только принужденье.
Все преступленья создает закон.
Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам:
        Перед преступником
        Виновно государство.
Не пресекайте, но готовьте русла
Избытку сил.
Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти.
Не противьтесь злому
Проникнуть в вас:
Всё зло вселенной должно,
Приняв в себя,
Собой преобразить.
А вы построили темницы и запреты:
Суд гасит страсть,
Правительство — мятеж,
Врач гасит жизнь,

Священник гасит совесть,
Довольно вам заповедей на «не»:
Всех «не убий», «не делай», «не укради», —
Единственная заповедь: «ГОРИ».
Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Ее источник — Ты!
Бог есть любовь.
Любовь же огнь, который
Пожрет вселенную и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явленьям жизни:
Двойной поток:
Цветенье и распад.
Беги не зла, а только угасанья:
И грех и страсть — цветенье, а не зло;
    Обеззараженность
    Отнюдь не добродетель!

6

Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
    Есть мзда, достойная творца.
    Как дерево — созревшие плоды
        Роняйте на землю
        И простирайте ветви
За милостыней света и дождя.
    Дано и отдано?
    Подарено и взято?
Всё погашается возвратом?
    Торгаши!
Вы выдумали благодарность, чтобы
    Поймать в зародыше
    И удушить добро?
Не отдавайте давшему:
    Отдайте иному,
Чтобы тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,

Взволнует души, ширясь, как волна.
Вы боретесь за собственность?
Но кто же принадлежит кому?
Владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить:
Вы отдали — и этим вы богаты,
Но вы — рабы всего, что жаль отдать.

7

С собою мы уносим только то,
От обладанья чем мы отказались.
Неужто вы останетесь хранить
Железный хлам угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови.
Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме пещер огонь.
Распады утомленных равновесий
Истратили на судоргу машин.
В едином миге яростного взрыва
Вы истощили вечности огня:
Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
Вы — пламя, замурованное в безднах,
Вы — факел, кинутый
В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом.
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней размах! Отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнуть новым солнцем —
Косматым сердцем Млечного Пути?

25 января 1923
Коктебель

281. ВОЙНА

1

Был долгий мир. Народы были сыты
И лоснились: довольные собой,
Обилием и общим миролюбьем.
Лишь изредка, переглянувшись, все
Кидались на слабейшего и, разом
Его пожравши, пятились, рыча
И челюсти ощеривая набок, —
И снова успокаивались.
В мире
Всё шло как следует:
Трильон колес
Работал молотами, рычагами,
Ковали сталь,
Сверлили пушки,
Химик
Изготовлял лиддит и мелинит;
Ученые изобретали способ
За способом для истребленья масс;
Политики чертили карты новых
Колониальных рынков и дорог;
Мыслители писали о всеобщем
Ненарушимом мире на земле,
А женщины качались в гибких танго
И обнажали пудреную плоть.
Манометр культуры достигал
До высочайшей точки напряженья.

2

Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший: «Время
Топтать точило ярости! За то,
Что люди демонам,
Им посланным служить,
Тела построили
И создали престолы,
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра,
За то, что безразличью

Текущих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса,
За то, что в своевольных
Теченьях воздуха
Сплели гнездо мятежным духам взрыва,
За то, что жадность руд
В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосущие и душащие нити, —
За то освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос, сжатый в вихрях вещества,
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не победят их вновь,
В себе самих смирив и поборов
Гнев, жадность, своеволье, безразличье...»

3

И видел я: разверзлись двери неба
В созвездьи Льва, и бесы
На землю ринулись...
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ:
Сами
И пастыри, и пища.

4

Время как будто опрокинулось,
И некрещенным водою Потопа
Казался мир: из тины выползали
Огромные коленчатые гады,
Железные кишели пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали
Снопы огня и жалили хвостом;

В морях и реках рыбы
Метали
Икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застилался, сыпались на землю
Разрывные и огненные яйца,
Тучи насекомых,
Чудовищных строеньем и размером,
В телах людей
Горючие личинки оставляли, —
И эти полчища исчадий,
Получивших
И гнев, и страсть, и злобу от людей,
Снедь человеческую жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли,
Жевали, пожирали,
А города, подобно жерновам,
Без устали вращались и мололи
Зерно отборное
Из первенцев семейств
На пищу демонам.
И тысячи людей
Кидались с вдохновенным исступленьем
И радостью под обода колес.
Всё новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хороводы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Не видел исступленный мир!

6 [1]

Еще! еще! И всё казалось мало...
Тогда раздался новый клич: «Долой
Войну племен, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!»
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Питались человечиной,
Детей засаливали впрок, —

[1] *Пропуск в авторской нумерации*

Была разруха,
Был голод.
Наконец пришла чума.

7

Безглазые настали времена,
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше,
Но для них
Среди пустынь недоставало места,
Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.
Так кончилась предродовая схватка,
Но в этой бойне не уразумели,
Не выучились люди ничему.

29 января 1923
Коктебель

282. КОСМОС

1

Созвездьями мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись, отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смеженных ночью глаза,
И брызнул свет. Два огненных луча,
Скрестясь в воде, сложились в гексаграмму.
Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчанья Слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыханья.
Десница подняла материки,
А левая распределила воды,
От чресл размножилась земная тварь,
От жил — растения, от кости — камень,
И двойники — небесный и земной —
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.
Адам был миром, мир же был Адам.

Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос,
Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел солнцем, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами.
И было всё — вверху, как и внизу, —
Исполнено высоких соответствий.

2

Вневременье распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.
Мир конусообразною горой
Покоился на лоне океана.
С высоких башен, сложенных людьми
Из жирной глины тучных межиречий,
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звездными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса,
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленные сферы.
А в дельтах рек — Халдейский звездочет
И пастухи Иранских плоскогорий,
Прислушиваясь к музыке миров,
К гуденью сфер и к тонким звездным звонам,
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.
Всё в преходящем было только знак
Извечных тайн, начертанных на небе.

3

Потом замкнулись прорези небес,
Мир стал ареной, залитою солнцем,
Под куполом из черного эфира,
Опертым на Атлантово плечо.

На фоне винно-пурпурного моря
И рыжих охр зазубренной земли,

Играя медью мускулов — атлеты
Крылатым взмахом умащенных тел
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф и звонких теорем.

И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:
Всё было осязаемо и близко —
Дух мыслил плоть и чувствовал объем.
Мял глину перст, и разум мерил землю.

Распоры кипарисовых колонн,
Вощеный кедр закуренных часовен,
Акрополи в звериной пестроте,
Линялый мрамор выкрашенных статуй,
И смуглый мрамор липких алтарей,
И ржа, и бронза золоченых кровель,
Чернь, киноварь, и сепия, и желчь —
Цвета земли понятны были глазу,
Ослепшему к небесной синеве,
Забывшему алфавиты созвездий.

Когда ж душа гимнастов и борцов
В мир довременной ночи отзывалась
И погружалась в исступленный сон —
Сплетенье рук и напряженье связок
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Фидиевых строф.

Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

4

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков
Был виден холм и три креста — Голгофа —
Последняя надежда бытия.

Земля была недвижным темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и Первосилы,
И всё включал пресветлый Эмпирей.

Из-под Голгофы внутрь земли воронкой
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью, а центром — Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней —
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры, шквалы ересей,
Смерчи народов — гунны и монголы,
Набаты, интердикты и костры,
Сто сорок пап и шестьдесят династий,
Сто императоров, семьсот царей.
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов —
Труба Суда и черный луч Голгофы.
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвленной плоти.

5

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир. Но Галилей
Сорвал его, зажал в кулак и землю
Взвил кубарем по вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего солнца.
Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звездных Галактей,
И только Богу не хватило места.
Пытливый дух апостола Фомы,
Воскресшему сказавший: «Не поверю,
Покамест пальцы в раны не вложу», —
Разворотил тысячелетья веры.

Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук проверил осязаньем,
Он взвесил свет, измерил бег луча,
Он перенес все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.

Материя явилась бесконечной,
Единосущной в разных естествах,
Стал Промысел — всемирным тяготеньем,
Стал вечен атом, вездесущ эфир:
Всепроницаемый, всетвердый, скользкий —
«Его ж никто не видел и нигде».

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир стал тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол — механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохраненья
Материи и Силы.
Человек,
Голодный далью чисел и пространства,
Был пьян безверьем — злейшею из вер,
А вкруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи, он мыслил
Вселенную как черный негатив:
Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Сама себя постигшая машина.

6

Но неуемный разум разложил
И этот мир, построенный на ощупь
Вникающим и мерящим перстом.

Всё относительно: и бред и знанье.
Срок жизни истин: двадцать-тридцать лет —
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысла тяготенья,
Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нет вещества — есть круговерти силы;
Нет твердости — есть натяженье струй;

Нет атома — есть поле напряженья
(Вихрь малых «не» вокруг большого «да»);
Нет плотности, нет веса, нет размера —
Есть функции различных скоростей.
Всё существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство — лишь разнообразье форм;
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложенья и распада,
Сам человек — могильный паразит,
Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посереди необратимых струй,
Бессмертья нет, материя конечна.
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять мильонов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно,
Явленья жизни — беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье — вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную мятель.

7

Как глаз на расползающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей, облачных кулис,
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, —
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнанья.
Системы мира — слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противопоставленных глубин.
Нет выхода из лабиринта знанья,
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенной и творцом,
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим вавилонских башен,
Ты — заклинатель сфинксов и химер.

12 июня 1923
Коктебель

283. ГОСУДАРСТВО

1

Из совокупности
Избытков, скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласьем. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Всё строится на выгоде и пользе,
На выживаньи приспособленных,
На силе.
Его мораль — здоровый эгоизм.
Цель бытия — процесс пищеваренья.
Мерило же культуры — чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови.
Судия, как выполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент:
Ему пощады нет.
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство — наименьшее,
Тягчайшее же — воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу:
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть
Заране укрощен.
Смысл воспитания:
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый комитет
Компрачикосов,
Искусных в производстве
Обеззараженных
Кастрированных граждан.

4

Фиск есть грабеж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретенья.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете

И на кредитном знаке герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальцев
На антропометрическом листке:
Расписка в преступленьи.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники — одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, тайным, равным и прямым
Избрать достойного, —
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступленью.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное —
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья

Под бдительным надзором государства
На все потребности
И вкусы и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды:
Может спорить,
Шуметь в собраньях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, —
Из патентованных наркотиков —
Газета
Есть самый сильно действующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами —
В чем
По существу нет разницы.
Но каждый,
Дорвавшийся до власти, сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив усобиц.
Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой

Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гарроты
Сжимает туже шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор —
Вот достижения
И гений революций!

13 апреля 1922
Феодосия

284. ЛЕВИАФАН

Множество, соединенное в одном лице, именуется Государством — Civitas. Таково происхождение Левиафана, или, говоря почтительнее, — этого Смертного Бога.

Гоббс. «Левиафан»

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишенному владений и сынов,
Простертому на стогнах городов,
На гноище поруганной вселенной, —

Мне — Иову — сказал Господь:
«Смотри:
Вот царь зверей, всех тварей завершенье, —
Левиафан!
Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей».

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взмыв Океан, поднялся Зверь зверей —
Чудовищный, огромный, многочленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зерцал,
И беглый огнь, и молний излученье.

3

«Он в день седьмой был мною сотворен, —
Сказал Господь, —
Все жизни отправленья
В нем дивно согласованы:
Лишен
Сознания — он весь пищеваренье.
И человечество издревле включено —
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца.
Тусклым, косным
Его ты видишь.
Рдяною рекой
Струится свет, мерцающий в огромных
Чувствилищах.
А глубже, в безднах темных,
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах, медленных и злобных,
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ, ему подобных,
И дам им власть друг друга пожирать».

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинать.
Я говорил:

5

«Зачем меня сознаньем
Ты в этой тьме кромешной озарил
И, дух живой вдохнув в меня дыханьем,
Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?»

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал Господь:
Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты

И смысл хулить моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба —
Лишь первый шаг к пожарищам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как Я — тебя, так ты взыскуешь землю.
Сгорая — жги!
Замкнутый в гроб — живи!
Таким Мой мир приемлешь ли?

7

— «Приемлю...»

9 декабря 1915
Париж

285. СУД

1

Праху — прах. Я стал давно землей:
Мною
Цвели растенья, мною светило солнце.
Всё, что было плотью,
Развеялось, как радужная пыль —
Живая, безымянная.
И океан времен
Катил прибой столетий.

2

Вдруг
Призыв Архангела,
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков,
Потряс вселенную —
И вспомнил себя
Я каждою частицей,
Рассеянною в мире.

3

В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости.

В земных утробах
Зашевелилась жизнь.
А травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели, холодело солнце.

4

Настало
Великое молчанье.
В шафранном
И тусклом сумраке земля лежала
Разверстым кладбищем.
Как бурые нарывы,
Могильники вздувались, расседались,
Обнажая
Побеги бледной плоти: пясти
Ростками тонких пальцев
Тянулись из земли,
Ладони розовели,
Стебли рук и ног
С усильем прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро подымалась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша.

5

Когда же темным клубнем,
В комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова
И мертвые разверзлись очи, — небо
Разодралось, как занавес,
Иссякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть.

6

И каждый
Внутри себя увидел солнце
В Зверином Круге...

7

...И сам себя судил.

5 февраля 1915
Париж

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1925—1929 ГОДОВ

286. ПОЭТУ

1

Горн свой раздуй на горе,
в пустынном месте над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.

2

Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным
другом.

3

Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мертвых — живым — она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств.

5

Если тебя невзначай современники встретят успехом —
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды.
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.

6

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы Любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемет вещает о сущности братства, —

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

<1925
Коктебель>

287. ДОБЛЕСТЬ ПОЭТА

1

Править поэму, как текст заокеанской депеши:
Сухость, ясность, нажим — начеку каждое слово.
Букву за буквой врубать на твердом и тесном камне:
Чем скупее слова, тем напряженней их сила.
Мысли заряд волевой равен замолчанным строфам.

Вытравить из словаря слова «Красота», «Вдохновенье» —
Подлый жаргон рифмачей... Поэту — понятья:
Правда, конструкция, план, равносильность,
сжатость и точность.
В трезвом, тугом ремесле — вдохновенье и честь поэта:
В глухонемом веществе заострять запредельную зоркость.

2

Творческий ритм от весла, гребущего против теченья,
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем; не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой — ты не актер и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.

В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах:
Совесть народа — поэт. В государстве нет места поэту.

17 октября 1925
Коктебель

288. ПАМЯТИ В. К. ЦЕРАСКОГО

Он был из тех, в ком правда малых истин
И веденье законов естества
В сердцах не угашают созерцанья
Творца миров во всех его делах.

Сквозь тонкую завесу чисел и формул
Он Бога выносил лицом к лицу,
Как все первоучители науки:
Пастер и Дарвин, Ньютон и Паскаль.

Его я видел изможденным, в кресле,
С дрожащими руками и лицом
Такой прозрачности, что он светился
В молочном нимбе лунной седины.

Обонпол слов таинственно мерцали
Водя́ные литовские глаза,
Навеки затаившие сиянья
Туманностей и звездных Галактей.

В речах его улавливало ухо
Такую бережность к чужим словам,
Ко всем явленьям преходящей жизни,
Что умиление сжимало грудь.

Таким он был, когда на Красной Пресне,
В стенах Обсерватории — один
Своей науки неприкосновенность
Он защищал от тех и от других.

Правительство, бездарное и злое,
Как все правительства, прогнало прочь
Ее зиждителя и воспретило
Творцу творить, ученому учить.

Российская усобица застигла
Его в глухом прибрежном городке,
Где он искал безоблачного неба
Ясней, южней и звездней, чем в Москве.

Была война, был террор, мор и голод...
Кому был нужен старый звездочет?

Как объяснить уездному завпроду
Его права на пищевой паек?

Тому, кто первый впряг в работу солнце,
Кто новым звездам вычислил пути...
По пуду за вселенную, товарищ!..
Даешь жиры астроному в паек?

Высокая комедия науки
В руках невежд, армейцев и дельцов...
Разбитым и измученным на север
Уехал он, чтоб дома умереть.

И радостною грустью защемила
Сердца его любивших — весть о том,
Что он вернулся в звездную отчизну
От тесных дней, от душных дел земли.

10 ноября 1925
Коктебель

289. ТАНОБ

1

От Иоанна Лествичника чтенье:
«Я посетил взыскуемый Таноб
И видел сих невинных осужденцев.
Никем не мучимы, себя же мучат сами.
Томясь, томят томящего их дух.
Со связанными за спиной руками
Стоят всю ночь, не подгибая ног,
Одолеваемые сном, качаясь,
Себе ж покоя не дая на миг.
Иные же себя томяще зноем,
Иные холодом, иные, ковш
Воды пригубив, отвергают, только б
Не умереть от жажды, хлеб иные,
Отведав, прочь бросают, говоря,
Что жившие по-скотски недостойны
Вкушать от пищи человеческой,
Иные как о мертвецах рыдают
О душах собственных, иные слезы
Удерживают, а когда не могут

Терпеть — кричат. Иные головами
Поникшими мотают, точно львы
Рыкающе и воя протяженно.
Иные молят Бога покарать
Проказою, безумьем, беснованьем,
Лишь бы не быть на муки осужденным
На вечные. И ничего не слышно
Опричь: «Увы! Увы!» и «Горе! Горе!»
Да тусклые и впалые глаза,
Лишенные ресниц глазничных веки,
Зеленые покойницкие лица,
Хрипящие от напряженья перси,
Кровавые мокроты от биенья
В грудь кулаком, сухие языки,
Висящие из воспаленных уст,
Как у собак. Всё тёмно, грязно, смрадно».

2

Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась,
В неистовстве и корчах совлекая
Отравленный хитон Геракла — плоть.
Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.
Душа в борьбе и муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.
Был так велик небесной кары страх,
Что муки всех прижизненных застенков
Казались предпочтительны. Костры
Пылали вдохновенно, очищая
От одержимости и ересей
Заблудшие, мятущиеся души.
Доминиканцы жгли еретиков,
А университеты жгли колдуний.
Но был хитер и ловок Сатана:
Природа мстила, тело издевалось, —
Могучая заклепанная хоть
Искала выхода. В глухом подполье
Монах гноил бунтующую плоть
И мастурбировал, молясь Мадонне.
Монахини, в экстазе отдаваясь
Грядущему в полночи жениху,

В последней спазме не могли различить
Иисусов лик от лика Сатаны.
Весь мир казался трупом, Солнце — печью
Для грешников, Спаситель — палачом.

3

Водитель душ измученную душу
Брал за руку и разверзал пред ней
Зияющую емкость преисподней
Во всю ее длину и глубину.
И грешник видел пламя океана
Багрового и черного, а в нем,
В струях огня и в огневертях мрака
Бесчисленные души осужденных,
Как руны рыб в провалах жгучих бездн.
Он чувствовал невыносимый смрад,
Дух замирал от серного удушья
Под шквалами кощунств и богохульств;
От зноя на лице дымилась кожа,
Он сам себе казался гнойником;
Слюна и рвота подступали к горлу.
Он видел стены медного Кремля,
А посреди на рдяно-сизом троне
Из сталактитов пламени — Царя
С чудовищным, оцепенелым ликом
Литого золота. Вкруг сонмы сонм
Отпадших ангелов и человечий
Мир, отданный в управу Сатане:
Нет выхода, нет меры, нет спасенья!
Таков был мир: посередине — Дьявол —
Дух разложенья, воля вещества,
Князь времени, Владыка земной плоти —
И Бог, пришедший яко тать в ночи —
Поруганный, исхлестанный, распятый.

В последней безысходности пред ним
Развертывалось новое виденье:
Святые пажити, маслины и сады
И лилии убогой Галилеи...
Крылатый вестник девичьих светлиц
И девушка с божественным младенцем.
В тщете земной единственной надеждой
Был образ Богоматери: она

Сама была материей и плотью,
Еще неопороченной грехом,
Сияющей первичным светом, тварью,
Взнесенной выше ангелов, землей
Рождающей и девственной, обетом,
Что такова в грядущем станет персть,
Когда преодолеет разложенье
Греха и смерти в недрах бытия.
И к ней тянулись упованья мира,
Как океаны тянутся к луне.

4

Мечты и бред, рожденные темницей,
Решетки и затворы расшатал
Каноник Фрауенбургского собора
Смиреннейший Коперник. Галилей,
Неистовый и зоркий, вышиб двери,
Размыкал своды, кладку разметал
Напористый и доскональный Кеплер,
А Ньютон — Дантов Космос, как чулок
Распялив, выворотил наизнанку.
Всё то, что раньше было Сатаной,
Грехом, распадом, косностью и плотью,
Всё вещество в его ночных корнях,
Извилинах, наростах и уклонах —
Вся темная изнанка бытия
Легла фундаментом при новой стройке.
Теперь реальным стало только то,
Что было можно взвесить и измерить,
Коснуться пястью, выразить числом.
И новая вселенная возникла
Под пальцами апостола Фомы.
Он сам ощупал звезды, взвесил землю,
Распялил луч в трехгранности стекла,
Сквозь трещины распластанного спектра
Туманностей исследовал состав,
Хвостов комет и бег миров в пространстве,
Он малый атом ногтем расщепил
И стрелы солнца взвесил на ладони.
В два-три столетья был преображен
Весь старый мир: разрушен и отстроен.
На миллионы световых годов
Раздвинута темница мирозданья,

Хрустальный свод расколот на куски
И небеса проветрены от Бога.

5

Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке,
На реактивы пробовал дыханье,
Старухам в пах вшивал звериный пол.
Отрубленные пальцы в термостатах,
В растворах вырезанные сердца
Пульсировали собственною жизнью:
Разъятый труп кусками рос и цвел.
Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия.
С таким же исступлением, как раньше
В себе стремился выжечь человек
Всё то, что было плотью, так теперь
Отвсюду вытравлял заразу духа,
Охолощал не тело, а мечту,
Мозги дезинфицировал от веры,
Накладывал запреты и табу
На всё, что не сводилось к механизму:
На откровенье, таинство, экстаз...
Огородил свой разум частоколом
Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мирозданья
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

6

Но так едка была его пытливость,
И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под ощупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества,
Подточенного тлёю Энтропии;
От выверенных Кантовых часов,

Секундами отсчитывавших время, —
Метель случайных вихрей в пустоте,
Простой распад усталых равновесий.
Мир стер зубцы Лапласовых колес,
Заржавели Ньютоновы пружины,
Эвклидов куб — наглядный и простой —
Оборотился Римановой сферой:
Вчера Фома из самого себя
Ступнею мерил радиус вселенной
И пядями окружность. А теперь,
Сам выпяченный на поверхность шара,
Не мог проникнуть лотом в глубину:
Отвес, скользя, чертил меридианы.
Так он постиг, что тяготенье тел
Есть внутренняя кривизна пространства,
И разум, исследивший все пути,
Наткнулся сам на собственные грани:
Библейский змий поймал себя за хвост.

7

Строители коралловых атоллов
На дне времен, среди безмерных вод —
В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем — мы сами свой Таноб.
Мир познанный есть искаженье мира,
И человек недаром осужден
В святилищах устраивать застенки,
Идеи обжигать на кирпичи,
Из вечных истин строить казематы
И вновь взрывать кристаллы и пласты
И догматы отстоенной культуры:
Познание должно окостенеть,
Чтоб дать жерло и направленье взрыву.
История проникнута до дна
Колоидальной спазмой аскетизма,
Сжимающею взрывы мятежей.
Свободы нет, но есть освобожденье!
Наш дух — междупланетная ракета,
Которая, взрываясь из себя,
Взвивается со дна времен, как пламя.

16 мая 1926
Коктебель

290. КОКТЕБЕЛЬСКИЕ БЕРЕГА

Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф.

25 декабря <1926
Коктебель>

291. ДОМ ПОЭТА

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветр, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций —
Она у дома вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвой, разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый окоем
Замкнул залив Алкеевым стихом,
Асимметрично-строгими строфами.
Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубинных трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там — за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье),
Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы, над морем вдалеке
Встает стена... Но сказ о Карадаге
Не выцветить ни кистью на бумаге,

Не высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.
Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.
И та же страсть и тот же мрачный гений
В борьбе племен и в смене поколений.
Доселе грезят берега мои
Смоленые ахейские ладьи,
И мертвых кличет голос Одиссея,
И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,
Провалами беспамятства чернея.
Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками.
В одно русло дождями сметены
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.
Сарматский меч и скифская стрела,
Ольвийский герб, слезница из стекла,
Татарский глёт зеленовато-бусый
Соседствуют с венецианской бусой.
А в кладке стен кордонного поста
Среди булыжников оцепенели
Узорная арабская плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата —
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата.
Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень —
Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы — Россия — не пришли.
За полтораста лет — с Екатерины —
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,

Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли;
По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушел. Источники иссякли.
Нет в море рыб. В фонтанах нет воды.
Но скорбный лик оцепенелой маски
Идет к холмам Гомеровой страны,
И патетически обнажены
Ее хребты и мускулы и связки.
Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы.
Усобица и голод и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняли со дна.
В те дни мой дом — слепой и запустелый —
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер —
Фанатики непримиримых вер —
Искали здесь под кровлею поэта
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя — губить, друг друга — истреблять,
И сам читал — в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил:
Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток,
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.

Войди, мой гость: стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.

Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь — их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почетней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России.
Я в эти дни ее немой укор.
И сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, паденья и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познанье.
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё — Европа и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек.
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

25 декабря 1926
Коктебель

292. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

(1900-1925)

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.
Мудрой судьбою закинутый в сердце
Азии, я ли не испытал
В двадцать три года всю гордость изгнанья
В рыжих песках туркестанских пустынь?
В жизни на этой магической грани
Каждый впервые себя сознает
Завоевателем древних империй
И заклинателем будущих царств.
Я проходил по тропам Тамерлана,
Отягощенный добычей веков,
В жизнь унося миллионы сокровищ
В памяти, в сердце, в ушах и в глазах.
Солнце гудело, как шмель, упоенный
Зноем, цветами и запахом трав,
Век разметал в триумфальных закатах
Рдяные перья и веера.
Ширились оплеча жадные крылья,
И от пространств пламенели ступни,
Были подтянуты чресла и вздуты
Ветром апостольские паруса.
Дух мой отчаливал в желтых закатах
На засмоленной рыбацкой ладье —
С Павлом — от пристаней Антиохии,
Из Монсеррата — с Лойолою в Рим.
Алые птицы летели на запад,
Шли караваны, клубились пески,
Звали на завоевание мира
Синие дали и свертки путей.
Взглядом я мерил с престолов Памира
Поприща западной тесной земли,
Где в утаенных портах Средиземья,
На берегах атлантических рек
Нагромоздили арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнезд.
Как я любил этот кактус Европы
На окоеме Азийских пустынь —
Эту кипящую магму народов
Под неустойчивой скорлупой,

Это огромное содроганье
Жизни, заклепанной в недрах машин,
Эти высокие камни соборов,
Этот горячечный бред мостовых,
Варварский мир современной культуры,
Сосредоточившей жадность и ум,
Волю и веру в безвыходном беге
И в напряженности скоростей.
Я со ступеней тысячелетий,
С этих высот незапамятных царств,
Видел воочью всю юность Европы,
Всю непочатую ярь ее сил.
Здесь, у истоков Арийского мира,
Я, преклонившись, ощупал рукой
Наши утробные корни и связи,
Вросшие в самые недра земли.
Я ощутил на ладони биенье
И напряженье артерий и вен —
Неперекушенную пуповину
Древней Праматери рас и богов.
Я возвращался, чтоб взять и усвоить,
Всё перечувствовать, всё пережить,
Чтобы связать половодное устье
С чистым истоком Азийских высот.
С чем мне сравнить ликованье полета
Из Самарканда на запад — в Париж?
Взгляд Галилея на кольца Сатурна...
Знамя Писарро над сонмами вод...
Было... всё было... так полно, так много,
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий,
И сумасшедшие тромбы идей...
Хмель городов, динамит библиóтек,
Книг и музеев отстоенный яд.
Радость ракеты рассыпаться в искры,
Воля бетона застыть, как базальт.
Всё упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис туч и зарниц,
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.
Я был свидетелем сдвигов сознанья,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса в «двадцать вторых степенях».

И над широкой излучиной Рейна
Сполохов первых пожарищ войны
На ступенях Иоаннова Зданья
И на сферических куполах.
Тот, кто не пережил годы затишья
Перед началом великой войны,
Тот никогда не узнает свободы
Мудрых скитаний по древней земле.
В годы, когда расточала Европа
Золото внуков и кровь сыновей
На роковых перепутьях Шампани,
В польских болотах и в прусских песках,
Верный латинскому духу и строю,
Сводам Сорбонны и умным садам,
Я ни германского дуба не предал,
Кельтской омеле не изменил.
Я прозревал не разрыв, а слиянье
В этой звериной грызне государств,
Смутную волю к последнему сплаву
Отъединенных историей рас.
Но посреди ратоборства народов
Властно окликнут с Востока, я был
Брошен в плавильные горны России
И в сумасшествие Мартобря.
Здесь, в тесноте, на дне преисподней,
Я пережил испытанье огнем:
Страшный черед всеросийских ордалий,
Новым тавром заклеймивших наш дух.
Видел позорное самоубийство
Трона, династии, срам алтарей,
Славу «Какангелия» от Маркса [1],
Новой враждой разделившего мир.
В шквалах убийств, в исступленьи усобиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С углем на сердце, с кляпом во рту.
Даже в подвалах двадцатого года,
Даже средь смрада голодных жилищ
Я бы не отдал всей жизни за веру
Этих пронзительно зорких минут.
Но... я утратил тебя, моя юность,

---

1 εὖ — хороший, κακος — дурной, злой; «как-ангелие» = зловестие.

На перепутьях и росстанях Понта,
В зимних норд-остах, в тоске Сивашей...
Из напряженного стержня столетья
Ныне я кинут во внешнюю хлябь,
Где только ветер, пустыня и море
И под ногой содроганье земли...
Свист урагана и топот галопа
Эхом еще отдается в ушах,
Стремя у стремени четверть пробега,
Век — мой ровесник, мы вместе прошли.

16 декабря 1927
Коктебель
В дни землетрясения

293

Весь жемчужный окоем
Облаков, воды и света
Ясновиденьем поэта
Я прочел в лице твоем.

Всё земное — отраженье,
Отсвет веры, блеск мечты...
Лика милого черты —
Всех миров преображенье.

16 июня 1928
Коктебель

294. АДЕЛАИДА ГЕРЦЫК

Лгать не могла. Но правды никогда
Из уст ее не приходилось слышать —
Захватанной, публичной, тусклой правды,
Которой одурманен человек.
В ее речах суровая основа
Житейской поскони преображалась
В священную, мерцающую ткань —
Покров Изиды. Под ее ногами
Цвели, как луг, побегами мистерий
Паркеты зал и камни мостовых.
Действительность бесследно истлевала
Под пальцами рассеянной руки.
Ей грамота мешала с детства книге
И обедняла щедрый смысл письмен.
А физики напрасные законы

Лишали власти таинства игры.
Своих стихов прерывистые строки,
Свистящие, как шелест древних трав,
Она шептала с вещим напряженьем,
Как заговор от сглаза и огня.
Слепая — здесь, физически — глухая, —
Юродивая, старица, дитя, —
Смиренно шла сквозь все обряды жизни:
Хозяйство, брак, детей и нищету.
События житейских повечерий —
(Черед родин, болезней и смертей) —
В душе ее отображались снами —
Сигналами иного бытия.
Когда ж вся жизнь ощерилась годами
Расстрелов, голода, усобиц и вражды,
Она, с доверьем подавая руку,
Пошла за ней на рынок и в тюрьму.
И, нищенствуя долу, литургию
На небе слышала и поняла,
Что хлеб — воистину есть плоть Христова,
Что кровь и скорбь — воистину вино.
И смерть пришла, и смерти не узнала:
Вдруг растворилась в сумраке долин,
В молчании полынных плоскогорий,
В седых камнях Сугдейской старины.

10 февраля 1929
Коктебель

295. СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ

1

Родился я в деревне. Как скончались
Отец и мать, ушел взыскати
Пути спасения в обитель к преподобным
Зосиме и Савватию. Там иноческий образ
Сподобился принять. И попустил Господь
На стол на патриарший наскочити
В те поры Никону. А Никон окаянный
Арсена-жидовина
В печатный двор печатать посадил.
Тот грек и жидовин в трех землях трижды
Отрекся от Христа для мудрости бесовской
И зачал плевелы в церковны книги сеять.

Тут плач и стон в обители пошел:
Увы и горе! Пала наша вера.
В печали и тоске, с благословенья
Отца духовного, взяв книги и иная,
Потребная в молитвах, аз изыдох
В пустыню дальнюю на остров на Виданьской —
От озера Онега двенадцать верст.
Построил келейку безмолвья ради
И жил, молясь, питаясь рукодельем.
О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
Я образ Богоматери с Младенцем —
Вольяшный, медный — поставил ко стене:
«Ну, Свет-Христос и Богородица, храните
И образ свой, и нашу с вами келью».
Пришел на третий день и издали увидел
Келейку малую как головню дымящу.
И зачал зря вопить: «Почто презрела
Мое моление? Приказу не послушала? Келейку
Мою и Твоея не сохранила?» Идох
До кельи обгорелой, ан кругом
Сенишко погорело вместе с кровлей,
А в кельи чисто: огнь не смел войти.
И образ на стене стоит — сияет.

В лесу окрест живуще бесы люты.
И стали в келью приходить ночами.
Страшат и давят: сердце замирает,
Власы встают, дрожат и плоть, и кости.
О полночи пришли однажды двое:
Один был наг, другой одет в кафтане.
И, взяв скамью — на ней же почиваю, —
Нача меня качати, как младенца.
Я ж, осерчав, восстал с одра и беса
Взял поперек и бить учал
Бесищем тем о лавку, вопиюще:
«Небесная Царица, помоги мне».
А бес другой к земле прилип от страха,
Не может ног от пола оторвать.
И сам не вем, как бес в руках изгинул.
Возбнухся ото сна — зело устал, — а руки
Мокром мокры от скверного мясица.

В другой же раз, уснуть я не успел —
Сенные двери пылко растворились,
И в келью бес вскочил, что лютый тать,
Согнул меня и сжал так крепко, туго,
Что пикнуть мне не можно, ни дохнуть.
Уж еле-еле пискнул: «Помози ми».
И сгинул бес, а я же со слезами
Глаголю к образу: «Владычица, почто
Не бережешь меня? Ведь в мале-мале
Злодей не погубил». Тут сон нашел
С печали той великия, и вижу,
Что Богородица из образа склонилась,
Руками беса мучает, измяла
Злодея моего и мне дала.
Я с радости учал его крушить и мять,
Как ветошь драную, и выкинул в окошко:
Измучил ты меня и сам пропал.
По долгой по молитве взглянул в окно — светает.
Лежит бесище то, как мокрое тряпье.
Помале дрогнул и ногу подтянул,
А после руку...
И паки ожил. Встал, как будто пьян.
И говорит: «Ужо к тебе не буду, —
Пойду на Вытегру». А я ему: «Не смей
Ходить на Вытегру — там волость людна.
Иди, где нет людей». А он, как сонный,
От келейки по просеке пошел.

Увидел хитрый Дьявол, что не может
Ни сжечь меня, ни силой побороть,
Так насади мне в келию червей,
Рекомых мравии. Начаша мураши
Мне тайны уды ясть, и ничего иного —
Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне и больно — инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены проползают. Окопал я
Всю келейку и камнем затолок.
Они ж сквозь камни лезут и под печь.
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло — кусают.
Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесьей той напасти

Три было месяца. На последях
Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как, — все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить всё стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесьей сей напасти».
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колико немощна вся сила человека.
Худого мравия не может одолеть,
Не токмо Дьявола, без Божьей благодати.

2

Пока в пустыне с бесами боролся,
Иной великой Дьявол Церковь мучал
И праведную веру искажал,
Как мурашей, святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен Соловецкий,
Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение Царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне секли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил — думал
Души исходу лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серою еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку всполз и руку
Отсечену на сердце положил.
И чую: Богородица мне руку
Перстами осязает. Я Ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана.
Ощупал левой сеченую руку:
И пальцев нет, и боли нет, а в сердце радость.
Был на Москве в подворье у Николы
Угрешского. И прискочи тут скоро

Стрелецкий голова — Бухвостов — лют разбойник
И поволок на плаху на Болото.
Язык урезал мне и прочь помчал.
В телеге душу мало не вытряс мне,
Столь боль была люта...
О, горе дней тех! Из моей пустыни
Пошел Царя спасать, а языка не стало.
Что нужного, и то мне молвить нечем.
Вздохнул я к Господу из глубины души:
«О скорого услышанья Христова!»
С того язык от корня и пополз,
И до зубов дошел, и стал глаголить ясно.

Свезли меня в темницу в Пустозерье.
По двух годех пришел ко мне мучитель
Елагин — полуголова стрелецкой,
Чтоб нудить нас отречься веры старой.
И непослушливым велел он паки
Языки резать, руки обрубать.
Пришел ко мне палач с ножом, с клещами
Гортань мне отворять, а я вздохнул
Из сердца умиленно: «Помоги мне».
И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
Как мне палач язык под корень резал
И руку правую на плахе отсекал.
(Как впервой резали — что лютый змей кусал.)
До Вологды шла кровь проходом задним.
Теперь в тюрьме три дня я умирал.
Пять дней точилась кровь из сеченой ладони.
Где был язык во рте — слин стало много,
И что под головой — всё слинами омочишь,
И ясть нельзя, понеже яди
Во рту вращати нечем.
Егда дадут мне рыбы, щей да хлеба,
Сомну в единый ком, да тако вдруг глотаю.
А по отъятии болезни от руки
Я начал правило в уме творити.
Псалмы читаю, а дойду до места:
«Возрадуется мой язык о правде Твоея», —
Вздохну из глубины — слезишка
Из глазу и покатится:
«А мне чем радоваться? Языка и нету».
И паки: «Веселися сердце, радуйся язык».
Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?
Нет языка в устах, и сердце плачет».
Так больше двух недель прошло, а всё молю,

Чтоб Богородица язык мне воротила.
Возлег на одр, заснул и вижу: поле
Великое да светлое — конца нет...
Налево же на воздухе повыше
Лежат два языка мои:
Московский — бледноват, а пустозерской
Зело краснешенек.
Взял на руку красной и зрю прилежно:
Ворошится живой он на ладони,
А я дивлюсь красе и живости его.
Учал его вертеть в руках, расправил
И местом рваным к резаному месту,
Идеже прежде был, его приставил, —
Он к корню и прильни, где рос с рожденья
Возбнух я радостен: что хочет сие быти?
От времени того по малу-малу
Дойде язык мой паки до зубов
И полон бысть. К яденью и молитве
По-прежнему способен, как в пустыне.
И слин нелепых во устах не стало,
И есть язык, мне Богом данный, — новый
Короче старого, да мало толще.
И ныне веселюсь, и славлю, и пою
Скорозаступнице, язык мне давшей новой.

3

Сказанье о кончине
Страдальца Епифания и прочих,
С ним вместе пострадавших в Пустозерске:
Был инок Епифаний положен в сруб,
Обложенный соломой, щепой и берестом
И политый смолою.
А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.
Когда костер зажгли, в огне запели дружно:
«Владычица, рабов своих прими!»
С гудением великим огнь, как столб,
Поднялся в воздухе, и видели стрельцы
И люди пустозерские, как инок Епифаний
Поднялся в пламени божественною силой
Вверх к небесам и стал невидим глазу.
Тела и ризы прочих не сгорели,
А Епифания останков не нашли.

16 февраля 1929
Коктебель

296. СВЯТОЙ СЕРАФИМ

ПРОЛОГ

...Когда я говорю о Боге — слова
как львы ослепшие, что ищут источника
в пустыне...

У ступеней Божьего престола
Волнами гудящих ореолов
Бьет ключом клокочущая бездна...
На закатах солнц в земных пустынях
Там кипят рубиновые ветры
Устремленных к солнцу облаков.
А когда стихают ураганы
Песнопений ангельских и хоров,
То со дна миров из преисподней
Слышен еле различимый голос
К небесам взывающей земли:

«Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной!
Торжество непобедимое,
Ангельски дориносимая
Над родимою землей,
Купина неопалимая!

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая,
Огнезрачных серафим,
Очистилище чистейшее!
Госпожа всенепорочная,
Без истленья Бога родшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о благодатная!
Ты молитвы влага росная,
Живоносная вода!

Ангелами охраняемый,
Цвет земли неувядаемый,
Персть, сияньем растворенная,
Глина, девством прокаленная,
Плоть, рожденная сиять,

Тварь, до Бога вознесенная,
Диском солнца облаченная,
На серпе луны взнесенная,
Приснодевственная мать!

Ты покров природы тварной,
Свет во мраке,
Пламень зарный
Путеводного столба!
В грозный час,
Когда над нами —
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на суд,
В час, когда вся плоть проснется,
Чрево смерти содрогнется,
Солнце мраком обернется
И, как книга, развернется
Небо надвое,
И разверзнется пучина,
И раздастся голос Сына:
«О, племя упрямое!
Я стучал — вы не открыли,
Жаждал — вы не напоили,
Я алкал — не накормили,
Я был наг — вы не одели...»

И тогда ответишь Ты:
«Я одела, я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыла,
Солнце мира приютила
В чреве темноты».

В час последний
В тьме кромешной
Над своей землею грешной
Ты расстелешь плат —

Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе — одесную
Агнцу предстоят,

Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзенной духом глины,
Без изъятья — навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного суда».

Со ступеней Божьего престола
Смотрит вниз — на землю Богоматерь.
Под ногами серп горит алмазный,
А пред Нею кольчатая бездна
Девяти небесных иерархий:
Ангелы, Архангелы, Архаи,
Власти, и Начала, и Господства,
Троны, Херувимы, Серафимы...
Дышит бездна,
Разжимаясь и сжимаясь,
Поглощая свет и отдавая,
И дыханье бездны:
Алилуйя!
Алилуйя!
Слава Тебе, Боже!

И вокруг Господнего подножья
В самом сердце Вечности и Славы,
Чище всех и ближе всех к престолу —
Пламенные вихри Серафимов
Веют вечной вьюгою любви.

И в плаще клубящихся сияний,
Звездных бурь и ураганов солнц,
В пламенах гудящих шестикрылий,
Весь пронизан зреньем, и очами
Весь покрыт извне и изнутри,
Предстоит пред Девою Пречистой
Серафим.

И Серафиму Дева
Молвит:

«Мой любимиче! Погасни
В человеках. Воплотись. Сожги
Плоть земли сжигающей любовью!
Мой любимиче! Молю тебя: умри
Жизнью человеческой, а Я пребуду
Каждый час с тобою в преисподней».

И, взметнув палящей вьюгой крыльев
И сверля кометным вихрем небо,
Серафим низринулся на землю.

I

Каждый сам находит пред рожденьем
Для себя родителей. Избравши
Женщину и мужа, зажигает
В их сердцах желанье и толкает
Их друг к другу. То, что люди
Называют страстью и любовью,
Есть желанье третьего родиться.
Потому любовь земная — бремя
Темное. Она безлика
И всегда во всех себе подобна.
И любовники в любови неповинны:
Нету духам в мир иного входа,
Как сквозь чрево матери. Ключарь же
Сам не знает, для кого темницу
Юдоли земной он отпирает.

Вечный дух, сливающийся с плотью,
Сразу гаснет, слепнет и впадает
В темное беспамятство. Отныне
Должен видеть он очами плоти,
Помнить записями вещества.
Потому входящий в жизнь в начале
Пробегает весь разбег творенья:
В чреве матери он повторяет пляску
Древних солнц в туманных звездовертях.
Застывая в черный ком земли,
Распускается животной, дремной жизнью
Незапамятного прошлого — покамест
Всё кипенье страстных руд и лав
Не сжимается в тугой и тесный узел
Слабого младенческого тела.

И, прорвав покровы чревных уз,
С раздирающим, бессильным криком
Падает на дно вселенных — землю.

Богородица сама для Серафима
Избрала чету
И час рожденья:
Сидора с Агафьей Мошниных,
В граде Курске,
В месяце июле,
Девятнадцатого дня,
За шесть лет до смерти
Государыни Елисаветы
Дочери Петра Великого.

Сын рожденный наречен был Прохор.

Дремной жизнью жил младенец Прохор.
Дивные виденья озаряли
Детский сон. В душе звучали хоры
Ангельских далеких песнопений.
Жития подвижников пленяли
Детский дух преодоленьем плоти.
И о чудесах повествованья
Были милы, как напоминанья
Об утраченном, живом законе жизни.

Лет семи с верхушки колокольни
Оступился он. Но чьи-то крылья
Взвились рядом, чьи-то руки
Поддержали в воздухе и невредимым
На землю поставили.
Мать шептала про себя:
«Что убо будет
Отроча сие?» И, прозревая
Дивные предназначенья, сына
К жизненным делам не понуждала.

Прохор же читал святые книги,
В церкви служб не пропускал и в храме
Чувствовал себя как в доме отчем.

Вырос Прохор юношей. И стал
Круглолицым, русым и румяным
Статным русским молодцем. Славянство

Плоть имеет детскую — нетронутую тленьем,
Чистую от записи страстей
И как воск готовую принять
Пламя духа и сгореть лучистым,
Ярким светочем пред темною иконой.

Стало Прохора тянуть в пустыню,
Прочь от суеты, в лесные скиты,
К подвигам, к молчанью и к молитвам.
Девятнадцать лет имел он от рожденья.
Дух небесный врос в земное тело,
Земный узел был затянут туго.
Духу наступало время снова
Расплести завязанное.

II

Богородица сама избрала место
На Руси меж Сатисом и Сарой
Для подвижничества Серафима.

Погиб гор порос от века бором,
Дремный лес пропах смолой и зверем,
Жили по рекам бобры и выдры,
Лось, медведи, рыси да куницы.
Место то незнаемо от человека.

Сотни лет безлюдья и пустыни,
Сотни лет молитвы и молчанья.

Разверзалось небо над лесами,
Звезды и планеты колдовали
И струились пламенные токи,
И, пронизаны неизреченным светом,
Цепенели воды и деревья.

Раз пришел на гору юный инок.
Много лет провел один в молитвах.
И срубил из сосен церковь
В честь Пречистой Девы Живоносных Вод.
Основал обитель. Был над ней игумен.
В старости замучен был в темнице
Грешною императрицей Анной.
Так возник в лесах дремучих Саров.

Поздней осенью, замерзшими полями
Прохор шел в обитель. Было ясно.
Изморозь березовые рясна
Убирала к утру хрусталями.
В Саров он пришел в канун Введенья.
Слышал в церкви всенощное бденье,
Восторгаясь пенью и усердью
Иноков в молитве.

Прохор послушанье нес в столярне.
Сладок подвиг плотничьей работы,
Ибо плоть древесная — безгрешна
И, не зная боли, радуется
Взмаху топора и ласке струга,
Как земля — сохе, как хворост — искре.
Плоть сосны благоухает солнцем,
Телом девичьим нежна береза,
Вяз и дуб крепки и мускулисты,
Липа — женственна, а клен — что отрок.
Больше всех других дерев любил он
Кипарис — душистый, с костью схожий.
Резал крестики для богомольцев.
Всё же время ни за отдыхом, ни за работой
Умственной не прекращал молитвы.
Стала жизнь его одною непрерывной,
Ни на миг не прекращаемой молитвой:
«Господи Исусе Сыне Божий,
Господи, мя грешного помилуй!»
Ею он звучал до самых недр
Каждою частицей плоти, как звучит
Колокол всей толщей гулкой меди.
И, как благовест, — тяжелыми волнами
В нем росло и ширилось сознанье
Плоти мира — грешной и единой.

Как ни туго вяжет плоть земная,
Как ни крепко выведены своды
И распоры тела, но какой темнице
Удержать верховный омут света,
Ураган молитв и вихри славословий?
Тело Прохора не вынесло напора
Духа. Прохор слег в постель. Три года
Болен был. И саровские старцы

От одра его не отходили.
Иноки служили литургии
И справляли всенощные бденья,
Чтобы вымолить его у смерти.
А когда больного причастили,
У одра явилась Богоматерь,
Протянула руку и сказала:
«Сей есть рода нашего. Но рано
Землю покидать ему». Коснулась
Правого бедра. Раскрылась рана,
Вытекла вода, и исцелился Прохор.

Выздравев, был Прохор посылаем
По Руси за сбором подаяний.
Он ходил по городам, по селам,
По глухим проселочным дорогам,
По лесным тропам, по мшистым логам,
Голым пашням, пажитям веселым.
С нежной лаской лыковые лапти
Попирали и благословляли
Землю темную, страдальную, святую.

Так минули годы послушанья.
Возвратившись в монастырь, он вскоре
Удостоен был монашеского сана.
Старец же Пахомий, прозревая
Прохора божественную тайну,
Повелел, чтоб в иноческом чине
Он именовался *Серафимом,*
Что означает «пламенный».

III

Служба утром шла в Страстной Четверг.
Серафим-иеродьякон служит
Литургию. Воздух в церкви полон
Вещим трепетом незримых крыльев,
Молнийные юноши сверкают
В златотканных белых облаченьях,
И звенит, сливаясь с песнопеньем,
Тонкий звон хрустальных голосов.

Говорит священник тайную молитву:
«Сотвори со входом нашим входу

Ангелов, сослужащих нам, быти!»
Вспыхнул храм неизреченным блеском;
В окруженьи света, сил и славы,
Точно в золотистом, пчельном рое,
С западных церковных врат к амвону
Сын Господний в лике человечьем
К ним идет по воздуху. Вошел
В образ свой, и все иконы церкви
Просветились и обстали службу
Сонмами святых. Преображенье
Было зримо только Серафиму.
Онемел язык и замер дух.
Под руки ввели его в алтарь,
Три часа стоял он без движенья,
Только лик — то светом разгорался,
То бледнел, как снег.

IV. ТВАРЬ

Не из ненависти к миру инок
Удаляется в пустыню: русла
И пути ему видней отсюда,
Здесь он постигает различенье
Всех вещей на доброе и злое,
На поток цветенья и распада.
Мир в пустыне виден по-иному,
За мирским виднее мировое,
Мудрость в нем рождается иная,
Он отныне весь иной — он Инок.

Серафим из монастырской кельи
Жить ушел в пустыню со зверями.
Сам себе в лесу избу построил
На речном обрыве возле бора,
Огород вскопал, поставил ульи.
(Пчелы в улье то же, что черницы.)
Мох сбирал, дрова рубил, молился
По пустынножительскому чину.
Раз в неделю он ходил за хлебом
И, питаясь крохами, делился
Со зверьми и птицами лесными.
В полночь звери к келье собирались:
Зайцы, волки, лисы да куницы,
Прилетали вороны и дятлы,

Приползали ящерицы, змеи,
Принимали хлеб от Серафима.
Тишину и строгость любят звери,
Сердцем чтут молитву и молчанье.
Раз пришла монахиня и видит:
Серафим сидит на пне и кормит
Сухарями серого медведя.
Онемела и ступить не смеет.
Серафим же говорит: «Не бойся,
Покорми его сама». — «Да страшно —
Руку он отъест». — «Ты только веруй,
Он тебя не тронет... Что ты, Миша,
Сирот моих пугаешь-то? Не видишь:
Гостью-то попотчевать нам нечем?
Принеси нам утешеньица».
Час спустя медведь вернулся к келье:
Подал старцу осторожно в пасти
Пчельный сот, завернутый в листы.
Ахнула монахиня. А старец:
«Лев служил Герасиму в пустыне,
А медведь вот Серафиму служит...
Радуйся! Чего нам унывать,
Коли нам лесные звери служат?
Не для зверя, а для человека
Бог сходил на землю. Зверь же раньше
Человека в нем Христа узнал.
Бык с ослом у яслей Вифлеемских
До волхвов Младенцу поклонились.
Не рабом, а братом человеку
Создан зверь. Он преклонился долу,
Дабы людям дать подняться к Богу.
Зверь живет в сознаньи омраченном,
Дабы человек мог видеть ясно.
Зверь на нас взирает с упованьем,
Как на Божиих сынов. И звери
Веруют и жаждут воскресенья...
Покорилась тварь не добровольно,
Но по воле покорившего, в надежде
Обрести через него свободу.
Тварь стенает, мучится и ищет
У сынов Господних откровенья,
Со смиреньем кротко принимая
Весь устав жестокий человека.

Человек над тварями поставлен
И за них ответит перед Богом:
Велика вина его пред зверем,
Пред домашней тварью особливо».

V

Келья инока есть огненная пещь,
В коей тело заживо сгорает.
И пустынножительство избравший
Трудится не о своем спасеньи:
Инок удаляется в пустыню
Не бежать греха, но, грех приняв
На себя, собой его очистить,
Не уйти от мира, но бороться
За него лицом к лицу с врагом,
Не замкнуться, но гореть молитвой
Обо всяком зле, о всякой твари,
О зверях, о людях и о бесах.
Ибо бесы паче всякой твари
Милосердьем голодны, и негде
Им его искать, как в человеке.
Бес рожден от плоти человечьей:
Как сердца цветут молитвой в храме,
Как земля весной цветет цветами,
Так же в мире есть цветенье смерти —
Труп цветет гниеньем и червями,
А душа, охваченная тленьем, —
Бесами, — затем, что Дьявол — дух
Разрушенья, тленья и распада.
Человек, пока подвластен миру
И законам смерти и гниенья,
Сам не знает, *что* есть искушенье.
Но лишь только он засветит пламя
Внутренней молитвы, тотчас бесы,
Извергаемые прочь, стремятся
Погасить лампаду и вернуться
В смрадные, насиженные гнезда.
Грешник ходит — и не слышно беса.
Вслед же иноку они клубятся стаей.
Потому-то монастырь, что крепость,
Осаждаем бесами всечасно.

Бес уныния приходит в полдень
И рождает беспокойство духа,

Скуку, отвращение, зевоту,
Голод и желанье празднословить,
Гонит прочь из кельи точно хворост,
Ветрами носимый, иль внушает
То почистить, это переставить,
Ум бесплодным делая и праздным.
Бес вечерний сердце жмет и тянет
Горестной, сладимою истомой,
Расстилается воспоминаньем,
Соблазняет суетою неизжитой.
Бес полуношный наводит страхи,
Из могил выходит мертвецами,
Шевелится за спиной, стучится в окна,
Мечет вещи, щелкает столами,
На ухо кричит, колотит в двери,
Чтоб отвлечь сознанье от молитвы.
Бес же утренний туманит мысли
Теплым телом, манит любострастьем,
Застилает мутным сном иконы,
Путает слова и счет в молитвах.

Хитры и проникновенны бесы.
Но в обителях со вражьей силой
Братья борется, как с голубями,
А пустынники — те, как со львами
Или с леопардами в пустыне.
Ибо к тем, кто трудится в пустыне,
Дьявол сам с упорством приступает.

VI

Серафим лицом к лицу боролся
С дьяволом и с бесами. Нельзя
Ангелу в лицо взглянуть от блеска,
Так же нестерпимо видеть бесов.
Ибо бесы — гнусны. Всё, что скрыто
Человеку в собственной природе
Темного, растленного и злого,
Явлено ему воочью в бесе:
Сам себе он в бесьем лике гнусен.
Серафим, приняв всю тягу плоти,
Чрез нее был искушаем бесом.
Русский бес паскудлив и озорист,

Но ребячлив, прост и неразумен.
Ибо плоть славянская незрела
И не знает всех глубин гниенья.

И когда он вышел из затвора,
То увидели, что лик его
Стал сгущенным светом, всё же тело —
Что клубок лучей, обращенных внутрь.
В небе
Ближе всех он был у Бога,
Здесь же стал *убогим* Серафимом.
Был на небе он покрыт очами,
А теперь его покрыли раны.
Ибо раны — очи, боль есть зренье
Человеческой смиренной плоти.
А над поясницей развернулось
Шестикрылье огненное, оку
Невидимое. И стал согбенен
Серафим под тягой страшной крыльев.
И ходил он, опираясь на топорик.
А затем, чтоб пламенным порывом
От земли не унестись, с тех пор
На плече носил мешок с камнями
И землей, а сверху клал
Самую большую тягу,
Приковавшую его к земле:
Евангелье Христово. А так как крылья
Не давали ему ни сесть, ни лечь — он спал,
Став на колени, лицом к земле,
На локти опершись
И голову держа в руках.

VII

Так, очищенный страданьем, прозорливый,
Растворил он людям двери кельи
И отверз свои уста, уча.

Хлынула вся Русь к его порогу.
В тесной келье, залитой огнями,
Белый старец в белом балахоне,
Весь молитвами, как пламенем, овеян,
Сам горел пылающей свечой.

Приходили ежедён толпами
Праведники, грешники, страдальцы,
Мужики, чиновники, дворяне,
Нищие, калеки и больные
И несли ему на исцеленье
Плоть гниющую
И омертвелый дух.
Приводили ребятишек бабы,
Землю, где ступал он, целовали,
Лаяли и кликали кликуши,
В бесноватом бес в испуге бился
И кричал неистово: «Сожжет!»

Серафим встречал пришедших с лаской,
Радостный, сияющий и тихий,
Кланялся иным земным поклоном,
Руки целовал иным смиренно,
Всех приветствовал: «Христос воскрес!»

Говорил: «Уныние бывает
От усталости. Не грех веселость.
Весел дух перед лицом Творца!
Надо скорбь одолевать, нет дороги унывать.
Иисус — всё победил, смертью смерть Христос убил,
Еву Он преобразил и Адама воскресил!»

Говорил, встречая темный народ:
«Ох, беда-то какая ко мне идет...
Люди с людьми-то что делают...
Что слез-то пролито, что скорби тут».

Матери, которой сын резвился
Средь лампад, стоявших пред иконой:
«С малюткой ангел Божий играет, матушка.
Дитя в беспечных играх
Как можно останавливать!»

О свечах горящих говорил он:
«Телом человек свече подобен.
Как она, он пламенем сгорает.
Вера — воск. Светильник есть надежда.
Огнь — любовь. Будь Господу свечой!
Если кто ко мне имеет веру,
За того горит перед иконой
У меня свеча. Потухнет — преклоняю
За него колени, ибо знаю,

Что он впал сегодня в смертный грех.
Как не может воск не разогретый
Оттиск дать печати, так и души,
Не смягченные грехами и страданьем,
Не воспримут Божию печать».

Прибежал однажды утром в Саров
Мужичонко в зипуне, без шапки,
Спрашивал у встречных у монахов:
«Батюшка, ты что ли Серафим?»
Привели его. Он бухнул в ноги,
Говорит: «Украли лошадь.
Нищий я. Семья... Кормить чем буду?..
Говорят, угадываешь ты...»
Серафим, за голову обнявши,
Приложил ее к своей и молвит:
«Огради себя молчаньем, сыне!
Поспеши в посад Борисоглебов,
Станешь подходить — сверни налево,
Да пройди задами пять домов.
Тут в стене калитка. Против входа
Прямо у колоды конь привязан.
Отвяжи и выведи. Но молча!»
Как сказал, так и случилось всё.

Он вникал во все дела людские,
Малые, житейские, слепые,
Говорил с душевным человеком
О мирском, с духовным — о небесном.
А таких, кому речей не надо,
Деревянным маслицем помажет,
Даст воды испить из рукавички,
Даст сухарик, напоит вином
И с души весь слой дорожной пыли
Отряхнет и зеркало протрет,
Чтоб земные души отразили
Божий Лик в глубинах темных вод.

VIII

Болен был помещик Мотовилов.
На руках был принесен он в Саров.
Старец строго вопросил больного:
«Веруете ль вы в Христа, что Он —

Богочеловек, а Богоматерь
Истинно есть Приснодева?» — «Верю».
— «Веруете ль, что Господь как прежде
Исцелял, так и теперь целит?»
— «Верую». — «Так вот — извольте видеть:
Иисус целил больных, снимая
С них грехи, болезни ж принимая
На Себя. И есть Он — прокаженный,
Все-больной, все-грешник, все-страдалец.
Было так, так и поныне есть.
Коли верите, то вы здоровы».

«Как же я здоров, коль вы и слуги
Под руки поддерживаете меня?»
— «Вы совершенно здравы,
Всем вашим телом. Крепче утверждайтесь
Ногами на земле. Ступайте смело.
Вот, Ваше Боголюбие, как хорошо пошли!
Божья Матерь Сына упросила:
Ей молитесь и благодарите».

В ноябре приехал Мотовилов
Старца поблагодарить. Снежило.
День был пасмурный. Пошли по лесу.
Старец посадил его на пень,
Сам присел на корточки и молвит:
«Каждый человек есть ангел,
Замкнутый в темницу плоти.
Если бы соизволеньем Божьим
Мы могли увидеть душу
Ничтожнейшего из людей такою,
Как есть она, мы были б сожжены
Ее огнем в то самое мгновенье,
Как если б были ввергнуты в жерло
Вулкана огнедышащего.
Был сотворен Адам
Неподлежащим действию стихий:
Ни огнь ожечь, ни потопить вода
Его не в силах были.
Каждой твари он ведал имена.
И понимал глаголы Господа и ангелов.
Был Адам в раю подобен углю
Раскаленному. И, вдруг погаснув,

Плотен стал и холоден, и черен.
Но Христос вернул ему прообраз,
Дух Святой вдохнув в учеников».
— «А что же значит
Быть в Духе, батюшка?» —
А Серафим, взяв за плечи:
«Теперь мы оба в *Духе*.
Что ж ты не смотришь на меня?»
— «Не могу смотреть на вас... От лика
Точно молнии... Глаза от боли ломит».
— «Не устрашайтесь, Ваше Боголюбие,
Теперь вы сами светлы, как я,
Ибо тоже в полноте вы Духа Божьего,
Иначе вам меня таким не увидать.
Не бойтесь. Смотрите прямо мне в глаза».

Глянул — и ужас объял его: поляна
Белая, и лес, крупа снежит,
А посреди поляны ярче солнца
В самом знойном блеске полуденных лучей —
Как вихрь сверкающий, клубится шестикрылье.
А в сердце света Лик Серафима —
Уста шевелятся, глаза глядят,
Да руки поддерживают за плечи.

«Что чувствуете, Ваше Боголюбие?» — «Мир
И тишину такую, что нету слов».
— «Се есть мир, о коем сказано:
Мой мир даю вам!
А что еще вы чувствуете?» — «Радость
Необычайную». — «Се есть радость
В духе рожденного. Жена, когда рожает,
Терпит боли. А родив,
Себя не помнит от радости.
Еще что чувствуете?» — «Теплоту».
— «Какую ж теплоту-то, батюшко?
Ведь мы в лесу сидим. Теперь зима.
Под нами снег и снег на нас.
Какая же теплота?» — «А вот как в бане,
Как пару поддадут...» — «А запах тоже
Такой же, как из бани?» — «Нет.
В детстве матушка, бывало, покупала
Духи в Казани в лучших магазинах —

Так даже в них благоуханья нет такого».
— «Так, Ваше Боголюбие,
Я так же, как и вы, всё чувствую,
Но спрашиваю, дабы убедиться: так ли
Вы всё восприняли? Нет слаще
Благоухания Святого Духа.
Вот вам тепло, а снег на вас не тает,
Затем, что теплота не в воздухе, а в вас.
О ней же сказано, что Царство Божье
Внутри нас есть. Сияние ж такое
От духа, если он просветится сквозь плоть.
Рассказывают о пустыннике Сысое,
Что пред смертью лик его
Как месяц просиял.
Он говорит:
„Вот лик пришел пророков...“
Потом лицо сильнее заблистало:
„Вот лик апостолов...“
И стало вдвое сильней сияние:
„Ангелы пришли за мной“.
Вдруг стал он точно солнце:
„Вот сам Христос приидет!“
И предал дух и стал
Он весь как молния.
Вера, Ваше Боголюбие, не в мудрости,
А в сих явленьях духа.
Вот в этом состояньи
Мы оба и находимся.
Запомните сей час:
Для ради сокрушений сердца вашего
Предстательством самой Пречистой Девы
И по смиренным просьбам Серафима
Господь вас удостоил лицезренья
Великолепий славы».

Так «Служке Божьей Матери и Серафима»,
Как звал себя до смерти Мотовилов,
Был явлен подлинный небесный облик старца.

IX

В очищенье и в преображенье плоти
Три удела емлет Богоматерь:
Иверский, Афонский и Печерский.

А теперь — Дивеевский — четвертый
Послан был устроить Серафим.
Как лампаду в древнем срубе, старец
Женский монастырь возжег с молитвой
В самом сердце северной Руси.
Ни один был камень не положен,
Ни одна молитва не свершалась,
Ни одна не принята черница
Без особого соизволенья
Старцу Божьей Матери на то.
Каждый колышек был им окрещен,
Каждый камешек был им омолен,
И сама Небесная Царица
Собственными чистыми стопами
Всю обитель трижды обошла.
А отдельно, рядом с общим скитом,
Рядом с женской скорбною лампадой,
Серафим затеплил скит девичий —
Ярый пламень восковой свечи
От сердец Марии и Елены —
Двух святых и непорочных дев.

Девочкой Мария увязалась
За сестрой-монахинею в Саров.
Было ей тринадцать лет. Крестьянка.
Тонкая. Высоконькая. Ликом
Нежная и строгая. Так низко
Над глазами повязь опускала,
Что видала лишь дорогу в Саров,
Кончики бредущих ног, а в мире
Только лик Святого Серафима.
В девятнадцать лет — отроковица
И молчальница ушла из жизни.
Серафим ей тайны о России
Открывал, пред смертию посхимил,
Называл ее своей невестой
И начальницей небесных дев.

Во миру была сестра Елена
Светской девушкой. Любила танцы,
Болтовню, и смех, и развлеченья.
Раз в пути она ждала в карете
Лошадей. Раскрыла дверцу:

Видит в небе, прямо над собою
Черный змий с пылающею пастью.
Силы нет ни крикнуть, ни позвать.
Вырвалось: «Небесная Царица!
Защити!» И сгинул змий. Воочью
Поняла она весь смрад и мерзость беса
И решилась в монастырь уйти.
За благословеньем к Серафиму
Обратилась, а в ответ ей старец:
«И не думай, и никак нельзя.
Что ты — в монастырь? Ты выйдешь замуж».
Три зимы молила Серафима.
Он же всё:
«Как в тягостях-то будешь,
Лишь не будь скора: ходи потише —
Понемногу с Богом и снесешь».
Уж совсем отчаялась. Но старец
Ей пока дозволил поселиться
В общине Дивеевской. И снова:
«Ну, теперь пора и обручиться
С женишком». — «Я замуж не могу».
— «Всё еще не понимаешь, радость?
Ты пойди к начальнице-то вашей,
Ксении Михайловне, — скажи ей,
Что тебе убогий Серафим
С женихом велит, мол, обручиться,
В черненькую ряску обрядиться —
Вот ведь замуж за кого идти!
Вижу весь твой путь боголюбивый.
Здесь тебе и жить, и умереть.
Будь всегда в молитве и в молчаньи.
Спросят что — ответь. Заговорят — уйди».
Слишком быстрою была Елена:
Вся — порыв, вся — пламень, вся — смиренье.
Потому пред ней и обнажилась
Нежить гнусная и бесья суета.
Серафим же говорил: «Не бойся.
Львом быть трудно. Будь себе голубкой.
Я ж за всех за вас пребуду львом».
Раз, призвавши, он сказал Елене:
«Дать хочу тебе я послушанье:
Болен братец твой, а он мне нужен
Для обители. Умри за брата».

Преклонясь, ответила: «Благословите,
Батюшка!» И вдруг смутилась: «Смерти
Я боюсь...» — «Что нам с тобой бояться?» —
Успокоил Серафим. Вернулась
И слегла. И больше не вставала.
Перед смертью Огнь Неизреченный
Видела, и райские чертоги.
Так и умерла «за послушанье».
И в гробу два раза улыбнулась.
Серафим же, зная час кончины,
Торопил сестер: «Скорей грядите,
Ваша госпожа великая отходит».
Плачущим же говорил: «Не плачьте.
Ничего не понимают — плачут.
Кабы видели — душа-то как взлетела:
Точно птица выпорхнула! Расступились
Серафимы с Херувимами пред ней».

X

В Благовещение к Серафиму
Евдокия-старица пришла.
Светлый встретил инокиню старец:
«Радость-то нам, радость-то какая!
Никогда и слыхом не слыхалось:
Божья Матерь будет в гости к нам».
— «Не достойна я...» — «Хотя и не достойна,
Упросил я Деву за тебя.
Рядом стань и повторяй за мною:
«Алилуйя! Радуйся, Невеста
Неневестная!» Не бойся. Крепче
За меня держись. Нам Божья
Благодать является». Раздался
Шум, подобный шуму леса в бурю,
А за ветром ангельские хоры,
Распахнулись стены, и под сводом
Затеплились тысячи свечей.
Двое ангелов вошли с ветвями
Расцветающими. Следом старцы
И сама Небесная Царица.
И двенадцать чистых дев попарно.
Говорит Царица Серафиму:
«Мой любимиче, проси, что хочешь, —
Всё услышу, всё исполню Я».

Стал просить убогий о сиротах
Серафимовых и всем прощенье
Вымолил. А старица упала
Замертво. А после слышит, будто
Спрашивает Богоматерь: «Кто же
Это здесь лежит?» А Серафим:
«Старица, о коей я молился».
Божья Матерь говорит: «Девица!
Встань. Не бойся: здесь такие ж девы,
Как и ты. Мы в гости к вам пришли.
Подойди сама и расспроси их,
Кто они». Сначала Евдокия
Светлых юношей спросила: «Кто вы?»
— «Божьи ангелы». А после старцев...
«Я — Креститель. Я на Иордане
Господа крестил. И обезглавлен
Иродом». — «Я — Иоанн, любимый
Ученик. Мне дано Откровенье».
После к девам подошла по ряду.
Назвались святые девы Феклой,
Юлианией, Варварой, Пелагеей,
Ксенией, Ириной... Все двенадцать
Рассказали ей и жизнь, и муки,
Всё, как писано в Четьи-Минеях.
После с Серафимом все прощались,
Руку в руку с ним поцеловались.
И сказала Богоматерь: «Скоро,
Мой любимиче, ты будешь с нами».

Старец стал готовиться к отходу.
Телом одряхлел, ослабли силы.
Говорил: «Конец идет. Я духом
Только что родился. Телом — мертв».
Начал прятаться от богомольцев,
Издали и молча осеняя
Знаменьем собравшийся народ.
В Новый год был чрезвычайно весел,
Обошел во храме все иконы,
Всем поставил свечи, приложился,
С братией простился, ликовался,
Трижды подходил к своей могиле,
В землю всё смотрел, как бы ликуя.
После же всю ночь молился в келье,

Пел пасхальные веселые каноны:
«Пасха велия... Священнейшая Пасха!»
Духом возносясь домой — на небо.
И взнесенный дух не воротился в тело.
Умер, как стоял, — коленопреклоненный.
Только огнь, плененный смертной плотью,
Из темницы вырвавшись, пожаром
Книги опалил и стены кельи.

Но земли любимой не покинул
Серафим убогой после смерти.
Раз зимой во время снежной вьюги
Заплутал в лесных тропах крестьянин.
Стал молиться жарко Серафиму.
А навстречу старичок — согбенный,
Седенький, в лаптях, в руке топорик.
Под уздцы коня загреб и вывел
Сквозь метель к Дивеевским заборам.
«Кто ты, дедушка?» — спросил крестьянин.
— «Тутошний я... тутошний...» И сгинул.
А зайдя к вечерне помолиться,
Он узнал в часовне на иконе
Давешнего старичка и понял,
Кто его из снежной вьюги вывел.

Всё, с чем жил, к чему ни прикасался:
Вещи, книги, сручья и одежды,
И земля, где он ступал, и воды,
Из земли текущие, и воздух, —
Было всё пронизано любовью
Серафимовой до самых недр.
Всё осталось родником целящей,
Очищающей и чудотворной силы.
— «Тутошний я... тутошний...» Из вьюги,
Из лесов, из родников, из ветра
Шепчет старческий любовный голос.
Серафим и мертвый не покинул
Этих мест, проплавленных молитвой,
И, великое имея дерзновенье
Перед Господом, заступником остался
За святую Русь, за грешную Россию.

<1919, 1929
Коктебель>

297. ЗАКЛИНАНИЕ

Марусе

Закрой глаза и разум угаси.
Я обращаюсь только к подсознанью,
К ночному «Я», что правит нашим телом.
Слова мои запечатлятся крепко
И врежутся вне воли, вне сознанья,
Чтобы себя в тебе осуществить.
Творит не воля, а воображенье.
Весь мир таков, каким он создан нами.
Достаточно сказать себе, что *это*
Совсем легко, и ты без напряженья
Создашь миры и с места сдвинешь горы.

Все органы твои работают исправно:
Ход вечности отсчитывает сердце,
Нетленно тлеют легкие, желудок
Причастье плоти превращает в дух
И темные отбрасывает шлаки.
Яичник, печень, железы и почки —
Сосредоточия и алтари
Высоких иерархий — в музыкальном
Согласии. Нет никаких тревожных
Звонков и болей: руки не болят,
Здоровы уши, рот не сохнет, нервы
Отчетливы, выносливы и чутки...
А если ты, упорствуя в работе,
Физических превысишь меру сил, —
Тебя удержит сразу подсознанье.

Устав за день здоровым утомленьем,
Ты вечером заснешь без сновидений
Глубоким сном до самого утра.
А сон сотрет вчерашние тревоги
И восстановит равновесье сил,
И станет радостно и бодро, как бывало
Лишь в юности, когда ты просыпалась
Весенним утром от избытка счастья:
Вокруг тебя любимые друзья,
Любимый дом, любимые предметы,
Журчит волна, вдали сияют горы...
Всё, что тебя недавно волновало,

Будило гнев, рождало опасенья,
Все наважденья, страхи и обиды
Скользят, как тени, в зеркале души,
Глубинной тишины не нарушая.
Будь благодарной, мудрой и смиренной.
Люби в себе и взлеты, и паденья,
Люби приливы и отливы счастья,
Людей и жизнь во всем многообразьи,
Раскрой глаза и жадно пей от вод
Стихийной жизни — радостной и вечной.

21 марта 1929
Коктебель

298. ВЛАДИМИРСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

Не на троне — на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею, —
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Немею —
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженье.
Кто разверз озера этих глаз?
Не святой Лука-иконописец,
Как поведал древний летописец,
Не Печерский темный богомаз:
В раскаленных горнах Византии,
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земные краски воплощен.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусством, — он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, —

Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междоусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой, над Русью вознесенный,
В тьме веков указывал нам след
И в темнице — выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сверканьи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом.
Не погром ли ведая Батыев —
Степь в огне и разоренье сел —
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великокняжий стол?
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и в глушь Владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намет шатровых куполов.
А когда Хромец Железный предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал
И на Русь дороги заступил?
От лесов, пустынь и побережий
Все к тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий...
Цепкие сбиратели земли...
Здесь, в Успенском — в сердце стен Кремлевых,
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари...
Черной смертью и кровавой битвой
Девичья святилась пелена,
Что осьмивековою молитвой
Всей Руси в веках озарена.
Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты

Подняли перед церквами крик —
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик:
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем — Лик самой России —
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль и не цветут цветы:
В мире нет слепительнее чуда
Откровенья вечной Красоты!

Посыл — *А. И. Анисимову*

Верный страж и ревностный блюститель
Матушки Владимирской, — тебе —
Два ключа: златой — в Ее обитель,
Ржавый — к нашей горестной судьбе.

26 марта 1929
Коктебель

СТИХОТВОРЕНИЯ 1899—1931 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

299

Случайно брошенное слово,
Сухой цветок, письмо, портрет
Имеют силу вызвать снова
Воспоминанья прежних лет...

3 апреля 1900
Москва

300

Юность — только агония
Умирающего детства.

Жизнь — бесконечное познание...
Возьми свой посох и иди! —
...И я иду... и впереди
Пустыня... ночь... и звезд мерцание.

<1901>

301

На заре. Свежо и рано.
Там вдали передо мною
Два столетние каштана,
Обожженные грозою.
Уж кудрявою листвою
На одном покрылась рана...
А другой в порыве муки
Искалеченные руки
Поднял с вечною угрозой —

Побежденный, но могучий,
В край, откуда идут грозы,
Где в горах родятся тучи.
И, чернея средь лазури,
Божьим громом опаленный,
Шлет свой вызов непреклонный
Новым грозам, новой буре.

Над чернеющими пнями
Свежесрубленного леса
Шепчут тонкие побеги
Зеленеющих берез.
А в лесу темно, как в храме,
Елей темная завеса
Пахнет хвоей под ногами,
И, как гроздья, среди леса
Всюду пятна птичьих звезд.
И от карканья ворон
Гул стоит со всех сторон,
Как торжественный, спокойный
Колокольный мерный звон —
Гулкий, стройный
и унылый...
А над срубленными пнями,
Как над братскою могилой,
Тихо двигая ветвями,
Им березы шелестят...
«Мир уставшим... Мир усопшим», —
Вместе с дальним гулом сосен,
Наклоняясь, говорят...
И им вторит издалека,
Нарушая цепь их дум,
Рокот вольного потока —
Вечной Жизни бодрый шум.
Думой новою объятый,
Я стою... И мне слышны
Словно дальние раскаты
Человеческой волны...

<22 июля 1902
Неаполь>

302

Я — Вечный Жид. Мне люди — братья.
Мне близки небо и земля.
Благословенное проклятье!
Благословенные поля!
Туда — за грань, к пределам сказки!..
Лучи, и песни, и цветы...
В полях люблю я только краски,
А в людях только бред мечты.
И мир как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...

1902
Париж

303. «ВЕСНА» МИЛЛЭ

В голосе слышно поющее пламя,
Точно над миром запела гроза.
Белые яблони сыплют цветами,
В туче лиловой горит бирюза.

Гром прокатился весеннею сказкой,
Влажно дыханье земли молодой...
Буйным порывом и властною лаской
Звуки, как волны, вздымает прибой.

1904
Париж

304. TETE INCONNUE [1]

Во мне утренняя тишь девушки.
Во мне молчанье непробужденной природы,
Тайна цветка, еще не распустившегося.
Я еще не знаю пола.
Я вышла, как слепая жемчужина, из недр природы.
Мои глаза еще никогда не раскрывались.
Глубокие нити связывают меня с тайной,

[1] Голова неизвестной (фр.). — *Ред.*

И я трепещу от дуновений радости и ужаса.
Меч вожделения еще не рассек моей души.
Я вся тайна. Я вся ужас. Я вся тишина.
Я молчание.

<1904>

305

И с каждым мгновеньем, как ты отдалялась,
Всё медленней делались взмахи крыла...
Знакомою дымкой душа застилалась,
Знакомая сказка по векам плыла...
И снова я видел опущенный локон,
Мучительно тонкие пальцы руки;
И чье-то окно среди тысячи окон,
И пламенем тихим горят васильки...
...Я видел лицо твое близким и бледным
На пурпурно-черном шуршащем ковре...
Стволы-привиденья, и с гулом победным
Великий и Вещий сходил по горе...
И не было мыслей, ни слов, ни желаний,
И не было граней меж «я» и «не я»,
И рос нераздельный, вне снов и сознаний,
Единый и цельный покой бытия...

Сентябрь 1905
Париж

306

Казнимый может при известных условиях считаться живым, провисев в петле не только минуты, но даже и часы. Современная же медицина не имеет еще надежных способов для определения момента наступления действительной смерти.

Проф. П. Минаков. Рус. Ведом. № 244

Лежать в тюрьме лицом в пыли
Кровавой тушей, теплой, сильной...
Не казнь страшна... не возглас «пли!»
Не ощущенье петли мыльной.

Нельзя отшедших в злую тень
Ни потревожить, ни обидеть.
Но быть казнимым каждый день!
И снова жить... и снова видеть...

Переживя свою судьбу,
Опять идти к крестам забытым,
Лежать в осмоленном гробу
С недоказненным, с недобитым.

И каждый день и каждый час
Кипеть в бреду чужих мучений...
Так дайте ж смерть! Избавьте нас
От муки вечных возрождений!

<1905>

307

Город умственных похмелий,
Город призраков и снов.
Мир гудит на дне ущелий
Между глыбами домов.

Там проходят миллиарды...
Смутный гул шагов людских
К нам доносится в мансарды,
Будит эхо в мастерских...

В мир глядим с высоких гор мы,
И, волнуясь и спеша,
Шевелясь, родятся формы
Под концом карандаша.

Со сверкающей палитры
Льется огненный поток.
Солнца больше чтить не мог
Жрец Ормузда или Митры.

Днем я нити солнца тку,
Стих певучий тку ночами,
Серый город я затку
Разноцветными лучами.

По ночам спускаюсь вниз
В человеческую муть я,
Вижу черных крыш карниз,
Неба мокрого лоскутья.

Как большие пауки,
Ветви тянутся из мрака,
Камни жутко-глубоки
От дождливых бликов лака.

<1906
Париж>

308

Я здесь расту один, как пыльная агава,
На голых берегах, среди сожженных гор.
Здесь моря вещего глаголящий простор
И одиночества змеиная отрава.

А там, на севере, крылами плещет слава,
Восходит древний бог на жертвенный костер,
Там в дар ему несут кошницы легких Ор...
Там льды Валерия, там солнца Вячеслава,

Там брызнул Константин певучих саламандр,
Там снежный хмель взрастил и розлил Александр,
Там лидиин «Осел» мечтою осиян

И лаврами увит, там нежные Хариты
Сплетают верески свирельной Маргариты...
О мудрый Вячеслав, Χαίρῃ![1] — Максимильян.

Апрель 1907
Коктебель

309

Дубы нерослые подъемлют облак крон.
Таятся в толще скал теснины, ниши, гроты,
И дождь, и ветр, и зной следы глухой работы
На камне врезали. Источен горный склон,

[1] Привет (греч.). — *Ред.*

Расцвечен лишаем и мохом обрамлен,
И стены высятся, как древние киоты:
И чернь, и киноварь, и пятна позолоты,
И лики стертые неведомых икон.

<1909
Коктебель>

310

Я не пойду в твой мир гонцом,
Но расстелюсь кадильным дымом —
В пустыне пред Твоим лицом
Пребуду в блеске нестерпимом.

Я подавил свой подлый крик,
Но я комок огня и праха.
Так отврати ж свой гневный лик,
Чтоб мне не умереть от страха...

Сиянье пурпурных порфир
Раскинь над славе предстоящим.
...И кто-то в солнце заходящем
Благословляет темный мир.

<1910>

311

День молочно-сизый расцвел и замер;
Побелело море; целуя отмель,
Всхлипывают волны; роняют брызги
Крылья тумана.

Обнимает сердце покорность. Тихо...
Мысли замирают. В саду маслина
Простирает ветви к слепому небу
Жестом рабыни.

<22 февраля 1910
Коктебель>

312—314. НАДПИСИ НА КНИГЕ

<1>

Богаевскому

Киммериан печальная страна
Тебя в стенах Ардавды возрастила.
Ее тоской навеки сожжена,
Твоя душа в горах ее грустила,
Лучами звезд и ветром крещена.

7 марта 1910
Феодосия

<2>

Алекс. Мих. Петровой

Тысячелетнего сердца семь раз воскресавшей Ардавды
Вещий глухой перебой, вещая, слушаешь ты!

6 марта 1910
Феодосия

<3>

Сергею Маковскому

В городе шумном построил ты храм Аполлону Ликею,
Я ж в Киммерии алтарь Горомедону воздвиг.

7 марта 1910
Феодосия

315

В полдень был в пустыне глас:
«В этот час
Встань, иди и всё забудь...
Жгуч твой путь».

Кто-то, светел и велик,
Встал на миг.
В полдень я подслушал сны
Тишины.

Вестник огненных вестей,
Без путей
Прочь ушел я от жилищ,
Наг и нищ.

И среди земных равнин
Я один.
Нет дорог и граней нет —
Всюду свет.

Нету в жизни ничего
Моего,
Розлил в мире я, любя,
Сам себя.

Всё, что умерло в огне, —
Всё во мне.
Всё, что встало из огня, —
Часть меня.

Толща скал и влага вод —
Всё живет.
В каждой капле бытия —
Всюду я.

Влажный шар летит, блестя, —
Бог-Дитя.
Пламя радостной игры —
Все миры.

9 апреля 1910

316

Марине Цветаевой

К Вам душа так радостно влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему «альбом», а не «тетрадь»?)
Почему скрывает чепчик черный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы? Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня: невралгия,

Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живем для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)

Ваша книга странно взволновала —
В ней сокрытое обнажено,
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню всё: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было всё... так много!
Как давно я перешел порог!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга — это весть «оттуда»,
Утренняя, благостная весть...
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: «Чудо — есть!»

2 декабря 1910
Москва

317—321. <ЧЕТВЕРОСТИШИЯ>

1

Как ночь души тиха, как жизни день ненастен.
Терновый нимб на каждой голове.
Я сном души истоку солнц причастен.
Я смертью, как резцом, изваян в веществе.

2

Возьми весло, ладью отчаль,
И пусть в ладье вас будет двое.
Ах, безысходность и печаль
Сопровождают всё земное.

3

Молчат поля, молясь о сжатом хлебе,
Грустят вершины тополей и верб.
И сердце ждет, угадывая в небе
Невидный лунный серп.

4

Из края в новый край и от костра к костру
Иду я странником, без [веры], без возврата.
Я в каждой девушке предчувствую сестру,
Но между юношей ищу напрасно брата.

5

Цветов развертывая свиток,
Я понял сердца тайный крик:
И пламя пурпурных гвоздик,
И хрупкость белых маргариток.

<1911>

322

Я люблю тебя, тело мое —
Оттиск четкий и верный
Всего, что было в веках.
Не я ли
В долгих планетных кругах
Создал тебя?
Ты летопись мира,
Таинственный свиток,
Иероглиф мирозданья,
Преображенье погибших вселенных.
Ты мое знамя,
Ты то, что я спас
Среди мировой гибели
От безвозвратного небытия.
В день Суда
Я подыму тебя из могилы
И поставлю
Пред ликом Господним:
Суди, что я сделал!

18 августа 1912

323

Радость! Радость! Спутница живая,
Мы идем с тобой рука с рукой,
Песнями колдуя над землей,
Каждым шагом жизнь осуществляя.

В творческих страданьях бытия
Ты всегда со мной. В порыве воли,
В снах любви и в жале чуткой боли
Твой призыв угадываю я.

Но в часы глухих успокоений
Отдыха, в минуты наслаждений
Я один и нет тебя со мной.

Ты бежишь сомненья и ущерба.
Но в минуты горечи страстной
Ты цветешь, весенняя, как верба.

<1912>

324. МАЙЕ

Когда февраль чернит бугор
И талый снег синеет в балке,
У нас в Крыму по склонам гор
Цветут весенние фиалки.
Они чудесно проросли
Меж влажных камней в снежных лапах,
И смешан с запахом земли
Стеблей зеленых тонкий запах.
И ваших писем лепестки
Так нежны, тонки и легки,
Так чем-то вещим сердцу жалки,
Как будто бьется, в них дыша,
Темно-лиловая душа
Февральской маленькой фиалки.

<28 января 1913
Москва>

325. ЛИЛЕ ЭФРОН

Полет ее собачьих глаз,
Огромных, грустных и прекрасных,
И сила токов несогласных
Двух близких и враждебных рас,
И звонкий смех, неудержимо
Вскипающий, как сноп огней,
Неволит всех, спешащих мимо,
Шаги замедлить перед ней.
Тяжелый стан бескрылой птицы
Ее гнетет, но властный рот,
Но шеи гордый поворот,
Но глаз крылатые ресницы,
Но осмугленный стройный лоб,
Но музыкальность скорбных линий
Прекрасны. Ей родиться шло б
Цыганкой или герцогиней.
Все платья кажутся на ней
Одеждой нищенской и сирой,
А рубище ее порфирой
Спадает с царственных плечей.
Всё в ней свободно, своенравно:
Обида, смех и гнев всерьез,
Обман, сплетенный слишком явно,
Хвосты нечесанных волос,
Величие и обормотство,
И мстительность, и доброта...
Но несказанна красота,
И нет в моем портрете сходства.

29 января 1913
Москва

326

Снова
Мы встретились в безлюдьи. И, как прежде,
Черт твоего лица
Различить не могу. Не осужденье,
Но пониманье
В твоих глазах.
Твое уединенье меня пугает.
Твое молчанье горит во мне.

Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы
В присутствии твоем
Преображались
В ответы...
Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты —
Я сам.
Ты приходил в часы,
Когда отчаяние молчаньем просветлялось,
Тебя встречал я ночью, или
На закате... и ветер падал.
Ты живешь в пустынях,
Пути усталости вели всегда к тебе.
О, если б иначе тебя увидеть,
Если б ты пришел
В момент восторга,
Чтоб разглядеть я мог
Твое лицо.

9 июля 1914

327

Плывущий за руном по хлябям диких вод
И в землю сеющий драконьи зубы, вскоре
Увидит в бороздах не озими, а всход
Гигантов борющихся... Горе!

3 февраля 1915

328

И был повергнут я судьбой
В кипящий горн страстей народных —
В сей град, что горькою звездой
Упал на узел токов водных.

<1915>

329

Чем глубже в раковины ночи
Уходишь внутренней тропой,
Тем строже светит глаз слепой,
А сердце бьется одиноче...

<1915>

330. ПЕТЕРБУРГ

Бальмонту

Над призрачным и вещим Петербургом
Склоняет ночь край мертвенных хламид.
В челне их два. И старший говорит:
«Люблю сей град, открытый зимним пургам
На тонях вод, закованных в гранит.
Он создан был безумным Демиургом.
Вон конь его и змей между копыт:
Конь змею — «Сгинь!», а змей в ответ: «Resurgam!» [1]
Судьба империи в двойной борьбе:
Здесь бунт, — там строй; здесь бред, — там клич судьбе.
Но вот сто лет в стране цветут Рифейской
Ликеев мирт и строгий лавр палестр»...
И, глядя вверх на шпиль Адмиралтейский,
Сказал другой: «Вы правы, граф де Местр».

8 февраля 1915
Париж

331

Нет в мире прекрасней свободы,
Чем в наручнях. Вольной мечте
Не страшны темничные своды.

Лишь в узах, в огне, на кресте
Плененных архангелов крылья
Сверкают во всей красоте.

Свобода — в стесненном усильи,
В плененном полете комет
И в гордом молчаньи бессилья.

Смиренья не будет и нет.
Мгновенно из камня и стали
Рождается молнийный свет.

Лишь узнику ведомы дали!

10 февраля 1915
Париж

---

[1] «Восстану!» (лат.). — *Ред.*

332. ПАРИЖ ЗИМОЮ

Слепые застилая дни,
Дожди под вечер нежно-немы:
Косматые цветут огни,
Как пламенные хризантемы,
Стекают блики по плечам
Домов, лоснятся на каштанах,
И город стынет по ночам
В самосветящихся туманах...
В ограде мреет голый сад...
Взнося колонну над колонной,
Из мрака лепится фасад —
Слепой и снизу осветленный.
Сквозь четкий переплет ветвей
Тускнеют медные пожары,
Блестят лучами фонарей
Пронизанные тротуары.
По ним кипит людской поток
Пьянящих головокружений —
Не видно лиц, и к стеблям ног
Простерты снизу копья теней.
Калится рдяных углей жар
В разверстых жерлах ресторанов,
А в лица дышит теплый пар
И запах жареных каштанов.

20 апреля 1915
Париж

333

Верь в безграничную мудрость мою.
Заповедь людям двойную даю.
Сын благодати и пасынок нив!
Будь благодарен и будь справедлив!
Мера за меру. Добро за добро.
Честно сочти и верни серебро.
Да не бунтует мятежная кровь,
Равной любовью плати за любовь.
Два полюбивших да станут одно,
Да не расплещут святое вино.

<1915
Париж>

334

Марии Сам. Цетлин

Широки окоемы гор
С полета птицы.
Но еще безбрежней простор
Белой страницы.

Ты дала мне эту тетрадь
В красном сафьяне,
Чтоб отныне в ней собирать
Ритмы и грани.

Каждый поющий мне размер,
Каждое слово —
Отголоски гулких пещер
Мира земного, —

Вязи созвучий и рифм моих —
Я в ней раскрою,
И будет мой каждый стих
Связан с тобою.

14 марта 1919
Одесса

335

С тех пор как в пламени косматом и багровом
Столетья нового четырнадцатый Лев
Взошел, рыкающий, и ринулся на землю,
И солнце налилось багровой дымной кровью,
И все народы мира, охваченные страстью,
Сплелись в объятии смертельном и любовном,
Мир сдвинулся и разум утратил равновесье.
Мой дух был опрокинут в кромешной тьме.
И так висящий в беспредельном мраке
Сам внутри себя, лишенный указаний
И не зная в темноте, где верх, где низ,
Я как слепец с простертыми руками
И ощупью найти опору в самом себе
Хочу.

12 сентября 1919
Коктебель

336

Мир знает не одно, а два грехопаденья:
Грехопаденье ангелов и человека.
Но человек спасен Голгофой. Сатана же
Спасенья ждет во тьме. И Сатана спасется.

То, что для человека сотворил Христос,
То каждый человек свершит для Дьявола.
В мире дело идет не о спасеньи человека,
А о спасеньи Дьявола. Любите. Верьте.

Любите Дьявола. Одной любовью
Спасется мир. А этот мир есть плоть
Страдающего Сатаны. Христос
Распят на теле Сатаны. Крест — Сатана.

Воистину вам говорю: покамест
Последняя частица слепого вещества
Не станет вновь чистейшим из сияний,
«Я» человека не сойдет с креста.

Зло — вещество. Любовь — огонь. Любовь
Сжигает вещество: отсюда гарь и смрад.
Грех страден потому, что в нем огонь любви.
Где нет греха, там торжествует Дьявол.

И голод, и ненависть — не отрицанье,
А первые ступени любви.
Тех, кто хотят спастись, укрывшись от греха,
Тех, кто не горят огнем и холодом,
Тех изблюю из уст Моих!

<13 сентября 1919
Коктебель>

337. Л. П. ГРОССМАНУ

В слепые дни затменья всех надежд,
Когда ревели грозные буруны
И были ярым пламенем Коммуны
Расплавлены Москва и Будапешт,

В толпе убийц, безумцев и невежд,
Где рыскал кат и рыкали тиуны,

Ты обновил кифары строгой струны
И складки белых жреческих одежд.

Душой бродя у вод столицы Невской,
Где Пушкин жил, где бредил Достоевский,
А ныне лишь стреляют и галдят,

Ты раздвигал забытые завесы
И пел в сонетах млечный блеск Плеяд
На стогнах голодающей Одессы.

19 сентября 1919
Коктебель

338. СОН

Лишь только мир
Скрывается багровой завесой век,
Как время,
Против которого я выгребаю днем,
Уносит по теченью,
И, увлекаем плавной водовертью
В своем страстном и звездном теле,
Я облаком виюсь и развиваюсь
В мерцающих пространствах,
Не озаренных солнцем,
Отданный во власть
Противовесам всех дневных явлений, —
И чувствую, как над затылком
Распахиваются провалы,
И вижу себя клубком зверей,
Грызущих и ласкающихся.
Огромный, бархатистый и черный Змей
Плавает в озерах Преисподней,
Где клубятся гады
И разбегаются во мраке пауки.
А в горних безднах сферы
Поют хрустальным звоном,
И созвездья
Гудят в Зверином Круге.
А после наступает
Беспамятство
И насыщенье:
Душа сосет от млечной, звездной влаги.

...Потом отлив ночного Океана
Вновь твердый обнажает день:
Окно, кусок стены,
Свет кажется колонной,
Камни — сгущенной пустотой...
А в обликах вещей — намеки,
Утратившие смысл.
Реальности еще двоятся
В зеркальной влаге сна.
Но быстро крепнут и ладятся,
И с беспощадной
Наглядностью
Вновь обступает жизнь
Слепым и тесным строем.
И начинается вседневный бег
По узким коридорам
Без окон, без дверей,
Где на стенах
Написаны лишь имена явлений
И где сквозняк событий
Сбивает с ног
И гулки под уверенной пятою
Полуприкрытые досками точных знаний
Колодцы и провалы
Безумия.

12 ноября 1919
Коктебель

339. СИБИРСКОЙ 30-й ДИВИЗИИ

Посв. Сергею Кулагину

В полях последний вопль довоплен,
И смолк железный лязг мечей,
И мутный зимний день растоплен
Кострами жгучих кумачей.

Каких далеких межиречий,
Каких лесов, каких озер
Вы принесли с собой простор
И ваш язык и ваши речи?

Вы принесли с собою весть
О том, что на полях Сибири

Погасли ненависть и месть
И новой правдой веет в мире.

Пред вами утихает страх
И проясняется стихия,
И светится у вас в глазах
Преображенная Россия.

23 ноября 1920

340

Был покойник во гробе трехдневен,
И от ран почерневшее тело
Зацветало червьми и смердело.
Правил Дьявол вселенский молебен.

На земле стало душно, что в скрыне:
Искажались ужасом лица,
Цепенели, взвившись, зарницы,
Вопияли камни в пустыне.

Распахнувшаяся утроба
Измывалась над плотью Господней...
Дай коснувшимся дна преисподней
Встать, как Лазарь, с Тобою из гроба!

27 октября 1921
Феодосия

341. РЕВОЛЮЦИЯ

Она мне грезилась в фригийском колпаке,
С багровым знаменем, пылающим в руке,
Среди взметенных толп, поющих Марсельезу,
Иль потрясающей на гребне баррикад
Косматым факелом под воющий набат,
Зовущей к пороху, свободе и железу.
В те дни я был влюблен в стеклянный отсвет глаз,
Вперенных в зарево кровавых окоемов,
В зарницы гневные, в раскаты дальних громов,
И в жест трагический, и в хмель красивых фраз.

Тогда мне нравились подмостки гильотины,
И вызов, брошенный гогочущей толпе,
И падающие с вершины исполины,
И карлик бронзовый на завитом столпе.

14 июня 1922
Коктебель

342. АНГЕЛ СМЕРТИ

В человечьем лике Азраил
По Ерусалиму проходил,
Где сидел на троне Соломон.
И один из окружавших трон:
«Кто сей юноша?» — царя спросил.
«Это Ангел Смерти — Азраил».
И взмолился человек: «Вели,
Чтобы в Индию меня перенесли
Духи. Ибо не случайно он
Поглядел в глаза мне». Соломон
Приказал — и было так. «Ему
Заглянул в глаза я потому, —
Азраил сказал, — что послан я за ним
В Индию, а не в Ерусалим».

25 ноября 1923
Коктебель

343. ПОРТРЕТ

Ни понизь пыльно-сизых гроздий
У стрельчатых и смуглых ног,
Ни беглый пламень впалых щек,
Ни светлый взгляд раскосо-козий,
Ни яркость этих влажных уст,
Ни горьких пальцев острый хруст,
Ни разметавшиеся пряди
Порывом взмеенных кудрей —
Не тронули души моей
На инферальном маскараде.

23 августа 1924
Коктебель

344. СОЛОМОН

Весенних токов хмель, и цвет, и ярь.
Холмы, сады и виноград, как рама.
Со смуглой Суламифью — юный царь.
Свистит пила, встают устои храма,

И властный дух строителя Хирама
Возводит Ягве каменный алтарь.
Но жизнь течет: на сердце желчь и гарь.
На властном пальце — перстень: гексаграмма.

Офир и Пунт в сетях его игры,
Царица Савская несет дары,
Лукавый Джин и бес ему покорны.

Он царь, он маг, он зодчий, он поэт...
Но достиженья жизни — иллюзорны,
Нет радости: «Всё суета сует».

26 августа 1924
Коктебель

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

345

Я ехал в Европу, и сердце мое
Смеялось, и билось, и пело.
Направо, налево, назад и вперед
Большое болото синело.
На самой границе стоял часовой —
Австриец усатый и бравый.
Ус левый указывал путь на восток,
На запад указывал правый.
Как всё изменилось! Как будто и здесь
Тянулось всё то же болото,
Но раньше на нем ничего не росло,
А только щетинилось что-то.
А здесь оно сразу оделось травой,
Повсюду проходят канавки,

Лесок зеленеет, желтеют стога,
И кролики скачут по травке.
И сразу двенадцать томительных дней
Из жизни куда-то пропало:
Там было восьмое число сентября —
Здесь сразу двадцатое стало.
И не было жаль мне потерянных дней,
Я только боялся другого:
Вернувшись в Россию в положенный срок,
Найти на границе их снова.

<Сентябрь 1899>
В вагоне

346

Мелкий дождь и туман застилают мой путь.
Онемил себе правую руку...
«Ах! испанский ямщик, разгони как-нибудь
Ты мою неотвязную скуку!
Был разбойником ты — признавайся-ка, брат,
И не чужд был движенья карлизма?..»
— «Что вы, барин! Ведь я социал-демократ
И горячий поклонник марксизма.
Вон у Вас под сиденьем лежит „Капитал".
Мы ведь тоже пустились в науку»...
— «Ну, довольно, довольно, ямщик, разогнал
Ты мою неотвязную скуку».

<Лето 1901>

347

Седовласы, желтороты —
Всё равно мы обормоты!
Босоножки, босяки,
Кошкодавы, рифмоплеты,
Живописцы, живоглоты,
Нам хитоны и венки!
От утра до поздней ночи
Мы орем, что хватит мочи,
В честь правительницы Пра:
Эвое! Гип-гип! Ура!

Стройтесь в роты, обормоты,
Без труда и без заботы

Утра, дни и вечера
Мы кишим... С утра до ночи
И от ночи до утра
Нами мудро правит Пра!
Эвое! Гип-гип! Ура!

Обормотник свой упорный
Пра с утра тропой дозорной
Оглядит и обойдет.
Ею от других отличен
И почтен и возвеличен
Будет добрый обормот.
Обормот же непокорный
Полетит от гнева Пра
В тарары-тарара...
Эвое! Гип-гип! Ура!

<1911>

348—355. СОНЕТЫ О КОКТЕБЕЛЕ

1

УТРО

Чуть свет, Андрей приносит из деревни
Для кофе хлеб. Затем выходит Пра
И варит молоко, ярясь с утра
И с солнцем становясь к полудню гневней.

Все спят еще, а Макс в одежде древней
Стучится в двери и кричит: «Пора!»,
Рассказывает сон сестре сестра,
И тухнет самовар, урча напевней.

Марина спит и видит вздор во сне.
А «Dame de pique»[1] — уж на посту в окне.
Меж тем как наверху — мудрец чердачный,

Друг Тобика, предчувствием объят, —
Встревоженный, решительный и мрачный,
Исследует открытый в хлебе яд.

[1] Пиковая дама (фр.). — *Ред.*

2
ОБЕД

Горчица, хлеб, солдатская похлебка,
Баран под соусом, битки, салат,
И после чай. «Ах, если б шоколад!» —
С куском во рту вздыхает Лиля робко.

Кидают кость; грызет Гайтана Тобка;
Мяучит кот; толкает брата брат...
И Миша с чердака — из рая в ад —
Заглянет в дверь и выскочит, как пробка.

— Опять уплыл недоенным дельфин?
— Сережа! Ты не принял свой фетин...
Сереже лень. Он отвечает: «Поздно».

Идет убогих сладостей дележ.
Все жадно ждут, лишь Максу невтерпеж.
И медлит Пра, на сына глядя грозно.

3
ПЛАСТИКА

Пра, Лиля, Макс, Сергей и близнецы
Берут урок пластического танца.
На них глядят два хмурых оборванца,
Андрей, Гаврила, Марья и жильцы.

Песок и пыль летят во все концы,
Зарделась Вера пламенем румянца,
И бивол-Макс, принявший вид испанца,
Стяжал в толпе за грацию венцы.

Сергей — скептичен, Пра — сурова, Лиля,
Природной скромности не пересиля,
«Ведь я мила?» — допрашивает всех.

И, утомясь показывать примеры,
Теряет Вера шпильки. Общий смех.
Следокопыт же крадет книжку Веры.

4

ФРАНЦУЗ

Француз — Жульё, но всё ж попал впросак.
Чтоб отучить влюбленного француза,
Решилась Лиля на позор союза:
Макс — Лилин муж: поэт, танцор и маг.

Ах! сердца русской не понять никак:
Ведь русский муж — тяжелая обуза.
Не снес Жульё надежд разбитых груза:
«J'irai périr tout seul à Kavardak!»[1]

Все в честь Жулья городят вздор на вздоре.
Макс с Верою в одеждах лезут в море.
Жульё молчит и мрачно крутит ус.

А ночью Лиля будит Веру: «Вера,
Ведь раз я замужем, он, как француз,
Еще останется? Для адюльтера?»

5

ПРА

Я Пра из Прей. Вся жизнь моя есть пря.
Я, неусыпная, слежу за домом.
Оглушена немолкнущим содомом,
Кормлю стада голодного зверья.

Мечась весь день, и жаря, и варя,
Варюсь сама в котле, давно знакомом.
Я Марье раскроила череп ломом
И выгнала жильцов, живущих зря.

Варить борщи и ставить самовары —
Мне, тридцать лет носящей шаровары, —
И клясть кухарок? — Нет! Благодарю!

Когда же все пред Прою распростерты,
Откинув гриву, гордо я курю,
Стряхая пепл на рыжие ботфорты.

---

[1] Я уйду в одиночестве умереть в Кавардак (фр.). — *Ред.*

6

МИША

Я с чердака за домом наблюдаю:
Кто вышел, кто пришел, кто встал поздней.
И, с беспокойством думая о *ней,*
Я черных глаз, бледнея, избегаю.

Мы не встречаемся. И выйти к чаю
Не смею я. И, что всего странней,
Что радости прожитых рядом дней
Я черным знаком в сердце отмечаю.

Волнует чувства розовый капот,
Волнует думы сладко-лживый рот.
Не счесть ее давно-отцветших весен.

На мне полынь, как горький талисман.
Но мне в любви нескромный взгляд несносен,
И я от всех скрываю свой роман.

7

ТОБИК

Я фокстерьер по роду, но батар.
Я думаю, во мне есть кровь гасконца.
Я куплен был всего за пол-червонца,
Но кто оценит мой собачий жар?

Всю прелесть битв, всю ярость наших свар,
Во тьме ночей, при ярком свете солнца,
Видал лишь он — глядящий из оконца
Мой царь, мой бог — колдун чердачных чар.

Я с ним живу еще не больше году.
Я для него кидаюсь смело в воду.
Он худ, он рыж, он властен, он умен.

Его глаза горят во тьме, как радий.
Я горд, когда испытывает он
На мне эффект своих противоядий.

8

ГАЙДАН

Я их узнал, гуляя вместе с ними.
Их было много. Я же шел с одной.
Она одна спала в пыли со мной.
И я не знал, какое дать ей имя.

Она похожа лохмами своими
На наших женщин. Ночью под луной
Я выл о ней, кусал матрац сенной
И чуял след ее в табачном дыме.

Я не для всех вполне желанный гость.
Один из псов, когда кидают кость,
Залог любви за пищу принимает.

Мне желтый зрак во мраке Богом дан.
Я тот, кто бдит, я тот, кто в полночь лает,
Я черный бес, а имя мне — Гайдан.

<Май 1911
Коктебель>

356

Шоссе... Индийский телеграф,
Екатерининские версты.
И разноцветны, разношерстны
Поля осенних бурых трав.
Взметая едкой пыли виры,
Летит тяжелый автобус,
Как нити порванные бус,
Внутри трясутся пассажиры.
От сочетаний разных тряск
Спиною бьешься о пол, о кол,
И осей визг, железа лязг,
И треск, и блеск, и дребезг стекол.
Летим в огне и в облаках,
Влекомы силой сатанинской,
И на опаснейших местах
Смятенных обормотов страх
Смиряет добрый Рогозинский.

<1912
Коктебель>

357. СЕРЕНЬКИЙ ДЕНЕК

И. Г. Эренбургу

Грязную тучу тошнило над городом.
Шмыгали ноги. Чмокали шины.
Шофферы ругались, переезжая прохожих.
Сгнивший покойник с соседнего кладбища,
Во фраке, с облезшими пальцами,
Отнял у девочки куклу. Плакала девочка.
Святая привратница отхожего места
Варила для ангелов суп из старых газет:
«Цып, цып, цып, херувимчики...
Цып, цып, цып, серафимчики...
Брысь ты, архангел проклятый,
Ишь, отдавил серафиму
Хвостик копытищем...»
А на запасных путях
Старый глухой паровоз
Кормил жаркой чугунною грудью
Младенца-бога.
В яслях лежала блудница и плакала.
А тощий аскет на сносях,
Волосатый, небритый и смрадный,
В райской гостиной, где пахло
Духами и дамскою плотью,
Ругался черными словами,
Сражаясь из последних сил
С голой Валлотоновой бабой
И со скорпионом,
Ухватившим серебряной лапкою сахар.
Нос в монокле, писавший стихи,
Был сораспят аскету,
И пах сочувственно
Пачулями и собственным полом.
Медведь в телесном трико кувыркался.
Райские барышни
Пили чай и были растроганы.

А за зеркальным окном
Сгнивший покойник во фраке,
Блудница из яслей,
Бог паровозный
И Божья Матерь,

Грустно меся ногами навозную жижу,
Шли на запад
К желтой, сусальной звезде,
Плясавшей на небе.

10 декабря 1915
Париж

358

Из Крокодилы с Дейшей
Не Дейша ль будет злейшей?
    Чуть что не так —
Проглотит натощак...

У Дейши руки цепки,
У Дейши зубы крепки.
    Не взять нам в толк:
Ты бабушка иль волк?

Июнь 1917
Коктебель

359. ТАТИДА

(НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ)

Безумной, маленькой и смелой
В ваш мир с Луны упала я,
Чтоб мчаться кошкой угорелой
По коридорам бытия.

12 октября 1918

360

Вышел незваным, пришел я непрошеным,
Мир прохожу я в бреду и во сне...
О, как приятно быть Максом Волошиным —
        Мне!

<Лето 1923
Коктебель>

361

Анчутке

За то, что ты блюла устав законов
И стопы книг на полках и в шкафах;
За то, что делала «наполеонов»
На тезоименитных торжествах;
За то, что ты устраивала сборы
На желтый «гроб», на новые заборы
И, всех волошинцев объединив,
Ты возглавляла дачный коллектив;
За то, что ты присутствовала скромно
На всех попойках и вносила пай
И — трезвая — была сестрой приемной
Упившимся бурдою невзначай;
За то, что ты ходила за больными
Поэтами, щенками... и за то,
Что, утаив пророческое имя,
Нимб святости скрывала под пальто;
За то, что соглашалась выйти замуж
За жуткого ветеринара ты,
За то, что как-то признавалась нам уж,
Что хромота есть признак красоты;
За то, что с осиянными очами
От Белого ты не спала ночами,
В душе качая звездную метель;
За то, что ты была для всех — АНЧУТКОЙ,
Растрепанной, нелепою и чуткой, —
Тебя благословляет Коктебель!

1 сентября 1924
Коктебель

362. МИСТЕРУ ХЬЮ

Е. С. Кругликовой

Хорошо, когда мы духом юны,
Хоть полвека на земле цветем,
И дрожат серебряные струны
В волосах и в сердце молодом.

Мир любить, веселием согретый,
Вольных гор синеющий уют

И чертить немые силуэты —
Беглый след несущихся минут.

Знать лишь то, что истинно и вечно,
Красотою мерить жизнь свою
И над жизнью танцевать беспечно,
Как изящный мистер Хью.

9 сентября 1926
Коктебель

363

На берегах Эгейских вод
Белье стирала Навзикая.
Над Одиссеем небосвод
Вращался, звездами мерцая.
Эфир огнями проницая,
Поток срывался Персеид.
И, прах о небо зажигая,
Не остывал аэролит.

Я падал в бездны. Мой полет
Насквозь, от края и до края,
Алмазом резал синий лед,
Пространство ночи раздирая.
Денница — жег миры тогда я,
Сам пеплом собственным повит,
Но, стужу звездную пронзая,
Не остывал аэролит.

Из века в век, из рода в род, —
Лафоргов вальс планет сбивая,
Сперматозоиды фокстрот
Танцуют, в гроте нимф сверкая.
И Афродита площадная
Тела качает, дух щемит,
Чтоб, вечность оплодотворяя,
Не остывал аэролит.

Поэт, упавший к нам из рая,
Ты спишь под гнетом звездных плит,
Чтоб, в землю семя зарывая,
Не остывал аэролит.

<Август 1928
Коктебель>

ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО

364

И был туман. И средь тумана
Виднелся лес и склоны гор.
И вдруг широкого Лемана
Сверкнул лазоревый простор.
Зеленый остров, парус белый,
«На лоне вод стоит Шильон»,
А горы линиею смелой
Рассекли синий небосклон.
И серебристые туманы
Сползают вниз по склонам гор,
И виноградник, как ковер,
Покрыл весь берег до Лозанны
И мягко складками идет
До самой синей [глади] вод.

<1899>

365

Однажды ночью Он, задумавшись глубоко,
Сидел во мгле чернеющих олив
У темных осыпей Кедронского потока.
А возле головы, к кореньям прислонясь,
Одиннадцать дремали. И тоскливый
Холодный ветер дул с померкнувших равнин,
И ночь была темна и пасмурна... Один,
Облокотясь на черный ствол оливы,
Закутавшись в свой плащ, недвижный и немой,
Сидел и грезил Он, закрыв глаза рукой...
И дух унес его в пространство: во мгновенье
Увидел он широкий лик земли,
Мильоны солнц заискрились вдали...
И понял он, что пробил час виденья:
Гигантский смерч весь мир потряс до дна,
И   проклятья и рыданья,
Как клочья пены в бездне мирозданья
Несутся <?> боги, царства, племена

<1901 — 1902?>

366

Холодный Сен-Жюст
Глядит величаво и строго,
Как мраморный бюст
Бельведерского бога.

<1904>

367

Она ползла по ребрам гор,
Где тропы свиты в перепутья,
И терн нагорный рвал в лоскутья
Парчой серебряный убор.

А где был путь скалами сужен,
Там оставались вслед за ней
Струи мерцающих камней
И нити сорванных жемчужин.

Белел по скатам белый снег,
Ледник синел в изломах стекол.
И на вершине — человек
Стоял один, как царь, как сокол.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И подползла и ниц лицом
Она к ногам его припала.
И стынут льды немым кольцом,
Овиты дымками опала.

И время медлит... Мир притих...
Сбегает жизнь. Еще мгновенье
И смерть...

<1904>

368

Дрожало море вечной дрожью.
Из тьмы пришедший синий вал
Победной пеной потрясал,
Ложась к гранитному подножью.
Звенели звезды, пели сны.
Мой дух прозрел под шум волны.

Мой дух словами изнемог
Уйти назад к твоей святыне
И целовать ступнями ног
Лицо пылающей пустыни.

<1904 — 1905>

369

Льняные волосы волной едва заметной
Спадают гладкие и вьются на конце,
И глубиной безумной и бесцветной
Прозрачные глаза на бронзовом лице.

<Лето 1905>

370

Царь-жертва! Ведаю и внемлю —
Властные безвластны и провидец слеп...
Здесь, в дворце, собой душившем землю,
В темных залах, гулких, точно склеп,
Вырос царь.
Бродит он, бессильный и понурый,
За стеной скрипит <?> людской усталый ворот —
Хмурый город,
Мутный, красный, бурый.
Бред камней. Слои кирпичных стен
Как куски обветренного мяса.
Сеть каналов — влага синих вен,
Впалых окон мертвая гримаса.
Над уступом громоздя уступ,
Горы крыш и толпы труб,
Едких дымов черные знамена.

Грузно давит этот город-труп
Мутной желчью полог небосклона.
Город грезит древнею бедой,
Лютость волчью, чудится, таит он.
Каждый камень липкой мостовой
Человечьей кровию напитан.
[Камень этот] чует злую весть,
Стоки жаждут яда крови новой.
В тесных щелях затаилась месть,
Залегла во тьме многовековой.
И дворец всей тяжестью своей
Давит их — и бурый город-змей
Сжался весь, как душный злобой аспид,
И тяжел его тягучий взгляд.
Бледный Царь стране своей сораспят
И клеймен величием стигмат.
Цепи зал, просветы бледных окон.
Ночь длинна, и бледный Царь один,
И луна в туманах, точно кокон,
В тонких нитях снежных паутин.
По дворцу змеится непонятный шорох,
Скрип паркета. Лепет гулких плит.
Точно дно в серебряных озерах,
В этот час прошедшее сквозит.

<1906>

371

Я — понимание. Поэты, пойте песни
В безгласной пустоте.
Лишь в раковине уха различимы...
Я — ухо мира, и во мне гудит
Таинственное эхо мирозданья.
Лишь в зеркале очей моих живут
Скользящие обличия вселенной.
Мое сознанье — нитка, на которой
Нанизаны мгновенья: оборвется —
Жемчужины рассыпятся...
И ожерелью времени — конец!
Мое мгновенье — вечность.
Смертью утверждаю
Бессмертье бога, распятого в веществе.

<1907>

372

К древним тайнам мертвой Атлантиды
Припадает сонная мечта,
Смутно чуя тонкие флюиды
В белых складках чистого листа.
Но замкнуто видящее око
Лобной костью, как могильный склеп.
Не прочесть мне волящего тока —
Я оглох сознаньем, светом дня ослеп.

<1907>

373

Светло-зеленое море с синими полосами,
Тонко усеяно небо лепестками розовых раковин.
Плачут стеклянные волны ясными голосами,
Веет серебряный ветер и играет звонкими травами.

<1908>

374

Закат гранатовый
Разлил багрец
На нити быстрых вод
И водоемы.
Из ковыля-травы
Седо́й венец
Душе, что тяжкий гнет
Глухой истомы.

<1908>

375

Пришла изночница; в постель
Она со мной легла.
И мыслей сонную метель
Качает мгла.

Придет волна, отхлынет прочь,
Опять плеснет в лицо,
И пред зарею птица-ночь
Снесет яйцо...

<1908>

376

О да, мне душно в твоих сетях
И тесен круг,
И ты везде на моих путях —
И враг, и друг.
Вкусили корни земной мечты
Единых недр,
Но я не стану таким, как ты, —
Жесток и щедр.
В ковчеге слова я скрыл огонь,
И он горит,
Мне ведом топот ночных погонь,
Крик Эвменид.

<1909>

377

На пол пала лунная тень от рамы,
Горько в теплом воздухе пахнут травы,
Стены низкой комнаты в тусклом свете
Смутны и белы.
Я одежды сбросила, я нагая
Встала с ложа узкого в светлом круге,
В тишине свершаются этой ночью
Лунные тайны.

<1910>

378

Ты из камня вызвал мой лик,
Ты огонь вдохнул в него Божий.
Мой двойник —
Он мне чужд, иной и похожий.

Вот стоит он — ясен и строг,
И его безликость страшна мне:
        Некий бог
В довременном выявлен камне.

<1911>

379

Милая Вайолет, где ты?
Грустны и пусты холмы.
Песни, что ветром напеты,
Вместе здесь слушали мы.
Каждая рытвина в поле,
Каждый сухой ручеек
Помнят глубоко до боли
Поступь отчетливых ног.
Помнят, как ты убегала
В горы с альпийским мешком,
С каждою птицей болтала
Птичьим ее языком.
Помнят, как осенью поздней
Жгли на горах мы костры.
Дни были четко-остры,
Ночь становилась морозней.

<Август 1912
Коктебель>

380

Так странно свободно и просто
Мне выявлен смысл бытия,
И скрытое в семени «я»,
И тайна цветенья и роста.
В растеньи и в камне — везде,
В воде, в облаках над горами,
И в звере, и в синей звезде
Я слышу поющее пламя.

<Август 1912
Коктебель>

381

И нет в мирах страшнее доли
Того, кто выпил боль до дна,
Кто предпочел причастье соли
Причастью хлеба и вина.

Ужаленного едким словом,
Меня сомненья увели
Вдоль по полям солончаковым,
По едким выпотам земли.

«Вы соль земли!» В горючей соли
Вся мудрость горькая земли.
Кристаллы тайной, темной боли
В ней белым снегом процвели.

Я быть хотел кадильным дымом.
Меня ж послал Ты в мир гонцом
В пустыне пред Твоим лицом
Ослепнуть в блеске нестерпимом.

Во мне живет безумный крик.
Я стал комком огня и праха.
Но отврати свой гневный Лик,
Чтоб мне не умереть от страха.[1]

И кто-то в солнце заходящем
Благословляет темный мир...

<1912>

382

Я проходил, а вы стояли
У двери сада вдалеке:
Царевна в белом покрывале
С цветком подснежника в руке.

«Войди, прохожий, в сад мой тайный!
Здесь тишь, цветы и водомет».
— О нет, свободной и случайной
Стезей судьба меня ведет.

<1913>

---

[1] Две первых строки следующего четверостишия не написаны. — *Ред.*

383

Бойцам любви — почетна рана
На поле страсти, в битве битв.
Охотница! Ты вышла рано
В опаснейшую из ловитв.
Ты в даль времен глядела прямо,
Так непокорно, так упрямо
Качая юной головой.
К перу склоняя русый локон,
Ты каждый проходящий миг
Вплетала тайно в свой дневник,
Как нити в шелковичный кокон.

<1914>

384

Нет места в мире, где б напрасно
Не проливалась кровь людей,
Где б вихрь враждующих страстей
Не дул неистово и страстно.

Для тех, кто помнил мир иной —
Не исступленный, не кровавый,
Не омраченный бранной славой,
Не обесславленный войной, —

Пора крушений безвозвратных,
Усобиц, казней, стычек ратных,
Пора народных мятежей[1]

<Декабрь 1917
Коктебель>

385. КИММЕРИЙСКАЯ СИВИЛЛА

С вознесенных престолов моих плоскогорий
Среди мертвых болот и глухих лукоморий
Мне видна
Вся туманом и мглой и тоскою повитая
Киммерии печальная область.

---

[1] Фраза не закончена. — *Ред.*

Я пасу костяки допотопных чудовищ.
Здесь базальты хранят ореолы и нимбы
Отверделых сияний и оттиски слав,
Шестикрылья распятых в скалах Херувимов
И драконов, затянутых илом, хребты.

<Сентябрь 1919>

386

Как магма незастывшего светила
Ломает суши хрупкую кору
И гибнет материк, подобно утлой лодке, —
Так под напором раскаленных масс,
Зажженных гневом, взмытых ураганом,
Пылая, рушатся громады царств
И расседаются материки империй.
Беда тому, кто разнуздает чернь,
Кто возмутит народных бездн глубины.
Мы тонкой скорлупой отделены
От ропщущей и беспокойной хляби,
Ее же дна не мерил человек.
Передвиженья гуннов и монголов,
Кочевья незапамятных времен [1]

<Июнь 1922
Коктебель>

387

Папирус сдержанный, торжественный пергамент
И строго деловой кирпич,
Сухой и ясный камень
И властный медный клич.
И щедрая ритмическая память
Рапсодов и певцов.
Полезный ремингтон, болтливая бумага,
Распутная печать
Из сонма всех бесов, рожденных в Вавилоне [2]

<Конец 1922>

---

[1] Фраза не закончена. — *Ред.*
[2] Фраза не закончена. — *Ред.*

388

Среди верховных ритмов мирозданья
Зиждитель Бог обмолвился землей.

(Но Дьявол поперхнулся человеком.)

Для лжи необходима гениальность.
Но человек бездарен. И напрасно
Его старался Дьявол просветить.
В фантазии и в творчестве он дальше
Простой подмены фактов не пошел.
(Так школьник лжет учителю.) Но в мире
Исчерпаны все сочетанья. — Он
Угадывает в мире комбинаций
Лишь ту, которой раньше не встречал.

18 января <1926>
<Коктебель>

389. РОССИЯ

(истоки)

Мы все родились с вывихом сознанья.
Наш ум пленен механикой машин,
А наше «Я» в глухих просторах дремлет.
Одни из нас шаманят новый день
За полночью дряхлеющей Европы,
Другие же не вышли до сих пор
Из века мамонта, из ледниковой стужи,
Звериных шкур, кремневых топоров.
Наш дух разодран между «завтра» мира
И неизжитым предками «вчера».

На западе язык, обычай, право
Сложились розно в каждой из долин,
А мы — орда. У нас одна равнина
На сотни верст — единый окоем.
У нас в крови еще кипят кочевья,
Горят костры и палы огнищан,
Мы бегуны, мы странники, бродяги,
Не знавшие ни рода, ни корней...

Бездомный ветр колючий и морозный
Гоняет нас по выбитым полям.

Безмерная российская равнина —
Земное дно — Россия и Сибирь.
Наш дух течет, как облачное небо,
Клубясь над первозданною землей,
Чуть брезжущей из тьмы тысячелетий.
Под панцирем полярных ледников,
Перетиравших сырты и увалы,
Моловших лёсс, пески и валуны,
Здесь рыли русла сказочные Оби
Предтечи человеческой орды.

И так всегда; сначала лес и степи,
Тропа в степи и просека в лесу,
Тюки сырья в бревенчатых острогах...
Потом кремли торговых городов
На тех же луках рек, на тех же бродах,
Из века в век вне смены царств и рас.

И та же рознь: невнятная земля,
Живущая обычаем звериным,
А в городах заморские купцы
С дружинами, ладьями и товаром.

Земной простор, исчерченный стезями —
Петлями рек и свертками дорог,
Здесь шляхами торговых караванов,
Там плешами ладейных волоков.

Путь янтаря — от Балтики на Греки,
Путь бирюзы — из Персии на Дон.
Лесные Вотские и Пермские дороги,
Где шли гужом сибирские меха,
И золотые блюда Сассанидов,
И жемчуга из Индии в Москву.

Пути, ведущие из сумрака столетий
До наших дней сквозь Киммерийский мрак
Глухих степей, сквозь скифские мятели,
Сквозь хаос царств, побоищ и племен.
Кто, по слогам могильников читая
Разодранную летопись степей,

Расскажет нам, кто были эти предки —
Оратаи по Дону и Днепру?
Кто соберет в синодик все прозванья
Степных гостей от гуннов до татар?

История утаена в курганах,
Записана в зазубринах мечей,
Задушена полынью и бурьяном,
Зашептана в распевах пастухов.

Лишь иногда сверкнет со дна курганов,
Где спят цари со свитой мертвецов,
Вся в пламени сказаний Геродота
Кровавая и золотая Ски...[1]

<5 мая 1928
Коктебель>

390

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.
Драконоборец Егорий,
Всю ты жизнь провел на посту —
В уединении лабораторий
И в сраженьях лицом к лицу.

<1931
Коктебель>

НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

391. ВЕЧЕРНИЕ ВОЗНОШЕНИЯ

(ЦИКЛ 8 ТЕМПЕРА)

1

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы...

---

[1] Строка не дописана: подразумевается: Скифия. — *Ред.*

2

И льнет душа к твоим излогам
И слышит шорохи шагов
По бледно-розовым дорогам
В молчаньи рдяных вечеров...

3

Душа грустит среди холмов зеленых
Под сводами осенних вечеров...

4

И низко над холмом дрожащий серп Венеры
Как пламя воздухом колеблемой свечи...

5

И в пурпуре полей и в зелени закатов
Серп пепельной луны...

6

А заливы в зеркале зеленом
Пламена созвездий берегут...

7

Мерцает бирюзой залив
В пурпурной раме гор сожженных...

8

Молчат поля, молясь о сжатом хлебе,
Грустят холмы и купы дальних верб,
И сердце ждет, угадывая в небе
Чуть видный лунный серп...

392. ДЕСЯТЬ ЛИРИЧЕСКИХ ПАУЗ ОДНОЙ ПРОГУЛКИ

1

В зелено-палевых туманах
Грустят осенние холмы...

2

Вдоль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог...

3

И дышит утренняя свежесть
На темной зелени лугов...

4

К лазурному заливу тропы
Бегут по охряным холмам...

5

В сизо-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче...

6

Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы...

7

Сквозь розово-призрачный свет
Просветятся лунные дали...

8

И горы — призраки на фоне вечеров...

9

Твой влажный свет и матовые тени
Дают камням оттенок бирюзы...

10

Мой легкий путь сквозь лунные туманы...

393. НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

Как быстро осенью трава холмов провяла
Под влажною стопой.
О, эти облака с отливами опала
В оправе золотой!

*

Над серебристыми холмами
Необагренными лучами
Изваянные облака.

*

Пурпурных рощ осенние трельяжи
И над вершинами лилового хребта
Победных облаков султаны и плюмажи.

*

На светлом облаке гранитные зубцы
Отчетливым и тонким силуэтом.

*

Сквозь зелень сизую растерзанных кустов
Стальной клинок воды в оправе гор сожженных.

*

Осенний день по склонам горным
Зажег прощальные костры.

*

Взбегают тропы по холмам
К зелено-розовым просторам.

*

В шафранных сумерках лиловые холмы.

*

И малахитовые дали
В хитоне ночи голубой.

*

Моей земли панические полдни.

*

Синим пламенем над рыжими холмами,
Пламенем дымятся облака.

*

Волокнистых облак пряжи
И холмов крылатый взмах,
Как японские пейзажи
На шелках.

*

Пройди по лесистым предгорьям,
По белым песчаным тропам
К широким степным лукоморьям,
К звенящим моим берегам.

*

Лазурь небес и золото земли...

*

И прозелень травы, и поросли кустов
Лилово-розовых и розово-пунцовых.

*

И озеро, разверстое как око...

*

И чудесно возникали
Под крылами облаков
Фиолетовые дали
Аметистовых холмов.

*

Над полянами — марные горы,
Над горами — гряды облаков.
И уводит в земные просторы
Легкий шелест незримых шагов...

*

Воздушной и дымной вуалью
Ложится вечерний покров.
Над сизо-дождливою далью
Сияют снега облаков.

*

Прикрыв крылом края долины
И напоив луга, припал
Вечерний лебедь на вершины
Лилово-дымчатые скал.

*

В изломах гор сияет тень...
Долина дышит ранним летом,
Как драгоценный камень — день
Проникнут четким синим светом...

*

Мир — чаша, до краев наполненная тенью
И синим сумраком.

*

Одна луна луне другой
Глядится в мертвенные очи.

*

Клекот орлий, говор птичий,
А внизу среди камней
Обезглавленный возничий
Гонит каменных коней.

*

Материки огня, встающие во мраке.

*

И снова увидали мы
Холмов взволнованное море
И вод зыбучие холмы.

*

Сквозь блеск зеленого стекла
Сквозят каменья дна
И голубая тишина
На берег прилегла.

*

Сквозь желтые смолы полудней
Сквозят бирюзой небеса.

*

Над Карадагом мрачные завесы
И арки триумфальных облаков.

*

Ясен вечер... Облаков громады,
Точно глыбы светлых янтарей.

*

Нагроможденье медных скал
На фоне грозового неба.

*

И розовой жемчужиною день
Лежит в оправе сонного залива.

*

Громады дымных облаков
По Веронезовскому небу.

*

Рыжий ветер... радужные дали...
Вянущие вретища земли...
Геральдические корабли
Паруса по небу разметали.

*

Туманные сиянья и лучи,
Кипенье вод, и ртутный блеск парчи,
И гулкий ропот рушащейся пены.

*

Вечерняя затеплилась звезда
Над отмелями синего залива.

*

Осенних сумерок лиловые миражи.

*

Сквозь прозелень вечерней тишины
В оправах гор мерцающие воды.

*

Янтарный свет в зеленой кисее...
И хляби волн, и купол Карадага.

*

Молчанье, как полная чаша
В оправе вечерних холмов.

*

Луна восходит в тишине
Благоухающей полынью.

*

Поля из мрамора и горы из стекла
И к небу взвившийся обледенелый пламень.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Людвиг Уланд

394. БЕРТРАН ДЕ БОРН

На скале среди развалин
Аутфорт, дымясь, лежит.
А владелец пред палаткой
Короля в цепях стоит.

«Ты ль мечом своим и песней
Смуту нес среди людей?
Ты ли против слов отцовских
Возмутил моих детей?

Ты ли тот, кто так хвалился
И так гордо говорил,
Что тебе довольно даже
Половины этих сил?
Половины, видно, мало,
Не пора ли всё собрать,
Чтоб построить снова замок
И оковы разорвать?»

— «Да! Ты прав, король-владыка!
Пред тобой Бертран де Борн,
Что зажег одною песней
Перигор и Бентадорн.
Кто бельмом для властелина
На глазу был до конца,
Из любви к кому презрели
Дети ярость их отца.

Дочь твоя сидела в зале
Как невеста. Пир кипел...
И посланец мой ей песню,
Мной сложенную, пропел:
Чем она гордилась раньше,
Про певца с его тоской...
Пел, пока ее уборы
Не увлажились слезой...

И в тени оливы сонной
Сын не мог твой усидеть,
Когда песнь борьбы и гнева
Я велел пред ним пропеть.
Конь оседлан, и я знамя
Сам понес пред ним вперед,
И стрела его пронзила
При Монфорте у ворот.

Он лежал, в моих объятьях,
Но не раною томим,
А сознаньем, что умрет он
Под проклятием твоим.
Он к тебе пред смертью руку
Через море простирал,
Но твоей нигде не встретил,
Лишь мою сильней сжимал.

И с тех пор, как этот замок,
Сила сломана моя...
Нет ни всей, ни половины...
Нет ни лютни, ни копья.
Да! Сковать не трудно руки,
Если гордый дух разбит.
Песня скорби и печали
Лишь в душе моей звучит».

1900

Генрих Гейне

395. БЕРТРАН ДЕ БОРН

В нем гордость духа отражалась,
На лбу глубокой думы след.
Чье сердце им не покорялось?
Бертран де Борн, герой-поэт!
Своими страстными речами
Себе он львицу покорил
И дочь ее же, с сыновьями
В свой замок песней заманил.
Как сам король пред ним смирился!
В слезах забыл свой гнев отец,
Когда пред ним он сам явился —
Бертран де Борн, герой-певец.

10 сентября 1896
Феодосия

396

Ты лежишь в моих жарких объятьях,
Ты живешь в моем сердце всегда.
Для тебя я — широкое небо,
Для меня ты — царица звезда.
Там, под нами внизу копошится
Рой людишек. И целые дни
Они ссорятся всё да дерутся —
И по-своему правы они...
Колпаком потрясая дурацким,
Они спорят, не знаю о чем,
Иль колотят друг друга, ругают,
Или лезут вперед напролом.
Как мы счастливы оба с тобою,
Что от них далеки мы всегда...
Ты склоняешь головку на небо,
О моя дорогая звезда!

<1897 — 1898>

397

Когда тебя женщина бросит, тогда
Влюбляйся в другую, ей-Богу!
А лучше оставь поскорей города,
Котомку возьми — и в дорогу!

Ты озеро встретишь: там ивы растут,
Склоняясь в лазурном просторе,
И все свои скорби ты выплачешь тут,
И всё свое жалкое горе.

Потом, поднимаясь на горы, вздохнешь
Не раз над опасной стремниной,
Когда ж наконец на вершину взойдешь,
Услышишь ты клекот орлиный.

Ты сам тогда станешь орлом и душой
Воспрянешь; исчезнет тревога,
Свободно вздохнешь и поймешь, что тобой
Потеряно слишком немного.

24 апреля 1899
Коктебель

Поль Верлен

398

Стон и рыданья,
И трепетанья
Дальной
Скрипки осенней,
До истомленья
Печальной.
Под ропот шумный
Я вспоминаю
Былое,
Пережитое
И как безумный
Рыдаю.
Ночной порою
Я вьюсь с толпою

Видений...
Как лист опавший,
Увявший,
Осенний...

<1903>

Жозе-Мариа де Эредиа

399. БЕГСТВО КЕНТАВРОВ

Сорвавшись с дальних гор гудящею лавиной,
Бегут в бреду борьбы, в безумьи мятежа.
Над ними ужасы проносятся, кружа,
Бичами хлещет смерть, им слышен запах львиный...

Чрез рощи, через рвы, минуя горный склон,
Пугая гидр и змей... И вот вдали миражем
Встают уж в темноте гигантским горным кряжем
И Осса, и Олимп, и черный Пелион...

Порой один из них задержит бег свой звонкий,
Вдруг остановится, и ловит запах тонкий,
И снова мчится вслед родного табуна.

Вдали, по руслам рек, где влага вся иссякла,
Где тени бросила блестящая луна, —
Гигантским ужасом несется тень Геракла...

1904

400. PONTE VECCHIO

Там мастер ювелир, работой долгих бдений,
По фону золота вправляя тонко сталь,
Концом своих кистей, омоченных в эмаль,
Выращивал цветы латинских изречений.

Там пели по утрам с церквей колокола,
Мелькали средь толпы епископ, воин, инок;
И солнце в небесах из синего стекла
Бросало нимб на лоб прекрасных флорентинок.

Там юный ученик, томимый грезой страстной,
Не в силах оторвать свой взгляд от рук прекрасной,
Замкнуть позабывал ревнивое кольцо.

А между тем иглой, отточенной, как жало,
Челлини молодой, склонив свое лицо,
Чеканил рукоять тяжелого кинжала.

1904

Стефан Малларме

401. ЛЕБЕДЬ

Могучий, девственный, в красе извивных линий,
Безумием крыла ужель не разорвет
Он озеро мечты, где скрыл узорный иней
Полетов скованных прозрачно-синий лед?

И, Лебедь прежних дней, в порыве гордой муки
Он знает, что ему не взвиться, не запеть:
Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
Когда придет зима в сияньи белой скуки.

Он шеей отряхнет смертельное бессилье,
Которым вольного теперь неволит даль,
Но не позор земли, что приморозил крылья.

Он скован белизной земного одеянья
И стынет в гордых снах ненужного изгнанья,
Окутанный в надменную печаль.

<Лето 1904
Париж>

402

...О, зеркало, — холодная вода, —
Кристалл уныния, застывший в льдистой раме!
О, сколько вечеров, в отчаяньи, часами,
Усталая от снов и чая грез былых,

Опавших как листы в провалы вод твоих,
Сквозила из тебя я тенью одинокой...
Но — горе! — в сумерки, в воде твоей глубокой
Постигла я тщету своей нагой мечты...

<1904>

Эмиль Верхарн

403. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

В дикой скачке тучи скачут,
Тучи в пляске завились.
    Эй, Луна, берегись!
Мгла гудит и разрывается,
И деревья на полях
То застонут, то заплачут,
Выгибаются...
    Эй, Луна, берегись!
Желтый лик больной Луны
Мертвый пал в зеркальность пруда,
Раздробясь о грань волны,
Окруженный бледной просинью —
Это ветер свадьбу правит с Осенью.
    Эй, Луна, берегись!
Как тяжелый всадник, рвется ураган,
В двери бьет размашисто и хлестко,
И гуляет буйный, распален и пьян,
С рыжей Осенью по дальним перекресткам.
    Эй, Луна, берегись!
Этот лик святой и чистый,
Звезд лампады, нимб лучистый
Здесь не к месту средь разгула
Пьяного, тяжелого,
Там, где Осень с Ветром потеряли голову...
В судоргах объятий
Вздохи всё короче.
Беспредельность ночи...
Да лишь лес кричит из вихря и тумана
Под ударами ночного урагана.
    Эй, Луна, берегись!
Рыщут псы, и липнет грязь на лапах.
От полей идет сырой и пьяный запах.

И на юг, на север, на восток, повсюду
Разлилось дыханье похоти и блуда,
Как кошмар, прерывистый и рдяный.
Ветер с Осенью распутною и пьяной
В буйных судоргах упали и сплелись.
    Эй, Луна, берегись!
И собаки воют, точно волки.

<1903>

404. УЖАС

В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастие у сломанных дверей —
Свой клич к стадам давно похороненных.

Кошара из камней тоски моей былой
В полях моей страны унылой и проклятой,
Где вьется ручеек, поросший бледной мятой,
Усталой, скучною, беззвучною струей.

И овцы черные с пурпурными крестами
Идут, послушные, и огненный баран,
Как скучные грехи, тоскливыми рядами.

Седой Пастух скликает ураган.
Какие молнии сплела мне нынче пряха?
Мне жизнь глядит в глаза и пятится от страха...

<Март 1904
Париж>

405. НА СЕВЕР

С темными бурями споря
Возле утесистых стен,
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьею сирен.

Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и горды...

Ветер попутный, сырой и усталый
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожидании
С берега молча глядела...
В море, сквозь сумерки синие
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы,
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.

В бледном мерцаньи тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья
Вставши со дна океана.
Золото, пурпур и тело...
Море шумело...
Ширились белые крылья
Царственной пены...

И пели сирены,
Запутаны в снасти,
Об юге, о страсти...
Мерцали их лиры.
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя дрожали
Высокие груди...
Но в море глядевшие люди
Их не видали...

И мимо прошел торжествующий сон,
Корабли, подобные лилиям,
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

<Март 1904
Париж>

406. НОЯБРЬ

Большие дороги лучатся крестами
В бесконечность между лесами.
Большие дороги лучатся крестами длинными
В бесконечность между равнинами.

Большие дороги скрестились в излучины
В дали холодной, где ветер измученный,
Сыростью вея,
Ходит и плачет по голым аллеям.

Деревья, шатаясь, идут по равнинам,
В ветвях облетевших повис ураган.
Певучая вьюга гудит, как орган.
Деревья сплетаются в шествиях длинных.
На север уходит процессия их.
О, эти дни «Всех Святых»...
«Всех Мертвых»...

Вот он — Ноябрь — сидит у огня,
Грея худые и синие пальцы.
О, эти души, так ждавшие дня!
О, эти ветры-скитальцы!
Бьются о стены, кружат у огня,
С веток срывают убранство.
И улетают, звеня и стеня,
В мглу, в бесконечность, в пространство.

Деревья, мертвые... все в памяти слились,
Как звенья, в пеньи, в вечном повтореньи
Ряды имен жужжат в богослуженьи.
Деревья в цепи длинные сплелись,
Кружатся, кружатся, верны заклятью
Руки с мольбою во тьме поднялись.
О, эти ветви, простертые ввысь.
Бог весть к какому Распятью!

Вот он — Ноябрь — в дождливой одежде
В страхе забился в углу у огня.
Робко глядит он, а в поле, как прежде,
Ветры, деревья, звеня и стеня,
В сумраке тусклом, сыром и дождливом
Кружатся, вьются, несутся по нивам.

Ветры и деревья, мертвые, святые,
Кружатся и кружатся цепью безнадежною
В вечерах, подернутых серой мглою снежною.
Ветры и деревья... мертвые... святые...

И Ноябрь дрожащими руками
Зажигает лампу зимних вечеров

И смягчить пытается слезами
Ровный ход безжалостных часов.

А в полях всё то же. Мгла всё тяжелее...
Мертвые... деревья... ветер и туман.
И идут на север длинные аллеи,
И в ветвях безумных виснет ураган.
Серые дороги вдаль ушли крестами
В бесконечность тусклых, дремлющих полей.
Серые дороги и лучи аллей —
По полям... по скатам... вдаль... между лесами.

<Март 1904
Париж>

407. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

О, вечера, распятые на сводах небосклона,
Над алым зеркалом дымящихся болот...
Их язв страстная кровь среди стоячих вод
Сочится каплями во тьму земного лона.
О, вечера, распятые над зеркалом болот...

О, пастыри равнин! Зачем во мгле вечерней
Вы кличите стада на светлый водопой?
Уж в небо смерть взошла тяжелою стопой...
Вот... в свитках пламени... в венце багряных терний
Голгофы — черные над черною землей!..

Вот вечера, распятые над черными крестами.
Туда несите месть, отчаянье и гнет...
Прошла пора надежд... Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распятые закрыли небосвод...

<1 июля 1905
Париж>

408. КАЗНЬ

(ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ВЕРХАРНА)

Ты сложишь голову на траурном помосте
Под гулкий плеск толпы, средь буйных площадей...
И ярко вспыхнет кровь, и слабо вскрикнут кости...
И будет оргия и благовест церквей.

И солнца мутные, как красные виденья,
Сквозь дымы серные передвечерних действ
Увидят торжество и тайну искупленья
Тобою созданных эпических злодейств.

Толпа вокруг тебя, как древний образ змея,
На миг свой океан заставит замолчать
И будет, точно мать, ярясь и пламенея,
Твой черный гроб баюкать и качать...

И память о тебе распустится, как травы,
Вопьется, острая, как яд осиных жал,
Заблещет красками настоенной отравы,
Останется в мозгу прямая, как кинжал...

Ты сложишь голову на траурном помосте
Под гулкий плеск толпы, средь буйных площадей...
И ярко вспыхнет кровь, и слабо вскрикнут кости...
И будет оргия и благовест церквей.

<20 июня (3 июля) 1905
Париж>

409. ДЕКАБРЬ

ГОСТИ

— Откройте, люди, откройте двери,
Я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
Откройте люди, я ветер, ветер,
Одетый в платье сухих листов.

— Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас готовый всегда очаг;
Труба дымится, камин побелен,
Входите, ветер, входите к нам.

— Откройте, люди, — я непогода,
Во вдовьем платье, в фате дождя,
Она сочится, она струится
Сквозь тускло-серый ночной туман.

— Входите смело, вдова, входите,
Ваш сине-белый мы знаем лик.
Сырые стены и норы трещин —
Всегда готовый для вас приют.

— Откройте, люди, замки, засовы,
Я вьюга, люди, откройте мне,
Мой плащ клубится, и платье рвется
Вдоль по дорогам седой зимы.

— Входите, вьюга, царица снега,
Просыпьте лилий своих цветы
По всей лачуге, вплоть до камина,
Где в красном пепле живет огонь.

Мы беспокойны, мы любим север,
Мы люди диких, пустынных стран,
Входите, ветры и непогоды,
За все невзгоды мы любим вас.

<1904?>

410. СТАТУЯ

МОНАХ

Он крест здесь некогда воздвигнул на утесах
И город основал, придя, как пилигрим,
Из дальных южных стран, в руках пастуший посох.
Великий под плащом монашеским своим.
Он чудеса творил. Народ внимал и плакал
На светлых просеках, в таинственных лесах,
   Где прорицал языческий оракул
И руны древние чернели на камнях.
   Он стал потом, как сон, невозвратимым.
   И был он весь — печаль и красота,
Что некогда сползла с позорного креста
   К скорбящим и гонимым.
Он бережно хранил их хрупкие сердца,
   Разбитые безжалостной рукою;
   Он обещал им счастье без конца
И убаюкивал евангельской мечтою.
   Потом король, палач и судия
   Его слова, принявши, исказили,

И тексты древние явились в новой силе,
Как меч карающий, законов бытия.
И против милости, которую с любовью
На обездоленных он призывал,
Восстала жизнь, внезапная, как шквал,
Безумная и залитая кровью.
Но он в сердцах растопленных пребыл,
Как солнце кроткое смиренья и прощенья,
И черпало народное терпенье
В его лучах источник новых сил.
И празднуют его весною, в мае, рано, —
Целителя болезней и скорбей.
И матери несут детей
Омыть в струе старинного фонтана.
Звучит в конце печальных литаний
Широкое и благостное имя.
В сияньи свеч, в колеблющемся дыме,
В мерцаньи риз, крестов и панагий.
На фоне старого романского портала
Встает его годами стертый лик,
И камень весь дрожит, когда несется зык
С высот зовущего металла.

<Конец 1916>

411. ГОРОД

Все пути в город ведут...
Там
Из тумана и дыма,
Громоздя над ярусом ярус,
Точно со дна сновидений,
Город встает.

Там
Мосты из стали сплетенные кинуты
Прыжками сквозь воздух.
Глыбы камня, пилястры, колонны
Возносят лики Горгоны;
Предместья дыбятся башнями,
Трубы, и вышки, и шпили —
В ломаных взлетах над крышами...

Это город-спрут
Дыбом взметнулся
В глубине равнины над пашнями.

Там
Красные цветы
Вздеты
На столбы и высокие мачты, —
Светятся даже в полдень,
Подобно чудовищным яйцам.
Солнца не видно —
Света исток затянут
Углем и дымом.

Там
Реки из нефти и олова
Бьют о камни и сваи.
Резкие свисты проходящих судов
От страха воют в тумане;
Зеленый сигнал — их взгляд
В океан, в пространство.

Там
На набережных гулко звенят, сталкиваясь, вагоны,
Лязгают цепи, краны скрипят, дребезжат фургоны,
Тяжко весы роняют темные кубы,
Тюки по трапам скользят в огненные подполья,
Спины мостов разверзаются посередине,
В чаще снастей подымаясь, подобно
Виселицам; а медные буквы
Вдоль по крышам, карнизам и стенам
Стремятся изназвать вселенную.

Сверху вертятся колеса, проносятся кебы,
Летят поезда, устремляя усилья
К станциям, — версты и версты
Тянущим нити огней золотого фронтона.
Рельсы ползут, разветвляясь, под землю,
Вдоль по тоннелям, по кратерам,
Чтобы вновь появиться и, сталью сверкая, мчаться мимо
В облаке пара и дыма.

Все пути в город ведут,
Это Город-спрут.

Улица — петли ее, как узлы,
Вкруг монументов захлестнуты, —
Уходит и снова приходит обходами.
Неразрешимые толпы ее
С руками безумными, лихорадочным шагом,
С завистью злобной в глазах,
Жадно хотят ухватить уходящее время.
Ночью, вечером, утром,
В шуме, в спорах, в тоске,
Наобум кидают они
Страстное семя своей работы,
Уносимое временем.
И в порывистом ветре безумия их
Хлопают двери темных и скучных контор,
Двери банков и мрачных притонов.
На улицах пятна ватного света,
Разодранно-красного, точно горящее вретище,
Отступают от фонаря к фонарю.
Жизнь алкоголем заквашена,
Бары разверзают на тротуары
Зеркальные скинии,
В которых дробятся опьяненье и буйство,
Слепая свет продает у стены
По копейке — коробку.
Голод и блуд обнимаются в дальних углах.
И черный порыв ярости плотской
Пляшет танец смерти в глухих переулках.
Вожделенье растет и растет,
Ярость становится бурей,
Давят друг друга, не видя, жаждут
Упиться золотом, пурпуром, телом.
Женщины — бледные идолы — бродят
Со знаками пола в своих волосах.
Воздух воспаленный и рыжий
Иногда от солнца отхлынет, день обнажая, —
И тогда — это точно великий крик,
Кинутый хаосом к свету:
Площади, рынки, дома и дворцы
Ревут, распаляясь, с такою яростью,
Что умирающий ищет напрасно минуты молчанья,
Которое нужно глазам, чтоб закрыться навеки.

Днем он таков.
Меж тем, когда вечера

Ваяют небесные своды ударами черного молота,
Город вечерний вдали царит над равниной,
Как образ безмерных ночных упований.
Он воззывает желанья, великолепья и чары,
Зарево меди кидает до самого неба.
Газ мириадный мерцает золотой купиною.
Рельсы становятся дерзкой тропою, ведущей
К лживому счастью в сопровожденьи удачи и силы.
Стены его представляются издали крепостью,
И всё, что идет от него — и туманы, и дымы, —
Светлым призывом доходит к далеким селеньям.

Это город-спрут —
Осьминог пламенеющий,
Гордый скелет на распутьи.
И все дороги отсюда
Ведут в бесконечность —
К городу.

<29 ноября 1916
Коктебель>

412. ЗАВОЕВАНИЕ

Земля дрожит раскатом поездов,
Кипят моря под носом пароходов;
На запад, на восток, на север и на юг
Они бегут,
Пронзительны и яростны,
Зарю, и ночь, и вечер разрывая
Свистками и сигналами.
Их дымы стелются клубами средь туманов
Безмерных городов;
Пустыни, отмели и воды океанов
Грохочут гулами осей и ободов;
Глухое, жаркое, прерывное дыханье
Моторов взмыленных и паровых котлов
До самых недр глубинных потрясает
Землю.

Усилья мускулов и фейерверк ума,
Работа рук и взлеты мыслей дерзких

Запутались в петлях огромной паутины,
Сплетенной огненным стремленьем поездов
И кораблей сквозь пенное пространство.
Здесь станции из стали и стекла,
Там города из пламени и теней,
Здесь гавани борьбы и сновидений,
Мосты и молы, уголь, дымы, мгла;
Там маяки, вертясь над морем бурным,
Пронзают ночь, указывая мель;
Здесь Гамбург, Киль, Антверпен и Марсель,
А там Нью-Йорк, с Калькуттой и Мельбурном.
О, этих кораблей в путях заросший киль!
О, грязь плодов и кож, для неизвестных целей
Идущий сквозь моря самумов и метелей,
Сквозь ярость бурь и раскаленный штиль!
Леса, лежащие на дне глубоких трюмов,
И недра гор на спинах поездов;
И мраморы всех пятен и цветов,
Как яды темные, запекшиеся руды,
Бочонки и тюки, товаров пестрых груды,
И надписи: Кап, Сахалин, Цейлон.
А возле них, кипя со всех сторон,
Взмывает, и бурлит, и бьется в исступленьи
Вся ярость золота... Палящее виденье!

О, золото! кровь беспощадной всесдвижущей силы.
Дивное, злое, преступное, жуткое золото!
Золото тронов и гетто, золото скиний,
Золото банков — пещер, подземное золото,
Там оно грезит во тьме, прежде чем кинуться
Вдоль по водам океанов изрыскать все земли,
Жечь, питать, разорять, возносить и мятежить
Сердце толпы — неисчетное, страстное, красное.

Некогда золото было богам посвященным
Пламенным духом, рождавшим их молнии.
Храмы их подымались из праха нагие и белые,
Золото крыш отражало собою их небо.
Золото сказкою стало в эпоху русых героев:
Зигфрид подходит к нему сквозь морские закаты,
Видит во тьме ореолы мерцающей глыбы,
Солнцем лежащей на дне зеленого Рейна.
Ныне же золото дышит в самом человеке,
В цепкой вере его и в жестоком законе,

Бродит отсветом бледным в страстях его и безумьи.
Сердце его разъедает, гноит его душу,
Тусклым бельмом застилает божественный взор.
Если же вдруг разражается паника — золото
Жжет, пепелит и кровавит, как войны, как мор,
Рушит безмерные грезы ударами молота.

Всё же
Золото раз навсегда в человеке вздыбило
Волю — к завоеванью безмерного.
О, ослепительный блеск победителя — духа!
Нити металла — носители быстрого слова.
Сквозь сумасшедшие ветры, сквозь сумасшедшее море
Тянут звенящие нервы одного огромного мозга.
Всё повинуется некоему новому строю.
Кузня, в которой чеканят идеи, — Европа.
Расы древних культур, расчлененные силы,
Общие судьбы свои вы вяжете вместе с тех пор,
Как золото жалит ваш мозг общим желаньем!
Гавани, липкие молы от дегтя и вара,
Черные склады, кипящие штольни, гудящие домны,
Ваша работа вяжет всё уже узлы паутины
С тех пор, как золото, здесь на земле
Победило золото неба!
Золото жизни иль золото смерти, — страстное золото
Азию тянет петлей, проливается в Африку;
Золото скиптр океанов, бродячее золото.
С полюсов белых срывается к рыжим экваторам.
Золото блещет в победах, в разгромах мерцает,
Золото кружится в звездных орбитах веков,
Золото властно ведет в державно намеченных планах
Мачты своих кораблей, рельсы своих поездов,
Вдоль по пустыням земли, вдоль по водам океанов.

<30 ноября 1916
Коктебель>

413. ДУША ГОРОДА

Во мгле потонули крыши:
Колокольни и шпили скрыты
В дымчато-красных утратах,
Где бродят сигнальные светы.

По длинной дуге виадука
Вдоль тусклых и мрачных улиц
Грохочет усталый поезд.
Вдали за домами в порте
Глухо трубит пароход,

По улицам душным и скучным,
По набережным, по мостам,
Сквозь сизый сумрак осенний
Проходят тени и тени —
Толпы живущих там.

Воздух дышит нефтью и серой,
Солнце встает раскаленным шаром,
Дух внезапно застигнут
Невозможным и странным.
Ревность к добру иль клубок преступлений,
Что там мятется средь этих строений?
Или над крышами черных кварталов
Это встают на последней мете
Башни пилонов, колонны порталов,
Жизнь уводящих к безмерной мечте?

О, века и века над ним, —
Великим прошлым своим —
Пламенеющим городом, полным,
Как и в этот утренний час, — призраков!
О, века и века над ним,
С их огромной преступною жизнью,
Бьющей — о, сколько лет! —
В каждое зданье, в каждый камень
Прибоем безумных желаний и гневов кровавых!

Сперва — вблизи двух-трех лачуг — священник-пастырь!
Приют для всех — собор, и сквозь узор оконниц
Сочится свет церковных догм к сознаньям темным.
Стена, дворец и монастырь, зубцы на башнях,

И папский крест, которым мир овладевает,
Монах, аббат, король, барон, рабы, крестьяне,
Каменья митр, узорный шлем, камзол и ряса,
Борьба страстей: за честь герба, за честь хоругви;
Борьба держав... и короли неполновесный
Чекан монет хотят прикрыть гербами лилий,
Куют ударами меча свои законы
И суд вершат на площадях слепой и краткий.

Потом рождается — как медленно! — гражданство:
Те силы, что хотят из права прорасти,
Народа когти против челюстей правителей...
И яростные морды в тени, в подпольях завыванье,
Бог весть, к какому идеалу, скрытому в туманах,
Набаты плавят в вечерах неведомые ярости;
Слова освобожденья и надежды — в атмосфере,
Насыщенной кипеньем мятежей;
Страницы книг, внезапно просветленных,
Жгут чувством истины, как библии когда-то;
Герои светлые, как золотой ковчег, откуда
Выходят совершенья вооруженными и крепкими;
Надежда безумная во всех сердцах
Сквозь эшафоты, казни и пожары
И головы в руках у палачей...

Городу — тысячи лет —
Терпкому долгому городу...
Страстному натиску дней,
Тайным подкопам народов
Не устает он противиться.
Сердце его — океан, нервы его — ураган!
Сколько стянула узлов эта упорная воля!
В счастьи сбиратель земель,
Сломленный — ужас вселенной, —
Всюду в победах своих и разгромах
Он остается гигантом:
Гудит его голос, имя сверкает,
Светы его среди ночи пылают
Заревом медным до самого звездного свода,
О, века и века над ним!

В эти мрачные утра душа его
Дышит в каждой частице тумана
И разодранных туч:

Душа огромная, смутная, подобная этим соборам,
Стушеванным дымною мглою;
Душа беспокойная в каждой из этих теней,
Спешащих по улицам мрачных кварталов;
Душа его, сжатая спазмами, грозная,
Душа, в которой прошедшее чертит
Сквозь настоящее смутные лики наступающих дней,
Мир лихорадочный, мир буйного порыва,
С дыханием порывистым и тяжким.
Стремящийся к каким-то смутным далям;
Но мир, которому обещаны законы
Прекрасные и кроткие, — они
Ему неведомы, и он добудет их
Когда-нибудь из глубины туманов.
Угрюмый мир, трагический и бледный,
Кладущий жизнь и дух в один порыв,
И день, и ночь, и каждый час несущий
Всё — к бесконечности!

О, века и века над ним — городом буйным!
Старая вера прошла, новая вера куется,
Она дымится в мозгах, она дымится в поте
Гордых работою рук, гордых усильем сознаний,
Глухо клокочет она, подступая к самому горлу
Тех, кто несет в груди уголь желанья
Громко крикнуть ее, с рыданьями кинуть в небо.
Отовсюду идут к нему —
От полей, от дальных селений,
Идут испокон веков, из незапамятных далей
Нити вечных дорог
Свидетели их стремленья:
Этот живой поток —
Сердца его биенье.

Мечта! мечта! Она превыше дымов
Отравленных его вознесена.
И даже в дни сомненья и унынья
Она царит над заревом ночей,
Подобно купине, пылающей звездами
И черными коронами...

Но что до язв? То было и прошло...
Что до котлов, где ныне бродит зло?

Коль некогда сквозь недра туч багровых,
В лучах изваянный, сойдет иной Христос
И выведет людей из злой юдоли слез,
Крестя огнем созвездий новых!

<2 декабря 1916
Коктебель>

414. ГОРОДА

О, эти города, напитанные ядом гнилого золота!
О, каменные вопли, взлеты и жесты дыма,
И купола, и башни, и колонны.
В звенящем воздухе средь кипени труда...

Ты возлюбил ли ужас и тоску их,
Странник,
Печальный и задумчивый,
На огненных вокзалах, что опоясали вселенную?

О, вихрь колес сквозь горы и пространство...

Набат глухой и тайный, что лихорадил душу твою,
Он в городах гудел по вечерам; их пламя
Неисчислимое и красное твой озаряло лоб,
Их черный лай, и мстительные крики,
и улюлюканье охоты
Были лаем, криком и травлей твоей души;
Всё существо твое глубоко искажалось их
богохульствами.
И воля твоя была добычей их потока:
Вы ненавидели друг друга, обожая.

О, взлеты их, кощунства, преступленья,
Вонзенные, как в спину нож, закону!
Сердца колоколов и лоб их колоколен
Забыли их жертв число;
Чудовищные их нагроможденья заслоняют небо;
Ужас века сосредоточен в них;
Но их душа таит тот вечный миг,
Что в неисчетных днях собою метит время.
История была плодотворима
Из века в век приливом их идей;

Их мозг и кость питались новой кровью,
Что в старый мир вливаются надеждой
И гением.

Они калят дерзанья, причащают
Пространством и колдуют горизонты,
Их притяжения вникают в дух, как яд;
И каждый вознесенный над другими —
Ученый ли, апостол, иль поэт —
Несет свой пламенник в пыланье их пожаров.

Они в неведомое строят лестницы
Для восхожденья дерзостных исканий,
Светлыми ногами топчут ложь, что заковала цепью
Мир с человеком, человека с Богом,
Видали ль ночью вы короны их огней
И храмы из стекла и золота, откуда
Чудовищные взгляды одетых медью стекол
Устремлены к созвездьям сивилинским?
В кварталах молчаливых посещали ль
Лаборатории, в которых неотступно
От вывода до вывода, от связи и до связи
Сквозь бесконечности преследует ученый
Мельчайший трепет жизни?

Тот человек, что судит, мыслит, волит,
Ими весит и мерит сам себя.
Все тайны, все загадки мира
Им служат ставкой уже целый век
В борьбе великой судьбами.
О, ярость знаний и осторожность схваток!
Загадка здесь — ее следят и травят,
И настигают, как зверя свирепого,
Чтоб уловить мгновенье, когда
Ее глаза, раскрытые внезапно, разорвут
Покровы тьмы и истину откроют.
Тогда пусть ветры, волны, и небеса, и звезды,
И тяжкие мосты, что давят глыбы устоев каменных,
Базальты порта и градские стены
Трепещут на четыре стороны пространства,
Они не потрясутся столь полной радостью,
Как страстный дух искателя
Над новою победой.
Нечто в мире внезапно изменилось

Этим взрывом света из темноты;
И все равно прославят; иль ославят гений того,
Кто выломал враждебные ворота,
Что защищали тайну, —
Сила его поглощена великой силой городов:
Их бытие еще полнее ею.

Так те, что мыслят, будущему мира
От времени до времени несут ярь мозга своего;
А между тем встают еще иные,
Те, что горят с толпой и для толпы.

Огни болотные и мученики грезы,
Они провидят ее идущей по садам мучений
И крови — к светлому свершению времен,
Когда дух справедливости проникнет человека.
Ложь издала законы — тексты черных истин:
Их надо грызть всечасно,
Ожидая, пока не сломят их тараны мятежа;
А если надо кровавых удобрений для светлых всходов,
Если нужен великий гнев для полноты любви,
Если надо исступленье для сердца рабьего —
То гулы набатов черных взмоют города
Рыкающим приливом вкруг новых прав.

Так, наверху в кварталах старых, в тусклых залах,
Где светы газа безграничат жесты,
А голоса, и кулаки, и крики трибунов светлых
Утверждают потребность всех нормальным кругом права;
Таблицы, тексты, правила, системы и библии
Даются в передержках торжественных речей;
Для человека в мире — нет господина иного,
чем он сам,
И в нем сам владычествует — мир;
Оратор говорит и сильно, и высоко,
слово его сверкает,

Косматое и истребительное, как полеты кометы,
Как знамя безумное, простертое к победе;
А если он берет толпу трамплином —
Что до того? он тот, чья воля полна чрез край
Вскипающими токами расцветов;
Отчаянья, и ярости, и гневы,
И грозовое молчание горят в его руках:

Подземное глухое набуханье внезапных сил.
Когда ж в согласьи простом и неизбежном сопрягутся
Полет искателя с порывами трибуна,
То нет у неба такой грозы,
Таким громов у власти, у порядка такого произвола,
Чтоб раздавить собой победу мировую.

<Лето 1917>

415. МИКЕЛЬАНДЖЕЛО

Когда Буонаротти вошел в Сикстинскую капеллу,
Он насторожился,
Как бы прислушиваясь,
Потом измерил взглядом высоту,
Шагами — расстояние до алтаря,
Обдумал свет, сочащийся сквозь окна,
И то, как надо взнуздать и укротить
Крылатых и ретивых коней своей работы...
Затем ушел до вечера в Кампанью.

И линии холмов и массы гор
В его мозгу теснились могучими изгибами;
В узлистых и разлатых деревьях,
Изогнутых и скрюченных от ветра,
Он видел напряженье спины, изгибы торсов
И порывы простертых к небу рук...
В эти минуты в глазах его всё человечество —
Движенья, жесты, позы — принимало
Расширенный и полный облик всех вещей.
Он возвратился в город ночью,
То торжествующий, то недовольный собою,
Потому что ни одно из прожитых видений
В душе его не умиротворилось в статую.
На следующий день пред вечером
Недовольство в нем прорвалось, подобно грозди
Черных виноградин,
И к папе пошел он ссориться:
«Зачем он — Микельанджело — ваятель —
Выбран, чтобы писать по влажной штукатурке
Святую легенду на потолке часовни?
Сикстинская капелла темна и плохо построена:
И самый яркий день в ней не разгонит ночи!
И что за толк трудиться над темным потолком,

Чтоб мрак расцвечивать и сумрак золотить?
И, наконец, откуда и кто ему доставит балки
Для подмостков такой величины?»
Папа, не меняя выраженья лица, ответил:
«Я прикажу срубить мой самый крупный лес».

И Микельанджело ушел обратно в город,
Враждебный папе, миру, людям, и ему казалось,
Что в закоулках дворца, скрываясь в тени,
За ним следят враги, заране осуждая,
Неистовство, и мрачность, и величье
Нового творенья, что зрело в его душе.
Стал сон его одним огромным взмывом
Трагических телодвижений, вздымавшимся в мозгу.
Он с вечера ложился на спину на ложе,
И нервы продолжали гореть во время отдыха;
Он весь звенел, дрожащий, как стрела,
Вонзившаяся в стену.
Чтоб растравить еще свои обиды ежедневные,
Он распалялся страданьями и просьбами своих.
И грозный мозг его, казалось, был пожаром
Огней снедающих и пламеней грозящих.

Но чем сильней его страдало сердце,
Чем глубже проникали горечь и обида,
Чем больше ставил он препятствий самому себе,
Чтоб задержать миг молнии и чуда,
Внезапно преображающий работу,
Тем полнее зрело в душе
Творенье пламенеющее и мрачное,
Чье торжество и страх он нес в себе.

То было в мае; звонили к утрене;
Он, наконец, вернулся в Сикстинскую капеллу.
Силой мысли
Он собрал свои идеи в связни:
Группы резкие и четкие и линии широкие и ясные
Пред оком зыбились в спокойном ровном свете.
Подмостки были построены так крепко,
Что могли вести на небо.
Широкий, ясный свет сиял под сводами,
Лаская выгибы и зажигая стены;
Микельанджело взбежал по сходням
Легкий, шагая через три ступеньки.

Новый пламень разгорался под веками,
Пальцы с лаской ощупывали камень,
Который должен был одеться славой и красотой.
Затем он торопливо спустился
И твердою рукою двери
Замкнул на ключ.

Он затворился на дни, на месяцы, на годы,
Свирепо охраняя неприступность и тайну
Своей работы — одинокой и неисчетной;
Каждый день с рассветом, той же тяжелой поступью,
Он переступал порог часовни,
И, между тем как солнце вдоль стен описывало круг,
Он, как поденщик, — молчаливый и яростный,
Трудился над бессмертным созданием.

Уже
Двенадцать вспарушенных сводов замыкали
Семь пророков и пять сивилл,
Упорно проникавших в текст вещих книг,
Незыблемо сковавший
Живую зыбь грядущего.
Вдоль по карнизу пронизанные светом тела
Лепились дерзко, торсы их и спины населяли архитрав
Цветущей зрелостью и осмугленной плотью.
Пары нагих детей фронтоны подпирали;
Гирлянды здесь и там тянулись фестонами,
Змий медный выступал из глубины угла;
Юдифь кичилась кровью Олоферна;
Как зданье, рушился огромный Голиаф;
И к небесам вздымалась казнь Амана.
День ото дня, без отдыха, без срока,
Без ошибок и без поправок, росло и утверждалось
Творенье в стройной полноте;
Вскоре
Посередине свода развернулась книга Бытия:
Бог, как атлет, боролся с предвечным хаосом,
С водами и с землей;
Солнце и луна двойной печатью отметили
На пламенном и новом небе свои места;
Иегова устремлялся в пространства,
Повитый светами и бурями несомый;
Небо, море и горы жили мощной жизнью —

Широкой, медленной и строго размеренной;
Ева в изумленьи перед своим творцом,
Сложивши руки, колена преклоняла;
Адам же чувствовал перст Бога ревнивого,
Касающийся пальцев, — призыв к деяниям;
Каин и Авель готовили дары;
А Искуситель, став женщиной, тяжелой грудью
Украшал властительное древо;
Под золотыми лозами заветного точила
Ной опьяненный преклонялся к земле;
И черный Потоп распростирал в полете
Крыло воды над лесом и землею.

В работе титанической, что он вершил один,
Иеговы пламенем горел Буонаротти;
Он создавал искусство сверхчеловечное;
Он населил плафон свой новой расой
Существ великих, неистовых и мыслящих.
Гений его сверкал суровый и судорожный,
Подобный духу Данта и Савонароллы;
Уста, что он отверз, вещали слова иные,
И очи им разверстые провидели иные судьбы;
Под лбами вознесенными и в гордых торсах бился
И рокотал его глубокий, его великий дух;
Он пересоздал по-своему и мир, и человека.
В холодный осенний день
Узнали, наконец,
Что работа в Сикстинской капелле окончена
И удалась.
И стала хвала расти, подобная приливу,
Волнами страстными и рокотом широким.
Но папа Юлий Второй молчал.
Его молчанье было, как ожог.
И мастер снова ушел в свое уединенье.
Он с радостью вернулся к старым своим мученьям
И гнев, и гордость, и непонятная тоска,
Обиды, подозренья
Устремили снова
Свой ураган трагический сквозь душу
Микельанджело.

<9 мая 1917
Коктебель>

416. ТОЛПА

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
С пеньем, с криками, с проклятьями, кипя,
Как в котле, — трагические толпы;
В городах, внезапно потрясенных
Мятежом иль паникой, — во мне,
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысячеренная душа.
Лихорадка с зыбкими руками,
Лихорадка в буйный свой поток — меня
Увлекает и несет, как камень, по дорогам.
Разум меркнет,
Сердце рвется к славе иль к преступленью.
И на дикий зов единокупной силы
Я бегу из самого себя.

Ярость ли, безумие, любовь ли, —
Всё пронзает молнией сердца;
Всё известно прежде, чем сознанье
Верной цели в мозг впилось, как гвоздь.

Факелами потрясают руки,
Рокот волн на папертях церквей,
Стены, башни, вывески, вокзалы, —
Пляшет всё в безумьи вечеров,
Простирают мачты золотые светы
И отчаянные огни,
Циферблаты отливают кровью;
И когда трибун на перекрестке
Говорит, то ловишь не слова —
Только жест, которым исступленно
Он клеймит венчанное чело
Императора и рушит алтари.

Ночь кипит и плещет грозным шумом,
Электричеством напитан воздух,
Все сердца готовы отдаться,
Душа сжимается безмерною тревогой, разрешаясь
Криками... и чувствуешь, что каждое мгновенье
Может вспыхнуть иль раздавить рождающийся мир.
Народ — тому, кому судьба судила

Руки, владеющие молнией и громом,
И власть открыть средь стольких смутных светов
Ту новую звезду, которая пребудет
Магнитом новой всемирной жизни.
Чувствуешь ты, как прекрасно и полно
Сердце мое
В этот час,
В сердце мира поющий и бьющий?

Что нам до ветхих мудростей, до солнц
Закатных отпылавших истин?
Вот час, кипящий юностью и кровью,
Вот ярый хмель столь крепкого вина,
Что всякая в нем гаснет горечь;
Надежда широкая смещает равновесья,
Что утомили души:
Природа ваяет новый лик
Бессмертья своего;
Всё движется, — и сами горизонты идут на нас.
Мосты, аркады, башни
Потрясены до самых оснований.
Внезапные порывы множеств
Взрывают города,
Настало время крушений и свершений,
И жестов молнийных, и золотых чудес
На высотах Фаворов осиянных.

Как волна, потерянная в реках,
Как крыло, исчезшее в пространство,
Утони, душа моя, в толпе,
Бьющей город торжествующею яростью и гневом.
Посмотри, как каждое безумье,
Каждый ужас, каждый клич калятся,
Расплавляются и прыщут в небо;
Собери в единый узел миллионы
Напряженных мускулов и нервов;
Намагничься всеми токами,
Отдайся
Всем внезапным превращеньям
Человека и вещей,
Чтоб ощутить внезапно, как прозренье,
Грозный и жестокий закон, что правит ими, —
Написанным в тебе.
Жизнь согласи с судьбою, что толпа,

Сама того не зная, возглашает
Этой ночью, озаренной томленьем духа.
Она одна глубинным чувством знает
И долг, и право завтрашнего дня.
Весь мир и тысячи неведомых причин
Поддерживает каждый ее порыв
К трагическим и красным горизонтам,
Творимым ею.
Грядущее! я слышу, как оно
Рвет землю и ломает своды в этих
Городах из золота и черни, где пожары
Рыщут, как лев с пылающей гривой.
Единая минута, которой потрясены века,
Узлы, которые победы развязывают в битвах,
Великий час, когда обличья мира меняются,
Когда всё то, что было святым и правым, —
Кажется неверным,
Когда взлетаешь вдруг к вершинам новой веры,
Когда толпа — носительница гнева, —
Сочтя и перечтя века своих обид,
На глыбе силы воздвигает право.

О, в городах, внезапно потрясенных
Кровавым празднеством и ужасом ночным,
Чтоб вознести и возвеликолепить — себя,
Душа моя, замкнись!

<1917>

Анри де Ренье

417

Нет у меня ничего,
Кроме трех золотых листьев и посоха
Из ясеня,
Да немного земли на подошвах ног,
Да немного ветра в моих волосах,
Да бликов моря в зрачках...
Потому что я долго шел по дорогам
Лесным и прибрежным
И срезал ветвь ясеня,
И у спящей осени взял мимоходом

Три золотых листа...
Прими их. Они желты и нежны
И пронизаны
Алыми жилками,
В них запах славы и смерти.
Они трепетали под темным ветром судьбы.
Подержи их немного в своих нежных руках —
Они так легки, и помяни
Того, кто постучался в твою дверь вечером,
Того, кто сидел молча,
Того, кто, уходя, унес
Свой черный посох
И оставил тебе эти золотые листья
Цвета смерти и солнца...
Разожми руку, прикрой за собой дверь,
И пусть ветер подхватит их
И унесет...

<1910>

418

Приляг на отмели. Обеими руками
Горсть русого песку, зажженного лучами,
Возьми и дай ему меж пальцев тихо течь.
А сам закрой глаза и долго слушай речь
Журчащих вод морских и ветра трепет пленный,
И ты почувствуешь, как тает постепенно
Песок в твоих руках... И вот они пусты.
Тогда, не раскрывая глаз, подумай, что и ты
Лишь горсть песка, что жизнь порывы воль мятежных
Смешает, как пески на отмелях прибрежных.

<5 мая 1911
Коктебель>

419. КРОВЬ МАРСИЯ

Как голос вод в лесных ключах различен,
Так у дерев есть голос — долгий, смутный...
Прислушайся: у каждого свой голос в ветре.
И ствол немой передает листве живой
Подземные слова своих глухих корней:

Весь темный лес — один широкошумный голос.
Прислушайся, как дуб шумит, береза
Лепечет, замирая, глухо ропщут буки
И стонут ясени, а беглый трепет ивы
Звучит почти как речь невнятная,
И слышатся в порывах
Морского ветра
Таинственные жалобы сосны...
Ее кора и ствол обагрены
Горячей кровью бедного сатира...

Марсий!
Я знал и видел
Марсия,
Чьей дерзкой флейтою была побита Лира.
Я видел, как он был привязан
Руками и ногами
К стволу сосны;
И рассказать могу,
Что было
Меж Богом и Сатиром,
Ибо видел,
Как он привязан был, лишенный кожи,
К стволу сосны.

Он кроток был, задумчив, скрытен
И молчалив;
Маленький и с сильными ногами,
С ушами длинными, заостренными,
С темною бородкой,
В которой вились нити седых волос.
Зубы были
Ровны, белы, и смех его короткий, редкий
В глазах светился
Какой-то ясностью —
Печальной и внезапной —
Молчаливой...
Ступал он четко, сухо,
Ходил походкой быстрой и танцующей,
Как некто, в глубине себя несущий
Какую-то большую радость, но молчащий.
Он редко улыбался, говорил немного,
Поглаживая темную бородку
С серебряною проседью.

В дни осени,
Когда сатиры празднуют сбор винограда,
И пьют из бурдюков, и славят дивный плод,
И тамбурин
Гудит, грохочет, бьет;
В дни осени,
Когда они танцуют,
Скача с копыта на копыто, вкруг
Больших амфор и красного точила,
С лозою меж рогов
И с факелом в руках;
В дни осени,
Когда все пьяны, Марсий
За их толпой
Шел легкими шажками, не мешаясь
В их оргию;
И не алила
Струя вина его лохматой шерсти: он,
Сорвавши гроздь, серьезный, сев на землю,
Ел осторожно ягоду за ягодой
И в руку
Сплевывал пустые шкурки.

Он жил один у рощи гулких сосен.

Была его пещера низка и глубока —
В плече скалы у горного ключа.
В ней помещалась
Постель из мха,
Глиняная чаша,
Миска деревянная,
Скамейка
И связка тростников в углу.
А рядом,
В защите от ветров,
Он, будучи искусен в плетении корзин
И лаком
До меда свежего, поставил ульи.
И гул роев сливался с гулом сосен...
Так жил Марсий-Сатир.

Днем
Бродил он по полям, повсюду, где текут
Подземные, таинственные воды;

Он ведал все ключи:
Те, что из скал сочатся за каплей капля,
Те,
Что из песков бегут и бьют в траве,
Те, что жемчужатся,
Те, что кипят,
Обильные, скупые,
Истоки рек, начала ручейков,
Те, что в лесах, и те, что на равнине,
Священные ключи и сельские колодцы, —
Он знал все воды
Окрестности.

Марсий был искусен
Из тростника вырезывать свирели:
Умел обрезать
В должном месте ствол,
Чтоб стал он
Сиринксом или флейтой;
Сделать дырки для пальцев
И одну большую для губ,
Смиренное дыхание которых
Вдруг наполняло лес таинственною песнью,
Нежданною и чистой,
И росло, смеялось, плакало, роптало и шуршало.
Марсий был искусен и терпелив.
Он иногда работал на заре иль при луне,
Поглаживая темную бородку
С серебряною проседью.

Он знал прекрасно тысячи приемов
Срезать тростник — короткий или длинный,
И о звуке:
Как следует приставить губы, сделать,
Чтоб брызнул звук пронзительный и чистый,
Иль нежный, иль глухой, короткий или тихий,
Как сохранять дыханье,
Как сидеть,
Как ставить руки
Локтями вниз,
И многое другое...

Он не любил играть, когда могли услышать.
Он никогда из грота не спускался,

Чтоб вызывать на состязанье в пеньи
Окрестных пастухов, как прочие сатиры.
По вечерам, когда все люди спали,
Беззвучно он скользил по влажным травам
И уходил, порою до рассвета,
На склоны гор и, севши там меж сосен,
Глядел, в молчаньи, в бесконечность, в ночь...
И флейта лес дыханьем наполняла,
И чудо! — каждое, казалось, пело
Во мраке дерево. Его таким я слышал.
И был велик, таинственен, прекрасен
Огромный лес, живущий в малой флейте,
Со всей своей душой, с листвой, с ключами,
И с небом, и с землей, и с ветром.

Но те, что слышали его,
Смеялись, повторяя:
«Этот Марсий сошел с ума,
Его напевы плачут, потом смеются,
Вдруг смолкают, возникают...
И, Бог весть почему,
Умолкнув, плачут снова».
— «Он не умеет петь по правилам,
И прав, играя только для лесных деревьев».
Так говорил фавн Агес — знаменитый
Певец, завистливый соперник.
Он был стар, имел один лишь рог,
И не любил он
Марсия.

В то время Аполлон
Остановился, проходя страною Аркадийской,
На несколько часов у жителей Келены.
Был собран хлеб и близки сборы
Винограда.
А так как грозди были тяжелы,
И полны житницы,
И все довольны,
То с радостью приветствовали Бога
Кифареда.
Прекрасен был, стоявший в диске солнца,
Касаясь струн великолепным жестом,
Надменный Бог, торжественный, довольный
И царственный. Порою отирал

Он пот с чела. И струны лиры пели,
И черепаха рокотала глухо.
И гимн вставал, размеренный и строгий,
Над мирною и пурпурной землею.
И лира пела под руками Бога,
Как бы охваченная пламенем...

Толпились все кругом, —
И пастухи, и пастыри,
Пастушки, рыболовы, дровосеки
Сидели вкруг него;
И я — старик — один в живых из всех,
Кто некогда внимали звукам
Великой Лиры.
И фавны, и сильваны, и сатиры
Окрестных рощ, равнин и гор
Сошлись, чтобы послушать Аполлона.
Один лишь Марсий
Оставался наверху —
В пещере,
И, лежа,
Слушал сосны, пчел и ветер.

О, Марсий!
Туда они пришли искать тебя...
Когда умолкла лира, все хотели,
Чтобы Певец послушал наших песен.
И кто на дудочке, а кто на флейте,
Будили эхо.
По очереди каждый пел.
И доходили песни до уха Бога —
Наивные, глухие, грубые.
Порою два певца перекликались.
И песни двух соперников, сменяясь,
Фальшивили, и ритмы их хромали.
А Аполлон их слушал, благосклонный,
Безмолвный, стоя в сияньи солнечном,
Внимательный и к пастухам, и к фавнам,
Неутомимый, снисходительный,
Бесстрастный...
Пока не появился Агес. Был он стар,
Морщинист, безголос, страдал одышкой,
А когда-то искусен был на флейте,
Но с годами лишились силы пальцы. И когда

Беззубым ртом он дунул —
Из флейты знаменитой родился звук
Такой пронзительный и режущий,
Что Аполлон не мог не улыбнуться
И сделал вид, что поправляет струны лиры.
Но старый Агес
Заметил улыбку
И был расстроен.
«Раз он улыбнулся, услыхав меня,
Наверно рассмеется, услышав Марсия», —
Подумал Агес
И Богу о Сатире начал говорить.
Как съевший меда уж не помнит воска —
Улыбку Лирника, когда он рассмеется
Над Марсием, —
Они забудут.

Он пришел.
Толпа раздалась,
Чтоб пропустить его.
Он шел спеша,
Сухими, быстрыми, короткими шагами,
Как некто, кто торопится скорее кончить дело.
Он нес с собою флейту —
Маленькую,
Верную,
Из одного куска.
Он сел на землю против Аполлона,
Скромный, опустив глаза
Пред Богом ослепительным,
Стоявшим в диске солнца с золотою лирой!

И он запел...
Сперва казалось,
Как будто ветерок шуршит в саду,
Как будто воды текут в траве иль по пескам...
Потом — как будто дождь, потоки, ливень...
Потом — как будто ветер или море, —
Потом он замолчал... И снова флейта
Запела ясно... Вдруг мы услыхали
Жужжанье пчел и ропот гулких сосен...
Покамест пел он, обернувшись к солнцу, —
Светило медленно закатывалось.
И Аполлон теперь стоял в тени,
Обеззолоченный и сразу ставший темным
Из светлого,

Как будто вдруг вошедший в ночь.
А Марсий между тем,
Ласкаемый последними лучами,
Аливщими лицо, багрянившими шерсть,
Пел, упоенный солнцем, и казалось,
Что к флейте золотой он прижимал уста.
И слушали все Марсия-Сатира.
И, приоткрывши рты, все ждали смеха Бога
И смотрели на лик божественный,
Который теперь
Казался ликом медным.
Вдруг, ясными глазами на Бога глядя, Марсий,
На два куска сломал об ногу флейту.
Тогда огромный вопль — звериный, долгий,
Вопль радости и гиканья восторга, топанье ногами
Внезапно поднялись и смолкли сразу,
Потому что средь возгласов и смеха
Аполлон
Стоял один — жестокий и безмолвный —
И не смеялся, всё поняв.

Марсий говорит:

Пусть так! Он сам хотел! Я победитель Бога.
Привет тебе, земля, так долго и так много
Меня питавшая! Леса мои! Родник
Текучих вод, где я срезал сухой тростник,
В котором трепетно смеется и рыдает
Мое дыхание — растет и ропщет, тает,
То всхлипами ручья, то шумами листвы.
Лица, над водами склонившегося, — вы
Уж не увидите. Мне не следить глазами
В небесной синеве за стройными ветвями!
Накажет грозный Бог Сатира. Взрежет нож,
Мой мягкий бурый мех, сдерет покровы кож,
Кровавя шерсть мою. Умру я. Но напрасно
Завистник царственный, соперник мой опасный,
Рукой неопытной наладивши свирель,
Мой голос отыскать захочет... А теперь
Вы тело Марсия, дрожащее от боли,
Из кожи вынете, зане, не всё равно ли,
Что я уйду с земли: мой голос не умрет,
Покамест ветр морской в стволе сосны поет.

<1911>

420. ПЛЕННИЦА

Ты вырвалась; но я видал твои глаза.
Я знаю вес в руке твоей упругой груди,
И вкус, и линию, и цвет, и выгиб тела,
За коим гонится моя слепая страсть.

Пусть ты поставила меж нами ночь и лес.
Но, вопреки тебе, красе коварной верен,
Обдумал форму я, изникшую во мраке,
И воссоздам ее. Уже горит заря.

Я статую твою воздвигну глыбой, чтобы
Заполнить пустоту, где ты была нагою.
Плененная навек в бездушном веществе,

Ты будешь корчиться немой и всё же гневной,
Живой и мертвою; изваянная мной
В лучистом мраморе иль в золотистой глине.

1 марта 1919
Одесса

421. ВИДЕНИЕ

Галоп зыбей опенил овидь моря.
Смотри. Они несутся. Волны
Свирепы. Ветер хлещет
И гонит их яростный табун.
Смотри: одна обрушилась, другая сзади —
Предательская, более высокая —
Вскочила ей на круп и смяла под себя,
Сама разбилась. Между тем как шпоры
Невидимые бесят третью. С ржаньем
Взвивается она и рушится при кликах ветра,
Задохнувшегося, и вод, дымящихся в поту и в мыле.
Грудь урагана! Гривы пены!
Стоя в горьком ветре, я смотрел
На бесконечный бег морских коней, ожидая,

Что вот, один из них из вод текучих
Покажется, расправит вдруг струящиеся крылья
И я рукой за гриву ухвачу
Морского, неукротимого Пегаса.

10 мая 1919
Около Очакова

422. ТРЕВОГА

Взяв медную трубу, взойди на башню.
Заря кровавит враждебный горизонт,
Багрянит мостовую, фронтон и черепицы:
Зловещая — пророчит недобрый день.
Склонись: внизу у ног твоих широкий очерк
Зубчатых стен, хранящих город;
И, поклонясь богам, стоящим в перистиле,
Широким жестом подними тяжелую букцину.
А дабы тревога разнесла на все четыре стороны
Призыв воинственный и свой призывный клич,
Надуй щеку и зубом прикуси металл.
Но раньше, чем голос твой раздастся в гулкой бронзе,
Всей грудью, раскрывши рот к родному ветру,
Вдохни округ отчизны воздух чистый.

13 мая 1919
Около Тендры

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под нумерацией строк (или строф) указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

Приводятся другие (полные) редакции отдельных стихотворений, а также наиболее существенные разночтения. Варианты даются, по возможности, как нечто связное, отрывками не менее 3—4 стихов, и только в редких наиболее характерных случаях приводятся один или два стиха. Список условных сокращений см. на с. 559.

4

после 16
НП

Чу! Протяжный и печальный
И далекий звон
Точно отзвук песни дальной
Слышен...
Это он!
Генрих-Бальдур! С кем боролась
Ты за счастье. Кто любил
Лишь тебя, твой ясный голос
С медью колокола слил...

6

НП, Стих.

Венеция — сказка. Старинные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних тонов Тициана.

Венеция, 1899

ВЕНЕЦИЯ

первонач. ред.
а-ф
Тт-2

Венеция — сказка. Старинные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

Венеция — сказка. Старинные зданья
На алом пожаре закатного стана

Печальны и строги, как фрески Орканья.
Горят перламутром в отливах тумана.

Горят перламутром в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья.
Вечернее солнце, как алая рана.
На всем бесконечная грусть увяданья...

На всем бесконечная грусть увяданья.
В шелках Веронеза закатная Кана,
Доспехи Джорджоне и в небе мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана.

Осенних и медных тонов Тициана
Цветы облетают. Последнюю дань я
Плачу пожелтевшим страницам романа...
Венеция... сказка... старинные зданья...

7

5—8
Гриф, 1903

Кончена пьеса... Ушли
Хор и актеры. Покрыты
Траурным слоем земли
Славные плиты.

8

23—25
а-ф

И сквозь ветку барбариса
Спит, свернувшийся в кольцо,
Амфитеатр Диониса...

9—19

2

9—10
а-ф Тт-1
13—16

Сотни маленьких пальцев
Тянут ниточки шелка

а Из минутного мрака
Мне смеются их лики
И по темному лаку
Разбегаются блики.

б По поверхности лака
Разбегаются блики.
Из-за влаги из мрака
Мне смеются их лики.

в На синеющем лаке
Вьются белые блики.
В проносящемся мраке
Шевелятся их лики.

20

6—7
а-ф

Средь сказочных лесов воздвигла ты свой герб,
И в залах царственных сияет лунный серп

21

21—22
а-фы

Звук, как треснувшая ваза...
Он сгорел в своем кольце.

24

между строфами
2 и 3
а-ф Тт-2

И шарф, прозрачными сетями
К челу прильнувший твоему,
И желто-алыми шелками
У шали тканую кайму;

27

загл.

ДИАНА

строфа 5
черн. а-ф

[Мчится охота лесистыми щелями,
Воют собаки, голодны и злы...
Мягко ложатся меж черными елями
Просветы, полосы света и мглы.]

28—31

4

вм. 17—49
а-ф

Мир отрывочен и пуст.
Необычно мне сознанье
Знать весь мир как сочетанье
Лишь пяти отдельных чувств.
Вечно<сть?> с жгучей красотою
Неразгаданных чудес
Скрыта близкой синевою
Примиряющих небес.
Мне так радостно и ново
всё обычное для вас.
Я люблю свет ваших глаз,
вашу речь и ваше слово.
В них мерцает мир вещей
гармонично и поблекло,
как узорчатые стекла
в мгле готических церквей.
Жизнь люблю умом разъять я.
Но мне дороги мечты,
ваши детские понятья
Жизни, зла и красоты.

21—25
СЦ, 4

Я решаюсь лишь несмело.
Мир отрывочен и пуст...
Непривычно мне сознанье
Знать его, как сочетанье
Лишь пяти отдельных чувств.

33

загл.	**ДЕТСТВО**
а-ф, ЗР. 1906, № 11/12	О, как странно, о как звонко
1	
а-ф	
после 8	Время медленней и шире... Всюду отсветы огней... О как странно в этом мире Быстро шепчущих теней!..
после 8 ЗР. 1906, № 11/12	Время медленней и шире, Всюду просветы аллей... О, как ясно в этом мире Быстро шепчущих теней.

34

вм. 14—15 черн. а-ф ПД	[Своей фантазиею мы Толпой видений населяли. Но мир дохнет издалека, Совьются бледные виденья, И вновь бессильная тоска, Невыразимое мученье.]

38

между строфами 7 и 8 п. к Сабашнико-вой	Я буду помнить жизнь вне рамок. Поездки в лес на целый день. Фонтенебло. И парк, и замок. Скамью. Фонтан. Каштанов тень. Потом в лесу три старых пушки. Ущелья. Вечер у опушки На диком склоне у сосны. Леса, как море... Диск луны. Дорога в белом лунном свете. Внизу сквозь кружево ветвей Миганье радужных огней. Я помню их, прогулки эти — Я четко помню каждый день: St. Cloud, Мэдон, Венсенн, Сюреннь.

41

после 16 ЗР. 1906, № 10	Необъятною звездною сказкой Прижимались к земле небеса, И рука с безнадежною лаской Разбирала мои волоса.

49

9—12 а-ф Тт-1	Улиц гул всё глуше, неуклюже В путах сна волочится вдали. Стебли трав, как нити тонких кружев... Мы цветы страдающей земли.

37—40 [Полки книг и ветви эвкалипта
И листы бумаги на столах,
И во тьме улыбка вечной Тайны —
Белый лик Царевны Таиах.]

9—12 а-ф Мир теней печальных и поблеклых.
Город смутно плещется вдали.
Стебли трав, как кружево на стеклах.
Мы [цветы страдающей] земли.

9—12 п. к Сабашниковой от 11 окт. 1905 г. Гул людской, как дальний рокот моря..
Там над нами тонут корабли?
Стебли трав, как кружево... Аморя...
Мы цветы страдающей земли...

54

загл. **ОДИЛОН РЭДОН**

1—3 а-ф Я шел сквозь мглу. И жгучей смерти пламя
Лизнуло, как змея. Всё смыто без следа.
Лишь вечность зыбится ритмичными веками

59—65

1

строфы 1—2 а-ф Тт-1 [Улицы с запахом пряным.
Бронзовых светов снопы,
Площади, полные рдяным
Быстрым дыханьем толпы.

Прянули ввысь, как в испуге,
Прочь от земли и огней
Стрелки и тонкие дуги,
Молнии серых лучей.]

2

строфа 4 а-ф Тт-1 Как аметист, душа бессонна
И сожжена лиловым днем,
И вся прозрачная колонна
Горит фиалковым огнем.

3

строфа 1 а-ф Тт-1 Бар ат стерт. Хоругвь во мгле поблекла.
Лиловаты камни. Тише. Подождем...
Темными цветами расцветают стекла,
Светами распяты, съедены дождем.

4

перед 1 а-ф Тт-1 Сияло во мраке священное знамя.
Склонясь у подножья, чело на древке —
Два дня и две ночи поющее пламя
Держал я в простертой руке...

И развилось огненное пламя,
Растворилась трепетная мгла,
И рука, летучая, как пламя,
Через семь преддверий повела.

строфа 2

В тьму стремятся четкие пилястры,
Пчелы свеч усеяли алтарь,
И сквозь сумрак расцветают астры —
Аметист, рубины и янтарь.

6

строфа 3
а-ф Тт-1

[Эту плоть, мне данную на время,
Милый груз возлюбленных оков,
Я отдам, как радостное бремя,
И рассыплю связки позвонков.]

67—80

2

строфа 2
а-ф ПД

Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Припаду я грудью с грустью к острым срывам горючих гор,
Я напьюсь струями ветра — соком гроздий лиловых туч,
Облекусь я в скорбный траур — в бурный пурпур вечерних гроз,
Обовью полынью, мятой, горным чобром свое чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой таинственный Коктебель!

а-ф
Тт-1

Припаду грустно грудью к острым щебням горючих гор,
Я напьюсь струями ветра — соком гроздий лиловых туч.
Облекусь в одежды скорби, в черный пурпур вечерних гроз,
Обовью полынью, мятой, горным чобром свое чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой таинственный Коктебель.

3

первонач.
набросок
а-ф Тт-1

Темен весной Коктебель и тоскливы голые горы,
В небе висят облака.
Гордо стоит Карадаг, коронован черной короной,
В перьях седых облаков.
Тонкою снежной слюдой опрозрачены дальние горы,
И потёмнели поля.

после 8
а-ф Тт-1

Соки вещей весны возмутили темные воды.
Снова разверзлась в душе скорбь нисхождения в мир.

5

1—8 По склонам выжженным ползут стада овец.
а-ф Тт-1 На месте городов ни знаков, ни развалин,
И в темной синеве торжественно печален
Зубчатых гор таинственный венец.

Где сень священных рощ? Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин...
И вещею тоской скорбящий дух ужален.
Кто знает путь богов: начало и конец?

4—6 По склонам выжженным ползут стада овец.
а-ф Как четки выси гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках трагичен и печален...

6

первонач. ред. Туманный день раскрыл больное око,
а-ф Тт-1 И бледный луч, расплесканный волной,
Дробясь, скользит над мутной глубиной —
То колос дня от пажитей востока!

И чаша вод колышется широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мыс, зубчатою стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока...

О этот час в затишьи бледных утр,
Когда в горах златится перламутр
И чуткий дым встает со дна долины,

Ручьи журчат, и каждый тихий звук
Звенит струной, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

8

1 Я солнца дневный[1] путь от красных скал
а-ф Тт-2 Тавриза

10

2—4 Порос сожженный скат извилистой долины.
а-ф Сереет молочай, пласты размытой глины
Искрятся шифером, и сланцем, и слюдой.
А выше Карадаг лиловые вершины
7—8 Подъемлет над холмом зубчатою стеной.

10—14 И злобный треск цикад, и камней отблеск ртутный,
И запах душных трав, и клекот хищных птиц

Слепят сознание. Сам зной дрожит от крика.
И там — во впадинах разрушенных глазниц,
Огромный взгляд страдающего Лика...

---

[1] *Было: а* синий *б* знойный

14

13—14 а-ф Тт-2

[Там вечной мглой закрыл свой лик Уран.
То грань Земли — предел киммериян.]

81

5—6 а-ф

Живая зыбь, как огненный стеклярус.
Лохмотья туч сошлись.

86

13—16 а-ф Тт-2, а-ф ПД

Склонясь в бессилии,
Я жду гостей
Здесь на развилии
Путей...

87

загл.

ПОЛДЕНЬ

после строфы 4 а-ф Тт-2

В полдень Духа к Солнцу на вершину
Я принес свое земное Я
И, подняв в лазури, опрокину
В темный пламень чашу бытия.

89

между строфами 4 и 5 а-ф Тт-2

Прыщешь пламенные светы
Гневных солнечных мечей,
Скалы алые одеты
Тяжким золотом лучей.

Здесь не вьется меж камений
Виноградная лоза,
Не сверкнет меж смольных сеней
Струйкой влаги бирюза.

строфа 8

И стоит скала святая,
Средь морей алтарь судьбы,
В синем небе развевая
Дымов черные клубы.

95

первонач. ред. а-ф Тт-2

Она забытый сон веков.
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Она сквозит за дымкой мглы.
У губ приподняты углы,
И щек овал волнует тайной
Знакомой и необычайной.

Ее неверная фата
Скрывает взгляд за тканью зыбкой,
Лишь тихо светятся уста
Неотвратимою улыбкой.

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу
И у любовниц в миг объятья.

Пред Нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны солнца Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Тревожа древний сон могил,
Я открывал киркою плиты,
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред ликом восковых мадонн
В церквах Толедо и Севильи
К цветным мозаикам окон
Склонялся в сладостном бессильи.

Искал в чертах немудрых Дев
На возносящихся порталах
И, дрему форм преодолев,
Встречал <ее> в музейных залах.

Я свято в памяти храню
Виденье инока Бернарда
И милый лик Tête Inconnue,
И лик Предтечи Леонардо.

Ее бессмертной красоты
Они лишь смутные виденья,
Они разорванные звенья
Невоплотившейся мечты.

Я знал, как то же пламя тлело
В земных чертах случайных лиц,
И кто-то звал со дна темниц
Больного, призрачного тела...

96—110

2

9—14 Но кто свой дух прошел до дна извилин,
а-ф Тт-2 Над теми мир безволен и бессилен.
Пусть ураган о скалы челн дробит,

Пусть веет вихрь обиды и гонений,
Пусть лед тоски, пусть горький яд сомнений —
Явь наших снов земля не истребит!

111

первонач. ред.
а-ф Тт-2

Моя любовь тебе была веригой,
    Но жгуч мой прах.
Но я уйду, я стану только книгой
    В твоих руках.

Хранят страниц разорванные звенья
    Твою печать.
Мою любовь ты можешь в час сомненья
    Перелистать.

Похоронил я сам себя в страницы
    Моих стихов.
Прислушавшись, услышишь пенье птицы
    В могиле слов.

116

набросок
а-ф

И не противясь темной силе,
Что нас к одной тоске вела,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы сотворили.
Молил неверующий жрец
И жертва тайны не страшилась
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.
Свершив указанное роком
И встав со страстного одра

между 8 и 9
а-ф Тт-2

В холодном пламени костра
Мы пили медленные яды,
На ложе страстного одра
Свершая стыдные обряды.

после 12

И без смущенья, без укора
На ужас будничный глядел
Неискупимого позора
Погасших душ и вялых тел.

118

5—9
черн. а-ф

Слышать скрип ступеней, гулкий наголоск зал,
Что<б> не знать, кто пришел, кто глаза
завязал,
Кто коснулся рукою руки в темноте,
Кто шепнул: я с тобой; кто [1]
Чтобы верить до смерти не чувствуя ран

---

[1] *Стих не дописан.*

119

после 18 а-ф Тт-2

[И вот на новом перекрестке
Стою, свидетель снов и мук.
Проходят люди. Чужды, жестки
Касанья губ, пожатья рук.
Но сердце шепчет: Скоро... скоро...
Он здесь... Он близко — вождь и друг...
Хранитель тайн... ключарь собора...]

121

а-ф Тт-2

Я в мире не знаю свободы.
Но радостью освобожденья
Искуплены цепи природы.

Гляди на текущие воды,
На спящие в них отраженья.
— Я в мире не знаю свободы.

Плетя бесконечные звенья,
Сплетали мы крепкие сети.
— Что в мире прекрасней плененья?

Мы в поле играли, как дети,
Венки из цветов заплетая.
— Да, есть справедливость на свете.

Вот Осень идет золотая,
Плоды ее спелы и красны.
— Скажи же мне, кто ты такая?

Как наручни смерти прекрасны!

9 февраля 1915

первонач. ред. а-ф ПД

К тебе я пришел через воды
Крылатый, готовый в сраженье.
    — Мне больше не надо свободы...
Я крепкие выдержу звенья,
Порву непокорные сети.
    — Что в мире нежнее плененья...
Мы будем как боги, как дети
Смеяться, цветы заплетая...
    — Мне больше нет места на свете.
Вон ждет нас ладья золотая,
Затихшие воды так ясны
И манит прозрачность морская.
    — Как наручни смерти прекрасны.

127

между строфами 2 и 3 а-ф Тт-2

[Скорбь желаний угасла
Перед ликом огня —
Ты, принесшая масла,
Не касайся меня.

К душным ульям зачатий
Ночью в дымном бреду

Я, возжаждав объятий,
Припадать не приду.]

128

вм. 3—8 а-ф ДМВ

Мы сквозь смерть во плоти проросли
И с огнем наша схожа природа.

Подымаясь к огню на высоты,
Припадая бессильно к земле,
Неустанно мы строим во мгле
Наших тел шестигранные соты.

В них огонь претворяем мы в мед
И, поднявшись над солнечным краем,
Точно свечи из воска сгораем...

В улье неба века и века

129—131

2

ЛИЛЕ

а-ф Тт-2

В пламенном горне земли мы крестились огнем и любовью,
Пепел сожженной тоски <?> тлеет в кадильнице дня.

136

черн. а-ф

Вы спросили меня о моем детстве,
Я взглянул внутрь и ничего не вспомнил...
И подумал с грустью:
Было ли оно?
О да! Оно было. Но я не знаю его потому,
Что оно еще до сих пор не кончилось...
Ранние годы мои
Стеснены были взрослыми:
Строгими волями, книжными мыслями,
Слишком недвижными
Для детской игры.
Точно я шел одним коридором
Безысходным, уставленным гордыми книгами и статуями богов,
Освещенным пыльным светом,
Пока не вышел
На звонкий и синий простор
Лиловато-розовых отмелей моря,
Где вереск, и ветер, и вещие волны
Переполнили
Сердце — светом.
И я понял в тот миг, что солнце
И море и ветер —
Только игрушки
И жизнь только предлог для игры.
А потом я ушел
В большой и радостный город,

Где живут и играют
Миллионы людей.
Там я полюбил человека,
Его лицо, его тело, его слабости и его пороки,
Его мечты, его желанья, его паденья.
О, не бойтесь...
Я никогда не играю людьми...
Я люблю всматриваться в их лица,
Читать линии их ладоней,
Заглядывать в глубину их глаз,
Темных, как лесные озера,
Я люблю их бережно держать в руках...
Ощущая трепет их сердца...
И солнечную теплоту их плоти.
Но я не делаю зла людям,
Потому что бесконечная жалость
Переполняет сердце, когда я прикасаюсь к человеку.
Я никогда не нарушил
Того, что растет.
Я ни разу не сорвал
Нераспустившейся завязи цветка.
Я собираю только созревшие
Плоды,
Облегчая
Отягченные ветви,
А если я многим причинял боль,
То только потому,
Что был жалостлив в тот миг,
Когда от меня требовали жестокости,
Что не захотел заиграть до смерти
Тех, кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели.

между 34 и 35 а-ф Тт-2

Что жалостлив был в те мгновенья,
Когда надо быть жестоким,

137

10—12 СиП-2

Ни в слабости. Ко мне был нежен мрак:
В неверных снах, в зачатьях и рожденьях
Я не иссяк.

17—18

Но я коснулся изначальных граней,
Где слепнет сиротливая мечта:

между 20 и 21 а-ф Тт-2

Не мне судить за грех дру<ги>х сурово.
Я всё приму и всех, любя, приму,
Хотя лишь край тяжелого покрова
Приподыму.

141

после строфы 3 а-ф Тт-2

Солнце! Млеет даль...
Облачи яры и балки
В дымно-розовый миндаль,
В желтый крокус и фиалки!

142

4
а-ф Тт-2
после строфы 3

Встают рядами бледных свеч.

Дождем земные дышат жабры,
Еще разрыв одной плевы,
И в храме вспыхнут канделябры
Зеленым пламенем листвы.

148

после 8
а-ф Тт-2

Мир — чаша, до краев наполненная алым
И черным сумраком... За траурным порталом
Звезда затеплилась... за нею две... и три.

И стынет бледный край замедлившей зари,
Как влага синяя, напитанная светом.

154

между строфами
1 и 2
а-ф Тт-3(1)

И посреди земных походов
К тебе я приближался встарь —
Памир, праматери народов,
Великой Азии, алтарь!

строфа 2

От изумрудно-синих взморий,
От влажных западных дверей
Вели ступени плоскогорий
К подножьям земных алтарей.

строфа 7

Путем безмолвным и суровым
Я шел вперед — к восходу дней
Вдоль по степям солончаковым
По белым выпотам полей.

вм. строф 9—10

И грудь пустыни так сверкала,
Что я очей разжать не мог,
И святость мести обжигала
Ступни благоговейных ног.
И Божьи голоса звучали
Из пламенеющих кустов.
Синаи белых облаков
В душе громами громыхали.
Весь мир лежал у ног вдали.
Я слушал, ждал, горел и верил
И взглядом юношеским мерил
Века и поприща земли.

вм. строфы 2
авт. маш., а-ф
Тт-3(2),
Сполохи.
1922, № 6

О, как я ждал, горел и верил,
И жаждал новых солнц вдали,
И взглядом юношеским мерил
Века и поприща земли.

От изумрудно-синих взморий,
От влажных западных дверей

Вели ступени плоскогорий
К подножьям вечных алтарей.

И посреди моих походов
Сам Бог к тебе меня привел,
Памир — Праматери народов,
Срединной Азии — престол!

между строфами 8 и 9

В душе громами громыхали
Синаи белых облаков,
И чьи-то голоса вещали
Из пламенеющих кустов,

И святость места обжигала
Ступни благоговейных ног,
И сердце жадно припадало,
Целуя пламенный порог.

163

после строфы 3 а-ф Тт-2

Тобою, в тебе молиться,
Излиться в небытие,
Исчезнуть, угаснуть, слиться,
Сгореть во имя твое...

Я миг в проходящих годах,
Я пламенник, что погас,
Отразившись в глубоких водах
Слишком печальных глаз.

170

строфа 5 а-ф Тт-2

[Я восхищаю дух, томимый
Печалями земных утех,
И светлый олимпийский смех
Во мне живет неугасимый.]

171

после 19 а-ф Тт-2

[И был слепой тоской отмечен
Раздумья мимолетный миг,
А безразличный смерти Лик
Трагически вочеловечен.]

173

загл.

В. РОПШИН

1—4 а-ф Тт-2

[Бесстрастный рот, холодных щек морщины
И взгляд из-под усталых век.
Тебя таким сковал жестокий век
И выявил пожар лихой године.]

после 16
а-ф

Качал ли ты устои древних тронов
Иль дерзко шел врагу в разверстый зев,
Безгибельный, где гибли все без стонов
Подвижники — Каляев и Сазонов,
И виртуоз предательства — Азеф.
Вдали от всех в себе замкнув свой гнев,
Один в живых, теперь ты пишешь повесть
    Безумных и кровавых лет
    Пером, отточенным, как совесть,
Безжалостным и метким, как стилет.

175

вм. 10—37
черн. а-ф Тт-2

Не считаю терпеливо дни я
И меня уже не манит вдаль
Трижды древняя Океания.

Столб огня, бродячая звезда ль
Уведет ли нас из плена мысли?
И зажжет ли острую печаль?

Круг орбит души моей исчисли.
Всех морей мне ближе древний Понт,
И к нему мои стремятся мысли.

Замкнутый зубчатый горизонт
Глухо ропщущего Океана
Что расскажет он тебе — Бальмонт?

Ах, в душе горит живая рана...

177—178

2

2
а-ф Тт-2, а-ф

Гонец богов, свершитель вышней воли.

179

между 16 и 17
а-ф Тт-2

[Бледный профиль нимбами волос
    Нежно обрамлен,
И вплелись в густые пряди кос
    Ковыли и лен.]

21—24

[И я сам, средь них неуловим,
    К лону вечеров
Подымаюсь медленно, как дым
    Жертвенных костров.]

181

строфа 3 *а-ф Тт-2*

Свищущими, вьющими
Тонкую струю
Трелями цветущими
Вею, вьюсь и вью,
Под ночными кущами
Славу бытию
С водами текущими
Я пою.]

182—196

2—11

4

а-ф Тт-2

Луны восход встречают ржаньем кони,
Стада медуз мерцают в мутном лоне
И спрут и краб ползут на валуны.

Твоим ущербом женщины больны,
Цветок дождей, небесный образ Иони,
В Ионии сладкоголосом стоне
Твои тоска и нега сплетены,

А в глубине таинственных извивов,
Крылатых в миг приливов и отливов,
Внутри существ тобой повторены.

6

первонач. ред. *а-ф Тт-2*

К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
Сквозь пытку снов, сквозь дым моих костров,
Сквозь рдяный свет спустившихся паров,
Сквозь ярый[1] гнев враждою слитых братий,

Сквозь пурпур битв двух борющихся ратей,
Сквозь пламени изменчивый покров
Мольбы молитв, ряды алмазных строф...
Чем боль сильней, тем гимн стройней и сжатей.

Из-за горы кривится тонкий рог,
Спускаясь вниз, темнея, багровея —
Двурогая, трехликая, Афея!

Мои мольбы с распутья трех дорог
Возносятся в полуночном закате
К Диане бледной, к яростной Гекате!

21 июня 1913

2—4 *а-ф*

Сквозь рдяный дым страстных моих костров
Мольбы молитв, заклятья нежных строф.
Чем боль сильней, тем гимн стройней и сжатей.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* темный

7

2—4 *а-ф Тт-2*
Весь трепеща от страха и борьбы,
Я возношу преступные мольбы,
Чертя твой серп на мертвенном агате.

9

2—4 *а-ф Тт-2*
[Безумный сон растерзанных долин.
Я был на дне зияющих теснин:
В провал небес, потоком снежных градин]

9—13
Ни сумерок, ни радужных теней,
Лишь четкий блеск агатов, сланцев, шпатов,
Ни шлейфы зорь, ни веера закатов

Не озаряют горних пропастей.
Безвыходен, порывист и нескладен

2—4 *а-ф*
Безумный сон базальтовых теснин.
Я видел мир со дна твоих долин.
В провал небес, как зерна снежных градин,

10

2—4 *а-ф*
Потоки лавы: обнаженный мозг,
Извивные и бурые, как воск,
Сплетенья спрутов, змей, червей и гадин.

9—14 *а-ф Тт-2*
Когда от язв пузырчатых огня,
Как молнии, лучатся стрелы дня,
[А ночью рдеет факел Аристарха,
И тускло бдит под Volv'ою (звезда
Недвижная над кратером Гиппарха)
Твоих морей блестящая слюда.]

11

9—12 *а-ф Тт-2*
[Ты вся порыв одной мятежной воли,
Вся искаженная от судорожной боли,
Ты носишь шрам на кряже лунных Альп,

Оставленный архангела секирой.]

13

9—14 *а-ф Тт-2*
Ты двери Смерти, ты обитель Ада,
Ты разлагаешь с медленностью яда
Тела в земле и души на луне,

Томящаяся жаждою вампира
И кровь земли сосущая во сне —
Ты жадный труп отвергнутого мира.

15

ЛУНА

Бальмонту

первонач. ред.
Стих.

Седой кристалл магических заклятий,
Хрустальный труп в покровах тишины,
Алмаз ночей, владычица зачатий,
Царица вод, любовница волны!

С какой тоской из водной глубины
К тебе растут, сквозь мглу моих распятий, —
К Диане бледной, к горестной Гекате,
Змеиные, непрожитые сны!

И сладостен и жутко безотраден
Алмазный бред морщин твоих и впадин,
Твоих морей блестящая слюда —

Как страстный вопль в бесстрастности эфира...
Ты крик тоски, застывший глыбой льда,
Ты мертвый лик отвергнутого мира!

1907

197

между 44 и 45
а-ф Тт-2

[Ты должен
пройти сквозь испытанье
стихиями Земли, Воды, Огня
и Воздуха.]

201

1
а-ф Тт-2

Ангел злой свободы

после строфы 3

И земля и воды,
И огонь и твердь —
Все круги природы
Изрыгают смерть.

205

1905—1914

первонач. ред.
а-ф Тт-2

И в этот год Огня и брани,
Как в оный год, когда прошли
Столпы в кровавом Океане,
Я был восхищен от земли.
И стал мне на путях — Забытый —
С мечом пылавшей[1] Синевы,
Огнем и сумраком повитый,
Шестикрылатый и покрытый
Очами с ног до головы.
И был мне внешний мир показан
И кладезь внутренний отверст,
И, знаньем тайных истин связан,
Я ввержен в мир един, как перст.
И видел в головокруженьи,
Как бил копытом Бледный Конь[2],
И снова каждое движенье
Мое — сопровождал огонь,
Один среди враждебных ратей —
Не их, не ваш, не свой — ничей,
Я — чрево будущих[3] зачатий
Я голос внутренних ключей.

29 августа 1915

1—8
а-ф Тт-2

[В сей страшный год Великой Брани,
Когда под знаком Льва прошли
Столпы в кровавом Океане, —
Я был восхищен от земли.
И в глубине небесных сводов
Я долго слушал, как растет
Великий вопль земных народов,
Подобный реву многих вод.]

207

ПРЕДВАРЕНИЕ

первонач. ред.
а-ф Тт-2

В минуту тоски
Швырнул ты на землю
Весы справедливости
И дал неразумным
Свободу весить
Добро и зло.

А тесто людское —
Не ты ль замесил его
Круто и крепко?
Не ты ли заквасил его
Дрожжами крови?

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* горящей
[2] *Незачеркнутый вариант:* И снова в головокруженьи
По миру мчался Бледный Конь
[3] *Незачеркнутый вариант:* огненных

Не ты ли топчешь
Грозди народов
В точиле ярости?
Долго будет бродить вино
Гнева Господня.

Не ты ли поэта
Призвал из пустыни
И кинул в пламя
Плавильной печи?
Не ты ль повелел ему
Быть оком и ухом?

Так дай же мне силу
Средь распри мира
Остаться цельным,
Неискаженным
Зерцалом духа.
Ни хмелем гнева
Не опьяниться.

Дай силу сердцу
Обнять любовью
Врага и брата,
Палача и жертву,
И победителя,
И побежденного.

Дай силу мысли
Принять дело твое
Во всех противоречиях,
Что несовместимы
Для нашего разума.

Не дай малодушным
Сложить обиды
На одну из чашек
Человеческой справедливости.
Но дай сохранить равновесие
На острие, указующем
Разницу веса.

Дай мне подняться
На ту высоту,
Откуда великая битва народов
Является страстным объятьем любви,
В котором прольется на землю
Семя
Грядущего мира.

строфа 7
а-ф

Так дай мне силу
Поверить в мудрость
Всемирной брани,
Разверзни время
И дай увидеть
Вражду народов
Как спазму страсти,
Родящей семя
Небесных всходов!

212

28—31
а-ф Тт-2

... Они, раздев, ее распяли.
Лизал огонь и ядра рвали
Пречистой плоть. Разрушен храм,
И от земли в порыве муки

214

9—14
а-ф Тт-2

[И никогда не чувствовал больней
Присутствия трагических теней
И древний яд отстоенной печали,

На дне дворов, под крышами мансард,
Где воль миры, томясь, в себе качали
И юный Дант и отрок Бонапарт.]

222

между 12 и 13
а-ф Тт-1

По улицам толпой нестройной и неслитной
Бродили мы, но каждый был далек
С одной мечтой бесстыдно-любопытной —
Увидеть кровь, святой запретный сок.

224

загл.

12 МАРТА 1917[1]

после строфы 4
а-ф Тт-2

[Идут, что праздник праздновать.
А кости мостовой
Томятся всеми казнями,
Всей древнею тоской.

Не стяги веют алые —
Дымится кровь красна...
Не камни ли усталые
Пришли будить от сна?..]

225

1—6
а-ф Тт-2

[Как злой шаман, гася дыханье
И опоражнивая дух,
Распахивает внутрь сознанья
Дверь исступлений и разрух,
И бесы ярости и блуда
В наш мир кидаются на зов,]

226

ПОЯВИЛИСЬ НОВЫЕ ТРИХИНЫ...

первонач. ред.
а-ф Тт-2

Свершается пророчество: трихины
Вселяются в тела и в дух людей,
Растет раздор и каждый всех умней.
Ремесла, земледелие, машины

---

[1] *Вариант загл.:* Март 1917

Оставлены, разрушены дома.
Народы, области сбираются полками,
Но армии себя терзают сами.
Пожары, кровь, и голод, и чума...

Пророк и вождь, иссекший в слове племя
Грядущих душ, провидел наше время.
Он видел наш пожар и бил в набат,

И нам кричал, томясь от смертной жажды,
Ч о мир спасется красотой, что каждый
За всё, за всех пред всеми виноват.

10 декабря 1917

11—12 авт. маш. 1

Сквозь сумрак прошлых лет он бил в набат,
Ч об крикнуть нам, томимым той же жаждой,

12 авт. маш. 2

Он говорил томимым нашей жаждой,

ДГ

Ты говорил томимым нашей жаждой,

227

строфа 3 а-ф Тт-2

[Но тебе сыздетства были любы
Вольные кочевья, да курные срубы,
Монастырь, царев кабак, острог,
Самозванцы, воры, да расстриги,
Буйные похмелья, горькие вериги,
Посвист соловьиный у дорог?]

228

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИР!

первонач. ред. а-ф Тт-2

Россия кончилась. На последях
Ее мы проплевали, прокурили,
Прощелкали в подсолнухи, пропили,
На грязных проболтали площадях,
Распродали на улицах: «Не надо ль
Кому земли? кому иных свобод?
Да здравствует Германия!» — И во
Она лежит, кишащая, как падаль...
О, Господи, помилуй! — расточи,
Сожги огнем, пошли на нас бичи —
Германцев с запада, Монгол — с востока!
Отдай нас в рабство — вновь и навсегда,
Чтоб искупи ь жестоко и глубоко
Позор предательства до Страшного Суда!

23 ноября 1917

загл.

МИР. 19 НОЯБРЯ 1917 ГОДА

авт. маш. 1—2

В России — мир. Ее на последях
Мы сами прогалдели, проболтали,

13

Ч об искупи ь позорно и жестоко

230

строфа 3
а-ф Тт-2

Их свет — сквозь сумрак Преисподней
Сквозит пр омленный во зле.
Их судьбы — это лик Господний,
Из мрака явленный земле.

232

загл.
авт. маш., а-ф
Тт-2

МАТЬ

3—4
авт. маш.

Изранена, в крови, нагая,
Под камнями изнемогая,

14

Что жизнь твоя пройдет в смиреньи,

234

вм. 50—63
а-ф Тт-2

В нем брезжит [правда] завтрашнего дня,
[А путь] его — всемирное служенье.
[Двойным лучом горит его судьба,
И в самом имени она двуглава:
Скловенец — раб; Славянство — слово, слава;
И правда Славии в цепях раба.
Уж муками грядущего рожденья
Пылающий мятется материк.
Всех мускулов и нервов напряженье
Сжимает плоть в один звериный крик.
Крушенья царств темны и прихотливы,
Исполнены и подвигов и зла.
России нет: она себя сожгла.
Но Славия родится чрез проливы.]

вм. 48—63
авт. маш.

Пути и гиб и народов прихотливы,
Исполнены и подвигов и зла...
России нет: она себя сожгла.
Но СЛАВИЯ родится чрез проливы.

235

<гл.> 5
1—3
а-ф Тт-3

А дочь царя Бориса — отроковица Ксения
Власы имея черны, в ики,
Аки трубы, лежаху по плечам,

237

1—4
а-ф Тт-2

[Заточенный у моря, у Каспия
В земляной прибережный шихан,
Много лет я кормлю собой аспида,
Жду вестей да из северных стран.]

между 12 и 13

[Самолетками да самоплавками
Закишели, чай, Волга и Дон?
Стали цепи в острогах штоль плавкими,
Что на Русь потянуло ворон?]

вм. 43—49

[Да низали каленою ниткою,
Да пекли на горячих углях.

Как запахло паленое жарево —
Фролка-пес с перепугу брехнул —
«Знаю слово — мол — я Государево».
Только с кладом я Фролку надул.
И как вынес я муку великую,
Да не выдал казацкую честь,
Так за то — только гору размыкаю, —
Сам приду рассудить вас да счесть.
Тут за мною — не токмо что черная —
Как ужо на Москву ворочусь —
Вся кровавая, пьяная, вздорная,
Окаянная двинется Русь.
Вот тогда рассужу своей силою]

240

между 12 и 13
а-ф Тт-3

[Одни застывшие в гневе,
Другие, как плод во чреве,
Иные, как боб <в> стручке,
Как тонущий на реке...]

между 20 и 21

[Их душат жадность и страсти, —
Все неизжитые сны:
Их души в нездешней власти —
В единый клуб сплетены:]

между 24 и 25

[Где каждый, как тень Аида, —
Вне времени, вне пространств,
Где души точит обида
Трудов, похмелий и пьянств.]

между 27 и 28

[В вагонах, в трюмах, на трапах,
В больницах, в тюрьмах, в этапах,]

46—49

а И не может в жару забыться,
И не может очнуться она...
О, Господи! дай причаститься
Нам всем благодати сна!

б Не всё ли и всем простится,
Кто выстрадал, как она?
Дозволь нам совсем забыться
Или очнуться от сна!

242

вм. строф 7—8
а-ф Тт-3

[Как же можно в такую поверить?
Как ее нам такую избыть?
Не судить нам ее и не мерить,
Но любить, безысходно любить.]

строфа 8
а-ф Тт-3
авт. маш.

Но я верю: расступится бездна,
И во всей полноте бытия —
Всенародно, всемирно, всезвездно —
Просияет правда твоя!

243

вм. 19—20
а-ф Тт-3

[Постылой Петербургскою стряпней,
Голштинской, Прусской, Гессенской родней.

Зарезанных младенцев, злых царей,
Распутных старцев, спальниц, душегрей,
Расстриг, бродяг, юродивых, калек
Я посылал тебе. Вот пятый век]

строфа 9

Пойдешь на подвиг жертвенной любви? —
Очнешься пьяной по пояс в крови.
Замыслишь единенье всех людей? —
Ты будешь есть расстрелянных детей.

между строфами
10 и 11

[Но радуйся: по осени ножом
Обрежу грозды, кину в емкий жом
И зернь народов раздавлю на дне,
Чтоб страстный сок перебродил в вине!]

39—40
авт. маш.

Ждешь воссоединенья всех людей?
Начнешь расстреливать и есть детей!

245

<гл. 1>
между 12 и 13
а-ф Тт-2

[Ангелы, Архангелы и Силы,
Власти, и Начала, и Господства,
Херувимы, Серафимы и Престолы
Теснились, восклицая: «Аллилуйя!
Аллилуйя! Слава тебе, Боже!»]

<гл. 8>
между 40 и 41

[Раз Пашков за меня клещатою пищалью
В него стрелял — осеклась трижды.
Добр и разумен человек:
У самого седая борода, а почитал отца гораздо.]

246

между строфами
1 и 2
а-ф Тт-3

[Палить из ружья без толку,
Украв, нести на толчок
Две штуки белого шелку
И пару дамских чулок.]

247

после заключи-
тельной строки
а-ф Тт-3, кор. л.

Но он не верит ни в Россию,
Ни в разрушенье старых каст,
А ждет и знает, что создаст
Сам «новую буржуазию».

248

11—14
авт. маш.

«Буржуй здесь мой. И не позволю
Чужим их резать никому».

И это слово человечье
Решило всё. Он город спас.

после строфы 6
а-ф Тт-3

Никто не помянул о нем,
А труп, избитый шомполами,
Был ночью выкинут волнами
На скалы за Карантином.

249

вм. 34—41
а-ф Тт-3

[Чтобы «Совет» их охранил]
От Ассирийских переносиц,
От семитических носов
[И от гортанных голосов...]

[В те дни турецкий миноносец
Пришел с посольством, и Совет
В честь турок закатил банкет.
Небрит, в каскетке и в матроске,
Он председательствовал сам.
Все тосты были хлестки, броски,
Как следует большевикам
И прирожденным демократам.
Оратора сменял оратор,
Приветствуя, как брата брат,
Турецкий пролетариат!]

250

между 5 и 6
а-ф Тт-3

Весь мусор интеллигентщины
Вошел в его состав.

С имперской гнилью,
С кровью офицеров,

вм. 21—38

Не смог пожертвовать ей в пользу ни копейки,
Зато стал сам героем, как они.
Правда —
Из всех военных качеств он усвоил
Одно:
«Спасаться от врагов».
Но этим поработав <для> Единой и Великой,
Он сделался жесток и беспощаден.
Он не может
Без гнева слышать
О тех предателях, что не бежали
И были настолько малодушны,
Что для того, чтобы спасти какие-то лоскутья
Погибшей родины,
Пошли к большевикам на службу.
«Тем хуже, что они предотвращали
Казни
И охраняли ценности культуры:
Они мешали коммунистам
Себя ославить до конца.
Как жаль,
Что их самих не расстреляли».
Так мыслит каждый истый
Сознательный буржуй.
А те из них, которые причастны
Искусству, прибавляют,

Что, взяв Москву, они повесят сами
Горького
И расстреляют Блока.

252

11—12
а-ф Тт-3,
а-ф, авт. маш. 1
СоТ

И жив разгульный древний дух
Заруцких, Стенек, Кудеяров.

И жив разбойный древний дух
Заруцких, С нек, Кудеяров.

18
авт. ПД, авт.
маш. 1

Свой сон о буржуазном зле,

20

Вселенском рае на земле...

23—24
авт. маш. 1, СоТ

Прах всех богов и фетишей,
Научных вер и суеверий.

авт. маш. 2

Прах всех угасших алтарей
Научных вер и суеверий.

255

первонач. ред.
черн. а-ф

Крик, и свист, и лязг, и скрип, и скрежет.
Лют и льдист, упорен и жесток,
Пену рвет и в море волны режет
Тусклый ветер северо-восток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, увалов и угорий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, разгромов и побоищ,
Медных туч, багровых окоемов,
Злых вестей и роковых годин.

Жжет огнем, пронзает грудь ножами
И шипами хлещет по глазам.
Сотни лет он веял над с пями,
Сотни лет клубился по лесам.
Этот ветер был нам старым другом
На распутьях всех лихих дорог,
Сотни лет гнала навстречу вьюгам
Нас судьба на северо-восток.

Разгулялись снежные стихии,
Белым пеплом землю пороша,
В этом ветре вся душа России,
Темная, огромная душа.

В этом ветре Русь ночей морозных,
Русь Малют, Басмановых и Грозных,
Русь кремлевских страшных двойников,
Покаяний, машкеров и пляса,
Палачей, опричников, стрельцов,

Зодчих человеческого мяса —
Русь Петра и Русь большевиков.

2

Шли века, но что же изменилось?
Изжитое Русью не изжилось,
Тот же смрад застенков и костров,
Тот же бред Кремлей и Петербургов,
Творчество заплечных мастеров
И восторг разнузданных <?> хирургов,
Та же дурь и та же трын-трава,
Та же греза, вырвав из подклетья,
Русь швырнуть вперед через столетья
Вопреки закону естества.

257

между строфами 6 и 7 а-ф Тт-3

[Никто не знал ни числа, ни срока,
Ни имен палачей, ни жертв.
Одни не знали, за что умирают;
Другие — за что казнят.]

260

15—17 авт. маш.

Расстреливали голодающих,
Сбиравших просыпь на путях, и дети,
Как угличские отроки, валялись

261

первонач. ред. а-ф

1921 г.

«И дернул же меня черт родиться
в России с умом и с талантом».
А. Пушкин

С каждым днем всё диче и всё глуше
Над Россией цепенеет ночь:
Смрадный ветр, как свечи, жизни тушит.
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Слух ползет, что Гумилев расстрелян.
В Петербурге задохнулся Блок.
Те бегут: бессмыслен и бесцелен
Нескончаемый мартиролог.

Головой сквозь стены не пробиться
В этом доме спертом и немом —
Тем, которых дернул черт родиться
На Руси с талантом и с умом.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей темницы не покину,
От твоей судьбы не отрекусь.

Страстно верю верою поэта,
Что судьба недаром нас ведет —
Пушкина — под дуло пистолета,
Достоевского — на эшафот.

Доканает голод или злоба,
Черный мор или палач тупой —
Погибать, так погибать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

5 января 1922 г.

вар. начала первонач. ред. а-ф

1921 г.

«Нагадал же мне черт родиться
в России с умом и с талантом».
А. Пушкин

Кровь и голод. Убежал. Расстрелян.
Гумилев казнен. Задохся Блок.
Бедственно-бессмыслен и бесцелен
Разрастающийся эпилог.

Угораздило же нас родиться
На Руси с талантом и с умом,
Чтобы лбом о стены биться
В отчем доме смрадном и пустом

между 4 и 5 а-ф

Кто не скрылся в чуждые пределы —
Всех сотрет неотвратимый рок:
Гумилев казнен. Задохся Блок.
Голод, кровь, усобица, расстрелы...

5—6

Неисповедимый путь ведет
На Руси провидца и поэта —

264

между 10 и 11 а-ф Тт-3

От моря Белого до Черного,
От Финского залива до Байкала,

266

загл.

ФЕОДОСИЯ

(МАРТ 1918)

вм. 38—42 а-ф Тт-2

Гудел набат,
Был слышен раскат орудий
И взрыв гранат.
Безумцы с разящим громом
В слепых руках
На улице перед домом
Взметали прах,
Врывались толпой в ворота,
Вели с собой,

———

вм. 45—57

А я в толпе многошумной
И ей чужой

Бродил между них с безумной
    Своей мечтой
Мой город, залитый кровью
    Внезапных битв,
Покрыть своею любовью,
    Кольцом молитв.
Блуждая по перекресткам,
    Глядел, как брат,
В горящие блеском жестким
    Глаза солдат.
И каждый курок, и руку,
    И гнев, и страсть,
И жадность, и злость, и муку
    Мечтал заклясть,
Благословляя их пламень
    И древний плен
И каждый угол и камень
    Усталых стен.
Собрать воедино огонь их

между 40 и 41
а-ф 2 Тт-2

[Безумцы в плаще развитом
    На всех ветрах,
С карающим динамитом
    В слепых руках,]

267

между 65 и 66
а-ф Тт-2

[Ожесточаема жадною хотью,
Ты выбирала мужей и юнцов —
С плотью, похожей с ослиною плотью,
С похотью ярой, как у жеребцов.]

между 71 и 72

[Ты была хуже блудниц и подлей:
Платят блудницам за ласку и счастье —
Ты же сама покупала мужей,
Перстни Мои им даря и запястья.]

270

вм. 1—6
а-ф Тт-3

[Сорок дён опостясь,
Пойду перекрестясь
Градскими вратами,
Утренними тропами]

между 19 и 20

[Ни крестов, ни дворцов,
Ни дворов, ни хлебов:]

между 60 и 61
а-ф

В еде не заедали,
В питье не запивали,

между 73 и 74
а-ф Тт-3

[Которые слова переговорил — будьте назади!
Которые недоговорил — будьте впереди!]

271

<гл.> 3
вм. 28—30
авт. маш.

Собою длинный начинает ряд
Упрощенных державных автоматов,
Расписанных по прусским образцам

[Три Александра, пара Николаев,
Отточенных, как бритвенный прибор.]

между 34 и 35 авт. маш., авт. маш. 2

[Пока его удачливою бомбой
Не размозжит наивный нигилист.]

вм. 71—72 авт. маш. 2

[Всем лютеранским голодом души
Царица чтит российские святыни
И ждет чудес и верит в свой народ.]

<гл.> 4
8—10 авт. маш. 2

Он был хирург, убийца и ваятель —
Не в мраморе, а в мясе высекал
Пигмалион живую Галатею,

<гл.> 5
между 43 и 44 авт. маш. 2

[И этим он обязан будет нам,
Воистину болевшим черной оспой.]

<гл.> 6
вм. 64—66 авт. маш. 2

И нет нигде такого своеволья
[И власти нету более крутой,]
И нет истории темнее и страшней —
Безумнее истории России.

272

ПРОЛОГ

первонач. ред. авт. маш.

Восхищенный в духе, видел я ступени,
Ведущие из бездны в высоту,
И каждая ступень отмечена была
Особым знаком:
Зверем или рыбой,
Растением, металлом, камнем, —
Ниже
Клубились солнца и туманности,
И был мне голос:
«Вот лестница, по ступеням которой
Шел человек.
Вселенная — всё то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды —
Шлак плоти,
Перегоревший в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножьем,
Каждая ступень
Была безумьем творческого духа.
Два выхода раскрыты для существ:
Путь мятежа и путь приспособленья. —
Законы
Природы неизменны.
Но в борьбе
За правду невозможно — безумец
Преображает плоть свою в огонь,
А приспособившийся — гаснет, застывая
На пройденной ступени.
Древний зверь, сойдя с ума, очнулся человеком —

Опаснейшим и злейшим из зверей:
Неразрешимым сгустком всех противоречий
Страстей, инстинктов и сознаний:
Разум
Есть творчество навыворот,
И человек
Вспять исследил все звенья мирозданья,
Разъял материю на вес и на число,
Построил щупальца, вникающие в недра,
Впился, как паразит, в спинной хребет земли,
Он стал ее неугасимой болью.
Он врос в материю, не возрастая ввысь,
Он пересоздал косную природу,
По своему подобию, и мир
К нему оборотился лютым зверем,
Ощеренным, свирепым двойником. —
Настало время внутреннего зверя
Убыть в себе и вновь сойти с ума.
Благоразумные вернутся мирно в стадо,
Безумец вновь пересоздаст себя.
Иди, и возвести о том, что знаешь:
Надо,
Чтоб каждый раб был призван к мятежу.
Иди освобождать, но помни:
Правда
Должна в душе, как семя, прорасти. —
Принявший истину на веру —
Ею слепнет, —
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой.
Грех обращенья — самый тяжкий грех. —
Ты хочешь бунта. —
                                        — Сей противоречья.
Ты хочешь дать свободу.
                                        — Соблазни.
Будь поджигателем. —
Будь ядом. —
Будь трихиной.
Будь оводом, безумящим стада. —

<гл>. 3
3—6
«Недра», СоТ

И наименовался человеком.
Он тлеет в «я», и вещество не может
Его объять, пожрать и задушить.
Горенье — жизнь. И в каждой точке мира

<гл.> 5
вм. 16—20
а-ф Тт-3

[Мы дети Каина. Мы внуки Люцифера.
Мы утверждаем Бога мятежом.
Творим неверьем. Строим отрицаньем.
К запретным тайнам мы куем ключи.
Мы рушим своды древних равновесий.
Мы — зодчие. Ваяло наше — смерть,
А глина — вихри собственного духа.]

<гл.> 6
вм. 18
«Недра», СоТ

Он заблудился в собственных пещерах
И стал рабом своих же гнусных слуг.

274

первонач. ред.

«Россия» 1924, № 9

«ВОЙНА И МИР»

ВСТУПЛЕНИЕ

1

В арабских сказках про Синбада-Мореходца
Рассказывается, как он нашел однажды
Запечатанную
Шестиугольную бутылку,
Открыл ее, и тотчас впал во власть
Могучего и яростного джина,
Плененного когда-то Соломоном.

2

В египетском рассказе, перепетом Гёте,
Читаем об ученике, который
В отсутствии учителя, призвав
Стихийных духов, ими был растерзан.

3

Печати снять и разнуздать не трудно
Стихийные неведомые силы,
Но трудно
Заставить их себе повиноваться.

4

Так человек,
Овладевая тайнами природы,
Освобождает демонов, плененных
В извечных равновесьях вещества,
И делается в их руках игрушкой,

5

Доколь, не победив себя,
В своей свободной воле не находит
Те равновесия, что сам нарушил
В устойчивом, запечатленном мире.

6

Ибо
Каждой ступени в области познанья
Должна ответствовать такая же ступень
Отказа
От личной выгоды.

7

Иначе им освобожденная стихия
В себя берет
Всё, что есть косного и злого
В его душе,
И он очнется в лапах
Ликующего, пляшущего беса.

8

Сам человек есть бог, но люди в стаде — звери
И жизнь их учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В их собственный помет,
В кровавую, расползшуюся жижу.

9

Поэтому за каждым откровеньем,
За каждым новым подвигом ума,
Идут десятки лет, века, тысячелетья
Упорных войн, усобиц и насилий,
Захватов, рабства, классовой борьбы.

10

Пока не утолятся вожделенья,
Пока презрение и ненависть к врагу
Не сменятся взаимным уваженьем,
Которое в итоге будет равным
Силе,
Когда-то сдвинутой с устоев человеком.

11

Так в кузне войн куют народы мир,
Так меч ваяет право и гражданство.

гл. 1
после 9
а-ф Тт-3, авт. маш.

И дерзкий ум, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

<гл.> 6
вм. 1—3
авт. маш.

И вслед за каждым новым
Разоблачением природы
Идут тысячелетья войн,
Усобиц, рабства, зависти, насилий.

вм. 11—18

Затем что надо,
Чтоб шагу каждому на лестнице познанья
Такая же соответствовала степень
Отказа от личной выгоды,
Чтоб воля вещества
Противовесилась моральной силой.

7

<гл.> 7
весь текст

Дороги Каина записаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях производства и в машинах.

277

<гл.> 7
после 7
СоТ

Закончился не только век Меча,
Но всё цветенье огненной культуры.
На месте Агни воцарился взрыв,
И вихрь над устьем динамитной бомбы
Стал символом разъявшихся времен.

279

<гл.> 5
а-ф Тт-3

[Машине нужен жадный,
Голодный сгусток мускулов
И верный раб,
Продешевивший душу
За власть и за комфорт:
Рабочий коллектив,
Проникнутый партийной дисциплиной,
И собственник, отдавший каждый нерв
Служению ее верховной воле.
Чтоб обеспечить их согласный труд,
Одним
Она сказала:
«Собственность священна».
Другим:
«Кто не работает — не ест».
И написала на стенах:
«Изгои
Всех стран, соединяйтесь!»,
«Нет закона
Иного кроме классовой вражды».
Так был на зависти заложен вечный свод
И кончилось господство человека.]

<гл.> 5
после 9
СоТ

Сказала Хаму: «Ты венец культуры»
(И, высосанный ею до мозгов,
Себя почувствовал царем вселенной);

Другим же зарубила: «Нет закона
Иного, кроме классовой вражды».
Так был на зависти заложен свод
И основалось Каиново братство
Всех граждан мира в рабстве и труде.

280

<гл.> 5
после заключительного ст.
авт. маш.

Люби врагов,
Молись за палачей,
Но помни, что пылающие угли
Ты собираешь на головы им:
Любовь безжалостна,
Любовь язвит и мучит,
Любовь целит,
Любовь сжигает зло.
Любовь — вся жизнь:
Апостол Павел учит,
Что если ты владеешь знаньем тайны,
Имеешь дар пророчества
И веру,
Способную сдвигать устои гор,
Раздашь именье
И плоть отдашь на муку,
Любви же не имеешь —
Ты — ничто. —

<гл.> 6
перед 1
СоТ

Законодатель строит государство
Не на правах, а на лишеньи прав:
Зане для дум не хватит в мире места,
Раз оба не поступятся своим.
А вы стремитесь каждому вернуть
Обменной ценностью
Плоды его работы?

281

первонач. ред.
АМА

АПОЛЛИОН

Посв. В. Ропшину.

И открыл он кладезь бездны
И вышла саранча...
И царем над собою она имела Ангела
бездны... Имя ему — Аполлион,
что значит Истребитель».
Откров. IX 1—12

Из звездной бездны внутренних пространств
Раздался голос возвестивший:
«Время
Топтать точило ярости!
За то, что люди
Для демонов, им посланных служить,
Тела построили
И создали престолы;
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра;
За то, что в своевольных

Теченьях воздуха сплели гнездо
Мятежным духам взрыва;
За то, что безразличью
Текучих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса;
За то, что скупость руд
В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосущие и душащие нити;
— За то — освобождаю
Плененных демонов
От клятвы покорности.
А хаос, скованный в круженьях вещества,
И в пляске вихрей —
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не покорят их вновь,
В себе самих смирив и оборов
Гнев, Скупость, Своеволье, Безразличье»...

И видел я:

Разверзлись двери неба
В созвездьи Льва,
И бесы
На землю ринулись...
Оставив домы,
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ —
Сами — и пастыри, и пища.
Время
Как будто опрокинулось...
И некрещеным водой Потопа
Казался мир:
Из тины выползали
Огромные, коленчатые гады,
Железные кишели пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали снопы огня
И жалили хвостом,
В морях и реках рыбы
Метали икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застилался,
Падали на землю
Разрывные и огненные яйца,
Тучи насекомых,
Чудовищных строеньем и размером,
В телах людей горючие личинки оставляли;
И эти полчища исчадий, получивших
И лик, и плоть, и злобу от людей,
Снедь человечью жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли, жевали, пожирали,
А города, подобно жерновам

Без устали работая, мололи
Зерно отборное из первенцев семейств
На пищу демонам...

И Ангел Бездны,

Ликуя, возгласил:
«Снимается проклятье Вавилона!
Языков разделенью
Пришел конец!
Одни и те же речи—
Живут в устах врагов.
Но смысл имен и емкость слов
Я исказил внутри:
Понятия спутались,
Язык же стал
Безвыходно единым.
Каждый мыслит
Убийством истребить убийство,
И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
Мою же ложь.
Мудрость,
Бесстыдно обнажившись, как блудница,
Ласкает воинов,
А Истины, сошедшие с ума,
Резвясь, скользят по лужам
Обледенелой крови...»

23.IV.1915
Париж

3 [1]

между <гл.> 2 и 3 СоТ, а-ф Тт-3, авт. маш.

И некий бес воскликнул, издеваясь:
«Снимается проклятье Вавилона;
Языков разделенью
Пришел конец; одни и те же речи
Живут в устах врагов!
Но смысл имен и емкость слов
Я исказил внутри.
Понятья спутались, язык же стал
Безвыходно-единым: каждый мыслит
Войной убить войну
И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
Мою же ложь!
Мудрость,
Бесстыдно обнажившись, как блудница,
Ласкает воинов,
А истины, сошедшие с ума,
Резвясь, скользят по лужам
Оледенелой крови. Человеку,
Достигшему согласия во всем,

---

[1] *Текст воспроизводится по СоТ (в других названных здесь источниках имеются незначительные словесные и пунктуационные варианты).*

Не остается ничего иного,
Как истреблять друг друга до конца».

<гл.> 6 между 8 и 9 СоТ, а-ф Тт-3, авт. маш.

Сдирали скальпы, резали ремни,
Сквернили церкви, жгли дворцы, взрывали
Пути, мосты, заводы, города,
Уничтожали склады и запасы,
Ломали плуги, угоняли скот,
Гноили хлеб, опустошали села,
Насиловали, отымали, жгли,
Расстреливали голодающих,

286

ПОЭТУ РЕВОЛЮЦИИ

первонач. ред. авт. маш.

Вытрави из словаря слова «Красота»,
«Вдохновенье» —
Подлый жаргон рифмачей,
выверты шарлатанов.
Это слова для толпы — поэту понятья:
Правда, конструкция, план,
равносильность, сжатость и точность;
В трезвом, тугом ремесле — вдохновенье и
честь поэта.
Правь поэму, как текст заокеанской депеши:
Сухость, ясность, нажим — начеку каждое
слово.
Букву за буквой врубай на твердом и тесном
камне.
Чем скупее слова, тем напряженней их сила.
Мысли заряд волевой равен замолчанным
строфам.
Скромно учись мастерству у ремесленников и
у младших.
Четко чекань имена: пригвождай
действительность словом.
Будь стрелой и огнем: впивайся в
сущность явлений.
Верою выявляй то, чему нет обличья.
Горн свой раздуй на горе в пустынном месте
над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии
широко
Душу качал и крылил, междометья людей
заглушая.
Остерегайся друзей, ученичества, шума и славы:
Только противник в борьбе может быть
истинным другом;
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы;
Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений:
«Солнце Мертвых» — живым — она
намогильный камень.
Будь один против всех: молчаливый,
тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение
множеств.

Верь в человека; толпы не уважай и не бойся.
В каждом преступнике чти распятого в безднах
бога.
В смутах усобиц и войн сознавай
целокупность.
Будь не частью, а всем, не с одной стороны,
а с обеих.
Зритель захвачен игрой: ты не актер и не
зритель —
Ты соучастник судьбы, раскрывающий
замысел драмы.
В дни, когда спазмы любви выворачивают
народы,
В дни, когда Справедливость ослепшая меч
обнажает,
В дни Революции — будь человеком,
а не гражданином.
Помни, что для тебя партии, клички,
программы —
То же, что списки больных для врача
сумасшедшего дома.
Если тебя невзначай современники встретят
успехом —
Знай, что из них никто твоей не осмыслил
правды:
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством,
камнем.
Будь изгоем при всех царях и
народоустройствах:
Совесть народа — поэт: в государстве нет
места поэту!

12 октября 1923
Коктебель

287

I, после строфы 2
а-ф Тт-3

Волю связать змеей и узел стянуть туго.
Быть стрелой и огнем. Впиваться в сущность
явлений.
Верою обличать то, чему нет обличья.
Четко гранить имена. Заклинать
действительность словом.
«Что» важнее, чем *«как»*, но *«кто»*
несравненно важнее.

289

<гл.> 5
27—28
авт. маш.

[И панцирем из камня и бетона
Одел тюрьму, где заточил свой дух.]

296

Пролог
между 115 и 116
авт. маш.

[— «Как могу я
Сжаться в человека?
Вся земля ничтожней искры малой —
Я же есмь верховный обод мира,

Весь пронизан светом и очами,
Мною равновесятся созвездья,
И внутри меня дымятся солнца...»

Отвечает Серафиму Богоматерь:
«Пресвятая Троица не выше ль
Ангельских чинов и иерархий?
Божий Сын
Не выше ль Серафимов?
Как в тебе роятся роем солнца —
В Нем клубится множество вселенных
Будущих и бывших и текущих.
Мир миров,
Вселенную вселенных
Выносила Я — Мария —
В чреве.
Господу,
Который больше мира,
Сжаться до пределов человека!
Вечному —
Разодранным быть в мире
Строем распинающих мгновений!
Каждый дух, рожденный в тварном мире,
Воплощаясь
В человечьей плоти,
Сквозь угольное ушко проходит.
Боли нет больней,
Чем боль рожденья:
Каждый шаг твой будет крестной мукой,
Каждый миг твой —
Смертью.
Смерть — рожденьем».

— «О, Владычица!
Довольно слова
Твоего —
И я на землю ринусь.
Но пред тем, как сгинуть и погаснуть,
Дай познать мне судьбы человека!»

— «Быть рожденным
Значит быть извечно
Названным по имени Творцом.
Девять есть небесных иерархий.
Человек — десятая:
Всех меньше,
Но на нем всё упованье мира.
Человек — единая из тварей —
Создан был
По образу и по подобью
Господа.
Единому ему дана свобода.
Ангел — преисполнен воли Божьей:
Он — лишь луч,
Стремящийся от солнца.
Человек — подобен капле влаги,
Отразившей солнце —
В малом,

Но вполне.
Божий Лик поручен человеку,
Чтобы он пронес его
Сквозь бездны
Мира преисподнего.
Каждый человек — темница.
Пламя,
В нем плененное,
Должно проплавить,
Прокалить,
Прожечь,
Преобразить
Толщу стен слепой и косной глины.
Посмотри на этот малый сгусток
Тусклых солнц
И стынущих планет;
Этих звезд морозные метели —
Только вихри пыльного потока,
Леденящего
И гасящего жизни
И с собою увлекающего в бездну
Безвозвратного небытия.
Этот мертвый мир,
В котором
Всё распадается,
Ничто не создается, —
Этот мир
Был создан
Из чистейшей
Славы Божьей!
Ни одна частица
Не должна погибнуть и погаснуть.
Божий Сын был распят на кресте
Человеческого тела
И Голгофой
Выкуплен Адам
У жадной плоти.
Человек же должен плоть расплавить
И спасти Архангела — Денницу
От смертельных вязей вещества.
Я — Мария —
Матерь и материя!
Из Меня возник
И вновь в Меня вернется
Земный мир, пылающий страданьем.
Я — Мария —
Роза всех молитв,
Память мира,
Целокупность твари,
Я — сокровищница всех имен, —]

гл. I, между 26 и 27

[И цветет —
Отбрасывая шлаки
Рыб и птиц,
Растений и зверей, —
Всею незапамятною жизнью
Человеческого прошлого;]

между 44 и 45

[Сидор Мошнин был благочестив.
Брал подряды на строенье храмов:
Курский храм
Во имя Сергия Радонежского
Строил он по планам
Зодчего Растрелли.
Рано умер.
И вдова
Приняла все мужние дела.
Отроду имея здравый смысл
И строгий распорядок
В делах житейских,
Достраивала храм,
Вела торговлю,
Наставляла сына в Святом Писании
И житии святых.]

между 58 и 59

[Отроком он захворал
Так крепко,
Что надежды не было на выздравленье.
Мальчику приснилась Богоматерь
И сказала:
«Я Сама приду
Исцелить тебя».
И вскоре
В образе иконы чудотворной
Крестным ходом
К дому их пришла.
Вынесли больным,
А возвратился здравым.]

гл. II
между 15 и 16

[В Благовещенье
Гора заколебалась
Благовестом колокольным.
Слыша звон,
Окрестные крестьяне
На горе искали
Тайных кладов
И отрыли шесть крестов дубовых,
А седьмой был медный.
Поняли, что место —
Свято,
И Господь его прославит.]

между 23 и 24

[А стеречь его
Поставлены Пречистой
Были иноки
Иосиф и Пахомий,
Два святых и прозорливых старца,
Как столпы от неба до земли.]

вм. 32

[Настоятель пустыни Пахомий
Принял Прохора
И отдал в послушанье
На семь лет отцу Иосифу.
Так начался монастырский искус.
Прохор

Был сперва келейником при старце.
После послушанье нес в столярне.]

гл. III
после 26

[С тех пор еще смиренней
И усерднее стал Серафим.
Целый день не выходил из храма
И жалел о том,
Что человек не может
Господу служить, подобно ангелам.

Чрез семь лет
Пахомий, умирая,
Сам благословил его
На новый подвиг —
На пустынножительство.]

IV

первонач. ред.
гл. IV

Не из ненависти к миру инок
Удаляется в пустыню,
Но чтоб глубже
Слиться с Господом в уединеньи.
Серафим себе построил келью
На обрыве Саровки средь бора,
Огород вскопал,
Поставил ульи,
Мох сбирал,
Рубил дрова,
Молился,
Совершая правило по чину
Преподобного Пахомия Великого.

Раз в неделю он ходил за хлебом
И, питаясь сам, делился
Со зверьми и птицами лесными.
В полночь к келье собирались звери —
Лисы, зайцы, волки и куницы,
Прилетали вороны и дятлы,
Приползали ящеры и змеи,
Принимали хлеб из рук святого.

Раз пришла монахиня и видит:
Серафим сидит на пне и кормит
Сухарями серого медведя.
Обомлела
И ступить не смеет.
Серафим же говорит:
«Не бойся,
Покорми сама медведя, матушка!»
— «Да боюсь — он руку мне отъест».
«Ты только веруй —
И не отъест руки».
И обратясь к медведю:
«Что ты, Миша,
Сирот моих пугаешь-то?
Ступай-ко
Да принеси нам утешеньице,
А то поди мне гостью

И потчевать-то нечем».
Час спустя медведь ввалился в келью,
Подал пчельный сот,
Завернутый в листы.
Ахнула монахиня,
А Серафим
Говорит:
«Ты помнишь, как святому
Герасиму на Иордане
Лев служил?
А Серафиму убогому — медведь.
Ты радуйся: чего нам унывать,
Когда нам звери служат.
Во, радость моя, — звери
Тоже веруют и жаждут воскресенья.
Апостол Павел говорит, что тварь
С надеждой ожидает откровенья
От человека,
Потому что покорилась
Не добровольно,
А по принужденью,
Стенает, мучится и ждет освобожденья
В свободу славы Божиих сынов.
Что для людей Христос,
То человек для зверя,
И бес, что зверь,
Но зверь снаружи,
А бес внутри.
И бесы веруют и, веруя, трепещут.
Кто беса вымолил, тот создал зверя.
Вот, матушка, послушай
Присказку о некоем монашке:

Далее следовала гл. V («Святой Франциск») — см. № 269

гл. V, после 64

[Соблазнивши человека,
Сатана
Исказил гниением и смертью
Божий мир
И, земной плотью
Сам себя связав,
Он должен
Вместе с ней спастись или погибнуть.
Посулил:
«Вы станете как боги».
Дондеж слово это не свершится,
Он — невольник соблазненной твари.

Каждый день он всю обходит землю,
Всюду рыщет,
Ищет неустанно
Тех, кто плоть собой преодолели,
И, найдя такого, испытует
И вступает с ним в единоборство,
Дабы
Быть им побежденным,
Дабы
Семя Евы змию жало стерло.]

Гл. VI (VII по первонач. нумерации) между 15 и 16

[Бес сперва хотел его отвадить
От молитв посредством «страхований»:
Выл зверьми вокруг пустынной кельи,
Лез в окно ощеренным медведем,
В дверь швырял тяжелым корневищем,
То вздымал его высоко в воздух
И с размаха ударял о землю.
Эти искушения подобны
Паутине — дунь — и нет ее,
Перекрестишься — и наважденья
Сразу кончатся.
Но вскоре Дьявол
Приступил к святому самолично.
Тысячу ночей и столько ж дней
Серафим лицом к лицу боролся
С Дьяволом — коленопреклоненный
На гранитном камне, среди леса,
Лишь одно оружие имея
Против сил нечистого — молитву
«Боже,
Буди милостив ко мне,
Грешному!»
И сей молитвой
Поборол его;
И отошел до срока
Сатана
И стал пытаться старца
Из пустыни выжить по-иному:
То придут просить его
Принять
Настоятельство
В обители далекой,
То внушит разбойникам,
Что старец
Укрывает в келье много денег.
Три разбойника его однажды
До смерти избили.
Еле жив приполз в обитель старец,
Но, восстав с одра,
Опять вернулся
В лес,
В пустыню,
К прерванным молитвам.

Он сосредоточился на новом
Подвиге:
На подвиге молчанья.
Угасил в себе все чувства
И все мысли,
Кроме мыслей, обращенных к Богу.
К посетителям не выходил,
Перед встречным
Падал ниц
И не вставал,
Пока
Тот не проходил,
В обитель
Не являлся даже в день воскресный.
Совершенное безмолвие есть крест,

На котором должен человек
Со страстьми
И с похоти распяться.
Таинство есть будущего века.

Раз бродил в лесу
Захожий инок—
И набрел на келью Серафима.
Слышит — вихрь кругом гудит,
И видит —
Келья потрясается
И ходит
Ходуном.
А заглянул в оконце:
В воздухе,
Аршина два от пола,
Старец молится коленопреклоненный.
Ужаснулся инок
Этой тихой
И сосредоточенной молитве.
Рассказал в монастыре монахам.

Дьявол же пустил в умах соблазны,
Как, мол, старец там живет
В пустыне,
В праздники в обитель не приходит
И Святых Даров не принимает?
Собирались старшие монахи,
Рассмотрели, обсудили и решили,
Чтоб ему в обитель возвратиться.
Старец молча выслушал и следом
Посланному в монастырь вернулся.
Он пятнадцать лет провел в пустыне
И теперь молчальничества
Не нарушил,
А замкнулся снова, усугубив
Прежний подвиг — подвигом затвора

VIII

Вместо сосен —
Каменные стены,
Вместо неба —
Закоптелый полог,
Вместо синего, студеного простора —
Людный монастырь
И келья с гробом.

Раньше он уста замкнул,
А ныне
Скрыл лицо от человечьих взоров.
Пищу приносившего встречал он
Молча
И коленопреклоненный,
Темной тканью голову покрыв.
Он в себя весь мир земной
С грехами,

С бесами,
Зверьми
И с человеком
В подвиге молчальничества принял.
А теперь,
Стерев лицо,
Он вспомнил
Самого себя
И свой небесный облик.
Прояснилось зеркало, и стал он
До конца прозрачен
Всею плотью.

Дивное
Творилось в тесной келье:
Разверзались ангельские бездны,
Небо
Светами и славами кипело...
Серафим
Из преисподней бездны
Пламенем молитв
Святил слепую землю.
Сотни свеч
Горели в малой келье
За живых,
За мертвых,
За неживших.
Ураган ли к Сарову подходит,
Громоздя по лесу буреломы,
Он возжжет свечу,
Помолится —
И буря
Сразу стихнет.
Он за души грешных
Состязался с Дьяволом:
Однажды
Умерла монахиня.
Он видел,
Как душа по мытарствам водилась,
Истязуема была,
Судима
И осуждена.
В когтях у Сатаны
Видел он потерянную душу.
Трое суток
Умолял он Богоматерь:
Вымолил и выплакал прощенье.
Чистой голубицей
Из когтей бесовских
Вырвалась душа.
И, не стерпев потери,
Сатана на старца ополчился,
Поразил его ударом в спину.
«Если б не Христос
Да Богоматерь, —
Старец говорил, —
Никто бы
Исцелить меня не мог...
Но уж стоять —

До конца стоять
В борьбе с нечистым».

Так
Еще пятнадцать лет в затворе
Он провел,
Уставы естества
Силою молитвы побеждая.
И еще семь лет
Ему осталось жизни
На земле.
И приказала Богоматерь
Быть ему с людьми,
В людских делах.]

Гл. VII (IX по первонач. нумерации) между 54 и 55

[Говорил монаху:
«Жизнь монаха
Есть смертельный бой
С собой и с миром.
На войну не ходят без оружья,
В монастырь
Не входят без молитвы.
Послушанье, кротость и терпенье —
Вот нам истинная власяница.
Если кто нас оскорбляет,
Мы же
С радостью обиды переносим.
Вот нам подвиг,
Вот вериги нам.
Пост не только в изнуреньи плоти,
Но чтоб брату, алчущему хлеба,
Дать кусок, который хочешь съесть».

Говорил игумену:
«Ты пастырь:
Не дерзай напрасно беспокоить
Путников, идущих в вечность,
Ибо
Слово — сильно,
Посох твой — как бич!»

Девушку, просватанную замуж,
Уговаривал:
«Останься с нами,
Радость моя,
Твой жених — Христос».

Говорил желавшему постричься:
«Воздержись.
Ты должен жениться.
Нынче вечером твоя невеста
Будет здесь.
Иди ее встречать».]

297

загл. ЗАКЛИНАНИЕ НАД МАРУСЕЙ

(ПО КУЭ)

между 7 и 8 а-ф Тт-3

[Без веры ничего достичь нельзя.
И у тебя есть вера и возможность
Преображенья мира и себя.]

298

между 5 и 6 авт. маш.

[Собранный в зверином напряженьи,
Львенок-Сфинкс к плечу Ее прирос,
К Ней прильнул и замер без движенья,
Весь — порыв, и воля, и вопрос.]

между 65 и 66

[И Владимирская Богоматерь
Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам,
На порогах киевских ладьям
Указуя правильный фарватер.]

302

1—4 черн. а-ф

Я Вечный Жид. Все люди братья.
О, как дорога далека!
Благословенное проклятье,
Благословенная тоска.

8—9

А в людях только блеск мечты.
Весь мир, как море пред зарею,

305

1—2 черн. а-ф

И с каждым мгновеньем, лишь ты удалялась,
Всё подлинней делались взмахи крыла

вм. 16

Единый и цельный прилив бытия...
Мы были и ветром и лесом и светом,
Текучей водою и снежной горой

307

после заключительной строфы а-ф

Серый Город всё растет,
Стены тянутся всё выше...
Будет день, и в темный свод
Навсегда замкнутся крыши...

331

6—8 Сверкают во всей полноте.

а-ф Свобода в безумьи усилья,
В плененном порыве комет,

334

строфа 4
а-ф 2 Тт-3

Вязи рифм и имен святых,
Вскрытых судьбою... —
И да будет в ней каждый стих
Связан с тобою.

340

11—12
а-ф

Дай услышать на дне преисподней
Голос: «Лазарь! изыди из гроба!»

342

а-ф

Проходя у стен Иерусалима,
Азраил взглянул на человека
На ступенях трона Соломона.
— Кто он сей, меня пронзавший взглядом? —
Спрашивает тот. — То ангел смерти.
И взмолился он: «Вели, чтоб ветер
В Индию меня унес». По слову
Соломона, ветры в Индии
Его сложили <?> в тот же миг.
— Я потому лишь
Посмотрел с таким вниманием
Ему в лицо, —
Азраил сказал царю, —
Что послан за душою
Его был в Индию
И не поверил,
Увидав его в Иерусалиме.

359

1—2
а-ф Тт-2

Носатой, маленькой и смелой
В огромный мир ворвалась я,

375

а-ф

Пришла изночница. В постель
Со мной легла.
И мыслей тонкую кудель
Свивает мгла.

Ах, где начало и конец
    Любви кольца?
Нагой Амур — слепой стрелец
    Встал из яйца.
[О лебедь — Время, ты]

6—8
а-ф Тт-2

    Плеснет в лицо,
Крылами бьет. То Птица-Ночь
    Снесла яйцо.

376

между 8 и 9
черн. а-ф Тт-2

Я не предам приносящих дар,
    Как ты — мечу,
На души жаждущих свой пожар
    Не расточу.

380

5—8
черн. а-ф Тт-2

И в камне и в звере — везде,
В горах, в облаках над скалами,
В травинке и в яркой звезде
Я вижу текучее пламя.

381

отд. строфы
а-ф Тт-2

Не шли меня в свой мир гонцом,
Но дай мне стать кадильным дымом,
В пустыне пред Твоим лицом
Ослепнуть в блеске нестерпимом.

———

Я сам комок Огня и Праха,
Но я сдержу свой подлый крик,
Но отврати свой гневный лик,
Чтоб мне не умереть от страха.

———

Я соль земли. В горючей соли
Вся мудрость горькая земли,
Кристаллы зла и темной боли
В ней белым снегом процвели.

Сквозь воскресенье, сквозь могилу
Я понесу святую боль.
Ведь если соль утратит силу,
Кто сделает соленой соль?

авт. маш.

Я живу на зубчатой горе среди ужаса
омертвелых пустынь и стоячих болот.
Среди мертвых болот и глухих лукоморий
С вознесенных престолов моих плоскогорий
мне видна
вся туманом и мглой и тоскою повитая
Киммерии печальной страна.
Я пасу костяки допотопных чудовищ
и драконов затянутых илом стада,
здесь базальты хранят на себе ореолы
омертвелых сияний и оттиски слав.
Обода колесницы, исполненной глаз,
Шестикрылья распятых в скалах Херубу...
И гулка голосами моих подземелий
и змеиных ходов и драконовых троп

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание стихотворений и поэм Максимилиана Волошина — наиболее полное научно подготовленное издание одного из выдающихся русских поэтов начала XX века, издаваемое в России. Оно охватывает содержание всех прижизненно изданных сборников оригинальных произведений Волошина, а также ст-ния, не включенные в отдельные книги и не печатавшиеся при жизни автора. Несколько ст-ний публикуется впервые.

При жизни Волошина было издано пять сборников его стихов. Первый — «Стихотворения. 1900 — 1910» (М.: «Гриф», 1910) включил 108 ст-ний и 9 переводов с французского. Во вторую книгу — «Anno mundi ardentis 1915» («В год мирового пожара», как переводил сам Волошин) (М.: «Зерна», 1916) вошло 24 ст-ния. В 1918 вышел из печати сб. «Иверни» («Осколки», «Черепки»), изданный московским изд-вом С. А. Абрамова «Творчество». Он вобрал 80 ст-ний из двух первых книг, еще 39 ранее публиковались в периодике или печатались впервые. Четвертая книга стихов Волошина «Демоны глухонемые» была издана в Харькове в 1919 под маркой изд-ва «Камена». Из предыдущих книг в нее вошло лишь 3 ст-ния, остальные 20, посвященные революции и гражданской войне, появились в этой книге впервые.

Последней прижизненной книгой Волошина стал изданный в 1923 в Берлине сборник «Стихи о терроре», названный так издателями. В него вошло 23 произведения, 20 из них прежде в сборники не входили. Из-за нападок, которым подвергались тогда авторы, публиковавшиеся в эмигрантских изданиях, Волошин был вынужден заявить, что стихи напечатаны без его ведома, хотя, в действительности, сам передал их за границу и ничего не имел против их печатания там (об этом он писал А. К. Шервашидзе 5 апр. 1920 и А. С. Ященко 15 нояб. 1922).

Неосуществленной осталась подготовленная Волошиным к печати книга «Selva oscura», включившая в себя лирические ст-ния 1910—1914, а также отдельные ст-ния позднейших лет (письмо от 16 дек. 1929 к Ю. А. Галабутскому). Не вышла и книга стихов о революции и гражданской войне «Неопалимая Купина».

В 1925, осмысляя в «Автобиографии» (Воспоминания. С. 35) [1] пройденный им творческий путь, Волошин указал порядок, в ко-

[1] Список условных сокращений см. на с. 559.

тором «должны быть изданы» его стихи: 1. «Годы странствий» (1900 — 1910)»; 2. «Selva oscura» (1910 — 1914); 3. «Неопалимая Купина» (1914 — 1924); 4. «Путями Каина». В 1930-е (между 1933 и 1936) этот проект осуществил писатель Лев Евгеньевич Остроумов (1892—1955), подготовивший «полное собрание» ст-ний Волошина объемом в 610 машинописных страниц. Помимо четырех книг, «составленных, спланированных и озаглавленных самим автором», Остроумов подготовил пятую книгу «Паралипомена» (по названию книги Ветхого Завета «Паралипоменон», — то есть, по-гречески, «Книги о пропущенном»), куда вошли «различные стихотворения, не отнесенные поэтом ни к какому циклу». На протяжении десятилетий это «полное собрание» служило главным источником распространения произведений Волошина в списках, а в последние годы — и основой многих публикаций; оно же было использовано при подготовке парижского издания «Стихотворений и поэм» Волошина в двух томах (1982—1984) — наиболее полного на сегодняшний день свода его стихотворных произведений. При подготовке настоящего издания составители не сочли возможным повторять те текстологические решения Остроумова, которые непосредственно не отражали авторскую волю Волошина относительно состава и композиции его поэтических книг, закрепленную в вышедших сборниках или в авторизованных материалах его архива. В частности, ст-ния, включенные Остроумовым в книгу «Паралипомена», распределены по разделам «Произведения 1925—1929 годов» (завершенные поэтические тексты, созданные Волошиным после формирования «Собрания стихотворений» в четырех книгах) и «Стихотворения 1889—1931 годов, не вошедшие в основное собрание»; четверостишия-эпиграфы к разделам книги «Anno mundi ardentis», механически переадресованные Остроумовым к разделам книги «Неопалимая Купина», также помещены вне основного собрания; вынесены за пределы основного собрания и отдельные стихотворения, отсутствующие в авторизованных композиционных сводах, но включенные в них Остроумовым по смысловой и образно-тематической близости, и т. д. В последнем разделе тома помещены избранные переводы Волошина.

Для настоящего издания все тексты выверены заново. Ст-ния, написанные до 1918, печатаются, как правило, по прижизненным сборникам Волошина (включая и полностью подготовленную автором к печати книгу «Selva oscura»). Ст-ния 1918—1931 печатаются с проверкой по рукописям и авторизованным машинописным текстам, хранящимся в архиве Волошина в Рукописном отделе Пушкинского Дома (фонд 562). Важным источником для уточнения текстов являются три «творческие тетради» поэта (термин М. С. Волошиной), в которых отражен процесс создания большей части его произведений — от черновых набросков до белового текста. В первой тетради представлена работа 1903—1907, во второй — 1907—1918, в третьей — 1919—1931. Поскольку работа каждого года обозначена соответствующими датами, то и не датированные автором произведения можно, по расположению их в тетради, отнести к определенному времени.

Даты цитированных или упомянутых в примечаниях писем

Волошина и его корреспондентов приводятся в соответствии с авторским обозначением, в случае отсутствия такой даты — по штемпелю на конверте или др. косвенным признакам, в связи с чем первой может стоять дата по нов. ст. (письма из-за границы или сделанные вне России записи), по ст. ст. (письма и записи периода пребывания в России); возможен вариант только по нов. или только по ст. ст. и, наконец, на документах, написанных вне России, первой может оказаться дата по ст. ст.

При подготовке текста и примечаний учтены посмертные комментированные издания стихотворного наследия Волошина: «Стихотворения» (сост., подгот. текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Л.: «Сов. писатель», 1977. «Б-ка поэта», М. С.); «Стихотворения и поэмы» (в 2-х т. Общ. ред. Б. А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве, при участии А. Н. Тюрина. Paris: YMCA-Press, 1982—1984); «Избранные стихотворения» (Сост., вступ. статья и примеч. А. В. Лаврова. М.: «Сов. Россия», 1988).

Для примечаний использовались также архивные материалы, подавляющее количество которых сосредоточено в архиве Волошина в Пушкинском Доме. Это 470 единиц творческих рукописей Волошина, 1440 единиц писем Волошина и к нему, 770 единиц различных документов и материалов. Фонды Волошина образованы также в ИМЛИ (фонд 79) и в ЦГАЛИ (фонд 102) — но они насчитывают лишь по нескольку десятков дел. Волошинские материалы имеются также в рукописных отделах ГБЛ, ГПБ, ГЛМ, ГРМ, ГИМ, ФКГА, ДМВ, Дома-музея Л. Н. Толстого, в частных собраниях Москвы, Петербурга, Киева, Одессы, Харькова, Ялты и др. Большая их часть изучена и учтена при подготовке издания.

В результате сопоставления текстов прижизненных изданий и сохранившихся автографов удалось исправить несколько смысловых погрешностей и опечаток, а также сформировать раздел «Другие редакции и варианты». В него включены фрагменты, состоящие, как правило, из не менее чем трех стихов, а также тексты других редакций в полном объеме. Наличие таковых отмечено в примечаниях звездочкой при номере ст-ния.

Примечания состоят из библиографической справки, в которой приведена первая публикация, а затем — через точку и два дефиса — указаны прижизненные издания, подготовленные автором. (Перепечатки в периодике, сборниках, антологиях, осуществлявшиеся без участия В., не учитываются). Здесь же освещается творческая история произведения.

Историко-литературный и реальный комментарий в настоящем издании ориентированы на пояснение биографического и локального («коктебельского» в первую очередь) контекста волошинских произведений; значительное внимание уделяется социально-историческим событиям и фактам русской и западноевропейской жизни 1-й четверти XIX в., философским течениям эпохи, воздействию которых подвергался Волошин и без знания которых обедняется понимание множества поздних его сочинений; примечания включают архивные материалы: письма Волошина и к Волошину, автокомментарий поэта, его дневниковые записи. Нуждается сегодня в подробных пояснениях и широкий круг лиц, с которыми был связан Волошин: адресовал им стихотворные послания, упо-

минал их в своих произведениях, цитировал их высказывания и т.п. Особое внимание обращено на те реалии, толкование которых требует специальных разысканий, и те, что подверглись переосмыслению в контексте волошинских произведений или упоминаются в связи с интимно-значимыми для поэта событиями. Пояснения мифологических, библейских, исторических имен и событий, сведения о которых можно получить в общедоступных словарях, энциклопедиях и т. п., пришлось свести к минимуму.

Имена современников Волошина, многократно встречающиеся в примечаниях, комментируются при первом упоминании в тексте произведения или в случае посвящения.

Подстрочные ссылки в тексте, не оговоренные как редакторские, принадлежат Волошину.

В начале своего творческого пути (1900—1909) Волошин часто не датировал свои произведения — и затем в печатных изданиях ставил даты по памяти, нередко с ошибками. Установленные и уточненные по др. источникам (письмам, записям в дневниках и т. п.) датировки сообщаются в примечаниях либо указываются в угловых скобках под текстом ст-ния.

О сложности атрибуции некоторых произведений Волошина говорят следующие примеры. Ему приписывалось ст-ние «Обожжет болото» («Москва». 1977, № 5), автором которого является В. Монина (см.: «Свиток». М., 1922, № 2). Многократно разными публикаторами приписывалось Волошину ст-ние «Чайка и Саломея» (последнее упоминание — «Неделя». 1989, № 27. С.17), написанное киевским поэтом Михаилом Волошиным. Не принадлежат Волошину эротические стихи «Как жадно я люблю твои уста...», «Первоцвет», «Манящий взор, крутой изгиб бедра...», «Волнообразно двигая спиной...», хранящиеся в ИМЛИ. Первое из них написано К. Д. Бальмонтом (остальные, скорее всего, тоже им) — и лишь переписаны Волошиным.

Загадкой остаются три переведенных Волошиным ст-ния: «Тидальские тени», «Колыбельная песенка» (со шведского) и «Сидела царевна...». Последнее долго считалось оригинальным произведением Волошина — но в 1970-х в ДМВ поступил (от А. А. Арендт) автограф с подписью «Перевод М. Волошина». О «Колыбельной песенке» (см.: «Север». 1977, № 5, с опечаткой в имени: надо «Бланка» вместо «Бианка») известно лишь, что Волошин перевел его летом 1900 на Майорке. Все попытки установить авторов этих ст-ний не дали пока результатов.

Составитель примечаний выражает свою признательность за разнообразную помощь в работе К. М. Азадовскому, А. Д. Алексееву, Е. Н. Будаговой, З. Д. Давыдову (Киев), П. Р. Заборову, Н. М. Иванниковой (Москва), Е. В. Кругликову (Феодосия), Э. С. Менделевичу (Орел), А. В. Меню (Сергиев Посад), А. Е. Парнису (Москва), Р. Д. Тименчику (Иерусалим), А. Н. Тюрину (Нью-Йорк), Р. П. Хрулевой, В. И. Цветкову (Москва), В. Н. Чувакову (Москва), А. Н. Шустову. Особую благодарность он испытывает к памяти М. С. Волошиной (1887—1976) и В. А. Мануйлова (1903—1987), консультациями которых пользовался в работе над наследием М. А. Волошина.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

А — журн. «Аполлон» (Спб.).

авт. маш. — авторизованная машинопись.

альм. — альманах.

АМА — Волошин М. Anno tundi ardentis 1915. М.: «Зерна», 1916.

Антология — Антология. М.: «Мусагет», 1911.

а-ф — автограф.

Б. — Берлин.

БВ — «Биржевые ведомости» (Спб.).

б. д. — без даты.

В. — Волошин.

Верхарн — Волошин М. «Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы». М.: «Творчество», 1919.

Воспоминания — «Воспоминания о Максимилиане Волошине». М.: «Сов. писатель», 1990.

ВРХД и ВРСХД — «Вестник русского христианского движения» либо «Вестник русского студенческого христианского движения» (Париж).

ВТ — «Вестник теософии» (Санкт-Петербург).

ГАКО — Гос. архив Крымской области (Симферополь).

ГБЛ — Отдел рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)[1].

ГИМ — Рукописный отдел Гос. Исторического музея (Москва).

ГЛМ — Гос. Литературный музей. Отдел рукописей (Москва).

ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг (Санкт-Петербург)[2].

ГРМ — Гос. Русский музей. Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

ДГ — Волошин М. «Демоны глухонемые». Харьков: «Камена», 1919.

ДМВ — Дом-музей М. А. Волошина (Коктебель).

Ежегодник — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома.

ЗР — журн. «Золотое Руно» (Москва).

И — Волошин М. «Иверни»: Избранные стихотворения. М.: «Творчество», 1918.

Избр. — Волошин М. Избранные стихотворения. М.: «Сов. Россия», 1988.

Изборник — «Изборник литературно-художественных революционных произведений». М., 1922.

ИМЛИ — Институт мировой литературы РАН. Отдел рукописей (Москва).

Книга — Книга о русских поэтах последнего десятилетия/Под ред. М. Гофмана. М.; Спб., 1909.

---

[1] В настоящее время официальное название: Гос. Российская библиотека.

[2] В настоящее время официальное название: Российская национальная библиотека.

Книга для чтения — «Книга для чтения по истории новейшей русской литературы»/Сост., вводные статьи и примеч. В. Л. Львова-Рогачевского. Л., 1925. Т.2.

кор. л. — корректурный лист.

л., лл. — лист, листы.

ЛТ — Волошин М. Лики творчества. Спб.: изд. «Аполлона», 1914.

ЛТ-88 — Волошин М. Лики творчества/Изд. подготовили В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Л.: «Наука», 1988 (Серия «Литературные памятники»).

МГ — «Московская газета».

НЖ — «Новый журнал» (Нью-Йорк).

НК — машинописный сборник «Неопалимая Купина» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 141).

НП — журнал «Новый путь» (Санкт-Петербург).

НРК — журн. «Новая русская книга» (Берлин).

НРС — газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

п., пп. — письмо, письма.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

ПНВ — «Париж накануне войны в монотипиях Е. Кругликовой». Пг., 1916.

Путник по вселенным — Волошин М. Путник по вселенным/Сост., вступ. ст., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова М.: «Сов. Россия», 1990.

РМ — журн. «Русская мысль» (Москва).

РЛ — журн. «Радянське літературознавство» (Киев).

РР — лекция Волошина «Россия распятая»//«Юность». 1990, № 10/Публ. В. Купченко и З. Давыдова.

РТ — газета «Русский Туркестан» (Ташкент).

Средоточье всех путей — Волошин М. «Средоточье всех путей...» Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М.: «Моск. рабочий», 1989/Сост., вступ. ст., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова.

Стих. — Волошин М. Стихотворения. 1900—1910. М.: «Гриф», 1910.

Стих-77. — Волошин М. Стихотворения/Сост. и комм. Л. А. Евстигнеевой. Л.: «Сов. писатель», 1977.

СиП-1 — Волошин М. Стихотворения и поэмы/Под ред. Б. А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве. Paris: YMKA-Press, 1982. Т.1.

СиП-2 — Волошин М. Стихотворения и поэмы/Под ред Б. А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве при участии А. Н. Тюрина. Paris: YMCA-Press, 1984. Том 2.

Смф — Симферополь.

СоТ — Волошин М. Стихи о терроре. Берлин: Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923.

СЦ-1903 — «Северные цветы». 3-й альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903.

СЦ-1905 — «Северные цветы ассирийские». Альманах 4-й книгоиздательства «Скорпион». М., 1905.

СЦ-1911 — «Северные цветы». Альманах 5-й книгоиздательства «Скорпион». М., 1911.

Тт-1 — творческая тетрадь Волошина (стихи 1903—1907 гг., ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 5).

Тт-2 — творческая тетрадь Волошина (стихи 1907—1918 гг., ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 6).

Тт-3 — творческая тетрадь Волошина (стихи 1919—1931 гг., ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7).

УР — газета «Утро России» (Москва).

Ф — Феодосия.

ФКГА — Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского. Фонды.

Х — Харьков.

ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).

Ч-Д — альм. «Чтец-декламатор» (Киев).

черн. а-ф — черновой автограф.

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ
ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Стихотворения 1900—1910

К моменту выхода из печати своей первой книги (27 февр. 1910 г.) В. уже приобрел значительную известность как поэт, литературный и художественный критик. Опубликовав своих стихи в 1903 в НП и СЦ, он затем печатался в газ. «Русь», в журн. «Весы», «Перевал», ЗР, ВТ, А и др. Уже в 1909 он удостоился отдельного критического очерка в Книге (С. 367—370). Сборника от него ждали давно, что было отмечено и в отзывах на Стих.

Из числа авторов критических откликов книга оставила равнодушным одного Н. Валентинова («Киевская мысль». 1910, 16 марта). «Оторванным от живой жизни», замкнутым «в круге узкоэстетических интересов» декадентом увидел Волошина В. Полонский («Всеобщий ежемесячник». 1910, № 5. С.91—100). Признавая, что поэт «умело создает нужное ему настроение», критик тут же утверждает его неспособность «воплотить» воспринятое. Для В. П. Буренина (скрывшегося за псевдонимом А. Б-ъ) стихи В. «попахивают керосином, книжной пылью, затхлостью музеев» («Новое время». 1910, 25 апр.). «Книга ума, а не чувства, тонкой ювелирной работы, а не вдохновения», — писал автор рецензии в ЗР (1909, № 11/12. С.103; по-видимому, С. М. Городецкий). «Изысканная, сложная, но лишенная поэтической силы» книга, — вторил ему В. Волькенштейн («Современный мир». 1910, № 4, отд. II. С.132). «Здесь чувство, переработанное интеллектом, пытается отчеканиться в скульптуру образов», — формулировал О. Б. (Осип Бескин?//УР. 1910, 30 марта).

Немногим снисходительнее были мэтры поэзии. М. А. Кузмин, отмечая две «определяющие» особенности стихов В. — имп-

рессионизм и оккультизм. назвал его лирику «внежизненной». «Своеобразная таинственность переживаний, большое мастерство, не похожее на приемы других художников, очень отличают М. Волошина и делают понятным его влияние на многих более молодых поэтов», — словно бы нехотя признавал рецензент (А. 1910, № 7. Хроника. С.37—38). Вяч. Иванов, признавая, что «Волошин — поэт большого дарования и своеобразных, горьких чар», отмечал, что «его вкус не безупречен, а общее тяготение его поэзии — не жизненно» (Там же. С.38). Более высокую оценку дал книге В. Я. Брюсов. Соглашаясь с тем, что стихи В. «не столько признания души, сколько создания искусства», он замечает: «М. Волошин <...> пишет лишь тогда, когда ему есть что сказать или показать читателю нового, такого, что еще не было сказано или испробовано в русской поэзии». По мнению Брюсова, стихи В. «сделаны рукой настоящего мастера, любящего стих и слово», и они уже сыграли определенную роль «в деле обновления русского стиха» (РМ. 1910, № 5. Отд. III. С.127—128).

Большинство рецензентов отказали В. в искренности переживаний, увидев «маску» вместо лица; лишь двое оказались в этом отношении при особом мнении. С-ов (по-видимому, издатель книги С. А. Соколов) признавал, что В. не только «много видел и умел <...> красиво зарисовать», но и прочувствовал все эти впечатления («Столичная молва». 1910, 26 марта). Б. (скорее всего — Э. М. Бескин) также высоко оценил книгу В., указывая, что лучшее у него — «человеческое, интимное, переживное» (МГ. 1910, 1 марта).

Сохранилось предисловие В. к книге, оставшееся не опубликованным. В нем он, в частности, писал:

«Читатель! Вот книга лирики. Я писал ее десять лет. В ней нет иного единства, чем единство моего Я. Оно менялось и преображалось. Вместе с ним менялись стихи. Так что у всей книги нет иного имени, чем мое собственное. Но она состоит из четырех эпох и, значит, из четырех книг.

Каждый писатель, принято говорить, хоронит в себе поэта, умершего молодым. Но и тот, кто остается поэтом, успевает похоронить в себе несколько различных поэтов. Я знаю, что можно любить только умерших: они не меняются. Не бойся же полюбить поэтому тех четырех поэтов, которых я похоронил в этой книге.

Один был юн, наивен, жизнерадостен. Он много ходил по земле, от Аральского моря до Гибралтара, но видел только внешние формы и слышал только внешние слова. Он писал урывками и только делал опыты со стихом. Он написал „Годы странствий“. Поэт, сменивший его, жил в Париже в замкнутом кругу музеев и искусства. Они преображались для него первыми зарницами первой любви. Он написал книгу „Amori Amara Sacrum“. В ней несложные чувства и много лиризма. Верно, она понравится тебе. Ее будут знать наизусть молодые девушки, с братьями читать сестры.

Книгу „Звезда Полынь“ написал уже взрослый поэт. Его дух прошел через „горькую любовь“ и обратился к горькой Земле. Он старался сознать себя в истории астрологических планет, порядок которых записан в названии дней недели, он искал себя в като-

лическом символизме и христианской мистике, он припадал к трагической земле древней Киммерии, ставшей его приемной родиной, он из всего прожитого сплел венок сонетов — Астральную корону.

В этой книге ты встретишь, читатель, много непонятных тебе имен, образов и сравнений. Ни одно из них не случайно. Каждое может быть объяснено, оправдано и доказано. Увы! недоверие читателя к поэту так велико в наши дни, что я должен предупреждать тебя даже об этом.

Поэзия не учебник, она ничего не объясняет, ничего не растолковывает. Прозаик может свысока поучать своего читателя. Поэт говорит всегда как равный с равным или молчит. Он только намекает, напоминает то, что было известно. Мысли „Звезды Полыни" не так сложны, символы ее не так запутаны, чтобы их нельзя было бы пояснить несколькими большими примечаниями. Но я не хочу делать примечаний. <...>

Поэт, написавший „Алтари в пустыне", не умер и еще будет писать. О нем молчу.

У всех четырех отделов есть свои достоинства и свои недостатки. Я сам с удовольствием написал бы об ней интересную статью в „Ликах творчества". Но, к сожалению, это не принято» (ПД. Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 330).

Первая книга В. должна была носить название «Годы странствий»: об этом он писал М. В. Сабашниковой 9 авг. 1904. Название это восходит к роману И.-В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821—1829). В конце 1906 В. предлагал книгу под таким названием изд-ву «Знание» (пп. к Сабашниковой от 13 дек., к А. М. Петровой от 17 дек.). Впоследствии поэт вернулся к первоначальной мысли и предлагал «Годы странствий» Госиздату (27 окт. 1922) и изд-ву М. и С. Сабашниковых (договор был подписан 19 мая 1924). Оба эти проекта не осуществились.

В настоящем издании воспроизводится состав и композиция Стих. со следующими изменениями: 1. Ст-ние «Венеция» приведено в окончательной расширенной редакции (по сб. «Иверни»); 2. Ст-ния «Голова madame de Lamballe», «Предвестия» и «Ангел Мщенья» перенесены — в соответствии с решением самого В. — в НК; 3. Изъят сонет «Луна», поскольку он является (в измененной редакции) магистралом венка сонетов «Lunaria» в составе книги «Selva oscura»; 4. Переводы двух ст-ний Эредиа «Бегство кентавров», «Ponte Vecchio», пяти ст-ний Верхарна («На север», «Ноябрь», «Осенний вечер», «Ужас», «Человечество») и двух ст-ний Малларме («Лебедь», «...О, зеркало, — холодная вода...») перенесены в раздел «Из переводов».

I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Якову Александровичу Глотову

Я. А. *Глотов* (1877—ок.1938), двоюродный брат поэта, с которым В. был дружен начиная с 1898. Переводчик Ж. Валлеса, историка Д. Стерна, один из соавторов путеводителя по Парижу (М., 1914), журналист, Глотов был участником революционного движения (эсер). Репрессирован.

Эпиграф к разделу — последняя строфа ст-ния В. № 302.

1. НП. 1903, № 8, с ред. правкой. - - Стих. А-ф под загл. «Пустыня (Сыр-Дарья — Париж)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1). В ст-нии отразились впечатления о пребывании В. в экспедиции по Сырдарье осенью 1900 на изысканиях Оренбург-Ташкентской жел. дороги. Ст. 1—29 вписаны в альбом Н. Л. Ауэр (Миклашевской) в Париже 7(20) февр. 1902. Окончание ст-ния записано в дневнике В. 1902 с пометкой: «26<13> мая. Вечер». По-видимому, осенью 1902 В. переслал полный текст ст-ния Петровой в Феодосию: 1(14) дек. 1902 он упрекал ее: «Вы мне до сих пор ничего не написали об моей „Пустыне"». *Да одиноко городища* и т. д. В частности, на В. произвели большое впечатление развалины города Саурана. *Джюсан* — степная трава.

2. СЦ-1903. - - Стих. - - И. Написано в ночь на 25 мая (7 июня) 1901, по пути в Испанию. Первый подход к теме — ст-ние в прозе «Железная дорога» (12 нояб. 1890), где упомянут «мерный, усыпляющий шум колес». В очерках «Листки из записной книжки» (РТ. 1901, 9 февр.) В. так описал «свисток русского паровоза»: «Ведь в нем так и слышится бесконечная унылая степь, косой дождик, бьющий в скользские стены вагонов, огоньки затерянной в глуши станции и еще тысячи верст путешествия впереди».

3. НП. 1903, № 8, под загл. «Вальдемоза». - - Книга (под тем же загл.).- - Стих. - - И. Начато в деревне Вальдемоза на острове Майорка (Балеарские острова), где В. находился с 8(21) июня по 18 июня (1 июля) 1901 с художниками Е. Н. Давиденко, А. А. Киселевым и Елизаветой Сергеевной *Кругликовой* (1864—1941), которой и посвящено ст-ние. Описание «бала», устроенного для них в местной таверне, В. сделал в зап. книжке 8(21) июня и в п. к Петровой от 11(24) июня 1900. Ст-ние положено на музыку Б. Прозоровским (Романсы для пения с фортепиано. Ростов/Дон, б.д.) и С. Малявиным (Пг., б. д.).

*4. НП. 1903, № 8. - - Стих. *Via mala* — ущелье в долине Западного Рейна, близ селения *Тузис* в Швейцарии. В тетради стихов 1899—1900 ст-ние датировано сент. 1899 — но, по-видимому, оно было завершено позднее, в Париже. Оттуда В. посылал его И. Х. Озерову 26 окт. (7 нояб.) и Петровой 1(13) нояб. 1899. В тот период оно имело еще 9 строк, позднее отброшенных. *Раутенделейн* — героиня драматич. сказки Г. Гауптмана «Потонувший колокол» (1896), «существо из мира фей». *Генрих-Бальдур* (см. текст вариантов) — контаминация персонажа пьесы «Потонувший колокол» Генриха, литейщика колоколов, и бога (сканд. миф.) Бальдра.

5. НП. 1903, № 8. - - Стих. В письме к Петровой от 14(27) авг. 1901 В. характеризовал ст-ние как «впечатление спуска в Андорру». В п. к ней же 2(14) сент. В. пояснял: «Это стихотворение называется просто „Тангейзер", а об Андорре тут я упомянул только потому, что писал его под этим впечатлением. Меня

страшно поразила эта картина своим полным тождеством с первым актом вагнеровской оперы, когда грот Венеры исчезает в громе и молнии, а Тангейзер остается один в широкой долине, и торжественно и мирно звучит этот полуцерковный мотив». В зап. книжке В. (1900) под 10 июня (28 мая) помечено: «Андорра. Спуск в долину. (Тангейзер)». *Тангейзер* — миннезингер XIII в. Согласно легенде, богиня Венера увлекла его в грот на горе Гезельберг, где он провел с нею 7 лет. Этот сюжет использован в опере Р. Вагнера «Тангейзер».

***6.** НП. 1903, № 8, в виде одной строфы, с пометой и датой: Венеция. 1899. - - Стих (в той же ред.). - - Окончательный текст — Антология и И. Печ. по И. Первоначальный вар. записан в дневнике 1902. Затем В. работал над ст-нием летом 1909 в Коктебеле (а-ф в Тт-2, л. 28об.) и в нач. 1910 в Петербурге. В Антологии ст-ние посвящено А. Я. Головину (1863—1930) — живописцу, художнику театра. Он упоминал об этом ст-нии так: «Верные и тонкие намеки дали в своих стихах о Венеции Блок и Волошин» (Головин А. Встречи и впечатления. Л.; М., 1940. С.39). *Орканья* Андреа (наст. имя ди Чоне, ум. 1368) — ит. живописец и скульптор.

***7.** Альм. «Гриф». М., 1903. - - Стих. В «Журнал путешествия», который В. вел по очереди со своими спутниками-студентами в Европе, ст-ние было вписано 2(15) июля 1900, на третий день пребывания в Риме. Перед этим В. П. Ишеев записал: «На Форуме очень приятно бродить среди сохранившихся кое-где колонн, развалин, арок <...>. Макс сидел мечтательно на высоких развалинах базилики Константина под мощными арками...»

***8.** «Око». Спб. 1906, 6 окт. - - Стих. Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 4об.). В. был на афинском Акрополе 22 июля (4 авг.) 1900. «Самое характерное для него — это стройный белый профиль тонкой ионийской колонны на темно-синем небе», — записал он в тот день в «Журнале путешествия». Однако само ст-ние возникло много позднее: авторская датировка указывает лишь на время пребывания В. в Греции. Наброски ст-ния находим в Тт-1, без даты, перед записью от 27 мая 1903. 1 фев. (19 янв.) 1904 В. послал ст-ние Петровой, которая в ответ напомнила, что оценила его еще в 1903 в Крыму. *Эрехтейон* — памятник др.-греч. архитектуры (421—406 до н.э.), храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе.

9—19. Стих.
В. впервые посетил Париж в 1899, жил там в 1901—1905 и в 1915—1916, приезжал в 1906, 1908, 1911. «Он меня совсем покорил, уничтожил и влюбил в себя», — писал поэт Петровой 4 дек. (22 нояб.) 1899. А в 1910 заметил: «Париж — нервный узел всей Европы, солнечное сплетение ее чувствующих и сознающих тканей». Начиная с этого цикла, многие стихи В. обязаны своим возникновением или прямо обращены к Маргарите Васильевне Сабашниковой (1882—1973). Они познакомились весной 1903 в

Москве, поженились весной 1906. Художница-портретистка, писавшая стихи, Сабашникова имела в 1904—1905, во время их встреч в Париже, огромное влияние на В. 29 июня 1905 он отметил в дневнике: «Все, что я написал за последние два года, — все было только обращением к М.В. и часто только ее словами».

1. Стих. Ст-ние было послано Петровой 9 июня (27 мая) 1905 (загл. «На Монмартре»), в числе других, с пояснением: «Стихов я писал этот год очень мало. <...> Те, что написал, прилагаю». (*Твой образ — Слава!*) Лучи, как символ славы, приняты в иконописании. *Мистические свечи.* Согласно учению Каббалы, Бог создавал мир, отделяя от себя свои эманации — сефиры. Семь низших эманаций изображались в виде семисвечника, — который, по-видимому, и напоминали В. соцветия парижских каштанов.

*2. СЦ-1905, без загл. - - Стих. - - И. Вар. — а-ф в Тт-1 (л. 12). В п. от 16 (3 февр.) 1904 В. писал Сабашниковой из Парижа: «Когда я распахнул окно, ворвалась струя влажного грозового воздуха. Над высотами Монмартра текли и клубились серые грозовые тучи. <...> И тут вдруг хлынули, закрутились и понеслись серые, ласковые, влажные феи дождя». Чуть ниже следует текст наст. ст-ния с правкой и зачеркнутой строфой, после чего В. добавлял: «Я начал говорить Вам начало и неожиданно нашел конец. Похоже это на дождь?». *Морды чудовищ* — скульптуры на верхней площадке собора Парижской Богоматери (*Notre Dame*): химеры, олицетворяющие человеческие пороки.

3. НП. 1903, № 8. - - Стих. А-ф ст-ния — в дневнике В. за 1902, б.д.; по контексту — не ранее 24 мая. Связано с началом занятий живописью.

4. НП. 1903, № 8 («Утро. Пасмурный Париж...»). - - Стих. - - И Вписано в дневник В. 1902—1903, в конце тетради, в числе четырех ст-ний, с пометой: «То, что было написано с марта 1901 г. до декабря 1902 г. в Париже». Ст-ние было послано Петровой 14(1) дек. 1902 как «новое».

5. СЦ-1905. - - Стих. А-ф — под загл. «Черное в золотом» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1). Послано Петровой 1 февр. (19 янв.) 1904 из Парижа, вместе с другими, с пояснением: «Стихов я действительно написал много новых и посылаю их. Как приехал в Москву, так меня и прорвало. Теперь снова мало пишу». В Москве поэт находился с нач. нояб. по 27 нояб. 1903. *Обелиск* — стоящая в центре площади Согласия монолитная гранитная колонна, привезенная из Луксорского дворца (бывшие Фивы) египетского фараона Рамсеса II (XIII в. до н.э.).

6. СЦ-1905. - - Книга, под загл. «Париж». - - Стих. - - И. В ст-нии отражены впечатления от поездки по Сене вместе с Сабашниковой в Сен-Клу 13 июня (31 мая) 1904. В дневнике «История моей души» В. в тот день записал «„Смотрите, какой праздник на воде“. Праздник серых теней. Вечером был праздник и огни танцевали в реке. Кто-то проносил большие алмазы. Пароходы проходили, оставляя зеленых танцующих змеек». Ст-ние было послано Сабашниковой из Женевы 9 авг. (27 июля) 1904

в качестве еще не написанной «второй части» ст-ния «Письмо».

7. «Весы». 1907, № 1, под загл. «В Булонском лесу», в цикле «Картины Парижа». - - Стих. - - И. Черн. а-ф — под загл. «В Булонском лесу» (Тт-1, л. 40). Послано Петровой, судя по штемпелю, 9 июня (27 мая) 1905; в Тт-1 датировано 2 июля. Сабашниковой послано 3 июня (20 июля). Ст-ние было высоко оценено Брюсовым. Он (согласно записи В. в тетради 1907) говорил, приведя первую строфу: «Здесь все звуки оправдывают один другой. В начале это повторение звуков *с* и *р*, которые дают ощущение вечера. Потом „радостны сны“. Это — *стны, сны* — было бы некрасиво, если бы ударение не стояло так далеко, — радостны и это — *сны* — не скрадывалось бы совершенно. И затем все звуки подготавливают и разрешаются в конечном слове „Леонардо да Винчи“. И тут же легкое изменение размера, нарушающее строгий порядок. Эти четыре стиха я могу считать образцом». *Иванова* Анна Николаевна (1877—1939) — двоюродная сестра М. В. Сабашниковой. *«Вечеря»* — фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» (1495—1497) на стене трапезной миланского монастыря Санта Мариа делле Грацие. В. смотрел ее во время пребывания в Милане 1 июля 1900, записав тогда же: «Все в ней стройно и соответственно, как в математической выкладке» (зап. книжка № 26). Высылая ст-ние Сабашниковой, В. сообщал, что читает книгу А. Л. Волынского «Леонардо да Винчи» (Спб., 1899).

8. «Русь». 1906, 1 нояб. - - Стих. - - «Керчь-Феодосийский курьер». 1913, № 77, под загл. «Весною». - - И. Ст-ние было послано Сабашниковой 23(10) марта 1906 с таким комментарием: «Вот плохонькие строчки, которые я написал вчера. <...> В них несколько строк еще прошлого года». *Строй геральдических лилий.* Имеются в виду лилии в гербах французских королей династии Бурбонов.

9. Стих. - - И. Написано, по-видимому, весной 1909 в Коктебеле. 1 мая Е. И. Дмитриева уже получила в Петербурге текст от В. и сообщала: «Ваш <сонет> о Трианоне страшно хорош».

10. Стих. - - И. Согласно Тт-1, работа над ст-нием начата в 1908, закончена в 1909. *Большое Колесо* — гигантское колесо обозрений с подвесными сиденьями, аттракцион Всемирной выставки в Париже (1900). *Башня-великанша* — Эйфелева башня, построенная к этой же выставке на Марсовом поле у Сены.

11. Стих. Авторская датировка неточна. 17(4) дек. 1908 ст-ние было послано Петровой с пометой: «Вот несколько строф, что я написал месяц тому назад». *Герцык* Аделаида Казимировна (Лубны-Герцык, в замуж. Жуковская, 1874—1925) — поэтесса, переводчица, критик. В. познакомился с ней и ее сестрой Е. К. Герцык зимой 1906—1907 в Петербурге, начиная с лета 1907 не раз бывал у них на даче в Судаке. *Иль де Франс* — наследственное владение Капетингов, ставшее основой и центром франц. государства; провинция, включающая Париж. *Грааль* — в средневековых западноевропейских легендах — сакральный сосуд (чаша с кровью Христа). *Монсальват* — «гора спасения», в бретонском

цикле легенд, с замком, где хранился св. Грааль. *Меганом* — мыс в восточном Крыму, между Коктебелем и Судаком.

*20. РМ. 1907, № 6. - - Стих. - - И. Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 13). 23 марта 1907, находясь в пути из Петербурга в Крым, В. сообщал Сабашниковой: «Я все писал в уме сонет о Фонтенебло и Диане де Пуатье». 26 марта из Коктебеля ей был отправлен полный текст ст-ния. «Великолепным» назвал этот сонет В. Полонский («Всеобщий ежемесячник». 1910, № 5. С.95). Л. Гроссман позднее привел его в статье «Поэтика русского сонета» как образец сонетной формы (Гроссман Л. Борьба за стиль. М., 1929. С.130). *Диана де Пуатье* (1499—1566), герцогиня Валентинуа — возлюбленная короля Генриха II Валуа. *Заимф* как священное покрывало богини Танид описывается в романе Г. Флобера «Саламбо»; В. упоминает его в п. к А. М. Петровой от 13 нояб. 1899. *Гужон* Жан (1510—1572) — скульптор, автор статуи Дианы де Пуатье для фонтана замка в Анэ.

*21. «Двадцатый век». 1906, 5 апр. - - Стих. А-ф — с посвящ. «М. В. С.» (М. В. Сабашниковой), вар. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 13—13об.); а-ф — под загл. «На арене», вар. (там же, ед. хр. 90, л. 3). В ст-нии, по-видимому, отразились впечатления вечера в Литературно-художественном кружке (М.) 18 нояб. 1903, на котором К. Д. Бальмонт прочел лекцию об О. Уайльде, вызвавшую издевательскую реакцию большинства зала, настроенного против «декадентов». Сабашникова в своем дневнике так описала выступление А. Белого: «Он вышел спокойный и тихий и посмотрел на публику своими узкими и проникновенными глазами. — Апостол Павел сказал... — публика покатывается со смеху; он остановился и посмотрел, она затихла, он продолжал говорить. Странно слышать этого мальчика и его чистые слова среди этого содома».

22. СЦ-1905. - - Книга. - - Стих. В янв. 1904 В. в п. к Сабашниковой так описывал «вечер в Кремле» в нояб. 1903: «Башни и соборы силуэтами висели в воздухе. По реке и по густо-красному небу тянулись клубы морозного дыма и тишина. Вися в пространстве без линий, поблескивала красным и зеленым — жидким светло-зеленым Москва-река. И в душе была такая темная апрельская певучесть. Во мраке вспыхивали попарно рифмы и созвучия, как влюбленные светящиеся жучки в Апеннинах. Потом начинали тянуться длинные волокна ползучего ритма». 28(15) янв. 1904 В. послал Сабашниковой в письме полный текст ст-ния. Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867—1942) дружил с В. с 1902.

23. Стих. Об отношениях В. с поэтом-символистом Юргисом Казимировичем *Балтрушайтисом* (1873—1944) см.: Купченко В. Юргис Батрушайтис и Максимилиан Волошин//«Дружба народов». 1978, № 1. С. 283—284.

*24. Стих. - - И. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 37об). Написано летом 1909 в Коктебеле — в соревновании с А. Н. Толстым, Н. С. Гумилевым и Е. И. Дмитриевой. Софья Исаковна *Толстая* (урожд. Дымшиц, 1889—1963) — художница, вторая жена А. Н. Толстого, рассказала об этом в своих воспоминаниях (см.: Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 74).

25. Стих. - - И. *Дмитриева* Елизавета Ивановна (1887—1928, в замуж. Васильева) — поэтесса (псевдоним Черубина де Габриак), переводчица. Результатом творческого содружества В. и Дмитриевой стала нашумевшая мистификация в «Аполлоне» — один из наиболее громких эпизодов литературной жизни предреволюционного Петербурга (см. вступит. статью, с. 37). Ст-ние положено на музыку А. А. Шеншиным (1932; см.: Русская литература в советской музыке. Вып. 1. М., 1975. С. 152).

26. Стих. *Лафорг* Жюль (1860—1887) — фр. поэт-символист. Ст-ние написано В. (по-видимому, в 1903), на томике полного собрания стихов Лафорга (Paris, 1902), сохранившемся в б-ке ДМВ.

*27. НП. 1903, № 8, под загл. «Охота», без строфы 1. - - Книга (под тем же загл.) - - Стих. Черн. а-ф — под загл. «Диана», вар. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 16); а-ф — под загл. «Охота» (там же, л. 21). Некоторые образы ст-ния и строки 13, 15—16 возникли у В. весной 1900: они приведены в его п. к Петровой от 7 апр. 1900 из Москвы. Полный текст был ей послан (видимо, с оказией) из Парижа осенью 1902: 23 окт. (5 нояб.) 1902 Петрова благодарила за это ст-ние, отмечая: «В нем чувствуется, что Вы занимаетесь живописью». *Муромцева* Ольга Сергеевна — парижская знакомая В., в которую он был влюблен в 1902.

28—31. Стих. 28 сент. 1905 В. писал Сабашниковой: «Почему время перестало у меня теперь останавливаться, как оно иногда останавливается в детстве по вечерам при свете лампы?» В п. к ней же 28(15) янв. 1904 В. излагал свое восприятие времени подробно: «Я время считаю за наше восприятие четвертого измерения. Точно так же третье измерение будет являться временем для существа второго измерения. В четвертом измерении время станет чисто пространственным отношением. И оттуда человеческая жизнь будет представляться одним цельным куском, идущим от рождения до смерти. Пространственно, конкретно, как длинная лента, — представляете? Так что там это, конечно, все завершено, потому что это уже заключено в самый организм. <...> Мы все уже давно умерли и еще не родились. По этой целой материаль-

ной ленте, тянущейся от рождения до смерти, пробегает волна Волна движется, но частицы материи остаются на своих местах И вот в этой волне, в этом моменте и движется и наше сознание, и наше представление о времени». Эти воззрения были изложены также в статье «Аполлон и мышь» (см.: ЛТ. С. 100).

1. СЦ-1905. - - Книга. - - Стих. - - И. А-ф — с пометой: «Посв. Мар<гарите> Вас<ильевне>» (Сабашниковой), датировка· «St. Cloud. 15 июня 1904» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 20, л. 2). Работа над ст-нием относится к лету 1903. В п. к Петровой (ок 10 авг. 1904) В. сообщал: «Конец последней строфы существовал даже задолго до первой, и я, помнится, его как-то Вам читал еще в Феодосии». 3 марта 1904 в п. к Брюсову (а 10 марта — к Петровой) была послана 1-я строфа. По-видимому, в июне 1904 Петровой был послан полный текст ст-ния: Петрова отзывалась о нем в п. от 4 июля 1904. В п. к Сабашниковой 28 июля 1905 В. писал: «Как тесен тот мир, в котором мы живем всегда, и как бесконечно велик и свободен тот, который открывается, когда закрываешь глаза...». *Лампу Психеи несу я в руке.* Согласно рассказу об Амуре и Психее в «Метаморфозах» Апулея (V, 22—23), Психея, нарушив запрет никогда не видеть лица своего загадочного супруга, ночью зажигает светильник и восхищенно смотрит на юного бога.

2. «Час» (М.). 1907, 5 дек. - - Стих. Работа над ст-нием шла летом 1904 (Тт-1), окончат. вариант — 12 июля 1905. 13 июля 1905 В. послал ст-ние Сабашниковой, уведомляя: «Я сегодня написал еще стихотворение, только в нем есть что-то, что меня не удовлетворяет». 16 июля ей же был послан «окончательный вариант».

3. «Родная земля». 1907, 5 февр., под загл. «Море». - - Стих.

*4. СЦ-1905, под загл. «Когда время останавливается». - - Стих. - - И (в составе первых трех строф). Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1-1об.). 9 июня (27 мая) 1905 В. писал Петровой об этом ст-нии: «Я его считаю стихотворением не цельным — это энциклопедия целого периода и нуждается во многих комментариях. Но отдельные строфы очень ценны для меня, и я изменять не буду. Только выброшу строфу с пятью чувствами, как неуклюжую до ужаса». *Близкий всем, всему чужой.* Ср. у Бальмонта: «Я всем чужой, всегда» («Разлука», 1899).

II. AMORI AMARA SACRUM

Весь раздел (кроме ст-ний 34, 39 и 41) связан с М. В. Сабашниковой (см. преамбулу к примеч. 9—19, с. *565 — 566*).

32. Стих. - - «Керчь-Феодосийский курьер». 1913, 17 марта, под загл. «Боль». - - И. Авторская датировка неточна. 1 июля 1905 В. сообщал Петровой, что ст-ние написано «1903. В поезде между Москвой и Парижем». (Отъезд В. из Москвы состоялся 27 нояб.). Ст-ние сначала имело посвящ. Бальмонту, и В. (видимо, с дороги) послал его старшему поэту; 30 нояб. Бальмонт показал ст-ние (в «закрытке») Сабашниковой (запись в ее дневнике). А-ф — под загл. «Бальмонту», с эпиграфом: «О, боль, когда бы ни пришла, Всегда приходит слишком рано! Бальмонт» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 4; источник эпиграфа не установлен).

***33.** ЗР. 1906, № 11/12, под загл. «Детство». - - Стих. А-ф — под загл. «Детство», вар. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 5об.). Послано в п. Сабашниковой 6 янв. 1904. Положено на музыку Ю. Ф. Львовой (Смольевский А. А. Воспоминания о М. Волошине//Рукопись. 1960. ДМВ).

***34.** НП. 1903, № 8. - - Стих. Написано 24 мая 1902 (черн. а-ф — в рабочей тетради 1901—1903 гг., вар. ст. 14—15 — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4, л. 4). Связано с чувством к Марии Львовне Ауэр (1883—1959, в замуж. Унковская), дочери скрипача Л. С. Ауэра, с которой В. встречался в Париже весной 1902.

35. ЗР. 1906, № 10, без загл. - - Стих. - - И, без загл. Печ. по Стих. А-ф — с пометой «К портрету Мар<гариты> Вас<ильевны>» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 3об); а-ф — под загл. «К одному портрету» (там же, ед. хр. 90, л. 2об.). В п. к Петровой 11 июля 1905 В. датировал это ст-ние: «Ноябрь 1903. Москва». *Там, где фиалки и бледное золото.* В дневнике В. за 3 июля 1902 (в Аяччо) записано: «Горы из бледного золота и фиалок. Берег розовый и голубой». Положено на музыку И. Чекрыгиным (Чекрыгин И. Романсы для одного голоса с сопровождением фортепиано. Спб., б.д.).

36. Стих. А-ф — с пометой: «Маргарите Васильевне» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 15). Ст-ние записано Сабашниковой в дневник 27 нояб. 1903 («вот его стихи, обращен<ные> ко мне»). 10 марта 1904 В. писал Петровой об этом ст-нии: «Главное в первой строфе, а не в последней».

37. ЗР. 1906, № 10. - - Стих. Авторская датировка неточна. В Тт-1 записано перед ст-нием 35 (нояб. 1903); послано Сабашниковой в п. 6 янв. 1904 (24 дек. 1903).

***38.** «Перевал». 1907, № 12. - - Стих. - - И (в сокращении, под загл. «Отрывки из посланий. I»). Печ. по Стих. Авторская датировка неточна. Ст-ние написано после отъезда Сабашниковой

из Парижа в Россию, который состоялся 21(8) июня; послано ей 5 июля (22 июня), сразу после написания. (В п. к Петровой от 1 июля 1905 В. сообщал, что ст-ние «помечено июнем 1904 г. Париж. Rue du Bac 3. Мансарда в том доме, где родился Коро, с видом на Сену»). В ст-нии запечатлены воспоминания о встречах с Сабашниковой в марте—июне 1904. «От Вашей поэмы я в восторге, особенно хороша готика и примитивы», — писала Сабашникова 8 (21) июля 1904 в ответ.

1. *Я соблюдаю обещанье.* 10 июня в музее Трокадеро В. предложил: «Мы будем писать не словами, а только рисунками и стихами?» (запись в его дневнике). *Как стих «Онегина».* Ст-ние написано «онегинской» строфой.

2. *Таиах* (иначе: Тайа, Тия) — египетская царица, жена Аменхотепа III. Копию ее скульптурной головы В. увидел в парижском музее Гимэ 6 июня 1904 и усмотрел в ней сходство с Сабашниковой. Позднее он приобрел гипсовый слепок со скульптуры (сохранился до наших дней в ДМВ). Подробнее см.: Купченко В. Муза меняет имя?//«Советский музей». 1985, № 3. С. 42—44.

3. *Я только что вернулся...* <9 авг. 1904> В. вспоминал в п. к Сабашниковой: «Однажды, вернувшись на рассвете, я нашел Ваше письмо и тогда-то написал первые строфы своего послания».

5. *Как жезл сухой.* Реминисценция библ. мифа о жезле Аарона (Числа, XVII, 6—8).

7. *Я слышу Вашими ушами...* 4 июля 1905 В. писал Сабашниковой: «Когда я писал все те стихи, что я послал Вам, я ведь не знал, где кончалась моя мысль, где начиналась Ваша. Так пророки говорят, исполнившись Св. Духа».

8. *Тропинка в парке...* 27 сент. 1905, по сообщению в письме к Сабашниковой, В. снова бродил «около той тропинки, по которой Орфей уходит в Аид („тропинка в парке между туй“)».

9. *Утро в Hall'е.* Halles Centrales — крытый рынок в центре Парижа (ныне снесен). 16 июня 1904 В. записал в дневнике: «На рассвете в Hall'е. Река утром. Корзины с ягодами. Цветы».

10. *Лувра залы.* 11 июня В. записал: «В Лувре. Ватто — скрипучие шелковые платья с чеканными серебрянными складками. Шарден. Фрагонар». *Saint-Germain l'Auxerroy* (Сен-Жермен л'Оксерруа) — церковь периода поздней готики (основана в VII в., перестроена в XIII и XV вв.).

11. *Там ангел держит.* В дневнике Сабашниковой записано: «Цветные стекла сияют в полумгле. На одном Иоанн Креститель оперся и слушает детей. Мы опять долго смотрим на лилового трагического ангела и на радостный экстаз Магдалины. Потом на то окно, кот<орое> похоже на крылья ночной бабочки». *Tête Inconnue* — бюст работы ит. мастера Франческо Лаураны (ок. 1430—1502), хранящийся в Лувре. В. приобрел гипсовый слепок с него (впоследствии перевезен в Коктебель).

12. *Здесь всё есть символ.* Увлечение В. искусством средневековья позднее привело его к работе над книгой «Дух готики» (1913—1914, не завершена).

13. *Лукавый Соблазнитель.* В публ. в Ч-Д (1908. Т. 3) — примеч.: «Группа Страсбургского собора „Соблазнитель и Соблазненный мир“».

14. *Есть беспощадность в примитивах.* Выставку фр. художников-примитивистов В. определил как «самое крупное художественное событие из всех, которые переживал Париж за последние годы» («Письмо из Парижа»//«Весы». 1904, № 5). *Фуке* Жан (1420 — ок. 1480) — фр. живописец. «Портреты Жана Фуке раскрывают нам историю страстей XV века», — писал В. в статье «Константин Богаевский» (А. 1912, № 6. С. 5).

15. *Мир Рэдона.* Одилон Редон (1840—1916) — фр. художник-символист. В. познакомился с ним в начале 1904, был глубоко увлечен его творчеством и стал первым пропагандистом в России искусства Редона. *Дьявол* — описание литографии О. Редона из третьей серии «Искушения св. Антония» (1896), ил. к одноименной драме Г. Флобера. «Это такое лицо, что я чувствовал, глядя на него, что у меня слезы подступают к глазам», — писал В. 22 авг. 1904 Петровой.

16. *Кентавр* — скульптура (1899) О. Родена.

17. *И Мать-Земля, И Царь-Огонь!* В п. к Петровой <ок. 10 авг. 1904> В. пояснял, что взял эти образы «из книги Максимова» (имеется в виду: Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Спб., 1903). *Я телом — конь.* Это же языческое ощущение В. отмечал в «Автобиографии»: «...Прошлое моего духа представлялось мне всегда в виде одного из тех фавнов или кентавров, которые приходили в пустыню к Св. Иерониму» (Воспоминания. С.36). *Я полон ужаса вещей.* Протест против вещей, созданных машинами, «чуждых нам духовно и ничем внутренно с нами не связанных», В. выражал неоднократно в статье («Демонизм машины»; см. примеч. 177—178, 1) и пп.

39. РМ. 1907, № 12, без загл. - - Стих. - - И, без загл. Печ. по Стих. *Гольштейн* Александра Васильевна (1850—1937; урожд. Баулер, в 1-м браке Вебер) — писательница, переводчица, политэмигрантка, постоянно жившая в Париже. Имела большое влияние на В. в 1900-х. Ст-ние послано Сабашниковой в начале марта 1904, Петровой — 10 марта. Еще 9 сент. 1902 В. вспоминал в дневнике, как весной писал М. Л. Ауэр о том, «как приятно перебирать старые письма и что мне казалось, что она меня вчера подвела к своему письменн<ому> столу и вынула из ящика пачку старых пожелтевших писем». 18 сент. 1904 В. писал Сабашниковой: «Я часто перебираю Ваши письма...

Это дерева познанья
Облетевшие цветы...»

27 июня 1905 он записал в дневнике: «Я думаю об большом отделе стихотворений, который будет называться „Старые письма“. Это будут исключительно лирические и личные стихотворения. Туда войдет весь этот дневник, прошедший сквозь горн слова».

40. «Русь». 1908, 1 янв., под загл. «Эпилог». - - Стих. - - И. А-ф в Тт-1 (л. 16), под загл. «Эпилог». *Таиах* — см. примеч. 38(2). В данном ст-нии имеется в виду Сабашникова. 14 мая 1905 В.

записал в дневнике: «Эти стихи я писал частью у Ковалевского на масонском экзамене, частью вчера утром». Там же вклеен автограф ст-ния с п. к Сабашниковой: «Это последние слова к Вам <...> Простите меня, если можете. <...> Прощайте, царевна Таиах!»

*41. ЗР. 1906, № 10. - - Стих. - - И. Ст-ние посвящено Вайолет *Харт* (в замуж. Полунина), художнице-ирландке, с которой В. сблизился в мае 1905. 9 июля он записал в дневнике «Вчера я написал, мысленно обращаясь к W. H.

...Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином.

И они обе живут во мне, и я могу примирить, допустить М. при W, но при М. В. не допускаю Wiolet». Впоследствии (в 1910) Сабашникова протестовала, что В. поместил в отделе, посвященном ей, «стихотворение о Вайолет». См. также ст-ние и примеч. 300.

42. Стих. Черн. а-ф датирован 29 июня 1905 (Тт-1, л. 42об.). Послано Сабашниковой 29 июня 1905 с припиской: «Это надпись к „барельефу" Орфея». В п. к Петровой 1 июля — под загл. «Надпись на античном барельефе».

43. РМ. 1907, № 12. - - «Вестник Европы». 1909, № 4, с эпиграфом: «О, зеркало, холодная вода и т.д. <см. № 402> Маллармэ. „Иродиада"». - - Стих. - - И. Черн. а-ф датирован 1 июля 1905 (Тт-1, л. 43об.). Тема ст-ния подсказана Сабашниковой в Сен-Клу 13 июня 1904 (запись В. в дневнике): «Сумерки в мастерской. Кто-то смотрит в зеркало. Часы тикают. Капля капает из крана. Иногда перебивая. „Да, да... да. Так... Тик-так... да-да". В зеркале видны только большие грустные безнадежные глаза и черные губы. За окном город. Вечерний. Громады домов. И так как будто он вдруг лопнет от напряжения». Эти образы соединились с собственными мыслями В. о себе: «„Я губка" — это то же, что „я — зеркало" <...>. У меня нет непосредственного чувства „добра" и „зла". Я отношусь к ним с одинаковым интересом» (запись в дневнике 15 июля 1902). 4 июля 1905 В. писал Сабашниковой: «И где же кончается *я* и где начинается отражение во мне? <...> Когда я отражаю, то я сам, весь, целиком, без всякой остаточной мысли становлюсь этим отражением».

44. РМ. 1907, № 12. - - Стих. Написано в июне 1905 (Тт-1); 3 июля послано в п. к Сабашниковой с пометой: «Стихи снова зазвучали во мне». *С грустью принимаю.* В п. 10 сент. 1905 В. писал Сабашниковой: «Надо спуститься добровольно в мир. Смиренно, своей волей надеть цепь жизни, „тягу древних змей"... <...> Примем на себя тягу всего человеческого». *Майя* (инд. миф.) — иллюзорность бытия, вселенной; действительность, понимаемая как греза божества. «Медленную Майю русской жизни» В. упомянул в статье «Творчество М. Якунчиковой» («Весы». 1905, № 1 С. 35). Говоря о необходимости «победить Майю», В. в п. к Сабашниковой от 23 июля 1905 включил в это понятие «обманы

рдяного человеческого дыхания, обманы воспаленных слов», окружающих человека в городе. В п. к ней от 10 сент. 1905 В. называл Майей «цепь жизни», «тягу всего человеческого»: страдания, любви, чувства и чувственности, рамок и цепей — и на этот раз призывал принять эти «оковы».

45. РМ. 1907, № 12. - - Стих. - - И. Черн. а-ф датирован 6 июля 1905 (Тт-1, л. 46об.). Ст-ние написано в ночь на 7 июля. В п. к Сабашниковой, начатом утром 6-го, В. сообщал: «Перед самой ночью я ходил по парку... Теперь идет дождь... Я хожу по комнате, прислушиваюсь, и в душе у меня складываются и плывут строфы, которые еще в парке всё пели и пели и никак не могли найти себя». Далее — текст ст-ния.

46. «Весы». 1907, № 1, под загл. «St. Cloud», в цикле «Картины Парижа». - - Стих. - - И. Послано Петровой 9 июня (27 мая) 1905 (под загл. «На заре»). Положено на музыку Ю. Ф. Львовой (ее п. к В. от 3 сент. 1916).

47. Стих. - - И. Черн. а-ф (датирован: 26 июня) — под загл. «Resignation» (Тт-1, л. 40об.). К 22(9) июня 1905 относится такой разговор с Сабашниковой, записанный В. в дневнике: «— Какие стихи мне написать? — „Resignation“ <покорность судьбе, безропотность, *фр.*> — смирение молодой души. — Я все время чувствовал на душе непримиримый грех, который давил меня: и вот он вдруг сегодня вечером искуплен». 24 июня 1905 В. посылает Сабашниковой «заказанное» ею ст-ние, добавляя: «Я теперь понимаю смирение. У меня есть один путь, один выход — забыть о себе». А 26 июня поясняет в дневнике происходящее с ним: «Я теперь знаю, что это не любовь, а что-то более чистое, более драгоценное, и никогда больше не переступлю запретной черты». 1 июля (18 июня) 1905 ст-ние было послано Петровой.

48. ЗР. 1906, № 7/9, под загл. «Amori Sacrum». - - Стих. - - И, под загл. «Отрывки из посланий. II». Черн. а-ф датирован: 29 июня (Тт-1, л. 43). В ст-нии запечатлена поездка с Сабашниковой в Сен-Клу 13 июня (31 мая) 1904. Позднее В. вспоминал об этом дне: «Желание отойти, расстаться в самый высший момент подъема счастья, самому оборвать, добровольным отречением от возможного будущего запечатлеть навсегда настоящее мгновение было у меня единственный раз в жизни — весною 1904 г. весенним вечером, когда мы возвращались с М. В. на пароходе из St. Cloud... Все, что было потом, — только ослабление того дня. Нужно понять умирание и растворение» (записи В. на отдельных листках//ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 402, 195, 447). Начало ст-ния было послано Сабашниковой в п. без даты (сент. 1904). 29(16) июня 1905 В. послал ей все ст-ние, именно в тот день законченное. Петровой оно было послано 1 июля (18 июня) 1905, с пометой: «Первые строфы его написаны год тому назад в мае». *Ты говорила* и т. д. Изложение слов Сабашниковой, записанных В. в дневнике 13 июня (31 мая) 1904 и 10 апр. (28 марта) 1905. Об этом же она писала в дневнике (15—28 марта 1905): «Такие, как

я, должны устраняться, тени, похожие на живых, которые не могут любить, алчные пропасти, которые жаждут любви». *Какая темная обида.* «Я думал о Деве-Обиде», — пояснял В. в п. к Сабашниковой 7 июля (24 июня), имея в виду образ из «Слова о полку Игореве». *«Как Калибан из лжи поэта»* — это выражение приведено в статье В. «Анатоль Франс» («Русь». 1904, 25 мая). *Калибан* — персонаж пьесы Шекспира «Буря». *«Некий встал с востока»* и т. д. — стихи Сабашниковой, записанные В. в дневник 21(8) июня 1904 (первая строка: «И вот, другой встает с Востока...»).

*49. «Русь». 1906, 25 дек. - - Стих. - - И. Вар. — а-ф в Тт-1 (л. 57об. — 58), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 91, л. 11), а-ф в п. к М. В. Сабашниковой от 11 окт. 1905 г. (там же, оп. 3, ед хр. 110). В ст-нии описывается мастерская В. (бульвар Эдгар Кине, 16), в которой он обосновался в начале окт. 1905. В п. к Сабашниковой от 10 окт. (27 сент.) 1905 находим некоторые образы будущего ст-ния: «В одном окне — оно большое и матовое, ночью всегда какой-то светлый, холодный, голубовато-подводный свет... У меня теперь много цветов — хризантем и каких-то фиолетовых маргариток». На другой день, 11 окт., Сабашниковой был послан первый вариант ст-ния. Закончено оно было в сент. 1906 в имении Сабашниковых Богдановщине под Москвой. *Химеры с Notre-Dame.* Имеются в виду гипсовые уменьшенные копии скульптур собора. *Таиах* — см. примеч. 38(2). *Аморя* (см. текст вариантов) — домашнее имя М. В. Сабашниковой.

50. «Речь». 1906, 25 дек. - - Стих. - - И. Авторская датировка неточна: ст-ние написано после отъезда Сабашниковой из Парижа в Россию (5 марта 1906 она писала В. с дороги, из Кёльна). 21(8) марта В. сообщал ей, что стихи очень нравятся Бальмонту — и он «все просит повторять их». *В дальней и жуткой стране.* Имеется в виду ситуация в России после поражения революции 1905 г., с ежедневными казнями, о которых сообщали газеты.

51. «Белые ночи. Петербургский альманах». Спб., 1907. - - Стих. Отражены смуты в отношениях В. с Сабашниковой (см. примеч. 52). Послано Сабашниковой в открытке из Санкт-Петербурга в Царское Село 15 марта 1907.

52. Стих. - - И, без загл. Печ. по Стих. Написано после расхождения с Сабашниковой, причиной которого стал поэт Вячеслав Иванов (см. примеч. 66), подразумеваемый в образе *Солнечного Зверя. In mezza di cammin* (правильно — nel mezzo del cammin — «на половине пути», *ит.*) — начало 1-го стиха 1-й песни «Ада» («Божественная Комедия» Данте). *С безумной девушкой.* 7 авг. (25 июля) 1905 В. записал в дневнике о Сабашниковой: «Безумная Девушка... Милая, бедная девочка».

III. ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

Александре Михайловне Петровой

Звезда Полынь — образ из Откровения св. Иоанна (VIII, 10—11). Весной 1907 В. готовил книгу ст-ний под таким загл. для изд-ва Вяч. Иванова «Оры» (п. к Сабашниковой от 1 апр. 1907). Туда должны были войти «мистические и оккультные стихотворения». Рукопись была уже набрана, но затем В. отказался от своего замысла.

А. М. Петрова (1871—1921), большой, многолетний друг В. (см. пп. В. к ней в сб.: Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. Вып.1. Спб., 1992). «Она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий», — определял сам поэт. После смерти Петровой В. написал статью «Киммерийская сивилла (памяти А. М. Петровой)», в которой отметил: «В развитии моего поэтического творчества <...> А. М. Петрова сыграла важную и глубокую роль».

53. «Перевал». 1907, № 3. - - Книга. - - Стих. - - И. Написано в Богдановщине, где В. находился с Сабашниковой 8—17 сент. 1906. Сохранились сделанные им там фотоснимки вспаханного поля. *Слово* — здесь: в значении «Логос»; по евангельскому учению — откровение существа Бога, его предвечный образ.

54. СЦ-1905, под загл. «Одилон Рэдон». - - Книга. - - Стих. - - И. В автографах — загл. «Одилон Рэдон», вар. ст. 1—3 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 20, л. 4). *Рэдон* — см. примеч. 38(15). Написано в мае 1904: 3 июня (21 мая) было послано Брюсову. *Ангел, проклятый* и т. д. Офорт Редона, изображающий ангела, висел в парижском ателье В. (ныне в ДМВ).

55. Стих. Авторская датировка неточна: В. написал ст-ние 16 дек. 1906 и в тот же день отправил Сабашниковой с припиской: «Кровь» я посвящаю Вяч. Иванову. Я думал именно о нем, когда писал его, и мне кажется, что в нем отразилось веянье его духа, веяние „Эроса"...» *Книга «Эрос»* — сб. стихов Вяч. Иванова (Спб., 1907), в котором есть перекликающееся с «Кровью» ст-ние «Двойник». В основу ст-ния В. легла оккультная теория происхождения крови, пересказанная поэту А. Р. Минцловой (ок. 1860—1910?), переводчицей и теософкой, оказывавшей в то время сильное воздействие на духовное самоопределение В. «Она успела мне только сказать, что у крови есть связь с Сатурном, — писал В. Сабашниковой 12 нояб. 1906. — Она возникла — там. При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в той стихии, которая выработалась на этой планете. Кровь — трагедия Сатурна <...>. Кровь знает больше человека. От ужаса крови человек может умереть».

56. ВТ. 1908, № 3. - - Стих. Послано Вяч. Иванову из Москвы 30 апр. 1907. *Эртель* Михаил Александрович — историк, близкий к кругу символистов. В ст-нии изложена теософская кос-

могония. 6 апр. Минцлова писала В.: «Расскажите о „Сатурне“ <..>. о том Сатурне, где витали — не люди еще, нет! но призрако-люди <...>. На Сатурне человек был — звук». (См. также: Штейнер Р. Из летописи мира. М., 1914. С. 172—184).

57. Стих. - - И. Начато в конце 1906 (Тт-1). «Зрение и ощупь — трагедия Солнца», — эти слова Минцловой В. записал (в п. к Сабашниковой) 12 нояб. 1906. 10 апр. 1907 он обращался к Минцловой: «Напишите мне, сколько возможно, о возникновении стихий жизни на разных планетах. Сатурн — кровь и звук Солнце — зрение и ? Луна — под и ?» *Леман* Борис Алексеевич (1880—1945) — поэт и критик (псевдоним Б. Дикс), антропософ. Ст-ние было положено на музыку Ю. Ф. Львовой (п. к В. Н. К. Кедровой от 20 нояб. 1922).

58. ЗР. 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique» (древняя земля, фр.). - - Стих. А-ф в Тт-1 — под загл. «Пещера Нимф» (л.94). Ст-ние было послано Минцловой 10 апр. 1907 как «написанное в эти смутные дни ожидания» (вестей от Сабашниковой). Оно было навеяно, по словам В., трактатом античного философа-неоплатоника Порфирия (232/233 — между 301 и 304) «О пещере нимф». В. определил это сочинение как комментарий «к тем строкам „Одиссеи“, где описывается пещера на Итаке, куда был высажен феаками сонный Одиссей» (п. к М.С. Цетлин 15(2) сент. 1915). Здесь же В. пояснял: «Я долго колебался, прежде чем решил написать его. Но мне кажется, что эти темы, касающиеся тайны рождения <...>, могут и должны быть предметом поэзии, если они взяты достаточно глубоко». (Это оправдание, по-видимому, было вызвано реакцией Минцловой, 15 апр. 1907 писавшей В.: «Что-то душное, затхлое есть в этих стихах...»). *Соловьев* Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт-символист, критик, переводчик. Летом 1907 был в Коктебеле. *«Amori et dolori»*. В библиотеке В сохранилась книга о Венеции Мориса Барреса «Amori et dolori Sacrum» (P., 1902). *Сотов грани*. В статье о трагедии Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» («Русь». 1907, 14 июня) В. писал: «В образе пчелиных сот скрыт прообраз жизни: восковые личины преходящих форм исполнены вещим медом духа» (ЛТ-88. С. 435).

59—65. «Перевал». 1907, № 8/9, с прозаическим истолкованием цикла, озаглавленным «Крестный путь». - - Стих. Авторские датировки неточны: весь цикл был послан Петровой из Петербурга 17 дек. 1906. Фрагмент «Крестный путь» располагался в первой публикации между 3-м и 4-м ст-ниями:

«Семь ступеней крестного пути соответствуют семи ступеням христианского посвящения, символически воплощенного в архитектурных кристаллах готических соборов.

Мистический крестный путь начинается омовением ног. Поэтому в мозаиках, украшающих пол древних соборов, часто изображались сивиллы, сидящие над водой, или олени, пьющие из ключа.

Вторая ступень — бичевание. Это ощущение острой физической боли, сердца Богоматерей, пронзенные семью мечами скорбей.

Третья — алый свет — ощущение текущей крови — терновый венец. Четвертая — стигматы — знаки пригвождения на руках. Пятая ступень — это смерть на кресте. „Мировая душа распята на кресте мирового тела". Распятие — это символ божества, воплощающегося в материи. Символически сам человек с распростертыми руками являет крест. („Облеченный в крест тела своего").

Смерть — это экстаз, момент высшего восторга жизни.

Шестая ступень — погребение, причащение земле. Плоть, себя сознавшая, глаголящая и видящая, возвращается к темной и страдающей праматери.

Седьмая ступень — воскресение из мертвых».

В цикле отразились впечатления В. от Руанского собора, который он осматривал 24—25 (11—12) июля 1905 вместе с Минцловой (см. примеч. 55). О мистическом подъеме, испытанным им в эти дни, В. писал Сабашниковой 25 июля: «Что-то совершилось... Я никогда не испытывал такой радости, силы и уверенности. <...>. Не было земли, были только уступы, арки, пилястры, тонкие дуги, кружевные стрелки, которые, как музыка, плавным и властным порывом уносились в темное звездное небо. Они были все осыпаны, все сияли звездной пылью. Неподвижно расширяясь, подымаясь без движения. Точно у этих каменных глыб были птичьи крылья». Высоко оценил цикл Б. Леман, писавший: «М. Волошин единственный русский поэт, сумевший понять и передать нам сложное очарование готики и воплотить в русском стихе опьянение мистикой католицизма» (Книга. С. 368).

•1. Книга. Вар. — а-ф в Тт-1 (л. 72).

•2. И, без загл. Вар. — а-ф в Тт-1 (л. 71). *Роза* — круглое окно собора, расчлененное фигурным переплетом.

•3. И, без загл. Вар. — а-ф в Тт-1 (л. 70). *Кана* Галилейская — место, где совершилось первое чудо Иисуса Христа: претворение воды в вино на брачном пиршестве (Иоанн, II, 1—11).

•4. Книга. - - И, без загл. Первонач. набросок, вар. — а-фы в Тт-1 (л. 68, 69).

5. Книга, под загл. «На башне. Смерть».

•6. И, без загл. Вар. — а-ф в Тт-1 (л. 74).

7. И, без загл.

66. ВТ. 1908, № 2, под загл. «Гностический гимн». - - Книга. - - Стих. Авторская датировка неточна; еще 11 нояб. 1906 В. сообщил Брюсову: «„Гностический гимн Деве Марии" вышлю Вам на днях: не успел переписать» (ГБЛ, ф. 386, к. 80, ед. хр. 33); в тот же день В. читал ст-ние Минцловой: «Оно произвело на нее страшное впечатление. Она говорит, что оно совпадает почти дословно с тайной молитвой розенкрейцеров, известной только посвященным, которая начинается призывом — „Майа"» (п. В. к Сабашниковой от 12 нояб. 1906). С Вячеславом Ивановичем *Ивановым* (1866—1949) В. познакомился в Женеве в авг. 1904, особенно сблизился с ним в Петербурге в конце 1906 — начале 1907. *Мула-пракрити* (будд. миф.) — женское начало вселенной до ее проявления в мире явлений. *Парабрама,* Брама (будд. миф.) — высшее божество, первоисточник всего сущего. *Майя* —

см. примеч. 44. *Мара* (будд. миф.) — божество, олицетворяющее зло и все, что приводит к смерти. *Гермес* (греч. миф.) — вестник богов, обычно изображавшийся в сандалиях с крылышками, сын Зевса и нимфы гор Майи. Служил проводником душ умерших в Аид, его жезл усыплял людей (отсюда «вечер»). Ст-ние положено на музыку Ю. Ф. Львовой (сообщение А. А. Смольевского).

67—80. Стих. Киммерия — так В. называл восточный Крым, от Судака до Керчи, имея в виду киммерийцев, обитавших в этих местах в начале I тысячелетия до н.э. Название «Киммерийские сумерки» было предложено В. Вяч. Ивановым в п. от 3 мая 1907. 17 авг. 1907 Минцлова писала В.: «Что-то поразительное, страшное и прекрасное есть в Ваших „Киммерийских сумерках". И что-то несказанное чуется за этим... *Так* — еще не говорил никто, до Вас, об этой незнаемой, таинственной земле». В цикле отразилась душевная драма, пережитая В. после расставания с Сабашниковой. *Богаевский* Константин Федорович (1872—1943) — художник-феодосиец, друг В. Рисунками Богаевского иллюстрированы Стих.

1. Ил. прилож. к газ. «Русь». 1907, 6 февр., под загл. «Коктебель». - - Книга. - - Стих. - - И. А-ф — под загл. «Полынь (Коктебелю)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1). Авторская датировка неточна: ст-ние было послано Сабашниковой 14 дек 1906, Вяч. Иванову В. читал его 13 дек. *Я сам — уста твои.* Этот образ возник у В. еще в статье «Одилон Рэдон» («Весы». 1904, № 4): «Одилон Рэдон в его земном воплощении только иссохшие уста, через которые Вечность шепчет свои воспоминания» (ЛТ-88. С. 236).

***2.** ЗР. 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique». - - Стих. - - И. Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 7), а-ф в Тт-1 (л. 82 об.). Авторская помета под текстом не соответствует месту создания: ст-ние написано в поезде по пути из Москвы в Крым, послано Вяч. Иванову из Курска 22 марта. 1907. Положено на музыку А. А. Шеншиным (см. примеч. 25). О своем восприятии Коктебеля В. писал Сабашниковой 2 апр. 1907: «Коктебель для меня никогда не был радостен. Он всегда был горек и печален <...> Но каждый раз в этой горечи рождались новые ростки и новая жизнь, все перекипало, оседало, прояснялось в жизнь. Он моя горькая купель». *Дорогой скорбной.* В. часто, с гимназических лет, ходил в Коктебель из Феодосии пешком, через холмы Тепе-Оба и Биюк-Янышар.

***3.** ЗР. 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique». - - Стих. - - И. Первонач. набросок, вар. — а-фы в Тт-1 (л. 86 об., 88). Ст-ние написано архилоховой строфой (по имени Архилоха, греческого поэта VII в. до н. э.). 31 марта 1907 В. писал Сабашниковой: «Я теперь все делаю разные опыты с древними ритмами. Это очень интересно, но в начале страшно трудно». Положено на музыку А. А. Шеншиным (см. примеч. 25).

4. «Цветник Ор». Спб., 1907. - - Стих. - - И. Написано 4 апр. 1907; в п. к Сабашниковой от 5 апр. В. выражал свое удовлетворение, по-видимому, именно этим сонетом. В ст-нии описан

Карадаг — вулканический массив к юго-западу от Коктебеля (высшая точка — 576 м над уровнем моря).

*5. «Цветник Ор». Спб., 1907. - - Стих. Вар. — а-ф в Тт-1 (л. 89 об.), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 8). Написано 3 апр. 1907; в этот день В. сообщал Сабашниковой: «Сегодня <...> я написал сонет и послал его на открытке Вячеславу». *Божественный гонец* — Гермес (см. примеч. 66).

*6. ЗР. 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique». - - Стих. Первонач. ред. — а-ф в Тт-1 (л.98). Сонет был послан Вяч. Иванову 18 апр. 1907 — как «написанный сегодня». *Раскрыл златое око.* Этот же образ — в п. В. к Сабашниковой от 3 июля 1905: «День раскрывает свое око и сейчас же закрывает его». *Стань лилией долины.* Образ из библейской Книги «Песнь песней»: «Я нарцисс саронский, лилия долин!» (II, 1).

7. РМ. 1907, № 9. - - Книга. - - Стих. - - И. Послано Сабашниковой не ранее 20 июня 1907, как написанное «на днях». *Семизвездье* — скорее всего созвездие Большая Медведица.

*8. Стих. - - И. Вар. — а-ф в Тт-2 (л.9). *Mare Internum* — древнее название Средиземного моря, которое, по античным представлениям, омывало весь мир. *Кадикс* (Кадис, древний Гадес) — город в Испании на берегу Атлантического океана; согласно легенде, Геракл около Кадиса совершил свой десятый подвиг, водрузив по берегам пролива, в память своих странствий, две скалы.

9. РМ. 1907, № 9, без загл. - - Стих. - - И. Послано Сабашниковой в п. от 13 июля 1907. Эпиграф — неточная цитата из «Слова о полку Игореве». *Тутнуть* — стонать, гудеть. *Ардавда* (Ардабда) — древнее название Феодосии (видимо, аланское); В. считал, что киммерийское. *Корсунь* — русское название Херсонеса, греческой колонии на западном побережье Крыма. *Посурожье* — производное от древних славянских названий: город Сурож — ныне Судак, Сурожское море — Черное море. *Весть Стрибожью.* Стрибог — древнерусский бог ветра. *Обида вещая* — см. примеч. 48.

*10. ЗР. 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique». - - Стих. - - И, без загл. Ст-ние было начато в марте 1907 в Москве, закончено в мае (Тт-1). Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 14). В 1930 В. указывал, что сонет «был в свое время перепечатан в крымском журнале виноградарства» (см.: «Пейзажи Максимилиана Волошина». Л., 1970. С. 19); публ. не обнаружена. *Маслина* дикая — так в Крыму называют лох серебристый.

11. Стих. Было послано Н. С. Гумилеву с предложением ответить сонетом на эти же рифмы; около 20 мая 1909 тот выслал ответное ст-ние «Нежданно пал на наши рощи иней...». *Ассуры* (инд. миф.) — демоны; однако В. имеет в виду, по-видимому, Азуров теософии — духов тьмы (см.: Штейнер Р. Из летописи мира. М., 1914. С. 179—180).

12. Стих. Сонет построен на заданных рифмах. 1 мая 1909 Е. И. Дмитриева писала В.: «Вяч. Ив<анов> рассказал, что можно написать сонет и другой должен ответить, повторяя рифмы, но по возможности избегая в одной и той же катр<ене> одинаковых слов. <...>. Гумилев прислал мне сонет, и я ответила: посылаю на

Ваш суд. Пришлите и Вы мне сонет». К п. прилагались рукописи сонетов Гумилева («Тебе бродить по солнечным лугам...») и Дмитриевой («Закрыли путь к некошеным лугам...»). 13 мая, по получении сонета «Сехмет», Дмитриева писала В.: «Ваш сонет о „гиене" лучший из трех». *Сехмет* (егип. миф.) — богиня войны и палящего зноя, изображалась в виде женщины с головой львицы.

13. Стих. - - И. А-ф — под загл. «Грех (сонет)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 4). В Тт-2 датировано 30 авг. 1910 — с опиской в годе, т. к. находится среди текстов 1909. М. Шагинян увидела в ст-нии «душевную драму любви, трагическое разделение любящих в самый момент слияния, утрату истины любви — в ее земном завершении» («Приазовский край». 1919, 27 янв.). Ст-ние имеет в виду Е. И. Дмитриеву (ср. примеч. 25). *Как раненая львица.* Имеется в виду знаменитый рельеф из дворца Ашшурбанипала в Ниневии (VII в. до н.э., Куюнджик).

*14. Стих. - - И, без загл. Вар. — а-ф в Тт-2 (л.12). Мысль «сделать серию — Одиссей в Киммерии» В. высказывал в п. к Вяч. Иванову еще 18 апр. 1907. Подразумевается эпизод из путешествий Одиссея: «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков» (Гомер. «Одиссея». XI, 13—15; пер. В. А. Жуковского). *Л. Д. Зиновьева-Аннибал* (1866—1907) — писательница, жена Вяч. Иванова. Ст-ние датировано днем ее кончины, случившейся в Могилевской губернии. *Раиня* — ракита, южный тополь.

*81. «Русь». 1907, 25 дек. - - Стих. А-ф — под загл. «В пустыне вод», вар. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2); а-ф — под загл. «Пустыня вод» (там же, ед. хр. 90, л. 1). Написано, видимо, в начале 1904: в п. от 7 февр. 1904 мать поэта, Е. О. Кириенко-Волошина, сообщала ему свое мнение о ст-нии. *Как папоротник красный.* По народному поверью, папоротник цветет раз в году, в Иванову ночь (24 июня), кроваво-красным цветком.

82. «Остров». 1909, № 1. - - Стих. - - И. А-ф в Тт-2 — под загл. «Слезы Деметры» (л. 20); а-ф — под загл. «Бурный вечер» (ГБЛ, ф. 386, карт. 3, ед. хр. 8). Положено на музыку А. А. Шениным (см. примеч. 25).

83. «Остров». 1909, № 1. - - Стих. - - И.

84. Ч-Д. Т.3. Киев, 1908, под загл. «Осень». - - Стих. - - И. Авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 24, л. 12), с посвящ. П.С. Соловьевой (см. о ней следующее примеч.).

85. «Русь». 1908, 1 янв. - - Стих. - - И. *Соловьева* Поликсена Сергеевна (1867—1924) — поэтесса (псевдоним Allegro), имела в Коктебеле дачу. *Сын старший Хаоса* — солнце.

*86. Стих. - - И. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 23об.—24), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 3). Ст-ние было послано В. матери 2 янв. 1909 (20 дек. 1908) из Парижа — как написанное осенью, с признанием: «Эту осень у меня бывали моменты глубокой грусти». *Бальмонт* Екатерина Алексеевна (урожд. Андреева, 1867—1950) — переводчица, жена К. Д. Бальмонта. *Просторы мгновенья.* 9 авг. 1904 В. записал в дневнике: «Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход — в прошлое. Завесу будущего нам заказано поднимать. Кто подымет и увидит, тот умрет, т.е. лишится иллюзии свободы воли, которая есть жизнь». *Дарит смерть.* 13 июня 1904 В. записал в дневнике: «Смерть это радость — это высший подъем жизни». *Схима* — монашеский чин, налагающий особо строгие правила; здесь у В. — метафорическое обозначение неба.

IV. АЛТАРИ В ПУСТЫНЕ

Александре Васильевне Гольштейн

О замысле цикла В. писал И. Ф. Анненскому в начале июня 1909, — думая включить туда «стихи об Аполлоне». «Все эти стихотворения, — сообщал В. летом 1909 С. К. Маковскому, — я писал <...>, лишь стараясь постичь подлинный характер эллинского Аполлона» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 975). Определенный импульс могла дать ему картина Богаевского «Жертвенники» (1907), о которой поэт писал: «Дымами клубятся алтари над утренней землей. Я знаю эти плоскогорья-жертвенники. В Крыму, в пустынной области мертвых городов, воздвигших свои циклопические стены на высотах Чуфут-Кале и Тепе-Кермена, прозрел их Богаевский» (М. Волошин. Золотой век//«Русь». 1908, 24 фев.). В 1908 художник сделал в числе ил. к Стих. рисунок тушью «Алтари в пустыне». *А. В. Гольштейн* — см. примеч. 39.

*87. Стих. - - И. А-ф в Тт-2 — под загл. «Полдень», вар. (л. 39). *Ликей, Фойбос, Эойос* — эпитеты бога солнца Аполлона (греч. миф.): волчий, сияющий, заревой.

88. «Весы». 1909, № 10/11. - - Стих. - - И. Ст. 17 исправлен по смыслу; в печатном тексте явно не замеченная В. погрешность — перестановка имен греч. богинь, разрушающая мифологическую основу: «...в лоне Геры Геи ревностью глухой». *Вайи* (греч.) — пальмовые листья. *Зарный бог* — Аполлон. *Дельфуза,* иначе Дельфы, — город у подножья горы Парнас, где Аполлон убил дракона *Пифона* и основал свое святилище. *Зель* — молодая озимь, до колошения. *Кифаред* — эпитет Аполлона как мастера игры на кифаре.

*89. А. 1909, № 1. - - Стих. - - И. Вар. — а-ф в Тт-2 (л.32). *Дэлос* — остров в Эгейском море, на котором, согласно греч. миф., родился Аполлон. *Маковский* Сергей Константинович (1878—1962) — поэт и художественный критик, редактор А. *Сирос, Парос, Мирто, Наксос, Микон* — острова в Эгейском море *Вождь мгновений* — Аполлон. В авг. 1909. В. писал Анненскому: «...мне пришла в голову <...> связь одного из наименее определимых ликов Аполлона — вождя времени с парками, которые тоже так странно повторяют идею прошлого, настоящего и будущего» (Ежегодник на 1976 год. Л., 1978. С.251). Об Аполлоне как боге времени В. написал философско-лирическую статью «Horomedon» (ЗР. 1909, № 11/12). *Циклады* (Киклады) — группа островов Эгейского моря, в состав которых входит Делос. *Цинт* (Кинф) — гора на Делосе, у подножья которой находится храм Аполлона. *Фэб* — второе имя Аполлона (Блистающий).

90. Стих. Работая над ст-нием, В. использовал произв. Страбона, Демосфена, Еврипида; в Тт-2, в частности, выписано: «Дельфы — тяжелый воздух, насыщенный парами, тенистая долина. Звучное эхо Федриад повторяет малейший звук. (Логово змея). Здесь древний культ земли, ночи и Фемиды. Ручьи — как пчелы. Трещина Пифии — уста Земли. Белый камень означает пуп земли. Гроб Диониса. Дельфийский лавр у входа в пещеру». В п. к Анненскому (нач. июня 1909) В. писал: «Жалею, что не могу сейчас послать последнего стихотворения „Дельфы“, в котор<ом> не дописаны последние строки» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 307). *Федриады* — скалы у Дельф. *Зевсовы орлы.* Орел считался символом Зевса (греч. миф.). *Ископыть* — здесь: источник, выбитый ударом копыта.

91. Стих. - - И. В Тт-2 — последнее ст-ние за 1908 г. 8 янв. 1909 А. Н. Толстой писал В. о нем: «Стихи твои очень хороши, звучны и искренни, немного нехорошо, что повторяется „темным золотом“, а потом „белым золотом“». При публ. В. заменил второй из этих эпитетов на «беглым». Ст-ние, по-видимому, обращено к Сабашниковой (ср. с ее автохарактеристикой в ст-нии 48: «Среди живых я только тень»... и т. д.) *Гранатовое зерно,* данное Аидом Персефоне (греч. миф.; символизирует неразрывность брака), заставило ее вернуться в подземное царство. *Я солью в сосуде медном.* В. писал об этом четверостишии Ю. Л. Оболенской 15 окт. 1913: «Это почти точный перифраз неоплатоников (Порфирий...)» (см. об этом философе примеч. 58). В статье «Лики творчества. Федор Сологуб» («Русь». 1907, 14 июня) В. упоминает «желчь жизни и мед смерти» как «символы леонтинских мистерий» (ЛТ-88. С. 435. Имеются в виду тайные празднества античности в городе Леонтины на острове Сицилия).

92. А. 1909, № 1. - - Стих. Авторская датировка неточна: в Тт-2 работа над ст-нием относится к концу 1907. Здесь, в частности, записано: «Травы знают преступленья и не могут их сказать, кричат запахом. Вихри пыли стремятся к солнцу. В прахе страшные следы. В нас живет прерывистое дыхание мертвых» (л.26). «Истомленность, знойность и аромат изомлевших за день трав» В. находил в картине М. С. Чуйко «Лунная ночь» (п. к Сабашниковой от 2 окт. 1905).

93. «Русь». 1907, 25 дек. - - Стих. - - И. *Алкиан* (Альциона) — наиболее яркая звезда в скоплении *Плеяд*. Согласно немецкому астроному И.-Г. Медлеру (1794—1874), Альциона — центр, вокруг которого вращается вся наша звездная система. В биб-ке В. есть брошюра В.-Э. Мишле «Сердце Алкионы» («Le Coeur d'Alcyone». Paris, 1910), в которой дается теософское толкование мифа. Ст-ние было положено на музыку Ю. Ф. Львовой (см. примеч. 33) под загл. «Гимн пифагорейцев». В п. в ЦКУБУ (Центр. комиссию по улучшению быта ученых) от 12 нояб. 1924 В. указывал, что «Сердце мира...» было переведено на латинский язык (Н. Павлиновой) и «исполнялось как гимн в Индии». (В Тт-2 латинский текст вписан в 1916).

94. А. 1909, № 1. - - Стих. - - И. 3(16) февр. 1908 Сабашникова благодарила В. «за письмецо со стихами о звездах». В п. к Петровой от 17(4) нояб. 1908 В. просил разрешения посвятить ст-ние ей. *Великий Воз* — созвездие Возничего. *Хавон.* По-видимому, имеется в виду название Феодосии в древности (см.: Словарь Брокгауза-Ефрона. Т.82. С.918). 1(14) июля 1916 М. С. Цетлин недоумевал: «Что такое за „стены Хавона" в „Созвездьях"? Ни в одном словаре мы его не нашли». Ст-ние положено на музыку Ю. Ф. Львовой (см. примеч. 66).

***95.** Стих. - - И. Первонач. ред. — а-ф в Тт-2 (л. 40об.). Перекличка с идеями В. С. Соловьева о Вечной Женственности. Сходные мотивы — в раннем ст-нии В. «Истина» («Русь». 1905, 1 янв.), в рукописи также называвшемся «Она». *От Гималайских ступеней.* Находясь в 1900 в Средней Азии, В. писал матери: «Не отправиться ли мне пешком через Памир и Гималаи в Индию?». *На знойных улицах Севильи.* Религиозную процессию со статуей Богоматери, увиденную в Севилье (в 1901), В. описал в статье «Театр — сонное видение» («Русь». 1906, 9 дек.).

96—110. Стих. - - И. Один из первых в России венок сонетов: цикл из 14 сонетов, сплетенных в единое целое, благодаря повторяющимся строкам, образующим ключевой 15-й сонет-магистрал. В. считал венок программным произведением: «Мое отно-

шение к миру: см. „Corona Astralis“», — отмечал он в «Автобиографии» (Воспоминания. С. 39). В переводе названия могут быть два толкования: «звездная корона» и «астральная корона»; В., по-видимому, предпочитал второе (см. авторское предисл., с. 563). В венке выражено эзотерическое (тайное, понятное лишь посвященным) восприятие мира, сложившееся у В. благодаря его занятиям оккультизмом. В теософии «астральный мир» противопоставлен материальному (физическому) как невидимый и относящийся «к миру страстей». Б. Леман писал В. о «Короне»: «Она в стиле средневековой энциклопедии какого-нибудь монаха, вроде Бёме, где есть и мифы, и естеств<енные> науки, и искусство, и все пронизано одной мистической нотой» (п. Лемана к В. б. д. /ПД, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 777). Есть сведения, что венок «имел большое влияние» на композитора А. Н. Скрябина «в последний год его творчества» (п. В. к Н. К. Кедровой от 25 февр. 1923). *Е. И. Дмитриева* — см. примеч. 25.

1. *По путям парабол безвозвратных.* Большинство комет, приблизившись к солнцу, затем навсегда удаляются по разомкнутой кривой — параболе.

*2. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 44). *Сзади наша Троя.* Здесь параллель с судьбой Энея, после разрушения Трои отплывшего со своими спутниками на поиски нового пристанища.

5. *Пелид* — сын Пелея Ахилл, герой «Илиады».

8. *У птиц — гнездо.* Восходит к тексту Евангелия: «Лисицы имеют норы и птицы гнезда, а Сын человеческий не имеет, где преклонить голову» (Матф. VIII, 20).

9. *Праматерь-ночь.* У греков Никта, персонификация ночи, была дочерью Хаоса, одной из форм первобытия. *Тому, кто в тьму* и т.д. Стрелы Аполлона (солнечные лучи) могли быть причиной слепоты, но «тьма» — это и подземное царство мертвых.

10. *Видны края расписанной гробницы.* Имеются в виду росписи гробниц древнего Египта. В. видел их в зале «Мастаба» в Лувре, о котором писал 19(6) июля 1906 Сабашниковой: «Там собрано все, что есть лучшего из Египта. Это гениальная зала. <...> Это гробница — внутренность гробницы, покрытая барельефами. <...> Какие фигуры! Какие рисунки!» *Себя забывший бог.* Цитата из ст-ния В. С. Соловьева, начинающегося словами: «Бескрылый дух, землею полоненный, Себя забывший и забытый бог...» (1883).

11. *Он тот, кому погибель не дана.* Имеется в виду Агасфер («Вечный Жид»), обреченный скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа.

12. *Изиды пелена* — смерть. *Оцет* — уксус. Намек на страдания распятого Христа, которому вместо воды поднесли губку, смоченную уксусом.

КНИГА ВТОРАЯ
SELVA OSCURA
Лирика 1910—1914

В начале 1920-х В. писал: «Книга „Selva Oscura" включает в себя лирические стихи, написанные в 1910—1914 гг., являясь естественным продолжением первой книги лирики (1900—1910). Война и Революция помешали ей выйти отдельной книгой в свое время, но отдельные стихотворения ее вошли в сборник моих избранных стихотворений „Иверни" (1919 г.). С начала войны я уже не писал больше чистой лирики, но несколько стихотворений, дописанных в последующие годы, включены мною в эту же книгу» (Предисловие к книге//ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 140, л. 2). Сборник должен был выйти в Госиздате в 1923 (анонс появился в «Известиях» 5 сент. 1922) и включал 80 ст-ний. Однако 4 июня 1923 С. Я. Парнок, которая вела в Москве дела по изданию этой книги, сообщила Волошину, что «теперь Госиздат требует „советской ориентации"» и поэтому сборник лирики отклонен. Текст книги «Selva oscura. Лирика 1910—1914» печатается по авторизованной машинописи (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 140).

I. БЛУЖДАНИЯ.

В «Автобиографии» (1925) В. определил как «блуждания» период 1905—1912.

***111.** «Весенний салон поэтов». М., 1918. - - И. - - «Камена». Х., 1918, № 1. Дата — в Тт-2 (л. 58об.). Первонач. ред. — а-ф в Тт-2 (л. 52об.). *Я стал строками книги.* Имеется в виду выход из печати Стих. Обращено к Е. И. Дмитриевой (см. примеч. 25).

112. Стих. Обращено к Дмитриевой (см. примеч. 25), в отношении которой к В. в этот период произошло сильное охлаждение. 19 янв. она писала ему: «...не хочу видеть тебя, п. ч. боюсь, мне очень больно уходить от тебя каждый раз. А нужно».

113. И. А-ф — под загл. «Разлука» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 7). Дата — в Тт-2 (л. 60об.). Обращено к Дмитриевой (см. примеч. 25). *Напрасно обоюдоострый меч.* Средневековый обычай брака «по представительству» у немецких князей, при котором посол жениха ложился в постель с невестой с обнаженным мечом между ними.

114. «Радуга». Киев, 1982, № 10. - - СиП-1. А-ф — под загл. «Amor fati» (любовь к судьбе, лат. — термин стоицизма, использованный Ф. Ницше). Обращено к Дмитриевой (см. примеч. 25). Летом 1909 она рассказывала В. в Коктебеле: «Мне было 13 лет, когда в мою жизнь вошел тот человек. <...> Да, Макс, это было... Он взял меня» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 442, л. 80). 15 марта 1910, получив ст-ние В., она писала ему: «Макс, я хочу, чтоб ты из своего „Amor fati" вычеркнул „Тринадцать лет" — я тебя очень прошу». В. снял слова «в 13 лет», которыми сначала заканчивалась 1-я строка («С тех пор как тяжкий жернов в 13 лет...»).

115. И. Дата — в Тт-2 (л. 53). Обращено к Дмитриевой (см примеч. 25). *И буду ждать.* Перед отъездом В. из Петербурга (4 февр.) Дмитриева писала ему: «Не знаю, когда приду, только ты жди меня».

***116.** «Gaudeamus». 1911, № 1. - - И. Первонач. набросок — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 6); вар. — а-ф в Тт-2 (л.52). Обращено к Дмитриевой (см. примеч. 25). *И в кровь вино не претворилось.* Намек на церковный обряд причащения.

117. «Ветвь. Сб. клуба московских писателей». М., 1917. - - И. Обращено, по-видимому, к М. И. Цветаевой; в воспоминаниях «Живое о живом» она описывала такой эпизод при первом визите В.: «Сидим, он на диване, я на валике (я — выше), гадаем, то есть глядим: он мне в ладонь, я ему в темя...» (Цветаева М. Сочинения: В 2-х т. М., 1980. Т. 2. С. 196). В. увлеченно занимался хиромантией; 22 дек. 1913 он писал Е. Я. Эфрон: «Занятие хиромантией очень одобряю. <...>. Теорию нужно знать, конечно, но главное — практика и умение говорить» (ЦГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 43). Ср. ст-ние 119. *Венерино кольцо* — термин хиромантии, линия, характеризующая темперамент человека.

***118.** БВ. 1915, 5 мая, под загл. «Встречной». - - И. Вар. — черн. а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 29). Ст-ние может быть соотнесено с Минцловой (см. примеч. 55), предсказаниям которой В. поначалу гипнотически верил, но затем все чаще вынужден был разочаровываться.

***119.** И. Дата, вар. — а-ф в Тт-2 (л. 86об.). *В знаках четных.* Здесь перекличка с толкованием «нечетности» в диалоге Платона «Федон».

120. А. 1915, № 4/5, под загл. «Венчание». - - И. Дата — в Тт-2 (л. 96об.). *Возносящиеся ступени.* В. имеет в виду видение праотца Иакова: лестницу к небу, символ восхождения к Богу (Бытие, XXVIII, 12).

***121.** СиП-1. Первонач. ред. — а-ф в Тт-2 (л. 109об., дата: 9.II.1915), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 11); а-ф под загл. «Персей и Андромеда» (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 127). Возможна и связь с сюжетом оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин», написанной по мотивам средневекового сказания: рыцарь Лоэнгрин приплывает в ладье, влекомой лебедем, из замка Грааль на защиту Эльзы Брабантской.

122. Стих-77. Дата — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 7). Написано в состязании с Бальмонтом (на тему «отражения»). Впоследствии В. вспоминал: «Иногда с утра <мы> оба садились за стихи на темы, которые сами себе задавали. ... В этих состязаниях мы ободряли и поддерживали друг друга» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445, л. 97об.).

123. А. 1915, № 4/5, под загл. «Усталость». - - И. Дата — в Тт-2 (л. 96 об.). Отражение того «остракизма», которому В. был подвергнут после его выступления с критикой картины И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». (См.: Волошин М. О самом себе//Воспоминания. С. 42). Нашла здесь отражение и усталость от летнего «людоворота» в Коктебеле. *И я спешу, смущаясь, мимо.* Перекличка с лермонтовским ст-нием «Пророк».

124. «Черноморский альманах». Новороссийск. 1914, № 1. С.29. - - А. 1915, № 4/5, под загл. «Странник». - - И. Дата — в Тт-2 (л. 87). Толчком для создания ст-ния явилась притча Платона «о юноше, в раннем детстве похищенном разбойниками» (см.: Платон. Государство//Сочинения: В 3-х т. М., 1971. Т.3. С.350—351). «И он, выросши, идет из края в край, и от шатра к шатру, в поисках своих родителей, — писал В. 9 дек. 1930 К. М. Добраницкому. — И люди его принимают <...>, но он, который помнит о своей семье только одно, что все там были счастливы и мудры, увидав их житейские недостатки, сам покидает их и идет по свету дальше искать своего отца и свою семью, без удовлетворения и без достижения».

125. ВТ. 1916, № 10, под загл. «К Невидимому Граду». - - Норд. Баку, 1926. С. 288. В Тт-2 — первое ст-ние за 1910 г. *Невидимый град* — вряд ли град Китеж (см.: Стих-77. С. 410), скорее, речь о том «внутреннем граде», который В. позднее упомянул в ст-нии 225. *Учись внимать.* В тетради тезисных выписок из трудов по оккультизму у В. записано: «Нужно научиться сосредоточивать свое внимание одновременно на внешнем явлении и на внутреннем <...>. Надо учиться различать звуки, исходящие от вещей бездушных» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459).

126. Альм. «Стремнины», № 2. М., 1918. - - И. Дата — в Тт-2 (л. 91). *И на меня из влажной бездны плыли.* Ср. ст-ние Тютчева «Как океан объемлет шар земной...».

***127.** МГ. 1911, 6 сент. - - И. Начато летом 1909 (Тт-2). Дата, вар. — а-ф в Тт-2 (л. 57); вар. — а-ф (воспроизведен в: СиП-1. С. 455). *Мне враждебны рабыни Смертно-влажной Луны* — т. е. женщины. В древних мифах (Египет, Китай) луна, в противоположность солнцу, является женским началом — пассивным, темным, влажным. В 1910 В. вписал в Тт-2 некий гимн Луне: «Богиня всего влажного!.. Женщины в родах призывают твое имя!» См. далее ст-ние 182—196 (5).

***128.** РЛ. 1977, № 3. Вар. (автограф) — на обороте фотографии В. (Спб., фотограф Денар), ДМВ. Датировка — по Тт-2 (л. 51об.), где ст-ние посвящено А. Н. Толстому. Знакомство В. с ним (быстро перешедшее в дружбу) состоялось в 1908 в Париже (о взаимоотношениях их см.: «Литературное обозрение». 1983, № 1. С. 107—108). Ст-ние написано под воздействием оккультных теорий о постепенном создании человеческого тела (состоящего из физического, эфирного и астрального планов) на других пла-

нетах, с участием Духов Огня. Среди записей В. на эту тему находим такие: «Наше тело — это наша карма, закристаллизовавшаяся и оформленная. <...>. Слой огня — воля и импульс. <...>. Человек строит тело как минерал» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459).

129—131. СиП-1.

1. Куприянов И. Судьба поэта. Киев, 1978. С.105. Надпись на сб. Стих., подаренном Вяч. Иванову, сделанная В. 7 марта 1910 (ГБЛ, отдел редкой книги); а-ф в Тт-2 — с той же датировкой (л. 60об.). 9 апр. Иванов благодарил В. за книгу, добавляя: «И один из двух голосов твоей души благодарю я, за произнесенное им слово „любовь“. Другому же голосу говорю: „да не будет!“».

***2.** Обращено к Е. И. Дмитриевой (см. примеч. 25); а-ф в Тт-2 — вар., помета «Лиле» (л. 52 об.).

3. Современные записки. Париж. Кн. 52. 1933, в эссе М. Цветаевой «Живое о живом». Обращено к Лидии Павловне Брюлловой (1886—1954, в замуж. Владимирова), подруге Дмитриевой. А-ф — в Тт-2, с пометой: «Лиде Брюл<ловой>» (л. 52 об.).

132. БВ. 1915, 5 апр., под загл. «Путями усталости». - - И. Дата — в Тт-2 (л. 29). Выражение, ставшее первоначальным загл. ст-ния, находим в эпиграфе к «Повести о странствиях блудной души» И. Эренбурга (посвященной М. А. Волошину): «Брама сказал: „Одни придут ко мне путями подвига, другие путями страсти, а третьи путями усталости“. Тихо улыбнувшись, еще сказал Брама. „И путями усталости придут все“. Индусская легенда» (Эренбург И. Стихи о канунах. М., 1916. С. 102). Написано под влиянием идей «Бхагавадгиты» — философской поэмы, входящей в 6-ю книгу индийского эпоса «Махабхарата». *Быть всей душой в борьбе.* Завет Кришны царевичу Арджуне перед битвой; цитируется В. (в его пер. с фр.) в статье «Откровения детских игр» (см.: ЛТ-88. С.497). *Нерастворимо в смерти «Я».* Индийская идея перевоплощения (реинкарнации), изложенная и в «Бхагавадгите» (в записи В.): «Тленное тело рождается от Вечной Души, не уничтожаемой, бессмертной. Тот, кто мнит, что она убивает или что она м. б. убита, ошибается: она не убивает, она не может быть убита» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4).

133. БВ. 1915, 25 дек., под загл. «Грехопадение». - - И. В основе ст-ния теософские идеи. В тетради выписок В. они сформулированы: «Дух должен пройти через грехопадение. Духовное существо, как говорит Гете, должно быть помрачено и ограничено. Это необходимо для полного вочеловеченья» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4). В п. к Е. П. Орловой от 26 янв. 1918 В. так трактовал эту идею: «Не надо отрицать — надо понять смысл плоти. Ради нее мы воплощены. Не отрицать, не презирать, а собою ее преобразить, просветить, спасти. Не бежать от греха и порока, а идти ему навстречу в самом себе, побеждать не отрицанием, а любовью».

134. И. Даты — в Тт-2: 12.IX.1915 (л. 129); 13.IX.1915 (л.131); а-ф: 13.IX.1915 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 38, л. 9). Ва-

риант загл.: «Пещера нимф» (Тт-2, л.131). Так же, как в ст-нии 58 (см. примеч.), В. отталкивается здесь от трактата Порфирия и дает антропософское толкование деторождения. 28 марта 1907 В. писал Сабашниковой: «Дух должен причаститься плоти <...>. Надо войти в таинственную Пещеру Нимф, где водные нимфы ткут пурпурную пряжу жизни, где один вход для богов и один выход для людей. Это святая пещера зачатий». В п. к М. С. Цетлин 15(2) сент. 1915 В. пояснял: «Мне кажется, что в мировой гармонии у чувственности — явления по самому существу противоположному любви, нет иного объяснения, кроме того, что так в нашем мире проявляется чье-то желание воплощения».

135. ВРХД. 1977, № 120. Вариант строфы 1 занесен в Тт-2 в конце 1912. Дата — в Тт-2 (л. 152об.—153). Толчком к написанию ст-ния послужил сон Е. О. Кириенко-Волошиной, рассказанный ею сыну в п. от 27 июня 1915. «Она видела, что она будто меня настойчиво спрашивает: „Макс, скажи мне свое имя?.. имя?..“ — писал В. 9 сент. (27 авг.) 1915 Ю. Л. Оболенской. — Спрашивает много раз, с отчаянием. А я молчу». 16(3) авг. 1915 В. писал Петровой, что этот сон «даже не символичен, а вполне реален. Это общая формула всей жизни и всех наших отношений». Посылая ст-ние 17 июля 1917 Петровой, В. писал: «Я очень стою за него: оно образует параллель „Пещере“».

***136.** И. Датировка — по Тт-2. Первонач. ред. — черн. а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 10-10об.); вар. — а-ф в Тт-2 (л. 75). *И дух мой незрячий.* Переехав из Москвы в Коктебель в 1893, шестнадцати лет, В. поначалу «видел только скупость и скудость природы и красок». «А их необыкновенная выразительность и элегантность для меня оставалась недоступной», — вспоминал он в 1932 (Путник по вселенным. С. 239). *Пламя, тоскующее в раздельности тел.* Намек на притчу Платона о разделении людей Зевсом на две половины, которые затем ищут друг друга (Пир//Платон. Сочинения: В 3-х т. М., 1970. Т. 2. С. 116—118). *Я никогда не нарушил* и т. д. — Возможно, отражение высказывания Сабашниковой о Р. Штейнере: «Он единственный, может быть, не тронет, не помнет нежного растения души» (п. к В. от 4 дек. 1908).

***137.** А. 1915, № 4/5, под загл. «Благодарность». - - И. Дата и вар. — СиП-2. А-ф в Тт-2 (л. 65).

II. КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА

Впервые цикл под этим загл. (из 7 ст-ний) — в Антологии (№ 138—143, 311).

138. Антология. - - И. Дата — в Тт-2 (л. 56).

139. Антология. - - И. Начало работы — 1909 (Тт-2). Ст-ние написано алкеевой строфой. 4 мая 1910 В. писал А. М. Пешковскому: «Я, когда уехал из Москвы после нашего разговора, целый

месяц выстукивал в уме алкееву строфу и сделал потом несколько опытов».

140. Антология. - - И. Начало работы — конец 1909 (Тт-2).

***141.** Антология. - - ВТ. 1916, № 10, под загл. «Солнце». - - И. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 56).

***142.** Антология. - - И. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 57). *Введение Весны.* Сопоставление с праздником Введения во храм Богородицы. *Как семисвечник.* См. примеч. 9—19(1).

143. Антология. - - И. Начато в 1908 (Тт-2). *Киик-Атлама* — мыс, замыкающий Коктебельскую бухту с востока.

144. РЛ. 1977, № 3. Дата — в Тт-2 (л. 91). *Гамадриады* (греч. миф.) — нимфы деревьев, которые, в отличие от дриад, рождаются и гибнут вместе с деревом. Образ взят из записей фр. прозаика Барбе д'Оревильи (1808—1889): «Вчера и позавчера — проливные ливни и безумные порывы ветра. Природа похожа на кричащую гамадриаду» (тетрадь выписок В.).

145. Альм. «Свиток». М., 1922, № 2. Дата — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 115, л. 1). Положено на музыку А. А. Шеншиным (см. примеч. 25).

146. Альм. «Сполохи». Б., 1922, № 4 (февр.) - - Альм. «Возрождение». М., 1922. Т.1. - - Альм. «Свиток». 1926, № 4. А-ф под загл. «В степи» (ГЛМ, оф. 4701/14.216). Дата — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6; ед. хр. 115, л. 1об.).

147. Альм. «Стремнины». М., 1918, № 2. - - И. Начало работы — 1912, затем — лето 1913 (Тт-2).

***148.** ВТ. 1916, № 10, под загл. «Закат». - - И. Начато в 1911, закончено в 1913 (Тт-2, л. 88 — вар.).

149. Альм. «Стремнины». М., 1918, № 2. Начато в 1916 (Тт-2). Дата — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6). 7 июля 1917 В. писал Петровой, что ст-ние «задумано чисто музыкально». *Спутники стремительно бегут.* Видимый диск Юпитера имеет форму эллипса; попадая в конус тени, отбрасываемый планетой, спутники затмеваются. *Змеею препояшу.* Имеется в виду, по-видимому, теософское понятие «кундалини»: «электроспиритуальная сила», располагающаяся кольцеобразно в теле йога, ниже пояса. *Чашу, Переполненную светами.* В статье «Лики творчества Ф. Сологуб. „Дар мудрых пчел“» («Русь». 1907, 14 июня) встречается этот образ: «...Лаодамия умирает. Она сама несет Персефоне глубокую восковую чашу, полную вином и медом — себя» (ЛТ-88. С. 437).

150—151. Лит. прилож. к «Накануне». 1923, 28 янв.

1. Лит. прилож. к «Накануне». 1923, 28 янв. Дата — в Тт-2 (л. 185об.). *Самофракийская Победа* — античная статуя богини победы Нике, найденная при раскопках на острове Самофракия в Эгейском море. На одном из а-фов ст-ния — примеч. В.: «Без головы и без рук — один смерч клубящихся складок, Ника из Самофракии является одним из гениальнейших памятников эллинского искусства. Находится в Лувре на лестнице Дарю». В древности эта статуя стояла под открытым небом, в нише, вырубленной для нее в скале. Положено на музыку А. А. Шеншиным (см. примеч. 25).

2. «Южный альманах». Смф., 1922, № 1. Начато в 1913, продолжено в 1915 (Тт-2). Дата — в Тт-2 (л. 186). *Окаменелых Керубу.* Имеются в виду херувимы — ангелоподобные существа-стражи. В статье «Константин Богаевский» (А. 1912, № 6) В. писал: «На базальтовых стенах Карадага, нависших над морем, можно видеть окаменевшее сложное шестикрылье Херубу, сохранившее формы своих лучистых перьев» (ЛТ-88. С. 316). *Вход в Аид.* Так В. называл Ревущий грот в обрыве Карадага.

152. Альм. «Парус». Х., 1919, № 1, под загл. «Коктебель». - - «Свиток», 1922, № 2, под загл. «Киммерия». - - «Выставка акварелей М. А. Волошина (Каталог)». М., 1927. Начато в 1917 (Тт-2). Авт. маш. — под загл. «Киммерия» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6). Дата — а-ф в Тт-2 (л. 185, под загл. «Киммерия»). *С тех пор как отроком* и т.д. В автобиографии (1909) В. определил: «Коктебель — самое ценное и важное на всю жизнь» (Книга), а в «Автобиографии» (1925) уточнял: «Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его красоту и единственность» (Воспоминания. С. 37). *Изваян профиль мой!* Наблюдаемый из Коктебеля южный склон горы Кок-Кая на Карадаге, обращенный к морю, напоминает очертания профиля В. Ст-ние было прочитано на похоронах В. 12 авг. 1932 на вершине хребта Кучук-Янышар.

153. «Мир искусства» (каталог). М., 1916. - - «Стремнины». М., 1918, № 2, под загл. «Города в пустыне». - - И, под тем же загл. Дата — а-ф в Тт-2 (л. 139об., под загл. «Города в пустыне»), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 40; под загл.: «Города в пустыне. Венок сонетов»). Ст-ние осмыслялось В. как магистрал к ненаписанному венку сонетов. В 1916 В. создал серию пейзажей «Города в пустыне», каждый из которых был подписан строкой из сонета. Серия была в том же году на выставке «Мир искусства» в Москве.

***154.** «Сполохи». Б. 1922, № 6. - - Лит. прилож. к «Накануне». 1923, 20 янв. Вар. — а-ф 1, 22 в Тт-3 (лл. 45, 50); «Сполохи» (авт. маш.//ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 116, л. 2—2об.). Некоторые строки ст-ния записаны в 1910 и 1912 (Тт-2). Дата — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6—6об.; ед. хр. 116,

л. 2—2об.). О своем восприятии Средней Азии В. писал в апр 1919: «Мне было дано почувствовать в пустыне материнство Азии. Европа — кактус среди пустыни (Азии)». *Откуда некогда, бушуя.* 23 окт. 1900 В. писал Я. А. Глотову о «центре Азии» — «котле, где кипела всегда народная буря, выбрасывавшая свою пену до самых отдаленных стран запада и затоплявшая своим внезапным разливом обширные низменности Восточной Европы». *Во след пылающим столпам.* Намек на чудесный огненный столп, ночами указывавший путь «сынам Израиля» во время исхода из Египта (Исход, XIII, 21—22).

155. «Новые стихи». М., 1927. Сб. 2. Отдельные строки записаны в 1921 и 1923. Дата — а-ф в Тт-3 (л. 144; там же — первонач. вар. ст. 1): «Так... обнаженный — склонись на четыре». См. также примеч. 157. В очерке «О самом себе» (1930) В. приводил это ст-ние для характеристики своих пейзажей восточного Крыма (Воспоминания. С. 46). *Выйди на кровлю.* Здесь перекличка с характеристикой Верхарна, данной Реми де Гурмоном: «Он выходит на крышу своего дома и посылает проклятия на четыре стороны света» (приведено В. в тексте его лекции о Верхарне (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 316)). Плоская площадка на крыше дома В. — «вышка» — служила поэту и для «поклонения солнцу»: ежеутреннему медитативному приветствию наступающему дню.

156. В кн.: Лесина Н. Планерское. Смф., 1969. Дата — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 48, л. 5—7), а-ф в Тт-3 (л. 162об.; там же — первонач. вар. ст. 1: «Здесь был по картам Тавро-Скифский порт»). *Каллиера* — венецианская гавань в восточном Крыму, основанная на месте древнего «порта тавро-скифов» (в XIV в.); впервые упоминается в 1358. Вскоре перешла в руки генуэзцев; на ит. морских картах-портоланах отмечалась в 1367, 1480, 1487, 1497, 1514, 1570. Сергей Васильевич *Шервинский* (1892—1991) — переводчик, поэт; жил в доме В. летом 1924—1926 и 1928. *Остатки мола.* При подводных исследованиях Р. А. Орбели в 1939 в Коктебельской бухте действительно был обнаружен фундамент средневекового гидротехнического сооружения. *Амфоры* и *пифосы* — античные керамические сосуды, выделывавшиеся в Крыму также и в средние века. *Разливом диких орд.* Средневековый город на плато Тепсень близ Коктебеля был разрушен в XIII в. при нашествии печенегов. *«Иссыпанная Корона»* — скала в северо-западной части Тепсеня, по-болгарски — Исипана Карана. Взорвана на щебень в 1961.

157. День поэзии в Крыму. Смф., 1965. Дата — а-ф в Тт-3 (л. 162 об.), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 48, л. 7). 9 дек. 1926 В. отправил это ст-ние и ст-ние 155 А. П. Остроумовой-Лебедевой, сообщив ей: «Посылаю 2 маленьких стихотворения о Коктебеле, написавшихся после стольких лет лирического молчания».

III. ОБЛИКИ

В., будучи живописцем, всегда внимательно всматривался в лица людей. В 1913 он предлагал Ю. Л. Оболенской «сажать натуру и писать стихотворные портреты», — отмечая в ее стихах «то, что утеряно, — способность характеристики». В 1911 им был задуман цикл «Портреты женщин» (Тт-2). Впервые цикл под загл. «Облики» (из 8 ст-ний) был послан С. М. Маковскому 22 июня 1916. Цикл «Облики» в составе 4-х ст-ний (№ 172—174, 176) опубликован в РМ (1917, № 11/12), в составе 4-х других ст-ний (№ 117, 163, 166, 168) — в альм. «Ветвь» (М., 1917), в составе 6-ти ст-ний (№ 158, 160—162, 164, 165) — в альм. «Творчество» (кн. 2. М.; Пг., 1918). Несмотря на критическое в целом отношение к поэзии В., И. А. Бунин признавал: «Удаются ему и портреты» (В кн.: «Устами Буниных». Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. С. 311).

158. A Book of homage to Shakespeare. London—Oxford, 1916, под загл. «Portia» (Порция, героиня пьесы Шекспира «Венецианский купец»). Приводится также пер. на английский язык, выполненный Невилом Форбсом. - - Альм. «Творчество». Кн. 2. М.; Пг., 1918. - - И. Дата — а-ф в Тт-2 (л. 86). Сб. «A Book of homage to Shakespeare» был издан к 300-летию со дня смерти (27 апр. 1616) В. Шекспира. Предложение участвовать в нем В. получил в Париже от шекспироведа И. Голланса (в п. от 19(6) февр. 1916), с условием присылки произв. не позже 20 марта. 28(15) дек. 1916 М. О. Цетлин сообщал В. о публ. в этом сб. его «поддельной „Порции“». Начато в конце 1912 (Тт-2).

159. Альм. «На рассвете». Казань. 1910, кн. 1, под загл. «Черубине де Габриак». - - И. Дата — а-ф в Тт-2 (л. 56, под загл. «Черубине де Габриак»). Обращено к Е. И. Дмитриевой (см. примеч. 25). Об интерьере, описываемом в ст-нии, Дмитриева писала 26 марта 1922 Е. Я. Архиппову из Екатеринодара: «Скучаю о моей комнате в Петербурге, затянутой темно-лиловыми розами, о бюсте Данте из мрамора, о старинной, затканной жемчугом иконе „Всех Скорбящих“, о гравюре XVI в. — св. Терезе, о письменном столе красного дерева и темном фиалковом кресле» (ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 22). *Содома* (Джованни Антонио Бацци, 1477—1549) — ит. живописец сиенской школы. *Змийность уст у женщин Леонардо.* В статье «Гений головокружения» (МГ. 1911, 2 окт.) В. писал об улыбке Джоконды как об одной «из тех сложных улыбок», что «скрывают целую формулу человеческого духа».

160. Альм. «Творчество». Кн. 2. М.; Пг., 1918. - - И. Датировка — по Тт-2. А-ф — под загл. «Сонет о Монтичелли» (Тт-2, л. 75об.). *Монтичелли* Адольф (1824—1886) — фр. художник. В статье «Москва. Выставки» («Русская художественная летопись». 1911, № 1. С. 29) В. назвал творчество Монтичелли «высочайшим достижением нашего времени в области пышности красок». *Андрогина,* андрогин — двуполое существо. *Куперен* Франсуа (1668—1733) и *Рамо* Филипп (1683—1764) — фр. композиторы, органи-

сты. Любимые композиторы В. *На барке у Ватто.* Имеется в виду картина фр. художника А. Ватто «Паломничество на остров Цитеру» (1717).

161. Альм. «Творчество». Кн. 2. М.; Пг., 1918. - - И. Начало работы — февр. 1911 (Тт-2); дата — а-ф в Тт-2 (л.140). Обращено к Татьяне Давидовне Цемах (1890 — ок. 1943), бактериологу, сотруднице Карадагской биологической станции и поэтессе (псевдоним Татида). *Клинок невидимой секиры.* Намек на библейское предание о Юдифи.

162. Альм. «Творчество». Кн. 2. М.; Пг., 1918. - - И. А-ф — под загл. «Зов» (ГБЛ, ф. 1, карт. 2, ед. хр. 12). Датировка — по Тт-2 (л.140).

*163. Альм. «Ветвь». М., 1917. - - И. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 100об.—101). Датировка — по Тт-2.

164. Альм. «Творчество». Кн. 2. М.; Пг., 1918. - - И. Дата — а-ф в Тт-2 (л. 76об.). В машинописи ст-ния (ДМВ) имеются инициалы посвящ.: «Н.В.М.». По-видимому, они означают (с опиской в одном из инициалов) Наталью Алексеевну Милюкову — танцовщицу, с которой В. встречался в Париже зимой 1911—1912 гг. 22 сент. 1912 она писала В. из Москвы: «Добрые семена и советы, что Вы сеяли в душе Ваших маленьких парижских подруг, не пропали даром! По крайней мере, в душе „девочки-старушки“ они пустили глубокие корни». Н. А. Милюковой посвятил ст-ние (янв. 1912) И. Г. Эренбург: «Твои манеры милой тетки...». В нем он замечал: «Как странно встретить у ребенка, В минуту тихого мечтанья, Какой-то след усмешки тонкой Непоправимого познанья!..» (Эренбург И. Стихотворения. Л., 1977. С. 66. Б-ка поэта БС).

165. Альм. «Творчество». Кн. 2. М.; Пг., 1918. - - И. Датировка — по Тт-2. По-видимому, поэтический портрет А. Р. Минцловой (см. примеч. 55). Будучи близорукой, Минцлова плохо различала лица людей, но, по ее словам, видела «с ними рядом сияние» разного цвета (запись В. в дневнике 18 июля 1905). В дек. 1910, сообщая о ее таинственном исчезновении (4 месяца назад), М. В. Сабашникова писала В.: «Она уже часто последнее время при разлуке прощалась навсегда, говоря о смерти. <...>. Это было очень большое, очень светлое явление, несмотря на все».

166. Альм. «Ветвь». М., 1917. - - И. Датировка — по Тт-2. А-ф с посвятительными инициалами «М. Н.» (ДМВ), которые можно расшифровать, как «Мусе Новицкой». Мария Алексеевна Новицкая (1896—1965) — дочь искусствоведа академика А. П. Новицкого, в 1912 построившего в Коктебеле дачу. В ее дневнике за 1912 читаем: «Макса я, наконец, решилась попросить написать в мой альбом стихотворение. Он обещался. <...> 28 или 29 <июля> Макс отдал мне мой альбом. Он написал там большое стихотворение, посвященное мне лично» (Собрание М. И. Вязь-

митиной, Киев). *Пуссен* Никола (1594—1665) — фр. живописец, любимый художник В. В частности, он писал в 1909, что «нимфы и гамадриады у Пуссена <...> говорят о природе суровым и нежным человеческим языком» («Архаизм в русской живописи» //ЛТ-88. С. 280—281).

167. Альм. «Гриф». М., 1913 — в виде стихотворного посвящ. венка сонетов «Lunaria» — «Майе». - - И. Дата — а-ф в Тт-2 (л. 97, под загл. «Майе»). *Майя* — Мария Павловна Кювилье (1895—1985, в замуж. Кудашева, во 2-ом браке Роллан), поэтесса. Знакомство ее с В. произошло в Москве в янв. 1913 по инициативе Кювилье, сразу влюбившейся в В. В коктебельском дневнике Ю. Л. Оболенской 1913 г. записано, как однажды в мастерскую В. «вошла Майя с подсолнечником в руке» (Воспоминания. С.304). *Как мира вечный сон.* Имеется в виду майя в индуистском понимании (см. примеч. 44).

168. Альм. «Ветвь». М., 1917. - - И. А-ф в Тт-2 — под загл. «Вечернее» (л. 90); дата — там же.

169. И. Дата — а-ф в Тт-2 (л. 101). Обращено к М.П. Кювилье (см. примеч. 167). В начале 1914 она была влюблена в архитектора В.А. Веснина. 11 марта 1914 В. писал о ней матери: «Надо ей помочь внутри самой себя измениться, надо дать ей другое понятие о любви, о самой себе, о ценности человека, свободе. <...> Ее любовь очень сильна. Но она так молода, что ведь ей почти все равно, на кого она направлена. <...>. Она не видит, не ценит и не знает того человека, которого она любит. Она любит только свою мечту. <...>. У нее темперамент сильный, жадный, волевой (несмотря на то, что она ребенок)».

***170.** И. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 85об.). *Отриколийский кумир* — бюст Зевса из Отриколи в Италии, римская копия с греческого оригинала IV в. до н. э.; хранится в Ватикане. Это же сходство В. видел в своем бюсте работы Эдварда Виттига (см. ст-ние и примеч. 378), о котором писал матери в нояб. 1908: «Он лепит меня в венке, с обнаженными плечами и грудью, с наклоненной головой. Выходит совсем Зевс Отриколийский». *Быком, и облаком, и птицей...* Зевс являлся в образе быка перед Европой, в образе облака — перед Ио, в образе лебедя — перед *Ледой.* Другие его возлюбленные — *Семела* (мать Диониса) и *Даная* (мать Персея). *И детский дух.* Имеется в виду Ганимед, сын троянского царя, похищенный Зевсом, превратившимся в орла.

***171.** СиП-1. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 150). Мария Самойловна *Цетлин* (урожд. Тумаркина, 1882—1976) — жена чаеторговца М. О. Цетлина, поэта (псевдоним — Амари) и мецената. Ее портрет В. А. *Серов* писал осенью 1910 в Биаррице, на вилле Цетлиных. *В те дни судьба определяла.* Знакомство В. с Цетлиными произошло весной 1915, в разгар мировой войны. 26(13) июля 1917, получив в Париже ст-ние, М. С. Цетлин писала В.: «Это подарок, лучше которого нет на свете».

172. РМ. 1917, № 11/12. Дата — а-ф в Тт-2 (л. 99). Рашель Мироновна *Хин* (1858—1928, в замуж. Фельдштейн, во 2-ом браке Гольдовская), писательница. Знакомство ее с В. произошло, по-видимому, еще в 1902 в Париже. В своем дневнике Хин так характеризовала В.: «Милый, добрый, ласковый, всезнающий, всех любящий и ко всем равнодушный Макс! Ученый эклектик, перипатетик, поэт, художник, философ, хиромант и божий человек-юродивый „без руля и без ветрил" — русский „обормот" с головой Зевса и животом Фальстафа» (15 февр. 1913; ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 22). Ст-ние было послано Хин с надписью: «Примите, как дар, к наступающему году этот „Rosaire", сплетенный мною из имен Ваших друзей. Он вышел более грустным, чем я хотел» (ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 7; rosaire — чётки, *фр.*). 14 янв. 1914 Хин благодарила В. «за нежный изящный подарок к Новому году. Стихи прелестны». 7 янв. 1914 В. писал матери, что это ст-ние — «исполнение обещания, данного еще много лет назад — написать стихи лично для нее — такие, которые не были и не будут нигде напечатаны». *Урусов* Александр Иванович (1843—1900) — адвокат, литературовед. *Стороженко* Николай Ильич (1836—1906) — литературовед. *Брандес* Георг (1842—1927) — датский литературовед. В. встречался с ним в Париже. *Банг* Герман (1857—1912) — датский писатель и критик. Минцлов Рудольф Иванович (1811—1883) — педагог и библиограф (отец А. Р. Минцловой). Положено на музыку Д. Тухмановым: диск «По волне моей памяти» (1976).

*173. РМ. 1917, № 11/12. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 137об.; под загл. «В. Ропшин»), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 6; под загл. «Ропшину»). *В. Ропшин* — лит. псевдоним Бориса Викторовича Савинкова (1879—1925), политического деятеля, писателя. В. познакомился с ним в Париже в 1915. Получив ст-ние, Савинков 25(12) дек. 1915 писал: «Мне Ваши стихи нравятся, понравился и Лось, но при чем же я тут». *Блуа* — старинный город и замок во Франции. *С крестом между рогов.* Символический олень с крестом на голове фигурирует в религиозных легендах (жития св. Губерта, Евстерия, Норберта) и исторических преданиях (об Иоахиме II Бранденбургском). *Судья и меч...* Савинков, один из руководителей «Боевой организации» эсеров, участвовал в подготовке убийства министра внутренних дел В. К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича *Сазонов* (см. раздел вариантов) — Созонов Егор Сергеевич (1879—1910) — террорист, эсер. 15 июля 1904 убил В. К. Плеве; был приговорен к пожизненной каторге.

174. РМ. 1917, № 11/12. Дата — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 4). Гранки — под загл. «II. Портрет во весь рост», в цикле «Бальмонт» (Там же, ед. хр. 95, л. 19). В начале 1915 В. жил в Париже на квартире Бальмонта в Пасси. «Это было хорошее время: по утрам длинные разговоры с Бальмонтом, — вспоминал В. позднее. — Потом работа в Национальной библиотеке» (Путник по вселенным. С. 306). Посылая это ст-ние матери, В. писал ей 15 февр. 1915: «По-моему, он вышел очень похож, а

Бальмонт весьма горд ими» (стихами). *Рипост* — в фехтовании ответный удар или укол.

*175. СИП-1. Дата — а-ф в Тт-2 (л.79). Вар. — черн. а-ф (Тт-2, л. 77об.). А-ф — под загл. «Бальмонту в январе 1912 г.» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 30, л. 1—2). Гранки — под загл. «III. Отплытие», в цикле «Бальмонт» (Там же, ед. хр. 95, л. 19). Написано к 25-летию лит. деятельности Бальмонта, отмечавшемуся (судя по ряду эпистолярных источников) 24(11) янв. 1912 в Париже. «Праздновалась годовщина первого появления в печати его стихов; стихов детских, в которых еще не было ни Бальмонта, ни бальмонтовского стиха», — писал В. в марте 1915 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 304). 1 февр. 1912 Бальмонт отправился (из Лондона) в кругосветное путешествие. *Лемурия* — мифический материк к югу от Азии (от Цейлона до Мадагаскара): согласно антропософскому учению — родина предков человека, «третьей коренной расы». В статье «Устремления новой французской живописи» (ЗР. 1908, № 7/9) В. писал, что на островах Океании — «самое старое земное человечество, человечество трижды доисторической Лемурии, сохранило наивную свежесть первой юности» (ЛТ-88. С.246). В тетради выписок В. помечено, что «Лемурия погибла от огня». *Солон* (ок. 640 — ок. 559 до н. э.) — афинский политический деятель. «Вы, эллины, дети, и старца нет эллина» — слова египетского жреца Солону в диалоге Платона «Тимей», где излагается легенда об *Атлантиде* (Платон. Сочинения: В 3-х т. М., 1971. Т. 3, ч. 1. С. 457). *Майя* — здесь имеется в виду одна из древнейших цивилизаций в Америке. Стихи, посвященные памятникам майя, вошли в сб. Бальмонта «Птицы в воздухе» (1908); его же путевые письма из Мексики «Змеиные цветы» изданы в 1910.

176. РМ. 1917, № 11/12. Начато в конце 1913; дата — а-ф в Тт-2 (л. 100; под загл. «Бальмонту»). Гранки — 1-е в цикле из трех ст-ний «Бальмонт» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 95, л. 19). *С белой мышью на плече*. Этот эпизод из жизни Бальмонта В. упомянул в статье «Аполлон и мышь» (СЦ-1911; ЛТ-88. С. 96). *Молитва на мече*. Имеются в виду слова молитв и девизов на старинных клинках. *«Быть как солнце!»* — обыгрывается загл. сб. стихов Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903). *Рухнуть с горней высоты*. Здесь намек на попытку самоубийства Бальмонта, в юности выбросившегося с третьего этажа на мощеный двор.

177—178. АМА. *Трапезников* Трифон Георгиевич (1882—1926) — искусствовед, музейный работник, антропософ.

1. АМА. Начато в 1911 в Коктебеле, закончено в февр. 1915 в Париже (Тт-2, л. 69). *Я тот, кто кинул шарики планет*. В Тт-2 (л.69) записано высказывание фр. математика Анри Пуанкаре (1854—1912): «Мы можем смотреть на Зодиак как на громадную рулетку, по которой Творец разбросал большое число шариков,

сообщив им различные начальные скорости...». *В сердцах машин...* В наброске статьи «Демонизм машины» В. писал: «Они повинуются нам как рабы <....> Но проходит время и мы вдруг начинаем сознавать, что совсем не они наши рабы, а что мы безвозвратно продали им в рабство свою вольную душу» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед хр. 222).

*2. АМА. Начато в 1912, работа шла и в 1914. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 107об.), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 7). Написано в состязании с Бальмонтом (на тему «Радуга»; см. примеч. 122). *Клюй, коршун, печень!* — намек на миф о Прометее.

IV. ПЛЯСКИ

***179.** БВ. 1916, 3 апр., под загл. «Бирюза», с эпиграфом: «Бирюза — кость умерших от любви. Персид. поверье». - - И. Начато в 1911. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 79об.). В ст-нии, по-видимому, отразились впечатления от студии пластических танцев Е. И. Рабенек (Книппер), которую В. пропагандировал в статьях 1911—1912 гг. (см. статью «О смысле танца»//ЛТ-88. С. 395—399).

180. И. Дата — в Тт-2 (л.107). А-ф — под загл. «Танцы», с примеч.: «(музыка из Глюковской „Ифигении“: танец девушек)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 5); а-ф — под загл. «Из цикла „Пляски“. 1. Осень» (Там же, л. 13—14). *Локоном хмеля увенчанный бог!* — Дионис.

***181.** И. Работа над ст-нием шла в 1909—1911. Вар. — а-ф в Тт-2 (л.108). Дата — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 8). А-ф — под загл. «Из цикла „Пляски“. 2. Трели» (Там же, л. 15). Об этом ст-нии В. писал Петровой 26 окт. 1915 из Парижа: «Посылаю Вам одно стихотворение, не имеющее никакого отношения к войне, написанное еще зимой <....> Оно написано на мотив из глюковской „Ифигении“, много лет не дававшей мне покою». *Головокружение Глубины.* В тетради выписок В. находим: «Юноша, который впервые сознательно подходит к истокам жизни, приближаясь к женщине, испытывает головокружение глубины» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459).

182—196. Альм. «Гриф». М., 1914 — с указанием под текстом: «„Lunarii“ — начаты 16 июня, окончены 1 июля 1913. Коктебель. Воспаленные дни гроз и ветра между июньским ущербом и июльским полнолунием»; та же запись — в Тт-2 (л. 95). - - И. Весной 1907 возник сонет «Луна» (альм. «Белые ночи». Спб., 1907). Положен на музыку Ю. Ф. Львовой (см. примеч. 66). В 1910 был составлен такой план произв.: «1. Колдовство. Фессалийские колдуньи. Средневековье. Числа. 2. Смерть. 3. Зачатие. 4.

Приливы физич<еские>. 5. Приливы чувств<енные>. 6. Мучени<ки> страсти. 7. Диана и Геката. 8. Первородный грех. 9. Лунное небо. 10. Лунная географ<ия>. 11. Трагическ<ий> пейзаж. 12. Отчаяние. 13. Ледяной Ад. 14. Космическое проклятие». 1—4 разделы объединены темой «Действо», 5—6 — «Лирика», 7—8 — «Молитва», 9—11 — «Патетическ<ое> описание», 12—14 — «Эзотерич<еское>» (Тт-2, л. 63). В этом венке сонетов В. собрал сведения о луне, почерпнутые им как из научных трудов, так и из мифологий разных народов и оккультных учений. Среди источников автором названы древнегреческие философы Анаксагор, Анаксимандр, Фалес, Эмпедокл, поэты Гесиод и Феокрит, астрономы Джованни Риччоли, Иоганн Кеплер, Ян Гевелий (основатель селенографии), Франческо Гримальди, математик и философ Джероламо Кардано, наконец, — «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской. «Мое представление о Луне в „Венке" — „люциферическое"», — писал В. Петровой 2 дек. 1913. Согласно оккультным представлениям, Луна — одна из форм развития, через которые прошла Земля: третье воплощение планеты, которому во внутреннем составе человека соответствует астральное тело (см. преамбулу к примеч. 96—110). *Лунария,* лунник — также растение семейства крестоцветных.

2. *Селена* (греч. миф.) — дочь титанов Гипериона и Тейи, олицетворение Луны; к ней обращались со словами заклятий и колдовскими манипуляциями, желая привлечь возлюбленного.

3. *Эмпузы* (греч. миф.) — чудовища из окружения Гекаты, богини ночных кошмаров.

*4. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 92). *Йони* — женские гениталии, в инд. миф. — символ божественной производящей силы.

5. *Океан, плененный в руслах жил.* В. опирается здесь на теорию фр. физиолога Рене Кентона (1867—1925) о тождестве крови «живых существ» и морской воды (по химическому составу и т.п.). См. также статью В. «Театр и сновидение» (журн. «Маски». 1912/13, № 5. С. 2; ЛТ-88. С. 349).

*6. Первонач. ред. — а-ф в Тт-2 (л. 92об.); дата: 21 июня 1913. Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 93, л. 7). *Афея* — эпитет Селены на острове Эгина.

*7. Вар. — а-ф в Тт-2 (л.93). *Я так устал от гнева и борьбы.* Отражение «репинской истории» (см. примеч. 123). *Трехглавая.* У В. записано: «Трехголовая — собачья, лошадиная и львиная» (Тт-2).

8. *«Станете как боги»* — слова Змия, соблазнившего Еву (Бытие. III, 5). *Клеймленный лик луны.* Пятна, различимые на диске полной Луны, по средневековой традиции (Данте), представляют лицо Каина, получившего от Бога, при изгнании, клеймо — «каинову печать».

*9. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 93об.), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 93, л. 10). *Ни воздуха, ни вод.* Поверхность Луны не подвержена эрозионному воздействию атмосферы, гидросферы и био-

сферы (сохраняя поэтому следы отдаленнейших космогонических катаклизмов).

*10. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 93об.), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 93, л. 11). *Volva* — «имя, данное селенитами Земле, по Кеплеру», — объяснял сам В. в п. к Оболенской 13 февр. 1914. Это слово было принято цензором альм. «Гриф» за латинское обозначение влагалища (vulva) — вследствие чего альм. был сначала подвергнут аресту.

*11. Вар. — а-ф в Тт-2 (л.94). *От Моря Бурь до Озера Видений.* Лунные «моря» представляют собой равнинные низменности — с Земли более темного оттенка, чем др. области. Поэтические названия участкам Луны: Океан Бурь, Море Дождей, Залив Радуги и т.п. дал в 1651 Дж. Риччоли из Феррары. *Ты вся порыв, застывший в гневе яром.* В п. к Сабашниковой от 23 июля 1905 В. пересказывал впечатление Минцловой от наблюдения Луны в телескоп: «Мир, застывший в порыве исполинской безнадежной борьбы... Окаменевшие руки, окаменевшие деревья».

12. *Денница* (слав. миф.) — образ полуденной зари (или звезды). Здесь: синоним Люцифера.

*13. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 94об.). *Голгофой душ* и т.д. У В. записано: «Души разлагаются на Луне, как трупы» (Тт-2).

14. *Иошуа бен-Пандира* (т.е. Иисус сын Пандира) — наименование в талмудических текстах Иисуса Христа, будто бы бывшего сыном римского легионера. В. опасался, что именно эти строки могут послужить поводом для вмешательства цензуры (п. к Оболенской от 7 февр. 1914).

*15. «Белые ночи. Петербургский альманах». Спб., 1907 (первонач. ред.), под загл. «Луна», дата: 1907. - - Стих. (первонач. ред.).

V

*197. «Ипокрена». Х., 1917, № 1. - - И. Вар., дата — а-ф в Тт-2 (л. 150об.—151об.; под загл. «Путь ученичества»). В ст-нии отразились оккультные идеи о пути к «посвящению» через ученичество, почерпнутые, прежде всего, в теософских книгах «Свет на пути» и «Голос молчания», которые В. штудировал в 1905. 29(16) сент. он писал Сабашниковой: «Требования от людей и от учеников различны. „Убивай желание“ — это относится к ученикам. „Не бойся желаний и искушений“ — это к тем, которые еще идут к ученичеству. Учеником ведь нельзя сделаться. Им можно только стать, когда придет время <...>. Надо знать себя раньше, держать в руках все свои достоинства и недостатки, и пороки, прежде чем кинуться на этот путь». Придавая ст-нию значение «поэтического символа веры» («Автобиография»//Воспоминания. С.39), В. пояснял Петровой в п. от 17 июля 1917: «„Подмастерье“ и есть по замыслу стихотворение дидактическое и написано, и обработано как таковое. Оно написано вполне по тому ре-

цепту, который в нем изложен: „Речение, в котором все слова притерты, пригнаны и сплавлены... становится лирической строфой...“ <...>. Я вовсе не «переделывал» мою прозу в стихи: я просто ее продолжал обрабатывать и чеканить до тех пор, пока она не стала стихом». *Львова* Юлия Федоровна (1873—1950) — композитор и пианистка, теософ; жила у В. в Коктебеле летом 1916 и 1917 гг. О «Подмастерье» она писала В. 2 окт. 1917 из Петрограда: «Часто его читаем вслух. Наши теософы потрясены им глубоко». *Словесного, святого ремесла.* Реминисценция ст-ния Каролины Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...». *Тацит* Корнелий (ок. 58 — после 117) — римский историк. В июле 1900, находясь во Флоренции, В. заметил о «римских бюстах»: «Это страницы Тацита, запечатленные в мраморе. Каждый из них дает полную законченную характеристику целого типа» (Журнал путешествия, 9 июля (26 июня) 1900). *Медный текст закона.* Имеются в виду «законы двенадцати таблиц» — не дошедший до нас первый кодекс римского права (V в. до н. э.). *Ты должен отказаться.* Среди выписок В. по оккультизму читаем: «Молчание — власть. Отречение от власти — воля. Отречение от воли — чувство. Отречение от чувства — самосознание». *Ты будешь Странником.* Ср. со словами, которыми Бог проклял Каина: «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие, IV, 12). *Срединной Азии И западных морей.* Упоминание, переводящее ст-ние в автобиографический план. *Ты вспоминаешь самого себя.* Одно из положений мастера Януса в «Аксёле» Вилье де Лиль-Адана: «Познание — это воспоминание. Человек не учится — он только находит потерянное: вселенная лишь предлог для развития всезнания» (пер. В.). *Слово, их к бытию призвавшее.* Здесь имеется в виду как библейское наименование «Словом» Бога, так и слово — в значении «имя». В конспекте «Теургии» Порфирия (см. примеч. 58) В. записал: «Словом, которое есть земное тело мысли, мы можем осязать дорогу перед собой, и мгновение, осознанное словом, становится частью нашего астрального тела <...> Слово заклинает будущее». Эту же идею развивала его статья «Магия творчества», напечатанная в «Весах» (1904. № 11. С. 4). *Изназвать Всех духов.* Мысль о назначении поэзии, повторявшаяся В. неоднократно. Так, в «Предварении» к сб. «Иверни» он писал: «Во всех вещах и явлениях мира пленено то божественное слово, которое их вызвало к бытию. Цель поэзии найти его: угадать подлинное имя каждой вещи, изназвать все явления, расколдовать вселенную». *Вселенную Свободы и Любви.* В набросках статьи «Демократизация искусства» (весна 1917?) В. писал: «Все положительные творческие силы человека в Любви. Любовью он вносит в мир новое, ею он соучаствует в работе Иерархий в качестве одной из них. Задачу человека в мире можно определить так: человек погружен во вселенную мудрости, в которой все связано архитектурой причинности. Его задача оставить после себя вселенную любви» («Кодры». 1989, № 12. С. 143). Сходная идея — в ст-нии В. С. Соловьева «Ex Oriente lux» («Свет с востока», *лат.*): европейская цивилизация основалась «силой разума и права», — но «Душа вселенной тосковала О духе веры и любви!».

КНИГА ТРЕТЬЯ
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА
Стихи о войне и революции

Замысел этой книги возник летом 1919 (п. В. к Л. А. Недоброво от 28 июля 1919). В архиве В. сохранился авторский макет невышедшей книги «Неопалимая Купина (1917—1919)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99), с пометой «Полный экземпляр» и сквозной авторской нумерацией. В этой редакции ст-ния, включенные в книгу, были распределены по трем разделам. Первый раздел — «Ангел Мщенья» (с эпиграфом: «„Выпросил у Бога светлую Россию Сатана да очервленит ю кровью мученическою“. Протопоп Аввакум») — составляли ст-ния: «Предвестия», «Ангел Мщенья», «Россия (1915г.)», «Москва (1917 год. Март)», «Петроград (1915—1917)», «Трихины», «Мир», «Голова madame de Lamballe», «Две ступени. I. Бастилия. II. Бонапарт», «Термидор» (1—4), «Плаванье», «Бегство», «Гражданская война». Второй раздел — «Демоны глухонемые» (с эпиграфом: «„Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, Как демоны глухонемые, Ведут беседу меж собой“. Тютчев») — включал ст-ния: «Демоны глухонемые», «Видение Иезекииля», «Написание о царях Московских», «Dmetrius-Imperator», «Стенькин суд», цикл «Личины» («I. „Красногвардеец“, „II. Матрос“, „III. Большевик“, „IV. Буржуй“, „V. Спекулянт“, „VI. Феодосия (Весна 1918)“»). Третий раздел — «Неопалимая Купина Стихи революции» (с зачеркнутым эпиграфом «„...В Россию можно только верить...“ Ф. Тютчев») — состоял из ст-ний: «Святая Русь», «Русь глухонемая», «Из бездны», «Родина», «Молитва о городе», «Неопалимая Купина», «Русская революция», «На вокзале», «Китеж», «Преосуществление», «Европа», «Посев», «Заклятье о русской земле».

Затем состав книги постепенно расширялся, она включила в себя ст-ния из сб. АМА и ДГ (полностью). В архиве В. сохранились авторские планы сб. «Неопалимая Купина (Стихи Революции)», три раздела которого включали 45 ст-ний, и сборника «Пламена (Война и Революция)», состоящего из трех разделов («Армагеддон», «Демоны глухонемые», «Неопалимая Купина»), включавших 54 ст-ния (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 143, л. 4, 7) Окончательный вариант книги включал 80 произв. 1914—1924 гг. Подготовленная к печати, эта книга была задержана цензурой (п. С. Я. Парнок к В. от 4 марта 1922).

Раздел «Война» состоит, в основном, из ст-ний, ранее входивших в АМА. Вышедшая в начале 1916 (до 25 апр.), эта книга вызвала целый ряд откликов. Б. Олидорт увидел в ней все того же В. — «испытанного эстета», автора стихов, «иногда до странности похожих на переводы с французского» («Приазовский край». Ростов/Дон. 1916, 13 окт.). Вторил ему Д. Выгодский, считавший, что В. «остался строгим и холодным парнасцем» («Летопись». Пг., 1917, № 1. С. 250). Брюсов, досадуя на «привычку» В. говорить «напряженно и вычурно», отказывал книге в «светлости, прозрачности и легкости», но все-таки считал ее «благородным исключением» среди современных «военных стихов» и признавал, что ее читаешь «с волнением» (РМ. 1916, № 6. Отд. III. С. 1—2). Более

решительным был в оценке аноним в «Известиях книжных магазинов Вольфа» (1916, № 6. С. 91), отмечавший, что новая книга В. «значительно разнится» от прежних и «займет особое место» в числе сборников «военной поэзии». В. Жирмунский увидел в этих стихах отражение «смысла мировой войны в сознании религиозном» и признавал, что поэт «глубоко и скорбно» захвачен событиями (БВ. 1916, 9 сент.). Наиболее высокую оценку дал сборнику Г. Иванов: отмечая эмоциональную силу стихов, он считал, что со страниц новой книги «впервые явственно прозвучал голос Волошина-поэта» (А. 1916, № 6/7. С. 71). Получив АМА, Блок писал В. 29 апр. 1916, что ему «запомнится из этой книги, вероятно, не главное; а именно — „Реймская Богоматерь", несколько описаний Парижа в дни войны и „Под знаком Льва"» («Литературное наследство». Т. 92, кн. 4. М., 1987. С. 528).

Основным текстологическим источником книги «Неопалимая Купина» является авторский машинописный сб. в холщевом переплете (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 141), по которому В. обычно читал свои произв. гостям в Коктебеле (НК). Однако, по свидетельству М. С. Волошиной, этот сб. имелся в четырех экземплярах (по числу машинописных копий) — и дошедший до нас третий экземпляр явно не был насквозь выправлен В., т. к. содержит лишь единичные его пометы. Кроме того, поскольку сб. в этом виде не предназначался для печати, текст в нем во многих отношениях был упрощен и даже искажен: иноязычные написания заменены русскими, сняты посвящения к стихам и эпиграфы, в ряде случаев не упорядочено строфическое деление и т. д. Поэтому, воспроизводя без изменений состав и композицию НК, при установлении основного текста ст-ний мы использовали и др. источники. Ст-ния из НК, включавшиеся ранее в состав АМА и ДГ, печатаются по тексту, представленному в этих книгах (с учетом позднейших исправлений, сделанных автором и удостоверенных документальными источниками); текст остальных ст-ний устанавливается путем сверки машинописи НК, принятой за основной источник, с беловыми автографами и др. авторизованными текстами, хранящимися в архиве В. Из многочисленных вариантов отдельных строк предпочтение отдавалось тем, в которых имелись основания видеть последнюю авторскую волю в отношении данного текста. Все датировки ст-ний — авторские, восходящие к а-фам и (или) авторизованным машинописным спискам.

Из состава НК изъято ст-ние «Хвала Богоматери» (из 7-го раздела) — как включенное автором в состав поэмы «Святой Серафим».

I. ВОЙНА

198. «Власть народа». 1917, 28 июля, под загл. «России», с подзаг. «Во время галицийского отступления». - - И, под загл. «Русь», с тем же подзаг. - - ДГ. А-ф (под загл. «Русь») и дата — в Тт-2 (л. 122), там же эпиграф из Евангелия: «Если хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что Тебе?» (Иоанн, XXI, 22). А-ф — под загл. «России», с посвящ. К. Ф. Богаевскому (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 33, л. 7); а-ф — под загл. «России» (Там же, ед. хр. 37,

л. 12). В АМА в разделе «Внутренние голоса» вместо текста ст-ния — строки отточий, с примеч.: «Седьмое стихотворение этого цикла, обращенное к России, не должно быть напечатано теперь по внутреннему убеждению автора». Стихи высоко оценил И. Эренбург, писавший В. 1 сент. 1915: «Они мне очень близки и дороги. Все это приходило не раз». Ст-ние несет отпечаток славянофильской концепции об особом пути и предназначении России (со своих позиций поддержанной также Р. Штейнером). *Люблю тебя побежденной.* См. вступ. ст. С. 56. *Наотмашь хозяин хлещет.* Перекличку с Достоевским: образ избиваемой лошади в сне Раскольникова («Преступление и наказание», ч. I, гл. V) и рассказ «Акулькин муж» в «Записках из мертвого дома») В. сам подтверждал в п. к Оболенской от 19 нояб. 1915: «Я хотел, чтобы <в> этой строфе было напоминание о Достоевском, т.к. считаю это мировым символом России». *Биарриц* — город на юге Франции (близ границы с Испанией), на берегу Бискайского залива, курорт. В. жил там (на вилле Цетлиных) с середины июля до начала ноября 1915.

199. РМ. 1915, № 4. - - АМА - - И, без загл. 7 февр. 1915, посылая Петровой из Парижа несколько ст-ний о войне, В. писал: «Они лучше скажут все, что делалось внутри. Особенно „В эти дни...“». В п. к матери от 13 апр. 1915 В. отмечал, что больше других ценит это ст-ние — «по точности и искренности». *Эренбург* Илья Григорьевич (1891—1967) — поэт, прозаик, переводчик, публицист. В. сблизился с ним в Париже в начале 1915. Он посвятил В. свои «Стихи о канунах» (М., 1916). Ст-ние потрясло Эренбурга (п. к В. б.д., — по-видимому, сент. 1915). *Всё во мне и я во всех.* Ср. у Тютчева: «Всё во мне, и я во всём» («Тени сизые смесились...»).

200. РМ. 1915, № 4. - - АМА - - И, без загл. Еще в июле 1905 В. пересказывал в п. к Петровой пророчество Р. Штейнера: «С этого года мир вступает в новый цикл, находящийся под созвездием Льва. Это будут самые кровавые годы Европейского человечества, и лицо Европы будет через пять лет неузнаваемо». *Вошел последним внутрь ковчега.* Ок. 6 июля 1914 В. выехал, по приглашению Сабашниковой, из Коктебеля в Швейцарию — на строительство антропософского храма Иоганнес-Бау (Гетеанума), начатое в сент. 1913 «на перекрестке трех стран», у границы с Германией и Францией. 31(18) июля — в день объявления войны между Россией и Германией — он прибыл на место строительства, в селение Дорнах (в 8 км от Базеля) и записал в блокноте: «Я приехал буквально с последним поездом: всю дорогу вслед за мной прекращались сообщения, точно двери за спиной запирались. <...> Я чувствовал себя одним из нечистых животных, запоздавших и приходящих в ковчег последним».

***201.** РМ. 1915, № 4. - - АМА. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 102об.—103). *Альзас* (Эльзас) — провинция на востоке Франции, с 1871 по 1919 входившая в состав Германии. *Тишина гудит.* Бои в Эльзасе шли с 7 по 22 авг. 1914. 12 авг. В. записал: «Та ка-

нонада, что мы слышали позавечера, была отзвуком битв при Альткирхе и Мюльгаузене». «Война идет рядом, и канонада в близости будит по ночам», — сообщал он Петровой (п. б.д.). *Напоив народы яростным вином.* Повеление Бога Иеремии: «Возьми из руки Моей чашу сию с вином ярости и напой из нее все народы, к которым Я посылаю тебя» (Иеремия, XXV, 12).

202. РМ. 1915, № 4. - - АМА - - И, без загл. *Недобрый Сеятель.* Реминисценция мифов об Ясоне и Кадме, сеявших зубы дракона. Здесь же — отзвук евангельской притчи о пшенице и плевелах (Матф. XIII, 24—30).

203. АМА. В Тт-2 (л. 120об.) и в др. а-фах — под загл. «Утренние газеты». Отрицательное отношение к газетной «полуправде» В. высказывал неоднократно. 28 окт. 1905 он писал Сабашниковой: «Я с утра отравляюсь газетными телеграммами; это страшно вредно. Мысль загрязнена на целый день». *Трихины* — глисты, паразитирующие в мышцах и кишечнике. Однако В. имел в виду и образ из эпилога «Преступления и наказания» Достоевского, где трихины — микроскопические существа, вселяющиеся в тела людей, которые «становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими». *Ложь заволакивает мозг.* «Самое страшное для меня в настоящей войне — ложь и то, что все говорят одно и то же. Все сделано, чтобы ожесточить обе стороны», — писал В. Петровой 29 апр. 1915. *Застыть как соль...* Реминисценция библ. образа жены Лота (Бытие, XIX, 15—26). *Дозволь не разлюбить врага.* Во время войны В. видел свой долг в том, чтобы «не поддаться соблазну ненависти, презрения, „святого“ гнева» и «не уставать любить и врагов, и извергов, и даже союзников» (п. к Петровой от 26 окт. 1915).

204. АМА. Строки о феодосийских холмах записаны еще в 1914 в Коктебеле (Тт-2). Эпиграф — неточная цитата из ст-ния Пушкина «Арион». А-ф в Тт-2 (л.124) — под загл. «Богаевскому», эпиграф: «Нас было много на челне...». Обращено к К. Ф. Богаевскому (см. преамбулу к примеч. 67—80), который в 1915 был призван в армию. 30 июня 1915 Петрова в п. к В. рассказывала о совместном с супругами Богаевскими «прощальном» посещении Коктебеля: «По дороге в Коктебель он вспомнил стихи Пушкина „Арион“ — его любимые, — стал говорить их и прибавил: — „Останется один Макс“». Получив это п. в Биаррице, В. писал Петровой 16(3) авг. 1915: «Я действительно „таинственный певец, на берег выброшен волною“: предвидя возможность призыва единственных сыновей, судьба заботливо сломала мне правую руку, отняв у меня возможность стрелять и убивать <...>. И еще так таинственно увела с „челна“ в самый последний момент перед войной». Ст-ние было высоко оценено (в пп. к В.) А. К. Герцык (17 мая 1916) и Б. В. Савинковым (9 сент. 1915); Эренбург же нашел в нем «слишком много непозволительного холода» (п. б. д.). *Ардавда* — см. примеч. 67—80(9). *Крылатый парус напрягали* — неточная цитата из «Ариона». *Нити прях.* В античной мифологии богини судьбы Мойры (Парки) — три старухи, прядущие и обрывающие нить жизни каждого человека.

*205. АМА. Строфа о серафиме отрабатывалась в 1912—1913; первонач. ред. («1905—1914»), дата: 29 августа 1915 — в Тт-2 (л. 126об.). Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 130). В п. к М. С. Цетлин от 15(2) окт. 1915 В. указывал, что это ст-ние представляется ему «как „Пролог" к книге стихов о войне». *Андрей Белый* участвовал в строительстве Гетеанума (см. примеч. 200). Позднее В. вспоминал, что во второй половине 1914 «часто бывал у А. Белого»: «Это был период, когда между нами опять вспыхнула горячая словесная дружба и мы разговаривали часами и с неослабевающим упоением» (Путник по вселенным. С. 314). *И на замок небесных сводов.* Здесь уподобление находящегося в горах Дорнаха Небесному Иерусалиму, куда «на великую и высокую гору» ангел вознес св. Иоанна «в духе» (Откр. XXI, 10). *На землю кинул он ключи.* Контаминация образов из Апокалипсиса: ангел, имеющий «ключ от бездны» (XX, 1) и «кладезь бездны», из которого вышла чудовищная саранча (IX, 1—10). *Мир пасти жезлом железным.* См.: Откр. II, 27 и XII, 5.

206. АМА. В Тт-2 (л. 134) и др. а-фах — эпиграф по-латыни «„Congregabit illos in locum qui vocatur Armageddon..." (Apoc. XVI, 13—16)». *Армагеддон* (библ.) — место последней битвы на исходе времен, с участием «царей всей земли обитаемой», в которой будут уничтожены полчища Антихриста (Откр. XVI, 14—16). *Бакст* Лев Самойлович (1866—1924) — художник; автор обл. АМА. В. знал его по Петербургу (1906, 1909) и Парижу (1911, 1915). «Недавно Бакст смотрел мою живопись», — сообщал В. матери 4 июня (22 мая) 1915.

*207. АМА, под загл. «Над законченной книгой». - - И. А-ф ранней ред. — Тт-2 (л. 135); вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед хр. 37, л. 17). *В точиле гнева?* Образ из Апокалипсиса (XIV, 19 и XIX, 15). *Стрелой, указующей разницу веса?* Приехав из Дорнаха в Париж, В. писал Оболенской: «Как тяжело было сидеть в той точке, на которую опирается коромысло двух чашек весов, и как невозможно найти равновесящую справедливость в своей душе для двух враждующих рас, которые вовсе не хотят ее».

208. АМА. - - И. А-ф — под загл. «Он придет» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 33, л. 14). Воробьева-*Стебельская* Мария Брониславовна (1892—1984), художница (псевдоним — Маревна), жившая в Париже. Некоторое время находилась вместе с В. в Биаррице В п. от 24(11) окт. 1915 к М. С. Цетлин В. так характеризовал ее: «Это очень чистая, правдивая по природе девушка, но страшно изломанная и измученная и детством, и обстоятельствами жизни, беспризорная, нервная, больная и с глубоким отчаянием в душе» *Биарриц* — см. примеч. 198.

II. ПЛАМЕНА ПАРИЖА

В этот раздел вошли как ст-ния из АМА, так и более ранние (1906), и более поздние, посвященные Великой французской революции. Некоторые из них опубл. в книге «Париж накануне вой-

ны» (Пг.), вышедшей из печати в дек. 1915. Участвовать в этом сб. предложила В. (в п. от 3 апр. (21 марта) 1915) Е. С. Кругликова; 20 апр. он сообщал матери, что специально для сб. пишет «цикл стихов о Париже».

209. ПНВ. - - АМА - - И. А-ф — под загл. «Весна 1915 года» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 37, л. 11). *Гольштейн* — см. примеч 39. *Весна... и не весна.* В п. к матери от 13 апр. (31 марта) 1915 В. писал: «В Париже как-то сразу распустились деревья. Всюду уже зелень на каштанах, а весны все еще нет внутри». «Какой необычайный Париж в этом году, — писал поэт 19(6) мая 1915 Оболенской. — Он не мертв, а замер. Все вобрал в себя: огни, радость, жизнь».

210. РМ. 1915, № 4, под загл. «Париж». - - ПНВ, под тем же загл. - - АМА, под загл. «Париж в январе». - - И, под загл. «Париж в 1915 г.». А-ф — под загл. «Париж (янв. 1915 г.)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 3). 23 янв. 1915, через неделю по приезде из Дорнаха, В. писал Оболенской: «Весь Париж подтянулся, душевно очистился. <...> Он траурен и праздничен». Первые впечатления «военного» Парижа В. изложил также в статье «Париж и война. Литература в 1915 году» (БВ. 1915, 18 июня). *Аргутинский-Долгоруков* Владимир Николаевич, князь (1874—1941) — искусствовед, хранитель Эрмитажа. В 1915 находился в Париже *Маленькие блудницы* — выражение из «Книги Монеллы» (1896) Марселя Швоба.

211. «L'Elan» (Париж). 1915, 15 июня (факсимиле а-фа, здесь же рис В. на тему ст-ния). - - ПНВ, под загл. «Ночь весеннего равноденствия 1915 года (Цеппелины над Парижем)». - - АМА, под загл. «Ночь весеннего равноденствия (Цеппелины над Парижем)». - - И. *Иванова* А. Н. — см. примеч. 9—19(7). В 1915 жила в Париже с Бальмонтами. *Цеппелины* — дирижабли, названные по имени нем. конструктора графа Ф. Цеппелина (1838—1917), применялись в первой мировой войне. Налет цеппелинов на Париж в ночь на 22 марта В. описал в статье «Париж и война. Цеппелины над Парижем» (БВ. 1916, 3 марта). *Созвездие Тельца* — зодиакальное созвездие, в котором в древности (с 4000 до н. э. по 1700) находилась точка весеннего равноденствия.

***212.** РМ. 1915, № 4. - - АМА. - - И. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 111об.). *Реймская Богоматерь* — Собор Нотр-Дам в Реймсе, шедевр зрелой фр. готики XIII в., место коронации фр. королей. Сильно поврежден нем. войсками при артиллерийском обстреле Реймса. В. находил в соборе «удивительную тонкость и грацию» («Листки из записной книжки»//РТ. 1901, 288 янв.). Узнав об обстреле, он писал 1 нояб. (19 окт.) 1914 Петровой: «Реймс — это совсем нестерпимо». *Цетлин* М. С. — см. примеч. 171.

213. ПНВ. - - АМА. Загл. ст-ния — древнее имя Парижа (селение паризиев на острове Лютеция), упоминаемое в 53 г. до н. э. в «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря. Эпиграф —

девиз Парижа на его гербе (с изображением парусника). *Заутрени Изиды.* Исида (егип. миф.) — богиня плодородия, воды и ветра Ее культ был распространен и за пределами Египта (особенно в эпоху эллинизма), в частности, в Галлии. О том, что на месте notre-Dame в Париже «был раньше храм Изиды», В. сообщила 18(3) июля 1905 Минцлова. *Ладья Озириса.* Осирис (егип. миф.) — бог производительных сил природы, царь загробного мира; был погублен заговорщиками: обманом заключен в ящик-саркофаг, брошенный затем в воды Нила.

***214.** ПНВ. - - АМА. - - И, без загл. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 117). *Кругликова* — см. примеч. 3. *Юный Дант.* Данте Алигьери (1265—1321) был в Париже, согласно утверждению Д. Боккаччо, не в юности, а в зрелые годы (в 1307 или 1308). *Отрок Бонапарт.* Наполеон I (1769—1821) учился в парижской Военной школе в 1784—1785 гг.

215. «Двадцатый век». 1906, 26 июня, под загл. «Голова Princesse de Lamballe». - - «Красное знамя» (Париж). 1906, № 1 и «Вольница» (Спб.). 1906, № 2, под загл. «Голова принцессы Ламбаль». - - Стих. - - И. - - ДГ. А-ф в Тт-1 (л.55) — под загл. «Princesse de Lamballe». Мария-Тереза-Луиза де Ламбаль (1749—1792), принцесса Кариньян, приближенная королевы Марии-Антуанетты. Растерзана толпой 4 сент. 1792 за отказ поклясться в ненависти к королю и королеве. 27(14) сент. 1905 В. писал Сабашниковой, что вчера читал в «Истории Французской революции» Жюля Мишле, «как отрубленную голову маркизы де Ламбаль принесли к куаферу — он завил ее, напудрил, и ее после понесли на пике к окну Марии-Антуанетты». Посылая текст ст-ния Сабашниковой 16 марта 1906, В. сообщал, что писал его «все утро», добавляя: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его». *Тампль* — замок в Париже (некогда принадлежавший ордену тамплиеров), куда был заключен в 1792 Людовик XVI с семьей. Ст-ние исполнялось А. Вертинским в музыкальном сопровождении.

216—217. ДГ. *Цветаева* Марина Ивановна (1892—1941) — поэтесса, прозаик, переводчица, критик. Автор воспоминаний о В. «Живое и живом» (1933). Посвящение цикла связано с пребыванием ее в нояб. 1917 в Коктебеле.

1. «Ипокрена». Х., 1918, № 2/3, под загл. «14 июля (1789)». - - ДГ. Вар. загл.: «14 июля» (черн. а-ф — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 44; а-ф — Тт-2, л. 160об.), «Бастилия (14 июля 1789 года)» (авт. маш. — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 12). В статье «Дневник Людовика XVI» («Двадцатый век». 1906, 28 апр.) В. писал о вынесенной в эпиграф ст-ния дневниковой записи последнего короля Франции: «Политика его не интересует и не волнует совершенно, но и это „ничего“ трагически оттеняет почти все великие даты революции». *Сент-Антуан* — предместье Парижа, где находилась Бастилия. *Пале-Рояль* — дворец напротив Лувра, построенный в 1629—1636. Его сады и торговые галереи долго служили центром общественной жизни Парижа. *Бертье* де Совиньи

(1739—1789) — интендант Парижа. *Де-Лоней* (Лонэ) Бернар Рене (1740—1789) — комендант Бастилии. *Марли* ле Руа — лесистая местность на левом берегу Сены в 12 км от Парижа. Ст-ние исполнялось А. Вертинским под загл. «Люи XVI».

2. «Слову — свобода!» М., 1917, 10 дек., под загл. «Бонапарт» — ДГ, под загл. «Бонапарт». Под тем же загл. — а-ф в Тт-2 (л.156), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1), авт. маш. (там же, л. 3; ед. хр. 99, л. 12; ед. хр. 106, л. 9об.). 10 авг. 1792 восставший народ штурмовал дворец *Тюильри* — тогдашнюю резиденцию короля (вскоре арестованного). Главный результат этого выступления — низвержение монархии. *Бурьенн* Луи-Антуан Фовеле (1769—1834) — фр. дипломат; соученик и друг Бонапарта по Бриеннской военной школе, с 1797 по 1802 — его секретарь. «Мемуары о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и возвращении Бурбонов» были изданы в Париже в 1829 г. в 10-ти т., рус. пер. — Спб., 1831—1836. *Швейцарцы* служили в охране Людовика XVI.

218—221. ДГ. В Тт-2 (л. 161об.—162) и в п. к Петровой от 19 дек 1917 — под загл. «Робеспьер». Работа над циклом шла с 25 нояб. по 17 дек. В. писал о нем 17 янв. 1918 неизвестной: «Я над ним работал больше всего и чувствую его наименее удовлетворительным. Я слишком хотел сжать его». 9 *термидора* III года Республики (27 июля 1794) — день падения якобинской диктатуры. В. считал этот день «величайшей психологической загадкой революционного безумия» («Революционный Париж»//«Око». Спб., 1906, 8 авг.).

1. *Тео Катрин* (1725—1794) — предсказательница. Рассказ о посещении *Максимильяном* Робеспьером ее секты В. изложил в статье «Пророки и мстители» (ЛТ-88. С. 204—205). *«Верховный жрец...»* Робеспьер считал себя основателем новой гос. религии — культа «верховного существа», празднество которого состоялось в Париже 8 июня 1794.

2. *В Монморанси, где веет тень Руссо...* — В долине Монморанси (близ Парижа) было расположено поместье г-жи д'Эпине Шевретт, прославленное как временная резиденция Руссо.

3. *Тюрьо* де ла Розьер (1753—1829) — адвокат, депутат Конвента *Леба* Филипп Франсуа Жозеф (1765—1794) — адвокат, член якобинского Комитета общественной безопасности. Покончил жизнь самоубийством (застрелился). *Кутон* Жорж Огюст (1755—1794) — адвокат, член Комитета общественного спасения. Из-за болезни ног передвигался в коляске. *Но он Кладет перо.* В статье «Революционный Париж» В. писал: «И в то время, когда вся судьба в руках Робеспьера и одна его подпись под воззванием к народу может сделать его снова господином положения, он, написав первые буквы своего имени, отстраняет бумагу». *Последний путь свершает Робеспьер.* Робеспьер и 20 его сподвижников были гильотинированы утром 28 июля 1794; перед казнью их долго возили по улицам под оскорбления толпы.

Послереволюционные стихи принесли В. признание и популярность: они широко публиковались в различных журналах и альманахах, исполнялись с эстрады, распространялись в виде листовок, переписывались от руки (как в одном, так и в другом стане). «Мне говорили, что при большевиках в Харькове не было ни одного литературного вечера или концерта, где бы не читались „Брестский мир“, „Бонапарт“ и „Св. Русь“»,— писал В 28 авг. 1919 Л. А. Недоброво. Уже 6 дек. 1917 Оболенская так отозвалась о новых ст-ниях В.: «Совсем новые слова опять появились у Вас, и ритмы неожиданные, и хорошо, что именно для России» Сам В. отрицал свое «перерождение как поэта»: «Я подошел к русским, современным и историческим, темам с тем же самым методом творчества, что и к темам лирического первого периода моего творчества. Идеи мои остались те же. Разница только в палитре, которая изменилась соответственно темам и, может быть, большей осознанности формы» («Автобиография»//Воспоминания С. 39).

*222. «Русь». 1905, 14 авг. - - Стих. - - ДГ. Авторская дата является элементом текста; ст-ние написано в Париже 20 июня 1905 (дата, вар.— в Тт-1, л. 42). Авт. маш.— под загл. «Предвестия. 9 января 1905 года» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 107, л 1) 1 июля (18 июня) 1905 В. сообщал Петровой, что написал это ст-ние «несколько недель тому назад», под впечатлением того, что ему «пришлось увидеть, услышать и перечувствовать в январе в Петербурге». В. приехал в Петербург из Москвы утром 9 янв. 1905, был свидетелем Кровавого воскресенья — и описал его в статье, появившейся на фр. языке в парижском еженедельнике «L'Europeen Courrier» 11 фев. (29 янв.) 1905. 19(6) июня 1905 В. записал в дневнике, что вел с Минцловой «Разговоры о мистических предвестиях Великой революции». *Иды* — день полнолуния у древних римлян. 15 марта 44 г. до н.э. (в *Мартовские Иды*) был убит Юлий Цезарь. *Скиния* — походный храм древних евреев: палатка, разделенная внутри завесой на «святилище» и «святая святых». Завеса в храме разодралась надвое в момент смерти Христа (Матф. XXVII, 51). *Бронзовый гигант*— памятник Петру I в Петербурге, «Медный Всадник». *Солнце гневное явило лик втройне*. В статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге» В. отмечал: «В этот момент я увидел на небе три солнца— явление, которое наблюдается в сильные холода <...>» (Путник по вселенным. С.91. Пер. с фр.). *Пентаграмма* — пятиконечная звезда, древний магический знак (символ тайны и совершенства).

223. «Двадцатый век». 1906, 29 июня. - - «Красное знамя» (Париж). 1906, № 1. - - «В борьбе». Спб., 1906. Вып. 3. - - Стих. - - И. - - ДГ. Сообщая текст ст-ния в п. Сабашниковой от 15(2) марта 1906, как написанный «сегодня», В. писал: «Мне очень хочется, чтобы эти слова прочли многие. Только боюсь, что все увидят в этом не надвигающийся ужас, а призыв к анархии,— такое впечатление оно произвело на Бальмонта». *Я камни заклинаю и*

т. д. Библ. реминисценция: на месте убийства пророка Захарии триста лет кипела кровь, требуя отмщения; понадобилось убить несколько сотен тысяч, чтобы кровь застыла (2 Пар. 24; Талмуд, Гиттин, 57 б). *«Знаки Рыб».* Зодиакальный знак рыб: три сплетенные рыбы, образующие треугольник, — распространенный мотив средневековой архитектуры, олицетворение смерти и тьмы. По В. — «символ тайного отмщения». *«Завет мой — Справедливость!»* Уже в янв. 1907 П. Б. Струве отмечал точность этой характеристики революционного сознания: «В этой „справедливости", перед которой „нет пощады" врагу, т. е. несогласно мыслящему, схвачена психическая сущность многих явлений русской революции, накопившей внутри себя такой огромный капитал иррационального недоверия и озлобления» (Струве П. Из размышлений о русской революции//РМ. 1907, № 1. Отд. II. С. 129—130). *Им сын заколет мать.* Ср. в Евангелии: «Восстанут дети на родителей и умертвят их» (Матф. X, 21). *Принявший меч погибнет от меча.* Ср. евангельское выражение: «Взявшие меч — мечом погибнут» (Матф. XXVI, 52).

*224. «Слову — свобода!». 1917, 10 дек., под загл. «Март». - - ДГ. А-ф — в Тт-2 (л. 182об.) под загл. «12 марта 1917», вар. загл.: «Март 1917», помета под текстом: «Март 1917. Москва (закончено 20 ноября 1917 в Коктебеле)»; вар. Толчок к написанию ст-ния дали наблюдения В. в Москве 12 марта 1917, о которых он вспоминал в статье «Революция, проверенная поэзией» (1919): «Москва переживала революционную идиллию. Принято было говорить о „бескровной революции". Был назначен парад в честь торжества Революции на Красной площади. Я был там. Две вещи обратили внимание: плакаты с лозунгом „Без аннексий и контрибуций"— иностранные слова, впервые появившиеся в тот день, и слепцы, пришедшие в этот день в Москву (раньше их не пускала полиция). Слепцы стояли у Лобного Места и на папертях и пели старинные песни: „Стих об Алексее-человеке Божием", „Стих о Голубиной Книге". От этого заунывного пения разверзались незапамятные горизонты души, проваливался революционный парад, и оставались только красные лоскуты знамен и кокард, точно пятна крови, проступившей из-под исторических камней, напитанных ею, да глухой шорох надвигающейся толпы <...>. В этот день революция впервые осозналась роковой и кровавой» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 338). *Рогозинский* Владимир Александрович (1882—1951) — инженер и архитектор. У него на квартире В. жил в Москве зимой 1916—1917. *У церкви Покрова.* Покровский собор что на Рву, иначе— храм Василия Блаженного (1555—1560).

*225. Листовка, выпущенная, по-видимому, крымским Осваогом (Отдел агитации деникинской армии). - - ДГ. Подзаг. в кор. л.: «(1915—1917)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 8). Вар— а-ф в Тт-2 (л. 158об.). Посылая ст-ние Петровой 9 дек. 1917, В. подчеркивал: «Именно это опозоренное имя в отличие от Петербурга» (ср. ст-ние и примеч. 330). *Эфрон* Сергей Яковлевич (1893—1941) — муж М. И. Цветаевой, литератор. В нояб. 1917 находил-

ся в Коктебеле, в отпуске из армии. *Они вошли в свиное стадо* Эпизод из Евангелия об исцелении Иисусом Христом бесноватых (Матф. VIII, 28—32; Лука, VIII, 27—33).

*226. ДГ. Первонач. ред.— в Тт-2 (л. 159об.) дата: 10 декабря 1917, здесь вар. загл.: «Появились [какие-то] новые трихины...», «Достоевский». Вар. — авт. маш. 1 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 106, л. 2об., под загл. «Появились новые трихины...»), авт. маш. 2 (Там же, ед. хр. 99, л. 9). Эпиграф — из «Преступления и наказания» Достоевского (см. примеч. 203). *За всех во всем пред всеми виноват.* Неточная цитата из «Братьев Карамазовых» Достоевского (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы//Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 270). В этих словах В. видел «величайший порыв интуиции сердца» и пояснял (зимой 1913): «В этом чувстве личной вины без остатка сгорает голод возмездия» (лекция «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве»//ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 298).

*227. «Слову — свобода!». 1917, 10 дек. - - ДГ. Печ. текст (листовка)— с подзаг. (а-ф): «(1917-ый год)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 35). Вар.— а-ф в Тт-2 (л. 155об—156). Одно из наиболее популярных ст-ний В. пореволюционной поры. В п. к Б. Леману от 25 нояб. 1919 поэт выражал удовлетворение тем, что «Святую Русь» «распространяют большевики и запрещают местные исправники». В п. к Е. П. Орловой от 26 янв. 1918 В. отмечал: «В „Св. Руси“ есть и ирония (в имени), но надо видеть сущность народа сквозь текущее». *А. М. Петрова*— см. примеч. к разделу «Звезда Полынь», с. 577. 9 дек. 1917 В. писал ей: «Я не нахожу, чтобы между „Миром“ и „Св. Русью“ было противоречие: одно обращено к душе России, к духу расы, а другое к государству, к империи: одно к Руси, другое к России. У меня есть вера в Русь, но есть и отношение европейца к Российскому государству». *Плотник-Царь* — Петр I. *Соловьиный посвист.* Подразумевается былинный Соловей-разбойник.

*228. «Слову — свобода!». 1917, 10 дек. - - ДГ. Первонач. ред. — а-ф в Тт-2 (л. 156об.), под загл. «Да здравствует мир!», дата: 23 ноября 1917. Авт. маш. — под загл. «Мир. 19 ноября 1917 года» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 47, л. 4), вар.; авт. маш. — под тем же загл. (Там же, ед. хр. 106, л. 3). Ст-ние представляет собой отклик на переговоры советского правительства о сепаратном мире с Германией. 15 нояб. 1917 было объявлено об этом решении, 20 нояб. переговоры начались в Брест-Литовске. 17 нояб. В. писал Сабашниковой: «Для меня, европейца, непереносимо то, что мы изменили и предали наших союзников, совершили акт, лишающий нас чести, но этим мы принимаем на себя искупление той лжи, которая породила теперешнюю войну». *Германцев с запада.* Первая публикация ст-ния шокировала «литературные круги» Москвы. 18 дек. 1917 в газ. «Мысль» появилась реплика: «Определенно выраженное поэтом желание увидеть страну „под немцем“ является <...> шагом, обнаруживающим большую политическую нетактичность». В. же, допуская военную победу Германии

над Россией, так представлял ее последствия: «Славянство, которое окажется внутри Германской империи, я думаю, больше сделает для преображения ее, чем то, которое будет отчаянно и безуспешно, вопреки своему историческому темпераменту, бороться с нею извне. <...> можно было бы в течение двух-трех поколений подточить и разрядить германский империализм изнутри, тем анархическим христианским зарядом, что заложен в славянстве» (п. к Петровой от 15 янв. 1918).

229. ДГ. 19 янв. 1918 В. писал Ю. Ф. Львовой: «Несмотря на все угрожающие беды, у меня почему-то настроение радостное и почти ликующее. См. стихотворение „Из бездны"». *Новинский* Александр Александрович — капитан 3 ранга, начальник Феодосийского торгового порта при белых; В. познакомился с ним летом 1916. *Ах, в самом косном и темном.* Мысль фр. философа Леона Блуа (1846—1917), не раз повторявшаяся В.: «Душа каждого — будь это идиот или негр — неизмеримо драгоценнее всех мыслимых сокровищ» (Тт-2, л. 107).

***230.** «Весенний салон поэтов». М., 1918. - - ДГ. Вар. — а-ф в Тт-2 (л.165). Загл. восходит к ст-нию Тютчева «Ночное небо так угрюмо...». 30 дек. 1917, посылая ст-ние Петровой, В. писал: «Ведь Демон <...> не непременно бес — это среднее между Богом и человеком: в этом смысле ангелы — демоны и олимпийские боги — тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением. И в той, и в другой форме глухонемота является неизбежным признаком посланничества, как Вы видите и по эпиграфу из Исайи. Они ведь только уста, через которые вещает Св. Дух. Они только знак, который сам себя прочесть не может, хотя иногда сознает, что он знак».

231. ДГ. А-ф в Тт-2 — под загл. «Глухонемая Русь», эпиграф: «„Дух немой и глухой! Повелеваю тебе — выйди!". Марк IX, 25» (л.166); авт. маш.— под загл. «Русь одержимая», тот же эпиграф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 106, л. 6). За основу ст-ния взят евангельский эпизод (см. примеч. 225), использованный и Достоевским в эпиграфе к «Бесам». Комментируя ст-ние в РР, В. писал: «Большевизм нельзя победить одной силой оружия, от бесноватости нельзя исцелиться путем хирургическим. <...>. Раздавленный силой, он будет принимать только новые формы, вспыхивать в новом месте и с новой силой».

***232.** «Ялтинский голос». 1918, 17 нояб. - - ДГ. Первонач. загл. — «Мать» (а-ф в Тт-2, л. 184; авт. маш. — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 111, л. 6). Эпиграф — неточная цитата из Книги пророка Исайи (XLVII, 15); в первоисточнике: «Каждый побрел в свою сторону; никто не спасает тебя». Начиная с 1910, В. гадал в ночь под Новый год, — несколько раз открывая наугад книгу (обычно Библию) и записывая «выпавшие» слова в «творческой тетради». *Правда Славии.* 9 дек. 1917 В. писал Петровой: «Знаменательно имя „славяне". Для Запада оно звучит, как имя рабов (esclavi). Раб и славянин по латыни — синонимы, и для Германии

Россия „славянский навоз“. Но внутренний смысл Славянства, то, что оно тайно несет в себе — это Слава, Слово: Право Славии»". Здесь — влияние идей не только славянофилов, но и Р. Штейнера; еще 19(6) июня 1905 В. записал в дневнике слова «Штейнера: «У Славянской расы есть особые силы. Она четвертая мировая раса и из нее должна выйти шестая».

233. ДГ. *Богаевский* — см. преамбулу к примеч. 67—80. Эпиграф — из книги византийского автора VI в. Марцеллина, на лат. языке описавшем события в Византии, начиная с 347 г. О замысле ст-ния В. писал 4 янв. 1918 Р. М. Гольдовской: «Теперь я читаю перед сном Грегоровиуса „История города Рима в средние века“ <...>. Вычитал там один факт, до сих пор мне неизвестный и глубоко меня поразивший: в истории Рима был такой момент (он длился 40 дней), когда во всем Риме не было ни одного живого человека — только дикие звери. Он еще не был тогда разрушен. Это было в 6-м веке. Затем он снова стал населяться. Такие черты очень говорят сердцу в наши дни». (Труд Ф. Грегоровиуса «История города Рима в средние века» в трех томах (Спб, 1903—1904) сохранился в ДМВ). В лекции РР В. комментировал: «Эти сорок дней безлюдья и запустенья отделяют императорский Рим от Рима папского, который постепенно вырастает из развалин и вновь поднимается до мирового владычества, на этот раз духовного. Избрание Патриарха в октябрьские дни в Москве, когда окончательно были смыты и унесены последние остатки царской власти, невольно приводило сознание к этой исторической аналогии». *«Акты Остготских королей»* — сочинение готского историка VI в. Иордана (в некоторых соч. именуемого епископом) «О происхождении и деянии гетов». *Соракта* — гора в Этрурии, в 40 км от Рима. *Тотила* — остготский король (541—552): при нем была истреблена значительная часть римского населения; оставшиеся жители были выведены из города и размещены по тюрьмам Кампании. *«Священный Путь»* — улица на римском Форуме, ведущая на Капитолий. *Принял папа державу.* Концом Западной Римской империи считается 476 год, когда вождь скиров Одоакр сверг последнего римского императора Ромула Августула. Первым папой, сосредоточившим в своих руках не только церковную, но и светскую власть, стал Григорий I Великий (ок. 540—604, папа — с 590). *Так семя, дабы прорасти, Должно истлеть.* Реминисценция слов Христа: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн, XII, 24).

***234.** ДГ, под загл. «Ангел времен». - - «Современные записки». 1921, № 4. А-ф в Тт-2 (л. 171об.—172) — вар., вар. загл.: «Славия», «Ангел времен говорит:». Авт. маш. — вар., дата: 25 апреля 1918. Коктебель (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 111, л. 7). О за-

мысле ст-ния В. писал Петровой 26 янв. 1918: «Меня сейчас мучит и волнует один образ, который не знаю, удастся ли выявить в стихах: очень он труден и опасен по теме. Посмотрите на карту Европы: Константинополь с системой проливов и Мраморным морем— это материнские органы Европы. И это не только внешне, но и внутренно: Византия в свое тысячелетнее царство была сосредоточием всех нервных — страстных — волокон — похотником Европы. Греция и Рим — они невинны — они до сознания пола, которое приходит только с христианством. Только в четырнадцатом веке, когда мужская сила Ислама насильственно овладевает Константинополем, Европа становится женщиной и зачинает. Ее плод, еще не выношенный, но созревающий и уже вызывающий родовые схватки — Россия. Родиться для мировой своей роли она сможет только через проливы». От работы над ст-нием В. отвлекали «внешние события»; 10 мая он писал Петровой, что «Европу» «уже много переделывал», но не чувствует ее «законченной». *Рюмина* Варвара Леонидовна жила в Коктебеле в 1917—1918 гг. *Блудницею, сидящею на звере.* Образ из Апокалипсиса (XVII, 1—6), символ Вавилона. *Девушкой, лежащей на быке,* т. е. Европой (греч. миф.), дочерью финикийского царя, похищенной Зевсом, превратившимся в быка. *Бычий Ход* — пролив Босфор. *Махмут-завоеватель*— Мехмед II Фатих (1430—1481), турецкий султан (1451—1481), в 1453 завоевал Константинополь, Македонию, Фракию, положив конец Византийской империи. *Русь — третий Рим.* Имеется в виду теория старца Филофея (XVI в.) «о Москве, как о третьем Риме», хранителе правой христианской веры. *Неистовый Хирург* — Петр I. *Славия воссветится из пепла.* В РР В. заметил: «Мне представляется возможным образование Славии — славянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области южной России. <...> Славия будет тяготеть к Константинополю и проливам и стремиться занять место Византийской империи».

*235. Стих-77. Черн. наброски и а-ф в Тт-3 имеют также второе загл. — «Запись о смутняках» (л. 4, 41об.—42об.). Первый опыт В. в переложении в стихи произв. древнерусской литературы. Работа начата в февр. 1919 в Одессе, закончена 5 сент. (23 авг.) 1919 в Коктебеле (Тт-3). За основу «Написания» взята последняя глава «Повести книги сея от прежних лет: о начале царствующего града Москвы» («Летописной книги»), автором которой считается князь Иван Михайлович *Катырев-Ростовский* (ум. 1640), приближенный царя Михаила Федоровича. К «галерее» Катырева-Ростовского В. добавил еще два портрета: Марины Мнишек и Федора-Филарета; подробнее см. вступ. ст. С. 61. *Покляпый* — гнутый, крючковатый. *Срачица* (церк.)— сорочка. *Крин* — лилия. Ср.: Мтф. VI, 28, Лука, XII, 27. *Пустошное* — суетное, маловажное. *Чредима* — последовательна, тщательна. *Зелная* (от зело) — особая.

Расстрига — Лжедмитрий I (ум. 1606), русский царь с 1605. Предположительно — Г. Отрепьев. *Тавлея* — шашки или шахматы.

236. ДГ. В РР В. отмечал: «Наравне с Разиновщиной, еще более жуткой загадкой ближайшего, может быть завтрашнего дня, вставала Самозванщина на фоне Смутного времени. Мне показалась заманчивой и благодарной идея написать все Смутное время, как деяния одного и того же лица, много раз убиваемого, но неизбежно воскресающего, неистребимого, умножающегося». Историю Смутного времени В. изучал по работам В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, П. Пирлинга, С. Ф. Платонова. 15 янв. 1918 он писал Петровой: «Мне, может, удастся выявить после и лики русских демонов, не только бесов. Пока у меня единый русский демон — „Дмитрий-Император“. Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распыленного тоже между тысячами бесов („имя ему — легион“). Ведь Дмитрий вполне реален — так именно он должен был представляться тем его современникам, которые шли последовательно за всеми самозванцами». В авт. маш. имеется помета В., объясняющая даты, вынесенные в загл. ст-ния: «1591 — убиение Дмитрия в Угличе; 1613 — казнь сына Дмитрия в Москве». Царевич *Дмитрий* (1581—1591) — сын Ивана Грозного, погиб 15 мая 1591. Его смерть послужила началом Смутного времени. М. С. Альтман записал в 1929 такое мнение В. о том, кем был Самозванец: «Я думаю, — подлинным сыном Иоанна, стоит посмотреть на его портрет: такое сходство. И он был ставленником Романовых. Вообще все самозванцы с Смутного времени — это путь к власти бояр Романовых» (Альтман М. Дневник//Воспоминания. С. 587). *Оболенская* Юлия Леонидовна (1889—1945) — художница, приятельница В. с 1913. *Голод был.* Три года подряд (1601—1603) были неурожайными, и на Руси начался страшный голод. *Мезга* — разного рода мякоть: картофельные выжимки, получающиеся при выделке муки, молодая кора. *Вышел я.* 15 авг. 1604 Лжедмитрий I с войском двинулся на Москву. *Пасолнцы* — побочные солнца, явление атмосферного отражения. *На московском венчанный престоле.* Лжедмитрий I венчался на царство 21 июля 1605, приняв титул императора. Брак его с Мариной Мнишек был заключен 8 мая 1606 в Москве. *Сопель* — дудка (из бузинной палочки, ивовой коры). *Пепл собрали* и т.д. Лжедмитрий I был убит заговорщиками в ночь на 17 мая 1606, тело его было сожжено, прахом выстрелили из пушки в сторону Польши. В 1607 на сцену выступил Самозванец Лжедмитрий II, ставленник польской и литовской шляхты. *Тушино* — село под Москвой, где находился военный лагерь Лжедмитрия II. Марина Мнишек тайно обвенчалась с ним в 1608. *Умерщвлен татарами и жмудью...* Лжедмитрий II был убит 11 декабря 1610 братьями Урусовыми. Жмудь — древнелитовское племя из низовий Немана.

Воскрешала новых мертвецов. Весной 1611 объявился Лжедмитрий III, называвшийся также Сидоркой и «псковским вором». Арестован летом 1612. *Яик* — название реки Урал до 1775. *Да казнили казнию последней.* Сын Марины Мнишек Ивашка, родившийся в 1611, был удавлен в июне 1614.

***237.** ДГ. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 164—165). 25 дек. 1917, посылая ст-ние Петровой, В. писал ей: «Тема ультра-современная. Мне хотелось Св<ятой> Руси противопоставить Русь грешную и окаянную. Сейчас начинается настоящий Стенькин Суд. Самозванчество, разбойничество... вот основные элементы всякой русской смуты». «Мой замысел был — дать только психологическую картину исконного русского мятежа и связать ее, не намекая на это, с современностью» — пояснял он 1 февр. 1918 Оболенской. В РР В. рассказывал о возникновении замысла ст-ния: «Когда в октябре 17-го года с русской Революции спала интеллигентская идеологическая шелуха и обнаружился ее подлинный лик, то сразу начало выявляться ее сродство с народными движениями давно отжитых эпох русской истории. <...>. Прежде всего проступили черты Разиновщины и Пугачевщины и вспомнилось старое волжское предание, по которому Разин не умер, но, подобно Фридриху Барбароссе, заключен внутри горы и ждет знака, когда ему вновь „судить русскую землю“. Иногда его встречают на берегу Каспийского моря, и тогда он расспрашивает: продолжают ли его предавать анафеме, не начали ли уже в церквах зажигать сальные свечки вместо восковых, не появились ли уже на Волге и на Дону „самолетки и самоплавки“? Эти вопросы, столь напоминающие совершавшееся теперь, и самая идея Страшного Суда, вершащегося над Русской землей темными и мстительными силами, раздавленными русской государственностью и запечатанными в гробах церковной анафемой, внушили мне поэму „Стенькин суд“». *Кедров* Николай Николаевич (1871—1940) — певец, профессор Петроградской консерватории, жил у В. в Коктебеле в 1916 и 1917. *Море Хвалынское* — старое название Каспийского моря. *Шихан* — крутой холм. *От змия горынского.* В неоконченной статье «Как Стенька Разин придет русскую землю судить» В. пересказывает «народное сказание», по которому сердце Стеньки в горе «с восхода до заката» сосет «великий змей» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 325). *Гребенская.* Гребенские казаки (гребенцы) произошли от донских, из числа живших в XVI в. у Гребенских гор; затем переселились на Терек. *Сарынь* — толпа, ватага. Василий *Ус* и Федор *Шелудяк* — сподвижники Разина. *В священных цепях* — по-видимому, в смысле: в освященных (для предотвращения колдовства). *Мне к чему царевать да насиловать* — цитата из «прелестных писем» Разина.

238. «Объединение». Одесса. 1920, № 5. - - «Родная земля». Сб. 2. Нью-Йорк, 1921. Печ. текст— с пометой (а-ф): «(1919 г. Во время наступления Деникина на Орел)» — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 43. В. считал «Китеж» самым значительным «из написанного летом» 1919 (п. к Е. И. Васильевой от 25 нояб. 1919). На маш. тексте ст-ния, посланном А. М. Петровой, приписка В.: «Александра Михайловна, эти стихи о „граде Китеже“ написаны по вашему заказу. Мах» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 114, л. 2). Н. Я. Рыкова вспоминала, что «Китеж» и «Дикое поле» производили на слушателей «потрясающее впечатление» и воспринимались «как пророчество» (Воспоминания. С. 513). *Огнищане.* По «Русской Правде» (XIII в.) имя огнищан носил высший служилый класс, приравненный к «княжим мужам». *Сергиев* (имеется в виду — монастырь) — Троице-Сергиева лавра, знаменитая русская обитель, основанная Сергием Радонежским около 1335. *Оптина* пустынь — Введенская-Макариева мужская пустынь в Калужской губернии, основанная, по преданию, бывшим разбойником Оптою (в иночестве Макарий) в XIV в. *Саров* — Саровская мужская пустынь в Тамбовской губернии, основанная в XVII в. *На поток* — на расхищение, на грабеж. *Дети Калиты* — Симеон, Иван, Андрей, продолжавшие политику отца. *Правёж* — взыскивание долга с истязаниями. *Темный* — прозвище Василия II Васильевича (1415—1462), великого князя московского (с 1425). *Изветчик* — клеветник. *Зарезанный младенец* — царевич Дмитрий (см. примеч. 236). *Отродье Кошки и Кобылы.* Кобыла Андрей Иванович (ум. до 1351)— боярин времен Ивана Калиты, родоначальник дома Романовых. Кошка Федор Андреевич (ум. не ранее 1393) — боярин, младший из пяти сыновей А.И. Кобылы. *Своих пяти императриц* Имеются в виду: Екатерина I Алексеевна, Анна Иоановна, Анна Леопольдовна, Елизавета и Екатерина II. *В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской.* Петр III (Карл Петр Ульрих), император в 1761—1762, был сыном герцога Карла Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского и Анны, дочери Петра I; сын Петра III Павел I был женат на Софье Вюртембергской (Марии Федоровне) и имел от нее 10 детей, в числе которых — императоры Александр I и Николай I.

***239.** Однодневная газ. «На борьбу с голодом». Феодосия. 1922, 1 янв., под загл. «Скифское поле», с искажениями текста. - - «Южный альманах». Смф. 1922, № 1. - - «Наши дни». М., 1922, № 1. - - «Трилистник». М., 1922, № 1. - - «Русская мысль». Прага. 1922, № 1/2. О первой публ. В. писал матери 15 февр. 1922: «Стихи появились с примечанием: „Редакция сочла нужным переделать стихи Волошина. <...>“ Переделка такова: опущены все строфы, где упоминались имена русских царей это „монархизм“, а последние строки <...> переделаны: „Эх, пропьем до конца нашу волю И скуемся в единую цепь“. Это „революция“». Авт. маш. — с посвящ. (а-ф): «Посв. атаману Махно» (ПД, ф 562, оп. 1, ед. хр. 108, л. 5—5об.). С Махно В. предположительно встречался весной 1919 в Феодосии. *Равеннские ворота.* Имеется в виду ит. город Равенна, в начале V в. — резиденция императора Гонория. *Всадников и лошадей.* Ср. с выражением в очерке Сен-

Виктора «Атилла» в пер. В.: «В несколько дней обе Германии и Галлия исчезают под водоворотами лошадей и всадников» (Сен-Виктор П. де. Боги и люди. М., 1914. С. 112). *Обры* — славянское летописное название авар. «Погибоша, аки обри» — выражение из «Повести временных лет» (в смысле: исчезли без следа). *Никола-Угодник* — Николай Чудотворец, святой, считавшийся покровителем воинов и моряков. *Егорий* — Георгий Победоносец, покровитель в военных делах, а также в земледелии и скотоводстве.

***240.** «Помощь». Смф., 1922, № 1. - - «Трилистник». М., 1922, № 1, под загл. «1919 год». Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 35об.). Ст-ние отразило впечатления В. от многочисленных поездок в 1918—1919 по Крыму и южной России. Начало работы над ст-нием — апр. 1919; тема была сформулирована так: «Сон. (Вокзалы III класса). Причастие сна. Исступленность поз. Корчащиеся. Заключенные в кокон. Неродившиеся. В утробе сна. Единство сознания России» (Тт-3). Артист К. Н. Кедров, декламировавший стихи В. в Морском собрании Севастополя 2 нояб. 1919, сообщал автору, что «после чтения „На вокзале“ был такой взрыв аплодисментов, что жутко даже стало».

241. НЖ. 1954, № 34. Вар. загл. в Тт-3: «Социальная революция», «Стигматы», «Наша революция», «Революция» (л. 19, 20, 20об.). В. писал: «В русской революции прежде всего поражает ее нелепость: социальная революция, претендующая на всемирное значение, разражается <...> в стране, где нет ни капитализма, ни рабочего класса. Потому что нельзя же считать капиталистической страну <...>, торговый оборот которой мог бы свободно уместиться, даже в годы расцвета ее промышленности, в кармане любого американского мильярдера» (РР). В «Автобиографии» В. отмечал, что ст-ние «было названо лучшей характеристикой революции двумя идейными вождями противоположных лагерей (имена их умолчу)» (Воспоминания. С. 33). Один из этих вождей — В.М. Пуришкевич, монархист, член Гос. Думы; В. встретился с ним 28 июня 1919, по пути из Керчи в Новороссийск, и читал ему «всю серию <...> последних стихов о Революции», причем Пуришкевич «пришел в полный восторг» (Путник по вселенным. С. 287). Установить имя второго «вождя» позволяет п. В. к М.С. Цетлин от 18(5) апр. 1920: «Мне передавали: несколько месяцев тому назад в „Правде“ была статья Троцкого обо мне, где он называл меня самым крупным из современных поэтов». «В момент высшего напряжения гражданской войны, когда вся Россия не могла столковаться ни в чем», В., по мнению автора статьи, удалось «найти такие слова, которые одинаково затрагивали и белых, и красных, и именно в определении сущности русской революции» (Путник по вселенным. С. 287). *Не нам ли суждено изжить.* В. объяснял свою точку зрения: «Россия — социально наиболее здоровая из европейских стран — совершает в настоящее время жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе» (РР). *Святой Франциск* — см. примеч. 269. *Стигматы.* Здесь — следы

ран от распятия, появляющиеся на теле под влиянием религиозного экстаза. В. писал: «Россия в лице своей революционной интеллигенции с такой полнотой религиозного чувства созерцала социальные язвы и будущую революцию Европы, что, сама не будучи распята, приняла своею плотью стигмы социальной революции» (РР).

***242.** Лит. прилож. к газ. «Накануне». Б., 1923, 18 февр. - - «Россия». 1924, № 2. А-ф (Тт-3, л. 113об.), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 106, л. 11—11об.; ед. хр. 108, л. 12) — вар., под загл. «Русь», с посвящ. М. С. Заболоцкой, эпиграф: «„В Россию можно только верить“. Ф. Тютчев». Ст-ние подверглось нападкам в «Крокодиле» (Писака. Литературная лоханка. — 1924, № 16) и в журн. «Печать и революция» (Лежнев А. Заметки о журналах. — 1924, № 6. С. 126). Заболоцкая Мария Степановна (1887—1976) — вторая жена В. (фактически с 1922, официально с 1927). «Она стала самым мне близким человеком и другом... — писал В. Сабашниковой 24 февр. 1923. — Ее любовь для меня величайшее счастье и радость». *О младенцах, засоленных впрок.* Речь идет о голоде 1922 г. в Крыму (см. вступ. ст. С. 51); также: Вересаев В. В Крыму//«Моск. понедельник». 1922, 12 июня).

***243.** ВРХД. 1977, № 120. Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 121об.—122), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 108, л. 10—11; ед. хр. 112, л. 3об.). К. И. Чуковский в п. к В. от 5 мая 1924 выделял в этом ст-нии «антитезу целей и следствий в русской истории». *Виска*— орудие пытки.

244. «Руль». Б. 1920, № 120. - - «Вершины». Екатеринослав 1920, № 1. - - «Родная земля». Нью-Йорк. Сб. 2. 1921. А-ф — с датой и пометой: «1919. Апрель. Одесса» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 10об.). В. писал: «Особая предназначенность России подтверждается также той охраняющей силой, которая бдит над нею в самые тяжелые эпохи ее истории и спасает ее, вопреки ее собственным намерениям и устремлениям. Лишь только чужеземная рука касается ее жизненных средоточий, немедленно рождается неожиданный ответный удар, который редко исходит из сознательной воли самого народа, а является разрядом каких-то стихийных, охраняющих ее сил. Татары, поляки, Карл XII, Наполеон — все в свое время испытали его. Последней испытала его Германия» (РР). *В эпоху бегства французов из Одессы.* 4 апр. 1919 В. пометил в Тт-3: «Суматоха. Общее бегство». 6 апр. фр. войска покинули Одессу, куда в тот же день вошли части Красной Армии (под командой атамана Н. А. Григорьева). *В Германии русское вече.* Имеется в виду революция в нояб. 1918 в Германии. *Святой Серафим* (1759—1833) — иеромонах Саровского монастыря (см примеч. 238), прославился как великий подвижник; канонизирован в 1903 г. Сохранилась запись голоса В., читающего это ст-ние, сделанная С. И. Бернштейном в Ленинграде 20 апр. 1924 (грампластинка «Голоса, зазвучавшие вновь». М. <1977>).

IV

*245. «Родная земля». Киев. 1918, № 1. - - ДГ. А-ф — в Тт-2 (л. 172об.—183), вар., помета под текстом: «19 мая 1918 г. Коктебель. Воскресенье. 8 ч. утра. Начато в апреле на Страстной». В. использовал не только «Житие протопопа Аввакума» (между 1672—1675), но и его «Книгу бесед», послания и челобитные царю Собственные переживания В. периода гражданской войны также входили в поэму составным элементом. Впервые о замысле поэмы В. писал Петровой 25 дек. 1917, а 30 дек. сообщал, что «„Аввакум“ <...> пока застрял». 25 февр. 1918 он делился с Оболенской трудностями работы: «Записки Аввакума так великолепны, что хочется закрепить их целиком, и руки опускаются. Не могу найти подобающего ритма: раз уже написал почти половину, но теперь хочется все сызнова написать». В начале мая В. сообщал Петровой: «Пишу все время „Аввакума“. Очень длинная вещь получается. <...> Хочется очень самому стушеваться, предоставив речи самому Аввакуму <...>. Хочется не упустить ни одного ценного его слова и потому потерян пока в мелочах». 10 мая В. жаловался Петровой, что работа «идет туго», но 18 мая 1918 поэма все-таки была завершена. После чтения В. «Аввакума» 18(5) апр. 1919 Бунину, тот записал: «Справился с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна» («Устами Буниных». Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. С. 234). *Силы небесными кругами...* Согласно библ. миф., ангелы делятся на три иерархии: высшая — серафимы, херувимы, престолы, средняя — господства, силы, власти, низшая — начала, архангелы, ангелы. *За Кудмою-рекой.* Кудма — правый приток Волги. *Во попы поставлен.* Аввакум был рукоположен в священники в 1644. *Хари* — маски. *Боярин Шереметьев* — Василий Петрович (ум. 1659). Отправился из Москвы на воеводство в Казань летом 1648. *Образ блудоносный.* Мода брить бороду пришла на Русь с запада в XVI в. и имела тогда эротический привкус, соотносясь с мужеложеством. *А мати — некрещеного младенца.* Аввакум женился семнадцати лет на дочери кузнеца Настасье Марковне (1624—?). В 1648 они вынуждены были бежать из с. Лопатицы от преследования местных властей в Москву с новорожденным ребенком. *В те поры Никон.* Патриарх Никон (1605—1681) начал проведение церковных реформ (вызвавших яростное противодействие раскольников) весной 1653. *Взяли меня от всенощной.* Аввакум был арестован в сент. 1653 за выступления против Никона. *К Андронью* — т. е. в московский Андроньев (Спасов) монастырь. *И детьми.* В Сибирь Аввакум был отправлен около 17 сент. 1653. В то время у него было три сына и дочь. *Пашков* Афанасий Филиппович (ум. 1664) — енисейский воевода, в авг. 1655 получил приказ отправиться в Даурию (старинное название местности за Байкалом) для покорения лежащих по Амуру земель. *Долгий* — порог на Ангаре. *Сице* — так. *Распоп* — поп-расстрига, лишенный сана. *Беть* — поперечная скрепа балок. *Под капелью* — под дождем. *Нерча* — приток реки Шилки. *У Пашковой снохи* — боярыни Евдокии Кирилловны. *Мунгальское царство* — Монголия. *Сами иноземцы.* С Еремеем в поход шли 72 казака и 20 иноземных наемников. *В Москву мне ехать.* Аввакум

выехал из Сибири в июне 1662, прибыл в Москву весной 1664 (т. е. ехал не три года, а около двух). *Повалуша* — спальня. *Зайцы великие.* Имеется в виду «морской заяц», нерпа байкальская. У В. описка: «заиды великие». Испр. по соответств. месту «Жития протопопа Аввакума» (по Прянишниковскому списку): «Вода пресная, а нерпы великия в нем и зайцы» (М., 1960. С. 326). *Царица* — Марья Ильинична (урожд. Милославская, 1625—1669). *Ртищев* Федор Михайлович (1626—1673) — гос. и общественный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича. *Морозова* Федосья Прокофьевна (урожд. Соковнина, 1632—1675) — боярыня, последовательница Аввакума. *В тонцем сне.* Тонкий сон — нечто среднее между сновидением и видением. *Лутари, Гусяти и Колвинцы* — то есть, лютеране, гуситы и кальвинисты. *В училище Собор-ном* — в Сорбонне. *Арсен* — Арсений Грек, «справщик» церковных книг при Никоне. *Су* — частица при обращении. *Романея* — виноградное вино высокого качества. *Вем* — знаю. *Кирие*-елейсон — «Господи, помилуй» (*греч.*). Первая часть музыки католической мессы, написанной на эти слова. Исполняется и в православной церкви (при архиерейском богослужении). *В соборном храме стригли.* Аввакум был расстрижен в Успенском соборе 13 мая 1666. *На суд Вселенских Патриархов.* Патриархи, заседавшие на церковном соборе, судившем Аввакума 17 июля 1667, — Макарий Антиохийский, Паисий Александрийский и Иосаф Второй Московский. *«Мы ведь — уроды...»* Искаженная цитата из Первого послания апостола Павла к коринфянам (IV, 10). *Княгиня Урусова* — Евдокия Прокофьевна, сестра Ф. П. Морозовой. После заключения в тюрьму ее развели с мужем, князем П. С. Урусовым. Сослана с сестрой в Боровск в 1673. *У этой сына уморили.* Сын Морозовой, Иван Глебович, стольник, заболел с горя от разлуки с матерью. Ум. в 1671 или 1672. *Ликоваться* (церк.) — целоваться, здравствуя друг друга, прикладываться щекой к щеке. *С Федором.* Юродивый Федор, духовный сын Аввакума, был повешен в Мезени в марте 1670. *Афанасьюшка.* Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума, автором нескольких сочинений. Сожжен в Москве на Болоте весной 1672. *Хованский* Иван Иванович (ум. 1701) — стольник, приверженец старообрядчества. *Как Исаию.* Исаия — дворовый человек боярина Петра Салтыкова. *Иван* и *Прокофий* — сыновья Аввакума. *Лазарь* (ум. 1682) — священник г. Романова-Борисоглебска (ныне Тутаев Ярославской обл.), один из видных деятелей раннего старообрядчества. Сожжен в Пустозерске. *Старец Епифаний* — инок Соловецкого монастыря. Ему и Лазарю языки были «резаны легко» 27 авг. 1667. См. также текст и примеч. 295. *Сослали в Пустозерье.* В Пустозерск Аввакум был отправлен в конце авг. 1667, прибыл туда 12 дек. *Под землю закопали.* Аввакум был брошен в земляную тюрьму 14 апр. 1670. *Да если б Богу угодно было <...> Что воск, в единую минуту.* Мысль Леона Блуа (см. примеч. 229), любимая В. и отсутствующая у Аввакума. 4 окт. 1917 В. цитировал ее в п. к Петровой: «Если бы по божественному соизволению мы смогли увидать человеческую душу такой, как она есть, то мы погибли бы в то же мгновение, как если бы были брошены в пылающий горн вулкана». *А вывели казнить.* Аввакум и его соузники

поп Лазарь, инок Епифаний и дьякон Федор были сожжены на костре 14 апр. 1682.

V. ЛИЧИНЫ

Цикл стихов под этим загл. В. задумал в апр. 1919 в Одессе; в это время в Тт-3 были зафиксированы такие его темы: «Монархист, Террорист, Матрос, Большевик, Царь, Налетчик, Доброволец, Распутин». 25 сент. 1919 В. писал Ю. Л. Сазоновой: «Мне хочется стать гораздо ближе к реальности и закрепить в стихах ряд масок революции, которые потом исчезнут. Мне хочется дать стихам историческую документальность преходящего». В ответ на критику Оболенской, определившей «Личины» как «заметки из памятной книжки», В. 14 янв. 1923 защищал цикл: «„Личины“ <...> необходимы, как фактическая запись, свидетельство поэта-очевидца, экстракт действительности — со всеми словечками, отмечающими дух эпохи: я отмечал и фиксировал то, что казалось ценным в записях других эпох. Я не думаю равнять личины с ликами. Но пишу и личины, сознавая их необходимость, потому что ужасно мало документов сохранится от нашего времени, а стихи имеют больше шансов запомниться и как отдельный цикл в большой книге».

*246. «Южное слово». Одесса. 1919, 16(29) нояб. - - Листовка Освага. Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 26об.). Подзаг. («Тип разложения старой армии») зачеркнут в НК. С прототипами ст-ния В. впервые встретился в янв. 1918, когда, пытаясь предотвратить разгром имения Юнге по соседству с Коктебелем, вызвал из Феодосии отряд красногвардейцев. «Мне было очень любопытно беседовать и иметь дело эти дни с красногвардейцами, местными большевиками и погромщиками, — писал он Сабашниковой 13 янв. — И, в общем, у меня осталось от них благоприятное впечатление. Первоисток всего нашего хаоса это беспредельная, совершенно детская доверчивость и такая же детская вера в возможность немедленного осуществления социалистического рая, а рядом с этим, как основной порок, очень примитивная жадность. Весело смотреть, как им приятно играть в революцию: скакать, распоряжаться, спасать, карать, произносить обращения к народу, стрелять из ружей. <...> Все это сопровождается и настоящим смертоубивством и кровью, но все же не в таком количестве, как могло быть». 1 февр. 1918 поэт рассказывал Оболенской о дальнейшей судьбе своих знакомых: «На днях узнал, что пятеро из моих „приятелей“ красногвардейцев, что приезжали водворять большевистский строй в Коктебеле, расстреляны под Старым Крымом матросами за грабеж и убийства. А они мне обещали приехать позировать... Очень между ними хорош был „старшой“ — залихватским юно-петушиным видом, с головой немного набок и набекрень, очень он хорошо в „народном собрании“, прежде чем начать говорить, щелкал — точно бич развертывал — многосложным площадным ругательством». Еще одно сходное впечатление — в п. к Петровой от 27 февр. 1918: «Приезжали красногвардейцы искать оружия: кто-то распространяет, что у ме-

ня почему-то должно быть оружие. Но, к счастью, и они были очень вежливы, сказали: „Мы ведь Вас знаем: Вы художник“». *Родзянко* Михаил Владимирович (1859—1924) — один из лидеров партии октябристов, председатель Государственной Думы (с 1911). *Муравьев* Михаил Артемьевич (1880—1918) — левый эсер, подполковник; с дек. 1917 — начальник штаба Южного революц. фронта, в начале 1918 командовал войсками Одесской советской республики; инициатор мятежа против советской власти в Симбирске в июле 1918. *Горище* — чердак. *Григорьев* Никифор Александрович (1878—1919) — бывш. штабс-капитан, служил последовательно в войсках Центральной рады, гетмана Скоропадского, петлюровцев и в Красной армии. В мае 1919 возглавил мятеж против советской власти. *Котов, Таранов* — атаманы «повстанческих» соединений в Крыму. В отряд тарановцев — «бывших каторжников, пользовавшихся в Крыму грозной славой», В. попал в Ак-Мечети 14(1) мая 1919 при возвращении из Одессы (Воспоминания. С. 381).

*247. «Южное слово». Одесса. 1919, 16(29) нояб. - - Листовка Освага. А-ф — с эпиграфом: «„Я своей супруге туалетов на десять тысяч сделал, потому что, когда Революция кончится, нельзя же ей будет так показаться: мы ведь теперь новую буржуазию образовываем“. Из разговора в 1919 году» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 1—1об.); авт. маш. — с эпиграфом: «„Мы теперь новую буржуазию образовываем...“ Из матросских разговоров в 1919 году» (Там же, ед. хр. 100, л. 5). Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 23), кор. л. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 88, л. 15). Одним из прототипов был, по-видимому, Иван Андреевич Назукин (1892—1920), севастопольский матрос-большевик (подпольная кличка «Ванька-Сыч»), бывший в мае—июне 1919 наркомом просвещения Крымской республики. Арестован белыми в дек. 1919, расстрелян 24 февр. 1920. Ст-ние отметила М. Цветаева: «Матрос его — настоящий матрос» (Цветаева М. Живое о живом//Воспоминания С. 266). *Кабошон* — драгоценный камень, выпукло отшлифованный с одной или с двух сторон. *Баткин* Федор Исаакович — эсер, председатель делегации Черноморского флота в Петрограде в апр. 1917, участник корниловского похода; с 1920 — эмигрант. Адмирал Александр Васильевич *Колчак* (1873—1920) командовал Черноморским флотом в 1916—1917 (до 7 июня). *«Пронзительный»* и *«Фидониси»* — миноносцы, участвовавшие в установлении советской власти в Феодосии 4—5 янв. 1918. *Алиса* — императрица Александра Федоровна (1872—1918). *Саблин* Михаил Павлович (1880—1920) — вице-адмирал, командующий Черноморским флотом с 22 марта по 2 июня 1918. Отнюдь не «топил», а противодействовал уводу флота из Севастополя в Новороссийск (где часть его была 18 июня 1918 затоплена). *Буржуи ваши живы?* В статье «Молитва о городе» В. вспоминал о Феодосии в 1918: «Иногда наведывался миноносец из Севастополя <...> и спрашивал: „Что, ваши буржуи до сих пор живы? Вот мы сами с ними управимся“» («Дело». Одесса. 1919, 23 марта). *Инкерманский известняк.* Пригород Севастополя Инкерман расположен среди крутых известняковых скал.

•**248.** НРС. 1952, 27 янв., под загл «Председатель». Вар — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л 28), а-ф в Тт-3 (л. 43). *Барсов* (Барзов) Михаил Федорович — портовый грузчик, первый советский комендант Феодосии в янв.—апр. 1918. Арестованный немцами, был освобожден «по ходатайству населения», указавшего, что «в бытность комиссаром приложил все силы, чтобы спасти город от банд», собиравшихся накануне прихода немцев разгромить Феодосию («Южные ведомости». 1919, 1 апр.). Арестован белыми в янв. 1919 и 28 марта 1919 расстрелян в числе 24-х заключенных. *Буржуй здесь мой.* В статье «Молитва о городе» В. подтверждал: «Благодаря всему этому Феодосия избегла резни и расстрелов, бывших в Севастополе, в Симферополе, в Ялте» («Дело». 1919, 23 марта).

•**249.** СиП-1. Авт. маш. — с подзаг. «(Весна 1918)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 31—31об.; ед. хр. 100, л. 5об.; ед. хр. 108, л. 13—13об.). Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 43—43об.). Написано под впечатлением пребывания в Феодосии в марте—апр. 1918. 15 апр. 1918 В. сообщал Оболенской: «...все Черное море теперь полно транспортами <...>, на которых скитаются и бегут самые неожиданные племена, народы, расы... Всех судьба гонит преимущественно в Феодосию. Армяне — беженцы из Трапезунта, русские солдаты из Анатолии, армянские ударники с Кавказа, румынские большевики из Констанцы, остатки Сербского легиона из Одессы. Не Феодосия, а Карфаген времен мятежа наемников...» Этот период описан и в статье «Молитва о городе» (см. примеч. 247). *«Богом дан»* — пер. греч. названия «Феодосия» (город основан греками-милетцами в VI в. до н. э.). *Турчанок — пятьдесят за пару.* В янв. 1918 через Феодосию шла эвакуация демобилизованных и, в основном, деморализованных частей Кавказского фронта — всего до 80 тысяч человек. «Прибывшие солдаты везли с собой на пароходах разнообразную „добычу“ — до молодых турчанок включительно, превращая феодосийский порт в ярмарку» (Ремпель Л. Красная гвардия в Крыму. Смф., 1931. С. 73. Об этом сообщала и газ. «Вольный юг» (Севастополь). 1918, 24 янв.). *Затравленные пароходы.* После занятия Одессы 14 марта 1918 австро-немецкими войсками в Феодосию начали прибывать беженцы оттуда. Среди них — Совнарком Одессы, организация одесских анархистов, штабы одесской Красной гвардии и т. д. *«Румчерод»* — Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа, созданный в мае 1917 на I съезде советов в Одессе. Октябрь встретил враждебно, ликвидирован в апр. 1918. *Политический банкет.* В п. к Оболенской от 25 февр. — 15 апр. В. рассказывал: «Приходил турецкий транспорт с умирающими от голода русскими пленными. Им устраивали обед: но не русским пленным, а туркам. Говорили речи: „Скажите вашему пролетариату и вашей молодежи... торжество социализма... всемирное счастье... Третий интернационал... да здравствует мир без аннексий...“».

***250.** СиП-1. Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 38об.), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 29—29об.; ед. хр. 101, л.5—5об; ед. хр. 111, л. 5—5об.). Критическое отношение к русской буржуазии, которая не стала, по своей малочисленности, классом, В не раз высказывал в статьях и пп. 1918—1920. «С точки зрения Града Господня и „буржуазия", и „пролетариат" это — едино, ибо основано на том же эгоизме и жажде благополучия», — писал он 9 мая 1917 Петровой. Рассказывая Оболенской о бурной весне 1918 в Феодосии, В. писал 15 апр. 1918: «Должен прибавить, что истинные буржуи, то есть люди коммерческие и наживающие, держали себя и при этих обстоятельствах крайне отвратительно, из всего извлекая выгоду даже под расстрелом и не забывая обирать и подводить других». *Они повесят сами* и т. д. В статье «Соломонов суд» В. писал: «Сколько раз мне приходилось слышать в разговорах от „буржуев с военн<ой> психологией", что необходимо после занятия севера „повесить Горького" и „расстрелять Брюсова и Блока"» («Урал». 1990, № 3. С. 166).

251. «Южное слово». Одесса. 1919, 30(17) нояб. - - «Трилистник». М., 1922, № 1. - - Изборник. М., 1922. С. 226. А-ф в Тт-3 (л. 37), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 5об.) — дата 14 августа 1919; а-ф (Там же, ед. хр. 101, л. 3—4) — датировка «1919 г. Июль. Коктебель».

VI. УСОБИЦА

Высылая этот цикл Т. Д. Цемах, В. писал ей 1 марта 1923: «Там есть впечатления террора с обоих сторон». Еще ранее стихи были пересланы в Берлин А. С. Ященко (см.: Русский Берлин: 1921—1923/Сост. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris, 1983. С. 70—72). В сопроводительном письме В. отмечал: «Эти стихи лучше, чем всякие письма, дадут понятие, что делалось и что переживалось за эти годы. Они написаны с точностью документов».

***252.** НРК. 1923, № 2. - - СоТ (с пометой под текстом: «1920 г. При Врангеле. Коктебель»). - - Книга для чтения. А-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 12—12об.), авт. маш. (Там же, ед. хр. 107, л. 5об.) — с датировкой: «Октябрь 1919 г. Коктебель» Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 61), а-ф, авт. маш. 1, авт. маш. 2 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 105, л. 20—21). Ст-ние, прочитанное В. в Феодосийском литературно-артистическом кружке (ФЛАК) 16 янв 1920 (при белых), вызвало «овацию всего зала» («Крымская мысль» Ф. 1920, 18 янв.). *Кудеяр* — легендарный атаман разбойников, герой ст-ния Н. А. Некрасова «О двух великих грешниках» (в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо»). *Молюсь за тех и за других.* В. пояснял: «Молитва поэта во время гражданской войны может быть только за тех и за других: когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев» (РР).

253. «К искусству!». Ф. 1919, № 2. - - «Одесский листок» 1919, 20 нояб., под загл. «Путешествие». - - «Сполохи». Б. 1922,

№ 5. - - «Красный Крым». Смф. 1922, 20 окт. Описано плаванье на шхуне «Казак» из Одессы в Крым, во время которого В. переводил стихи Анри де Ренье (в частности, «Раковина», «Видение», «Тревога»). Т. Д. *Цемах* (см. примеч. 161) — спутница В. в поездке в Одессу.

*254. «Наши дни». М. 1922, № 1. - - Изборник. М., 1922. А-ф в Тт-3 (л. 27), а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 7—8), авт. маш. (Там же, ед. хр. 111, л. 3) — первонач. загл. «Плавание». Посвящ. раскрыто в Тт-3: «Посв. товарищам по шкуне „Казак" Малишевскому, Врублевскому, Борисову, Парфену и Григорию». Первые трое — матросы, сотрудники одесской ЧК; Парфен и Григорий — экипаж «Казака». Вар. посвящ.: «Посв. матросам Малышевскому, Врублевскому и Борисову — спутникам на шкуне Казак"» (а-ф; подзаг. «(Одесса — Ак-Мечеть, май 1919 года)»). А-ф в Тт-3, авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 5) — подзаг. «10—15 мая 1919. Одесса — Евпатория». Устроил В. на шхуну «Казак» адмирал А. В. Немитц. *Березань* — необитаемый остров к западу от Очакова, при входе в Днепровский лиман; место расстрела лейтенанта П. П. Шмидта. *Очаков* — городок на берегу Днепровского лимана, морской порт. Шхуна подошла сюда 12 мая в 11 часов. *Тендрова коса* — низменный песчаный остров к юго-востоку от Одессы, ок. 65 км длиной. «Казак» проходил ее 13 мая. *Кинбурн* — песчаная коса между Днепровско-Бугским и Ягорлыцким лиманами, длиной ок. 40 км. Остатки турецкой крепости. Здесь, у Покровского хутора, «Казак» был 11 мая. *Господствовал французский флот.* 6 мая 1919 газ. «Знамя борьбы» сообщала, что фр. миноносец «Л» «несет сторожевую службу и останавливает парусные дубки, проверяя на них груз». *Я — буржуа изображал.* «Мы были остановлены; к нам на борт сошел французский офицер и спросил переводчика. Я выступил в качестве такового и рекомендовался „буржуем", бегущим из Одессы от большевиков. Очень быстро мы столковались. Общие знакомые в Париже и т. д. Нас пропустили. „А здорово вы, товарищ Волошин, буржуя представляете", — сказали мне после обрадованные матросы, которые вовсе не ждали, что все сойдет так быстро и легко» (Воспоминания. С. 380). *Ак-Мечеть* — поселок на Тарханкутском полуострове западного Крыма (ныне Черноморское), в 64 км к северо-западу от Евпатории. *И вашей ругани полет!* «Мои матросы, перепуганные <...> огнем пулеметов <...>, — вспоминал В., — ответили малым загибом Петра Великого. <...> Это факт не единичный: сколько я слышал рассказов о том, как людям, которых вели на расстрел, удавалось „отругаться"...» (Воспоминания. С. 381).

*255. НРК. 1923, № 2. - - СоТ. Начало работы — 26 июня, затем 7 и 9 июля 1920. Окончательный вариант, 31 июля, имеет помету: «Во время болезни и бессонных ночей и северовостока» (Тт-3, л. 81об.). Первонач. ред. — черн. а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед хр. 61, л. 2). В СоТ — помета под текстом: «1920 г. Перед приходом советской власти в Крым. Коктебель». *Лу* (ок. 383—478) — епископ города Труа (а не Тура). Упомянут в книге П. де

Сен-Виктора «Боги и люди», переведенной В. *Машкера* (устар.) — маска. *Тайная* разыскных дел *Канцелярия* учреждена в Петербурге в 1731, в 1718 была создана по делу царевича Алексея, сына Петра I.

256. НРК. 1923, № 2. - - СоТ. В Тт-3 (л. 88) — подзаг.: «(1920). Феодосия. Январь. Декабрь». 15 нояб. 1920 в Феодосию вступили полки 30-й Сибирской дивизии, на другой день была объявлена регистрация офицеров и военных чиновников, с обещанием амнистии. Однако в начале дек. 30-ю дивизию сменила 9-я Ударная, начавшая повальные аресты бывших офицеров, помещиков, духовенства. По словам очевидцев, «в течение полутора месяцев еженощно выводилось на Чумную гору у карантина и мыс св. Ильи по 300—400 душ, расстреливаемых из пулеметов и пачками <...>. Единицам удалось бежать и укрыться на чердаках, в норах, в сараях <...>. Трупы казненных зарывались небрежно, и утром собаки растаскивали куски мяса <...>. Общее число пострадавших — не менее 700—800» («Руль». Б. 1921, 4 окт.). И. А. Бунин негодовал по поводу этого ст-ния: «Кем надо быть, чтобы бряцать об этом на лире, превращать это в литературу, литературно-мистически закатывать по этому поводу под лоб очи?» («Последние новости». Париж. 1932, 8 сент.). Однако перед этим он сам рассказывает о феодосийских расстрелах словами ст-ния В. «Террор» (там же). *Чумная,* или Чумка, — холм за стенами феодосийского Карантина, место захоронения жертв чумной эпидемии в 1348 г. *Карантин* — территория, где содержались (в течение 40 дней), для предотвращения массовых инфекций, возвращавшиеся из путешествия в Мекку паломники-мусульмане; находился в стенах средневековой генуэзской цитадели. *Часовня Ильи-пророка* — на мысе св. Ильи, к югу от Феодосии. Ныне не существует.

***257.** НРК. 1923, № 2. - - СоТ. Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 83). В. уехал в Симферополь 24 янв. 1921, чтобы скрыться в большом городе: его пребывание в маленькой Феодосии становилось опасным для него. Однако и в Симферополе, где правил Бела Кун, обещавший очистить Крым от «контрреволюционеров» к приезду Троцкого, и аресты шли безостановочно, создание такого рода ст[и]ний было смертельно опасным. Описаны феодосийские расстрелы, о которых В. знал как очевидец: в дек. 1920 — янв. 1921 он жил в доме Айвазовского (в квартире П. Н. Лампси, уехавшего за границу), где размещалась ЧК. См. также вступ. ст. С. 51—52.

258. «Красный Крым». Смф. 1921, 30 апр., под загл. «I Semaine Sanglante <«Кровавая неделя», *фр.*>. (К 50-летию гибели Парижской коммуны 21—28 мая 1871 г.)» и с таким «маскировочным» примеч.: «„Кровавой неделей коммуны“ зовут в Париже те дни, когда версальцы вершили свою расправу над побежденными. До сих пор парижские рабочие ежегодно устраивают во второй половине мая демонстрацию у той стены на кладбище Пер Лашез, где легло 30 тысяч растрелянных коммунаров. Пятьдесят

лет назад дни католической Пасхи падали тоже на май месяц». - - НРК. 1923, № 2, под загл. «Красная весна». - - СоТ, под тем же загл. А-ф с тем же загл. и примеч., что в первой публ. — ф. 562, оп. 1, ед. хр. 61, л. 5—5об. Вар. загл.: «Кровавая зима (Страстная зима)» (а-ф в Тт-3, л. 83), «Кровавая Пасха» (авт. маш. — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 112, л. 1; а-ф — там же, ед. хр. 61, л. 4—4об., с подзаг. «К 1-му Мая 1921»). Ст-ние является откликом на последствия террора и начало голода в Крыму (достигшего апогея летом и осенью 1921). *Зимою вдоль дорог* и т. д. Протокол совещания ветврачей Феодосийского уезда 3 февр. 1921 отмечал, что «санитарное состояние города ужасное — трупы павших после Врангеля лошадей до сих пор местами еще не убраны» (ГАКО). *Стучали пулеметы.* В тексте, опубликованном в газ. «Красный Крым», было: «стучали митральезы». *Весна пришла.* Н. Я. Рыкова вспоминает: «Весна была худая: сперва долго стоял холод, потом сразу наступила сухая жара» (Воспоминания. С. 512). *А души вырванных Насильственно из жизни < ... > Безумили живых могильным хмелем* В статье «Коринфское чудо» («Молодая жизнь». 1906, 18 дек.) В. писал: «В Индии существует убеждение в том, что смертная казнь не пресекает воли осужденного вместе с его существованием. Казнь, обрывая нить жизни того, в ком жила сила ненависти, освобождает эту силу. Тогда ненависть убитого парит над сердцами его близких и, найдя благоприятную почву, встает тысячами молодых и сильных побегов».

259. НРК. 1923, № 2. - - СоТ. *Духонин* Николай Николаевич (1876—1917) — генерал-лейтенант, последний начальник Генерального штаба царской армии. Был убит солдатами. Выражение «К Духонину в штаб» обозначало расстрел. *Правду выпытывали.* Некоторые сведения о пытках В. получил, в частности, от председателя одесской ЧК Северного (Юзефовича), — о котором записал в сент. 1919: «Он был в отряде подрывателей. Только что вырвался из застенка. Его пытали. Ему вгоняли щепочки под ногти, ему подпаливали пальцы на огне. Ему читали приговор, ставили к стенке, стреляли поверх головы и вели на допрос» (Тт-3, л. 90).

***260.** СиП-1. Вар. — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 112, л. 3). Замысел ст-ния относится к июлю 1921, работа шла в июне и дек. 1922. Ст-ние было передано через Вересаева в «Красную новь», и редактор журнала А. К. Воронский собирался его публиковать в 1923, как «самое сильное и яркое, что было написано на эту тему» (п. к В. б. д.). Однако цензура не пропустила ст-ние. Описание голода в Крыму (в основном — по письмам к нему В.) дал в газ. «Московский понедельник» (1922, 12 июня) В. Вересаев. См. также вступ. ст. С. 51. *Хлеб от земли.* В. имел в виду пословицу: «Недород от земли, голод — от людей». *Угличские отроки...* Намек на царевича Дмитрия (см. примеч. 236), в горсти которого после убийства будто бы остались орешки.

*261. НРК. 1923, № 2. - - СоТ (с пометой под текстом «Ноябрь 1921. Феодосия, в больнице»). Первоначально ст-ние называлось «1921», «Anno Domini 1921» (Тт-3, л. 95—96об.); в этой ред. было опубл. в лит. прилож. к газ. «Накануне» (1922, 13 авг.); затем было разделено на два ст-ния: данное и 262. Первонач. ред. — а-ф, под загл. «1921 г.», с эпиграфом и датой: 5 января 1922 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 61, л. 8—8об., 9); вар. — а-ф (Там же, л. 10, под загл. «A. D. 1921»). Тема ст-ния возникла еще у В. Кюхельбекера («Участь русских поэтов»). А. А. Блок умер 7 авг. 1921, Н. С. Гумилев расстрелян в конце авг. 1921. *Лазарь* — человек, воскрешенный Иисусом Христом на четвертый день после погребения (Иоанн, XI). Сохранилась запись чтения В. этого ст-ния, сделанная на фонографе (см. примеч. 244).

262. «Свисток». 1922, № 2. - - НРК. 1923, № 2. - - СоТ (с датой и пометой: «Ноябрь 1921. Феодосия»). Еще 17 нояб. 1917 В. писал Сабашниковой: «Я лично готов ко всему. Мне почему-то уже много лет назад начала мерещиться такая эпоха, и я с первого же момента революции знал, что это начинается. <...> Но разве может быть что-нибудь страшно, если весь свой мир несешь в себе? Когда смерть является наименее страшным из возможных несчастий?» *Апокалипсическому Зверю.* Апокалипсис дает образ чудовищного зверя с семью головами, которому «поклонятся все живущие на земле» (XIII, 1—8).

263. НРК. 1923, № 2. - - СоТ (помета при дате: «Дорога между Симферополем и Феодосией»). А-ф в Тт-3 (л. 83об.), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 3) с эпиграфом: «„Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые“. Тютчев». *Трус* — землетрясение. *Стал человек — один другому — дьявол.* Антитеза изречению «Человек человеку — волк» римского драматурга Плавта (комедия «Ослы»). *Мы выучились верить и молиться За палачей.* 25 мая 1923 В. писал Е. Я. Эфрон: «Времена террора провел все время лицом к лицу с истребителями, живя с ними в одной квартире. Тут-то я понял всю силу молитвы, когда молишься не за жертву, а за палачей, как она на глазах может преображать человека». *Где каждая частица вещества* и т. д. В набросках статьи «Демократизация искусства» В. формулировал: «Как в настоящую эпоху каждый, исследуя мир, от мельчайшего его проявления воспринимает мудрость, но совершенно лишенную любви, лишенную, с нашей точки зрения, морального двигателя, так человечество будущей вселенной, которое будет жить во вселенной, созданной нами, будет воспринимать в каждом проявлении его не мудрость, а любовь» («Кодры». 1989, № 12. С. 143). Ср. у Тютчева ст-ние «Два единства».

VII. ВОЗНОШЕНИЯ

*264. Лит. прилож. к газ. «Накануне». 1923, 20 янв. А-ф в Тт-3 (л. 52об.—53; вар.), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 48—48об.; ед. хр. 115, л. 2об.—3) — под загл. «Молитва». *Скорожена* — от скородить: боронить.

265. «Свиток». 1922, № 2. - - НРК. 1923, № 2, под загл. «Заклятие». - - СоТ, под тем же загл. Авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 1) — под загл. «Молитва».

*266. ДГ. - - «Дело». Одесса. 1919, 23 марта. Вар. — а-ф 1 в Тт-2 (л. 167об.—168), под загл. «Феодосия (Март 1918)»; а-ф 2 в Тт-2 (л. 184об.—185). По словам В., «было напечатано в однодневной газете „Дня просвещения" в Феодосии» (п. к К. В. Кандаурову от 7 сент. 1918). Согласно п. Ю. А. Галабутского к В., эта газ. должна была выйти 20 июля 1918, под его ред. (экз. газ. не выявлен). Описание Феодосии «весною 1918 года при большевиках» В. дал в статье в газ. «Дело» (см. примеч. 249). *Толузаков* Сергей Александрович — штабс-капитан (в 1909 жил в Петербурге). В. общался с ним в 1917—1919 в Феодосии и в Ростове-на-Дону.

*267. «Дело». Одесса. 1919, 30(17) марта. - - ДГ. Вар. — а-ф в Тт-2 (л. 168—169). Переложение некоторых мест библейской «Книги пророка Иезекииля»: главы I, X и XVI — видение Иезекииля и обращение Бога к блудной «дщери Иерусалима». В основе видения — идея кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство. В статье «Видение Иезекииля», сопровождавшей первую публ., В. писал: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых. <...> Не та же ли ревнивая любовь Господа проявляется и в судьбах России — поруганной, обиженной и кинутой на позор перед всеми народами?». В день окончания ст-ния, 21 янв. 1918, В. писал Сабашниковой: «...очень было бы желательно такого требовательного мужа для России». По свидетельству поэта, чтение им этого ст-ния в еврейском лит. кружке «Унзер Винкель» в Феодосии в 1919 было почтено вставанием и хоровой песнью, т. к. в ст-нии «аудитория услыхала подлинный голос древнего пророка иудейского» (Воспоминания. С. 407—408). *Свят Вседержитель!* Цитата из Апокалипсиса (Откр. IV, 8).

268. ВРСХД. 1973, кн. 107. А-ф в Тт-3 — под загл. «Иуда» (л. 55); авт. маш. — под загл. «Иуда (Легенда Парижской Notre Dame)» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 115, л. 4—4об.); авт. маш. 2 — с подзаг.: «Легенда об аббате Огере, викарии Собора Парижской Богоматери» (Там же, ед. хр. 111, л. 12—12об.). В. давно интересовался этим евангельским персонажем. Пытаясь разгадать тайну предательства Иуды, он делает «свод канонических повествований четвероевангелия о Тайной вечере», затем работает над статьей «Евангелие от Иуды» (не закончена), — где принимает еретические воззрения секты каинитов, для которых Иуда был «самым

сильным, чистым и самым посвященным из всех учеников Христа» (ибо своим предательством, — без которого невозможна была жертва Христа, — именно он «принял на себя грехи мира») В 1907 В. вкратце излагает эту трактовку образа Иуды в статье о творчестве Л. Андреева «Некто в сером» («Русь». 1907, 19 июня), связывая «нравственную проблему, скрытую в личности Иуды», с современностью (ЛТ-88. С. 462—463). Начало работы над ст-нием — лето 1910 (Тт-2). В 1925 В. планировал написать ст-ние «Судьбы Иуды» (Тт-3, л. 151); 12 авг. 1929 он говорил М. С Альтману, что недоволен написанным и хочет сделать из ст-ния поэму. «Для меня Иуда — это еврейский народ, который, как самый старший апостол Христа, и принял на себя все зло мира» (Дневник М. С. Альтмана. Запись 12 авг. 1929. Рукопись — личный архив). *В первый день опресноков.* Особенностью праздника Пасхи у иудеев было употребление только пресного хлеба, что должно было напоминать о призвании еврейского народа быть чистым, свободным от порчи «квасом египетским». *С ним двенадцать.* Имеются в виду 12 апостолов, учеников Иисуса Христа. *Размышлял некий священник.* Этот рассказ приведен А. Франсом в его книге «Сад Эпикура» (1894), герой его — аббат Эжже, викарий собора Нотр-Дам де Пари, рассказавший о своих видениях в книге «Подлинный Мессия» (1829).

269. ВРСХД. 1973, кн. 107. *Святой Франциск* Ассизский (1182–1226) — христианский подвижник, основатель монашеского ордена францисканцев. В ст-нии изложены некоторые из проповедей Франциска по книге: «Сказания о бедняке Христове» (М., 1911). В дек. 1921 В. читал в Народном университете Феодосии лекцию о св. Франциске («Францисканство и Ренессанс»). Сохранились ее тезисы: «Св. Франциск — ось европейской истории. Источник вдохновения Джотто, Данта. В строгую теологическую символику францисканство вносит живое чувство, пафос страданий, живописность». См. также вступ. ст. С. 41—42.

***270.** «Южное слово». Одесса. 1919, 16(3) дек. - - «Великая Россия». Севастополь. 1920, 27 окт. - - «Русская книга». Б., 1921, № 3, под загл. «Заклинание о русской земле». Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 33об.—34); а-ф (ПД, ф. 562. оп. 1, ед. хр. 101, л. 13—14). Ст-ние стилизовано под народные заговоры; В. использовал книгу А. Ветухова «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова» (Варшава, 1907).

VIII

***271.** «Недра». 1925, кн. 6, с купюрами. - - Книга для чтения, с подзаг. «Фрагменты неоконченной поэмы». - - СиП-1. Вар. — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 67, л. 16—18об., под загл. «Петербургская Россия»), авт. маш. 2 (Там же, л. 1—5об.). Замысел поэмы возник в конце 1918. 5 сент. 1918 В. писал Оболенской: «Мне надо еще очень многое сделать в той полосе, которая раскрылась для меня в этом году: еще надо много формулировать в русской истории. Мне намечаются, как ближайшие темы: Петр, Александр I...» 15 нояб. 1919 в п. к А. К. Герцык он конкретизирует: «Петр, Грозный, Аракчеев, как непосредственные предтечи

большевизма... Все это теснится и требует новых образов и формулировок». В Тт-3 появляются наброски об интеллигенции, о Елизавете, о «Петре-большевике». 14 февр. 1924 поэт сообщает Вересаеву об окончании поэмы, «над которой работал 2 месяца, целыми днями, несмотря на холод и нетопленный дом. В ней всё, что думалось о Петербургской России (с Петра до наших дней) <...> Это дополнение к „Китежу", „Дикому полю", „Северовостоку", но взятое уже с петербургской точки зрения, как для „Китежа" перспективой была Москва, а для „Дикого поля" и „Северовостока" — южная степь и Крым». В нояб. 1924, в заявлении в ЦЕКУБУ (Центральную комиссию по улучшению быта ученых), В. определял поэму так: «Русское прошлое, выявленное современностью». *Как будто бы во мне самом легла.* 7 авг. 1919 В. писал Л. А. Недоброво: «Мне кажется, что я чувствую сейчас всю Россию во всех ее противоречиях и крайностях». *С алтарным камнем финских чернобогов.* Имеется в виду гранитная скала — постамент памятника Петру I (Медного Всадника). *Стрешнев* Тихон Никитич (1644—1719) — боярин из окружения Нарышкиных, сенатор. *У матушки-царицы.* Мать Петра Алексеевича — Наталья Кирилловна Нарышкина (1651—1694), вторая жена царя Алексея Михайловича. 15 авг. 1929 В. говорил М. С. Альтману: «Петр не был сыном Алексея Михайловича и не мог им быть; ибо Алексей был бесплоден. Ключевский полагал и высказывал это в близких кругах (хотя — нигде в печати), что Петр был сыном Никона» (Воспоминания. С. 587). *Машкерную одурь.* Машкера (устар.) — маска. *Гамильтон* Мария Даниловна — фрейлина, любовница Петра I, казнена по его приказу в 1719. *Стрелец в Москве у плахи говорит...* В казнях стрельцов осенью 1698 Петр I сам выполнял иногда роль палача. *А может быть, подушки...* По свидетельству М. С. Волошиной, поэт склонялся к версии, что Петр был задушен Меншиковым. *«Не лапай, дуралей».* Этот эпизод (связанный с лекарем Лестоком) описан в книге К. Валишевского «Царство женщин» (Спб., 1911. С. 408). *Пять женщин* — см. примеч. 238 («пять императриц»). *Рогервик* — бухта в западной части Финского залива на Эстляндском побережье; в 1723 Петр заложил здесь крепость и порт. *Голштинский лоск.* Волошин имеет в виду Гольштейн-Готторпскую нем. герцогскую династию, правившую в 1544—1773 в части Шлезвига. Сыном Гольштейн-Готторпского герцога Карла-Фридриха был император Петр III (1728—1762). *Курляндский конюх.* Имеется в виду Э.-И. Бирон (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, которая дала ему титул герцога. Недоброжелатели Бирона утверждали, что его дед был конюхом Курляндского герцога. *Тупейный мастер* — парикмахер (от слова «тупей» — взбитый хохол на голове). *Березов* и *Пелым* — города в Тобольской губернии, служившие в XVIII в. местом ссылок. В Березове находились Меншиков, Долгоруков, Остерман, в Пелыме — Бирон и Миних. Джордж *Доу* (1781—1829) — английский живописец, в 1819—1829 работавший в Петербурге. *«Державный мистик»* — Александр I. Федор *Кузьмич* — таинственная личность, жившая в Сибири (ум. 1864): под этим именем будто бы скрывался Александр I, якобы не умерший в 1825, а «удалившийся от мира» по обету. *Пять виселиц* — казнь

декабристов 13 июля 1826. *На Семеновском плацу* должна была состояться смертная казнь петрашевцев, в том числе Ф. М. Достоевского, 22 дек. 1849. *От-Цу* (Отсу) — город в Японии, где 23 апр. 1891 на Николая II (тогда наследника престола) было совершено покушение. *Филипп* (наст. имя Низьер Вашоль) — француз из Лиона, знахарь и маг. *Папюс* (наст. имя Жерар Энкос, 1865—1916) — фр. оккультист; в 1905 в Царском Селе вызывал дух Александра III в присутствии царской семьи. *Азеф* Евно Фишелевич (1869—1918) — один из лидеров партии эсеров, провокатор. *Старец* — Григорий Распутин. *Феликс* — Феликс Феликсович Юсупов (1887—1967), князь, граф Сумароков-Эльстон, генерал-майор свиты; один из убийц Распутина. *И где-то на Урале* и т. д. Николай II с семьей и четырьмя приближенными (всего 11 человек) были расстреляны в ночь на 17 июля 1918 в Екатеринбурге. *Великий Петр был первый большевик.* Н. Бердяев также считал, что «приемы Петра были совершенно большевистские <...> Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» (Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма Париж 1955. С. 12). *Невод Закинул Петр.* В. писал: «Им был заброшен в русское общество невод Табели о рангах, и его улов создал разночинцев. Из них-то, смешавшись с более живыми элементами дворянства, через столетие после смерти Преобразователя и выкристаллизовалась русская интеллигенция» (РР). Историю русских «лишних людей» В. излагает отчасти по статье В. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» (Ключевский В. Сочинения В 8-ми т. М., 1959. Т. 7. С. 409—414). *Тишайший* — царь Алексей Михайлович. *Вокабулы* — отдельные слова иностранного языка с переводом на родной язык. *Виссарион* — В. Г. Белинский. *Соловьев* — поэт и философ В. С. Соловьев. В наброске об интеллигенции В. выписал его изречение: «Русская интеллигенция всегда мыслит странным силлогизмом: „Человек произошел от обезьяны — следовательно мы должны любить друг друга“». *Кара* — река в Забайкалье, место политической (с 1873 по 1890) каторги *Размыкан был, растоптан и сожжен...* Еще в июле 1905 В. в п. к Петровой писал: «Русское вырождение — это интеллигенция Она должна быть сметена народной волной вместе с правительством. Она чужда народному духу, заражена европейским варварством форм, и ей нет места в национальном обновлении». *«Мартобря* 86 числа» датирована одна из записей в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя. *Колеса вязнут в старой колее.* В. писал «Советская власть, утвердившись в Кремле, сразу стала государственной и строительной: выборное начало уступило место централизации, социалисты стали чиновниками, канцелярское бумагопроизводство удесятерилось, взятки и подкупность возросли в сотни раз, рабочие забастовки были объявлены государственным мятежом, и стачечников стали беспощадно расстреливать, на что далеко не всегда решалось царское правительство, армия была восстановлена, дисциплина обновлена...» (РР). *Разбитого Кремля* (вар

«снесенного Кремля»). Имеются в виду бои за Кремль с юнкерами 2—3(15—16) нояб. 1917, когда артиллерийским огнем были повреждены многие здания и стены (но отнюдь не снесены до основания). *Крижанич* Юрий (ок. 1618—1683) — писатель, ученый, обществ. деятель, хорват по национальности. В России жил в 1659—1676. В. дает пересказ цитаты из «Бесед о правлении» Крижанича (Крижанич Ю. Политика. М., 1865. С. 496). *Сергиевой веры.* Имеется в виду Сергий Радонежский (1321—1391) — русский церковный и политический деятель, основатель Троице-Сергиевой лавры. *Серафимовых молитв.* Серафим — см. примеч. 246. *При русских грамотах на благородство.* Отзвук выражения А. А. Фета: «Вот наш патент на благородство...» («На книжке стихотворений Тютчева»). *Смердяков* — герой романа Достоевского «Братья Карамазовы», растленный лакей, отцеубийца. В наброске «Интеллигент» В. прямо определил: «Его т. е. интеллигента сущность — Смердяков». *Стиракса* — ароматическая смола. *Разрыв-трава* — сказочное зелье, от которого распадаются запоры и открываются клады. *Бакунин* Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, один из теоретиков анархизма и народничества. В п. к Петровой от 15 янв. 1918 В. сопоставлял Бакунина с Аввакумом: «Они выражают собой основную черту русской истории: христианский анархизм». *Стальной нарез.* «Чтобы поддерживать гигантский, органически не сплавленный конгломерат народов, которым была Российская империя, <...> необходима была власть грубая, тяжелая, железная, — писал В. в наброске «Интеллигенция 80-х годов». — Другой вопрос: нужно ли было поддерживать государственное единство и нужно ли было России быть такой громадиной?» *Пред всеми и пред каждым.* См. примеч. 226.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ПУТЯМИ КАИНА

Трагедия материальной культуры

Большинство ст-ний, составивших цикл «Путями Каина» (В. называл его как циклом, так и поэмой) создавалось в 1922—1923. В книгу под этим же загл. В. включил также два ст-ния 1915 (284 и 285). По сути, это изложение воззрений поэта на всемирную историю — «переоценка материальной культуры», начатая им еще в 1900. Сохранился автограф развернутого плана В., темы и идеи которого, в основном, отражены в цикле (см.: Избр. С. 367—368). Касаясь задуманной «поэмы», В. писал Вересаеву 14 апр. 1922: «В ней, мне кажется, удастся сконцентрировать все мои культурно-исторические и социальные взгляды, как они у меня сложились за 20 лет жизни на Западе и как они выявились в плавильном огне русской Революции. Я еще совершенно не знаю, чем окажется моя поэма в качестве художественного произведения. Но у меня, по крайней мере, будет завершенная формулировка моего отношения к современной культуре, к человеку и, поэтому, к политике». 23 дек. 1923 в п. к Пешковскому В. так характеризовал произв.: «„Путями Каина" — это цикл стихов, касающийся материальной культуры человечества. Россия и русская революция затронуты в ней только стороной. Но там я формулирую почти

все мои социальные идеи, большею частью отрицательные. Общий тон — иронический» (ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 27) В архиве В. сохранился ранний (машинописный) вариант текста и композиции цикла («Порядок глав»): «Пролог» (позднее — «Мятеж»), «1. Огонь», «2. Кулак», «3. Магия», «4. Меч», «5. Пар», «6. Порох», «7. Машина», «8. Война», «9. Распад», «10. Государство», «11. Наука», «12. Пророк» (позднее — «Бунтовщик»), «13. Левиафан», «Эпилог» (позднее — «Суд»); главы «Распад» и «Наука» отсутствуют (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1). В 1925 В. планировал дополнить цикл новыми произведениями: «Таноб», «Взрыв», «Цареубийство», «Боги-игрушки (Петрушка)», «Людоедство-Евхаристия», «Культура» (Тт-3, л.151), — но они не были написаны (за исключением поэмы «Таноб»). Определенное влияние на В. оказала книга нем. философа Освальда Шпенглера (1880—1936) «Закат Европы». 2 апр. 1923, благодаря Вересаева за присылку этой книги, поэт писал: «Необычайно вдохновляющая, оплодотворяющая книга, хотя с нею в большинстве случаев и не соглашаюсь. Для моей работы над „Пут<ями> Каина" она драгоценна». В п. к М. С. Шагинян от 20 нояб. 1923 В. уточнял, что для него «очень много разверзла» шпенглеровская «идея судьбы-времени». В одном из планов цикла у В. записано: «Первый мятежник против семьи — Каин». Текст печатается по авт. маш., входящей в НК, с проверкой и отдельными исправлениями по другим авторизованным текстам (СоТ, а-фы и авторизованные машинописные списки из архива В.).

*272. «Недра». 1923, кн. 2. - - СоТ. - - Книга для чтения. Первонач. ред. (авт. маш. — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1—1об.) — под загл. «Пролог» (т.е. пролог ко всему циклу), работа шла с 15 мая по 16 июня 1922 (Тт-3, л.122). Вар — а-ф в Тт-3 (л. 117об.—118). Среди выписок В. есть цитата из Гераклита: «Мятеж — отец всех вещей». А. И. Цветаева сохранила такие слова В.: «...есть люди, которых миссия есть миссия отрицания <...>. Которым всю жизнь дано быть непокорными. Бунт. Но этот бунт может быть ближе к Богу, чем вера. Не забывай, что пути к Богу различны. И что путь богоборства может быть еще гораздо вернее богопокорности. <...> Помни, что непокорность — это самое сыновнее чувство, непокорные вместе с творцом творят мир» (Цветаева А. Королевские размышления. М., 1915. С. 15) *В начале был мятеж* и т.д. Полемическая параллель евангельской формуле Предвечного Слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. <...> Все чрез Него начало быть» (Ин. I, 1, 3). *Мир — лестница.* Согласно оккультным теориям, человек движется через физический мир, «набирая опыт в пространстве с помощью времени» и поднимаясь постепенно на душевный, а затем на духовный уровень. *Животные и звезды.* По оккультным теориям, растения развиваются из минералов, животные — из растений, люди — из животных. *Ваяло* — орудие для ваяния, резец. *Зверь, сойдя с ума, очнулся человеком.* Образ, заимствованный В. у Вяч. Иванова. В п. к Петровой (авг. 1904) В. привел слова Иванова: «Совершается единственное в истории жи-

вотное, охваченное безумием. Обезьяна сошла с ума и стала человеком».

273. «Недра». 1923, кн. 2. - - СоТ. Ряд мыслей об огне (частично заимствованных у М. Метерлинка) В. изложил в статье «Демоны Разрушения и Закона» (ЛТ-88. С.176—178). *Плоть человека — свиток...* «Человек — это книга, в которую записана история мира», — помечено среди записей В. 1907. *В себе унес весь древний Океан.* См. примеч. 182—196(5). *Гражданский строй, религия, семья.* Здесь сходство с теорией В. С. Соловьева, считавшего семью самой первой, «экономической» ступенью истории человечества, второй — «политическую ступень», третьей — «церковь», духовное общение людей (Соловьев В. Собр. соч. Спб. <1911>. Т. 1. С. 257—259). *Ригведа* — одна из священных книг древних индусов, собрание гимнов и богослужебных формул (X в. до н. э.).

***274.** «Недра». 1923, № 2. - - СоТ. Первонач. ред. — под загл. «„Война и мир". Вступление» («Россия». 1924, № 9). Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 110—111), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, 134). В одном из набросков В. формулировал: «Содержание науки и магии тождественно, но подход различен. Что для дневного знания является математической, или физиче<ской>, или химич<еской> формулой, то для магическ<ого> познания является живой волей персонифицирован<ного> в лице духа и отношение с ним является договором, пактом». «Равновесие между силой и моралью» — записано у В. — как одна из тем поэмы. *Синбад-Мореход* — герой средневековой книги арабских сказок «Тысяча и одна ночь». *Соломонова печать* — чудесный перстень, с помощью которого Соломон, третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 до н. э.), согласно легенде, укрощал демонов. *Легче было встретить Бога.* Цитата из римского писателя Марка Теренция Варрона (116—28 до н.э.), приводившаяся В. в статье «Анри де Ренье» (ок. 1919. ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 327). *Ундины* — по средневековым воззрениям — духи, управляющие водной стихией. В статье «Памяти Н. Н. Сапунова» В. писал об ундинах: «Магия учит, что они обладают природой изменчивой, чувственной, мягкой, холодной, восприимчивой к образам и творящей призрачные формы...» (ЛТ-88. С. 290). *Саламандры* — духи огня. *Кобольты* (герм. миф.) — род гномов, живущих под землей. *Эльфы* — духи воздуха. *Никсы* — духи воды.

275. «Недра». 1923, кн. 2. - - СоТ. Тема определена у В.: «Эволюция справедливости». Противопоставление «кулачного права», как наиболее гуманного, «праву пушечному» идет от статьи М. Метерлинка «Похвала боксу»; впервые изложено В. в статье «Демоны разрушения и закона» (ЛТ-88. С. 164—166, 173). *«И тот, кто не оставит Отца и мать»* — пересказ слов Христа (Матф. X, 35—36; Марк, X, 29). *Убил кочевника.* Авель был пастухом (Бытие, IV, 2). *Отомстится всемеро.* Неточная цитата из Библии (Бытие, IV, 15). *Ковач металлов.* Каин считался первым кузнецом, отсюда демоническая его характеристика в мифах, связанная с отрицательным отношением древних народов к кузнеч-

ному делу (всякое ремесло и искусство связывались тогда с колдовством). Согласно Библии, Каин основал первый из городов, потомки его изобрели гусли и свирель (Бытие, IV, 17 и 22). *«Свобода, братство, равенство иль смерть»* -- лозунг Великой французской революции, впервые выдвинутый в постановлении парижского клуба кордельеров 30 июня 1793.

276. «Красная новь». 1922, № 3. - - СоТ. Поэтическое переложение раздела «Меч» из статьи «Демоны Разрушения и Закона» — с прямыми цитатами из эссе Метерлинка «Похвала шпаге» и «Бог войны» (ЛТ-88. С. 166—170). *«Отклер», «Дюрандаль»* — названия мечей Оливье и Роланда, героев старофранцузского рыцарского эпоса «Песнь о Роланде». *Сидов меч «Тисона».* Сид Кампеадор (наст. имя Родриго Диас де Бивар, между 1026 и 1043 — 1099) — кастильский рыцарь, герой испанского эпоса. По другой версии, эта надпись была на другом мече Сида, по имени «Коллада» (ЛТ-88. С. 167); так называет В. меч Сида в одном из вариантов текста. «Основное свойство сознания — рассекать единую истину на два антиномичных понятия: да! и нет!» — записано в набросках В. (ок. 1909). *Хирург и филантроп* — Жозеф Игнас Гильотен (1738—1814), врач, по предложению которого во Франции была введена в употребление гильотина (первая казнь — в апр. 1792). Еще 30 июня 1906 В. опубликовал в газ. «Двадцатый век» статью «Гильотина как филантропическое движение». *«Горе побежденным!»* В IV в. до н. э. галлы, захватив Рим, потребовали выкуп золотом; при выплате дани они принесли слишком тяжелые гири, но, когда трибун стал возражать, вождь галлов Бренн добавил к гирям свой меч, воскликнув: «Горе побежденным!». *Не веривший ли в справедливость.* Переложение цитаты из романа А Франса «Суждения господина Жерома Куаньяра» (Франс А. Собр соч.: В 8-ми т. М., 1958. Т. 2. С. 536). Эти же идеи В. излагал в статьях «Во времена революции» («Око». 1906, 11 авг.), «Разговор» («Око». 1906, 28 сент.), «Пророки и мстители» («Перевал». 1906, № 2). *«Не мир, а меч»* — изречение Иисуса Христа (Матф X, 34). *«Отмщенье Мне...»* — цитата из Библии (Второзаконие, XXXII, 35).

***277.** «Красная новь». 1922, № 3. - - СоТ (вар.). Идеи ст-ния отчасти заимствованы из работ М. Метерлинка (см. предыдущее примеч.) и из статьи П. де Сен-Виктора «Музей артиллерии» (см статью В. «Демоны Разрушения и Закона»//ЛТ-88. С. 172—178). «Взрыв в промышленности» — первоначальное авторское определение темы ст-ния. *Преступного монаха.* Имеется в виду Бертольд Шварц — немецкий монах, около 1330 случайно изобретший порох. *Аркебуза* — первоначальный вид ручного огнестрельного оружия, появившийся в первой трети XV в. *Неистовый Орланд* — герой поэмы итальянца Лудовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд». *Всеобщую военную повинность.* «Всеобщая воинская повинность была главным фактором, понизившим моральный уровень Европы в XIX веке», — писал В. в 1924, в п. к Л Б. Каменеву (черновик). *Облики чудовищных теней* В набросках статьи «Демократизация искусства» В. прямо писал об опасности «интра

атомной энергии» («Кодры». 1989, № 12. С. 142). Среди источников по современной физике, которыми он пользовался, можно назвать книги Густава Лебона «Эволюция сил» (Спб., 1910) и «Эволюция материи» (Спб., 1911).

278. «Красная новь». 1923, № 2. - - СоТ. Идеи ст-ния первоначально были изложены в статьях «Вопросы современной эстетики» («Русь». 1904, 15 июня), «Бунт машин» (МГ. 1911, 20 сент.), «Все мы будем раздавлены автомобилями» (МГ. 1911, 3 нояб.) и в неопубликованных: «Демонизм машины» (см. след. примеч.), «Автомобиль» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 119). Сохранился такой план ст-ния: «Демонизм машины: Костюм. Перепроизводство (империализм). Соблазн комфорта. Машина и материализм. Идея собственности <...> вещей). Система Тейлора» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 277). *Хозяин догадался.* Паровой котел был изобретен Д. Папеном в 1680, первые паровозы были созданы в Великобритании в 1803 (Р. Тревитик) и в 1814 (Д. Стефенсон).

***279.** СоТ. Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 100—102). Некоторые мысли ст-ния были ранее изложены в статье В. «Бунт машин» (МГ. 1911, 20 сент.) и в наброске статьи «Демонизм машины» (см. примеч. 177—178, 1). *Как ученик волшебника.* Имеется в виду баллада Гете «Ученик чародея». *Однообразные ненужные предметы.* В тетради выписок В. находим слова Реми де Гурмона: «Цивилизация — увеличение потребностей, накопление вещей. Европейское рабство от вещей». Близка была В. и мысль Гонкуров: «Машины изготовляют мертвые вещи» (Гонкур Э. и Ж. де. Дневник. М., 1964. Т. 1. С. 420). *Что духа нет.* Имеются в виду идеи фр. материалистов, в частности Жюльена Ламетри (1709—1751), изложенные в его работах «Трактат о душе» (1745), «Человек-машина» (1747) и др.

***280.** СоТ, под загл. «Пророк». Под тем же загл. — а-ф в Тт-3 (л. 118об.—119об.), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 11—12). Вариант загл. в рукописи — «Наби» (древнееврр.: пророк) в п. к Вересаеву от 18 марта 1922, — где В. характеризовал ст-ние: «Голос пророка, призывающего к мятежу против вещества». *Я голос вопиющего в пустыне.* Выражение из Библии (Исайя, XL, 3). *Не мечи им истин.* «Правда — только то, что вырастает из глубин духа, как подводное растение», — писал В. в статье о драме Вилье де Лиль-Адана «Аксёль». Герой этой драмы отказывается принять готовую истину, требуя, чтобы она «выросла из самых глубин их сознания <...> и этим стала личной и безусловной» (ЛТ-88. С. 21). «Людей, изнасилованных истинами», поэт видел в большинстве штейнерианцев (п. к. Оболенской от 21 окт. 1913). *Сей противоречья.* «Противоречие мысли и дела — это вечные двигательные пункты в жизни человека...» — писал В. в неизданной статье «Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого» (1902; ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 178). *Трихина* — см. примеч. 203. *К прыжку из человечества.* Возможно, антитеза выражению Ф. Энгельса (в «Анти-Дюринге»). «Прыжок из царства необходимости в царство свободы». *Свободы*

нет. Но есть освобожденье. Мысль мастера Януса из драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксёль». *Все преступленья создает закон* Ср. в Новом Завете: «Где нет закона, нет и преступленья» (Послание апостола Павла к римлянам, IV, 15). *Не противьтесь злому.* Свое неприятие теории «непротивления злу насилием» Л Н Толстого В. излагал в статье «Судьба Льва Толстого» (1910)· «Не противясь злому, я как бы хирургически отделяю зло от себя и этим нарушаю глубочайшую истину, разоблаченную Христом что мы здесь на земле вовсе не для того, чтобы отвергнуть зло, а для того, чтобы преобразить, просвятить, спасти зло. А спасти и освятить зло мы можем, только принявши его в себя и внутри себя, собою его освятив» (ЛТ-88. С. 533). *Довольно вам заповедей на «не».* Среди записей В. читаем: «Все заповеди, которые от Бога и для Бога, — утверждают. „Возлюби“, „Аз есмь“. Те же, что от людей, — запрещают и ограничивают — „не убий“, „не укради“, „не прелюбодействуй“. Они для общественного устроительства» *Единственная заповедь: «ГОРИ!»* Ср. у. Бальмонта: «Ничего не ответило солнце, Но душа услыхала: „Гори!“» («Завет бытия», 1901). *Лишь подаянье Есть мзда.* В наброске статьи «О Граде Господнем» В. писал: «Строй ГРАДА ГОСПОДНЯ будет заключаться в том, что каждый будет работать на двух безо всякой мысли об оплате, а все нужное для себя будет получать от других в виде милостыни» («Кодры». 1989, № 12. С. 145). *Не отдавайте давшему.* В наброске статьи «О Граде Господнем» В. писал· «То, что получаешь от одного, отдай сторицей, но никогда тому, от кого получил, а всегда другому. Только тогда ни одно доброе дело не пропадет для человечества, а будет расти неудержимо, как лавина Только тогда добро получит ту наступательную силу, которая в нашей культуре является исключительной привилегией зла» (Там же). *Ужель вам ждать, пока комками грязи.* «Среди этой бесконечности миров наше солнце — только пузырек газа, а земля — капля грязи», — писал А. Франс в книге «Сад Эпикура» (см. примеч. 268).

•281. АМА (первонач. ред. под загл. «Аполлион» с датой и пометой: 23.IV.1915. Париж). - - И (первонач. ред, под тем же загл.). - - СоТ. Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 120об.—121об.), авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 131; ед. хр. 132, л. 4—6; ед. хр. 136, л. 12об.—14об.). *Аполлион* (Аввадон) — в Библии есть ангел бездны, синоним смерти. От его лица идет монолог во 2-й и 3-й главках. 16 авг. 1915 В. писал Петровой об этом ст-нии (посланном ей в мае): «Там весь мой взгляд на войну». И определял «Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Они совершают свои гнусные пищеварительные процессы, а им посылают отборных юношей. И демоны машин пожирают, прежде всего, самых чистых, искренних, правдивых, кто (они знают) не примет их царства». *Лиддит и мелинит* — взрывчатые вещества. *Точило* — см. примеч. 207. *Тела построили.* 22 янв 1915 В. писал матери: «...демоны, для которых человечество построило стальные и медные тела, органически ненавидят создания искусства, создания духа». *В себе самих смирив и поборов.* В. исходит из оккультных представлений о «стихийных духах», подчинить кото

рых можно лишь обуздав в себе их недостатки: «Знание — власть. Она дается лишь тому, кто достоин и не воспользуется ею <во> зло» («Демонизм машины») (см. примеч. 177—178, 1). *Пляска смерти.* Имеются в виду случаи массовых истерических танцев в средние века (см.: П. де Сен-Виктор. Боги и люди. М., 1914. С. 298—307), а также популярные тогда же аллегорические изображения (в картинах, гравюрах, скульптуре) различных сцен с непременным участием Смерти, как олицетворения тщеты всего земного. *Долой войну племен.* В статье «Русская революция и грядущее единодержавие» В. писал: «Борьба, шедшая 4 года по перпендикулярным сечениям — т. е. по государствам, возымела склонность перейти к борьбе по сечениям горизонтальным, т.е. классовым, т. к. современн<ое> государство строится <...> не столько по признакам крови, национальности и языка, а по признакам желудка, рынка и интересов» («Урал». 1990. № 3. С. 163). *Наконец пришла чума.* После окончания мировой войны в 1918 по миру прошла пандемия «испанки» (гриппа), унесшая почти столько же жизней, как сама война.

282. «Недра». 1924, № 5. - - «Воля России» (Прага). 1924, № 1/2. В. так определял тему поэмы: «Эволюция космогоний от Каббалы до теории относительности и совр<еменной> физики» (п. к Оболенской от 25 дек. 1923). О влиянии на «Космос» книги Шпенглера «Закат Европы» поэт писал Вересаеву 15 июня 1923: «Тема портретирования Культур — близко подходящая к Шпенглеру. Я начал писать „Космос“ до знакомства с ним, а заканчивал, уже прочтя. Но полезен мне он оказался только в нескольких строках о Греции и в мысли об относительности математических познаний. Но вдохновения и новых мыслей дал он много». Е. К. Герцык писала В. о поэме (п. б. д.): «Вы делаете то, чего никто не делал еще в поэзии, и потому творите новые ценности». М. С. Шагинян 10 янв. 1924 высказала такое мнение: «„Космос“ очень хорошо инструментирован, впечатление от него почти симфоническое». Гидрогеолог А. Ф. Лебедев (1882—1936) считал, что «по поводу этого стихотворения можно читать университетский курс» (п. его сына, Н. А. Лебедева к М. С. Волошиной от 6 февр. 1936). *Созвездьями мерцавшее чело.* В этой главке — изложение сотворения мира по Каббале (книга Зогар). 16 июля 1905 В. писал Сабашниковой: «Я вчера наткнулся на поразительный отрывок из Каббалы, о сотворении мира <...>: „Чело Господнее, венчанное пламенем, поднялось над равнинами моря“». *Гексаграмма* (или «щит Давидов») — шестиугольник, каббалистический знак (символ мирового порядка). *Стал Адамом.* «Адам в представлении каббалистов является гигантом, а по Сведенборгу вся вселенная имеет вид человека», — писал В. Сабашниковой 16 июля 1905. *Мир конусообразною горой.* Изложение концепции мира на древнем Востоке — в Месопотамии, Египте. *Всё было осязаемо и близко.* Например, Эмпедокл считал, что расстояние от земли до неба меньше протяженности земли в ширину. *Метоп* — часть фриза дорического ордера, каменная плита с рельефными изображениями. Метопы Парфенона изображали битвы богов с гигантами, греков с амазонками, Троянскую войну. *Эпод* — в античной трагедии заключительная часть песни, исполнявшейся хором после ряда строф и антистроф. *Человек был мерой всех вещей* — подра-

зумевается изречение Протагора из Абдеры (V в. до н. э.) *Изверг ли кости праотца Адама.* Согласно христианскому мифу, патриарх Мелхисидек зарыл голову Адама у подножья Голгофы. В момент смерти Христа скала треснула, череп вынесло наверх, и кровь Иисуса смыла первородный грех. *Недвижным, темным шаром.* Ученые и философы древности считали Землю неподвижным центром вселенной; геоцентрическая система мира господствовала до XVI в. *Эмпирей* — в античной натурфилософии высшая огненная часть неба; в средневековой космологии — местопребывание ангелов и праведников. *Интердикт* — практиковавшееся в средние века запрещение совершать богослужение и религиозные обряды, налагавшееся папой в виде наказания. *Галактея,* галактика — звездная система. *Фома* — один из апостолов; на известие о воскресении Христа заявил: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоанн, XX, 25). *А в сущности не знаем ничего.* В записях В. есть такая цитата из А. Франса: «Мы ничего не знаем о жизни. Ее развитие во времени — чистая иллюзия. Лишь благодаря ограниченности наших чувств мы не можем видеть завтра, осуществленным, как „вчера“». *Пролет <...> случайной птицы.* 21 окт. 1913 В. писал Оболенской: «Органически не в состоянии помыслить жизнь вне перевоплощений, как единичную случайность. Ненавижу скандинавские притчи о птичке, пролетающей сквозь освещенную пещеру. Кто говорит *смерть* — говорит воскресение». *Как глаз на расползающийся мир.* Перекличка с мыслями английского астрофизика А. С. Эддингтона (в его книге «Теория относительности» (Одесса, 1923) подчеркнуто В.: «Мы сознаем искажение, вносимое в царство природы нашей узкой точкой зрения, с которой мы наблюдаем ее, и стараемся поместиться так, чтобы исключить это искажение, — так, чтобы наблюдать то, что в самом деле есть. Но это тщетное стремление. Куда бы мы ни поставили нашу камеру, фотография необходимо оказывается двумерным изображением, искаженным соответственно законам перспективы: никогда нет точного сходства с самим предметом»). *Человек не станет никогда Иным, чем то, во что он страстно верит.* Здесь В. отталкивается от идеи оккультизма, использованной им в статье «Апофеоз мечты»: «Ты лишь то, что ты мыслишь, мысли же себя вечным» (ЛТ-88. С. 18).

283. СоТ. В маш. списке, сохранившемся в архиве В. Вересаева, против этого ст-ния В. пометил (видимо, в расчете на цензуру): «Государство империалистического типа». Здесь же обозначены темы главок: «1. Культура. 2 (Монополия крови). 3 (Воспитание). 4 (Фиск). 5 (Парламентаризм). 6 (Пресса). 7 (Буржуазные революции)» (Собр. В. М. Нольде, М.). Здесь же сохранилась рукопись ст-ния, побывавшего в какой-то московской редакции, с надписью: «Передать В. В. Вересаеву» и резолюцией: «По технич<еским> соображениям отклонить. Л<итературно->Х<удожественный> сектор. Вход<ящий> № 555. 28/V—24 г.» (там же). Ст-ние предлагалось в «Красную новь», затем А. К. Воронский предполагал опубл. его в альм. «Круг» — «с исключением места где говорится о духе революции» (п. к В., б. д.). *Тягчайшее же — воспитанье.* Эту мысль В. записал в дневнике еще 28 сент. 1904 «Из всех насилий, производимых над человеческой личностью, — убийство наименьшее насилие, а воспитание — наибольшее»

Компрачикосы — похитители и покупатели детей (в XIII—XVII вв.), уродовавшие их для продажи в качестве шутов в богатые дома или балаганы. *Собственность есть кража* — выражение П. Ж. Прудона (в его книге «Что такое собственность?», 1840).

284. АМА, с еще одним эпиграфом: «„Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов... На все высокое он смотрит смело, Он царь надо всеми сынами гордости". Книга Иова. XLI» (ст. 16, 26). - - И (с тем же эпиграфом). - - СоТ. *Левиафан* (библ.) — морское чудовище, олицетворение первобытного хаоса, враждебного Богу-творцу и некогда им покоренного. Эпиграф — из сочинения английского философа Томаса Гоббса (1588—1679) «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). В ст-нии В. отождествляет себя с героем библ. «Книги Иова», подвергнутого Богом испытанию. Отклик на первую мировую войну. Посылая ст-ние 15 дек. 1915 Петровой, В. отмечал: «Его считаю очень важным для себя. Написав его, я закончил книгу стихов „1915. Anno mundi ardentis"». 19 янв. 1918 он писал ей же: «Не понимаю, почему Вы говорите об „отживших принципах империализма": они более живучи, чем когда-либо. Я ненавижу „левиафана", но что он восторжествует теперь так, как никогда, не сомневаюсь. И даже считаю вредным бороться прямо против него, потому что его надо преобразить изнутри, „окрестить" его, как кто-то из Фиваидских отшельников окрестил великого Сфинкса». «Мое отношение к государству: см „Левиафан"» — писал поэт в «Автобиографии» (Воспоминания. С. 39). *Лишь первый шаг к пожарищам любви...* В. пояснял в набросках статьи «Демократизация искусства»: «Любовь в чистом творческом виде только мыслима для человека. В действительной жизни мы ее видим только в смешанном, нечистом виде. Смешиваясь с материальным миром, проникая физический мир человека, она становится земным пламенем, страстью, приобретает лик ненависти. <...> Поэтому все проявления любви в мире материальном носят характер крайней жестокости и как бы противоречат самой сущности любви. Таковы проявления исторического христианства» («Кодры». 1989, № 12. С. 142—143).

285. РМ. 1915, № 4, под загл. «Dies illa tam amara» («День этот так горек», — *лат.*) и с эпиграфом: «И отдала земля мертвых, бывших в ней» (Откровение св. Иоанна. XX, 13). - - АМА, под тем же загл. и с тем же эпиграфом. - - И, под загл. «И отдала земля мертвых, бывших в ней». - - СоТ. Первонач. загл. «Воскресение мертвых» (п. В. к матери от 13 апр. 1915). А-ф в Тт-2 — под загл. «Dies illa tam amara» (л.106); авт. маш. 1 под загл. «Эпилог. Суд» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 14—14об.); авт. маш. 2 — под загл. «...И отдала земля мертвых, бывших в ней», «Страшный Суд» (Там же, ед. хр. 111, л. 17). Стихотворное переложение новозаветного пророчества о Страшном Суде. *И вспомнил себя.* В статье В. «Horomedon» (ЗР. 1909, № 11/12) находим такое обращение: «Сократ, учись музыке перед тем, как тебя покинет сознание земной формулы бытия: вспомни самого себя!» *Звериный Круг* — круг Зодиака.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1925—1929 ГОДОВ

В этом разделе печатаются произв. В., написанные им после формирования основного корпуса стихотворных произведений и при жизни автора не печатавшиеся (за исключением ст-ния 290). Источник основного текста этих произв. — беловые рукописи и авторизованные машинописные списки, хранящиеся в архиве В

•286. ВРХД. 1977, № 120. Печ. по Тт-3 (л.151). Начало работы — в окт. 1923 (вар. загл.: «Virtus poetae», «Самому себе», «Мастер», «Доблесть поэта»). Первонач. ред. — «Поэту революции» (авт. маш. с датой и пометой: «12 октября 1923. Коктебель» — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 66, л. 2—2об.). 20 нояб. 1923 В. писал К. И. Чуковскому: «Закончено только одно стихотворение „Поэту" — своего рода программная декларация, написанная в предвиденьи поездки в Петро-скву. Посылаю Вам». 1 нояб. 1923 В. пояснял Вересаеву: «Каждую строчку хотелось сделать окончательной формулой, за которую можно постоять до конца Стих — освобожденный гекзаметр. Но я нарочно делю его поцезурно, чтобы избегнуть внешнего начертательного сходства с классическим стихом». Работа возобновлена в январе, затем — в апреле 1925; при этом ст-ние распалось на два: данное и следующее (№ 287). *Солнце мертвых.* «Слава — это солнце мертвых» — выражение О. де Бальзака в романе «Поиски Абсолюта» (1834). Приводилось В. в статье «Серпантин Парижа» («Русь». 1904, 8 нояб.). *Толпы не уважай и не бойся.* «Искусство никогда не обращается к толпе, к массе, оно говорит отдельному человеку в глубоких и скрытых тайниках его души», — писал В в набросках статьи «Демократизация искусства» («Кодры». 1989, № 12. С. 142). 27 дек. 1922 он писал И. В. Быстрениной: «Два новых дара я приобрел за эти годы: дар молитвы и дар говорить с толпой».

•287. «День поэзии». М., 1971 (1 часть). - - ВРХД. 1973, № 107. Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 66, л. 4, 5). Вар. — а-ф в Тт-3 (л. 150об.). *От весла, гребущего против теченья.* 20 дек. 1924 В. писал Е. Ланну: «Столь популярное среди поэтов нашего времени уловление „ритма современности" есть не более, как один из видов малодушного приспособления к непонятным и жутким катаклизмам, пассивная отдача себя течению времени, которое всегда уносит назад, в то время как творческий ритм — это мерное движение весел, выгребающих против „реки времен"». *Быть Человеком, а не Гражданином.* Среди записей В 1900-х есть цитата из Генри Дэвида Торо: «Мы прежде всего должны быть людьми и после уже гражданами». В черновике статьи о Верхарне (1916) В. отмечал: «Долг гражданина и поэта не совпадают и могут противоречить один другому. Гражданин несет свой долг по отношению к своей стране, в данный исторический момент. Поэт исполняет долг по отношению к человечеству, в данную историческую эпоху» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед хр 316, л. 30).

288. ВРХД. 1977, № 120. Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 72, ед. хр. 106, л. 13—13об.). А-ф — Тт-3 (л. 152). *Цераский* Витольд Карлович (1849—1925) — астроном, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1914), в 1890—1916 — директор обсерватории Московского университета. Измерил блеск более 500 звезд, один из первых определил (1903) звездную величину Солнца. В. встречался с Цераским в Феодосии, где тот жил с 1917 по 1922. В окт. 1920 (при белых) поэт писал в Бюро Таврического научного съезда о Цераском: «Лишенный употребления рук и ног от нервной болезни, явившейся следствием его мужественного поведения в 1905 году, когда он оставался один на Обсерватории, находившейся в центре Пресненского восстания, и спас ее, но и теперь продолжающий диктовать свои последние работы, лишенный пенсии, не получающий никакой правительственной субсидии, о которой уже не раз поднимался вопрос, поддерживаемый только своей женой, тоже далеко не безызвестным в Европе ученым, открывшим более 160-ти переменных звезд, 65-летней старухой, которая зарабатывает хлеб грошовыми уроками французского языка, он все-таки не был освобожден от реквизиции половины своей крошечной квартиры». *Обонпол* — по другую сторону. *Кто первый впряг в работу солнце.* 16 июня 1922 газ. «Красный Крым» сообщала: «Проживающим в Феодосии В. Цераским закончены работы по утилизации солнечной энергии».

***289.** ВРСХД. 1973, № 107 (гл. 2 и 7). - - СиП-2. Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 139). А-ф — в Тт-3 (л 144об.—145, 160—161об.), с пометой над текстом: «(Путями Каина)». Предполагалась к включению в «Путями Каина», однако место поэмы в композиции цикла автором не определено. Вар. — авт. маш. (частное собрание). *Таноб* («темница») — обитель для кающихся монахов в Фиваиде; описана в трактате *Иоанна Лествичника* (ок. 525 — ок. 600), византийского религиозного писателя. Его книга «Лествица, возводящая к небесам» содержит 300 бесед о различных ступенях духовного восхождения к совершенству В. перелагает 5-ю ступень (3—14) «Лествицы» («О попечительном и действительном покаянии, в коем описуется житие святых осужденников, и о темнице»). В. определил тему ст-ния как «аскетизм науки» (п. к Оболенской от 25 дек. 1923). В п. к Вересаеву 14 февр. 1924 он уточнял: «Сейчас работаю над главой „Таноб“ („П<утями> Каина“) — *аскетизм* религиозный и научный, в конце концов оправданный, к<а>к исконная форма мятежа». *Горючим ядом было христианство.* «Христианство — это религия любви, но не жалости, — писал В. летом 1904 Петровой. — Религия безжалостной любви, истребляющей, покоряющей». 26 окт. 1915 он писал ей же: «Огнь Христов, прорабатывая человеческую душу, выявлял часто любовь гневом». В п. к матери 28 янв. 1914 В. объяснял этот феномен: «Христианство, на место старого общественного „не“ поставив приказательное „люби“, выявило в человеческих душах всю смуту противоречий и „преступлений“. Поэтому *историческое* христианство с его войнами, инквизицией, нетерпимостью — истинно выражает то, что, конечно, по божественному замыслу, и должно быть. <...> Это естественная реакция активной морали, заменившей пассивную, запретительную». *Отравленный хитон Геракла* — хитон, пропитанный кровью кентавра Несса, превратившейся в яд. *Крылатый вестник* — архангел Гав-

риил, возвестивший деве Марии грядущее рождение Христа. *И стрелы солнца взвесил на ладони.* Имеются в виду физические опыты П. Н. Лебедева, в 1901 измерившего давление света на твердое тело. *Вшивал звериный пол.* Имеются в виду опыты по омоложению человека пересадкой семенных желез, проводившиеся Ш. Э. Броун-Секаром (1889), Э. Штейнахом (1920) и др. *Пальцы в термостатах.* Сначала было: «в парафине»; замена предложена неврологом К. И. Платоновым (1877—1969). *Наш дух — междупланетная ракета.* Ср. у А. Бергсона: «Сознание или сверхсознание — это ракета, потухшие остатки которой падают в виде материи; сознание есть также то, что сохраняется от самой ракеты и, прорезая эти остатки, зажигает их в организмы» (Бергсон А. Творческая эволюция. М.; Спб., 1914. С. 233).

290. Каталог 4-й осенней выставки картин. Одесса. 1928. С. 4. - - «Юность». 1969, № 7. С. 63. Печ. по Тт-3 (л. 166об.) *По дороге в Гурзуф.* Пушкин проплывал мимо Коктебеля на парусном бриге «Мингрелия» вечером 18 авг. 1820, по пути из Феодосии в Гурзуф.

291. НЖ. 1952, № 31. Печ. по Тт-3 (л. 165—165об.; под текстом помета: «Начато 18 дек. 1925. Написано в течение декабря 1926 г.»). Программное ст-ние, подводящее некоторые итоги культурно-общественной деятельности В. в Коктебеле. Посылая его 27 дек. 1926 А. Г. Габричевскому, поэт пояснял: «Оно посвящается всем гостям Коктебеля». Дом на берегу Коктебельского залива В. построил летом 1903; в 1912—1913 была пристроена двусветная мастерская с летним кабинетом на антресолях и плоской площадкой («вышкой») на крыше. Кроме этого дома, состоявшего из 21 помещения (включая чердак-мансарду), В. с 1923 располагал каменным домом своей матери в два этажа и двумя одноэтажными флигелями из калыба (сырцовый кирпич — смесь глины с соломой и навозом). В. сразу мыслил свой дом как пристанище для соратников по искусству — писателей, художников, а также ученых и артистов. В 1924 он сообщал Л. Б. Каменеву: «Сюда из года в год приезжали ко мне поэты и художники, что создало из Коктебеля, который я застал 30 лет назад прекрасным и совершенно безлюдным заливом, своего рода литературно-художественный центр. <...> Устраиваются лекции, чтения нов<ых> произведений, беседы по литературным вопросам, музыкальн<ые> вечера, драматическ<ие> импровизации, идут живописн<ые> работы. <...> Двери открыты всем, даже приходящему с улицы» *Айлант* — иначе китайский ясень. *Когда вулкан* и т. д. Вулканическая деятельность Карадага (см. примеч. 67—80, 4) относится к среднеюрскому периоду (ок. 170 миллионов лет назад). *Некое подобье.* См. примеч. 152. *Слезница* — сосуд для благовоний. *Ольвийский герб.* Ольвия — античный город-государство, основанный в начале VI в. до н. э. выходцами из Милета на правом берегу Бугского лимана; существовал до IV в. н. э. *Глёт* — глазурованный сосуд (или черепок его). *Мы вытоптали мусульманский рай.* Крымовед И. М. Саркизов-Серазини писал: «Те сведения, которые дошли до нас к моменту покорения Крыма войсками Екатерины, рисуют страну как густо населенный край, покрытый цветущими селениями» (Крым. Путеводитель. М., 1925. С. 59). *Осиротелые зияют сакли.* После присоединения Крыма к России в 1783 значи-

тельная часть местного населения — татары, греки, армяне — эмигрировали. В. писал в статье «Культура, искусство, памятники Крыма»: «Еще с первой половины XVIII века, с походов Миниха и Ласси, начинается истребление огнем и мечом крымских садов и селений. <...> То, что земли систематически отнимались у тех, кто любил и умел их обрабатывать, а на их место селились те, кто умел разрушать налаженное; что трудолюбивое и лояльное татарское население было приневолено к ряду трагических эмиграций в Турцию <...> — это показатель стиля и характера русского культуртрегерства» (Там же. С. 138, 140). *И красный вождь, и белый офицер.* В. укрывал от белых М. И. Гинцбурга, редактора «Известий Феодосийского ревкома», и И. Хмелько-Хмельницкого, секретаря Феодосийского комитета большевиков. Из белых на его даче жили: подпоручик С. Я. Эфрон (см. примеч. 225), приезжавший в отпуск с Кубани, генерал-лейтенант Калинин, врач А. Любарский. *В кровавых списках собственное имя.* Упоминание о том, что В. видел свое имя в списках людей, предназначенных ЧК к расстрелу, было в п. поэта к А. С. Ященко 1922 (НЖ. 1952, № 31. С. 106). Существует легенда, что в доме В. останавливался и Бела Кун, инициатор красного террора в Крыму. *Полки книг.* В мастерской и летнем кабинете сосредоточена б-ка В., насчитывающая около 10 тысяч книг и журналов. *И списываются тайно и украдкой.* Начиная с 1917 В. перепечатывал свои стихи на машинке и охотно давал переписывать их всем желающим. Печатаемый все реже, он с удовлетворением отмечал в «Автобиографии», что его стихи «распространяются по России в тысячах списков» (Воспоминания. С. 33). *«Мир посетить в минуты роковые»* — измененная цитата из ст-ния Тютчева «Цицерон». *Мрежи,* мережи — рыболовные сети.

292. «Литературная Грузия». 1972, № 10. - - ВРСХД. 1973, № 107. Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 66, л. 8—9об., 10—11об.). А-ф — в Тт-3 (л. 169об.—170). *В духе родился.* В «Автобиографии» В. формулировал: «Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры. <...> Здесь же создалось решение на много лет уйти на запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы» (Воспоминания. С. 37). *С Павлом — от пристаней Антиохии.* Апостол Павел — проповедник христианства в I в., неустанно путешествовавший по Средиземноморью и Малой Азии. Из *Антиохии* Сирийской (главного города Римской провинции Сирии на реке Оронт) началось весной 45 его первое миссионерское путешествие (Деян. XIII, 1). *Лойола* Игнатий (1491—1556) — основатель ордена иезуитов. В. привлекала «исступленность» его веры. На горе *Монсеррат* под Барселоной, в монастыре бенедектинцев, Лойола, как писал В., обдумывал «свой план о завоевании мира» («По глухим местам Испании»//ПД. Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 166). *Эту кипящую магму народов.* «В центре Азии, в том котле, где кипела всегда народная буря, выбрасывающая свою пену до самых отдаленных стран запада и затоплявшая своим внезапным разливом обширные низменности восточной Европы», — так определял В. свое местонахождение в п. к Глотову 23 окт. 1900. *Древней Праматери рас и богов.* Еще в 1912, в незаконченном наброске «Меня манил и манит ныне...»,

В. формулировал: «Среди моих земных походов К тебе я приближался встарь, Престол Праматери народов, Великой Азии алтарь!» (Тт-2). *Взгляд Галилея на кольца Сатурна.* С помощью изобретенного им телескопа Галилей в 1610 первым увидел кольца Сатурна. *На ступеньках Иоаннова Зданья.* См. примеч. 200. *Тот, кто не пережил годы затишья Перед началом великой войны.* Ср. выражение Ш. М. Талейрана: «Кто не жил в том десятилетии, которое предшествовало Великой Революции, тот никогда не познает истинной сладости жизни» (процитировано В. в статье «Архаизм в русской живописи»//А. 1909, № 1. С.47; ЛТ-88. С.277). *Омела* — вечнозеленое кустарниковое растение, паразитирующее на деревьях; по верованиям кельтов приносит счастье. *И в сумасшествие Мартобря.* См. примеч. 271. *Ордалии,* или суд Божий: испытание посредством огня и воды в средние века. *Какангелие* — «дурная весть» (греч.), по ассоциации с Евангелием («благая весть»). Имеется в виду учение о классовой борьбе. *Средь смрада голодных жилищ.* Имеется в виду голод 1922 (см. примеч. 260). *Кинут во внешнюю хлябь.* Образ из Евангелия: «А сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Матф VIII, 12). *И под ногой содроганье земли.* Подразумевается крымское землетрясение, которое началось в ночь на 12 сент. 1927, с эпицентром близ Ялты; все слабеющие толчки продолжались до декабря. «Мы познали и хтонический ужас, и нервное потрясение, и морскую болезнь <...>, и бессонные ночи от настороженности к каждому звуку», — писал В. 29 окт. 1927 Э. Ф. Голлербаху.

293. РЛ. 1972, № 48. Печ. по Тт-3 (л.172). Обращено к М. С. Заболоцкой, с 1927 — Волошиной (см. примеч. 242). На книге «Иверни» В. 4 нояб. 1927 надписал «дорогой Марусе»: «Все, что ты принесла мне в жизни, — всё радость» (ДМВ).

294. В кн.: Герцык Е. Воспоминания. Paris, 1973, без загл Печ. по а-фу в Тт-3 (л. 176об.) и авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 74, л. 5). *Герцык*-Лубны А. К. — см. примеч. 9—19 (11). Ст-ние написано в ответ на просьбу Е. К. Герцык, сестры поэтессы, в п. от 28 янв. 1929 написать «неск<олько> слов» для вечера памяти А. К. Герцык в Париже. О начале работы над ст-нием В. писал жене 7 февр. 1929, а 10 февр. сообщал ей об окончании работы. «Мне кажется, она похожа, а этого мне хотелось больше всего». Получив ст-ние, Е. К. Герцык 23 марта 1929 писала В.: «Самые первые (4) строчки в стихах об Аде мне прозвучали чуждо, *не о ней,* но дальше идет такое внутреннее нарастание, что вся вторая часть стиха (особенно отсюда: слепая к дням...) как единый, истинно лирический взлет. <...> ...это *откровение* о ней и именно угаданное Вами каким-то лирическим, родственным ей порывом». 8 мая 1929 В. написал Е. Герцык, отвечая на критику: «Первые строки о „правде" необходимы. Это первое, что обычно поражало в Адел<аиде> Казимир<овне>. Хотя бы в том, как она передавала другим ею слышанное. Она <на>столько *по иному видела* и *слышала* людей, что это было первое впечатление ее необычного существа. Но для *Вас,* конечно, его не было. „Паркеты зал" — необходимо художественно, как контраст с последними строфами. И, в конце концов, фактически (сколько я помню Ваши московские квартиры разных лет) не так уж неверно. Эта антитеза обстановки нужна». *Действительность*

бесследно истлевала. В статье «Из мира детских игр» А. Герцык признавалась: «Так жила я среди людей, все время видя за ними создания своей фантазии, слыша за их речами речи тех, — других, и это слепое лунатическое состояние заслоняло все события жизни» («Русская школа». 1906, № 3. С. 44). *На рынок и в тюрьму.* А. Герцык зимой 1920—1921 находилась в заключении; об этом периоде она рассказала в главе своих воспоминаний «Подвальные очерки» («Перезвоны». Рига. 1926, № 25/27). *В седых камнях Сугдейской старины.* Сугдея — старинное генуэзское название Судака (где у семейства Герцык был дом).

295. «Труды отдела древнерусской литературы». М.; Л., 1961. Т. XVII (Публ. А. Н. Робинсона). Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 79, л. 4—7; первонач. загл. «Инок Епифаний»). А-ф — в Тт-3 (л. 177—178об., под загл. «Старец Епифаний»). Поэтическое переложение «Жития» инока Епифания — ближайшего друга Аввакума, его духовного отца и «соузника» по пустозерской темнице. Сожжен с Аввакумом 14 апр. 1682. Замысел ст-ния «Раскол (Старец Епифаний)» был зафиксирован в Тт-3 осенью 1925. Работа началась весной 1926 и продолжена 12 февр. 1929. Посылая поэму Е. Герцык, В. писал ей 17 февр. 1929: «Это pendant <дополнение, пара — *фр.*> к „Аввакуму". Его судьба меня давно волновала и трогала. И, кажется, удалось передать трогательное в его вере». Историку С. Ф. Платонову В. 15 марта 1929 пояснял: «Моя творческая роль была здесь самая скромная: выбрать самое ценное и характерное из подлинника и стих подчинить интонациям живой речи. Передать обаяние старорусской души тем, от кого она скрыта за семью печатями» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 79, л. 1). В п. к Вересаеву от 20 марта 1929 поэт отмечал, что поэма «умилительна, строго документальна и, на мой взгляд, очень современна». Художник М. В. Нестеров в п. к В. от 28 марта 1929 отозвался о поэме: «Вам удалось сохранить не только стиль подлинника, но и дух времени, характер, образов». *Арсен* — см. примеч. 245. В глазах консервативно настроенных москвичей Арсений был человеком не внушающим доверия: будучи учеником иезуитской коллегии в Риме, затем принял магометанство, а потом стал униатом. *Вольяшный,* вальяжный (от льяк — форма) — литой, массивный. *Никонианцы, взяв меня в пустыне.* В действительности Епифаний был арестован (в 1666) в Москве, куда отправился со своей обличительной книгой, чтобы «спасти» царя от ереси. *Народом пустозерским.* Пустозерск — см. примеч. 245. *Болото* — местность в Замоскворечье, исторически связанная с казнью Пугачева (см. пушкинскую «Историю Пугачева»). Епифанию «урезали» язык 27 авг. 1667. *Свезли меня в темницу в Пустозерье.* Епифаний (а также *Аввакум* и *Лазарь*) прибыли туда 12 дек. 1667. *Елагин — полуголова стрелецкой.* Иван Елагин приехал в Пустозерск весной 1670. Вместе Епифанием, Аввакумом и Лазарем был сожжен дьякон *Федор.*

***296.** НЖ. 1963, № 72. - - СиП-2. Весь текст, кроме гл. 4, печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 59, л. 1—26); вар. — Там же. Гл. 4 (перераб. ред.) печ. по другой авт. маш. (Там же, ед. хр. 78). *Серафим* Саровский — см. примеч. 244. Его личностью интересовалась М. В. Сабашникова, написавшая книжку «Святой Серафим» (М., 1913). О работе кад поэмой В. впервые

сообщал Петровой 11 окт. 1919: «...работаю безвыходно и упорно». 17 окт. он писал ей же: «У меня план и перспектива наметились. Конечно, это <не> будет ни ортодоксально, ни церковно (тогда надо житие писать, а не поэму!), но, конечно, „Гавриилиады“ не напишу». 7 нояб. 1919 поэт сообщал И. А. и В. Н. Буниным, что «уже два месяца» работает «над большой поэмой о св Серафиме»: «...весь в этом напряжении и неуверенности, одолею ли эту грандиозную тему. Он должен составить диптих с „Аввакумом“». 20 нояб. в п. к А. К. и Е. К. Герцык В. упоминал, что использует для работы книжку Сабашниковой и «Житие св. Серафима», составленное Н. М. Левитским; в б-ке В. также имеются брошюра Г. Петрова «Преподобный Серафим Саровский» (М., 1904) и «О цели христианской жизни. Беседа Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым» (1914). 30 нояб. 1919 сестры Герцык выслали В. (по его просьбе) «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», составленную Л. М. Чичаговым (М., 1896). 2 дек 1919 В. извещал Л. П. Гроссмана, что надеется закончить поэму к февралю и что в ней «будет от 1.000 до 1.500 стихов». «Пролог» датирован 3 дек., вся поэма — 30 дек. 1919 г.; 22 янв. 1920 В. читал «часть поэмы <...>, ныне им заканчиваемой», на собрании литераторов и журналистов во ФЛАК'е (Феодосийском лит.-артистич. кружке). Об этом сообщала газ. «Крымская мысль» 21 и 29 янв. Этот вариант поэмы в 1920 попал за границу (в частности, рукопись ее привез в Константинополь Н. П. Лампси). В состав этой редакции текста были включены ст-ния «Хвала Богоматери» (в «Прологе» — от «Тайна тайн непостижимая» до «Безвозвратного суда»; датировано 27 ноября 1919) и «Святой Франциск» (отдельная глава); второе ст-ние позднее было изъято при доработке и сокращении текста. Впоследствии В. продолжал работать над поэмой. Новым импульсом стал для него образ Владимирской Богоматери (см. примеч. 298): в п. к А. П. Остроумовой-Лебедевой от 7 апр. 1925 он высказывал надежду найти в нем «тот ключ», который даст ему «дописать <...> „Серафима“». Летом 1927 В. собирался съездить в Саров (п. к нему В. А. Виноградовой от 28 февр. 1927), а в февр. 1929 вновь вернулся к поэме. О намерении «подойти к переплавке „Св. Серафима“» В. писал жене 15 февр., а 20 февр. сообщал: «Сейчас сижу за обработкой старых материалов и за чтением книг. Группирую и формирую новые главы». Главка «Тварь» (новый вариант текста) датирована 1 апр., но и 16 апр. В. писал жене: «Пишу стихи (Серафим)». Тогда же, по-видимому, в поэме были сделаны обширные сокращения — и она приняла окончательный вид. В черновиках поэмы «Россия» есть такой вариант строки: «Молюсь, чтоб мне, как старцу Серафиму, увидеть рассветающую Русь» (Тт-3) Эпиграф записан в Тт-3 как цитата из Леона Блуа (см. о нем примеч. 229). *Дориносимая* — охраняемая. *Меж Сатисом и Сарой* Сатис и Сара (Саровка) — реки. *Юный инок.* Иоанн Федоров (1670—1737), после пострижения — Исаакий. Впервые поселился в Сарове (на месте татарского городища Саракпы) в 1691. *Основал обитель.* Первая церковь пустыни сооружена в 1706; в должности настоятеля Исаакий утвержден в 1709. *Пришел в канун Введенья.* Праздник Ввведения во храм пресвятой Богородицы отмечается 4 дек. (21 нояб.). Прохор Мошнин поступил в Саровскую пустынь послушником в 1778. *«Господи Иисусе»* — так называемая «Иисусова молитва», вошедшая в обращение на Руси с XV в

Удостоен был монашеского сана. Прохор был пострижен в монахи в 1786; в 1793 рукоположен в иеромонахи. *Пахомий* (в миру Борис Назарович Леонов, ум. 1794) — настоятель обители с 1777. *Раз пришла монахиня* и т.д. Эпизод с медведем видела старица Дивеевской обители Матрона Плещеева. *Лев служил Герасиму в пустыне.* Св. Герасим жил в V в. в Египте, Палестине и Малой Азии. *Мотовилов* Николай Александрович (1809—1879) — симбирский помещик, совестный судья. Был болен три года, Серафим исцелил его 9 сент. 1831. *Каждый человек есть ангел.* См. примеч. 229 (мысль Л. Блуа, повторявшаяся В.). *Быть в духе.* См.: Откр., IV, 2. Серафим явился Мотовилову «светлее солнца» в конце ноября 1831. *Мой мир даю вам.* См.: Иоанн, XIV, 27. *Царство Божье внутри нас.* См.: Лука XVII, 21. *Иверский, Афонский и Печерский.* Согласно легенде, Иверия (нынешняя Грузия) досталась «в удел» Богоматери в 44, для распространения там христианства; однако корабль Богоматери прибило к горе Афон (второй удел), — где был затем основан Иверский мужской монастырь (с храмом Успения Богоматери). Печерский — Киево-Печерская лавра, с чудотворной иконой Успения Богоматери (из Влахернского храма в Греции). *Дивеевский — четвертый.* Дивеевский женский монастырь в Ардатовском уезде Нижегородской губернии (в 12 верстах от Сарова) был основан в 1760 старицей Александрой (ум. 1789, в миру — вдова полковника Агафья Семеновна Мельгунова, урожд. Белокопытова). В 1825 в обители было 50 монахинь, в июле 1900 — 950. *Затеплил скит девичий.* Серафим образовал особую Серафимо-Дивеевскую девичью общину. *От сердец Марии и Елены.* Мария Семеновна Мелюкова (в монашестве Марфа) пришла в обитель в дек. 1825, умерла в 1829, 19-ти лет. Елена Васильевна Мантурова умерла *«за послушанье»* в 1832, 27-ми лет. *Ксения Михайловна* Кочеулова (урожд. Милованова) выбрана начальницей Дивеевской общины в 1796. *Евдокия-старица* — Евдокия Ефремова, впоследствии мать Евпраксия. Посещение Богоматери якобы произошло 25 марта 1931. *Ликовался* — см. примеч. 245.

***297.** ВРХД. 1977, № 120. А-ф — в Тт-3 (л. 179об.), под загл. «Заклинание над Марусей (по Куэ)»; вар. Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 75, л. 5), с отд. исправлениями по Тт-3. *Маруся* — М. С. Заболоцкая, с 1927 — Волошина (см. примеч. 242). *Куэ* Эмиль (1857—1926) — фр. фармацевт и психотерапевт. В б-ке В. сохранилась его брошюра на фр. языке (Paris, 1928). В. и сам прибегал к самовнушению; 17 мая 1929 он писал С. А. Толстой-Есениной: «Зима у нас была кошмарная <...>. Обрели мы покой работой над собой по методу Куэ самовнушения». *А если ты, упорствуя в работе.* На Марии Степановне лежала вся работа по уборке дома, стирка, приготовление еды, уход за садом и т.д. 24 апр. 1926 В. писал А. П. Остроумовой-Лебедевой: «Маруся хлопочет, разрывается, утомляется и переполняет дом толчками своей страстной самоотверженной и бестолковой энергии».

***298.** ВРХД. 1971, № 100. Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 77, л. 1—1об.). А-ф — в Тт-3 (л. 180об.—181; под датой — приписка: «Написано во время травли и процессов»). Икона *Владимирской Богоматери* — одна из самых прославленных икон в Древней Руси, привезенная в Киев из Константинополя в

начале XII в. От первоначальной, очень тонкой по выполнению, богатой полутонами живописи остались только лица Марии и младенца: все остальное переписано в XV—XVI вв. В. впервые увидел икону весной 1924 в Историческом музее в Москве. По воспоминаниям Т. В. Шмелевой, он приходил «на свидание с иконой» несколько дней подряд, проводя перед нею по несколько часов (Воспоминания. С. 485). Вернувшись из поездки в Москву и Ленинград домой, поэт писал С. А. Толстой-Есениной 24 мая 1924: «Лишь два момента подлинной жизни <...> я пережил и унес с собою сюда: Лик Владимирской Богоматери и рукопись Аввакума». Фоторепродукция иконы стояла, с весны 1925, на рабочем столе В. «Все эти дни живу в сиянии этого изумительного лица», — писал он С. З. Федорченко 9 апр. 1925. Работа над ст-нием началась 15 нояб. 1928, продолжена 17 янв. и в марте 1929. Учтя суждения о ст-нии М. В. Нестерова, А. И. Анисимова, С. Н. Дурылина, С. М. Соловьева, В. сократил текст на 8 строк. В целом же оценка ст-ния была весьма высокой; искусствовед А. Г. Габричевский посвятил ему целый разбор (в п. к В. б. д.), — где, в частности, писал: «Ты в этой вещи совершил невероятное, ты расколдовал то Слово, которое стало плотью в иконе, и снова воплотил его в новой стихии». Вяч. Иванов, получивший ст-ние в Риме от В. М. Зуммера, писал ему: «Спасибо за стихи Максимельяновы, пронзительно-трогательные: как он поэтически похорошел» (цит. в п. В. М. Зуммера к В. от 4 окт. 1929). *Лука-иконописец.* — Евангелист; считался покровителем художников *В злые дни гонения икон.* Имеется в виду иконоборство — движение против почитания икон, возникшее в Византии в первой половине VIII в. и продолжавшееся до середины IX в. *И ушла с Андреем в Боголюбов.* Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174) в 1155 покинул Вышгород под Киевом и ушел в Суздальскую землю, вывезя с собой икону Божьей Матери. Конь, везший икону, остановился в 11 верстах от Владимира, это было сочтено за знамение, и Андрей заложил здесь село Боголюбово. *Хромец Железный* — Тимурленг (Тамерлан). Разбив в 1395 золотоордынского хана Тохтамыша, преследовал его до русских пределов, разрушив Елец. *Кто ему в Москву прохода не дал.* Под угрозой нашествия Тамерлана великий князь Василий Дмитриевич велел перенести священную икону из Владимира в Москву, где она была 26 авг. 1395 торжественно принята в *Успенском* соборе; в тот же день Тамерлан оставил пределы России. *И ушла Предстательница-Дева.* Во время нашествия Наполеона в 1812 икона была увезена во Владимир, затем — в Муром; возвращена в московский Успенский собор весной 1813. *Ты явила подлинный свой Лик.* В 1919 икона Владимирской Богоматери была расчищена от поздних наслоений в Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи по руководством И. Э. Грабаря и А. И. Анисимова. *Анисимов* Александр Иванович (1877—1937) — искусствовед и реставратор, в 1921—1929 возглявлял отдел церковных древностей в Историческом музее. Его монография «Владимирская икона Божией Матери» вышла в 1928 в Праге на русском и английском языках. Осенью 1930 Анисимов был впервые арестован; расстрелян 2 сент. 1937 (см.: «Сов. культура». 1990, 14 апр.).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1900—1924 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

Тексты раздела, публиковавшиеся при жизни В., воспроизводятся по соответствующим печатным источникам; не публиковавшиеся автором — по автографам либо по авторитетным посмертным публикациям (с проверкой по рукописи).

299. Печ. по а-фу на обороте фотографии В. (Б.) — ГЛМ, 11625—40.

300. Печ. по а-фу в рабочей тетради В. 1901—1903 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3). А-ф (Там же, ед. хр. 18, л. 5—6) — как заключительная часть ст-ния 1.

301. СиП-2 (с посвящ. А. В. Гольштейн; по а-фу в Бахметьевском архиве при Колумбийском университете, США). Печ. по а-фу в рабочей тетради В. 1901—1903 (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4, л. 13—14).

•302. НП. 1903, № 8. Вар. — черн. а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 18). 1 янв. 1903 (19 дек. 1902) отправлено из Парижа Я. А. Глотову, как «не последнее <...>, а одно из последних».

303. «Око». 1906, 6 окт. В п. к Петровой от 10 марта (25 февр.) 1904 вписано под загл. «Певице», с подзаг. «„Printemps“ Миллэ». Начало работы — весна 1903, в Коктебеле (Тт-1, л. 12). *Милле* Жан Франсуа (1814—1875) — фр. живописец. Его картина «Весна» (1869—1874) экспонируется в Лувре: над цветущим садом — грозовые тучи с радугой. *Поющее пламя.* В п. к Сабашниковой от 24(11) июля 1905 В. писал об А. Р. Минцловой: «Я никогда не говорил с певучим пламенем, а теперь говорю».

304. Печ. по а-фу (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 83, л. 6). *Tête Inconnue* — см. примеч. 38(11).

•305. Печ. по а-фу в п. к Сабашниковой от 10 сент. 1905, где имело приписку: «Эти строфы пели во мне, когда я ехал» (т. е. ехал из Цюриха в Париж, 6 сент.). Вар. — черн. а-ф (ПД, ф. 562, оп.' 1, ед. хр. 21, л. 3). *И не было мыслей* и т.д. В. писал Сабашниковой 27 окт. 1905, что этот фрагмент «совершенно совпадает» с описанием «плана Буддхи» в книге «Свет на пути».

306. Волошинские чтения. М., 1981 (первые 2 строфы — в статье Л. А. Евстигнеевой «Прозревая будущее»). - - СиП-2 (тот же текст). Печ. по а-фу в Тт-1 (л. 60об.). *Минаков* Петр Андреевич (1865—1931) — судебный медик, в 1900-1911 — зав. кафедрой судебной медицины Московского университета.

•307. ЗР. 1906, № 11/12. Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 2—2об.). Ст-ние примыкает к циклу «Париж» (см. № 9—19).

Посылая текст ст-ния в п. к Сабашниковой от 6 янв. 1904, В. добавлял: «Это только отрывочные строфы, и я еще не знаю, что я из них сделаю. Париж для меня снова воскрес и приобрел свое обаяние». В. Я. Брюсов отозвался о ст-нии (в п. В. б.д) так «„Город умственных похмелий" — очень „волошинское"; но иные рифмы бесстыдно придуманы (особенно „палитры — Митры"), конец очень из меня».

308. НЖ. 1988, № 168/169. Печ. по а-фу в п. В. к Сабашниковой от 17 апр. 1907 — с примеч.: «Третьего дня я отправил Вячеславу открытку с таким сонетом, приветствующим „Цветник Ор"». *«Цветник Ор.* Кошница первая» — альм, составленный Вяч. Ивановым; вышел из печати в мае 1907. В сонете перечислены основные участники альм.: Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Константин Бальмонт, Александр Блок. *Лидиин «Осел».* Л. Д. Зиновьева-Аннибал (см. примеч. 67—80, 14) дала в альм. фрагмент пьесы «Певучий осел» (вариация на тему «Сна в летнюю ночь» Шекспира). *Свирелью Маргариты.* М. В. Сабашникова напечатала в альм. цикл ст-ний «Лесная свирель».

309. ВРХД. 1977, № 120. - - РЛ. 1977, № 3. Печ. по а-фу в Тт-2 (л. 28). Начато в апр. 1907.

310. СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 51).

311. Антология (в составе цикла «Киммерийская весна»). Дата — в Тт-2 (л. 58об.). Ст-ние написано сапфической строфой.

312—314. СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 60об.). Дарительные надписи на экземплярах Стих. *Ардавда* — см. примеч. 67—80(9). *Ликей* — см. примеч. 87. *Горомедон* (Horomedon) — «Вождь племени», один из эпитетов Аполлона. Так была названа одна из статей В. (ЗР. 1909, № 11/12).

315. СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 59; незачеркнутый вариант ст. 1: «В знойный полдень был мне глас»). Начало работы — лето 1909.

316. «Современные записки». Париж. 1933, № 52 (в составе очерка М. Цветаевой «Живое о живом»). - - «Литературная Армения». 1968, № 6 (то же). - - Стих-77. Было послано в п. к М. И. Цветаевой, о чем она рассказала в своих мемуарах о В. «Живое о живом». Дата — в Тт-2 (л. 65об.). *«Вечерний альбом»* — название первой книги стихов М. Цветаевой, вышедшей из печати в 1910. *Я давно уж не приемлю чуда.* В июле 1905 В. писал Петровой: «В мире нет чуда... Только одни позитивисты и реалисты признают еще чудо, низводя его до мещанской разновидности случая. Но нет ничего случайного<...>».

317—321. СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 76).
2. Стих-77.
4. Вар. 1-й строфы стих. 124.

322. СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 81). *Ты — летопись мира.* В статье «Откровения детских игр» (ЗР. 1907, № 11/12) В. писал: «Каждый входящий в человеческий мир через двери рождения должен повторить вкратце всю историю этого мира. <...> В таком же стремительном сокращении проходит в нем вся история человечества: история всех племен, всех народов, всех погибших цивилизаций, экстазы всех религий, сны всех мифологий, устремления всех страстей и откровения всех познаний» (ЛТ-88. С. 493—494).

323. Печ. по Тт-2 (л. 83об.).

324. «День поэзии в Крыму». Смф. 1965. - - Стих-77. Печ. по Тт-2 (л. 85). *Майя* — см. примеч. 167.

325. ВРХД. 1977, № 120. - - Журавлев Д. Н. Жизнь, искусство, встречи. М., 1985, под загл. «Лиля». Печ. по Тт-2 (л. 85). *Эфрон* Елизавета Яковлевна (1885—1976) — актриса и режиссер-педагог, сестра С. Я. Эфрона, золовка М. И. Цветаевой. См. о ней в кн. А. И. Цветаевой «Воспоминания» (М., 1983. С. 376—377). *Сила токов несогласных.* Мать Елизаветы Яковлевны — русская аристократка Елизавета Петровна Дурново, а отец — еврей-разночинец Яков Константинович Эфрон. *Обормотство.* Эфрон была одной из зачинательниц «обормотского стиля» жизни в доме В.; слово это появилось впервые в 1911.

326. СиП-2. - - «Наше наследие». 1989, № 1. Печ. по Тт-2 (л. 102). Обращено, по-видимому, к Рудольфу Штейнеру (1861—1925), главе Антропософского общества, возглавлявшего строительство Гетеанума (см. примеч. 200). В. познакомился с ним в 1905, летом 1914 готовился к поездке в Дорнах. В сент. 1914 он писал Петровой: «Какая странная судьба, которая меня привела к Штейнеру в 1905 году и теперь вновь приводит в 1914, именно на это время уводя из России». 14(1) авг. 1914 В. записал о Штейнере: «Все черты его лица углубились и заострились за эти годы. Отошла гармония огня. Все стало глубже и более скорбно».

327. АМА. Эпиграф к 1 разделу книги — «Внутренние голоса». *Плывущий за руном.* Имеется в виду Ясон (греч. миф.), возглавивший поход аргонавтов.

328. АМА. Эпиграф ко 2 разделу книги — «Солнечные сплетения».

329. АМА. Эпиграф к 3 разделу книги — «Армагеддон».

330. АМА. А-ф — с припиской под текстом: «Написано в состязании с Бальмонтом в виде протеста против переименования Петербурга в Петроград, чтобы в безвыходных сонетных рифмах зафиксировать имя Петербурга» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 8). Отзыв на переименование С.-Петербурга в Петроград в 1914. «Петрограда я не принимаю, — пояснял В. в п. к Ю. Л.

Оболенской от 25 янв. 1915. — Зачем обижать Петра и голландцев? <...> Что может быть уместно, как шутливая вольность пушкинского стиха, совершенно неприемлемо, как исторический факт». *Демиург* — имеется в виду Петр I. *В стране рифейской.* Рифеем античные географы называли Урал. Здесь — синоним России. *Палестра* — гимнастическая школа в Древней Греции. *Местр* Жозеф де (1753—1821) — фр. философ и писатель, в 1802—1817 — посланник Сардинии в С.-Петербурге, автор книги «Санкт-Петербургские вечера, или Беседы о временном правительстве Провидения» (1821). «Де Местр — гениальный писатель, и из русских его можно приравнять к Вл. Соловьеву и Леонтьеву, хотя он совсем иной», — писал В. матери 3 мая 1915. О собеседнике де Местра он писал 26 окт. 1915 Петровой: «С кем говорил Де Местр? — Не с Пушкиным — Пушкин тогда еще в лицее был мальчишкой. Это один из собеседников „Soirées de St Petersbourg“ — безымянных. М.б. — „сенатор“».

***331.** ВРХД. 1977, № 120. Печ. по Тт-2 (л.110). Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 11). Ср. со ст-нием 121.

332. ПНВ. - - И, без загл. Печ. по ПНВ. А-ф — под загл «Париж зимой» (Тт-2, л. 116об.—117). Некоторые строки писались летом 1904 (Тт-1).

333. Стих-77. Печ. по Тт-2 (л.120).

***334.** РЛ. 1975, № 2. Печ. по Тт-3 (л.3). Вар. — а-ф 2 в Тт-3 (л. 14; под загл. «М. С. Ц.»). *Цетлин* М. С. — см. примеч. 171. *Ты дала мне эту тетрадь.* Речь идет о Тт-3, подаренной М. С. Цетлин (на первом ее листе — надпись: «М. А. Волошину от Марии Цетлин. 7 II 1919. Одесса»). А-ф ст-ния предшествует в Тт-3 другим записям.

335. СиП-2. Печ. по Тт-3 (л. 50об.). *Четырнадцатый лев* — начало первой мировой войны. См. примеч. 200.

336. СиП-2. Печ. по Тт-3 (л. 51об.). *И Сатана спасется.* О том, что Сатана обратится к Богу и будет спасен, учил раннехристианский мыслитель Ориген (185—253). *Тех изблюю из уст Моих!* Неточная цитата из Апокалипсиса (III, 16).

337. ВРХД. 1977, № 120. Печ. по Тт-3 (л. 40об.). *Гроссман* Леонид Петрович (1888—1965) — поэт, прозаик, литературовед; глубоко изучал жизнь и творчество Достоевского, издал о нем ряд работ. В. познакомился с ним в Одессе 1919. *...и Будапешт.* Имеется в виду Венгерская советская республика, существовавшая с 21 марта по 1 авг. 1919. *Блеск «Плеяд».* «Плеяда» — фр. поэтическая школа эпохи Возрождения, возникла в 1549. Книжку своих стихов «Плеяда» (Одесса, 1919), посвященных поэтам этой школы, Гроссман надписал В. 22 авг. 1919.

338. Стих-77. Печ. по Тт-3 (л. 53). Тема подсознательного («сонного сознания») издавна интересовала В. В статье «Театр —

сонное видение» («Русь». 1906, 9 дек.) он писал: «Для сна есть особая логика, совершенно отличная от логики нашего дневного сознания, но тем не менее вполне строгая и согласная с какими-то основными, но мало известными нам свойствами нашего мозга». *В своем страстном и звездном теле.* Имеется в виду астральное тело (см. примеч. 128).

339. «Известия Феодосийского ревкома». 1920, 27 нояб. А-ф не выявлен. Отклик на вступление в Феодосию 30-й Иркутской (Сибирской) дивизии (см. примеч. 256). 19 нояб. 1920 В. был назначен «заведующим охраны памятников», он начал чтение лекций по истории искусства в Народном университете, созданном для красноармейцев (там же преподавали В. Вересаев, П. Соловьева). М. П. Кудашева (см. примеч. 167) впоследствии вспоминала «восторг <...> в первые дни прихода Красной армии в Феодосию, с паденьями и подъемами» (п. к В. от 7 нояб. 1921). В этот же период В. написал не найденное пока ст-ние памяти Ф. Энгельса — по заказу тех же «Известий» (редактором газеты был М. И. Гинцбург-Даян). *Кулагин* Сергей Александрович — начальник ЧК 30-й дивизии, уроженец Вологодской губернии.

***340.** СиП-2. Печ. по Тт-3 (л.93). Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 61, л. 7).

341. НРС. 1978, 15 окт. Печ. по Тт-3 (л. 111об.). *И карлик бронзовый на завитом столпе.* Имеется в виду Вандомская колонна в Париже со статуей Наполеона I наверху.

***342.** ВРХД. 1977, № 120. Печ. по Тт-3 (л.130). Первонач. ред. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 73, л. 30). *Азраил* — ангел смерти у мусульман. Легенда приведена у П. де Сен-Виктора («Боги и люди». М., 1914. С. 309—310), В. также пересказал ее в статье «Париж и война. Жертвы» (БВ. 1915, 26 июня). Ст-ние на этот сюжет есть у английского поэта Э. Арнолда (1832—1904), пер. на русский язык был сделан А. П. Барыковой (ее сб. «Стихотворения и прозаические произведения» (Спб., 1897) сохранился в б-ке В.).

343. СиП-2. - - «Литературная учеба». 1988, № 4. Печ. по а-фу (ДМВ). По-видимому, портрет поэтессы Адалис (Аделины Ефимовны Ефрон, 1900—1969): в п. к Н. А. Габричевской от 15 дек. 1924 В. называет Адалис в шутку «инфернальной козой». Написано на поэтическом конкурсе с участием Брюсова, Шервинского, Адалис, П. Н. Зайцева. По воспоминаниям А. П. Остроумовой-Лебедевой, на написание ст-ния участникам конкурса давалось полчаса времени.

344. «Сион» (Израиль). 1972, № 1. - - «Литературная учеба». 1988, № 4. Печ. по а-фу (ДМВ). Написано на поэтическом конкурсе с участием Брюсова, Шервинского, Адалис. *Офир* (библ.) — страна, богатая золотом (возможно, Аравия или Индия). *Пунт.* У древних египтян — страны по берегам Чермного (совр. Красного)

моря (Абиссиния, Сомали, Аравия). *Царица Савская,* Балкис — царица Савы, страны, находившейся предположительно в южной Аравии.

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

345. А-ф в тетради ст-ний 1899—1900. В п. к Я. А. Глотову В. так описывал свое первое путешествие за границу: «Наконец 7-го сентября мы подъехали к границе. В Радзивилове какие-то типичные евреи повлезали в вагоны и начали менять деньги. Наконец поезд отошел. Моросил дождь, и кругом было болото, на котором щетинилась неведомо какая произрастаемость, вдоль по речке шлепали мальчишки без штанов. Вдруг мелькнул перед окнами вагона столб и около него австрийский часовой в кепи. Сразу произошла разительная перемена».

346. А-ф в записной книжке № 17 (ПД, ф. 562, оп. 2, ед хр. 3). Перепев ст-ния Некрасова «В дороге». Описание переезда от испанского городка Уржель до железнодорожной станции. 15 июня 1901 В. писал Глотову: «Сведения о карлистах сообщил мне кучер дилижанса, знавший несколько слов по-французски. „А Вы сами карлист?“ — спросил я его. Он обиженно посмотрел на меня и с гордостью ответил: „Нет, сеньор, я, слава Богу, социалист!“ Тьфу, пропасть! Вот тоска-то». *Движенья Карлизма* Карлисты — сторонники испанского претендента на престол дона Карлоса и его наследников, развязавшие гражданскую войну в Испании в 1833—1839 и 1873—1876.

347. Печ. по а-фу (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 42, л. 1, 2об). *Обормоты* — см. примеч. 325. *Пра* (от «Праматерь») — прозвище матери В., Е. О. Кириенко-Волошиной.

348—355. ВРХД. 1980, № 131. - - Волошин М. Коктебельские берега. Поэзия, рисунки, акварели, статьи/Сост. З. Д. Давыдов. Симферополь: «Таврия», 1990. Печ. по а-фу (ДМВ). Художник Л. С. Фейнберг вспоминал, что В. написал этот цикл к своему дню рождения, 16 мая: «К этому дню Макс собственноручно сколотил фанерный ящик — вроде почтового — и прибил его к стене на террасе. Было предложено всем желающим опустить в гостеприимную щель любые шутливые (а также и серьезные) стихи и рисунки, карикатуры, смешные пожелания — любые творческие подарки. И вот — сам Макс, без подписи, опустил в ящик рукопись „коктебельских сонетов“: подарок самому себе и всем другим» (Воспоминания. С. 273). Это было «первое лето обормотов в Коктебеле»; пионерами этого «ордена» стали члены семьи Эфрон и М. И. Цветаева.

1. *Андрей* — видимо, работник Волошиных. *Пра* — см. примеч. 347. *В одежде древней.* Пресловутый «хитон» В.: рубаха до колен с подпояской. *«Dame de piques»* («Пиковая дама») — одна из жилиц, знакомая Е. О. Кириенко-Волошиной. *Мудрец чердачный* — двоюродный брат В. Михаил Сергеевич Лямин (ок. 1885—?), химик, страдавший манией преследования.

2. *Лиля* — Е. Я. Эфрон (см. примеч. 325). *Толкает брата брат* Мальчики-близнецы, видимо, внуки «Пиковой дамы». *Сережа* — С. Я. Эфрон (см. примеч. 225); лечился от туберкулеза.

3. *Вера* — Вера Яковлевна Эфрон (1888—1945), сестра Е Я и С. Я. Эфронов, одно время посещала школу пластических танцев Е. И. Рабенек в Москве. *Следокопыт* — один из близнецов.

4. «Дон». 1980, № 7 (в тексте воспоминаний Л. Е. Фейнберг). Фамилия фр. негоцианта, влюбившегося в Е. Я. Эфрон, была Жулиа, он также носил прозвище «мсье Карадаг». *Кавардак* — видимо, переиначенное Карадаг (см. примеч. 67—80, 4).

5. «Дон», 1980, № 7. *Пря* — борьба. *Кормлю стада голодного зверья.* Е. О. Кириенко-Волошина, державшая пансион, очень уставала от домашнего хозяйства и с годами все больше раздражалась от необходимости вести его.

6. Адресовано М. С. Лямину.

7. «Дон», 1980, № 7. *Батар* — т. е. бастард, ублюдок. *Своих противоядий.* Имеется в виду М.С. Лямин, боявшийся быть отравленным.

8. «Дон». 1980, № 7. *Я же шел с одной.* Имеется в виду М. Цветаева, писавшая о собаках Коктебеля: «Их было много, когда я приехала; когда я пожила, то есть обжилась, их стало — слишком много» (Воспоминания. С. 243).

356. СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 81об.). *Индийский телеграф.* Столбы англо-индийского телеграфа Лондон-Калькутта, законченного строительством в 1870. *Екатерининские версты* — каменные столбы, установленные в честь путешествия по Крыму Екатерины II в 1787. *Рогозинский* — см. примеч. 224.

357. СиП-2. - - «Наше наследие». 1989, № 1. Печ. по Тт-2 (л. 133—133об.). Весной 1932 В. вспоминал, как возникло это стние: «По вечерам мы всегда встречались с Эренбургом и иногда просиживали в маленьком кафе у Gare Montparnasse <вокзала Монпарнас, *фр.*> до рассвета, читая стихи, и я возвращался в Пасси пешком вдоль линии метро. В этот период Илья писал книгу о „Канунах“. Это был ряд набросков и настроений первого года войны, со всею <неразб.> и ложью, которые тогда уже начинали кристаллизоваться в атмосфере и личностях. Отсюда тот ряд странных образов, которыми обновили стихи модернисты франц<узские> поэты — Аполлинер, Макс Жакоб и др. К ним непосредственно примыкал и Илья Эренбург. Как-то раз, проходя около Трокадеро, я стал думать об этих же темах, и у меня сложилась пародия на Эренбурга „Серенький денек“, которой эпиграфом могли бы служить знаменитые строчки:

„День прошел весьма обыкновенно,
Облака сидели на диванах...“»

(Путник по вселенным. С. 316—317). *«Тощий аскет»* — Эренбург. *Райская гостиная* — салон М. С. Цетлин (см. примеч. 171). *С <...> Валлотоновой бабой.* Валлотон Феликс (1865—1925) — фр. художник.

358. «Наше наследие». 1989, № 1. С. 100. Печ. по а-фу (ДМВ). *Крокодила* — популярная в годы первой мировой войны песенка, в Коктебеле переиначенная на местные сюжеты *Дейша*-Сионицкая Мария Адриановна (1861—1932) — оперная певица, имевшая в Коктебеле дачу по соседству с В. Эпатированная вольностями «обормотов», вела против них борьбу, возглавив «нормальных дачников». Ст-ние было написано В. на плакате его работы с изображением Дейши в виде ведьмы на помеле (ДМВ)

***359.** СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 186об.; вар.). *Татида* — Цемах Т. Д. (см. примеч. 161).

360. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского М., 1979. С. 312. Было вписано в альбом К. И. Чуковского в Коктебеле.

361. «Наше наследие». 1989, № 1. Печ. по а-фу в альбомчике «Прощание с Коктебелем» (1924. ДМВ). Посвящено Анне Александровне Кораго (1890—1953), в доме В. носившей прозвище *Анчутка* (от «Анна чуткая», см.: Дадина Л. М. Волошин в Коктебеле//НЖ. 1954, № 39. С. 184). Педагог и библиотекарь, перевела с фр. роман Ж. Куртелина «Поезд 8.47» (М., 1926). *«Гроб»* — шуточное название дворовой уборной. *Пророческое имя* Анна (древнеевр.) — благодать. *От Белого ты не спала ночами.* Андрей Белый, живший в доме В. летом 1924, отличался экспансивностью.

362. НЖ. 1988, № 168/169. - - «Наше наследие». 1989, № 1 Печ. по а-фу (ДМВ). Посвящено Е. С. Кругликовой (см. примеч 3), летом 1926 гостившей у В. в Коктебеле. В импровизированной оперетте «Путями Макса» (или «Саша-паша») она исполнила роль американского ученого *мистера Хью.* Н. А. Габричевская вспоминала, что Кругликова «играла поразительно. Легко, четко, много прибавляя от себя» (архив О. С. Северцовой, Москва).

363. «Литературная учеба». 1988, № 4. С. 169. Печ. по авт маш. (ДМВ). Написано на конкурсе баллад на тему «Не остывал аэролит» — с участием Е. Ланна, Н. Л. Манухиной, Л. Е. Остроумова, Г. А. Шенгели, С. В. Шервинского и др. *Персеиды* — метеорный поток, наблюдаемый с 25 июля до 20 авг. *Денница* — см. примеч. 182—196 (12). *Лафоргов вальс планет.* Речь идет о стихах Ж. Лафорга (см. примеч. 26) из его сб. «Рыдания земли» *Фокстрот.* Этот танец — официально запрещенный в СССР в те годы — был популярен в Коктебеле у молодежи. *Поэт, упавший к нам из рая.* Имеется в виду Эдгар По, на могиле которого, согласно легенде, был положен, вместо плиты, крупный метеорит.

ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО

364. А-ф в тетради стихов 1899—1900. Написано во время путешествия за границу в 1899. В п. к Петровой (по-видимому, от окт.) В. писал: «Сперва был туман. Воды озера были свинцово-серы, и гор не было видно. Потом облака разошлись, сверк-

нула синяя гладь Лемана и выступили очертания гор, еще наполовину окутанных туманом. Бесконечным зеленым ковром лежали кругом виноградники». *«На лоне вод стоит Шильон»* — цитата из поэмы Байрона «Шильонский узник» (в пер. В. А. Жуковского).

365. Печ. по черн. а-фу (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 7). *Кедронского потока.* Кедрон — поток между Иерусалимом и горой Елеонской.

366. Печ. по а-фу в Тт-1 (л. 13об.). Одно из первых обращений В. к теме Великой французской революции.

367. Печ. по а-фу (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 91, л. 13). А-ф в Тт-1 (л. 33об.); а-ф в п. В. к Сабашниковой б.д. (сент. 1904). Вар. загл. — «Женщина на горе» (п. В. к Сабашниковой от 9 авг. 1904). Тема ст-ния была задана М. В. Сабашниковой; 23 мая 1900 она записала в дневнике замысел картины: «На скале сидит пророк, женщина лежит у его ног, за ней тянутся ее одежды — тяжелые, богатые, зацепившиеся за терны и за скалы. Все лишнее остается позади» (ПД, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 18). 13 июня 1904 В. записал эту тему в своем дневнике: «Женщина выползла на верх горы. Она была в тяжелом платье с драгоценн<ыми> камнями. Оно рвалось. За ней остались следы лохмотьев и струйки оборванных драгоценностей. На верху нищий. Таким большим орлом. Самая вершина. Кругом горы, белеют снега. И она припала к его ногам и замерла. Это последняя минута полного успокоения. Может, она сейчас умрет».

368. Стих-77. Печ. по Тт-1 (л.38; черн. а-ф).

369. Печ. по а-фу в Тт-1 (л. 40об.).

370. «Русская литература». 1976, № 2 (в статье В. П. Купченко «М. Горький и М. Волошин»; без последних 8 строк). - - СиП-2 (тот же текст, под загл. «Король»). Печ. по Тт-1 (л. 66—66об.; черн. а-ф). Первоначальная фиксация текста ст-ния «Король», посланного В. 15 дек. 1906 М. Горькому для публикации в сборниках «Знания». Беловой а-ф ст-ния не выявлен.

371. «Новый мир». 1977, № 5. Печ. по Тт-3 (л. 130об.; в подборке «Иверни»). *Лишь в раковине уха.* В черновом варианте ст-ния уточнено: «Они <т. е. песни> станут слышимы только в раковине моего уха». «Словом творить можно только в понимании — если не современников, то их потомков», — писал поэт Е. Ланну 20 дек. 1924. *Бессмертье Бога.* В предыдущих публ.: «бессмертье сна» — описка. В Тт-3: «Моею смертью я утверждаю бессмертье распятого Бога».

372. «Новый мир». 1977, № 5. Печ. по Тт-3 (л. 130об.; в подборке «Иверни»). *Атлантида.* Скорее всего, речь идет о теософской трактовке истории легендарного материка; в б-ке В., в

частности, сохранился труд Скотт-Эллиота «История Атлантиды» (на фр. языке, 1901) именно такого плана.

373. РЛ. 1977, № 3. Печ. по Тт-2 (л. 20).

374. Печ. по а-фу в Тт-2 (л. 18об.).

***375.** Стих-77. Печ. по тт-3 (л. 131; в подборке «Иверни») Вар. — а-ф (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 1), а-ф в Тт-2 (л. 22).

***376.** СиП-2. Печ. по Тт-3 (л. 131об., в подборке «Иверни») Вар. — черн. а-ф в Тт-2 (л. 40об.). Обращено, по-видимому, к Вяч. Иванову. *Вкусили корни... Единых недр.* Ср. строки в неоконченном ст-нии: «Я погружен горящим корнем В живую влагу женских недр» (1909. Тт-2).

377. «Литературная Грузия». 1972, № 10. Печ. по Тт-3 (л 131об., в подборке «Иверни»). Реминисценция библейской «Книги Песни песней» (V, 2—5).

378. СиП-2. - - «Наше наследие». 1989, № 1. Печ. по Тт-3 (л. 131об., в подборке «Иверни»). Обращено к польскому скульптору Эдварду Виттигу (1879—1941). О своем бюсте его работы В писал матери в нояб. 1908 (см. примеч. 170). «Он удивительно хорош, — добавлял поэт в другом п. к ней же. — Я не говорю о сходстве, но он сам по себе будет очень крупным произведением искусства». Впоследствии Виттиг перевел бюст в камень, и он был установлен (как парковая скульптура) в сквере на бульваре Эксельманс в Париже.

379. РЛ. 1977, № 3. Печ. по Тт-3 (л.132, в подборке «Иверни»). Посвящено *Вайолет* Харт (см. примеч. 41). Летом 1912 Харт была в Коктебеле, ездила с В. в Судак (см.: Воспоминания. С. 155).

***380.** Стих-77. Печ. по Тт-3 (л. 132, в подборке «Иверни»). Вар. — черн. а-ф в Тт-2 (л. 80об.). *Поющее пламя* — см. примеч. 303.

***381.** СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 82об.). Вар. — отд. строфы (там же). А-ф — в Тт-3 (л. 132об., в подборке «Иверни»). Развитие темы и образного строя ст-ния 310. *Того, кто выпил боль до дна.* Имеется в виду Иуда (см. примеч. 268). *«Вы соль земли!»* — слова Христа (Матф. V, 13), обращенные к ученикам.

382. «Радуга». 1982, № 10. Печ. по Тт-2 (л. 87об.). Ср. ст-ния 121 и 125. Вар. начала: «Я шел в неведомые дали, А ты стояла вдалеке»; вар. заключительных строк: «О нет, царевна, — обещаний Я не беру и не даю» (Тт-2).

383. «Радуга». 1982, № 10. Печ. по Тт-3 (л. 133; в подборке «Иверни»). По-видимому, посвящено М. Кювилье (см. примеч. 167 и 169).

384. Печ. по Тт-2 (л. 163об.). Над текстом — незачеркнутый набросок начала ст-ния: «Нет на всей земле такого места, Где бы» (там же).

***385.** «Литературная Грузия». 1972, № 10. - - Стих-77. Печ. по Тт-3 (л. 49об.). Вар. — авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 48, л. 4). Ст-ние задумано в 1911, тогда же написаны две строки (3 и 4). *Киммерийской сивиллой* В. называл А. М. Петрову (см. преамбулу к разд. «Звезда Полынь», с. 577).

386. СиП-2. Печ. по Тт-3 (л. 111об.). По-видимому, набросок для цикла «Путями Каина».

387. СиП-2. Печ. по Тт-3 (л. 116об.). Возможно, заготовка для цикла «Путями Каина».

388. Стих-77. Печ. по Тт-3 (л. 156об.). По-видимому, фрагмент, предназначавшийся для ст-ния 289.

389. Печ. по Тт-3 (л. 172—172об.; черн. а-ф). Незавершенная обработка темы, затронутой в 1925 во фрагментах ст-ния «Русь» (Тт-3, л. 152об.—153; СиП-2).

390. СиП-2. - - Средоточье всех путей. Печ. по Тт-3 (л. 184). Ст-ние обращено к Семену Ивановичу Златогорову (1873—1931), микробиологу, профессору Военно-медицинской академии. Был в гостях у В. в 1925, 1926, 1930. Организатор и участник экспедиций по борьбе с чумой, холерой и др. инфекциями в Астраханской губернии (1899), на Дону (1902), в Иране (1904), в Китае (1911). Был арестован ГПУ и умер 17 марта 1931 в тюремной больнице в Ленинграде. 28 марта 1931 В. писал М. В. Дороговой: «Это был профессор Маруси, большой ученый и человек редкой деликатности, отзывчивости, который всю жизнь провел на эпидемиях в разных концах земли». «Какая страшная потеря», — писал он в тот же день А. П. Бобкову.

НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

В. писал свои пейзажи по памяти, отбирая в изображаемом то, что ему казалось наиболее значительным. Э. Ф. Голлербах отмечал, что В. «не копирует „виды“, а творит их на основе тех форм и красок, которые присущи Коктебелю» (каталог «Акварели М. А. Волошина». Л., 1927). 20 окт. 1917 В. пояснял в п. к Оболенской, что его стихи на акварелях — «вовсе не заглавия акварелей»: «Представьте себе, что Вы идете с раннего утра и до поздней ночи по тропинкам, погруженная в свои мысли и в созерцание, и иногда в Вас возникает стих или строфа: она не вполне соответствует тому, на что Вы смотрите, но она связана с общим настроением пейзажа. Их сочетание не параллельно, а иррационально. Возникающий стих вовсе не описывает видимый пейзаж, но загорается от него. <...> Здесь главное стих, акварель служит только музыкальным аккомпанементом. <...> Я очень против па-

раллелизма искусств. <...> Надо искать симфонического, а не унисонного сочетания». В. фиксировал надписи не только непосредственно на акварелях, но и в специальных подборках — в «творческих тетрадях» и в других авторизованных источниках, сохранившихся в его архиве.

Надписи на акварелях публиковались в «Вестнике РСХД» (1973, № 107), сборниках «Пейзажи Максимилиана Волошина» (Л., 1970) и «Максимилиан Волошин — художник» (М., 1976), журналах «Радуга» (1965, № 9), РЛ (1972, № 7, 1977, № 3), «Дружба народов» (1977, № 5) и др. изданиях. Наиболее полная подборка надписей (148 в основном корпусе и 5 в дополнениях) — в СиП-2; тексты надписей располагаются в этом издании в алфавитной последовательности.

В настоящем издании печатаются три цикла надписей на акварелях, сформированные самим автором (часть надписей представляет собой фрагменты ст-ний В., входивших в основной корпус его собрания стихов).

391. Печ. по авт. маш. (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 81). Об отправке серии пейзажей с этим загл. в Москву (с оказией) В. сообщал Ю. Л. Оболенской 24 сент. 1917. «...Я, кажется, нашел способ применить мой блокнот черной бумаги», — добавлял он Пейзажи были выполнены в технике темперы.

392. Печ. по авт. маш. (Там же). Серию акварелей под таким загл. В. послал М. С. Цетлин в Москву (с ее братом) 12 сент 1917, на другой день известив об этом письмами Ю. Л. Оболенскую (которую просил передать работы «в распоряжение» К.В. Кандаурова) и В. А. Рогозинского (которого уведомлял, что пейзажи предназначены для выставки «Мир искусства»). В п. Оболенской 20 окт. 1917 В. объяснял процесс создания акварелей и соотношение изображения и стихотворной «подписи» (см. выше), замечая: «Я думал, что эта сторона достаточно ярко подчеркнута заглавием цикла: „Десять лирических пауз одной прогулки", а также призрачностью и прозрачностью пейзажей, видимых сквозь успокоенную лирическую влагу мыслей». Работы выставлены не были, о чем В. упоминал в письме к Оболенской 1 апр. 1925, запрашивая об их сохранности у Кандаурова.

393. Печ. по авт. маш. (Там же, ед. хр. 82) — с изъятием двух надписей, включенных в №№ 391 и 392.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Свои мысли о поэтическом переводе В. впервые изложил в статье «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» («Весы». 1907, № 2) Там он писал: «Прозаический перевод долгой и искусной работой всегда можно довести до совершенства гипсового слепка. Хороший же стихотворный перевод — чудо, неизъяснимое для самого переводчика. <...> Стихотворный перевод не есть точное изложение и передача художественного произведения на другом языке, а приобщение самому творческому акту, создавшему это произведе-

ние. Если есть это приобщение, то чудо совершается. Ни одного стихотворения нельзя перевести, но многое можно создать еще раз на своем языке» (ЛТ-88. С. 429). Через 13 лет, в «Предварении о переводах» В. повторил это положение, обосновав его: «Можно перевести смысл, можно перевести стиль, можно перевести синтаксис и ритм, но нельзя перевести рифмы, которая иррациональна в каждом языке, и ее логические следствия не могут быть аналогичными в разных языках. Поэтому в стихотворном переводе приходится жертвовать не столь важным для главного: если стихотворение построено на игре созвучиями, переводчик неизбежно отступает от точного смысла и, главным образом, от синтаксиса, стараясь найти равносильный звуковой эффект. Если же главное лежит в содержании, в образе, в синтаксическом развертывании фразы, то переводчик должен честно пожертвовать рифмой» (Верхарн. С. 29).

Людвиг Уланд

Книжку стихов Л. Уланда на нем. языке Е. О. Кириенко-Волошиной прислала (для перевода) Е. Ф. Юнге в июне 1896. В. перевел также ст-ния «Дочь трактирщика» (1896), «Проклятие певца» (1895), «Три песни» (1896), «Я был убит...» (1897) и «Граф Эберштейн» (1898. Опубл.: РТ. 1900, 12 нояб. - - Уланд Л. Стихотворения. М., 1988).

394. РТ. 1900, 15 окт. Пер. одноименной баллады Л. Уланда. *Бертран де Борн* (см. примеч. 395) был владельцем замка Отафорт (у В.: Аутфорт) в графстве *Перигор.* А-ф — с датой: «26 июня 1896 г. Коктебель» (Юнош. ст-ния. T. IV). *Король-владыка* — Генрих II (1133—1189), английский король с 1154, первый из династии Плантагенетов. Стал королем после долгой феодальной распри; воевал и со своими сыновьями — Генрихом Молодым и Ричардом Львиное Сердце. Бертран де Борн посвящал песни дочери Генриха II Матильде. *Вентадорн* — графство к северу от Перигора.

Генрих Гейне

Г. Гейне — один из любимых поэтов В. в юности. Кроме приведенных, он перевел в 1893—1899 также ст-ния «Олаф», «Два гренадера», «Чайльд Гарольд», «Генрих», «Былое счастье», I и VII ст-ния из цикла «Катарина», несколько главок (1—3, 6, 7) поэмы «Германия» и др.

395. А-ф — ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 2, л. 73об. Пер. ст-ния «Bertrand de Born» (раздел «Романсы» книги Г. Гейне «Новые стихотворения», 1844). *Бертран де Борн* (ок. 1140—1210) — провансальский трубадур; жил при дворе Элеоноры (*львицы*), жены английского *короля* Генриха II Плантагенета. В ряде легенд Бертран де Борн выступает как виновник распрей и войн между Генрихом II и его сыновьями.

396. А-ф в п. к Петровой (нач. янв. 1898). Пер. ст-ния «Du liegst nur so gern im Arme...» из книги Гейне «Новые стихотворения» (1844), цикл «Катарина», IV.

397. А-ф в тетради 1899. Пер. ст-ния Гейне «Wandere!» («Странствуй!») из кн. «Новые стихотворения».

Поль Верлен

398. РЛ. 1977, № 3. А-ф в п. к Пешковскому (нач. 1904) Однако переведено раньше, т.к. в этом п. В. замечал, что «теперь» находит перевод «очень слабым». Пер. ст-ния «Cha№so№ d'automne» («Осенняя песня») из сб. «Poèmes Saturniens», 1866 («Сатурновские стихотворения»).

Жозе-Мария Эредиа

399. «Око». 1906, 22 авг. - - Стих. Авторская датировка неверна: оба сонета Эредиа В. послал Сабашниковой 9 окт. 1905, сообщая, что перевел их «вчера». Пер. сонета «Fuite de centaures» Сюжет сонета взят из греч. миф.: на Геракла, отдыхавшего у кентавра Фола, напали другие кентавры, — которых он частью перебил, частью разогнал.

400. «Око». 1906, 22 авг. - - Стих. Авторская датировка неверна (см. примеч. 399). *Ponte Vecchio* — мост во Флоренции, застроенный лавками и мастерскими. Бенвенуто *Челлини* (1500—1571), ит. скульптор, ювелир, писатель, в 1514 поступил в ученики к ювелиру Антонио ди Сандро в одну из таких мастерских

Стефан Малларме

Оба ст-ния Малларме были переведены В. по просьбе А. В. Гольштейн (см. примеч. 39) и впервые опубл. в ее статье (подписана: А. Баулер) «Стефан Малларме» в журн. «Вопросы жизни» Были посланы Брюсову 24 сент. 1904, как сделанные «на днях».

401. «Вопросы жизни». 1905, № 2. - - Стих. Пер. ст-ния «Le Cygne» (1887). Посылая ст-ние Сабашниковой (п. б. д.), В. писал о нем: «Это Малларме последнего периода — ледяной и темный Перевод его — почти tour de force <подвиг, вершина — *фр.*> трудности».

402. «Вопросы жизни». 1905, № 2. - - Стих. Монолог из драматического наброска Малларме «Herodiade» (1864, «Иродиада»).

Эмиль Верхарн

В 1907 В. писал о Верхарне: «У нас полюбили и оценили Верхарна как социального пророка, как поэта города, поэта промышленности, поэта современности, но у Верхарна есть еще иное лицо: он поэт ветра и стихийной жизни природы. Я люблю гран-

диозность его метафор, которые в своей неудержимой стремительности растут, как снежная лавина, достигая до размера геологических катаклизмов» («Русь», ил. прилож. 1907, 1 янв.). В. подчеркивал, что его переводы не претендуют на «точность», предпочитал называть их «воспоминаниями из Верхарна», так как «старался передать, главным образом, ритм и стремление верхарновского стиха и вовсе не стремился к построчной передаче подлинника» (там же). Личное знакомство В. с Верхарном состоялось в янв. 1904. Статьи о бельгийском поэте В. публиковал в журн. «Весы» (1907, № 2), в БВ (1915, 17 авг. и 1917, 6 янв.), в «Речи» (1917, 1 янв.); с 1916 читал лекции о его творчестве. Книга В. о Верхарне, включившая переводы 18 ст-ний, вышла, помимо Москвы, в Одессе (1919).

403. «Русь», ил. прилож. 1907, 1 янв. - - Стих. - - Верхарн. Пер. ст-ния «Soir d'automne» из сб. «Лозы моей стены» («Les vignes de ma muraille», 1897). В. считал ст-ние «очень характерным для верхарновского понимания природы и бельгийского пейзажа».

404. «Русь», ил. прилож. 1907, 1 янв. - - Стих. - - Верхарн. Пер. ст-ния «La Peur» из сб. «Видения на моих путях» («Les Apparus dans mes chemins», 1891). Датируется на основании пп. В. к Брюсову: 16(3) марта 1904 В. пишет, что у него намечен перевод — наряду с др. — ст-ния «La Peur», а 31(18) марта 1904 сообщает, что оно уже переведено (ГБЛ, ф. 386, к. 80).

405. «Двадцатый век». 1906, 5 апр. - - Стих. - - Верхарн. Пер. ст-ния «Au Nord» из сб. «Лозы моей стены». Датируется по п. В. к Брюсову от 31(18) марта 1904, где В. сообщает: «...перевел „Au Nord", который мне представляется в ином виде, чем Ваш перевод» (ГБЛ, ф. 386, к. 80).

406. «Русь». Ил. прилож. 1907, 1 янв. - - Стих. - - Верхарн. Пер. ст-ния «№ovembre» из сб. «Обочины дороги» («Les Bords de la route», 1891). Датируется по пп. В. к Брюсову: от 16(3) марта ст-ние намечено к переводу, а 31(18) марта упомянуто как переведенное (ГБЛ, ф. 386, к. 80).

407. «Русь». 1905, 14 авг. - - Стих. - - Верхарн. Пер. ст-ния «Humanité» из сб. «Вечера» («Les Soir», 1887). Дата в Тт-1 (л. 44) — 30 июня. 1 июля 1905 послано Петровой с замечанием: «Сегодня я перевел такое стихотворение Верхарна». В п. к Сабашниковой от 3 июля 1905 В. писал, что «думал о России и об революции», когда переводил ст-ние.

408. «Русь». 1905, 14 авг. Пер. ст-ния «La Tête» («Голова») из сб. «Крушения» («Les débâcles», 1888). А-ф — с пометой под текстом: «Мысленно посвящаю этот перевод русскому самодержавию». В п. к матери (сент. 1905) В. конкретизировал: «Перевод из Верхарна „Казнь" я мысленно посв. Ник<олаю> II». В п. к Сабашниковой от 3 июля 1905 поэт признавался: «Мне было жутко

переводить это, такой пророческой жестокостью веет от него». А в п. от 4 июля 1905 к ней же отмечал, что сознательно «изменил» у Верхарна «несколько строчек», чтобы актуализировать ст-ние (см. вступ. ст. С. 26). Пер. был подвергнут критике А. В. Амфитеатровым (в п. к В. от 20 июля 1905) и В. Я Брюсовым В статье «О Максе Волошине и древнем змее» («Весы». 1905, № 8) он писал: «В этом переводе чуть не каждый стих возбуждает недоумение и может быть объясним только желанием г. Волошина во что бы то ни стало представить русской публике Верхарна в декадентском наряде».

409. Верхарн. Пер. ст-ния «Decembre» из сб. «Двенадцать месяцев» («Les Douze mois», 1895). О намерении перевести это ст-ние В. сообщал Брюсову 16(3) марта 1904.

410. PM. 1917, № 2. - - Верхарн. Пер. ст-ния «Une Statue» из сб. «Города-спруты» («Les Villes tentaculaires», 1896). Переведено в конце 1916 (а-ф в Тт-2, л. 147об.).

411. БВ. 1917, 6 янв. - - Верхарн. - - Изборник. Пер. ст-ния «La Ville» из сб. «Галлюцинирующие селения» («Les Campagnes Rallucinées», 1893). Дата — в Тт-2 (л. 141об.).

412. БВ, утр. вып. 1917, 28 мая. - - «Красное знамя» 1917, № 3/4. - - Верхарн. Пер. ст-ния «La Conquête» из сб. «Многоцветное сияние» («La Multiple Splendeur», 1906). Дата — в Тт-2 (л. 144).

413. БВ. 1917, 6 янв. - - «Красное знамя». 1917, № 3/4. - - «Страна». 1918, 3 мая (20 апр.), под загл. «Души городов» - - Верхарн. Пер. ст-ния «L'Ame de la ville» из сб. «Города-спруты» Дата — в Тт-2 (л. 146).

414. БВ. 1917, 6 янв. - - Верхарн. Пер. ст-ния «Les Villes» из сб. «Буйные силы» («Les Forces tumultueuses», 1902). Датируется по п. В. к Брюсову от / сент. 1917, где В. сообщает, что в его сб. переводов Верхарна, «кроме всех Вам известных переводов, войдут: „Микельанджело“, „Толпа“, „Города“ etc.» (ГБЛ, ф. 386, к. 80).

415. Верхарн. Пер. ст-ния «Michel-Ange» из сб. «Державные ритмы» («Les Rythmes souverains», 1910). Датируется по п. В. к А. М. Петровой от 9 мая 1917: «Сегодня закончил перевод поэмы о Микельанджело. Посылаю его Вам».

416. «Красное знамя». 1917, № 3/4. - - Верхарн. Пер. ст-ния «La Foule» из сб. «Лики жизни» («Les Visages de la vie», 1899) Переведено в 1917 (а-ф в Тт-2, л. 149—149об.).

Анри де Ренье

О Ренье В. писал неоднократно («Русь». 1905, 20 апр; А 1910, № 4; PM. 1911, № 4); коснулся его творчества в статье «Аполлон и мышь», где назвал его «самым высоким и полным

воплощением чистого аполлинического искусства» (ЛТ-88. С.102). В творчестве Ренье В. видел «переход от символизма к новому реализму». В итоговой статье, написанной, по-видимому, в 1919, В. определял: «Он принадлежит к числу светлых, гармоничных, счастливых поэтов — пушкинского, рафаэлевского типа. Такие поэты являются творческим средоточием новых завоеваний своего времени и выявлением идеального лика своей расы. Они соединяют в себе и новые пути и традиции искусства. <...> Я не знаю никого из современных лириков, в котором бы так, как в Анри де Ренье, сочетались тончайшая музыкальная лирика с выпуклой пластичностью формы, а чувственность принимала бы такие чистые и опрозраченные формы» (ПД, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 327). Переводить Ренье В. начал с прозы (1909), в 1910 были опубликованы (А., № 6) «Рассказы о маркизе д'Амеркѐре», — вышедшие в 1914 отдельной книгой (М.). Первые стихотворные переводы были сделаны в 1910, а в 1919 была составлена книжка из 27 ст-ний. Она планировалась в изд-ве «Омфалос» в Одессе, но не вышла. (Подробнее см.: Максимилиан Волошин и Анри де Ренье. Неизданные материалы/Публ. П. Р. Заборова//Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. Вып. 1. Спб., 1992).

417. А. 1910, № 4. - - ЛТ. Пер. ст-ния «Je n'ai rien...» из сб. «Игры поселян и богов» («Les Jeux rustiques et divins», 1908). Датируется по Тт-2 (л. 64об.). «Все юношеские поэмы Ренье отличаются этой вечерней меланхолией — усталой и безнадежной», — замечал В. (ЛТ-88. С. 57). В письме к В. от 7 янв. 1911 М. Цветаева отозвалась на ст-ние: «Какая бесконечная прелесть в словах: „Помяни... того, кто, уходя, унес свой черный посох и оставил тебе эти золотистые листья“. Разве не вся мудрость в этом: уносить черное и оставлять золотое?» (Ежегодник на 1975 год. Л., 1977 С. 161).

418. А. 1910, № 4. - - ЛТ. - - «Норд». Баку. 1926. Дата — в Тт-2 (л. 69об.). Пер. ст-ния «Sur la grève» из сб. «Глиняные медали» («Les Medailles d'argille», 1900).

419. «Литературный альманах», изд. «Аполлона». Спб., 1912. Пер. поэмы «Sang du Markias» из сб. «Город вод» («Citè des Eaux», 1902), выполнен в 1911 для А. В п. от 30 авг. 1911 В. спрашивал С. К. Маковского, будет ли напечатана эта поэма. В наброске о метрическом стихе (видимо, 1919) В. приводил начало произв. как образец («Анри де Ренье прекрасно передает эти шумы природы такими равносиль<ными> им слова<ми>») — и заключал: «Эти строки представляют пролог прекрасной поэмы Ренье „Кровь Марсия“, в которой строгому классическому стиху и ритму Аполлона противопоставлена стихийная музыка Марсиевой Флейты, существующая вне счета, вне меры». Впоследствии Маковский вспоминал, что В. читал «свой замечательный перевод» «Спор Аполлона с Марсием» на вечерах «Старинной музыки» при «Старинном театре» Н. Н. Евреинова (Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 348). Н. Кадмин (Н. Я. Абрамович) отнес произв. Ренье к «хорошей чистой литературе», ли-

шенной силы «свежего и живого художника» («Бюллетени литературы и жизни». 1912, № 20/21, 1 авг. С. 412). Однако Сергей Городецкий увидел актуальность проблематики поэмы: «Всякой зрелости свойственно любить Аполлона, всякой молодости — Марсия, и Россия вправду еще любит Марсия, называемого у нас „нутром“. Мы уже отлично знаем все качества этого нутра, все свойства Марсия: и сильное его действие на сердце толп, и то, как гибнут жрецы и жрицы Марсия, съедаемые жизнью, а не преодолевающие ее, и то, как непрочно, скоропреходяще Марсиево нутряное искусство, бывающее хлебом в данный исторический миг и отбрасываемое, как камень, в следующий. С дикой щедростью Россия рождает художников и с иродовой жестокостью избивает их именно потому. Но нескоро наступит время, когда Россия будет иметь право спускать шкуры со своих Марсиев, и долго еще будут ходить очарованные толпы за сырым, некультурным искусством» (Городецкий С. Аполлон и Марсий//«Речь». 1912, № 29, 30 янв.).

420. Печ. по а-фу в Тт-3 (л. 11об.). В ЛТ (с. 96) был помещен черновой вариант. Пер. ст-ния «La Prisonnière» из сб. «Глиняные медали». В этом ст-нии, по В., лучше всего выражена «золотая гармония прекрасной чувственности», свойственная Ренье «Вот скульптурная пластика образов. Вот строгий реализм, в котором глаз различает только слабую позолоту угасших символов» (ЛТ-88. С. 60).

421. Печ. по а-фу в Тт-3 (л. 16). Пер. ст-ния «Apparition» из сб. «Глиняные медали». Переведено во время морского перехода из Одессы в Крым (см. примеч. 253 и 254).

422. «Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX вв.» М., 1969 (с неверной датировкой). Печ. по а-фу в Тт-3 (л. 16—15об.). Пер. ст-ния «L'alerte» из сб. «Глиняные медали». *Букцина* — род трубы, употреблявшейся в древности для сигналов во время сторожевых смен, для созыва народных собраний и т. п.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ[1]

**Фронтиспис*: М. А. Волошин. Фотоснимок Терезы Левинсон. Ленинград. 1927 г.

Между с. 192 и 193.

*1. А. М. Кириенко-Волошин, отец поэта. Фотоснимок Левитского. Санкт-Петербург.

2. Е. О. Кириенко-Волошина с сыном. Фотоснимок Франсуа де Мезера. Киев, ок. 1879 г.

*3. Волошин-студент. Фотоснимок Д. Антонопуло. Феодосия. Лето 1899 г.

*4. Волошин во время первого путешествия за границу. Берлин. Декабрь 1899 г.

*5. Волошин-студент. Москва. Весна 1901 г.

*6. Волошин со своим двоюродным братом Я. А. Глотовым. Фотоснимок Д. Антонопуло. Феодосия. Лето 1903 г.

*7. Волошин, Е. О. Кириенко-Волошина (стоит справа), П. С. Соловьева (лежит справа, со шляпой в руках). Фрагмент стереоскопической «пары»; подпись «19.УШ.1903 г. Коктебельский берег. Близ виллы „Пелеата“» (первоначальное название дома М. А. Волошина).

*8. Люксембургский парк в Париже. Фотоснимок Волошина. Весна 1905 г. Музей ПД.

*9. О. Редон. «Ангел с черными крыльями» («L'ange perolu ourrit alors des Ailes noires»). Литография. 1886 г. Висела в ателье Волошина в Париже с 1905 г.

10. М. В. Сабашникова (танцует) и А. В. Гольштейн. Фотоснимок Волошина. Париж (Булонский лес). Лето 1905 г. Музей ПД.

11. М. В. Сабашникова. Фотоснимок Волошина. Версаль. До марта 1906 г. Музей ПД.

12. Волошин. Фотоснимок Коле (Cole). Париж. Февраль 1906 г.

13. Дом Волошина в Коктебеле. Фотоснимок Волошина. Лето 1906 г. Музей ПД.

---

[1] Составил В. П. Купченко. Материалы, отмеченные «звездочкой», воспроизводятся впервые. Оригиналы иллюстраций, местонахождение которых не оговорено, — в архиве Дома-музея М. А. Волошина (Коктебель). Условные сокращения см. с. 559.

14. Волошин в ателье на ул. Булар, 35. Снимок сделан фотоаппаратом Волошина. Париж. Лето 1908 г. Музей ПД.

*15. Е. И. Дмитриева в доме Волошина в Коктебеле. Фотоснимок Волошина. Август 1909 г. Музей ПД.

16. Кафе «Бубны» (с росписями на стенах В. П. Белкина, М. А. Волошина, А. В Лентулова). Коктебель. 1912 г Собр. В. П. Купченко.

*17. Волошин и А. В. Лентулов на пляже в Коктебеле Лето 1912 г.

*18. Волошин. Коктебель. Лето 1914 г.

Между с. 320 и 321.

*19. Волошин. Берн. 15 (2) января 1915 г.

*20. Волошин. Эскиз обложки второй книги стихотворений (для издательства М. О. Цетлина «Зерна»). Собр. А. Ф. Маркова (Москва).

*21. Волошин. Вид мастерской «Дома поэта» с антресолей Темпера. Ок. 1916 г.

*22. Волошин. Эскиз титула (?) для сборника стихов «Демоны глухонемые». Бумага, тушь, акварель. 1918 г.

23. Волошин. Рисунок авантитула сборника «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919).

*24. Волошин. Горный пейзаж. Бумага, тушь, перо. Коктебель 1921 г.

25. Дом поэта на фоне Карадага (слева — Святая гора, справа — Сюрю-Кая). Коктебель. 1923 г.

26. На вечере Волошина в Литературно-художественном обществе в Ленинграде. 14 апреля 1927 г. Слева направо: сидят Э. Ф. Голлербах, А. П. Остроумова-Лебедева, М. А. Волошин, Е. И. Васильева (Дмитриева); стоят: С. Н. Жарковский (артист-декламатор), В. А. Рождественский, А. И. Шварц, Е. С. Кругликова, Е. И. Замятин.

*27. М. А. и М. С. Волошины в зимнем кабинете «Дома поэта». Коктебель. Не ранее конца 1927 г.

*28. М. А. и М. С. Волошины на наружной лестнице «Дома поэта» (фрагмент). Коктебель. Лето 1928 г.

*29. М. А. и М. С. Волошины с псом Юлахлы в саду у своего дома. Коктебель. 1927 или 1928 г.

30. М. А. и М. С. Волошины перед своим домом. Коктебель. Август 1928 г. Дарственная надпись — актеру А. В. Потоцкому.

*31. М. А. и М. С. Волошины в мастерской «Дома поэта». Фотоснимок М. А. Пазухиной. Коктебель. 1929 г.

*32. М. А. Волошин. Фотоснимок А. А. Темерина. Коктебель 1929 г.

*33. М. А. Волошин. Фотография. Коктебель. Ок. 1930 г. Собр О. К. Антонова (Киев).

34. Э. Виттиг. Бюст М. А. Волошина (1909 г.), установленный на бульваре Эксельман в Париже (как парковая скульптура, под названием «Поэт»). Фотоснимок В. К. Федоровой. 27 января 1992 г

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ
ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Стихотворения 1900—1910

I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

II. AMORI AMARA SACRUM

III. ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

IV. АЛТАРИ В ПУСТЫНЕ

КНИГА ВТОРАЯ
SELVA OSCURA
Лирика 1910—1914

I. БЛУЖДАНИЯ

II. КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА

III. ОБЛИКИ

IV. ПЛЯСКИ

V

КНИГА ТРЕТЬЯ
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Стихи о войне и революции

I. ВОЙНА

II. ПЛАМЕНА ПАРИЖА

III. ПУТИ РОССИИ

IV

V. ЛИЧИНЫ

VI. УСОБИЦА

VII. ВОЗНОШЕНИЯ

VIII

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ПУТЯМИ КАИНА

Трагедия материальной культуры

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1925—1929 годов

СТИХОТВОРЕНИЯ 1899—1931 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО

НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Людвиг Уланд

Генрих Гейне

Поль Верлен

Жозе-Мария де Эредиа

Стефан Малларме

Эмиль Верхарн

Волошин М.

В 61 Стихотворения и поэмы/Вступ. ст. А.В. Лаврова; Сост., подгот. текста В.П. Купченко и А.В. Лаврова; Примеч. В.П. Купченко. — Спб.: Пб. писатель, 1995. — 704 с., 1 л. портр., 32 л. илл. (Б-ка поэта. Большая серия).

ISBN 5-265-02809-9

Впервые за многие десятилетия творчество М.А. Волошина (1877—1932) было представлено в Малой серии «Библиотеки поэта» в 1977 г. Настоящее издание, в отличие от названного выше, включает в себя все стихотворения из прижизненно изданных сборников оригинальных произведений поэта, а также стихотворения, не вошедшие в отдельные книги и не печатавшиеся при жизни автора. Несколько стихотворений публикуется впервые. Представлены также избранные переводы Волошина из западноевропейских поэтов. Перед читателем — наиболее полное научно подготовленное издание одного из выдающихся русских поэтов начала XX в.

Максимилиан Александрович Волошин

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Художник *В. В. Еремин*

Художеств. редактор *М. Е. Новиков*

Техн. редактор *Г. В. Мисюль*

Корректор *О. Э. Карпеева*

Оригинал-макет подготовлен в издательстве
«Петербургский писатель»

ЛР № 020297 от 27.11.91. Подписано к печати 23.05.95.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38.8. Уч.-изд. л. 38.02. Тираж 5000.
Тип. зак. № 3389. С 1120.

«Петербургский писатель»
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 36/2

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.

